

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Комиссия по культуре Просвещения

Комиссия
по истории книжной культуры
и комплексному изучению книги

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Центр по изучению XVIII века

НАУЧНЫЙ И ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«НАУКА»

ACADÉMIE
DES SCIENCES DE RUSSIE

CONSEIL SCIENTIFIQUE
«HISTOIRE DE LA CULTURE MONDIALE»

Commission d'étude de la culture des Lumières

Commission
d'étude de l'histoire de la culture du livre
et d'études multidisciplinaires du livre

INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE

Centre d'étude du XVIIIe siècle

CENTRE DE RECHERCHE ET D'ÉDITION
«NAOUKA»

Le Siècle des Lumières

VI

*Qu'est-ce que les Lumières?
Nouvelles réponses
à l'ancienne question*

MOSCOU NAOUKA 2018

Век Просвещения

VI

*Что такое Просвещение?
Новые ответы
на старый вопрос*

МОСКВА НАУКА 2018

УДК 94(100)«654»

ББК 63.3(0)5

B26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Германского исторического института в Москве*

Издание основано в 2006 году

Редакционная коллегия:

*А. Алименто, Е.Э. Бабаева, В.Я. Берелович, П.Р. Заборов, А.Б. Каменский,
С.Я. Карп (ответственный редактор), Г.А. Космолинская (составитель и от-
ветственный секретарь), Н.Д. Кочеткова, Г. Маркер, С.А. Мезин, Ж.Д. Мелло,
Е.Е. Рычаловский, А.Ю. Самарин, Е.Б. Смилянская, К. Франк, А.В. Чудинов,
Е.Б. Шарнова*

Куратор тематической части

С.Я. Карп

Рецензенты:

доктор исторических наук *Б.С. Каганович*

кандидат исторических наук *Л.А. Пименова*

В оформлении переплета использован офорт Томаса Фрая
«Портрет молодого человека в тюрбане» (1760) из Музея Метрополитен в Нью-Йорке
(The Metropolitan Museum of Art. Drawings and Prints. Permanent Collection)

Век Просвещения / [Отв. ред. С.Я. Карп ; сост. Г.А. Космолинская] ; Науч.
совет «История мировой культуры» РАН ; Ин-т всеобщей истории РАН ; Науч.
и изд. центр «Наука». – М.: Наука, 2006 – . – ISSN 2308-4472.

Вып. 6 : Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. –
2018. – 455 с. – ISBN 978-5-02-040137-2 (в пер.)

В шестой выпуск сборника *Век Просвещения* вошли материалы международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос», состоявшейся в Кусково 26–28 июня 2017 г. Авторы – ученые из России, Украины, Венгрии, Франции, ФРГ, Италии, Швейцарии, США и Японии – раскрывают новые подходы к изучению Просвещения, демонстрируют возможности современных методов исследования этой эпохи. Темы их работ отличаются значительным разнообразием: общая характеристика Просвещения и его хронологические рамки; Просвещение и трансформация политического языка; практики Просвещения; секуляризация в дискурсе Просвещения; соотношение универсального содержания Просвещения и его локальных вариантов; Просвещение и Революция; «глобальное» Просвещение. В сборник включены также новые публикации источников и исследования по истории русско-западноевропейских культурных связей.

Для специалистов по изучению XVIII века, а также всех интересующихся историей культуры Просвещения.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-040137-2

© Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание (разработка, оформление), 2006 (год основания), 2018

© Космолинская Г.А., составление, 2018

© ФГУП Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Всем известен ответ на вопрос «Was ist Aufklärung?», данный Кантом в 1784 г.: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннoлетия, в котором он находится по собственной вине». Между тем, на протяжении XIX и большей части XX столетия Просвещение рассматривалось как относительно однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно увязывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта, – а затем распространилось и на так называемую «периферию» Просвещения – идеи и деятельность их последователей в Италии, Испании, Португалии, Польше, России, на Балканах... Такое восприятие было во многом связано с традиционным взглядом на Просвещение сквозь призму Французской революции. Оно родилось еще в годы самой Французской революции, нуждавшейся в идеологическом обосновании, и закрепилось в XIX в., для которого эта революция стала важнейшей точкой отсчета.

Этот подход получил новый мощный импульс в XX в., поразившем мир новыми, невиданными по масштабу революциями, диктатурами и мировыми войнами. Независимо от того, поднималось ли Просвещение на щит как «философская революция» (Эрнст Кассирер), космополитическое идейно-политическое движение, возглавлявшееся интеллектуалами-реформаторами (Франко Вентури), или же осуждалось за распространение утопической тоталитарной идеологии (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Райнхарт Козеллек), рассматривалось ли оно как набор светских, гуманистических и «либеральных» принципов (Питер Гей) или как арсенал конкретных инструментов, применявшихся для демонтажа Старого порядка и строительства нового, лучшего мира (Роберт

Дарнтон), постоянное соотнесение Просвещения с Революцией и ее последствиями неизбежно приводило к упрощению – в нем искали и находили черты, либо роднящие его с эпохой великих социальных потрясений, либо свидетельствующие о принципиальных различиях между ними. Еще в начале 1990-х годов Рудольф Фирхаус призывал к преодолению этого логического противоречия, подчеркивая, что существование неоспоримой связи между Просвещением и Революцией еще не означает, что Революция стала его порождением¹.

Так или иначе, в последней трети XX в. с развитием социальной истории, а затем «новой культурной истории» ситуация стала меняться. Все чаще Просвещение стало рассматриваться как особая культурная эпоха, как самостоятельный культурный объект, как «исторический мир», который необходимо исследовать и реконструировать. Пришло осознание реальной сложности этого мира, необходимости изучения не только его идей и ценностей, но и его языка, символов, визуальных образов и репрезентаций, религиозной жизни, его практик (воспитания и образования, путешествий, чтения, коллекционирования, форм общения и пр.), его сетевой структуры. Взгляд на Просвещение как на культурный феномен, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, обогатился за последнее десятилетие представлением о его глобальном «измерении»².

Однако появление новых подходов отнюдь не привело к устранению идеологических споров. Концептуальная схема «Просвещение – матрица модерна», получившая широкое распространение во второй половине XX в. благодаря Питеру Гею и его последователям³, продолжала активно использоваться для обоснования важности изучения Просвещения, а ее критики соответственно пытались доказать обратное. Реакцией на это положение вещей стало появление работ Джонатана Израэля: он задал

¹ *Vierhaus R.* Fortschrittsidee, Fortschrittsskepsis, Fortschrittskritik: Das Erbe der Aufklärung // Das Andere Wahrnehmen: Beiträge zur europäischen Geschichte: August Nitsche zum 65. Geburtstag gewidmet / Hrsg. von M. Kintzinger, W. Stürner und J. Zahlten. Köln; Weimar; Wien, 1991. S. 533–545. См. также английскую версию этой статьи: *Progress: Ideas, Skepticism, and Critique – The Heritage of the Enlightenment // What is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / Ed. by J. Schmidt.* Berkeley; Los Angeles; London, 1996. P. 330–341.

² *L'illuminismo: Dizionario storico / A cura di V. Ferrone e D. Roche.* Roma; Bari, 1997 (см. также переводы: *Diccionario histórico de la Ilustración / Eds. V. Ferrone y D. Roche.* Madrid, 1998; *Le monde des Lumières / Sous la dir. de V. Ferrone et D. Roche.* Paris, 1999; *Мир Просвещения: Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша.* М., 2003); *The Global Eighteenth Century / Ed. by F.A. Nussbaum.* Baltimore; London, 2005; *The Enlightenment world / Ed. by M. Fitzpatrick, P. Jones, C. Knellwolf and I. McCalman.* London; New York, 2007; *Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп.* М., 2013 (Всемирная история; Т. IV).

³ См.: *Dietle R.L., Micale M.S.* Peter Gay: A life in history // *Enlightenment, passion, modernity: Historical essays in European thought and culture / Ed. by M.S. Micale and R.L. Dietle.* Stanford, CA, 2000. P. 1–23.

ся целью защитить так называемые «идеалы Просвещения» от постмодернистской критики, а также очистить историографию Просвещения от искажений, вызванных стремлением отдельных историков всячески подчеркивать неоднородность Просвещения и многообразие или несоответствие его вариантов в различных локальных (национальных) контекстах. Для решения этой задачи он выдвинул концепцию «радикального Просвещения» – протореволюционной / революционной идеологии: она должна была закрепить представление о всемирно-исторической роли Просвещения как основы современной демократической политической культуры⁴, но подняла новую волну критики и породила ожесточенную дискуссию⁵.

Распространение различных, зачастую противоречащих друг другу интерпретаций Просвещения, разных подходов к нему, вызвало потребность в их комплексном осмыслении, а значит и в уточнении перспектив изучения самого Просвещения. Об этом говорилось и на прошедшем в 2015 г. в Роттердаме XIV Всемирном конгрессе Международного общества по изучению XVIII века, и на Global Enlightenment Conference, состоявшейся в апреле 2017 г. в Принстоне.

Эту же цель преследовали организаторы международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос», проходившей 26–28 июня 2017 г. в Москве, в музее-усадьбе Кусково⁶. В очередной, шестой выпуск сборника *Век Просвещения* вошли статьи, выросшие из прозвучавших на ней концептуальных докладов, и другие материалы, демонстрирующие возможности современных методов исследования, а также намечающие пути преодоления узконациональных и «ведомственных» границ в изучении Просвещения. Авторы тома да-

⁴ *Israel J.* Radical Enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650–1750. Oxford; New York, 2001; *Idem.* Enlightenment contested: philosophy, modernity and the emancipation of man, 1670–1752. Oxford, 2006; *Idem.* Democratic Enlightenment: philosophy, revolution and human rights, 1750–1790. New York, 2011; *Idem.* Revolution of the mind: Radical Enlightenment and the intellectual origins of modern democracy. Princeton, NJ, 2010.

⁵ Простое обращение к базе JSTOR выдает десятки критических отзывов на его концепцию. См., например, рецензию Т. Мунка и ответ Дж. Израэля: *Munck T.* The Enlightenment as modernity: Jonathan Israel's interpretation across two decades // *Reviews in History*. 2016. N 2039 (<<http://www.history.ac.uk/reviews/review/2039>>, обращение 30 марта 2018 г.). См. также *Dijn A. de.* The Politics of Enlightenment: from Peter Gay to Jonathan Israel // *The Historical Journal*. 2012. Vol. 55, N 3. P. 785–805; Les «Lumières radicales» et le politique: études critiques sur les travaux de Jonathan Israel / Sous la dir. de M. García-Alonso. Paris, 2017.

⁶ Конференция была организована Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Институтом всеобщей истории РАН, Германским историческим институтом в Москве, Институтом по изучению Возрождения, Классической эпохи и Просвещения (IRCL – UMR 5186 du CNRS / Университет им. Поля Валери – Монпелье III), Центром франко-российских исследований в Москве и Государственным музеем-усадьбой Кусково при поддержке посольств Германии и Италии в Российской Федерации.

ВВЕДЕНИЕ

леки от единомыслия, а темы их работ отличаются значительным разнообразием: общая характеристика Просвещения и его хронологические рамки; Просвещение и трансформация политического языка; практики Просвещения; секуляризация в дискурсе Просвещения; соотношение универсального содержания Просвещения и его локальных вариантов; Просвещение и Революция; «глобальное» Просвещение... Одни авторы знакомят читателей с результатами своих многолетних изысканий, другие – со своими гипотезами, которые еще предстоит проверять и доказывать, но в любом случае мы надеемся, что том дает адекватное представление об актуальной проблематике исследований в нашей области.

С.Я. Карп

ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ? ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ

FRANCK SALAÜN

TEMPS FORT ET PROCESSUS: DEUX APPROCHES DES LUMIÈRES

La délimitation chronologique des Lumières pose divers problèmes qui affectent le monde de la recherche et le grand public. Alors que les ouvrages comportant dans leur titre le terme «Lumières» ou ses équivalents dans différentes langues ne cessent de se multiplier, la communauté scientifique peine à définir ce phénomène, qu'elle présente pourtant comme fondamental. Que les interprétations divergent n'a rien d'étonnant, par contre, le fait que la période considérée aille d'une quarantaine d'années à près de deux siècles mérite d'être interrogé. À certains égards, la situation actuelle donne le sentiment d'une fuite en avant dans laquelle les données spatio-temporelles précèdent la définition de l'objet. Pourtant cet objet est bel et bien présupposé, et dès lors l'analogie l'emporte sur la description des faits.

I. CACOPHONIE CHEZ LES HISTORIENS

Il y a vingt ans, Robert Darnton faisait déjà le constat suivant: la tendance «inflationniste» de notre époque «affecte notre compréhension du mouvement qui est au principe de la culture politique moderne, à savoir les Lumières, parce que lui aussi a été exagéré dans de telles proportions que même ses auteurs ne le reconnaîtraient pas. <...> Quiconque a un compte à régler ou une cause à défendre en revient aux Lumières»¹ Selon lui, la communauté

© Franck Salaün, 2018.

¹ *Darnton R.* George Washington's False Teeth // *The New York Review of Books*. 27 March 1997: «The general puffery has affected our understanding of the movement at the beginning of modern political culture, the eighteenth-century Enlightenment, because it, too, has been blown up to such a size that it would not be recognized by the men who first created it. <...> Whoever has a bone to pick or a cause to defend begins with the Enlightenment». Je cite

savante aurait largement contribué à la «confusion» ambiante. Il poursuivait en énumérant certains des sujets abordés lors des derniers Congrès de la Société Internationale d'étude du XVIIIe siècle: «les Lumières russes, <...> roumaines, <...> brésiliennes, les Lumières sous Joseph II, les Lumières piétistes, les Lumières juives, les Lumières musicales, les Lumières religieuses, les Lumières radicales, les Lumières conservatrices et les Lumières confucéennes»²; avant de conclure son préambule par cette formule ironique: «On trouve aujourd'hui les Lumières partout, et par conséquent nulle part»³.

Depuis, cette tendance s'est encore accentuée, aussi bien dans le domaine de l'édition que du côté de la recherche où, entre autres facteurs, l'opposition entre histoire des idées et histoire culturelle conduit à des descriptions contradictoires. Concomitamment, les enjeux nationaux sont devenus plus manifestes, ce dont témoigne, parmi d'autres, l'ouvrage de Roy Porter intitulé *Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World*, paru en 2000, qui entend replacer la Grande-Bretagne au premier plan.

Cet éclatement est bien sûr renforcé par le rejet de tout ce qui pourrait s'apparenter à la domination culturelle d'un centre sur sa périphérie ou ses satellites. On a tôt fait de considérer que l'attention portée sur le centre entraîne mécaniquement, ou pour des raisons idéologiques, une minoration de l'importance de la vie intellectuelle dans d'autres sociétés, et, partant, d'exiger réparation, c'est-à-dire une réévaluation à la baisse du rôle du prétendu centre, et une revalorisation des cultures dominées. Ce schéma s'avère particulièrement réducteur s'agissant des Lumières en tant que telles, car le rapport centre/périphérie, ou métropole/colonies, n'est pas adéquat dans la mesure où elles ne constituaient pas en leur temps une idéologie unifiée et encore moins la culture dominante. Dès lors, s'il faut se réjouir de la réévaluation des courants intellectuels et culturels actifs aux Pays-Bas et dans d'autres pays, on peut s'interroger sur l'utilité de définir toutes ces situations comme autant de Lumières originales, voire comme les *véritables* Lumières que l'historiographie aurait involontairement ou délibérément passées sous silence.

Mais si dans le cas des Lumières le schéma centre/périphérie est inadapté, c'est surtout parce que l'on a affaire à un ensemble complexe de relations incluant la circulation d'individus et de textes, notamment de périodiques, et un réseau international d'hommes de lettres, d'ambassadeurs, d'intermédiaires culturels, etc. Tout comme il faut tenir compte du fait que le concept de Lumières correspond à une configuration singulière, il est

plus haut la traduction française parue sous le titre «Le dentier de George Washington», dans *Darnton R. Pour les Lumières. Défense, illustration, méthode / Textes traduits par J.-F. Bouillon. Bordeaux, 2002. P. 9.*

² Ibid. P. 9–10.

³ Ibid. P. 10 (le texte original est: «The Enlightenment is beginning to be everything, and therefore nothing»).

illusoire d'appliquer aux Lumières les principes de la critique postcoloniale. Pour prendre une comparaison, s'il est vrai qu'Érasme est né aux Pays-Bas et que Pierre Bayle y a vécu, définir la République des Lettres comme une communauté néerlandaise imposant sa domination à une certaine élite à travers l'Europe serait absurde. De même, bien que le mouvement des Lumières soit étroitement lié à Paris, aux encyclopédistes et à la langue française, il s'agit d'un mouvement international dont les caractéristiques – notamment le comparatisme, l'affirmation d'un projet d'accroissement des connaissances et d'élargissement du public éclairé – ne peuvent être réduites à des considérations nationales.

Cette cacophonie pourrait inciter les chercheurs à renoncer à un concept jugé trop vague. Cela donnerait raison à Pierre Rétat, grand connaisseur de l'œuvre de Bayle et de la presse d'Ancien Régime, lequel, dans un texte publié il y a quelques années par Sergueï Karp, justifiait sa réticence à l'égard du terme «Lumières» par la tendance à faire «fumer [une] essence vague et noble»⁴. *A contrario*, on peut tenter de dégager de ces tendances contradictoires des enseignements concernant l'objet en question, les choix méthodologiques des uns et des autres, et les enjeux de cette périodisation.

II. LA PÉRIODE

Quand faut-il situer les Lumières?

Pour les uns, le phénomène en question, envisagé dans un cadre national ou international, correspond aux décennies précédant la Révolution française, donc, *grosso modo*, aux années 1740–1789. La période 1750–1780 serait sans doute plus appropriée, car c'est l'époque de la préparation et de la publication progressive de l'*Encyclopédie*, commentée dans toute l'Europe, de la multiplication des périodiques européens, d'importants transferts culturels, notamment entre la France et la Russie, de la préparation, sur la base d'une vaste documentation, fournie notamment par des correspondants locaux, de l'*Histoire des deux Indes* (trois éditions verront le jour entre 1770 et 1780), d'un riche brassage d'ouvrages et de pratiques en Europe et dans les colonies, etc.

Pour d'autres, les Lumières sont synonymes de XVIIIe siècle, siècle que l'on fait débiter, selon les cas, vers 1680 ou à la mort de Louis XIV en 1715, et dont on fait souvent coïncider la fin avec la Révolution française. La période retenue est souvent 1715–1789. Ces bornes chronologiques sont celles qu'adoptent certaines synthèses historiques et de nombreux manuels scolaires, qui se règlent sur les règnes et les changements de régime.

Pour un dernier groupe, il faut encore élargir la période et distinguer entre «Lumières précoces» (*early Enlightenment*), mitan ou paroxysme des Lumières (*High Enlightenment*), et Lumières tardives (*late Enlightenment*), soit près d'un siècle et demi, voire deux siècles quand les Lumières précoces sont vraiment très précoces et que la Révolution et l'Empire sont englobés dans la période considérée.

⁴ Rétat P. Confessions d'un dix-huitiémiste // Être dix-huitiémiste / Témoignages recueillis par S. Karp. Ferney-Voltaire, 2003. P. 152.

En parlant de Lumières précoces, on voulait sans doute éviter la notion de précurseur qui avait fait l'objet de critiques, et les constructions avec le préfixe *pré-* qui avaient donné *préromantisme*, désormais rejeté. La catégorie des *pré-Lumières* présente, il est vrai, l'inconvénient de situer les précurseurs en dehors du mouvement. La solution adoptée, qui consiste à englober ce qui précède dans le mouvement étudié ou à situer ce phénomène plus tôt présente d'autres inconvénients, le principal étant d'atténuer ou de nier l'originalité des événements qu'il s'agissait initialement de décrire. Dès lors, ceux qui pendant longtemps avaient été plutôt considérés comme des sources, en particulier Locke, Bayle et Spinoza, auxquels il faut ajouter Toland et d'autres, y compris des textes anonymes de première importance, se voient attribuer le statut de véritables fondateurs du mouvement qui s'est ainsi étendu en amont.

Le cas des promoteurs de la notion ambiguë de «Lumières radicales» (*radical Enlightenment*) est encore différent. Les recherches de Margaret Jacob sur la franc-maçonnerie ont fait date⁵, mais cela ne valide pas pour autant la périodisation et les concepts qu'elle adopte, en particulier celui de «Lumières radicales». De son côté, Jonathan Israel, qui situe le phénomène fondamental et fondateur entre 1650 et 1740, le nomme lui aussi «Lumières radicales», mais dans un sens différent de celui de M. Jacob et que cette dernière désapprouve. Il emploie néanmoins le terme «Lumières» pour décrire les périodes suivantes, appliquant dans ses derniers travaux l'opposition entre «Lumières radicales» et «Lumières modérées» à une période de plus en plus longue, et ajoutant à sa terminologie l'expression «Lumières démocratiques»⁶. On rencontre même, par exemple chez Martin Mulso à propos de la vie intellectuelle en Allemagne entre 1680 et 1720, l'expression «Lumières précoces radicales»⁷, qui pourrait faire l'effet d'un pléonasse.

C'est dire que la notion de «Lumières radicales» accentue le problème posé par l'extension en amont déjà opérée par celle de «Lumières précoces», dont les bornes chronologiques varient elles-mêmes d'une quarantaine d'années (1680–1720) à un siècle (1650–1750), en fonction aussi de l'espace socio-politique étudié⁸. En apparence, l'expression se détache de la référence chronologique initiale pour privilégier une caractérisation fondée sur le degré de radicalité, cependant, si l'on analyse les raisonnements inconciliables qui ont mené à ces redéfinitions, on constate qu'ils sont polémiques. Dans un texte récent, Margaret Jacob explique que ce qui l'a amenée, dès 1981, à situer le début des Lumières à la fin du XVIIe siècle aux Pays-Bas et à adopter

⁵ *Jacob M.C.* The Radical Enlightenment: Pantheists, Freemasons and Republicans. Londres, 1981.

⁶ *Israel J.* Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights, 1750–1790. Oxford, 2011.

⁷ *Mulso M.* Moderne aus dem Untergrund: Radikale Frühaufklärung in Deutschland 1680–1720. Hamburg, 2002.

⁸ Voir notamment: The Early Enlightenment in the Dutch Republic, 1650–1750: Selected Papers of a Conference held at the Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel, 22–23 March 2001 / Ed. by W. van Bunge. Leiden; Boston, 2003.

l'expression «Lumières radicales» est un constat: selon elle, entre 1680 et 1720, il existait à l'intérieur de la «République des Lettres un ensemble d'idées, d'attitudes et de textes qui étaient à tous égards *aussi radicaux que ceux que nous associons aux Lumières de la seconde partie du XVIIIe siècle*»⁹. Dans sa perspective, cette remontée vers le XVIIe siècle ne remet cependant pas en question l'existence des Lumières au-delà de 1720.

Les motifs de cette décision lourde de conséquences confirment que l'expression «Lumières radicales», qui fait débat depuis le départ, suppose la période de référence dont elle conteste la nouveauté et lui emprunte ses traits distinctifs, et l'on peut s'interroger sur le bien-fondé de cette réorganisation conceptuelle. Ne risque-t-on pas, en appliquant un concept construit en fonction d'un moment historique déterminé à une période antérieure, de projeter sur la plus ancienne des présupposés, voire des interprétations datées, comme le radicalisme, correspondant en réalité à la plus récente? Le risque d'anachronisme et d'amalgame est réel. Quoi qu'il en soit, cela confirme le rapport existant entre périodisation et interprétation.

De son côté, à la façon de Leo Strauss à propos des théories du droit naturel, Jonathan Israel inverse le rapport chronologique et estime que les *véritables* Lumières, les «Lumières radicales», ont eu lieu avant le milieu du XVIIIe siècle, et même que leur temps fort se situe au XVIIe siècle, le phénomène s'affaiblissant ensuite. De plus, il semble considérer que ce temps fort a rendu visible un processus irrésistible, qu'il désigne par le même terme (*Enlightenment*), ce qui présuppose une interprétation globale du sens de l'histoire, et rappelle cette fois davantage les thèses de Hegel et de Fukuyama.

Ce qui est problématique du point de vue de la périodisation, ce n'est donc pas tant le qualificatif «radicales», qui pose lui aussi des problèmes, que le choix du terme «Lumières» pour former les syntagmes «Lumières radicales», «Lumières modérées», etc. Le terme «radical» engendre une caractérisation imprécise. En effet, contrairement aux termes matérialiste ou moniste, par exemple, qui désignent des thèses philosophiques précises, définir une position par sa radicalité, laquelle est relative et dépend du terme de comparaison, oblige à rappeler à chaque fois les thèses en présence. En outre, un même penseur peut défendre des thèses radicales sur un plan, et des thèses modérées sur un autre. C'est le cas de La Mettrie, dont les thèses matérialistes scandalisent les contemporains et qui vit sous la protection de Frédéric II. Par ailleurs, il va de soi que sur le plan politique les thèses radicales ne sont pas nécessairement progressistes. Pourtant, c'est bien l'emploi du terme «Lumières», appliqué à une autre période que celle qu'il était censé désigner et en fonction de laquelle il a été pensé, qui est le plus problématique, et pas uniquement parce qu'il produit un anachronisme. Ce transfert a en

⁹ *Jacob M.C. How Radical was the Enlightenment? What do we mean by Radical? // Diametros. 2014. N 40. P. 99–114, ici p. 99 («within the republic of letters a set of ideas, attitudes, and texts that were by any standard as radical as those we associate with the High Enlightenment»).* Je traduis et je souligne.

effet l'inconvénient de minorer, voire de nier l'originalité de l'époque de l'*Encyclopédie*, la dimension européenne de la langue française, les réseaux internationaux, le rôle des périodiques, de la lecture, des salons, mais aussi de divers intermédiaires culturels, marchands, libraires, ambassadeurs, hommes de lettres, savants, artistes, comédiens, etc.

Derrière ces tendances contradictoires de l'historiographie, on peut repérer plusieurs problèmes fondamentaux concernant l'objet lui-même et la façon d'en rendre compte: Quelle réalité passée veut-on désigner et décrire? Quelle méthode considère-t-on comme la mieux adaptée pour parler de ce passé? Sur quelles conceptions de l'histoire les méthodes en concurrence reposent-elles? Si l'on admet que, malgré les différences constatées entre les différentes aires culturelles, les Lumières correspondent à un phénomène transnational, on peut l'envisager comme un processus inscrit dans le temps long ou comme une accélération, un temps fort à l'intérieur de ce même processus. Mais ne faudrait-il pas nommer différemment ces deux ordres de faits?

III. TEMPS FORT

S'est-il passé quelque chose de particulier durant les trente ou quarante années précédant la Révolution française? L'histoire des termes permet d'observer une évolution sémantique intéressante. Au pluriel, le mot «lumières» désigne généralement, au début du XVIIIe siècle, les connaissances, mais de plus en plus fréquemment au fil des années celles-ci sont associées à la philosophie, on parle des «lumières de la philosophie», ou encore du «flambeau de la philosophie». Ainsi se forme un réseau de mots fortement connotés d'où ressort le rôle positif de l'esprit philosophique. Dans l'article anonyme [Ménuret] «Observation» de l'*Encyclopédie*, on rencontre même la forme: «les lumières de notre siècle éclairé»¹⁰. La place faite aux savoirs permet en outre de comparer les sociétés à travers le temps et de rendre hommage aux philosophes, législateurs, médecins qui ont en quelque sorte devancé leur époque et méritent d'être considérés comme des individus éclairés. Cela peut même s'étendre à certains siècles. Mais les encyclopédistes estiment que leur époque est celle de la propagation militante des connaissances et de l'esprit critique.

Dans les textes de la seconde partie du XVIIIe siècle, ceux que l'historiographie identifiera ensuite aux Lumières sont alors nommés «les philosophes» ou les «encyclopédistes», ce dont témoignent aussi les usages anglais et allemand, en particulier à travers les expressions *the Philosophes*, *Enzyklopädisten* et *französische Aufklärer*¹¹. L'expression *les Lumières* n'est pas employée dans l'acception actuelle avant la fin du XVIIIe siècle. La première occurrence connue se trouve dans une note de Karl Friedrich Reinhard concernant la traduction du mot *Aufklärung*, parue dans la *Gazette*

¹⁰ ENC. 1765. T. XI. P. 316.

¹¹ *Schlobach J. Philosophe // Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon. Paris, 1997.*

nationale, ou *Le Moniteur universel* du 8 janvier 1792¹². Tout semble indiquer que l'expression s'est imposée lentement en français au cours des XIXe et XXe siècles, d'abord dans les ouvrages de philosophie, par contamination à partir de l'allemand, puis chez les historiens. Les termes *Enlightenment* et *Illuminismo*, adoptés en anglais et en italien pour traduire *Aufklärung*, ont connu des parcours analogues au XIXe siècle¹³.

Cette genèse et les ambiguïtés qui en découlent invitent à la prudence, mais il n'en demeure pas moins que les encyclopédistes ont incarné une revendication, celle du droit pour les individus de s'instruire et de communiquer leurs pensées, que l'expression *les Lumières* a ensuite permis de nommer. Cette ouverture supposait la conscience d'appartenir à une époque propice à une plus grande circulation des savoirs, un «siècle philosophe»¹⁴. De fait, d'après les acteurs et les observateurs quelque chose de nouveau est en train de se produire en Europe autour de 1750. L'*Encyclopédie* est indéniablement l'œuvre la plus représentative de ce climat intellectuel. Son objectif est non seulement de fournir un état «raisonné» des connaissances actuelles, mais aussi de «changer la façon commune de penser»¹⁵. En outre, les réactions positives et négatives suscitées par cet ouvrage confirment le rôle croissant joué par l'opinion publique, une opinion, en l'occurrence, qui dépasse les frontières nationales et s'affirme comme une force.

Il faut aussi tenir compte des représentations diffusées par les adversaires des Lumières, que Zeev Sternhell nomme les Anti-Lumières¹⁶. Bien que cela ne soit pas son objet, il est obligé d'adopter une certaine définition des Lumières qu'il emprunte à la tradition dont il hérite, mais les nombreux exemples qu'il étudie montrent que les intéressés se sont construit une cible, et que pour eux il y a eu un complot contre la monarchie, la religion chrétienne et finalement contre l'ordre et une vérité sacrée à leurs yeux: l'inégalité, principe de toute société. Pour Charles Maurras, par exemple, tous les problèmes de la société viennent en dernière analyse de la Révolution française qui a voulu appliquer les idées des Lumières, en particulier celles de Rousseau. Dans les dernières années du XVIIIe siècle, l'abbé Barruel, dans ses *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme*, avait déjà dénoncé un complot mené, selon lui, par Voltaire, D'Alembert, Frédéric II et Diderot. Barruel ne faisait en réalité que radicaliser les arguments des apologistes dans les années

¹² Reinhard K.F. Remarque qui n'est point grammaticale sur un mot allemand // *Gazette nationale, ou le Moniteur universel*. 1792. 8 janvier.

¹³ Voir notamment Rosso C. Inventing «illuminismo» (and «enlightenment»): the emergence of a word and of a concept // *Historiographie et usages des Lumières* / Éd. par G. Ricuperati. Berlin, 2002. P. 123–132; Clark J.C. *The Enlightenment: catégories, traductions, et objets sociaux* // *Lumières*. 2011. N 17–18. P. 19–39.

¹⁴ [Diderot D.] *Encyclopédie* // ENC. 1755. T. V. P. 644.

¹⁵ Ibid. P. 642.

¹⁶ Sternhell Z. *Les Anti-Lumières. Une tradition du XVIIIe siècle à la guerre froide* / Éd. revue et augmentée. Paris, 2010.

1750–1770, et situait, à leur exemple, le phénomène dans la seconde partie du siècle¹⁷.

Le fait que l'expression «Les Lumières» ne soit apparue qu'à la fin du XVIIIe siècle ne signifie pas que le concept n'existait pas. D'ailleurs d'autres termes (ou ces mêmes termes employés différemment) s'en approchaient. Il est intéressant de noter que dans sa célèbre réponse, Kant présuppose les deux acceptions du terme *Aufklärung*. Il demande d'une part, sommes-nous éclairés?, donc au moment où il écrit, et, d'autre part, comment situer la possibilité de s'éclairer dans l'Histoire? Attentif à l'actualité philosophique, scientifique et politique européenne – il possédait notamment une traduction du *Discours préliminaire* de l'*Encyclopédie*¹⁸, – il semble avoir tenu compte du débat sur le rôle social de la philosophie, et sur la liberté de pensée. L'allusion dans son texte à *L'Homme plus que machine* lui permet tout à la fois de faire allusion aux thèses matérialistes, à l'intérêt de Frédéric II pour les débats philosophiques, à une rumeur qui avait un temps attribué ce texte au protecteur de La Mettrie, et de souligner une contradiction: comment peut-on se dire de son temps, philosophe, au sens de l'époque, prétendument d'accord avec l'éthique de la République des Lettres, et refuser la libre expression des idées dans le cadre d'un usage public de la raison?

Le positionnement de Frédéric II par rapport à la République des Lettres corrobore la thèse d'un tournant, défendue par les spécialistes de cette communauté à la fois réelle et virtuelle. Selon Hans Bots et Françoise Waquet, la République des Lettres aurait connu son âge d'or dans la seconde partie du XVIe et au XVIIe siècle, avant de s'affaiblir jusqu'en 1750 environ¹⁹. Cependant, l'expression et la référence culturelle restent très présentes, et l'on peut penser que les Lumières, tout en reprenant les principes, ce que montre bien l'article «Encyclopédie» par exemple, changent la donne.

L'apparition du phénomène des Lumières dans l'espace public peut être située en 1750–1751, années durant lesquelles paraissent le *Prospectus* présentant l'*Encyclopédie*, et le *Discours préliminaire* de l'*Encyclopédie*. La lettre de Voltaire au prince Golitsyn du 14 août 1767 en fait le constat:

Je vois avec plaisir qu'il se forme dans l'Europe une république immense d'esprits cultivés. La lumière se communique de tous les côtes. <...> Il s'est fait *depuis environ quinze ans* une révolution dans les esprits qui fera une grande époque²⁰.

On peut y voir un écho et une confirmation de la justesse des intuitions et des initiatives de Diderot et D'Alembert à l'époque du lancement du projet

¹⁷ Barruel A. Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme. Londres: De L'Imprimerie Françoise, chez Ph. Le Boussonnier & Co, 1797. T. I. P. 1.

¹⁸ D'Alembert. Abhandlung von dem Ursprung, Fortgang und Verbindung der Künste und Wissenschaften. Aus dem französischen des *Discours préliminaires der Encyclopédie ubersezt*. Zurich: Orell, Gessner & Cie, 1761. Voir Ferrari J. Les Sources françaises de la philosophie de Kant. Paris, 1979. P. 308.

¹⁹ Bots H., Waquet F. La République des Lettres. Paris; Bruxelles, 1997. P. 34–54.

²⁰ Voltaire au prince Dmitri Mikhaïlovitch Golitsyn, 14 août 1767 [D 14363]. Je souligne.

encyclopédique. Entretemps, dans son *Essai sur les éléments de philosophie*, publié en 1759, D'Alembert avait réaffirmé cette conviction dans des termes particulièrement nets:

Pour peu qu'on considère avec des yeux attentifs le milieu du siècle où nous vivons <...>; on aperçoit sans peine qu'il s'est fait à plusieurs égards un changement bien remarquable dans nos idées; changement qui par sa rapidité semble nous en promettre un plus grand encore²¹.

Ceux qui contestent la supériorité ou la légitimité des encyclopédistes et s'opposent à la nouvelle philosophie démontrent à leur façon qu'une évolution est en cours. Vers la fin de l'année 1788, à la suite de l'annonce par le roi, le 2 août 1788, de la convocation des états généraux, Malesherbes, qui a été directeur de la Librairie de décembre 1750 à 1763, est invité à écrire une sorte de rapport sur la réglementation française, qui deviendra le *Mémoire sur la liberté de la presse*. Dans une note, il croit nécessaire de préciser: «J'ai évité de prononcer le mot *philosophie*, parce que l'âcreté des disputes élevées depuis quarante ans n'a pas laissé à ce mot de signification certaine. Suivant les uns, toute grande idée, toute vérité nouvelle est regardée comme appartenant[e] à la *philosophie*. Suivant d'autres, *philosophie* est devenue synonyme d'impiété»²².

IV. PROCESSUS

Les conseils adressés par Malesherbes à Louis XVI à la veille de la Révolution montrent qu'il considérait que la période écoulée, il remonte aux années 1750, avait été une période singulière, marquée par la montée en puissance de l'opinion et la mise en évidence de l'obsolescence de la monarchie. Mais, anticipant sur l'hypothèse d'une reprise en mains, Malesherbes inscrit ce temps fort dans une évolution fondamentale, un processus puissant et inexorable, qui pourrait certainement être freiné, suspendu, voire ramené à un état antérieur, mais provisoirement seulement²³.

Ira O. Wade, qui fut pionnier dans l'étude des manuscrits clandestins, ne voyait pas dans ces textes, souvent radicaux sur certains plans, ni dans les philosophies du XVIIe siècle le temps des Lumières, mais plutôt, envisagés dans une évolution plus longue allant du XVIe au début du XVIIIe, les sources intellectuelles de «l'esprit philosophique» et des Lumières. S'il fait un usage assez peu rigoureux du terme et admet, dans *The Intellectual Origins of the French Enlightenment*, qu'il est possible de repérer des «Lumières» à différents moments dans l'histoire avant le XVIIIe siècle, il semble néanmoins

²¹ *D'Alembert. Éléments de philosophie // D'Alembert. Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie.* Amsterdam: Z. Chatelain et fils, 1759. T. IV. P. 3.

²² *Malesherbes C.-G. de Lamoignon de. Mémoires sur la librairie: Mémoire sur la liberté de la presse / Présentation de R. Chartier.* Paris, 1994. P. 291.

²³ *Idem. Mémoire sur la nécessité de diminuer les dépenses (1787) // Malesherbes à Louis XVI, ou les avertissements de Cassandre / Éd. établie, présentée et annotée par V. André.* Paris, 2010. P. 75.

y voir des signes avant-coureurs ou des étapes, et c'est bien par analogie qu'il parle des «Lumières de la Renaissance»²⁴.

En définitive, la meilleure façon de tenir compte de ces deux perspectives (processus et temps fort) est probablement de préciser le temps fort (les Lumières) avant d'interroger le processus d'éclairement. Or, plus on fait remonter le début du phénomène dans le temps, plus il faut faire remonter le processus lui-même. Où s'arrêter? *A contrario*, en se limitant à quelques décennies, il est encore possible de considérer le temps fort comme celui des Lumières au sens strict, et la période qui précède comme le processus qui les a rendues possibles, c'est-à-dire les Lumières au sens large. Par contre, si la période couvre un siècle ou davantage, on ne peut plus vraiment parler de temps fort – peut-être de phase? –, et le processus correspond cette fois à l'évolution générale des sociétés. On passe alors du côté des évolutions pluriséculaires, avec le risque de réintroduire le finalisme et d'ouvrir la boîte de Pandore des philosophies de l'histoire.

Norbert Elias et Fernand Braudel ont, chacun à leur façon, tenté de rendre compte de processus pluriséculaires, le premier dans *Sur le processus de civilisation*²⁵, le second dans *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*²⁶. On peut penser aussi au projet de Charles Taylor dans *Les Sources du moi*²⁷. Mais ces différentes thèses englobantes, divergentes, voire contradictoires, ne peuvent pas être désignées par un seul et même terme. De surcroît, y compris dans ces différents schémas, le moment «Lumières», qui allie critique des autorités et matérialisation du réel²⁸, devrait être décrit en tant que tel avant d'être interprété dans un sens ou dans l'autre.

Франк Салан

Процесс и его кульминационный момент: два подхода к Просвещению

Определение хронологических рамок эпохи Просвещения ставит ряд вопросов, интересующих и специалистов, и широкую публику. Для одних ученых этот феномен, рассматриваемый в национальных или международных рамках, исчерпывается десятилетиями, предшествовавшими

²⁴ Wade I.O. The Intellectual Origins of the French Enlightenment. Princeton, 1971. Seconde partie. P. 59–128.

²⁵ Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation: soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Basel, 1937.

²⁶ Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme. Paris, 1979. 3 vols.

²⁷ Taylor C. Les Sources du moi: La formation de l'identité moderne / Trad. de l'anglais par C. Melançon. Paris, 1998 (éd. originale: Cambridge, 1989).

²⁸ Sur ce point, voir Salaün F. L'Ordre des mœurs: Essai sur la place du matérialisme dans la société française du XVIIIe siècle. Paris, 1996. P. 39–126 (2e édition: L'Affreuse doctrine: Matérialisme et crise de mœurs au temps de Diderot. Paris, 2014. P. 43–131).

Французской революции. Для других эпоха Просвещения – синоним всего XVIII века. Есть и те, кто хотел бы еще больше расширить ее границы, различая раннее Просвещение (*Lumières précoces, early Enlightenment, Frühaufklärung*), зрелое Просвещение и позднее Просвещение (*Lumières tardives, late Enlightenment, Spätaufklärung*), распространив ее таким образом на полтора столетия. Подобная разноголосица может побудить исследователей вообще отказаться от этого понятия, как слишком расплывчатого.

Можно взглянуть на проблему иначе, признав, что за понятием Просвещения стоит важнейший исторический феномен, имевший международный характер. Феномен этот можно рассматривать либо как процесс, растянувшийся надолго, либо как кульминационный момент нарастания определенных тенденций, т.е. определенный отрезок времени внутри более длительного процесса. Объясняется ли это различие в оценках разными методологическими принципами? Или, скорее, его нужно объяснять различием перспектив, заданных национальными подходами, например – исходными представлениями, согласно которым существовало Просвещение шотландское, нидерландское, греческое, швейцарское? В статье обсуждаются причины этих разграничений, их предпосылок и следствий.

ESZTER KOVÁCS

ENTRE MÉTAPHORE ET CONCEPT:
L'ÉMERGENCE DES *LUMIÈRES* POUR LES LUMIÈRES

Il serait pratiquement impossible de donner une réponse ayant la valeur de certitude à la question qui nous a réunit lors du colloque en 2017 et nous a fait réfléchir davantage depuis, à savoir «Qu'est-ce que les Lumières?». Toute tentative de répondre définitivement pourrait d'ailleurs sembler de la vanité, voire de la suffisance. Je ne tenterai donc dans mon article que d'y apporter quelques éléments. L'idée que les Lumières ne sont pas seulement une période ou un mouvement historique mais aussi un concept contemporain s'est déjà répandue: la recherche de la vérité et du savoir paraît être consubstantielle à la pensée humaine.

La recherche tente de temps en temps de définir et redéfinir, limiter ou délimiter, confirmer ou réaffirmer son objet. Il s'agit d'une démarche autoréflexive: en considérant l'objet de ses études, on se pose la question du sens ou de l'utilité de ce travail. Qu'est-ce que les Lumières et pourquoi étudie-t-on ce mouvement, ce phénomène, ce processus historique? Les cadres temporels du domaine étudié restent flexibles: on a vu ainsi naître le long XVIIe et le long XVIIIe siècle, la problématique appartenant à la fois aux dix-septiémistes et aux dix-huitiémistes. On a étudié les antécédents, d'où l'apparition et la multiplication des termes et expressions comme *Frühaufklärung*, *Early Enlightenment*, «à l'orée des Lumières», «l'émergence des Lumières», «les lumières avant les Lumières». On évoque beaucoup plus rarement la «fin des Lumières», cela nous paraîtrait contradictoire: les spécialistes sont unanimement d'accord pour reconnaître la postérité des Lumières sur le plan de l'éthique ou de la pensée politique jusqu'à l'heure actuelle.

Avant d'être couramment utilisés pour désigner un mouvement, une période ou un concept historique, les termes associés à la lumière étaient une métaphore, ce qui mérite d'être examiné plus en détail. Le signifiant provient du mot *lumière* ou *clarté*, avec des variantes dans les différentes langues européennes: à côté de l'exemple bien connu de l'allemand *Aufklärung* et *Aufgeklärtheit* (dans lesquels le radical est *claritas*), le terme hongrois *Felvilágosodás* comporte également l'élément lexical «clair» et «clarté» (*világos, világosság*), distinct du mot qui signifie la lumière en tant que phénomène physique (*fény*). Il est intéressant de noter que le radical (*világ*) veut dire également le monde, l'univers en hongrois. En dépit des différences étymologiques dans les langues européennes, le concept a une origine commune: les mots *lumière/clarté*, étant polysémiques, désignant au sens propre le phénomène physique et, au sens figuré, la lumière de la raison, la clarté de l'esprit etc., ont commencé – par une néosémie – à désigner un mouvement historique plus ou moins clairement défini. La métaphorisation et la conceptualisation se passent en deux temps distincts: d'abord, les lexèmes *lumière/clarté* signifient l'entendement, le savoir, les connaissances, la faculté de comprendre et de connaître. Cette première métaphorisation est très ancienne, il est possible d'en trouver de nombreux exemples chez les Anciens. La deuxième étape, lors de laquelle on commence à employer le terme pour désigner une époque, un siècle, une tendance, un mouvement, est plus récente. La deuxième phase – en partie historiographique – est postérieure à la période qui m'intéressera dans la suite.

La recherche linguistique sur la métaphore est devenue tellement complexe de nos jours qu'il serait impossible d'en dresser un bilan dans un article d'histoire des idées. Un ouvrage séminal dans ce domaine est le livre *Metaphors we live by*, par George Lakoff et Mark Johnson. La linguistique cognitive cherche à comprendre la métaphorisation en tant qu'un phénomène mental de base. La vue, la perception visuelle veulent dire l'entendement, la compréhension dans toute une famille de mots employés au sens métaphorique: comprendre, c'est voir et les idées sont sources de lumière¹. Qui plus est, la métaphorisation elle-même est une sorte d'éclaircissement, ainsi l'emploi du verbe *to highlight* a une signification particulière dans cette théorie. Une métaphore ne sert pas seulement à désigner une chose ou à exprimer une idée mais aussi à l'éclairer, à la rendre claire, à en faire un nouvel élément du savoir. Il n'est pas donc anodin qu'une métaphore aussi opératoire que la lumière, susceptible d'une nouvelle métaphorisation reste une particularité du lexique de notre domaine.

Quant au concept historique, s'agit-il de la même métaphore née de manière plus ou moins indépendante en plusieurs langues ou plutôt de la traduction d'une métaphore en d'autres langues? John Lough a observé, dans un article aussi intéressant qu'original, la diffusion du terme *Enlightenment*: à l'origine

¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London, 2003 (1ère éd. 1980). P. 48–49.

une traduction du mot allemand *Aufklärung*, il remplacera progressivement le syntagme plus classique *the Age of Reason*. Son questionnement, d'abord linguistique, concernera ensuite l'histoire des idées: que trouve-t-on derrière les appellations? Ces termes sont-ils riches ou, au contraire, vides de sens? L'article de John Lough, bien qu'il se veuille une synthèse critique, ne manque pas de subtilité langagière: l'auteur remarque, entre autre, que l'on n'utilise jamais *English Enlightenment* (le mot *English* n'étant pas nécessaire) mais on a introduit *Scottish Enlightenment* dans la recherche dans les années 1960. Le syntagme *französische Aufklärung* s'est également répandu alors que *Aufklärung* et *Lumières* sont considérées par certains chercheurs comme deux mouvements distincts². On pourrait hasarder que John Lough se moque de l'approche et de la langue utilisées par ses collègues mais l'enjeu est différent: il s'agit d'avertir tout un métier des pièges de son propre discours.

L'ÉVOLUTION DE LA MÉTAPHORE: LE CONCEPT NAISSANT

Roland Mortier a examiné l'histoire de cette métaphore dans un article sans conteste fondateur³. Il démontre de manière persuasive que la métaphorisation du terme *lumière(s)* précède le mouvement, du moins en France, alors que la conceptualisation est liée à son épanouissement et à sa postérité. Il existe aussi une thèse écrite en allemand, soutenue dans les années 1990, entièrement consacrée à l'étude de ce sujet⁴. Récemment, Céline Spector a reconsidéré ce processus complexe dont elle souligne une phase déterminante comme «l'invention des Lumières en tant que catégorie réflexive»: dans ce sens, l'image aura une nouvelle acception philosophique et historique qui se propagera en Europe⁵.

Les humanités en Europe Centrale et en Europe de l'Est ont réagi à cette réévaluation de la problématique avec un certain retard. En 2015, lors du colloque intitulé les «Antécédents des Lumières en Hongrie et en Transylvanie», Gábor Boros a toutefois constaté la nécessité de reconsidérer les Lumières en tant qu'une catégorie *opératoire ou non* dans une approche historique ou systémique. À son avis, cette métaphore figée est devenue provisoirement une catégorie fixe: l'objectif est de la faire sortir de cette fixation ou fixité, sans la faire servir à une finalité préconçue. Gábor Boros a évoqué les éventuels risques d'une telle démarche: une métaphore trop

² Lough J. Reflections on Enlightenment and Lumières // *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 1985. N 8. P. 3–4, 12.

³ Mortier R. *Lumière et lumières: Histoire d'une image et d'une idée au xviie et au xviiie siècle* // Mortier R. *Clartés et ombres du siècle des Lumières: Études sur le XVIIIe siècle littéraire*. Genève, 1969. P. 13–59.

⁴ Becker K.E. *Licht – [L]umière[s] – Siècle des Lumières: Von der Lichtmetapher zum Epochenbegriff des Aufklärung in Frankreich*. Köln, 1994.

⁵ Spector C. *Les lumières avant les Lumières: tribunal de la raison et opinion publique* <<https://revolution-francaise.net/2009/03/01/299-les-lumieres-avant-les-lumieres-tribunal-de-la-raison-et-opinion-publique>> (consulté le 27 octobre 2017).

«dure» constitue une catégorie préétablie, sujette à être employée de manière abusive dans un prétendu discours scientifique, mais une métaphore trop «souple» peut découvrir des entités trop éloignées dans l'histoire de la pensée humaine et ne plus convenir à saisir de causalité (s'il y en a une) dans cette histoire⁶. On peut donc opter pour un compromis et essayer de «réanimer» la métaphore, dans laquelle on voit également une personnification: la lumière, phénomène physique mais doté par sa nature d'une capacité à «se propager», représente la faculté de l'homme de chercher la vérité, le droit chemin, le savoir bénéfique, ce processus comportant l'idée de l'élévation et du bienfait.

Revenons maintenant à la sémantique historique de l'image. L'approche choisie dans les années 1960 par Roland Mortier mérite toujours notre attention par sa relative modestie. Comme il précise, son étude «ne vise point à définir le contenu idéologique où la vision historique de l'âge des Lumières», ni de «faire la synthèse de la philosophie des Lumières» mais souhaite «serrer de près l'évolution d'une image» pour en saisir l'originalité⁷. Selon Roland Mortier, cette image persiste non seulement dans l'histoire mais aussi dans l'étude des Lumières, ce dont chacun a pu faire l'expérience personnelle lors de sa formation. Il soulève un problème toujours actuel: «La postérité a repris, par commodité autant que par fidélité, l'image et l'étiquette. Elle ne s'est guère interrogée sur ce qu'elles recouvraient, ni sur les variations sémantiques que cachaient l'uniformité et la banalité des emplois»⁸. Or, c'est justement l'usage trop peu réfléchi de ce terme que l'on doit remettre en cause lors de notre travail. Roland Mortier avait également noté (déjà en 1969) un certain retard des Lumières françaises par rapport aux pays protestants du Nord. Mais – même si on accepte que les idées politiques et sociales novatrices sont arrivées ou sont apparues plus tard en France qu'en Angleterre, aux Pays-Bas, etc. – l'évolution à la fois sémantique et philosophique de la notion est absolument notable dans les textes français. Reconsidérer les analyses de Roland Mortier me semble d'autant plus intéressant que nous disposons maintenant de nouveaux outils informatiques qui permettent de repérer les expressions qui se répètent ou celles qui varient et témoignent ainsi de l'expansion des idées à travers un corpus, pour une époque déterminée.

L'entrée Lumière du *Dictionnaire* de Furetière (1727) souligne la polysémie du mot, même au sens figuré, et on y retrouve déjà l'emploi au pluriel. De plus, «la lumière de l'esprit» est le premier exemple dans l'article Métaphore du même dictionnaire⁹. Du Marsais, dans son ouvrage *Des Tropes ou Différents Sens* (1730), précise qu'un mot pris au sens figuré paraît «sous

⁶ Boros G. «Felvilágosodás», «Előzmény»: Elmélkedés a megkövült filozófiatörténeti metaforák felpuhításáról // A felvilágosodás előzményei Erdélyben és Magyarországon (1650–1750) / Sous la dir. de M. Balázs et I. Bartók. Szeged, 2016. P. 13–21.

⁷ Mortier R. Op. cit. P. 13.

⁸ Ibid. P. 14.

⁹ Lumière, Métaphore, dans *Furetière A. Dictionnaire universel contenant généralement tous les mots français*. La Haye: Pierre Husson, 1727. T. III. P. 22–24, 120. Je modernise l'orthographe et la ponctuation de toutes les citations.

une forme empruntée, sous une figure qui n'est pas sa figure naturelle» et parmi les exemples il cite les expressions «la lumière de l'esprit» et «la clarté d'un discours»¹⁰. Du Marsais se réfère clairement à une néosémie, mais il semble en ignorer l'origine: «celui qui a le premier uni *lumière* à *esprit* a donné à *lumière* un sens métaphorique, et en a fait un mot nouveau par ce nouveau sens»¹¹.

L'article Métaphore de l'*Encyclopédie*, écrit par le grammairien Nicolas Beauzée, puise dans l'ouvrage de Du Marsais. Beauzée reprend littéralement tout un paragraphe *Des Tropes* et souligne également la néosémie. La reprise est significative: selon l'idée commune des deux grammairiens, la lumière ne désigne pas seulement l'esprit ou la raison, mais aussi la faculté de l'homme de s'en servir pour juger. Or, il s'agit d'un exemple lexicalisé, ce qui nous laisse supposer qu'un tel emploi était déjà largement répandu en France.

Quand on dit *la lumière de l'esprit*, ce mot de *lumière* est pris *métaphoriquement*; car comme la lumière dans le sens propre nous fait voir les objets corporels, de même la faculté de connaître et d'apercevoir, éclaire l'esprit et le met en état de porter des jugements sains. <...> celui qui le premier a uni *lumière* à *esprit*, a donné à *lumière* un sens *métaphorique*, et en a fait un mot nouveau par ce nouveau sens¹².

Mais, en effet, qui a uni le premier *lumière* et *esprit* et, par extension, *lumière* et *raison*? De toute évidence, il serait impossible de documenter avec sûreté une telle évolution sémantique. En tout cas, on le retrouve déjà chez Pascal: l'expression «la lumière de l'esprit» apparaît dans le deuxième *Discours sur la condition des Grands* (1670, posthume). Dans *La recherche de la vérité par la lumière naturelle* de Descartes (1684, posthume), cette lumière semble être quasi personnifiée, ayant un rôle entièrement autonome dans le jugement. Le sous-titre de l'ouvrage est hautement significatif: «Qui, à elle seule, et sans le secours de la religion et de la philosophie, détermine les opinions que doit avoir un honnête homme sur toutes les choses qui peuvent faire l'objet de ses pensées, et pénètre dans les secrets des sciences les plus curieuses». Chez Pascal, le syntagme «clarté naturelle» est non moins important, l'adjectif *naturel* apparaît cette fois-ci dans le sens de ce qui est évident: dans l'opuscule *De l'esprit géométrique* (vers 1657–1658), il considère «la lumière naturelle» et la «clarté naturelle» en rapport avec des démonstrations géométriques, dont l'évidence n'a pas besoin de discours. La métaphore est manifeste surtout dans des contrastes; on pourrait dire, en empruntant ce terme à la peinture, dans le *clair-obscur*. Fénelon oppose «la lumière naturelle de la raison» et «la lumière surnaturelle de la grâce

¹⁰ Du Marsais C. *Des Tropes ou des différens sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue*. Paris: Paschal Prault, 1775 (1ère éd. 1730). Art. VI «Sens Propre, Sens Figuré». P. 27.

¹¹ Ibid. Art. X «La Métaphore». P. 156.

¹² ENC. 1765. T. X. P. 436–437.

actuelle» en parlant de la modestie des saints qui ne cherchent pas la sagesse pour la sagesse. Il faut, dans cet esprit, user «sans propriété de la lumière tant naturelle que surnaturelle du moment présent»¹³.

L'essentiel du débat, précédant d'ailleurs la période que l'on considérait «l'âge des Lumières» dans la périodisation classique, semble être la suffisance ou l'insuffisance de la lumière naturelle de la raison humaine, et non pas son existence, qui ne semble plus pouvoir être contestée. La littérature apologétique résiste généralement à l'idée de la suffisance de cette lumière naturelle mais non sans exceptions. Un bel exemple se trouve ainsi dans le «Premier discours» de *La logique ou l'art de penser* d'Antoine Arnauld (1662), qui fut pas moins un apologiste de la primauté de la lumière divine: «Comme il ne faut point d'autres marques pour distinguer la lumière des ténèbres, que la lumière même qui se fait assez sentir; ainsi il n'en faut point d'autres pour reconnaître la vérité, que la clarté même qui l'environne»¹⁴. L'image apparaît ici dans un passage contre les sceptiques, et Arnauld déclare qu'il y a des vérités évidentes dont il ne faut pas douter. Malebranche, de sa part, souligne la nécessité absolue des lumières autres que celles de la raison, il reconnaît toutefois l'importance de la lumière naturelle jusqu'à un certain degré. Il répond à Arnauld, selon lequel l'âme «n'est point à elle-même sa lumière»: «Je réponds qu'en ce sens l'homme n'est point à lui-même la *cause* de sa lumière, mais je soutiens que même en ce sens il ne laisse pas de s'éclairer véritablement, ou *d'être à lui-même réellement et formellement sa lumière* <...>»¹⁵. Toutefois, pour Malebranche, cette lumière est fatalement faillible. Tous ces auteurs, appartenant à une époque qui précède, pour reprendre un cliché un peu prétentieux et aujourd'hui démodé, «le triomphe des Lumières», sont toutefois préoccupés de cette faculté humaine de connaître et de juger.

Quant à Pierre Bayle, il relève par une démarche particulière un paradoxe: pour lui, l'existence de la raison doit précéder la révélation, autrement, l'homme ne pourrait pas comprendre les vérités révélées. Dieu a donné à l'homme «cette Lumière primitive et universelle» pour comprendre ses paroles, et c'est justement cette lumière primitive et universelle qui permet de reconnaître les principes de «l'équité naturelle». Bayle se prononce pour une sorte de «morale universelle»: pour lui, la lumière naturelle n'est plus une image, une métaphore, mais un véritable principe, base de sa réflexion et de toute éthique¹⁶. L'ordre est inversé par une logique presque subversive: la révélation semble absurde sans la préexistence de la raison humaine.

¹³ Fénelon F. Explication des maximes des Saints sur la vie intérieure. Paris: Pierre Aubouin, Pierre Emery, Charles Clousier, 1697. Art. XXXI. P. 215–216.

¹⁴ Arnauld A., Nicole P. La Logique ou l'art de penser. Paris: Charles Savreux, 1668 (1ère éd. 1662). P. 12.

¹⁵ Recueil de toutes les réponses du Père Malebranche, Prestre de l'Oratoire, à Monsieur Arnauld, Docteur de Sorbonne. Paris: Michel David, 1709. T.I. Chap. XXI. P. 232.

¹⁶ Bayle P. Commentaire philosophique sur ces paroles de Jésus-Christ *Contrain-les entrer*; ou Traité de la tolérance universelle. Rotterdam: Fritsch et Böhm, 1713 (1ère éd. 1686). T. I. P. 141–142, 144–146. Voir également Mortier R. Op. cit. P. 18.

La réflexion épistémologique autour des *lumières* est d'ailleurs inséparable de la réflexion morale. D'une part, lumière et clarté veulent dire savoir et entendement, et ténèbres signifient l'ignorance. Mais l'opposition lumière/ténèbres, clarté/ombres évoque également le dualisme éthique. Selon la note F de l'article Zoroastre du *Dictionnaire historique et critique* de Bayle, «toute son innovation à cet égard [l'innovation de Zoroastre à l'égard de l'idée du dualisme dans le monde] fut de donner au bon principe le nom de lumière, et au mauvais principe, le nom de ténèbres». La source de Bayle pour cet ajout était l'ouvrage de l'orientaliste anglais Thomas Hyde, intitulé *Historia religionis veterum Persarum* (1700)¹⁷. Toutefois, Bayle parle d'une seule innovation «philosophique» qui, semble-t-il, était nécessaire à cette époque. *Lumière* et *ténèbres* dans ce sens, ne sont que des noms, les signifiants et non pas les signifiés et le dualisme représenté par une paire de métaphores était une évidence depuis l'Antiquité.

L'emploi réitéré de la métaphore *lumières* est aussi cependant critiqué dès le XVIIe siècle. Pour Pierre Costar, l'analogie est parfaitement convenable: «On dit, *Il a beaucoup de lumière*, pour dire, *il a beaucoup d'esprit*. Cette métaphore a toutes les qualités de celles qui sont approuvées. Elle est modeste, selon le précepte, *Verecunda debet esse translatio*; c'est à dire, elle n'est point éloignée»¹⁸. Costar cite *De Oratore* de Cicéron pour montrer la force expressive de la métaphore lumière-esprit. Mais Charles Sorel, lui, est très ironique:

Ce siècle est bien éclairé, car on n'y entend parler que de *lumières*. On met partout ce mot aux endroits où l'on aurait mis autrefois *l'esprit* ou *l'intelligence*, et il arrive souvent que ceux qui se servent de ce mot l'appliquent si mal, qu'avec toutes leurs *lumières*, on peut dire qu'ils n'y voient goutte¹⁹.

Pour Roland Mortier, il s'agit d'un témoignage capital parce que Sorel oppose une simple «mode» au renouvellement (ou progrès) scientifique cartésien. On peut trouver d'autres exemples pour illustrer une telle attitude critique. On lit un beau jeu de mots chez Pierre Nicole: «Nous manquons certainement souvent de lumières, mais ce n'est pas la lumière qui nous manque d'abord; c'est nous qui lui avons manqué les premiers»²⁰. Mais, pour Nicole, «aimer les lumières pour les lumières» est le troisième abus des Actes de contrition (c'est-à-dire de la vanité) et les lumières ne sont pas absolues: «on ne doit ni désirer ni rechercher les lumières qu'autant qu'elles nous

¹⁷ Hyde T. *Historia religionis veterum Persarum eorumque magorum*. Oxonii: e Theatro Sheldoniano, 1700. Chap. 9. P. 163.

¹⁸ [Costar P.] *Lettres de Monsieur Costar*. Paris: Augustin Courbe, 1658. T. I. P. 634 (Lettre CCXL, à M. l'Abbé Tubeuf).

¹⁹ Sorel C. *De la Connoissance des bons livres, ou Examen de plusieurs auteurs*. Paris: André Pralard, 1671. P. 409 (cité d'après Mortier R. Op. cit. P. 21).

²⁰ Nicole P. *Essais de morale*. Paris: Guillaume Desprez, 1755 (1ère éd. 1671–1678, 1687–1688). T. VII. P. 62 (Lettre X «Divers moyens d'acquérir les lumières dont on a besoin»).

portent à l'amour de Dieu, et qu'elles nous servent à régler nos pas <...>»²¹. On voit donc que la critique des lumières peut être d'ordre théologique ou d'ordre épistémologique, quand on va au-delà d'une critique de l'usage d'une expression à la mode²².

On trouve d'intéressantes remarques dans les *Pensées* de Montesquieu, inédites de son vivant mais contenant de témoignages notables, transcrits au fil des années. Pour Montesquieu, la lumière divine «échauffe le cœur, sans éclairer l'esprit <...> fait ignorer tout ce qu'elle apprend, et semble nous avoir été donnée pour admirer, non pas pour connaître, pour soumettre, et non pas pour instruire»²³. Montesquieu semble contredire ici à la fois Arnauld, Nicole et Malebranche: selon lui, c'est la lumière de la foi qui s'avère à un certain point insuffisant pour l'homme. La critique des lumières en tant qu'une simple mode apparaît également chez Montesquieu: «Quand on considère la plupart des hommes de notre nation, on est toujours dans l'admiration de voir tant d'esprit et si peu de lumières, des bornes si étroites avec tant de force pour les passer»²⁴. Et Diderot, pour sa part, ne manquera pas d'ironie envers la lumière dite divine dans les *Additions aux Pensées philosophiques*, un recueil de maximes et de pensées brèves (1762): «Égaré dans une forêt immense pendant la nuit, je n'ai qu'une petite lumière pour me conduire. Survient un inconnu qui me dit: *Mon ami, souffle ta bougie pour mieux trouver ton chemin*. Cet inconnu est un théologien»²⁵. Cette remarque, qui témoigne de la verve de Diderot, concerne généralement la condition humaine: malgré toute sa faiblesse, sa propre raison semble être la seule faculté de l'homme qui puisse l'orienter.

L'EMPLOI PROGRAMMATIQUE DE LA MÉTAPHORE: LE CONCEPT EN ESSOR

Que l'appréciation de la lumière «naturelle», de la raison humaine, aux dépens de la lumière «divine» connaisse un large essor pendant la première moitié du XVIIIe siècle est un fait bien connu et souvent évoqué. L'emploi programmatique du terme n'est pourtant pas si inconditionnel. Je proposerai dans la suite d'accorder une attention particulière aux réserves alors aussi exprimées, qui rendent peut-être ce phénomène encore plus intéressant.

Dans l'Avant-propos des *Institutions de physique* (1740), Émilie du Châtelet souligne l'avènement d'une approche radicalement nouvelle dans les sciences avec Descartes. Rien de novateur par-là, pourrait-on dire, ce que dit Mme du Châtelet, est une opinion répandue que partageaient largement les savants et hommes de lettres de sa connaissance. Mais examinons le passage en question de manière plus attentive:

²¹ Nicole P. *Traité de la Prière*. Paris: J. Fr. Josse, 1741 (1ère éd. 1694). Seconde partie. P. 66.

²² Pour d'autres exemples, voir Lough J. Op. cit. P. 4.

²³ Montesquieu C.-L. *Mes Pensées*. N 1946. Je me sers des nouvelles transcriptions des *Pensées*, faites pour les volumes XIV–XV des *Œuvres complètes* de Montesquieu, à paraître.

²⁴ Ibid. N° 1736b.

²⁵ Diderot D. *Addition aux Pensées philosophiques // Œuvres / Éd. L. Versini*. Paris, 1994. T. I: (Philosophie). P. 42.

Jusqu'au dernier siècle, les Sciences ont été un secret impénétrable, auquel les prétendus Savants étaient seuls initiés, c'était une espèce de Cabale, dont le chiffre consistait en des mots barbares, qui semblaient inventés pour obscurcir l'esprit et pour le rebuter.

Descartes parut dans cette nuit profonde comme un Astre qui venait éclairer l'univers; la révolution que ce grand homme a causé dans les Sciences est sûrement plus utile, et est peut-être même plus mémorable que celle des plus grands Empires, et l'on peut dire que c'est à Descartes que la raison humaine doit le plus; car il est bien plus aisé de trouver la vérité quand on est une fois sur ses traces que de quitter celles de l'erreur. La Géométrie de ce grand homme, sa Dioptrique, sa Méthode, sont des chefs d'œuvres de la sagacité qui rendront son nom immortel, et s'il s'est trompé sur quelques points de Physique, c'est qu'il était homme, et qu'il n'est pas donné à un seul homme, ni à un seul siècle de tout connaître²⁶.

L'idée principale est bien connue – une nouvelle ère a commencé avec Descartes – et le lexique du passage (éclairer, raison humaine, trouver la vérité, quitter l'erreur) est absolument habituel à cette époque. Le début et la fin de la citation sont peut-être plus intéressants à commenter: la qualité dite occulte des sciences avant cette révolution, le nombre restreint des initiés, l'esprit rebuté qui devait changer sont autant d'éléments caractéristiques d'un ancien état de conscience collective. Le changement est advenu avec Descartes mais, on peut souligner, il est considéré comme un précurseur exceptionnel qui ne fait que déclencher les changements: «il n'est pas donné à un seul homme, ni à un seul siècle de tout connaître». L'idée de la continuité des lumières, ce qui est presque un programme, se manifeste clairement dans ce passage. Pour Émilie du Châtelet, il ne s'agit pas d'ailleurs de changements sociaux ou politiques mais d'un renouvellement scientifique qui libère la raison humaine d'une magie sombre.

On ne peut trop souligner la présence programmatique de l'image dans l'*Encyclopédie*. L'image est présente tout au long du *Discours préliminaire*, et D'Alembert, principal auteur de ce texte, qui reflète toutefois son avis commun avec Diderot, fait mention des prédécesseurs majeurs, tels Locke, Bacon, Descartes, Newton et souligne leur rôle dans l'avènement des lumières: «C'est ainsi que les personnages illustres souvent trop au-dessus de leur siècle, travaillent presque toujours en pure perte pour leur siècle même; c'est aux âges suivants qu'il est réservé de recueillir le fruit de leurs lumières»²⁷. D'Alembert, encore plus qu'Émilie du Châtelet, met l'emphase sur cette continuité de siècle en siècle. Dans son «Tableau de l'esprit humain au milieu du dix-huitième siècle» (1759), il affirme que d'importants changements sont survenus depuis le xve siècle à chaque milieu du siècle, «enfin Descartes au milieu du dix-septième siècle a fondé une nouvelle Philosophie <...>». Encore une fois, l'idée n'est pas fondamentalement novatrice mais D'Alembert ajoute

²⁶ *Châtelet E. du*. Institutions de physique. Paris: Prault fils, 1740. P. 5–6.

²⁷ Discours préliminaire des éditeurs // ENC. 1751. T. I. P. XXX.

quelque chose de plus original sur l'avenir des Lumières: «C'est au temps à fixer l'objet, la nature et les limites de cette révolution, dont notre postérité connaîtra mieux que nous les inconvénients et les avantages»²⁸.

Évoquer D'Alembert sans faire mention de Diderot pourrait nous paraître inhabituel. Je ne me concentrerai pas pourtant sur ses articles de l'*Encyclopédie*, dont certains sont très connus. Dans les *Pensées sur l'interprétation de la nature* (1754), se trouve une belle image, très propre à Diderot, sur le partage entre le génie et la sagacité. On y voit en tant que nouvel élément l'exaltation du génie, de l'original: Diderot semble donc rompre avec le culte de la seule raison tôt dans sa carrière.

Je me représente la vaste enceinte des sciences, comme un grand terrain parsemé de places obscures et de places éclairées. Nos travaux doivent avoir pour but, ou d'étendre les limites des places éclairées, ou de multiplier sur le terrain les centres de lumières. L'un appartient au génie qui crée; l'autre à la sagacité qui perfectionne²⁹.

Il serait erroné d'en conclure que la raison a perdu sa domination avant d'être parvenue à établir son empire. Il semble que ce dernier compte toujours des recoins isolés, susceptibles de fermentation, un peu comme si l'étape suivante était codée dans les démarches intellectuelles. Chez Diderot, l'hommage rendu à la seule raison doit s'enrichir d'autres facteurs: il faut noter l'apparition du hasard, de l'imprévisible, de l'instinct et de l'instinctif. Éclairer l'humanité n'est donc pas uniquement le résultat de la sagesse et du progrès, il faut également mettre en œuvre une force créatrice presque sauvage. Ce culte du génie, qui rendra d'ailleurs la pensée de Diderot particulièrement intéressante pour les romantiques, ne contredit pas une diffusion rationnelle et programmée du savoir.

On a tant évoqué l'éloge de la raison humaine telle qu'il se manifeste dans certains articles de l'*Encyclopédie*, qu'il est intéressant de citer un contre-exemple. Dans l'article THÉOSOPHES, écrit par Diderot, il est question de philosophes qui prennent la raison en dédain, et suivent l'instinct, l'intuition, l'imagination, qu'ils regardent comme le moyen privilégié de la connaissance. Il ne s'agit pas de scepticisme mais, au contraire, d'illumination par rejet de la rationalité.

THÉOSOPHES, les, (*Hist. de la Philosophie.*) voici peut-être l'espèce de philosophie la plus singulière. Ceux qui l'ont professée, regardaient en pitié la raison humaine; ils n'avaient nulle confiance dans sa lueur ténébreuse et trompeuse; ils se prétendirent éclairés par un principe intérieur, surnaturel et divin qui brillait en eux, et s'y éteignait par intervalles, qui les élevait aux connaissances les plus sublimes lorsqu'il agissait, ou qui les laissait tomber

²⁸ D'Alembert. Tableau de l'esprit humain au milieu du dix-huitième siècle // D'Alembert. Essai sur les Éléments de philosophie ou Sur les Principes des connaissances humaines. Paris, 1986. P. 10.

²⁹ Diderot D. *Pensées sur l'interprétation de la nature* // Œuvres. T. I. P. 566.

dans l'état d'imbécillité naturelle lorsqu'il cessait d'agir; qui s'emparait violemment de leur imagination, qui les agitait, qu'ils ne maîtrisaient pas, mais dont ils étaient maîtrisés, et qui les conduisait aux découvertes les plus importantes et les plus cachées sur Dieu et sur la nature: c'est ce qu'ils ont appelé la *théosophie*³⁰.

Le passage semble être en effet une parodie ou une mise en cause de la «lumière naturelle» cartésienne: notons particulièrement les expressions «lueur ténébreuse et trompeuse» et «imbécillité naturelle». Il semble que les Lumières comportent en elles-mêmes leur propre critique.

La période que je viens d'examiner n'est naturellement pas la seule qui soit intéressante à cet égard. Les changements sémantiques continuent et vont de pair avec la réévaluation du concept: on a récemment vu l'apparition du pluriel en anglais (*Enlightenments*), ainsi que celle de différentes sous-catégories, désignées par un adjectif (dont la première forme était la diversification nationale). L'évolution sémantique du terme témoigne de l'évolution conceptuelle mais en parler plus longuement nous conduirait nécessairement à la question toujours nécessaire et jamais résolue de la relation entre langue et pensée.

En guise de conclusion, je voudrais m'attarder encore un peu sur le fait qu'il s'agit d'un concept métaphorique. Pourquoi une métaphore? Sa souplesse et son adaptabilité ont dû y jouer un rôle certain: son emploi nous permet en principe de modifier la périodisation sans changer l'objectif de la recherche, d'élargir ou de délimiter le corpus à étudier. Mais cette flexibilité est en partie à l'origine de l'aporie de la recherche. Il n'existe pas de critères absolus pour juger une progression positive et bénéfique pour l'humanité et la désigner en tant que Lumières (croit-on ou non à un tel progrès).

Cependant, les Lumières ne sont et ne pourront jamais être du pur rationalisme, renfermé en lui-même et ainsi voué à l'échec, mais plutôt une prise de conscience historique, par définition indéfinie. Il serait également faux de conclure à l'optimisme de l'image: l'idée du progrès n'exclut pas une vision de l'histoire plus sombre et l'emploi de la métaphore ne témoigne pas toujours d'un aspect combattant. Ainsi, pour finir, je citerai un passage emblématique de Sénèque, dans la traduction annotée et commentée par Diderot à la fin de sa vie en composant son *Essai sur les règnes de Claude et de Néron* (1782): «Le beau sujet de se glorifier, que d'entrevoir le jour à travers un nuage! quoique cet état soit préférable aux ténèbres, ce n'est pas encore jouir des avantages de la lumière»³¹.

³⁰ ENC. 1765. T. XVI. P. 253.

³¹ *Sénèque*. Lettres à Lucilius // Les Œuvres de Sénèque le Philosophe / Trad. par N. de La Grange. Paris: chez les Frères de Bure, 1778. T. II. P. 59 (Lettre LXXIX).

Эстер Ковач

**Между метафорой и понятием:
брезжащий свет на службе у Просвещения**

В большинстве европейских языков Просвещение (*Enlightenment, Aufklärung, Lumières, Ilustración, Illuminismo, Felvilágosodás*) – метафора, широко используемая историками, философами, литературоведами, современными политическими мыслителями, журналистами и даже работниками образования. Понятие, опирающееся на метафору света и на бинарную оппозицию света и тьмы, стало также элементом нарративов – исторических, философских или литературных. Прежде чем определять Просвещение как некое движение, период или эпоху, как феномен или важнейший предмет интеллектуальной истории, мы имеем возможность проследить историческую трансформацию смысла соответствующей метафоры, становящейся понятием. Свет – это древнейшее, представленное в самых разных культурах метафорическое обозначение знания, понимания или способности понимания и тем самым – обозначение человеческого разума как такового. Изначально наделенные несколькими переносными значениями, французские слова *lumière* и *lumières* со временем становятся историческим и политическим понятием, приобретая новый смысл. Хотя нельзя утверждать, что Франция опередила другие государства в радикальных социально-политических реформах и в развитии теоретической мысли, именно через французские тексты XVII–XVIII вв. можно выявить важнейшие аспекты концептуализации световой метафоры. В этой статье я пытаюсь проследить наблюдаемые в этой связи – начиная с середины XVII в. и кончая некоторыми сочинениями Дидро и Даламбера 1750-х годов, – семантические и понятийные сдвиги, а также привести критические возражения и контрпримеры, касающиеся использования этой метафоры.

JONATHAN ISRAEL

REVOLUTION AND THE RADICAL ENLIGHTENMENT:
AN OVERVIEW (1650–1848)

Among the American Founding Fathers Thomas Jefferson stood out (not least in his own view) as the most forthright and consistent democratizing republican. A classic «radical enlightener», he maintained, throughout his career that the common people – whether American, French, British, or South American, with no nation or group being potentially more suited to it than any other – can be trusted to make, and sustain, a free, liberty-loving and viable representative democratic republic provided only they are sufficiently *enlightened* to detach themselves from religious authority. This he regarded as indispensable since history furnished «no example of a priest-ridden people maintaining a free civil government». The «people are the only safe depositaries of their own liberty», he held, but all liberty, American, French or otherwise, is but a «short-lived possession unless the mass of the people» become «informed to a certain degree»¹. Democracy works but only when ignorance is checked and religious authority shut out of public life.

In other words, in Jefferson's case, «Radical Enlightenment» perfectly defines the main trajectory: the linkage of two principles – rejecting religious authority and democratic republicanism – is the essential dual feature. These two key principles infuse the whole of Jefferson's thought and his active career.

In Jefferson, as in the Radical Enlightenment generally, we find several distinct intellectual, cultural and social currents interacting in a complex but regularly recurring fashion, forging a revolutionary vanguard which is the same time an erudite intelligentsia leading the democratic impulse within the

© Jonathan Israel, 2018

¹ *Steele B.* Thomas Jefferson and American Nationhood. New York, 2012. P. 94–96.

Revolution. Throughout the revolutionary years, and his post-Independence political career, Jefferson persisted in his efforts to broaden the American Revolution's scope and significance which to him, as I have stressed elsewhere, meant considerably more than merely achieving independence from Britain. Undeviating in his basic views for decades, he strove to strengthen and build on the Revolution's core values as he understood them, and render the United States the world's prime exemplum of modern democratic republican political and social principles and stabilize the American republic on that path. Above all, he came to represent, and speak for, the abiding ties between the American and French Revolutions more eloquently and incisively, and in a more far-reaching (and more typically «Radical Enlightenment») manner than any other principal figure of the American Revolution, always viewing the two great revolutions of the Western world as interacting closely on many levels and extending geographically, to many different places. In 1793, he actively sympathized with French revolutionary plans to arouse the French population in Canada to revolt against their British «oppressors» (and continued to hope for Canada's conquest and the «final expulsion of England from the American continent» again in 1812)².

A voracious reader with an enormous library, much of it philosophical and anticlerical, Jefferson was a thinker and active statesman combined. Thoroughly steeped in Enlightenment literature from early on, he stood alongside Franklin whom he greatly admired as the second quintessential American enlightener in general as well as in «radical» terms, and one with firm preferences that left Rousseau strikingly absent from his thinking³. In Jefferson, the influence of Rousseau's thought is decidedly minimal as we find likewise in that of his friend and ally Condorcet as well as in Franklin and Thomas Paine – a point of great significance. Another notable convergence between Jefferson and Condorcet was their outright rejection and conspicuous dislike for Hume and Montesquieu two of the most important intellectual pillars of moderate Enlightenment and veneration for the British model (which Jefferson regularly disparaged)⁴. Hume especially Jefferson came see as a fount and justification for «Tory» principles monarchism and aristocratism of the kind that infused British governing circles in the late eighteenth century⁵. Chief author of the Declaration of Independence written to justify the Revolution and repudiation of the British crown, Jefferson made no claim to originality for the ideas it

² *Hickey D.* The War of 1812: A Forgotten Conflict. Urbana-Champaign, IL, 2012. P. 20.

³ An antipathy he shared with his friends Condorcet and Volney, see *Wills G.* Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence. New York, 1979. P. 173–175; *Jayne A.* Jefferson's Declaration of Independence: Origins, Philosophy and Theology. Lexington, 1998. P. 2; *Valsania M.* The Limits of Optimism: Thomas Jefferson's Dualistic Enlightenment. Charlottesville, 2011. P. 28–29.

⁴ *Wills G.* Inventing America. Boston, 2002. P. 201–202.

⁵ *Staloff D.* The Politics of Pedagogy: Thomas Jefferson and the Education of a democratic Citizenry // The Cambridge Companion to Thomas Jefferson / Ed. by F. Shuffelton. Cambridge; New York, 2009. P. 127–142, here p. 136.

contained, and allusions to particular strands of political philosophy in this epoch-making document are too sparse to suggest derivation from any specific intellectual tradition⁶. While «classical republicanism» certainly figured prominently in Jefferson's education and subsequent thinking, by 1775–1776 he had developed a conception of human rights as «natural», primary, and transcending any written constitution, thereby from the outset of his political career projecting a distinctly radical philosophical perspective⁷.

During the early stages of the French Revolution, Jefferson's and Lafayette's circle in Paris, working alongside those of Brissot and Condorcet, and the leading radical clique presided over by Mirabeau, affirmed that all men are born free and equal, and demanded abolition of privilege along with the granting of press freedom, annual convening of the Estates-General, transfer to the legislature exclusively of the power to tax, and that «laws shall be made by the Estates General only, with the consent of the king», in other words an incontestably republican outcome. Meanwhile, the revolutionary new concept of «universal and equal rights», we know, had been in the air in France for some years, well before 1789. Although it is true that neither British-style gentry republicanism, nor Condorcet's, Paine, Price's and Jefferson's democratic republicanism, had much resonance at this time in French society as such, among the Radical Enlightenment intellectual, journalistic and revolutionary vanguard identifying with the Revolution, figures such as Condorcet, Brissot, Pétion, and such key newspaper editors, as Cerutti, Prudhomme and Carra, democratic republicanism was already plainly dominant prior to 1789 and this now predominantly shaped the radical revolutionary thrust. This point is crucial: for without emphasizing the strength of French democratic republicanism among the revolutionary vanguard, and broader cultural-social impulse to steer the Revolution already before 1789, one misses one of the most essential features of the French Revolution (as social historians generally do). Indeed, the *philosophes*, Condorcet rightly emphasized in 1786, had, as he expressed it, rediscovered the long-lost notion of universal and equal rights in the years before the American Revolution. However, the *philosophes* in France prior to 1789 confronted the difficulty of how to diffuse this republican concept more widely in a society like that of France where the great bulk of the population had no notion of republican thinking. The *ignorant* need concrete, working examples; and here the American Revolution proved decisive for France by providing with its «Declaration of Independence, a simple and sublime exposition of these rights», as Condorcet expressed it, «so sacred and so long forgotten»⁸. Among the most fundamental universal

⁶ Raphael R. *Founding Myths: Stories That Hide Our Patriotic Past*. New York, 2014. P. 127, 134, 359 n. 32.

⁷ Meyer D.H. *The Democratic Enlightenment*. New York, 1976. P. 121; Stewart M. *Nature's God: The Heretical Origins of the American Republic*. New York, 2014. P. 24–26.

⁸ Condorcet M.-J.-A.-N. *Writings on the United States* / Ed. by G. Ansart. University Park, PA, 2012. P. 25

rights, held Condorcet, in 1786, were the right to «contribute, either directly or through representatives, to the making of the laws and all actions taken in the name of society at large»⁹.

The impact of the American Revolution and the revolutionary new principle of ‘universal and equal rights’ which most certainly did not stem from diffusion of cultural shifts or sentimentality, but rather from intellectual concepts diffused by the intellectual vanguard via tracts and newspapers, and rapidly so from around 1770, was pervasive throughout France, Germany, Italy and Britain. Of course, the social and cultural reaction was overwhelmingly negative in court, church and most popular circles, as it was too among Adams, Morris, Hamilton and other leading Federalists in America¹⁰, but intensely positive in radical intellectual circles. Democrats and egalitarians everywhere rejoiced. Richard Price wrote to Jefferson, on 3 August, acclaiming the «progress and completion of one of the most important revolutions that have ever taken place in the world, a Revolution that must astonish Europe; that shakes the foundations of despotic power; and that probably will be the commencement of a general reformation in the governments of the world which hitherto have been little better than usurpations on the rights of mankind, impediments to the progress of human improvement, and contrivances for enabling a few grandes to suppress and enslave the rest of mankind». This crucial global impulse resulted from the conjunction of the American Revolution’s radical tendency with the democratic republican leadership of the French Revolution. Plainly, it was not the product of social forces, crowds or national character, and least of all of long-term trends in social practice and sociability. Ultimately, it was a product of social grievances and tensions, but only insofar as these converged behind and became a motor for intellectual concepts of wide revolutionary potential. Convinced the «General Revolution» was now transforming Europe and the world, Price, airing his Unitarian sympathies, at the same time stressed the need to safeguard individual religious conscience «from the interference of civil power»¹¹.

A religious man, like Priestley and Fauchet, Price was no atheist or Jeffersonian deist. Unlike most American and French radical democrats, he preached an ardent but heterodox Christianity; the relevant point, though, is that he too rejected church hierarchies and dogmatic theology, the principle

⁹ The idea that this was inessential to Condorcet’s program at that time lacks all justification see *Scurr R. Varieties of Democracy in the French Revolution // Re-Imagining Democracy in the Age of Revolutions: America, France, Britain, Ireland 1750–1850 / Ed. by J. Innes and M. Philp. Oxford, 2013. P. 57–68, here p. 60; Israel J. Revolutionary ideas: an intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Oxford; Princeton, NJ, 2014. P. 28–29, 35, 70.*

¹⁰ *Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London, 2006. P. 317.*

¹¹ *R. Price to T. Jefferson, Hackney (3 Aug. 1789) // The Papers of Thomas Jefferson / Ed. by J.P. Boyd, assisted by W.H. Gaines, jr. Princeton, NJ, 1958. Vol. XV. P. 329.*

or religious authority. He concurred with the Jeffersonians (and disagreed with Adams) in wanting to go beyond Locke, to dismantle the edifice of ecclesiastical authority and, above all, end religion's intrusion into politics, law and education:

The United States of America have happily taken this step. It cannot, I suppose, be at present attempted in France without too much danger; but it seems likely to be gained there long before it will be gained in England. Indeed, the [moderate] Patriots in France pay us too great a compliment by speaking of us [the British] as they do, as their model, and considering themselves imitating us. I scarcely believe we are capable of making such an exertion as the French nation is now making with a spiritual unanimity altogether wonderful. We are duped by the forms of liberty¹².

Most Britons, Price believed, failed to understand that their constitution was a deceptive sham that attenuated instead of buttressed political liberty, and their individual freedom also a sham perpetrated by Crown and aristocracy stiffened by Anglicanism.

Certainly, the «moderate» faction seeking to dominate the French National Assembly in 1789 did exalt England and the British model but, since Montesquieu, this had typically been a presiding and distinctive feature of the «moderate Enlightenment»; however, Price was certainly wrong in supposing admiration for the British legacy and constitution pervaded the revolutionary leadership more generally. As Adams and others pointed out, the French and Dutch democratic republicans of 1789 were by no means deriving their ideas from Locke, or more from England, but rather deriving them from French sources. This did not mean, though, Adams was aware, that the French scenario really differed fundamentally from the American. On the contrary, the French «like too many Americans, pant for the equality of persons and property»¹³. Here, of course, he was referring to his detested adversaries, Franklin and Paine, beside Jefferson, Young, and Ethan Allen, and all those who had wrought the democratic outcome in Pennsylvania and Vermont. Edmund Burke, from his aristocratic and conservative enlightened perspective was justly outraged by the deeply distasteful suggestion that British influences had shaped the thinking of the revolutionary vanguard in France. Unpersuaded by Paine, Price and Jefferson, and indignant that democratic and republican ideas were gaining ground in France and had now captured a «cabal» in England too, he correctly denied that any part of the radical tendency opposing crown, aristocracy and Church in France had a «British» origin.

Annoyed that it was «given out in France» that their political course followed England's example, Burke contended that practically nothing done in France «originated from the practice or the prevalent opinions of this

¹² Ibid.; See also *Israel J. Op. cit.* P. 71, 741; *Fleming T. The Great Divide: The Conflict Between Washington and Jefferson That Defined a Nation.* Cambridge, MA, 2015. P. 91–92.

¹³ *Fleming T. Op. cit.* P. 92.

people [the English], either in the act or in the spirit of the proceeding. Let me add, that we are as unwilling to learn these lessons from France, as we are sure that we never taught them to that nation»¹⁴. Deplorably, this «cabal, calling itself philosophic, receives the glory of many of the late proceedings» in France and many people believed «their opinions and systems are the true actuating spirit of the whole of them». But if the French people had disastrously succumbed to the ideas of nefarious «atheists and infidels», the concepts purveyed by those «freethinkers» and republicans he viewed as their English counterparts – Collins, Toland, Shaftesbury, Chubb, Morgan, and Bolingbroke – Burke was confident, lacked any significant support and influence in the Britain of 1789¹⁵.

Once the French upheaval seized the attention of the European, British and American publics, every commentator, and especially every American political observer, felt impelled to compare the American and French revolutions, even while drawing strikingly diverse conclusions. No other Founding Father, however, was so acutely aware as Jefferson of the deep intertwining of the two revolutions and their fundamental parallelism, or so conscious, as Condorcet put it, of the «benefits humankind as a whole should expect from America's example»¹⁶. «It is impossible to desire better dispositions toward us», Jefferson assured Madison, on 28 August 1789, «than prevail in this [National Assembly]».

Our proceedings have been viewed as a model for them on every occasion; and though in the heat of debate men are generally disposed to contradict every [authority] urged by their opponents, ours has been treated like that of the Bible, open to explanation but not to question¹⁷.

Jefferson's and Condorcet's analysis was accurate, but only regarding the republican and near republican leadership; and, even there, the American federal principle lacked appeal. Of course, Jefferson's and Condorcet's analysis – and on the opposite side, that of aristocratic republicanism, that of Adams – in no way applied to the French centrists and constitutional monarchists embracing «moderate Enlightenment» and the British model of «mixed government». In the French Revolution, America's example weighed more decisively and pertinently than the British constitution, but exclusively among republican foes of monarchy, aristocracy, inequality and ecclesiastical authority, the democratic revolutionaries adhering to the principles, concepts and traditions of the Radical Enlightenment.

¹⁴ *Burke E.* Reflections on the Revolution in France / Ed. by J.G.A. Pocock. Indianapolis, IN, 1987. P. 92.

¹⁵ *Ibid.* P. 93–94; *Bourke R.* Empire and Revolution: The Political Life of Edmund Burke. Princeton, NJ, 2015. P. 718.

¹⁶ *Condorcet M.-J.-A.-N.* Op. cit. P. 30.

¹⁷ T. Jefferson to J. Madison, Paris (27 Aug. 1789) // *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. XV. P. 366; *Elkins S., McKittrick E.* The Age of Federalism: The Early American Republic, 1788–1800. New York, 1993. P. 315.

Jefferson, Price and Paine, like their Polish revolutionary comrade, Kościuszko, now back in Poland, though hopeful, were also mindful of the tremendous risks confronting the French Revolution. Especially, they feared the deep divisions not just in French society but even among genuine, sincere *amis de la liberté*, in the National Assembly and Paris administration. These occasioned «strong differences of opinion and produced repulsive combinations among the Patriots» much deplored by Lafayette¹⁸. With every passing week the National Assembly's principal factions – conservative constitutional royalists, centrist constitutional monarchists, and democratic republicans – seemed more and more at loggerheads. «Philosophy» won most clashes, commentators agreed, during the protracted National Assembly debates over the *Declaration of the Rights of Man and the Citizen* but not all, being defeated specifically on Articles Ten and Eleven concerning freedom of expression and religion, clauses provoking many angry exchanges between the clergy, and those Brissot termed followers of a «philosophy of gentleness and toleration», with Mirabeau, Mounier, La Rochefoucauld, Pétion and Dêmeunier all prominently intervening in the Assembly debates.

Opponents of the radicals, including monarchists and clergy, rallied around the draft *Declaration* presented by one of the assembly's standing committees, or «bureaus», the Sixth Bureau, chaired by the vehemently anti-Semitic Bishop of Nancy, Anne Louis Henri De La Fare (1752–1829), demanding that God's name and the Ten Commandments be invoked in the *Declaration*, and that freedom of expression be curtailed by the proviso that no-one should be permitted to «trouble the established creed», and that freedom of thought and conscience should apply only in limited fashion so as not to «trouble» the publicly established religion of the French state. Much has been made by some historians of De La Fare's role in shaping the *Declaration of the Rights of Man and the Citizen* in France, in 1789, and he did perhaps have some impact. But no-one fought harder for the rights of the clergy, to curb freedom of expression and deny equal rights to the Jews than this Bishop of Nancy. These Sixth Bureau recommendations were vigorously backed by the center, by the moderates and less committed, but, opposed by Mirabeau and the Brissot faction championing full rights, the Sixth Bureau's conservative strictures were eventually largely (but not wholly) discredited and set aside¹⁹.

Radical success, as Mirabeau lamented, was incomplete but in vigorously countering De La Fare and the Sixth Bureau, Mirabeau, Brissot and their adherents nevertheless gained a crucial victory: they largely secured liberty of the press, freedom of thought, and abolition of state-backed religious

¹⁸ *Jefferson T. Writings* / Ed. by M.D. Peterson. New York, 1984. P. 95; *Bernier O. Lafayette: hero of two worlds*. New York, 1983. P. 231.

¹⁹ *Révolutions de Paris, dédiées à la nation*. 1789. N VI (16–22 Aug, 1789). P. 36; *Rials S. La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*. Paris, 1988. P. 219, 226, 238–239, 242–243, 246; *Israel J. Op. cit.* P. 77–84.

coercion²⁰. Finalized on 26 August, the *Declaration of the Rights of Man and the Citizen*, shorn of most of the Sixth Bureau's provisos, envisaged society's renewal on a completely fresh basis, not one supposedly inherent in the nation's legal past (a fiction still present in the American declaration)²¹. Nevertheless, all observers agreed, that it was American Independence that had «opened our eyes about the true destiny of peoples», their «natural rights, and the equality of everyone's rights», as Carra, a leading republican journalist, affirmed in October. He and his colleagues confidently expected the entire world to be transformed by their victory in curtailing religious authority and securing the principle of human rights based on equality²².

Jefferson too brimmed with optimism at this particular time and his firm commitment to the universal and democratic republican principles of the French Revolution in their anti-Rousseauist format never subsequently left him²³. «The appeal to the rights of man, which had been made in the U.S.», he recorded in his autobiography, thirty-two years later, «was taken up by France, first of the European nations».

<...> From her the spirit has spread over the South [of Europe]. The tyrants of the North have allied indeed against it, but it is irresistible. Their opposition will only multiply it's millions of victims, their own satellites will catch it, and the condition of man thro' the civilized world will be finally and greatly ameliorated²⁴.

But how did the linkage of democratic republicanism with rejection of all religious authority in institutions, laws and the principles of the republic that was to play so central a role in the history of Western modernity first arise? For the answer to this question, we must, of course, glance back to the later seventeenth century and the first emergence in the Western World of democratic republicanism in clearly expressed, emphatic and consistent opposition to aristocratic republicanism. While most of society in England, France and Germany, during the aftermath of the Glorious Revolution, were indeed unresponsive and impervious to the «Dutch way» as Tory pamphleteers hostile to the democratic republican tendency called it²⁵, it was precisely dissidents, intellectuals and academics like Toland, and Tindal harbouring strong objections to the political and ecclesiastical status quo, comparatively few though they were, for whom the «Dutch way» was an obvious recourse,

²⁰ See *Israel J. Op. cit.* P. 82–85; *Lynn H. Inventing Human Rights: A History.* New York, 2007. P. 16, 21, 220.

²¹ *Dumont É. Souvenirs sur Mirabeau / Éd. par J. Benetruy.* Paris, 1951. P. 97; *Israel J. Op. cit.* P. 84–85.

²² See *Israel J. The Expanding Blaze: How the American Revolution Ignited the World.* Princeton, NJ, 2017. P. 271.

²³ *Ibid.* P. 246–284.

²⁴ *Jefferson T. Writings.* P. 97; *Kloppenber J.T. Toward Democracy: The Struggle for Self-Rule in European and American Thought.* New York, 2016. P. 488–489.

²⁵ *Harris T. Op. cit.* P. 317.

the most effective means to criticize the status quo in their own countries. This confirms not just that Antoine Lilti was mistaken in arguing that the *cercle Spinoziste* viewed as a group had little impact outside the Netherlands, but just how colossal a mistake this is²⁶.

In *The Rights of the Christian Church Asserted*, a book which precipitated a massive intellectual, political, ecclesiastical and social controversy in England that raged on for four of five years generating over thirty full-length published rebuttals, Tindal held that while our world is predominantly one of misery, tyranny and persecution with part of English, Scottish and Irish society striving to revert to full-scale despotism, intolerance, theological sway and oppression, nevertheless certain types of society are «happier» than others. «Is not Holland», he demands, «from being one of the most beggarly provinces in the world, become, the most flourishing and most populous spot upon Earth»? Furthermore, he added: «and there we see the power of the clergy at so low an ebb, that they are not able to set on foot persecution, or any other of their darling methods by which a nation is render'd thin, poor and miserable»; the reason that England was, «next to Holland and the other United Provinces», the country in the best and most flourishing condition was that England too, if less so than Holland, was «most jealous of the clerical usurpations», and next to Holland, also the country most inclined to keep «the clergy most in subjection»²⁷.

Obviously, the argument Tindal advances in *Rights* conflicted outright with the political principles not only of Hobbes and Locke, but as many a contemporary noted, with the essential principles of the Glorious Revolution. The rebuttal that strove hardest to locate the source of Tindal's subversive doctrine was the work of William Carroll (dates unknown) supplemented by another major participant in the English public debate, George Hickes (1642–1715), Dean of Worcester, once Tindal's mentor at Oxford. Their double refutation was entitled *Spinoza Reviv'd or, A Treatise proving the Book intituled The Rights of the Christian Church <...> to be the same with Spinoza's Rights of the Christian Clergy* (London, 1709). As scholars have noted, Carroll and Hickes erred in assuming the culpable Dutch text they identified as Tindal's source was the work of Spinoza. But Carroll and Hickes were correct in judging the principles contained in the text in question to be at the root of the controversy, and to be quintessentially Spinozistic – principles dramatically different from those of Hobbes and Locke. Several chapter headings and other key passages of *The Rights*, Carroll had noticed, parallel

²⁶ Antoine Lilti, in his long article (*Lilti A. Comment écrit-on l'histoire intellectuelle des Lumières? Spinozisme, radicalisme et philosophie // Annales. Histoire, Sciences sociales.* 2009/1. 64e année. P. 171–206) argues both for the primacy of the English origins of the radical tradition and that Dutch influences had little impact on the wider European intellectual scene.

²⁷ [*Tindal M.*] *The Rights of the Christian Church Asserted*, against the Romish and all other Priests who claim an independent Power over it. London: [s.n.], 1706. P. 254.

and closely echo key passages of the Dutch text *Lucii Antistii Constantis, De Jure Ecclesiasticorum, liber singularis* (1665). In fact, «having examined the late misnamed book *The Rights of the Christian Church Asserted*» with due care, Carroll concluded that Tindal's book followed the arguments of *De Jure Ecclesiasticorum* so closely that it amounted to Spinoza's *Rights of the Clergy* translated into English, and rendered worse than the atheist himself made it. Its central concepts – *God, soul, Christ man, spirit of Christ, spirit of God, state of nature, natural rights of mankind* – all stemmed directly from the one-substance doctrine pervading *De Jure Ecclesiasticorum*²⁸.

George Hickes warmly praised Carroll for expending the time and effort needed for «discovering the mysteries of iniquity» lurking behind the new «deism» and the crucial connections between *The Rights*' key claim, that there cannot be two sources of authority and legislative power in one society, and the 162-page radical text *De Jure Ecclesiasticorum*, today judged to have been most probably written by Spinoza's Amsterdam physician ally, Lodewijk Meyer (1629–1681), although that is not certain. What is undeniable is that *De Jure* is Spinozistic, was a product of the *cercle spinoziste* and had been published at Amsterdam (the place of publication is given as Alethopolis [i.e. Eleutheropolis or «freedom-city»] (hence Amsterdam), in 1665]. Tindal's crypto-republican, revolutionary, world-shaking political thought, Hickes observed, was thoroughly unEnglish in character. Deriving from *De Jure Ecclesiasticorum*, it necessarily follows that the kind of republicanism expounded, or more precisely utilized in England by Tindal in 1706 (for Tindal himself was no democratic republican), was Spinozistic democratic republicanism deliberately fused with Spinoza's doctrines concerning God, the universe, matter and motion²⁹. Carroll and Hickes hit the nail on the head. It was indeed Spinoza's political thought that represented the supreme challenge to the 1688 settlement and English gentry republicanism, Spinozistic political thought conceived as a group effort, forged by Johan and Pieter de la Court, Franciscus van den Enden and Lodewijk Meyer in the first place but given its definitive and most polished form by Spinoza, represented the supreme challenge not just to Hobbes and Locke but to what Montesquieu, Adams and the bulk of the eighteenth century admired as the «British model» in the sense of an established aristocratic republicanism with a monarch for a figure-head and a large admixture of ecclesiastical rights and authority.

What makes 17th century Dutch republicanism fundamentally different from English republicanism, and this surely is where Pocock and Skinner – as well as Lilti – most seriously went wrong, is that the distinction between

²⁸ Carroll W. Spinoza Reviv'd or a Tratisse, Proving the Book, entitled, *The Rights of the Christian Church*, etc., (In the most Notorious Parts of it) To be the same with *Spinoza's Rights of the Christian Clergy*, &c. And that both of them are grounded upon downright Atheism. To which is added, A Preliminary Discourse relating to the said Books, By the Reverend Dr. George Hicks. London: J. Morphew, 1709. P. 1–4.

²⁹ Hickes G. A Preliminary Discourse // Carroll W. Op. cit. P. A5–6.

aristocratic and democratic republicanism, even in Toland and Tindal, was to a considerable extent smoothed over, to render its reasoning more palatable in the English context and this remained the case all the way down to Tom Paine; whereas from the first book of Johan and Pieter de la Court, the *Consideratien en exempelen van staat* of 1660 onwards, the inherent conflict between aristocratic and democratic republicanism is much more clearly exposed and emphasized³⁰. What according to the «Dutch way» should be paramount in political theory, the guidance of the «common good», could not have differed more from the republicanism diluted and softened with aristocratism and classical examples expounded by Harrington and Sidney. It is this ideologically more developed republicanism, expressly at odds with the «mixed government» recipe that became the «British model» that underlies Tindal's stance in the *Rights*.

De Jure Ecclesiasticorum heavily relies for its argument that all human inequality of status, authority and privilege, including all ecclesiastical establishment, is decreed and maintained by human and not divine government. It asserts that «aequalitatem omnium hominum naturalem status civilis constitutione in privatis non mutari»³¹ which Carroll renders as the «natural equality of mankind is not in private persons chang'd by the institution of a commonwealth». Therefore, all the institutionalized «inequality betwixt man and man, in the civil society, is descended or deriv'd from the vice-gods» [i.e. those men speaking for the gods]. This signified that the rights of the state of nature continue after formation of the state and that «there cannot be two independent powers in the same society» which is indeed precisely where the political thought of Spinoza (and Johan and Pieter de Court) separates from that of Hobbes and Locke³². In chapter four of *De jure* we find it stated that it is from the secular power alone, the representatives of the gods presiding over civil society, that all the delegated authority and special status of the clergy «is deriv'd, no less, nor otherwise» as Carroll translated, «than that of the other civilians: and that there is no difference between the latter and the former». Consequently, there are no special privileges, or order of society, or divine

³⁰ In evaluating the dimension of Skinner's work concerned with «rethinking political liberty», Palonen, quite rightly, makes no mention of any discussion of the early modern struggle between aristocratic and democratic republicanism, see *Palonen K.* Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric. Oxford, 2003. P. 95–132; nowhere in the important two volume collection edited by M. van Gelderen and Q. Skinner (*Republicanism: A Shared European Heritage*. Cambridge, 2002, 2 vols) is the struggle between democratic and aristocratic republicanism highlighted and brought to the reader's attention. On Lilti's misunderstanding of the discussion of the relationship of radical ideas to democratic republicanism, see *Israel J.* L'Histoire intellectuelle des Lumières et de la Révolution: une incursion critique // *La Lettre Clandestine*. 2011. N 19. P. 173–225, here p. 224–225.

³¹ *Lucii Antistii Constantis* [i.e. *Meyer L.*?] *De Jure Ecclesiasticorum, Liber singularis, Quo docetur: Quodcumque divini Humanique Juris Ecclesiasticis tribuitur, vel ipsi sibi Tribuunt, hoc, aut falsò impièque illis Tribui, aut non aliundè, quam à suis, hoc est, ejus Reipublicae sivè Civitatis Prodiis, in quâ sunt constituti, accepisse.* Alethopoli [Amsterdam]: Apud Cajum Valerium Pennatum, 1665. P. 38, 154–155.

³² [*Meyer L.*] *Op. cit.* P. 38; *Carroll W.* *Op. cit.* P. 8–9.

authorization that natural reason or the law of Nature can discern or stipulate that were implanted by God into men's consciousness and no inherent rights «which can rightly and truly be ascribed to the clergy»³³. Nothing could have been more contrary to the approach of de La Fare and the *sixième Bureau*, in 1789 when these strove to oppose Radical Enlightenment values.

Since according to *De Jure Ecclesiasticorum* all political, legal and religious power without exception originates from the sovereignty of the whole people acting as a collectivity, political power begins, but also remains, democratic in its legitimate operation as well as its origin. Neither in the Old Testament nor the New is there anything that delegates jurisdiction of any sort over others to churchmen. Here as with their «universal, impartial, inviolable toleration in matters of religion», comments Carroll,

<...> you see all this is bottom'd upon those men's favourite principle, to wit, That as to matters of conscience, or religion, mankind is actually in their state of nature, wherein every man has a natural, inalienable, inherent right, to believe, or not believe whatever he pleases³⁴.

In short, individuals are essentially free, there is only one source of legitimate power in society and churches have no independent authority over men. It was Tindal's contention too that since «all power is originally in, and immediately from the people», as Carroll expresses it, «that they are the unappealable judges, judges in the last resort», so that not only do the individuals making up society remain «in a state of nature with relation to religious matters», giving everyone a natural «inalienable right to chuse, believe, profess, etc. whatever religion they please», but also they retain the right to take up arms to defend their natural rights, equality and liberty in whatever respect it is challenged by any authority whatsoever including any church. In the *statu civili* the basic equality that reigned among men in the state of nature simply continues albeit now in a more orderly, structured way than before³⁵. This is affirmed by *De Jure*, I should explain, as a set of principles generally applicable in the world, without special reference to any particular society, and as equally relevant to all societies.

The *cercle spinoziste* had crystallized during the late 1650s and early 1660s, beginning as a group of enthusiasts for debating Cartesianism – and before long became, as the Dutch physician Cornelis Bontekoe notes, also a pressure group committed to undermining and displacing Cartesianism and academic philosophy more generally³⁶. Its roots were in Amsterdam and

³³ «Omnem inaequalitatem ecclesiasticorum non minus aut aliter, quam caetorum civium a solis prodiis procedure: nec ullum illorum et horum discrimen esse» ([*Meyer L.*] Op. cit. P. 52; *Carroll W.* Op. cit. P. 9).

³⁴ *Carroll W.* Op. cit. P. 72.

³⁵ [*Meyer L.*] Op. cit. P. 131, 139, 154.

³⁶ *Van Bunge W.* Spinoza Past and Present: Essays on Spinoza, Spinozism, and Spinoza Scholarship. Leiden, 2012. P. 42; *Israel J.* Spinoza as an Expounder, Critic, and «Reformer» of Descartes // *Intellectual History Review*. 2007. Vol. 17 (1). P. 41–53.

Leiden from where its rooted networks spread also to The Hague, Rijnsburg, Utrecht, and Rotterdam. The principal members of the initial group were Franciscus Van den Enden (1602–1774) later executed by Louis XIV for his part in conspiracy against his crown, Johannes and Adriaen Koerbagh, Lodewijk Meyer, Spinoza, Abraham Cuffeler (c. 1637–1794), the Collegiant Jarig Jelles (c. 1620–1683), Johannes Bouwmeester (c. 1630–1680), the prolific translator Johan Hendrik Glazemaker (1620–1682), Abraham van Berckel who translated Hobbes into Dutch and, crucial for the evolution of the group's political thought, Johan and Pieter de la Court, at Leiden. Spinoza's philosophy was his individual achievement in great part but also to an extent a joint product contributed to by all of these personages while, at the same time, he also influenced them in their collective and individual intellectual formation and unremittingly dissident attitude.

The «Dutch Way» is arguably the key to comprehending the true impact of republicanism on the Enlightenment and 18th century political thought, but has been largely missed by historians and scholars due to its being not just comprehensively anti-Hobbesian, anti-Lockean in its logic, but operating against the Harringtonian trend of classical republicanism. In late 18th century terms, it was also anti-Rousseauiste, and although it powerfully intruded on the English scene, in origin it was not English but Dutch, hence something modern scholarship tends to ignore. Yet, it is in the «Dutch way» that we find the explanation for how a clandestinely diffused and fiercely anti-ecclesiastical republicanism evolved first in England, and then in France, and developed into a representative crypto-republicanism culminating in d'Holbach, Diderot, Raynal and Condorcet prior to the outbreak of the French Revolution. For the «Dutch way» did indeed prove powerfully attractive to ideological opponents of French absolutism and not least to Toland, Shaftesbury, Tindal and Mandeville and later the school of Diderot.

Джонатан Израэль

**Революция и радикальное Просвещение:
панорама 1650–1848 годов**

Обычно считают, что ранние революции Нового времени (до 1789 г.) не столько «совершались целенаправленно», сколько просто «происходили», что в них нельзя видеть результат действий коллективной воли, если только не понимать под ней нечто весьма ограниченное и пассивное. Как убедительно показали Кит Майкл Бейкер и другие историки, в описаниях эпохи Славной революции 1688–1689 гг. революция, как правило, предстает корректирующим процессом, который направляется свыше или извне. Это представление о «провиденциальной революции», характерное для XVII в., имело мало общего с распространившимся позднее

пониманием революции как продолжительного акта социального возмущения и коллективной борьбы, требующего от участников яростного противодействия существующему политическому строю. До 1789 г. революции могли быть «удачными», «необычайными» или «славными», но по существу являлись составной частью предустановленного порядка вещей.

Для революционной эпохи 1789–1848 гг. характерен новый вид революционного сознания и мировосприятия, не имевший ранее реальных precedентов. Перед историком стоит задача выявить достаточно широкий и содержательный – общеевропейский и трансатлантический – набор факторов, объясняющих этот гигантский и в высшей степени важный сдвиг. Автор стремится показать, что, какими бы сильными ни были социальное возмущение и культурная фрустрация в определенных сегментах общества, какому бы угнетению, эксплуатации и дискриминации ни подвергались определенные классы и религиозные меньшинства, не существовало таких социальных или культурных изменений, ссылками на которые можно было бы объяснить эту колоссальную трансформацию, не учитывая иного, более широкого стимулирующего воздействия. Социальное недовольство принимает принципиально новую форму, обретает небывалую силу и сознает себя лишь тогда, когда соединяется с бескомпромиссной системой взглядов, которая недвусмысленно отрицает любые оправдания существующего порядка, любые его нормы, и прямо посягает на авторитет сложившейся в Европе монархически-церковно-аристократической системы. Радикальное Просвещение, решительно отвергающее авторитет религии и в то же время отстаивающее идею демократической республики, стало мощным интеллектуальным механизмом, способным произвести столь повсеместную и всестороннюю перестройку мировоззрения.

VINCENZO FERRONE

VIRTUES AND RIGHTS OF MAN
FROM THE LATE ENLIGHTENMENT TO THE FRENCH
REVOLUTION

It is never easy to trace the history of a word, especially if it has gone out of use. In fact, every time we hear someone using the term «virtue», it sounds inappropriate, anachronistic, inaccurate, even annoying and irritating. When employed by contemporary political leaders, it makes their whole sentence sound deceiving and rhetorical.

The historical period between 1789 and 1815 was crucial for the evolution of the modern concept of virtue as well as for its progressive fading and final disappearance. We all know that during those years the Enlightened culture experienced a turbulent confrontation with the French Revolution, a confrontation that left it deeply shaken and put it on an endless trial that still endures today. In the last few decades the historiographical tradition on the Enlightenment and its connection with the French Revolution has been progressively revisited. The coincidence of such process with the fall of the Berlin Wall and the end of the Communist utopia cannot be accidental. Hence, the study of the evolution of the term «virtue» must keep into account the results of such field of research.

The link between the Enlightenment and the French Revolution had already been at the center of the *Historical Dictionary of the Enlightenment*, edited by Daniel Roche and myself, and published in 1997. That Dictionary collected the results of the studies on Enlightened culture made by more than forty different scholars. The publication was the product of several conferences and workshops and it advanced the proposal of a new cultural and multi-disciplinary approach to the history of the Enlightenment. On the one hand, it attempted to include in its scope every field of academic

research in order to illustrate how the evolution from the *Ancien Régime* to the Enlightened culture involved language, customs, values, representations and artistic forms of communication¹. On the other hand, our work argued for the cultural independence of the Enlightenment, and emphasized the discontinuity between our newly-elaborated cultural history and the old and hegemonic historiographical paradigm – totally teleological and ideological – which paired the Enlightenment with the French Revolution. Later, in 2009, I authored the volume *Lezioni illuministiche* – translated in English as *The Enlightenment: The History of an Idea* – which resulted from a series of lectures I gave at the Collège de France². The text, first, reassessed the chronology and geography of the European Enlightenment as outlined by Franco Venturi in his *Trevelyan Lectures* given at Cambridge University in 1969³. Second, it attempted to demonstrate the consistency of the late Enlightenment (*Lumières Tardives, Late Enlightenment, Spätaufklärung*) as an independent historical epoch. Finally, it emphasized the role of the Enlightenment as a true laboratory of modernity, and regarded it as a concrete historical manifestation of innovative values as well as novel political, moral and economic ideas. It criticized, therefore, the philosophical conception that confined the Enlightenment to the image of a mere idealistic and dialectical phenomenon.

And yet, for what concerns the core of my address, I refer to my recent publication on the history of the rights of man within the Enlightened culture⁴. There I argue that the vocabulary of rights constitutes the highest achievement of the so-called sciences of man, developed by Enlightened intellectuals in the eighteenth century. In other words, this vocabulary constitutes the most precious inheritance of the Enlightenment, which we still ought to treasure today. The same stance has been taken by American historiographers like Lynn Hunt and Dan Edelstein⁵. Nevertheless, the combination between the vocabulary of rights and the history of virtue has never been successful. For instance, there is no trace of it in Marisa Linton's *The Politics of Virtue in Enlightenment France*⁶, although she does explain the several new connotations that the term assumed during the eighteenth century in the work of several

¹ L'Illuminismo: Dizionario storico / A cura di V. Ferrone e D. Roche. Roma; Bari, 1997. Spanish edition: Diccionario histórico de la Ilustración. Madrid, 1998; French edition: Le monde des Lumières. Paris, 1999; Russian edition: Мир Просвещения: Исторический словарь. М., 2003).

² Ferrone V. *Lezioni Illuministiche*. Roma; Bari, 2010. German translation: *Die Aufklärung: Philosophischer Anspruch und kulturgeschichtliche Wirkung*. Göttingen, 2013; English translation: *The Enlightenment: The History of an Idea*. Princeton, NJ, 2015).

³ Venturi F. *Utopia and Reform in the Enlightenment*. Cambridge, 1971.

⁴ Ferrone V. *Storia dei diritti dell'uomo: L'Illuminismo e la costruzione del linguaggio politico dei moderni*. Roma; Bari, 2014.

⁵ Hunt L. *Inventing Human Rights: A History*. New York, 2007; Edelstein D. *Enlightenment Rights Talk // The Journal of Modern History*. 2014. Vol. 86, N 3. P. 530–565.

⁶ Linton M. *The Politics of Virtue in Enlightenment France*. Basingstoke, 2001.

intellectuals. We are all aware of how, on the one hand, the term entered a process of metamorphosis in order to satisfy the growing need for a new rational, natural, secular, cosmopolitan and universalistic morality expressed by the Enlightened culture. One capable of dealing with the principle of equality and with the neo-Stoic considerations on natural law focused on the duties of man, elaborated by Pufendorf and Grotius. On the other hand, the term had to adapt itself to the eighteenth-century patriotism, as well as to the wealth and luxury of modern times. The thoughts of Montesquieu, Rousseau, Diderot and Mably on these topics are well known, as well as their claim for the necessity to rethink social virtues according to the new notions of *bienfaisance* and philanthropy. On the contrary, we still have a poor knowledge of the relationship between virtue and rights of man in the late Enlightenment. The first scholar to draw attention on this topic was John Pocock in the latest edition of his *Machiavellian Moment*. In this crucial study, he traced the rebirth in the early-modern West of Aristotle's ancient ideal of the man as *zoon politikon*, namely *homo politicus*, which clashed with the morals and virtues of the Christian *homo credens*. Such discourse was based on the reinterpretations of the *zoon politikon* given by Machiavelli and other important intellectuals of the Italian Renaissance. These intellectuals had generated what is regarded as modern civic humanism, which consisted, first, in new principles of civic and political virtue conceived as the direct participation in the state's political life; and second, in the ideal of a motherland inhabited by free citizens, soldiers and farmers owning their land, who all cooperate towards a form of self-government based on the model of the Roman Republic. Pocock had the idea to extend to eighteenth-century England and to the American Revolution the analysis of the enduring historical function of the civic humanism of Florence. He contrasted the classical republican ideal of civic virtue with the corruption, luxury and egoism of the British *homo mercator*, who was due to dominate the global scene; at the end, however, Pocock regretfully recognized the growing relevance that the surfacing of a new moral and political vocabulary of rights had in the eighteenth century, and, above all, he acknowledged the presence of a *Lockean Moment* within European Enlightened culture⁷. Unfortunately, his few remarks remained unheard, in fact at present the link between virtue and rights still remains to be investigated. A short glance would be enough to understand how fertile and promising that field of research is. For example, we could mention a significant intellectual of the Italian Enlightenment, Antonio Genovesi, whose works largely circulated in Germany and Spain. His *Diceosina o sia della filosofia del giusto e dell'onesto*, published in 1766, was one of the first texts on the new rationalistic, universal and cosmopolitan morality to be entirely based on the modern vocabulary of rights as well as on the ethical assumption that those rights are equal for every man. More specifically, Genovesi denounced, on the one hand, the advocates of the slave

⁷ Pocock J.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, N.J., 1975.

trade, who twisted the arguments for the presence of different human species elaborated by Buffon in his *Histoire naturelle de l'homme*, and restored in scientific terms the Aristotelian concept of the existence of natural slaves⁸. On the other hand, he also condemned the linguistic disorder that affected the Enlightened political language. Indeed, he had inherited from his teacher Giambattista Vico the urge for a wise usage of «the magic of words», that is, a correct translation of ancient terms and concepts into the modern language, having a clear idea of the different meanings that words assume across the centuries. Such urge is clearly visible in the commentary that Genovesi wrote for the 1757 translation of Montesquieu's *Esprit de lois*:

I would have preferred that the author had clarified, first, what he intends with the term «government»; second, what he intends with «virtue»; third, what he means with the word «honor»; finally, what the word «motherland» means. These are all very complex notions, and he does not employ them always with the same meaning. Hence, diverging conclusion often arise⁹.

However, most of his attention was directed to the ongoing change in the meaning of virtue. The ancient Stoic and Ciceronian concept of a natural law reiterated by Grotius and Pufendorf anchored the concept of moral virtue to the notion of duty. Montesquieu, on the opposite, transformed it into the political pillar that powered the engine of republican governments, therefore excluding it from a monarchic system and attaching it to patriotic principles and to the old respect for the *res publica*, whereas, in modern monarchies, he argued, it was the quest for honor to move everything. Such stance was unacceptable for Genovesi, because it did not acknowledge that the new republicanism had to be established upon the recognition of equality of rights for everyone as the new modern meaning of the term «virtue»:

This term, virtue, is extremely ambiguous. It can refer to Christian humility as well as to a deep attachment to civil liberty. I intend «virtue» as an attitude of non-interference and non-violation of someone else's rights. Such virtue has to be present in every state, and specifically inside those who govern: a government who lacked of it would disintegrate natural society, which constitutes the necessary foundation for civil society¹⁰.

In Naples as well as in Milan, where Beccaria and Verri were active, the new vocabulary of rights redefined not only the concept of virtue, but also the meaning of the humanity of man. In fact, starting from the work of Vico and Rousseau, Gaetano Filangieri matured a strictly secular definition of humanity based on man's entitlement to natural rights. In his *Scienza della Legislazione* (*The Science of Legislation*) – a true bestseller, immediately translated in all

⁸ Genovesi A. Della diceosina o sia della filosofia del giusto e dell'onesto / Introduzione e testo a cura di N. Guasti; presentazione di V. Ferrone. Venezia, 2008. P. 44.

⁹ Cf. Montesquieu. Spirito delle leggi... / Con le note dell'abate Antonio Genovesi. [Napoli: Domenico Terres], 1777. T. I. P. 81.

¹⁰ Ibid. P. 51.

Western languages, including three German editions¹¹, – by elaborating a new republican juridical system and an original «Enlightened constitutionalism» based on the vocabulary of the rights of man, Filangieri attempted to reconcile ancient political and civic virtues with modern wealth generated by the rising trade and manufacturing sectors¹². Indeed, several chapters of his work aimed at surpassing the so-called «paradox of modern commercial societies», so rich but so unequal and corrupt at the same time, if compared to ancient societies, which were poorer but more virtuous. An admirer of Machiavelli and Helvetius, he believed that he could settle this paradox by combining free market with the rights of man, interests with rights, and natural law with utilitarian philosophy. More specifically, he intended to instruct citizens in the practice of virtue, conceived as a matter of public interest. A practice that was, then, supposed to be rewarded in specific ceremonies as it used to be in ancient Rome.

To this end, Filangieri deemed that the theory of Montesquieu according to which the political engine of modern monarchies was honour, as fear was for despotic governments and virtue for ancient republics, was incorrect. Filangieri, who favoured in fact Machiavelli's and Vico's realism, argued that the only true leverage, valid for all times and forms of government, came from the «love for power». Hence, it was a matter of «channelling this passion and transforming it into something useful», by rewarding it and spreading its effects through a grand legislative plan for a system of national public education. In other words, he proposed to educate the civic and political virtue of modern citizens on respecting the rights of man as a new universal morality.

The same love of power – he claimed – which in a free and well-ordered republic renders the citizen virtuous and loving of the fatherland, makes him a monster in a despotic government¹³.

I could provide you with additional examples of European Enlightened intellectuals who, during the second half of the eighteenth century, redefined the concepts of virtue and human dignity on the basis of the respect for rights. We could mention Diderot's critique of slave trade, or his verdicts against the physiocrats during the *Guerre des farines* (the Flour War), or even Voltaire's commentaries on the Calas case¹⁴. However, I believe that we should rather focus on the German Enlightenment.

¹¹ Cf. the new full critical edition in 7 volumes published by the Centro di Studi sull' Illuminismo Europeo «Giovanni Stiffoni»: *Filangieri G. La scienza della Legislazione* / Ed. critica diretta da V. Ferrone. Vol. VII: La genesi e le edizioni della *Scienza della Legislazione*: Indice delle fonti. Indice analitico. Indice dei nomi e dei luoghi / A cura di A. Trampus e G. Tocchini. Venice, 2004.

¹² Cf. *Ferrone V. La politique des Lumières Constitutionnalisme, républicanisme, droits de l'homme, le cas Filangieri* / Préface par T. Ménissier. Paris, 2009. English translation: *The Politics of Enlightenment: Republicanism, Constitutionalism, and the Rights of Man* in Gaetano Filangieri. London; New York; Delhi, 2012.

¹³ *Filangieri G. Op. cit.* Vol. IV. P. 20.

¹⁴ Cf. *Ferrone V. Storia dei diritti dell' Uomo*. P. 360–413.

Reinhard Koselleck has rightly stated that «the main topic of the eighteenth century is the moral element aspiring to become political»¹⁵; in fact, he brilliantly and suggestively investigated this historical process of contamination between the moral and political spheres. Nonetheless, he matured a negative stance with respect to the Enlightenment that cannot be maintained nowadays in light of more recent studies. We cannot accuse the Enlightened political culture of being abstract and hypocrite. We cannot accuse it of having triggered the crisis of modernity, hiding political will behind moral discourse, appealing to the virtue of ancient civilizations and systematically ignoring any reference to the birth of the language of rights.

In fact, those rights, thanks to their nature both moral and political, would dominate the debate inside German masonic lodges as well as on the public press. They would be the object of theatre plays as well as of literary and philosophical works. They would even overtake the Enlightenment struggles against absolutism, against servitude and in support of the freedom of the press. The so-called politicization of the Late European Enlightenment and of the *Spätaufklärung* originated also from the practice of the new language of rights. We are all aware that within masonic lodges it was strictly forbidden to talk about politics. However, such prohibition was rapidly circumvented by discussing the new morality and the virtue of modernity through a constant reference to the vocabulary of rights. The most striking example were the Bavarian Illuminati, who upheld the new virtue to primary aim of their subversive plan.

Still, we do not need to study masonic secrets and their philosophies of history, which merged rights and virtues in complex political theologies. We would just need to examine Schiller's *Don Carlos* in order to understand that the paradigm of the new virtuous republican man, who fights despotism and defends the rights of man, had definitely asserted itself in the political culture of the Late Enlightenment¹⁶. In his *Briefe über Don Carlos* of 1788, Schiller clarified that his tragedy aimed at reflecting with great clarity matters and ideals of public domain. For example, the spirit of freedom struggling against despotism, the breaking of the chains of bigotry, wavering old prejudices, people claiming their rights, republican virtues at work, circulation of clearer concepts, intellects in turmoil, high spirits due to a novel passionate interest.

There is no doubt that virtue and rights stood side by side throughout the Late Enlightenment. However, this new approach to republican virtues had not to degenerate in extremism, that is, violent imposition of rights. The end could never justify the means when that virtuous language was involved.

¹⁵ Cf. Koselleck R. *Critica illuministica e crisi della società borghese*. Bologna, 1972. P. 39.

¹⁶ Cf. Ferrone V. *Storia dei diritti dell'Uomo* cit. P. 468–472; Schings H.-J. *Die Brüder des Marquis Posa: Schiller und der Geheimbund der Illuminaten*. Tübingen, 1966. S. 163–170.

[T]he most unselfish, purest, and noblest person – argues Schiller while explaining the authentic meaning of his tragedy and of the character of marquis Di Posa – very often, because of enthusiastic devotion to his idea of virtue and happiness to be gained, he is very often displayed dealing just as arbitrarily with individuals as even the most selfish despot <...>. True greatness of mind often leads no less to the violation of the freedom of others than does selfishness and the lust for power, because it acts for the sake of the action, not for the sake of the individual subject¹⁷.

The ultimate sense of the play seems, then, a staggering and prophetic warning on the revolutionary interpretation of the term virtue that would have arisen later at the times of the Jacobin Reign of Terror. Hence, we can suppose that he would have been horrified if he had listened to Saint-Just's speeches and, above all, to Robespierre's notorious address of 5 February 1794 when he explained his idea of republican virtue to the members of the Convention using exactly these words:

If the spring of popular government in time of peace is virtue, the springs of popular government in revolution are at once virtue and terror: virtue, without which terror is fatal; terror, without which virtue is powerless¹⁸.

How can we be surprised of the decline of the term virtue? In the culture of the Late European Enlightenment that word represented a new humanity determined to pursue its happiness through the exercise of its rights. Differences are self-evident. However, we must reiterate that to critically rethink these differences means, above all, to abandon old archetypes, ideological prejudices and historiographical categories that were invented between the nineteenth and twentieth centuries in order to legitimate the old fierce and violent nationalism, which maliciously mixed Enlightenment and Terror. The revival of the Enlightenment as an independent phenomenon, significant and abundant of values that constitute the identity of modern Europe, is left to new generations of historians. Certainly, to do so, they will have to be fearless in navigating on the high seas, questioning the past in a new, serious and persuasive way, finally abandoning old prejudices and passionately challenging the established authorities.

¹⁷ Cf. *Foi M.C. Il prezzo dell'amore: Incontri pericolosi nel Don Carlos di Schiller // Cultura e rappresentazione nell'età di Goethe / A cura di M. Cometa e L. Crescenzi. Roma, 2003. P. 132.*

¹⁸ *Robespierre M. Rapport sur les principes de morale politique qui doivent guider la Convention nationale dans l'administration intérieure de la République, 5 February 1794 // Robespierre M. Œuvres / Sous la dir. de M. Bouloiseau et A. Soboul. Paris, 1967. T.X. Discours (5e partie). P. 357.*

Винченцо Ферроне

**Добродетель и права человека:
от позднего Просвещения к Французской революции**

Рассматривая эволюцию смыслов, вкладываемых в слово «добродетель», автор статьи показывает, что освободительный проект, предложенный поздним Просвещением, принципиально отличается от политической культуры эпохи Французской революции. Примеры, почерпнутые из итальянского и немецкого культурных контекстов, свидетельствуют, что Просвещение, в противоположность Французской революции, устанавливало между понятиями добродетели и прав человека существенную связь.

EDOARDO TORTAROLO

REFORMING RELIGION, REFORMING POLITICS?
AN ENLIGHTENMENT DISCUSSION ON SECULARIZATION

At the high point of British political, social and religious stability, William Warburton, an Anglican priest and country parson at Brant Broughton, Lincolnshire, put his deep and slightly obsessive knowledge of classical antiquity to good use and published a volume entitled the *Alliance between Church and State* in 1736. Warburton addressed an issue that was haunting the English as well as the European educated public of his day, and would impact the politics in the last quarter of the 18th century and at the beginning of the 19th century most severely. Warburton's approach was shaped by the experience of England, Scotland, and Ireland since the proclamation of the 34 Articles and the creation of the Anglican Church. To Warburton, the Anglican Church represented the perfect paradigm of how the relations between religious and civil institutions should be established. Given that an alliance between the two was necessary, «In England alone, the original terms of this convention are kept up so exactly, that this account of Alliance between church and state, seems rather a copy of the Church and State of England, than a theory, as indeed it was, formed solely on the contemplation of nature, and the unvariable reason of things»¹. Different ways of regulating their relations were out of the question and could only be rejected as insane and unreasonable approaches to a fundamental question. Warburton's catalog of failed solutions summed up the recent history of Christian Europe.

© Edoardo Tortarolo, 2018

¹ *Warburton W.* Alliance between Church and State // The works of the Right Reverend William Warburton, D.D., lord bishop of Gloucester. London, 1811. Vol. 7. P. 166. On Warburton: *Sorkin D.* The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna. Princeton, NJ; Oxford, 2008. P. 23–66; *Taylor S.* William Warburton and the Alliance of Church and State // *Journal of Ecclesiastical History.* 1992. Vol. 43, Issue 2. P. 271–286.

The Papist makes the state a creature of the church; the Erastian makes the church a creature of the state; the Presbyterian would regulate the state on church ideas; the Hobbeist, the church, on reasons of state: And, to complete the farce, the Quaker abolishes the very being of a church; and the Mennonite suppresses the office of the civil magistrate².

Warburton went to great lengths to show why church and state were different and independent entities, and yet must mutually support each other, and to persuade his readers that toleration in religious matters went hand in hand with social order. The alliance between church and state was contractual in nature and fulfilled a requirement of natural law and of natural religion. It was, as Warburton claimed, «a free convention», «mutually given and received», producing a «peaceable union so beneficent to civil society»³. His avowed aim was «To furnish every Lover of his country with reasonable principles, to oppose to the destructive Fancies of the Enemies of our happy Establishment. Not to reform the fundamental Constitutions of the State, but to show they needed no reforming»⁴. Warburton put forward a clearly functionalist argument: the established Church is instrumental in buttressing the authority of the civil institution through the dissemination of the belief in the afterlife that the state badly needs to keep good order in society.

Warburton's treatise enjoyed enormous success. It propelled Warburton to become bishop of Gloucester in 1760 and was the first of many works that earned its author a degree of fame in Europe that outlasted his death in 1779. In particular, *The Alliance between Church and State* attracted widespread attention on the Continent through the translation and adaption of the parts of it by Etienne de Silhouette, published in 1742 with the title *Dissertations sur l'union de la religion, de la morale, et de la politique*. The French version combined sections from the *Alliance* with parts of *The Legacy of Moses*, a later work by Warburton, and was widely read and commented upon as late as the 1790s. It became the source, sometimes explicitly and more often than not unacknowledged, of a substantial part of the discussion on the repercussion of religion on civil society, including major representatives of the Enlightenment, such as Rousseau, Herder, Moses Mendelssohn, Bonneville⁵. Relevant articles of Diderot's and d'Alembert's path-breaking *Encyclopédie*, including the entry *Société*, made extensive use of Warburton's erudition and insights⁶. Despite his notoriety, Warburton was definitely ineffective in arguing that the paradigm provided by the established church would make «reforming» unnecessary in

² Warburton *W.* Op. cit. P. 41.

³ Ibid. P. 285.

⁴ Ibid. P. 289–290.

⁵ See *During S. Church, State, and Modernization: English Literature as Gentlemanly Knowledge after 1688 // Studies in Eighteenth-Century Culture*. 2008. Vol. 37. P. 167–196. There is an excellent discussion of the impact of Warburton's *Alliance* in England, that lasted until Coleridge's *Constitution of Church and State* in 1830 that pleaded against the Irish Catholic Emancipation.

⁶ *Cherpack C. Warburton and the Encyclopédie // Comparative Literature*. 1955. Vol. 7, N 3. P. 226–239.

England and, by extension, that the rest of the Christian states would embrace the Anglican model and eventually become impervious to reform. A constant revision of the relations between civil and religious institutions was the norm in the latter quarter of the 18th century, and the notion itself of an alliance and collaboration between the two underwent a variety of changes that have become a feature of the Enlightenment on the European continent.

Political events after 1736 proved Warburton wrong in the short as well as in the long run in England too. The Dissenters criticized the established Church for excluding, in fact, a sizeable portion of the population from the civil and political rights; Deism gained a foothold in English society that became manifest in the 1780s and 1790s⁷. A reform of the alliance advocated by Warburton was repeatedly debated both in Parliament and in public opinion, and this engagement finally led to the recognition that its redefinition was an urgent task. The Reform Bills passed in the 1830s were the obvious consequence of a prolonged and dramatic confrontation over the merits of the English model that was challenged since the 1770s and 1780s and the disestablishment of the Anglican Church eventually became reality. Events in Europe would have surprised Warburton less, had he lived long enough to witness them. A visible discrepancy between his expectations and the actual course of events in continental Europe is, nonetheless, undeniable. Did continental Enlightenment make the difference?

Different ways to forge «the Alliance between church and state» were a key feature of 18th-century Europe, a legacy of the age of confessionalism that replaced the encompassing structure of the late medieval church starting in the mid-16th century⁸. The Papist paradigm pointed out by Warburton would hardly constitute an accurate description of the intertwining relations between the Catholic Church and the various European states where Catholicism prevailed. Nor would the Erastian paradigm, as sketched by Warburton, account for the shifting interactions that Protestant sovereigns and republican city councils had to negotiate with the different orientations in the Lutheran and Calvinist ecclesiastical organizations. To a varying degree, throughout Europe the whole gamut of questions linked to religion and ecclesiastical institutions was critically reviewed during the second half of the 18th century: crucial questions such as the theological foundations of Christianity, the role played by church properties in the economic life, and the function of religious opinions in society, were increasingly brought to the attention of the reading public. Under the pressure of a public opinion for which secularizing trends were becoming more outspoken and appealing, no stone was left unturned. Religion was one of the main topics in public discussion that even the most severely restrictive censorship could not effectively suppress.

⁷ *Atheism and Deism Revalued: Heterodox Religious Identities in Britain, 1650–1800* / Ed. by W. Hudson, D. Lucci, J.R. Wigelsworth. Farnham, 2014.

⁸ *Die Säkularisation im Prozess der Säkularisierung Europas* / Hrsg. von P. Blickle und R. Schlögl. Epfendorf, 2005.

Speaking of secularization might seem inappropriate in the context of 18th-century politics. In the different European languages, the term equivalent to «secularization» existed. It had, however, a very different meaning from today's vocabulary, as it described the juridical process by which a member of an ecclesiastical order became a secular priest and the civil authority forfeited a property of the Church as a consequence of a sovereign decision⁹. Despite their belonging to the juridical vocabulary (*séculariser* was a term used in the 1648 peace treaty of Westfalia), these forms of secularization implied emancipation. In 1683 the *Jésuite sécularisé* emphasized the transformation for the good of a former Jesuit who had fled the dark mysteries of his order and was now living as a secular priest «with honor and esteem» in civil society¹⁰. In the article *Sécularisation* in the *Encyclopédie* the technical meaning of secularization is stressed as a consequence of the confessional antagonism culminated in the Thirty Years War. In the final passage the political sense of secularization is mentioned with reference to the Holy Roman Empire:

The boundless revenues of many bishoprics and abbeys in Germany would provide an easy way to put an end to the bloody fights that affect the secular princes and states composing the German body politic. One would wish that secularization is used in order to take from the hands of the clergy the wealth that ignorance and superstition once passed over to men whom worldly power and pomp have turned away from the functions of the sacred ministry, to whom they must devote themselves¹¹.

During the 18th century, secularizing church properties in Catholic countries implied that the civil authority was redressing the proper balance in society between the Catholic Church (and occasionally the Anglican Church too¹²),

⁹ For the German-speaking countries see: *Zabel H. Säkularisation, Säkularisierung // Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1984. Bd. 5. S. 789–829.*

¹⁰ *Le Jésuite sécularisé. Cologne: chez Jaques [sic] Vilebard, 1683. P. 18. For this plaidoyer for religious toleration see: Bietenholz P.G. Tolerance, Socinianism and the puzzles of Le Jésuite sécularisé // La formazione storica dell'alterità: Studi di storia della tolleranza nell'età moderna offerti a Antonio Rotondò / Promossi da H. Méchoulan, R.H. Popkin, G. Riciperati, L. Simonutti. Firenze, 2001. Vol. 2 (Secolo XVII). P. 617–636.*

¹¹ «Les immenses revenus que possèdent un grand nombre d'évêchés & d'abbayes d'Allemagne, fournissoient une maniere facile de terminer les disputes sanglantes qui déchirent souvent les princes & les états séculiers dont le corps germanique est composé. Il seroit à désirer que l'ont eût recours à la *sécularisation* pour tirer des mains des ecclésiastiques, des biens que l'ignorance & la superstition ont fait autrefois prodiguer à des hommes, que la puissance & la grandeur temporelles détournent des fonctions du ministère sacré, auxquels ils se doivent tout entiers.» – *Sécularisation // ENC. 1765. T. XIV. P. 883b.*

¹² See: *The State Preferable to the Church; or, Reasons For making Sale of the whole present Property of the Church, in England and Ireland, for the Use of the State; and for rendering the Clergy more equal among themselves, less vexatious and onerous to the Laity, and more dependant on their Head, by subjecting them to the Exchequer for their Stipends, as practised in Holland. <...> London: M. Cooper, 1748. It argued, as the title shows, for the decrease of the church's wealth.*

whose wealth came to be perceived as excessive, and the common people making up the majority of the population and taking the brunt of the degeneration of the ecclesiastical institution. The suggestion made in an anonymous entry of the *Encyclopédie* expressed the blueprint for a variety of measures taken by the European governments before the French revolution. Reducing the economic and juridical role of the Catholic Church was parallel to the decrease of religion as a point of reference for the social life in all its various aspects. However, it was only in the mid-19th century that secularization shifted its meaning from the juridical and political field to the cultural and social sphere to indicate the process of cutting down the role of the churches and religious beliefs and practices in public and private life and of enhancing the importance of worldly goods, knowledge, and social values. Famously, a disenchanted world is the core of secularization, according to the major theorists of secularization. With the benefit of hindsight, the anticlerical liberals and socialist secularists projected onto the thinkers of the Enlightenment their own intention to legitimize the deep changes in society and state that the dual revolution of the late 18th century had produced and applied the concept of secularization to this process that they projected onto the 18th century. After enjoying immense popularity among social scientists, secularization has become the target of sustained criticism. Secularization in the 18th century, so its critics maintain, is a militant and non-scientific concept that has no place in a historical discussion¹³. There are good reasons to reject the teleological implications that have been associated with secularization in modernization theory. Discarding secularization as a viable concept to describe the changes that occurred in the European society in the late 18th century is, however, far-fetched. Secularization is a necessary component in the historian's tool-box to understand the deep-cutting change occurring in the *Sattelzeit*.

Reform, too, has a dramatic history, that Joanna Innes has recounted recently from its very beginning in classical antiquity focusing mainly on the British political history¹⁴. In the early modern period, reform was often used in the religious and in the political sphere to express the need to go back to the very beginning, to the original and pure state of origin to be restored: reform was intended to be no innovation per se. During the 18th century

¹³ *Hunter I.* Secularization: The Birth of a Modern Combat Concept // *Modern Intellectual History*. 2015. Vol. 12, Issue 1. P. 1–32; *Borutta M.* Genealogie der Säkularisierungstheorie: Zur Historisierung einer grossen Erzählung der Moderne // *Geschichte und Gesellschaft*. 2010. Bd. 36. S. 347–376. For an overview of the discussion see *Hübinger G.* «Säkularisierung»: Ein umstrittenes Paradigma der Kulturgeschichte // *Dimensionen der Moderne: Festschrift für Christof Dipper* / Hrsg. von U. Schneider und L. Raphael unter Mitarbeit von S. Hillerich. Frankfurt am Main, 2008. S. 93–106.

¹⁴ *Innes J.* Reform in English public life: the fortunes of a word // *Rethinking the Age of Reform: Britain, 1750–1850* / Ed. by A. Burns and J. Innes. Cambridge, 2003; *Idem.* La «réforme» dans la vie publique anglaise: Les fortunes d'un mot // *Histoire, économie & société*. 2005. N 1. P. 63–88.

reform gradually lost this connotation and came to indicate a profound change finalized by the political leadership for the benefit of everybody. Depending on the context, it was not always clearly distinguishable from revolution, a term itself that underwent a considerable transformation during the 18th century¹⁵. In the 1760s the Italian writer Carlantonio Pilati entitled his book *Di una riforma d'Italia* and focused on the problematic relations of the Italian states to the Roman Church since the Council of Trent. To Pilati reform was in no way a change in religious dogmas that would replicate the Protestant Reformation: it rather meant a radical shift in institutions, social mores and cultural assumptions aimed at the moral improvement of the Italians from the decay provoked by the corruption of the clergy and by superstition that was stifling the character and prosperity of the different Italian states. Reform was a contested term that supporters, as well as opponents, redefined time and again: a supporter of Pilati's program called him emphatically «politico riformatore», while Catholic writers stressed the destructive potential of reforms¹⁶. Beyond the language barriers of the Italian version of the Enlightenment, it is clear that «reform» came to be applied to a variety of social and political areas in the major European languages, including the relations between Church and State. It was, however, neither the only word to be used to indicate change by a political agency, nor did it imply the element that is now prominent in our understanding and usage of reform: its smoothness, its rational and consensus-based use of resources, its self-imposed restraint in displaying force and authority. The antonym of reform was not yet revolution, but rather tradition. If applied to the role of religion and ecclesiastical institutions in society, reform implied significant change and confrontation.

In 1790 Edmund Burke reviewed the provisional outcome of the systematic challenge to traditional religiosity and the active ecclesiastical policy pursued by the most powerful European monarchies and republics for a quarter of the century. In his seminal *Reflections on the French Revolution* Burke was appalled by what he considered the unacceptable confusion between civil and religious elements of life that the National Assembly had introduced into French and European politics and that Richard Price and the English dissenters were trying to apply to the English monarchy¹⁷. Burke rejected the notion that reform is impossible or undesirable. On the contrary, he claimed that the French monarchy and the French clergy, in particular, should have been changed to preserve its well-being and *raison d'être*. What happened in France was the rejection of religion as the principal basis for civil order and anarchy was ensuing. Just like Warburton a half-century earlier,

¹⁵ Baker K.M. Revolution 1.0 // Journal of Modern European History. 2013. Vol. 11, N 2. P. 187–220.

¹⁶ Venturi F. Settecento riformatore. II: La chiesa e la repubblica entro i loro limiti. Torino, 1977. P. 305.

¹⁷ Bourke R. Empire & Revolution: The Political Life of Edmund Burke. Princeton, NJ; Oxford, 2015. P. 676–740.

Burke considered religion a vital component of civil society to be protected by political power, and especially so when it begins «the fabric of a new government, or the reformation of an old». All nations did so:

<...> by establishing originally, or by enforcing with greater exactness some rites or other of religion. All other people have laid the foundations of civil freedom in severer manners, and a system of a more austere and masculine morality. France, when she let loose the reins of regal authority, doubled the licence of a ferocious dissoluteness in manners, and of an insolent irreligion in opinions and practices; and has extended through all ranks of life, as if she were communicating some privilege, or laying open some secluded benefit, all the unhappy corruptions that usually were the disease of wealth and power. This is one of the new principles of equality in France¹⁸.

France, he concluded, would have profited from «a reformed and venerated clergy»¹⁹. Here Burke raised two questions that are relevant for the history of the secularizing reforms before the French revolution. The first addressed the nature of reform itself. To Burke, as well as to David Hume before him, political action could not consist in the realization of a set of natural rights. «Government is not made in virtue of natural rights, which may and do exist in total independence of it; and exist in much greater clearness, and in a much greater degree of abstract perfection: but their abstract perfection is their practical defect»²⁰. This was to Burke the basis and justification of reforms. «There is something else than the mere alternative of absolute destruction, or unreformed existence»²¹. The process of revision that governments are entitled and required to carry out constantly represents that middle ground. For this process Burke seems to use different terms interchangeably. «The science of constructing a commonwealth, or renovating it, or reforming it, is, like every other experimental science, not to be taught *à priori*»²². Burke implies that by definition reform is piecemeal and tentative but also extremely effective in fulfilling the aim of human society. The second question touched on the ability of the Bourbon monarchy to finalize reforms before 1789. Unsurprisingly, Burke considered the French monarchy to be reformed, and more surprisingly that it had been exceedingly open to reforms and innovations. Far from being an example of oriental despotism, Burke maintained, the French monarchy had invited suggestions for reforms «with a censurable degree of facility»²³. The government might look to be held responsible for the state of expectation and desire for change that fueled the revolutionary events. Moreover, Burke's vocabulary on reform seems to be inconsistent: on the one hand, France went

¹⁸ *Burke E.* Reflections on the Revolution in France: A Critical Edition / Ed. by J.C.D. Clark, Stanford, CA, 2001. P. 190.

¹⁹ *Ibid.* P. 189.

²⁰ *Ibid.* P. 218.

²¹ *Ibid.* P. 328.

²² *Ibid.* P. 220.

²³ *Ibid.* P. 299.

through years of ever-expanding discussion of the different improvements to be made in public life, on the other the monarchy was unable to live up to the no matter how low expectations of change that Burke considered vital. «Reform» in Burke's vocabulary captures the ambivalence of a process of innovation that originates with the public discussion and expresses its dissatisfaction with the present state of affairs and requires the government to make energetic decisions. The tension between the public discussion and the monarchy became unbearable with what Burke called the «philosophic revolution» of the Enlightenment, led by Rousseau, the negative hero of Burke's narrative²⁴. The philosophic revolution made reforms impossible as it tore the bonds between the generations asunder, dispelled the aura around the pivotal institutions of European civilization, «the spirit of a gentleman, and the spirit of religion», and imposed a brutal philosophy of self-interest, crude rationality, and unbound individualism: «On the scheme of this barbarous philosophy, which is the offspring of cold hearts and muddy understandings, and which is as void of solid reason, as it is destitute of all taste and elegance, laws are to be supported only by their own terrors, and by the concern, which each individual may find in them, from his own private speculations»²⁵.

The decline of the «spirit of religion» was indeed a crucial component of the philosophic revolution. To what extent was what we might call the secularization process a real factor in fueling the French revolution and the crisis of the Ancien Regime that spread from France to the rest of Europe in the 1790s and 1800s? Did the reforming movement since the 1760s slow down or rather speed up the decline of the «spirit of religion»? Answers to these questions have been at the core of historical research on early modern Europe since the post-Napoleonic period. But contemporaries, especially those who opposed and resisted the reforms, were following the developments in religious policies very closely. Burke was no exception: he was interested in the situation in France since the 1770s as he could read and did actually read French texts. He visited Paris (and Auxerre, where his son Richard spent several months) in 1773 and was on good terms with French private persons and politicians, with whom he corresponded, as much as he disliked the *philosophes*.

France was the center of the Enlightenment discussion on religion and on the role confessions should play in political life, as Burke knew perfectly well. Not only the atheists among the *philosophes*, such as d'Holbach and Diderot, pleaded for the radical de-confessionalization of public life in France and strove for the replacement of religion with education as the most effective regulator of human behavior²⁶. Voltaire, who was a deist, took up the cause of the Huguenot textile trader Jean Calas to advocate a radical reform of

²⁴ Ibid. P. 300.

²⁵ Ibid. P. 240.

²⁶ Mori G. *L'ateismo dei moderni: Filosofia e negazione di Dio da Spinoza a d'Holbach*. Roma, 2017.

the judicial system. At the same time Beccaria was explicitly suggesting that the starting point for a new (and much better) era in the penal system must be the distinction between crime and sin, so far blurred and hazy. An «intellectual loner» like Rousseau infuriated European public opinion by arguing two equally provocative attitudes to religion. In the *Emile* he used the «Vicaire Savoyard» as a persona for his intimate feelings on the meaning of life and the universe in a theistic mood that is not referring to the historical revelation. In the *Contrat social* a civil religion was suggested as a set of binding persuasions that should solidify the cohesion of the citizens of the polity based on the social contract: Christianity was explicitly rejected as a threat to the well-being of social life. Personal and public persuasions should be combined in beliefs that were necessary: «The existence of an omnipotent, intelligent, benevolent divinity that foresees and provides; the life to come; the happiness of the just; the punishment of sinners; the sanctity of the social contract and the law». Besides, they must foreswear intolerance, civil and theological²⁷.

Different options about the role of religion in society were put forward in the public discussion throughout Europe, cutting across the national, cultural and confessional divides. This sophisticated and multi-layered discussion took place and interacted with the array of political and social changes that governments promoted directly and encouraged indirectly. Reforms in the fiscal status and wealth of the Catholic orders (the Jesuits in the first place, expelled from all states in western and central Europe and eventually abolished by the Pope in 1773), the regulation of censorship and festivities, the interference of the governments in the enactment of the canon law in matters like the prosecution of priests for civil crimes were redressing the balance between state and church and led up to the reforms of the emperor Joseph II. The repercussions were remarkable. In particular the patent of toleration for Protestants in 1781 and the edict of toleration for the Jews in 1782 addressed the crucial question of the equality of subjects irrespective of the religion they were born into. Dohm's plaidoyer for the «bürgerliche Verbesserung der Juden» in 1781, translated into French as *De la réforme politique des Juifs*, as well as Mendelssohn's *Jerusalem oder über religiöse Macht und Judentum* (*Jerusalem, or on Religious Power and Judaism*, 1783) discussed the shift from the preeminence of religion as the source of identity and juridical status to equality of civil rights, irrespective of confession and lack of religious opinions.

The «political reform» of the Jews in Prussia did not materialize in the 1780s, despite Dohm's and Mendelssohn's efforts. In France the civil emancipation of the Jewish communities was the product, no matter how imperfect and controversial, of the French revolution: French Huguenots, however, remarkably disadvantaged in terms of civil rights since the

²⁷ Rousseau J.J. *Contrat social*. Book 4. Ch. 8.

abolition of the Edict of Nantes in 1685, saw their position in the French monarchy redressed before the French revolution came to redefine and drastically reform the religious policy in France. For the French Huguenots, the revolution began two years earlier than for the Catholics, in December 1787, as public opinion realized that a royal decree reversed the religious policy since 1685 and secularized the monarchy to a remarkable extent. The king granted civil rights to the Huguenots as a consequence of the lobbying inside the French administration. At the initiative of Malesherbes and Lafayette, Rabaut Saint-Etienne, a Huguenot lawyer in Nîmes, drafted a plan in late 1786 to make void the revocation of the edict of Nantes and permit the Protestant cult officially. The aim was to cancel the «civil death» sentence on Protestants that tacit toleration had only occasionally and haphazardly neutralized in the 18th century²⁸. The Jansenists embraced the Huguenots' cause, considering them persecuted Christians just like themselves, and they supported the request for civil toleration (not theological toleration)²⁹. The edict of 17 November 1787, however, did not fully acknowledge the public cult of Huguenots but restored their full civil status. As a consequence, Huguenots could officially register births, marriages, and deaths as they were not considered «new converts» any longer but could not take judiciary and civil offices nor become teachers. To many, the edict of 1787 did not live up to expectations. Nonetheless, it did away with the traditional perfect union of Gallican church and French monarchy. The notion of «la France toute catholique» was rejected and a new space for reforms was opening up as the edict of 1787 invalidated the king's duty to persecute heresy, as stated in 1685 and again in 1724. The king availed himself of the vocabulary of the Enlightenment in communicating the edict to the French public. It was, in his words, a decision born of religious piety towards Protestants that reestablished «their natural rights»³⁰. The rhetoric of the natural rights was used to argue for the legitimacy of a crucial element of absolute monarchy. The implications of the 1787 edict were understood by those *Parlements* that resisted its registration: the *Parlement* in Metz made the proviso that Jews were excluded from the edict. Private correspondence among members of the clergy shows how shocking the edict was to traditionally-minded Frenchmen. A learned priest, Pey, wrote to Cardinal Garampi commenting on the edict: «God have mercy on our miserable Church! Once you have lit the fuse to the powder keg, in less the four or five years a terrible

²⁸ According to Rabaut Saint-Etienne, see *Dupont A. Rabaut Saint-Etienne 1743–1793: Un protestant défenseur de la liberté religieuse*. Genève, 1989. P. 58. See also: *Actes des journées d'études sur l'Édit de 1787* (Paris, 9–10 Octobre 1987) / Éd. par A. Encrevé et C. Lauriol // *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français*. 1988. Vol. 134, N 2. P. 178–479.

²⁹ *O'Brien C.H. Jansenists Campaign for Toleration of Protestants in Late Eighteenth-Century France: Sacred or Secular?* // *Journal of the History of Ideas*. 1985. Vol. 46, N 4. P. 523–538.

³⁰ The text of the edict circulated in Europe, see: *Gazette de Leyde*. 30 November 1787. N 96; *Notizie del mondo*. 27 February 1788. N 17.

explosion will overthrow the Church and the State. Hopefully I am not a clairvoyant!»³¹

In January 1789 a royal decree allowed Protestants to be elected to the Estates General and de facto broadened enormously the scope of the 1787 edict, without explicitly declaring the new principle. The outcome of this ambiguity was seen on the night of 4 August 1789, when the National Assembly abolished the main structures of the Ancien regime and aimed to regenerate France. However, as de Lameth had requested complete freedom of religion for the Protestants be granted, his appeal was rejected (together with the proposal to abolish slavery and nobility)³². Despite the kiss of Lamourette, the majority of the Assembly followed the more prudent reasoning advanced earlier by the opponents of the edict. To the author of *Le Secret révélé* the purpose of the 1787 edict was to separate politics from religion, the civil power from the religious power.

In the last half-century a sect, under the name of philosophie, made strenuous efforts to break this link [between civil and religious order] and to impose their dogmas over the ruins of monarchy and religion; we witness that almost all philosophes have adopted republican maxims and, for a twofold consideration, they gathered to set up a democracy and overthrow the principles and the influence of religion. To be successful in this scheme they devised three ways, whose effect will be complete, if they are pursued: first, allowing everybody to choose and change religion on his whim; second, making the place and situation of men in society independent from religion; third, persuading government to break the bonds that link the religion system to the legislative system and replace simple civil forms for religious forms that confirm the authenticity and validity of acts regarding the rights and status of citizens³³.

Was the edict of toleration for Huguenots the beginning of a French secular state, in which confessional allegiance was irrelevant? Would the monarchy survive this change? Were the protests of conservatives well-founded?

Jacques Necker was the right person to address this question, as a politician, as a writer conversant with the latest trends in the Parisian salons, and most importantly as a Calvinist living in Paris since 1747 and serving the monarchy until his dismissal on 19 May 1781 from his post as Director-

³¹ Quoted in: *Vanysacker D.* Cardinal Giuseppe Garampi (1725–1792): an Enlightened Ultramontane. Bruxelles; Rome, 1995. P. 250.

³² *Tackett T.* Becoming a Revolutionary: The Deputies of the French National Assembly and the Emergence of a Revolutionary Culture (1789–1790). Princeton, NJ, 1997. P. 170.

³³ *Le Secret révélé*, ou Lettre à un magistrat de Province sur les Protestans. [Signed: C***, Avocat.] [S.l.]: [s.n.], [s.d.] (British Library, F.R. 169). Similar arguments are in: [*Proyart L.-B.*] Lettre à un Magistrat du Parlement de Paris, au sujet de l'édit sur l'état civil des protestans. Avignon: Merande, 1787; *L'état civil pour les non-catholiques de France justifié*, ou Observations sur les mémoires de M. Gilbert de Voisins, ... concernant les moyens de donner aux protestans un état civil en France. [S.l.]: [s.n.], 1788.

general of French finances³⁴. During his temporary withdrawal from public affairs (he was again running the French finances from 1788 to 1790, before leaving France precipitously for Geneva) he wrote among other works a book on the political and social relevance of religious ideas in general, which he published in 1788. The impact of the discussion on religion as a metaphysical truth as well as the effects of the secularizing reforms of the preceding years were evident in Necker's text³⁵. Without being particularly original in its theoretical assumptions, it sparked off an interesting debate both in Catholic countries such as France and Italy³⁶, and in England, where two timely translations appeared, the latter by Mary Wollstonecraft in 1789³⁷. In Germany it was translated in 1788 by Friedrich Jakob Ströhlin³⁸.

Necker's argument was highly ambivalent. He saw the sovereign's task to be the active factor in the political life. Necker opposed the notion that civil society was self-sustaining, that it could control the executive power and make the monarch theoretically irrelevant. However, he saw the late eighteenth-century states embedded in the process of irreversible development. Progress was a keyword in his presentation, and Necker welcomed the advance of reason as evidence that the humankind was in a much better situation now than in the past. The positive dynamics of history did not escape his attention. Atheism and secularization were components of modern society that Necker could not ignore: they seemed to be embedded in its logic. «Political philosophy» promised to keep human entities together by the impact of «public opinion» and to replace religion. Necker acknowledged that he was familiar with atheists who behave according to the prevailing moral standards («absolument dégagées de toute espèce de préjugés, qui ne croient pas même à l'existence d'un Être suprême»³⁹). Atheism, the final form of secularization, was part of modernity but was incompatible with its defining features. His point was that, far from being an obstacle to progress, religion

³⁴ The standard biography of Necker in this time, – *Egret J. Necker ministre de Louis XVI: 1776–1790*. Paris, 1975, – has a concise discussion of this work.

³⁵ *Necker J. De l'importance des opinions religieuses: Londres, et se trouve à Lyon, chez G. Regnault, 1788*. Due to its instant success, the book was immediately reprinted: I quote from the copy at the Bibliothèque Nationale de France, Liège: impr. de C. Plomteux, 1788.

³⁶ The Italian gazette *Notizie del Mondo* reported that Necker's book came out without the censor's licence and was considered to be «una raccolta pestifera di eresie, e d'errori: la Chiesa Gallicana ne domanda la soppressione» (23 April 1788. N 33. P. 260). A review was in the *Nuovo Giornale Letterario d'Italia* (1788. N 37. P. 587–591).

³⁷ *Necker J. On the importance of religious opinions / Translated from the French...* London: J. Johnson, 1788. See also: *On the importance of religious opinions / Translated from the French of Mons. Necker. A new translation to which is prefixed a short account of the author.* Edinburgh: W. Gordon and J. Dickson, 1789.

³⁸ *Über die Wichtigkeit der religiösen Meynungen von Necker / Aus dem Französischen übersezt von Ströhlin Professor an der hohen Karlsschule zu Stuttgart.* Stuttgart: Erhard, 1788.

³⁹ *Necker J. De l'importance des opinions religieuses.* P. 118.

was a necessary and efficient element of modern, and rational government that could not rely on individual virtue. Non-religious societies were possible (and, so he suggested, had existed) at the very beginning of the human history. «Si l'on pouvoit jamais se prêter à imaginer l'existence d'un peuple soumis uniquement aux loix d'une morale politique, on se représenteroit, sans doute, une nation naissante, & qui seroit contenue par la vigueur d'un patriotisme encore en sa pleine jeunesse, une nation qui occuperoit un pays où les richesses n'auroient pas eu le temps de s'accumuler, où la distance des habitations, les unes des autres, contribueroit au maintien des moeurs domestiques». As inequality grows, in private property and social and political rank, religion becomes indispensable⁴⁰. Drawing on the discussion on the origins and nature of religion in the Enlightenment, Necker reduced religion to the essentials of morals, to the beliefs every individual can reach on his own and discarded all references to historical revelation. This proposition was in its content similar to Rousseau's civil religion but fulfilled a different function. It was the instrument for the sovereign to exercise thorough control of society. To Necker religion was an inward persuasion that everyone is accountable for his behavior to the *divinité*, an entity Necker did not elaborate on throughout the book. As religion controls sentiments and feelings more effectively than reason and public opinion do, it would be ill-advised for the sovereign to renounce its support. Ostentatiously Necker placed himself between two extremes: by creating this polarity, he also defined his position as basically deistic and committed to a broad notion of toleration, opposed to the «philosophe inconsidéré» as well as to the «farouche inquisiteur»⁴¹. In fact, he opposed superstition in the first place and, in the concluding chapters, he praised Christian morals for its «esprit de bienfaisance et de charité»⁴², something one would hardly tell from enlightened and tolerant sociability.

Underlying Necker's book was a plan to reform religion into a social and cultural entity instrumental in contributing to what in early 1788 still might look like a «cause pas encore perdue». The Enlightenment discussions and priorities still resonate in Necker's arguments. Less than two years later Burke, an admirer of Necker (and possibly a reader of one of the English versions of *De l'importance des opinions religieuses*), saw things from a very different perspective. In 1789 a gap was opened between traditional Christian confessions and the objectives of political power that changed the notion of reform and transformed the vision of secular politics and political religion.

⁴⁰ Ibid. P. 50–51.

⁴¹ Ibid. P. 20.

⁴² Ibid. P. 426.

Эдоардо Тортароло

**Реформирование религии – реформирование политики?
Секуляризация в дискурсе Просвещения**

Термин «секуляризация» используется для обозначения возрастающего интереса к различным способам достижения социальной и политической стабильности при сохранении уважения к конфессиональному разнообразию и одновременно – активном ограничении монопольного положения господствующей церкви. Обе эти цели были вполне актуальны для эпохи Просвещения.

Влиятельные мыслители того времени действительно подвергли всестороннему рассмотрению сложившуюся в Европе к XVIII столетию связь государственной власти и церковных институтов. В статье рассматриваются различные подходы к способам сосуществования политики и религии, к разграничению их функций и путям взаимодействия, разработанным, в частности, Уорбертоном, Бёрком и Неккером. Их обсуждение проходило на фоне неоднократных попыток подорвать господствующее положение Англиканской церкви в Англии, предоставить гугенотам и евреям всю полноту гражданских прав во Франции и в Германских землях. Эдикты о толерантности, принятые в 1780-х годах Людовиком XVI и Габсбургами, отражали намерения части образованной элиты и прокладывали путь противоречивой политике французских революционеров, стремившихся радикально пересмотреть роль религии как эмоциональной и организационной основы социально-политической жизни.

ВЕЛИКИЕ КНИГИ

YOICHI SUMI

À LA RECHERCHE DES SOURCES DU GRAND DICTIONNAIRE: UNE ÉTUDE GÉNÉTIQUE DE L'ENCYCLOPÉDIE

Le travail que je vais exposer ici est l'état présent d'un projet collectif encore en cours au Japon. C'est un énorme chantier inachevé que je dirige depuis plus de dix ans¹. Notre équipe étudie les volumes de texte de l'*Encyclopédie* de Diderot et D'Alembert afin d'établir une base de données des sources bibliographiques du grand dictionnaire français. C'est, pour ainsi dire, une étude génétique de l'*Encyclopédie*. Chaque collaborateur de l'*Encyclopédie* indique assez fréquemment dans le texte même qu'il rédige, des titres ou des noms d'auteurs auxquels il a recours pour la confection de son article. Ces indices se présentent sous plusieurs formes: le plus souvent ce sont des titres tronqués ou abrégés², mais parfois aussi des noms d'auteurs incorrects³, ou encore des citations plutôt proches de paraphrases⁴, etc. Notre équipe se donne pour tâche de décrire ce que nous appelons les «métadonnées bibliographiques» détectées dans les articles de l'*Encyclopédie*, suivant un

© Yoichi Sumi, 2018

¹ Groupe d'Études sur l'*Encyclopédie* et les Lumières (GEEL). Il faut préciser que depuis bientôt un an, je ne suis plus responsable de GEEL. Tatsuo Hemmi (Université de Niigata) m'a remplacé et il dirige notre travail collectif. Voici la liste des membres actuels de l'équipe: Takeshi Koseki (Université de Hitotsubashi), Hisashi Ida (Université d'Aoyama-gakuin), Sayaka Oki (Université de Nagoya), Fumie Kawamura (Université de Keio), Ryuji Kojima (Université de Keio), Yoshiho Iida (Université d'Aoyama-gakuin), Masashi Fuchida (Université de Hitotsubashi).

² «*Inst. Rei. Herb.*» pour «*Institutiones rei herbariae*».

³ Diderot écrit parfois «Montagne» au lieu de «Montaigne».

⁴ «*Paracelse disoit qu'il n'avoit étudié ni à Paris, ni à Rome, ni à Toulouse, ni dans aucune Académie: qu' il n'avoit d'autre Université que la Nature, dans laquelle Dieu fait éclater sa sagesse, sa puissance & sa gloire, d'une manière sensible pour ceux qui l'étudient <...>» – Diderot, article ACADÉMIE D'ARCHITECTURE // ENC. T. I. P. 57a.

certain nombre de critères précis. Ce travail collectif se poursuit grâce à une collaboration très étroite entre des enseignants-chercheurs de plusieurs universités japonaises.

Au cours de la période préparatoire, plusieurs projets ont pris forme et ont été réalisés pour sensibiliser les groupes et les aider à s'équiper et à se former. À l'origine, nous avons eu le bonheur inestimable de bénéficier d'une coopération bénévole d'une quarantaine de chercheurs dix-huitiémistes, jeunes et moins jeunes, professeurs titulaires et non titulaires, thésards, étudiants doctorants. Nous ne saurions trop insister sur leur extrême obligeance, mais il faut l'avouer, cette période euphorique a duré peu; on s'est vite aperçu, en effet, d'un grand nombre de fautes de lecture ou de contresens, dus en grande partie à la compétence très inégale des collaborateurs, et surtout au manque d'efforts de nivellement des jugements ou décisions qu'exigeait inévitablement tout travail collectif de repérage, d'une taille aussi gigantesque que le nôtre.

Est venue par la suite la seconde étape du projet: nous avons bénéficié d'un budget du gouvernement alloué pour une période de quatre ou cinq ans. Depuis 2008, la subvention a été renouvelée deux fois. Notre projet se poursuit aujourd'hui autour d'une équipe de travail composée de neuf professeurs titulaires et non titulaires, tous dix-huitiémistes et spécialisés dans l'étude de l'*Encyclopédie*.

Ces derniers temps, les recherches sur l'*Encyclopédie* connaissent un formidable renouveau dont témoignent actuellement nombre d'études brillantes, qu'il s'agisse des revues comme RDE⁵, des colloques⁶, des séminaires, ou des thèses en cours. Il ne faudrait pas oublier non plus que nous avons une dette énorme envers les grands travaux fondateurs de Proust⁷, Lough⁸, Kafker⁹ ou Darnton¹⁰, sur lesquels, d'ailleurs, nous avons pris modèle dès le début de notre projet. Entre autres, on ne saurait trop souligner l'importance du grand inventaire de Schwab et de Rex réalisé au cours des années 1980¹¹. Grâce à ces deux chercheurs Américains, nous savons

⁵ Recherches sur Diderot et sur l'*Encyclopédie* (depuis 1986).

⁶ Voir les actes du colloque «Les branches du savoir dans l'*Encyclopédie*», publiés dans RDE. 2006. N 40–41.

⁷ Proust J. Diderot et l'*Encyclopédie*. Paris, 1995 (1962, première éd.).

⁸ Lough J. Essays on the *Encyclopédie* of Diderot and D'Alembert. London; New York; Toronto, 1968; *Idem*. The *Encyclopédie* in Eighteenth-Century England and other studies. Newcastle upon Tyne, 1971.

⁹ Kafker F.-A. (in coll. with S.L. Kafker) The encyclopedists as individuals: a biographical dictionary of the authors of the *Encyclopédie*. Oxford, 1988 (SVEC; Vol. 257); *Idem*. The encyclopedists as a group: a collective biography of the authors of the *Encyclopédie*. Oxford, 1996 (SVEC; Vol. 345).

¹⁰ Darnton R. L'Aventure de l'*Encyclopédie*, 1775–1800: Un best-seller au siècle des Lumières. Paris, 1982 (version originale, 1979).

¹¹ Schwab R.N. (with the coll. of W.E. Rex) Inventory of Diderot's *Encyclopédie*. Oxford, 1971–1972. 6 vols (SVEC; Vol. 80, 83, 85, 91–93); *Idem*. Inventory of Diderot's *Encyclopédie*. Oxford, 1984. T. VII: Inventory of the Plates, with a study of the contributors to the *Encyclopédie* by J. Lough. (SVEC; Vol. 223).

maintenant que le dictionnaire n'est pas seulement un témoin de la langue, un recueil de mots, classés suivant un ordre généralement alphabétique, mais un objet de recherche scientifique qu'on peut analyser à partir de données concrètes et quantifiables. Simplement, leur inventaire se présente sous forme de gigantesques imprimés en plusieurs volumes, ce qui cantonne trop souvent repérages ou vérifications dans des manipulations élémentaires ou bornées.

Face à une œuvre aussi monumentale et complexe que l'*Encyclopédie*, la première impression que l'on éprouve est d'être vis-à-vis d'une luxuriance baroque de signes et de mots qu'on ne pourrait qualifier que de chaotique. À ce niveau-là, la lecture des articles de l'*Encyclopédie* est une lutte constante contre un grand désordre qu'on a du mal à maîtriser et, par conséquent, un perpétuel combat contre la tentation d'une navigation périlleuse à travers des jeux de renvois ou des ramifications du savoir.

Je dois avouer d'abord qu'à l'origine, nous avons été plus ou moins victimes de cette illusion chaotique. Il s'agissait alors de repérer et d'identifier seize «métadonnées» au fil d'une lecture attentive, page par page, d'un volume à l'autre, des textes de l'*Encyclopédie*. Numérotation des entrées, attribution des articles, entrées, pages, colonnes, lignes, partie du discours et genre, désignant original, désignant normalisé, longueur des articles, renvois aux articles du texte, références aux planches, références bibliographiques explicites titres et auteurs, citations, tableaux, caractères d'imprimerie spéciaux, etc. C'était évidemment une tâche manuelle, artisanale à n'en plus finir, qui réclamerait au moins vingt ans de travail collectif aride et pénible.

Au moment où notre équipe commençait le travail de repérage des métadonnées encyclopédiques, à savoir vers 2005, deux éditions jouaient un rôle pionnier dans le domaine de la publication numérique de l'*Encyclopédie*: celle conçue par la Société Redon, commercialement distribuée depuis 2000 sous forme de CD-Rom et de DVD-Rom, ainsi que celle d'ARTFL Project (The Project for American and French Research on the Treasury of the French Language) réalisée sous la direction de Robert Morissey (Université de Chicago) et librement accessible sur le web.

Entre-temps, l'édition de la Société Redon a disparu du marché et seule l'édition d'ARTFL a survécu jusqu'à aujourd'hui¹². L'apparition du projet de Chicago et dans la suite celle du projet français ENCCRE (Edition Numérique Collaborative et Critique de l'*Encyclopédie*) nous ont apporté une aide précieuse, car la technologie de pointe dont bénéficiaient ces deux projets numériques d'une telle envergure nous semblait la plus efficace du monde. L'émergence de ce nouvel horizon nous a fait vite abandonner la plupart de nos métadonnées, du moins celles susceptibles d'être automatiquement relevées par un traitement numérisé. Désormais, tout chercheur désireux d'avoir des renseignements sur des «désignants» ou «parties du discours» de tel article de l'*Encyclopédie*, n'aurait qu'à avoir accès au site de ces projets

¹² <http://encyclopedia.uchicago.edu>

numériques. Mais nous étions un peu déçus par le travail de repérage conçu par l'équipe de l'ARTFL qui, nous semblait-il, n'était pas effectué avec toute la rigueur nécessaire. Ses choix éditoriaux fort contestables témoignaient d'une connaissance trop fragile des recherches anciennes et actuelles sur l'*Encyclopédie*¹³.

De toutes les «métadonnées» qui faisaient l'objet de notre travail de recensement, il y en avait deux, qui semblaient résister à toute approche numérique, à savoir les «métadonnées bibliographiques titre et auteur». Étant donné leur caractère assez aléatoire et fantaisiste, la machine n'est point capable de les inventorier. Aucun critère formel et stable ne semble caractériser la manière dont ces deux mentions se présentent dans les volumes de texte. Qu'il s'agisse des mentions d'ouvrage ou d'auteur, on les trouve parfois en caractères italiques¹⁴, parfois en caractères romains¹⁵, ou dans une formulation plus ou moins allongée située à la fin de l'article¹⁶. Aucune automatisation n'est donc possible au niveau de la procédure de repérage, qui doit donc être effectuée finalement à la main. Afin de faciliter cette approche artisanale des sources encyclopédiques, nous unissons nos efforts pour établir une base de données en vue d'un nouvel inventaire des articles et des documents relatifs à la genèse de l'*Encyclopédie* française. Le principe actuel de notre projet est forcément modifié et réduit. Notre principe repose sur un constat de fait: le texte définitif d'un article encyclopédique est, à de très rares exceptions près, le résultat d'un processus cumulatif par lequel tout texte peut se lire comme l'intégration et la transformation d'un ou de plusieurs autres textes. Pour pouvoir devenir l'objet d'une étude, cette genèse du dictionnaire doit avoir laissé des «traces», «indices». Ce sont ces indices plus ou moins *manifestes* que nous nous proposons de repérer et de décrire.

Les sources de l'*Encyclopédie* représentent la partie parfois la moins visible, mais la plus importante du texte encyclopédique. L'un des aspects essentiels de l'étude génétique est l'aide qu'elle peut apporter au chercheur en lui permettant d'entrevoir la partie cachée de l'iceberg immense qu'est le grand dictionnaire français.

La raison pour laquelle ces deux métadonnées bibliographiques nous tenaient très à cœur dès le début s'explique par notre grand intérêt pour l'étude génétique. Depuis les grands travaux de Proust, Lough, Schwab, Kafker et bien d'autres, devenus déjà classiques, on se propose de renouveler la connaissance des textes encyclopédiques à la lumière de leurs sources, en déplaçant l'interrogation critique de l'écrit vers l'écriture, de la structure vers

¹³ Voir *Leca-Tsiomis M.* Numérisations et exactitude du texte encyclopédique: quelques propositions pour l'avenir // RDE. 2002. N 31–32 (Actes du colloque «L'*Encyclopédie* en ses nouveaux atours électroniques: vices et vertus du virtuel»). P. 293–302.

¹⁴ «Voyez l'excellent *Traité de la Prosodie de M. l'Abbé d'Olivet.*» – ENC. T. I. P. 1b.

¹⁵ «Cic. Attic.» (Ibid. P. 1b).

¹⁶ «Cet article est en grande partie tiré des *Mémoires de M. Formey, Historiographe de l'Académie royale de Prusse.*» – Ibid. P. 35a.

les processus, de l'œuvre vers sa genèse, de la facture vers la manufacture même¹⁷. Chacun de nous s'interrogeait ainsi sur la manière dont les collaborateurs de l'*Encyclopédie* avaient choisi et utilisé divers dictionnaires ou livres spécialisés pour la rédaction de leur article. L'importance des sources s'imposait à nous tous comme une évidence incontournable.

Voici comment nous déterminons, pour notre travail de repérage, le choix des deux «Références bibliographiques explicites [titres] et [auteurs]». Il y a quatre critères que nous avons adoptés pour cerner les références bibliographiques «manifestes» dans un article de l'*Encyclopédie*. Ces quatre types de références bibliographiques sont les suivants:

A. Titres ou noms d'auteur qui figurent sans aucune formule introductive à la fin d'un article (ou d'un paragraphe quand il s'agit d'un texte substantiel);

B. Titres ou noms d'auteur précédés d'une formule introductive (par exemple, «Voyez», «Lisez»);

C. Titres ou noms d'auteur accompagnés de certaines précisions bibliographiques (tomaison, date ou pagination, etc.);

D. Titres ou noms d'auteur figurant dans (autour d') une citation présentée en italique ou entre guillemets.

Le respect de ces quatre «critères» est primordial pour nous. Nous savons mieux que personne qu'il y a des cas ambigus ou douteux, qui risqueraient de nous décourager ou fourvoyer. Supposons qu'un diderotiste travaille sur un article de Diderot et qu'il sache d'avance par une source étrangère que Diderot avait utilisée le livre de Brucker pour son article. Pourtant, il n'a aucun droit de traiter le livre de Brucker comme une des sources bibliographiques, si l'article de Diderot ne contient aucune trace concernant Brucker conforme à une des quatre conditions données ci-dessus. Il faut absolument que ces indices soient manifestes, voire flagrants. Pour les sources implicites ou cachées, comme c'est le cas de Brucker, le travail de recensement risquerait de devenir trop spécialisé: nous laissons ce travail aux chercheurs à venir, qui, individuellement, pourront s'y atteler à partir de notre base de métadonnées essentiellement patentes et visibles.

Voici comment nous procédons. Trois documents sont indispensables:

1) un bel exemplaire du texte de l'*Encyclopédie* parisienne, conforme à la description de Schwab (en l'occurrence la copie que possède la bibliothèque de l'Université Keio de Tôkyô, une première édition d'un premier tirage);

2) la photo numérisée de très grande qualité de cet exemplaire; 3) la description correspondante au texte de l'*Encyclopédie* que donne Schwab dans son *Inventory*.

Chacun de nous se donne pour tâche de repérer les métadonnées bibliographiques dans la portion de texte qui lui est assignée (en général

¹⁷ Voir la très belle mise au point exhaustive et convaincante: *Cernuschi A. La pratique concrète des encyclopédistes: Quelques perspectives sur l'étude des encyclopédies des Lumières // Diderot, l'Encyclopédie & autres études. Sillages de Jacques Proust / Textes réunis par M. Leca-Tsiomis avec la coll. d'A. Sandrier. Ferney-Voltaire, 2010. P. 95–105.*

une trentaine à une centaine de pages in-folio). Jusqu'à peu, on travaillait directement sur les pages photocopiées du texte original. Muni de deux stylos-feutres bleu et violet, on marquait en bleu dès qu'on tombait sur une formule contenant le nom d'auteur, et en violet quand il s'agissait d'une mention d'un ou des titres d'ouvrage. Mais il y a trois ans, nous avons abandonné cette méthode de repérage artisanal qui s'avérait parfois passablement embrouillée pour travailler désormais sur notre ordinateur avec le logiciel Acrobat Reader.

Dans un deuxième temps, on réunit toutes les mentions marquées en bleu et en violet sur un tableur Microsoft Excel selon un certain nombre de modalités.

Dans un troisième temps, c'est l'étape la plus importante, on essaie de «normaliser» ces indices bibliographiques référentiels, le plus souvent abrégés ou tronqués, pour établir enfin la base de données définitive. Depuis deux ans, nous ne travaillons plus isolément. Nous nous réunissons assez régulièrement pour ce procédé de la normalisation, car le travail en équipe est de la plus haute importance pour trouver le titre complet d'un ouvrage à partir d'une mention parfois fragmentaire ou lacunaire repérée dans le texte encyclopédique. Deux outils de recherches sur le web nous sont indispensables: le World Cat et le catalogue général de la BNF. Il nous arrive assez souvent d'aller jusqu'à Gallica ou à Google Books pour vérifier l'information complète sur le texte original, mais nous nous gardons toujours de ne pas franchir la limite imposée par le respect de nos quatre critères de départ.

C'est ainsi que nous travaillons pour savoir comment les encyclopédistes exploitaient leurs sources, comment se construisait l'emprunt, comment la citation, le plagiat, la référence et l'allusion résultaient d'une appropriation et d'une intégration ayant une grammaire inventée en cours de route.

En ce qui concerne l'avancée du projet, nous n'en sommes pour le moment qu'au premier volume de texte.

Les résultats de nos travaux collectifs sur le premier volume de l'*Encyclopédie* seront publiés en 2018 dans le numéro spécial de notre revue¹⁸.

QUELQUES TESTS EFFECTUÉS SUR NOTRE BASE DE MÉTADONNÉES

1. *Suppléments éditoriaux*

À partir d'ici, je voudrais présenter quelques résultats provisoirement obtenus de notre repérage des métadonnées bibliographiques, contenues dans le premier volume et exceptionnellement dans le deuxième ou le troisième. Voyons d'abord ce que nous appelons les «suppléments éditoriaux». Les deux éditeurs Diderot et D'Alembert ont voulu respecter en principe les contributions de leurs collaborateurs. Ils n'ont pas refusé ce que les autres leur avaient apporté, mais assez souvent ils sont intervenus en tant qu'éditeurs

¹⁸ Recueil d'études sur l'*Encyclopédie* et les Lumières / 『百科全書』•啓蒙研究論集, revue de la Société d'études sur l'*Encyclopédie*, Tôkyo (ISSN 2186-4284).

en ajoutant aux textes des autres collaborateurs ce qu'ils jugeaient nécessaire de suppléer ou de modifier.

Voyons, par exemple, comment Diderot, en tant qu'éditeur, se comportait à l'égard de Daubenton. Le plus grand supplément éditorial qu'il ait rédigé est celui de l'article CHANVRE¹⁹. Daubenton²⁰, tout d'abord, n'a écrit que sept lignes²¹; Jaucourt y a ajouté 61 lignes, suivies d'un supplément de Diderot qui, portant en tête sa signature «*», contient 1467 lignes. Du point de vue des mentions bibliographiques, Daubenton a recours au livre classique de Tournefort: *Corollarium institutionum rei herbariae* (1703); Jaucourt, érudit, cite plusieurs sources²². L'ajout de Diderot, enfin, fait référence au livre de Duhamel²³. L'article a donc une triple composition dont la dernière partie, démesurément élargie, témoigne de la grande passion du rédacteur en chef pour l'industrie textile. Alors que Daubenton se contente d'une brève note botanique sur la plante, Diderot part d'une description détaillée du genre botanique *Cannabis* pour passer ensuite à l'habitat de la plante et à son utilisation sociale. L'article se termine par deux renvois: le premier au livre de Duhamel et le second à l'article CORDERIE (volume 4), texte aussi long que le supplément à l'article CHANVRE²⁴.

Diderot, amateur de dialogue, a l'habitude d'intervenir à tout moment. Dans l'inventaire de Schwab, ces ajouts informationnels, mais plus souvent satiriques et polémiques, font toujours l'objet d'une nouvelle numérotation. Il est intéressant de voir la décroissance rapide de ses interventions du volume I au volume III, phénomène probablement dû au fait que l'infatigable Jaucourt a participé à l'équipe du comité rédactionnel à partir du volume II.

Pour ne citer que des exemples pris dans le volume II, ce n'est pas un hasard si 21 sur 46 suppléments éditoriaux de Diderot concernent des articles d'histoire naturelle. Ce n'est pas non plus un hasard si tous ces articles d'histoire naturelle sont de Daubenton. Celui-ci assume la rédaction de 217 articles pour le volume II. Sur 21 articles de Daubenton suivis chacun d'une

¹⁹ Encyclopédie. Paris, 1753. T. III. P. 147a.

²⁰ Louis Jean-Marie Daubenton (1716–1799), l'un des contributeurs majeurs à l'*Encyclopédie* pour laquelle il écrit plus de neuf cents articles sur l'histoire naturelle.

²¹ «CHANVRE, s.m. (*Hist. nat.*) *cannabis*, genre de plante à fleurs sans pétales, composée de plusieurs étamines soutenues sur un calice, & stérile, comme l'a observé Cæsalpin. Les embryons sont sur les plants qui ne portent point de fleurs; ils deviennent des capsules qui renferment une semence arrondie. Tournefort, *Inst. rei herb. Voyez PLANTE. (I)*» – ENC. T. III. P. 147a.

²² «Le chanvre à fruit, *cannabis fructifera* Offic. *cannabis sativa*, Park. C.B.P. 320. *Hist. oxon.* 3. 433. Rau, *hist.* 1. 158. *synop.* 53. Boerh. *Ind. A.* 2. 104. Tournef. *inst.* 535. Buxb. 53. *cannabis mas.* J.B. 3. P. 2. 447. *Ger. emac.* 708. *cannabina fæcunda*, Dod. *Pempt.* 535. Le chanvre à fleurs, *cannabis florigera*, Offic, *cannabis erratica*, C. B. P. 320. 1. R. H. 535, *cannabis famina*, J.B. 32. 447. *cannab. sterilis*, Dod. *pemp.* 535» (Ibid.).

²³ Duhamel du Monceau H.-L. *Traité de la fabrique des manœuvres pour les vaisseaux, ou l'art de la corderie perfectionné*. Paris: Imprimerie royale, 1747. Voici la dernière ligne de Diderot: «V. CORDERIE, & l'ouvrage de M. Duhamel déjà cité» (ENC. T. III. P. 157a).

²⁴ Ce dernier couvre vingt-cinq pages (ENC. 1754. T. IV. P. 215–238).

ou deux additions de Diderot, onze sont des articles de botanique, quatre de zoologie, trois d'ornithologie. Pour Diderot, le défaut majeur du collaborateur naturaliste est d'avoir recours trop souvent à un titre de référence qui fait autorité: Tournefort pour la botanique, Ray pour la zoologie, et ainsi de suite. Pour ne parler que de onze occurrences concernant la botanique, Diderot, peu satisfait des renseignements que propose Daubenton via Tournefort, ajoute des lignes qui proviennent vraisemblablement du *Dictionnaire de médecine* de James. Il est évident que Diderot, en tant que rédacteur en chef, n'est nullement satisfait du travail de Daubenton. Celui-ci ne sera jamais que la pâle copie de son modèle Tournefort.

En effet, la fréquence de métadonnées de Tournefort, du moins de celles conformes à un de nos quatre critères, est vraiment élevée: 73 occurrences dans le premier volume, 73 dans le second et 30 dans le troisième. La majorité, cela va sans dire, provient d'articles de Daubenton. À l'égard des articles de celui-ci, cantonnés dans la plupart des cas dans une brève description formelle des animaux ou des plantes, Diderot insiste sur vertus curatives de ceux-ci²⁵, ou au contraire les conteste²⁶, ou revendique leur utilité sociale²⁷. L'article ABUTILON en donne un bon exemple.

ABUTILON, s.m. herbe à fleur d'une seule feuille semblable en quelque maniere à une cloche fort ouverte & découpée; il sort du fond un tuyau pyramidal chargé le plus souvent d'étamines. Le pistil tient au calice, & est fiché comme un clou dans la partie inférieure de la fleur & dans le tuyau. Ce pistil devient un fruit en forme de chapiteau; il est composé de plusieurs petites gaines assemblées autour d'un axe. Chaque gaine ou capsule est reçue dans une strie de l'axe: ces capsules s'ouvrent en deux parties, & renferment des semences qui ont ordinairement la forme d'un rein. *Tournefort Inst. rei herb. Voyez PLANTE. (I)*

* On se sert de ses feuilles & de ses semences. Ses feuilles appliquées sur les ulcères les nettoient. Ses semences provoquent les urines & chassent le gravier. Elle est diurétique & vulnéraire²⁸.

Jetons maintenant un coup d'œil sur le premier volume de texte. Dans l'«Avertissement», D'Alembert nous donne des précisions sur la collaboration de Diderot:

Les Articles qui n'ont point de lettres à la fin, ou qui ont une étoile au commencement, sont de M. Diderot: les premiers sont ceux qui lui appartiennent comme étant un des *Auteurs* de l'Encyclopédie; les seconds sont ceux qu'il a suppléés comme *Editeur*²⁹.

Si l'on croit à ces mots de D'Alembert, nous avons affaire ici, du moins en ce qui concerne le premier volume, à l'activité herculéenne et débordante de

²⁵ Articles AGRIPAUME, BOUQUETIN, etc.

²⁶ Article CAESALPINA.

²⁷ Articles CHARDON À BONNETIER, CHIEN DE MER.

²⁸ ENC. T. I. P. 49 a.

²⁹ Ibid. P. XLVI.

Diderot à la fois en tant qu'auteur et éditeur. Selon Schwab, on compte 1920 articles portant sa signature «*». Si l'on y ajoute des articles anonymes légitimement attribués à Diderot³⁰, on a le chiffre 1938. Pour d'autres articles anonymes, sur la foi de D'Alembert, on pourrait en mettre encore sur le compte de Diderot un assez grand nombre. À partir du second volume, la présence de Jaucourt commence à minimiser le rôle de Diderot collaborateur. Pour ce volume, la contribution de Diderot se réduit à 1474 articles et pour le troisième, à 430.

2. *Les grands dictionnaires dans le Registre de Briasson: Diderot et Mallet*

Ici, je dois souligner l'importance d'un document, absolument indispensable pour l'étude des métadonnées bibliographiques de l'*Encyclopédie*: c'est le Registre de délibérations et des comptes des éditeurs, tenu par Briasson, un des quatre libraires associés, établi et publié par Louis-Philippe May³¹. Le registre rend compte d'environ cent quarante titres de livres procurés et prêtés aux collaborateurs. Ces données manquent assez souvent de précision et exigent les plus grands soins, mais choisissons les dictionnaires qui s'avèrent les plus grands livres de référence pour les collaborateurs de la première période préparatoire. Briasson a fait l'acquisition d'une vingtaine de dictionnaires, de 1745 à 1758. C'est ainsi que nous trouvons dans le registre de 1745 la mention de Chauvius (Etienne Chauvin)³². En 1746, trois grands dictionnaires sont prêtés: Trévoux³³, Moréri³⁴ et Savary³⁵. Le nom de Diderot apparaît en

³⁰ Articles AGRICULTURE, ART, etc.

³¹ May L.-P. Documents nouveaux sur l'*Encyclopédie*: histoire et sources de l'*Encyclopédie* d'après le registre de délibérations et de comptes des éditeurs et un mémoire inédit. Ces documents de toute première importance furent publiés en 1938 successivement dans les cinq numéros de la *Revue de Synthèse*: Février 1938. T. XV, N 1. P. 5–30 (désigné par «May-1»); Avril 1938. T. XVI, N 1. P. 31–46 suppl. (désigné par «May-2»); Juin 1938. T. XV, N 2. P. 47–70 suppl. (désigné par «May-3»); Octobre 1938. T. XVI, N 2. P. 71–86 suppl. (désigné par «May-4»); Décembre 1938. T. XV, N 3. P. 87–110 suppl. (désigné par «May-5»).

³² May-2. P. 31, n° 4: «Un *Chauvius* Lexicon, fol°». Voir: *Chauvin É.* Lexicon rationale sive thesaurus philosophicus ordine alphabetico digestus, in quo vocabula omnia philosophica variisque illorum acceptiones. Rotterodami: apud P. van der Slaart, 1692.

³³ May-2. P. 32, n° 8: «Un *Dictionnaire de Trévoux*, fol. 6 vol. brochés». Voir: *Dictionnaire universel françois et latin, contenant la signification et la définition tant des mots de l'une et de l'autre langue... que des termes propres de chaque état et de chaque profession; la description de toutes les choses naturelles et artificielles...; l'explication de tout ce que renferment les sciences et les arts... Avec des remarques d'érudition... Nouvelle édition.* Paris: Veuve Delaulne, 1743. 6 vols in-fol.

³⁴ *Ibid.*, sous le même n° 8: «Un *Moréri*, fol. 8 vol. brochés». Voir: *Moréri L.* Grand dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'histoire sacrée et profane. 18e... édition... revue... et augmentée [par Platel]. Amsterdam: P. Brunel, 1740. 8 vols in-fol.

³⁵ *Ibid.* P. 33, n° 47: «Un *Dictionnaire de Commerce*, fol. 3 vol., prêt à M. Eidouz». Voir: *Savary Des Bruslons J.* Dictionnaire universel de commerce contenant tout ce qui concerne le commerce qui se fait dans les quatre parties du monde... Paris: J. Estienne, 1723–1730. 3 vols in-fol.

1748. Il reçoit le *Dictionnaire* et les *Œuvres* de Bayle³⁶. À partir de 1750, Briasson ne lui «prête» plus, mais lui «fournit» les livres³⁷.

En 1750, trois titres sont mentionnés: Francesco Pitteri³⁸, Chômel³⁹ et le *Dictionnaire de l'Académie Française* (1740)⁴⁰. Il est question aussi de la traduction italienne de Chambers en trois volumes, probablement fournis à Diderot⁴¹.

Les titres se multiplient: en 1751, Geoffroy, *Traité de la matière médicale*⁴² et l'Abbé Antoine Banier, *Explication historique des fables*⁴³. Deux titres en 1752: Robert Ainsworth, *Thesaurus linguae Latinae compendarius*⁴⁴ et Calmet, *Dictionnaire de la Bible*⁴⁵.

Il faut évoquer encore un autre collaborateur autrement appréciable. C'est Edme-François de Mallet (1713–1755). Du même âge que Diderot, ce théologien érudit a participé au grand projet dès la toute première période et a rédigé plus de deux mille articles. Il est mort assez tôt, à l'âge de quarante-deux ans et cette disparition précoce lui a valu l'éloge de D'Alembert publié dans le volume VI de l'*Encyclopédie*. Le fait que Mallet soit devenu l'un des collaborateurs principaux s'explique sans doute par son caractère calme et pacifiste qui le mettait hors de tout accrochage et conflit opposant jésuites et jansénistes et par son immense érudition jamais confinée dans le domaine religieux.

³⁶ Ibid. P. 42, n° 239: «M. l'Abbé Mallet aiant renvoyé les papiers de sa partie, et quelques-unes des reliures qu'on luy avoit prêté, il s'y en est trouvé: <...> 1 Bayle, *Dictionnaire et Œuvres*.» Voir: *Bayle P.* Dictionnaire historique et critique. Rotterdam: R. Lerrs, 1697, 2 tomes en 4 vol., in-fol. Je n'ai pu identifier les *Œuvres* de Bayle.

³⁷ «Par ailleurs tous les livres fournis à Diderot depuis le début et dont les libraires tenaient jusqu'ici un compte suivi lui sont laissés en toute propriété» – *Proust J.* Op. cit. P. 96.

³⁸ May-3. P. 57, n° 617: «Fourni à M. Diderot 1 *Vocabolario*, 4°, 5 vol.». Voir: *Vocabolario degli accademici della Crusca...*, quinta impressione. Venezia: Pitteri, 1741. 5 vols, in-4°.

³⁹ Ibid. P. 57, n° 626: «Fourni à M. Diderot d'ordre de la Compagnie: le *Dictionnaire Economique*, fol. 4, vol. br.». Voir: *Chomel N.* Dictionnaire économique contenant divers moyens d'augmenter son bien et de conserver sa santé. 4° éd. Commercy: Henri Thomas, 1741, in-fol. 4 vol. dont 2 de suppl.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 54, n° 551: «Fourni le *Chambers* italien, tomes 1, 2, 3 br.». Document non identifié, car on ne trouve aucune trace de la traduction italienne de la *Cyclopaedia* en trois tomes.

⁴² Ibid. P. 58, n° 650: «Fourni à M. Diderot: Un Geoffroy, 7 vol.». Voir: *Geoffroy E.F.* Traité de la matière médicale ou De l'histoire, des vertus, du choix et de l'usage des remèdes simples / Trad. par A. Bergier. Paris: J. Desaint et C. Saillant, 1743. 7 vols, in-12°.

⁴³ Ibid., sous le même 650: «un Banier, 3 vol.». Voir: *Banier A.* Explication historique des fables, où l'on découvre leur origine et leur conformité avec l'histoire ancienne... Paris: F. Le Breton, 1711. 2 vols, in-12°.

⁴⁴ Ibid. P. 62, n° 751: «Fourni à M. Diderot: *Ainsworth Dictionary*». Voir: *Ainsworth R.* Thesaurus linguae Latinae compendarius; or, a compendious dictionary of the Latin tongue designed principally for the use of the British nations. London: J.J. Knapton, 1736, in-4°.

⁴⁵ Ibid. P. 63, n° 777: «Fourni à M. Diderot un *Dictionnaire* de Calmet, fol., 4 vol. rel.». Voir: *Calmet A.* Dictionnaire historique, critique, chronologique, géographique et littéral de la Bible. Paris: Émery, 1720–1721. 4 vols in-fol.

Mallet reçut de Briasson douze titres de 1747 à 1748. En particulier, les grands dictionnaires de Calmet et de Savary lui ont été prêtés en 1748⁴⁶. Nous allons voir à présent, à partir de nos métadonnées, comment Diderot et Mallet ont utilisé les dictionnaires prêtés ou fournis par le libraire Briasson dans le premier volume de l'*Encyclopédie*. Pour la *Cyclopaedia* de Chambers, la récolte est vraiment maigre. La raison en est évidente: tous les collaborateurs des années quarante avaient sous les yeux le texte traduit de Chambers, au moins la version française des articles britanniques correspondants à ceux dont la rédaction leur était assignée. Il était tout à fait naturel que pour eux, le dictionnaire anglais était pour ainsi dire une partie intégrante de leur rédaction et qu'ils ne prenaient pas la peine de le nommer chaque fois qu'ils l'utilisaient. Il en était de même du *Dictionnaire* de Trévoux (entre autres l'édition de 1743). Dans le premier volume, il n'y a que trois occurrences de Trévoux, toutes les trois de Diderot. Dans les deux volumes suivants, Diderot n'en souffle plus mot. Moréri apparaît le plus souvent chez Mallet associé à Trévoux et à Chambers formant ainsi la «trilogie» référentielle toujours située à la fin d'un article⁴⁷.

La présence de James, Savary et Calmet n'est pas plus importante. On sait que Briasson a publié, au milieu de la période préparatoire de l'*Encyclopédie*, la traduction française du grand dictionnaire de James⁴⁸. Diderot, un des co-traducteurs, maîtrisait parfaitement la science médicale étalée dans le dictionnaire anglais et s'en servit maintes fois, parfois sans le signaler comme dans le cas de Chambers. Le premier volume ne contient que cinq occurrences de James, dont quatre dans les articles de Diderot et une chez Daubenton.

En 1748, Briasson a prêté à Mallet les dictionnaires de Savary et de Calmet, ce qui explique la grande fréquence de références à ces deux titres dans ses articles. Pour Savary⁴⁹, on dénombre au total dix-huit occurrences dans le pre-

⁴⁶ May-2. P. 46, n° 316: «1 *Dictionnaire de commerce*, fol. 3 vol. br.», «1 *Dictionnaire de Calmet*, fol. 4 vol. br.». Pour l'édition de Savary que les encyclopédistes ont utilisée, voir la note 35. Pour l'édition de Calmet, voir la note 45.

⁴⁷ «CONDORMANT <...> Les autres, qui s'élevèrent dans le xvj. siècle, étoient une branche des Anabaptistes. Ils faisoient coucher dans une même chambre plusieurs personnes de différens sexes, sous prétexte de charité évangélique. *Voyez les dict. de Moreri, de Trévoux, & de Chambers. (G)*» – ENC. T. III. P. 840a.

⁴⁸ James R. *Dictionnaire universel de médecine, de chirurgie, de chymie, de botanique, d'anatomie, de pharmacie et d'histoire naturelle, etc., précédé d'un Discours historique sur l'origine et les progrès de la médecine / Traduit de l'anglais de M. James par Mrs. Diderot, Eidous et Toussaint, revu... et augmenté par M. Julien Busson...* Paris: Briasson, 1746–1748.

⁴⁹ Voir la note 35. Selon Ryuji Kojima, dans le registre de Briasson, «il est fait mention de trois volumes in-folio de l'œuvre de Savary en 1746 et en 1748, suivies des marques “prêté” (1746) et “envoyé” (1748). Puisqu'il s'agit de livres en trois volumes, ce ne peut être les éditions en quatre volumes d'Amsterdam (1726) et de Genève (1741). Deux éditions donc, celle de Paris (1723 et celle de Genève (1741) ont pu être utilisées. Comparons avec l'*Encyclopédie*. On trouve une indication à l'article Abatement rédigé par Mallet, qui renvoie au “Dictionn. du Commerce, tome I. Page 548”. Or, c'est dans l'édition de 1741 que se trouve l'article entièrement copié. Mais l'édition de 1748 étant, on l'a dit, identique

mier volume, dont onze sont de Mallet, une seule de Diderot. On pourrait attribuer à Diderot six occurrences dans des articles anonymes, si l'on a foi en l'affirmation de D'Alembert déjà citée. Diderot a eu le dictionnaire de Calmet beaucoup plus tard que Mallet, en 1752. On y trouve seize occurrences dans le premier volume, dont treize sont de Mallet, une de Diderot, six dans les articles anonymes. Diderot a tendance sinon à cacher du moins à voiler ses sources bibliographiques. Il s'ingénie à abréger, à raccourcir ou à resserrer plusieurs données pour en faire un morceau plus ou moins original qui ne laisse aucune trace de ses matériaux de départ. Parmi les sources bibliographiques auxquelles Diderot a eu recours assez souvent au premier volume, le grand livre de Montfaucon attire notre attention⁵⁰, d'autant plus que le registre de Briasson en fait mention en 1748⁵¹. Il semble que Diderot gardait chez lui ces volumes de grand format de Montfaucon comme Chambers, Trévoux ou James. Il les consultait dès qu'il écrivait quelque chose sur les Antiquités grecques et romaines⁵² et le signalait chaque fois assez honnêtement. Neuf articles signés de Diderot dans le premier volume comportent des références au livre de Montfaucon: AMENTUM, AMPECHONÉ, ANGUSTICLAVE, ANTIMACHIE, AQUEDUC (trois occurrences), ABGARES, ANTIMACHIE, AGLATIA⁵³, APOPHORETA.

3. Cas de l'abbé Mallet

Du point de vue qui nous intéresse ici, à savoir celui des métadonnées bibliographiques, le cas de Mallet témoigne d'une grande probité en matière d'emprunt ou d'imitation. La plus grande caractéristique des articles de Mallet, c'est d'être une pâle copie de l'original, mais toujours pleine de renseignements honnêtes sur ses sources. L'énorme corpus que constituent les références bibliographiques des articles de Mallet est donc un très beau reflet des immenses savoirs livresques chez les premiers encyclopédistes, avec cela que sa vaste érudition couvre plusieurs domaines de connaissances⁵⁴.

à celle de 1741, l'une ou l'autre ont pu servir.» (*Kojima R. Aux sources de l'Encyclopédie: les éditions du Dictionnaire universel de commerce utilisées par les encyclopédistes // RDE. 2010. N 45. P. 158*).

⁵⁰ *Montfaucon B. de. L'Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris: F. Delaulne, 1719. 5 tomes, vol. 1–10; Idem. Supplément au livre de l'Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris: chez la Veuve Delaulne, etc., 1724. 5 tomes.*

⁵¹ May-2. P. 44, n° 260: «Payé pour le port d'un Montfaucon, de la rue Vivienne chez M. Diderot... 14».

⁵² Voir: *Poulouin C. L'antiquité expliquée et représentée en figures (1719–1724) par Bernard de Montfaucon // DHS. 1995. N 27. P. 43–60.*

⁵³ «* AGLATIA. Tout ce que nous savons de l'*aglatia*, c'est que c'est un fruit dont les Egyptiens faisoient la récolte en Février, & qui dans les caracteres symboliques dont ils se servoient pour désigner leurs mois, servoit pour indiquer celui de sa récolte. *Voyez le tome II. du Supplem. des Antiquités du Pere Montfaucon.*» – ENC. T. I. P. 176a.

⁵⁴ Diderot, toutefois, n'était pas entièrement satisfait de la pensée conformiste de Mallet sur la religion. La nomination de trois jeunes ecclésiastiques Yvon, De Prade et Pestré remplissaient la fonction de prendre la relève de Mallet dans le domaine religieux.

Déjà le 3 septembre 1748, le contrat passé avec les libraires associés stipule que Mallet se charge de quatre catégories du savoir: «Ce jour, troisième septembre, la Compagnie assemblée et sur les lettres de M. l'abbé Mallet, a résolu d'accepter son travail sur la *Théologie*, l'*Histoire Ecclésiastique*, le *Commerce* et les *Monnoyes* pour la somme de neuf cens livres»⁵⁵.

Les articles de Mallet figurent même dans les volumes de texte publiés après sa mort, jusque dans le seizième et dernier volume⁵⁶. Qu'est-ce que cela signifie? Mallet en tête, et bien d'autres collaborateurs de la première période préparatoire de l'*Encyclopédie* ont tous travaillé non seulement pour les premiers volumes, mais encore pour l'ensemble des dix-sept volumes de texte. Cela explique par exemple qu'un grand nombre d'articles de D'Alembert, déserteur dès 1758, se trouvent encore dans les derniers volumes publiés en 1765.

Je vais maintenant examiner, m'appuyant sur les résultats de notre repérage des mentions bibliographiques du premier volume de l'*Encyclopédie*, un grand nombre de métadonnées détectées dans divers articles de l'abbé Mallet.

Diderot et Mallet, voilà deux encyclopédistes du même âge, mais bien contrastés: d'un côté un analyste-programmeur apte à digérer les éléments les plus hétérogènes pour produire un texte unique et original; de l'autre côté, un compilateur servile, mais pieux et honnête, toujours prêt à révéler à ses lecteurs ses sources ou modèles. Cette opposition se manifeste déjà dans un petit sondage statistique effectué sur le premier volume. Les articles signés de Diderot, au nombre de 1938, ne comportent que 241 métadonnées bibliographiques, alors que Mallet en signale 469 sur 562 articles signés (G).

Dans le premier volume de texte, Mallet reste assez fidèle aux quatre domaines indiqués dans le contrat: la *Théologie*, l'*Histoire Ecclésiastique*, le *Commerce* et les *Monnoyes*. Ses contributions se confinent en gros dans trois groupes de désignants. 1: Théologie (127 occurrences), 2: Histoire ecclésiastique (10 occurrences); 3: Commerce (18 occurrences). On pourrait y ajouter l'Histoire: Histoire en général (2 occurrences), histoire anci-

⁵⁵ May-1. P. 23. Mais, au fond, les sphères d'activités de Mallet ne s'y bornent point. Voici l'ensemble des désignants de ses articles: Chancellerie, Politique, Police, Mathématiques pures, Histoire médicale, Jurisprudence ecclésiastique, Histoire ecclésiastique, Théologie, Histoire, Histoire ancienne, Histoire moderne, Antiquité grecque, Antiquité romaine, Antiquité, Géographie, Géographie moderne, Géographie ancienne, Commerce, Banquier, Commerce de mer, Police maritime, Monnaie, Tonnelier, Blason, Belles-Lettres, Mythologie, Poésie, Littérature, Rhétorique, Teneurs de livres, Grammaire, Poétique, Peinture, Sculpture, Poésie grecque, Poésie latine, Architecture, Art oratoire, Jurisprudence, Droit romain.

⁵⁶ Vol. I – 562 articles, vol. II – 204, vol. III – 170, vol. IV – 341, vol. V – 211, vol. VI – 145, vol. VII – 126, vol. VIII – 128, vol. IX – 28, vol. X – 35, vol. XI – 56, vol. XII – 1, vol. XIII – 4, vol. XIV – 1, vol. XV – 0, vol. XVI – 1. Au sujet de son article TESTAMENT, attribué à tort à Diderot, Jacques Proust écrit: «Il est vraisemblable que ce n'est pas le seul article qu'il ait laissé aux mains des éditeurs du dictionnaire et il est probable que tant d'articles orthodoxes ont été écrits par le pieux abbé, plutôt que par le philosophe athée» (*Proust J.* Op. cit. P. 159, note 181).

enne (62 occurrences), histoire moderne (24 occurrences), juris histoire ancienne et moderne (13 occurrences). Mallet écrit aussi beaucoup de petits articles littéraires: Belles-lettres (12 occurrences), littérature (10 occurrences), Rhétorique (4 occurrences). Mais à partir du volume III, c'est Marmontel qui s'impose comme le rédacteur des grands articles littéraires comme COMÉDIE, CRITIQUE, DÉNOUEMENT, DIALOGUE, etc., et le travail de Mallet comme contributeur littéraire commence à perdre du poids.

Une des contributions les plus caractéristiques de Mallet au premier volume est l'article ARCHE DE NOÉ. C'est le texte qui contient le plus de métadonnées bibliographiques (onze occurrences) conformes à nos quatre critères, et par-là, nous montre la manière consciencieuse de travailler de l'abbé. Outre les auteurs modernes Calmet⁵⁷, Jean Le Pelletier⁵⁸ et Georges Fournier⁵⁹, Mallet mentionne Rupertus Tuitiensis⁶⁰, trois fois Saint-Augustin⁶¹, et se réfère aussi à des écrivains classiques⁶².

Pour l'ensemble des contributions de Mallet au premier volume de texte, nous voyons déjà s'esquisser son immense corpus documentaire, avec ses titres de prédilection et des points de repère contemporains en matière de bibliographie. Sur la théologie, domaine d'autorité de Mallet, la présence du dictionnaire de Calmet est primordiale avec treize occurrences, suivie de Bossuet (quatre occurrences⁶³), et encore de Saint Augustin (onze occurrences), sans parler bien sûr de la *Bible* maintes fois citée ou alléguée. Le livre de l'oratorien Louis Thomassin est huit fois mentionné dans cinq articles⁶⁴. L'espagnol Delrio est tout particulièrement utilisé par Mallet. Son *Disquisitionum magicarum* (1599–1600) est signalé dix fois dans dix articles différents. Toujours dans le domaine de la théologie, signalons Charles du Fresne sieur du Cange⁶⁵, l'anglais Joseph Bingham⁶⁶, Claude Fleury⁶⁷ et le Père de l'Église Quintus Septimius Florens Tertullianus⁶⁸.

⁵⁷ Calmet A. Op. cit.

⁵⁸ Le Pelletier J. Dissertations sur l'arche de Noé, et sur l'hémine et la livre de S. Benoist... Rouen: J.-B. Besongne, 1700, in-12°.

⁵⁹ Fournier G. Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation. Paris: Michel Soly, 1643, in-fol.

⁶⁰ *De trinitate et operibus ejus*.

⁶¹ *Contra Faustum Manichaeum, De civitate Dei et De Genesi ad litteram liber imperfectus*.

⁶² Origène, Arrien, Flavius Josèphe, Strabo.

⁶³ Trois articles qui comportent la mention de l'*Histoire des variations des églises protestantes* (1688) et un article avec *Exercitatio prima ex historia ecclesiastica contra Bossuetum* (1687).

⁶⁴ *Ancienne et nouvelle discipline de l'Église* (1678).

⁶⁵ *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis* (1678), neuf occurrences.

⁶⁶ *Origines ecclesiasticæ* (1708), sept occurrences.

⁶⁷ Neuf mentions qui comportent *Histoire ecclésiastique* (1691–1723), *Institution au droit ecclésiastique* (1687), *Mœurs des chrétiens* (1682).

⁶⁸ Au total sept occurrences incluant ces quatre titres: *De carne Christi*; *Scorpiace*; *Adversus Praxean*; *De praescriptione haereticorum*.

Pour les Belles Lettres, en plus de Horace, sa référence obligée⁶⁹, Mallet a recours à l'*Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres*⁷⁰. Dans le domaine du commerce, la référence obligée est comme pour tout le monde le dictionnaire de Savary (dix mentions dans dix articles différents) mais il cite aussi *Le Parfait négociant* (une seule occurrence dans un article).

Le livre de Heiss, *Histoire de l'Empire*, est une référence non négligeable dans la contribution de Mallet pour l'histoire⁷¹. Le libraire Briasson le lui a prêté en 1747⁷². Notre base de données signale huit occurrences dans autant d'articles de plus ou moins petite taille, ce qui signifie que Mallet utilisait ce livre comme une espèce de glossaire. Après la mort de Mallet, Jaucourt est un utilisateur principal de Heiss pour ses articles géographiques⁷³.

PROJET ENCCRE

Vers 2010, nous avons eu le bonheur d'être invités par le projet français ENCCRE. Ce projet, soutenu par l'Académie des Sciences, s'appuie sur une équipe internationale et pluridisciplinaire de chercheurs, d'ingénieurs, de graphistes, d'étudiants et de bénévoles de différents horizons. L'équipe ENCCRE a enfin mis en ligne le 19 octobre 2017 la première édition critique de l'*Encyclopédie*, ouverte à tous et constamment enrichie par un grand groupe de spécialistes, dont moi-même et certains collègues japonais. Elle est basée uniquement sur la numérisation d'un exemplaire original conservé à la Bibliothèque Mazarine, une première édition d'un premier tirage. Un site web est déjà construit et l'on peut y trouver un ensemble déjà fourni d'informations sur l'*Encyclopédie* à la fois accessibles au plus grand nombre, fiables, et s'appuyant sur les derniers résultats de la recherche. Sa plateforme, collaborative, permet aux éditeurs d'y intégrer leurs annotations, commentaires, notices, etc. Déjà quelques centaines d'annotations d'articles de l'*Encyclopédie* sont confectionnées par les meilleurs spécialistes. Les gens du projet ENCCRE nous incitent à y apporter nos propres contributions, à savoir les fruits de notre projet japonais, une base de données bibliographiques⁷⁴.

⁶⁹ Douze occurrences.

⁷⁰ Quatre occurrences.

⁷¹ *Heiss von Kogenheim J. Histoire de l'Empire contenant son origine, ses progrès, ses révolutions, la forme de son gouvernement... et les nouveaux règlements qui ont été faits par les traités de Westphalie...* Paris: Barbin, 1684. 2 vols.

⁷² May-2. P. 40, n° 172.

⁷³ FREISINGHEN, FRIBOURG, HANSE, HENNEBERG, HESSE, HILDESHEIM, HOLSTEINN, LANDAU, LUSACE.

⁷⁴ Voir le meilleur guide du projet ENCCRE: *Cernuschi A., Guilbaud A., Leca-Tsiomis M., Passeron I.* (avec la participation de *Y. Sordet*). *Oser l'Encyclopédie: un combat des Lumières*. Paris, 2017.

CONCLUSION

Le dernier point sur lequel nous voudrions nous arrêter concerne le caractère essentiellement collectif de notre travail. L'enregistrement des métadonnées, effectué individuellement, devient une tâche périlleuse, qui induirait inévitablement des risques d'arbitraire ou de parti pris. Il nous a donc semblé opportun d'unir nos efforts pour qu'un vrai accord de lecture s'établisse entre les chercheurs. Une formation quasi professionnelle s'impose pour travailler en parfait accord.

La réflexion et la pratique que j'ai présentées ici s'inscrivent dans le cadre d'une démarche scientifique que nous appelons, au Japon, «la Bunri-Yugō», à savoir la fusion des littéraires et des scientifiques. Ce domaine de recherche combine les apports de la philologie et de la technologie en privilégiant deux axes méthodologiques. Le premier consiste à partir d'une lecture personnelle des articles encyclopédiques en décrivant leur contenu, suivant un certain nombre de critères, de «métadonnées», pour établir une base de données qui sera, espérons-le, un nouvel inventaire des articles et des documents relatifs à la genèse du grand dictionnaire. Le rôle des scientifiques, en second lieu, est d'offrir aux littéraires, pour leur lecture analytique, un texte encyclopédique ayant déjà subi un traitement informatique, ce qui se trouve déjà réalisé dans l'équipe de l'ENCCRE dont je parlais plus haut.

Ёити Суми

**В поисках источников великого словаря:
генетическое исследование *Энциклопедии***

Статья знакомит читателей с общими очертаниями масштабного коллективного проекта, осуществляющегося японскими учеными на протяжении десяти лет, – генетическим исследованием *Энциклопедии* Дидро и Даламбера.

Довольно часто авторы *Энциклопедии* указывали прямо в тексте своих статей сведения об используемых ими источниках. Такие указания различались по форме: это могли быть названия текстов, чаще всего сокращенные, имена авторов, порой не совсем точные, цитаты, схожие скорее с парафразами. Целью проекта является описание этих «библиографических метаданных», выявленных в статьях *Энциклопедии* на основе определенного набора точных критериев. Подобное описание даст специалистам возможность увидеть скрытую часть гигантского айсберга, каким является знаменитый «словарь наук и ремесел». Анализ уже первого тома *Энциклопедии* показал, что Дидро, Даламбер, Малле и Добантон, готовя свои статьи, охотно пользовались словарями Треву, Морери, Савари, Джеймса и другими, порой менее очевидными, справочными ресурсами. Создание полной базы метаданных для всех томов *Энциклопедии* станет основой современного реестра статей и документов, относящихся к генезису главного текста эпохи Просвещения, позволит взглянуть на него по-новому, в свете его источников.

GUIDO ABBATTISTA

THE DESPOTISM OF THE PLOUGH, THRONE
AND TRADITION: COMMERCIAL ENLIGHTENMENT
AND CHINA IN THE *HISTOIRE DES DEUX INDES*

A «COMMERCIAL ENLIGHTENMENT»

Two combined concepts are particularly useful for understanding the cultural and political transformations which occurred at the level of global relationships at the turn of the eighteenth century and the beginning of the nineteenth century: the «commercial Enlightenment» and the «long Enlightenment».

I speak of a «commercial Enlightenment» following the more or less recent interest for understanding the relations between the Enlightenment and the economic and social modernization we usually connect to the commercial ascendancy especially of Great Britain in the second half of the eighteenth century and the agrarian and industrial revolutions of the late eighteenth and early nineteenth century. I refer in particular to the works of Joel Mokyr, Gertrude Himmelfarb, Emma Rothschild, Christopher Berry, and Peter M. Jones¹. In all these studies, I would like first to underline a chronological aspect, that is their sharing a periodization from the second half of the eighteenth century to the mid-nineteenth century. More substantially, the Enlightenment,

© Guido Abbattista, 2018

¹ Mokyr J. *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, NJ, 2002; *Idem*. *The European Enlightenment, the Industrial Revolution, and Modern Economic Growth // Max Weber Lecture Series, European University Institute, 2007* <<http://cadmus.eui.eu/handle/1814/7631>>. 19 Dec. 2017; *Idem*. *The Enlightened Economy: An Economic History of Britain 1700–1850*. New Haven, 2010; *Idem*. *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Princeton, NJ, 2016; Himmelfarb G. *The Roads to Modernity: The British, French and American Enlightenments*. New York, 2003; Rothschild E. *Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet and the Enlightenment*. Cambridge, MA, 2013; Berry C.J. *The Idea of Commercial Society in the Scottish Enlightenment*. Edinburgh, 2013; Jones P.M. *Industrial Enlightenment: Science, Technology and Culture in Birmingham and the West Midlands 1760–1820*. Oxford, 2013; *Idem*. *Agricultural Enlightenment: Knowledge, Technology, and Nature, 1750–1840*. Oxford, 2016.

III. from *Punch, or The London Charivari* (December 22, 1860): a Chinese dragon being threatened by a St George like representative of the British army and the symbol of the European civilization

as it emerges from these studies, is strictly connected to economy, technology and the «useful knowledge» necessary for a prosperous, developing, thriving, market-oriented economy. It is not classically interpreted as a well-defined intellectual, philosophical movement arisen in French-speaking Europe, between France and the Netherlands, at the end of the 17th century and the beginning of the 18th century, spreading in large part of continental Europe and more or less naturally leading to the French Revolution, but as a wider reformist, empiricist, improvement-oriented and problem-solving mentality, a «way of thinking», a «condition of the minds», perhaps politically and religiously conservative, but particularly devoted to the promotion of economic progress (Rothschild), or to scientific-technological, economic and social progress (Mokyr) that made possible in some parts of mainly northern

Europe, notably England and Scotland, the emergence of a modern, industrial, commercial and increasingly global economy and a reformed and modernized society in the first decades of the nineteenth century.

The expression «commercial Enlightenment» makes reference to a distinct brand of Enlightenment culture we can in part identify with the so-called *doux commerce* doctrine, that accepts, though not uncritically, the positive (civilizing) historical role of a commercial, acquisitive, expanding society and espouses its values and ethical codes. According to this notion «commerce» designates not just trading in material goods, but the more general attitude for exchange, social interaction and intercourse as positive forces in history producing what Jacques Savary, in *Le parfait négociant*, calls «douceur de la vie» (1675), Montesquieu «moeurs douces», or which, according to William Robertson «soften and polish the manners of men» (*A View of the Progress of Society*, 1759). Such forces bring economic, material profit strictly speaking, as well as a general cultural, moral, civil benefit, in terms of progress, refinement, civilization and personal, civil and political liberties. It is the fundamental idea of how modern Europe and the liberty of the Moderns arose according to the Scottish historian-philosophers and to Voltaire, Condorcet and Constant.

This notion is clearly exposed in a passage from the third edition of the *Histoire des deux Indes* (1780)², where Diderot postulates a close interrelation between «commerce», «interest», «virtue», «nature», «liberty», «laws» and, most interestingly, what he calls a «universal society»:

La société universelle existe pour l'intérêt commun & par l'intérêt réciproque de tous les hommes qui la composent. De leur communication il doit résulter une augmentation de félicité. Le commerce est l'exercice de cette précieuse liberté, à laquelle la nature a appelé tous les hommes, a attaché leur bonheur & même leurs vertus. Disons plus; nous ne les voyons libres que dans le commerce; ils ne le deviennent que par les loix qui favorisent réellement le commerce: & ce qu'il y a d'heureux en cela, c'est qu'en même tems qu'il est le produit de la liberté, il sert à la maintenir³.

The expression of «commercial Enlightenment» evokes also the superiority of the internal organization of a commercial society regarding liberties, civil and political rights, judicial security, moral values, freedom

² I am making reference to *Raynal G.T. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes* / Éd. critique par A. Strugnell, A. Brown, C.P. Courtney, G. Dulac, G. Goggi et H.-J. Lüsebrink. Ferney-Voltaire, 2010– (hereafter referred to as HDI), based on the text of the third edition of Raynal's work, Genève, Pellet, 4 vols in-4° and 1 vol. with the atlas and statistical tables. Other abbreviations, H70, H74 and H80, stand respectively for the first, second and third edition of the *Histoire des deux Indes*, according to the conventions adopted for the critical edition. I quote H80 for parts of Raynal's work not yet published in the critical edition: in this case my references are to the Pellet edition in 10 vols. in-8°.

³ HDI. T. I. P. 567.

of movement and intercourse, and its strong expansionist thrust – for better or for worse – as synonymous with modernity, progress and the highest point attainable by the civilization process. It is the same idea and ideology that issued in the Western doctrine of a world civilizing mission. It inspired the political and ideological attitudes of such powers as Great Britain and France in their relations with the non-European world, suggesting the legitimization of a commercial, a political and also a territorial expansion overseas in the name of a civilizing mission, destined to impose out of Europe the basic values of Western, Christian, commercial, capitalist civilization. The European civilizing mission through the «commercial Enlightenment» was at the core of a «long Enlightenment» aiming to export Western economic, political, cultural and also religious values into the non-European world, thus shaping the rest of the world on a European mould and a European idea of the good and the welfare of humankind. It implied a performative attitude toward diversity, cultural and otherwise.

More in particular, such «long Enlightenment» was at the same time a cultural project aiming at extending the scientific knowledge of the world and a political project aiming at transforming and adapting it to the European cultural, economic and political priorities.

Hegel summarized this Eurocentric normative attitude with great clarity in the 1820s, with particular reference to England:

The material existence of England is based on commerce and industry, and the English have undertaken the weighty responsibility of being the missionaries of civilization to the world; for their commercial spirit urges them to traverse every sea and land, to form connections with barbarous peoples, to create wants and stimulate industry, and first and foremost to establish among them the conditions necessary to commerce, viz. the relinquishment of a life of lawless violence, respect for property, and civility to strangers⁴.

The specific question I would like to address in this contribution is if there are elements supporting this notion of a «commercial Enlightenment» with a marked performative, transforming attitude in some particularly relevant Enlightenment texts and with reference to specific subjects under observation: namely the *Histoire des deux Indes* by the abbé Raynal and his collaborators, Denis Diderot prominently among them; and the discussions about European relationships with China.

The reason to focus on China is that during the eighteenth century China was at the center of a dramatic, even if not univocal and exclusive, transformation of the European attitudes: from the late seventeenth and early eighteenth century prevalent admiration and idealization, that had elevated China to the level of a mythical country of ancient civilization and wise and efficient government, to drastically negative, even disparaging views during

⁴ Hegel *G.W.F.* The Philosophy of History / Trans. by J. Sibree. Kitchener, Ontario, 2001. P. 475–476.

the last quarter of the 18th century and the first decades of the 19th century, when China ended to be seen as a retarded, barbaric country that had to be civilized and elevated to the Western standards even by a forced intervention. To late-18th century Western observers, China was not anymore only a very complex reality to be known through a hard work of understanding, translating, interpreting. Its growing importance to Western global commercial interests made less relevant the traditional philosophical and self-reflective questions on «what is China?», and «what is its meaning to us?», and more central other, very practical questions on «what can we do in China?», or «how can we change China?»⁵. This change of attitude was very clearly described later, in 1836, by the English-language journal published in Canton, *The Chinese Repository*, when it summarised the epoch-making transformation in the Sino-Western relationships occurred in the last few decades by saying that:

The pressure of civilization was until two centuries ago, perhaps from China, outwards; it is now from other countries into China⁶.

My intention is to show that some significant signs of these very momentous changes can be detected in Raynal's *Histoire des deux Indes*, a work, by the way, long considered as a symbol of the eighteenth-century anti-colonial thought.

NEW QUESTIONS AND NEW ANSWERS ON CHINA

What was new at the end of the 18th and the beginning of the 19th century was that the complex set of questions and answers concerning China – its form of government, administration, law system, its society, demography, economical and technical potential, morals, religion, historical traditions, its civilization – were aimed no longer at building representations on the part of missionaries devoted to foster their evangelizing work or at criticizing indirectly the European *ancien régime* institutions and society on the part of a circle of enlightened intellectuals. Those questions became a very practical matter concerning policies, given the restrictions imposed on European presence and commercial activities in Chinese territory especially after 1759: to put it briefly, how could European powers obtain from the Chinese government the full recognition of the current commercial practices and business standards established in the European (civilized) world, first of all the admission of free trade with definite and stable custom duties, free movement and exchanges in the country, a renewed and more open attitude toward the foreigners, and also free preaching of the Gospel? And, correspondingly, the answers concerning Chinese institutions, society and culture assumed a prescriptive tone or, to use the Raynalian terminology, a tenor that was not only «philosophique» but also «politique», based on the awareness of an ever-clearer contrast between

⁵ *Spence J.* To Change China: Western Advisers in China, 1620–1960. Boston, 1969.

⁶ *The Chinese Repository*. Sept. 1836. Vol. V, N 5. P. 206.

China and the West. In other words, the question became: how could relations between China and Europe be changed according to Western interests? In order to get that objective, should China itself be changed? What precisely had to change and how? This political perspective, in my view, was present to some extent in some prominent 18th-century works, such as Adam Smith's *Wealth of Nations* and especially the 1780 edition of the *Histoire des deux Indes*. What emerges from these works is that something had to change in how China related itself to the rest of the world, and particularly what shortly was to be defined «the family» or the «society of nations» (Western, Christian, civilized) and in its attitude toward the global network of commercial and cultural relations that was shaping the world. This discourse on the need to change China entered the late Enlightenment culture and its permanence in Western comments on China ensured the continuation of this interventionist aspect of Enlightenment discourse during the 19th century. It is no coincidence that many authors and commentators speculating on the conditions for China's improvement, from Diderot to John Francis Davis, Peter Parker, John Bowring and John Stuart Mill and even the Chinese reformer Liang Qichao (in the late 19th century), employed metaphors of light and enlightenment alluding to driving forces of change expected to come into China from without.

The main notions of this new, strongly interventionist, negative view of China were clearly explained by Benjamin Constant, whose arguments closely resembled earlier ones by Herder and Condorcet – China was condemned to a «shameful immobility» and an «eternal mediocrity» – and later ones used by Hegel and then John Stuart Mill⁷. Constant referred to China in several of his works: from *De la Religion* (1824–1830), *De l'esprit de conquête* (1814) and *Principes de politique* (1815) to *Mélanges de littérature et de politique* (1829), and the *Commentaire sur l'ouvrage de Filangieri* (1822–1824). He perceived contemporary China as a stagnant country, and feared that Europe might meet a similar fate. China was «gouverné par la gazette impériale et par le Bambou» (*Principes*), it was a despotic State whose subjects are «soumis au baton toute l'année» (*Commentaire*), which «offrit <...> le honteux spectacle de la dégradation de l'espèce humaine» (*Commentaire*) and where there was a visible lack of movement, energy and initiative – those indispensable elements for securing personal liberty and happiness. In China one could observe the

⁷ For contemporary and successive elaborations of the idea of an immobile China, see: Pagden A. *The Immobility of China: Orientalism and Occidentalism in the Enlightenment* // *The Anthropology of the Enlightenment* / Ed. by L. Wolff and M. Cipolloni. Stanford, CA, 2007. P. 50–64; Ohno E. Benjamin Constant et l'immobilité de la Chine // *Annales Benjamin Constant*. 2007. Vol. 31–32 («Le groupe de Coppet et l'histoire», VIIIe Colloque de Coppet, 5–8 juillet 2006). P. 273–293; see also: Abbattista G. *At the Roots of the «Great Divergence»: Europe and China in an 18th Century Debate* // *Cultural Transfers, Encounters and Connections in the Global 18th Century* / Ed. by M. Middell. Leipzig, 2014. P. 113–162; *Idem*. *Europe, China and the Family of Nations: Commercial Enlightenment in the Sattelzeit (1780–1840)* // *China's Development from a Global Perspective* / Ed. by M.D. Elizalde and W. Jianlang. Newcastle upon Tyne, 2017. P. 122–192.

exclusive dominance of formal rites and superstitions; and a blind adherence to traditions and customs that crush individual morals. Constant's most important source, John Barrow, the member of the Macartney's mission to Beijing and author of *Travels in China* (1804), had said that in an even clearer way in 1804⁸. According to Barrow in China reigned «universal servility»; a «system of universal and implicit obedience»; civil laws unable to secure property and promote the accumulation of wealth; property and wealth not conducive to social status and prestige; the absence of a middle class of independent individuals; no consideration for commerce, especially foreign commerce; no social intercourse; no sociability; no voice of the subjects in the government; no notion of rights; laws unsuitable for procuring the good of the subjects; an administration based on the arbitrariness, whims and extortions of corrupted officials; and retrograde rather than simply stationary arts and sciences. In sum: a despotic government based on the annihilation of the individual. Motivated by a sharp sense of Western superiority, Barrow had represented China as being at the lowest step what he called the «scale of civilization», a country that was precisely the opposite of the ideal society of the «commercial Enlightenment» – with the few exceptions of low taxes, encouragement of agriculture, and a lucky succession of good Manchu emperors.

This kind of strikingly negative view of China came to dominate English views of China and was only reinforced by the failure of the 1816–1817 British embassy guided by Lord Amherst, which followed the equally unsuccessful Lord Macartney's famous diplomatic mission in 1792–1794. It was such a view that radicalized British protest against the impossibility for foreign merchants to practice free trade and have free intercourse with the Chinese people and prepared the way for the following request of an armed intervention forcing China to open itself, as it finally happened in 1840–1842. Traders and missionaries as well, in full cooperation, implemented not only a political strategy in England to obtain free access to inland China, but also a vigorous press campaign addressing British public opinion in which they developed a complex discourse on China that was also a collection of information, a comment on current affairs, a plea for reforms and changes, a review of Western opinions on China, with particular emphasis on the reversal of previous Jesuits' interpretations, and an analysis of Chinese society, culture and institutions. They believed that there existed very good reasons, ideas and objectives that could help change both Sino-European relations and the internal Chinese situation itself.

⁸ *Barrow J. Travels in China: Containing Descriptions, Observations, and Comparisons, Made and Collected in the Course of a Short Residence at the Imperial Palace of Yuen-Min-Yuen, and on a Subsequent Journey Through the Country from Peking to Canton.* London: T. Cadell and W. Davies, 1804. P. 382 ff.

CHINA IN THE HISTOIRE DES DEUX INDES

It is a well-known fact that the content and ideas about China in the HDI changed significantly from H70 to H80. It is also known that the particularly weighty and significant changes made in H80 were mainly due to the interventions of Denis Diderot.

There are two main loci in which the HDI deals with China, starting from the first edition: the parts in book I that would become chapters 20 and 21 in 1780, and the parts in book V that would become chapters 24–32 in 1780. The critical edition for both these books (Peter Jimack edited book I and Muriel Brot book V) has allowed us to delve better into these texts. Another short mention of China in book XIX is less relevant to our purposes⁹. I would like to show certain aspects of Diderot's attitude toward China not considered before and which affect the *Histoire's* discourse on China¹⁰.

In seizing the opportunity to revise the HDI text for the third edition, it is not surprising that Diderot felt the need to intervene on the European discussions over China considering how heated that debate was in the 1770s. Indeed, after the admiration for and panegyrics on China had reached a climax in France in the 1760s, notably due to the Physiocrats, there was a reversal of

⁹ It is a paragraph, present since H74 – when book XIX, «Tableau de l'Europe», first appeared, mainly authored by Alexandre Deleyre, with contributions by d'Holbach – and subsequently unchanged, presenting a rather conventional, and by 1780 outdated idea, about China as a nation with a wise government, with details worth imitation, and based on despotically implemented laws – an opinion clearly discordant with the dominant Sinophobic outlook of H80 which this essay insists on and tries to interpret: «L'Europe auroit à désirer que les souverains, convaincus de la nécessité de perfectionner la science du gouvernement, voulussent imiter un établissement de la Chine. Dans cet empire, on distingue les ministres en deux classes, celle des penseurs & celle des seigneurs. Tandis que la dernière est occupée du détail & de l'expédition des affaires, la première n'a d'autre travail que de former des projets, ou d'examiner ceux qu'on lui présente. Au sentiment des admirateurs du gouvernement Chinois, c'est la source de tous les réglemens judicieux qui font régner dans ces régions la législation la plus savante, par l'administration la plus sage. Toute l'Asie est sous le despotisme: mais en Turquie, en Perse, c'est le despotisme de l'opinion par la religion; à la Chine, c'est le despotisme des loix par la raison. Chez les Mahométans, on croit à l'autorité divine du prince: chez les Chinois, on croit à l'autorité naturelle de la loi raisonnée» – H74. T. VII, Livre XIX, Ch. 35. P. 254–255; H80. T. X, Livre XIX. P. 94.

¹⁰ On Diderot and China, see: *Lüsebrink H.-J.* La Représentation des civilisations asiatiques dans l'*Histoire des Deux Indes* et ses traductions // Centre(s) et Périphérie(s): Les Lumières de Belfast à Beijing / Centre(s) and Margins: Enlightenment from Belfast to Beijing / Éd. par M.-C. Skuncke, avec la coll. de B. Berglund-Nilsson et B.R. Wells. Paris, 2003. P. 55–70; *Cohen H.* Diderot and the Image of China in Eighteenth-Century France // Facing Each Other: The World's Perception of Europe and Europe's Perception of the World / Ed. by A. Pagden. Aldershot, 2000. Part II. P. 421–434; *Pereira J.* Montesquieu et la Chine. Paris, 2008. P. 472–479; *Guy B.* The French Image of China before and after Voltaire. Oxford, 1963. P. 323–338 (SVEC; Vol. 21). Recent treatment of Diderot and colonial commerce and enterprises: *Agnani S.M.* Hating Empire Properly: The Two Indies and the Limits of Enlightenment anticolonialism. Oxford, 2013. P. 23–66; *Terjanian A.F.* Commerce and Its Discontents in Eighteenth-Century French Political Thought. Cambridge, 2013; *Pitts J.* A Turn to Empire: The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, NJ; Oxford, 2009.

attitudes, especially after Cornelius De Pauw's *Recherches Philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois* published in 1773¹¹. Although drawing a sharp distinction between a Sinophile early eighteenth century and a Sinophobic late eighteenth century does not properly convey how opinions and attitudes actually evolved during this period, a general inversion of European positive and appreciative opinions on China started developing in the early 1770s and would continue over the following decades, symbolized by d'Holbach's personal trajectory from admiration for to disparagement of China¹². A new edition of the HDI therefore represented a good opportunity to register such changes and I think that this was Diderot's interest much more than to just update, improve and augment the information on Chinese matters – what he could have done drawing (at least partly) from recent works such as the first volumes of the 6-tome collection of the *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des Chinois*¹³ or the *Histoire générale de la Chine* (1777–1783)¹⁴ – a real treasure trove of first-hand information on several aspects of historical and contemporary China, one from which an author tasked with adding to the stock of knowledge on China could have profitably drawn valuable data¹⁵. Yet, rather than offering new factual information in the latest edition of the HDI, Diderot chose to stick to the terms of the debate between eulogizers and detractors of China. In 1780, he re-arranged the decidedly eulogistic text on China already in H74, by introducing two consecutive chapters. He called the first, «État de la Chine selon ses panégyristes», numbering it as chapter 20, and here he concentrated the pre-existing text that in 1774 was entitled simply «État de cet empire»; and to this he added a chapter 21, «État de la Chine, selon ses détracteurs», containing an apparently detached, balanced set of arguments to respond, point by point, to the opinions of China's admirers expounded in chapter 20.

¹¹ [De Pauw C.] *Recherches philosophiques sur les Egyptiens et les Chinois* / Par l'Auteur des *Recherches sur les Américains*. Berlin: C.J. Decker, 1773. 2 vols, in-12°.

¹² See also *Israel J. Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights 1750–1790*. Oxford, 2011. P. 558 ff., see p. 560.

¹³ *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des Chinois*: par les Missionnaires de Pékin [by Joseph Amiot, François Bourgeois, Aloys de Poirot, Pierre-Martial Cibot, Louis-Georges Oudart Feudrix de Bréquigny, Antoine-Isaac Silvestre de Sacy, and others]. Paris: Nyon, 1776–1814. 16 vols, in-4° (hereafter cited as *Mémoires concernant les Chinois*). See a closer content analysis of this collection in *Dehergne J. Une grande collection: Mémoires concernant les Chinois (1776–1814)* // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 1983. T. LXXII. P. 267–298.

¹⁴ This was the translation by Moyriac de Mailla, edited by abbé Grosier and under the direction of Le Roux des Hautesrayes in 1777–1783, of Tong Kien Kang Mou, or *Chinese annals* by the Sing dynasty scholar Sima Guang (1019–1086). A complete digital copy is available at <https://www.chineancienne.fr/17e-18e-s/tong-kien-kang-mou-histoire-g%C3%A9n%C3%A9rale-de-la-chine/>. 29 Dec. 2017. Its importance was immediately recognized by the Italian translation, published in Siena, starting from 1777. The abbé Grosier was also author afterwards of the *Description générale de la Chine ou Tableau de l'état actuel de cet empire* (Paris: Moutard, 1785) 1 vol., in-4°.

¹⁵ See the «Avertissement» to *Mémoires concernant les Chinois* (1783. Vol. IX. P. X).

We know that Diderot was never an admirer of China, nor did he ever yield to the Chinese vogue¹⁶. As early as 1760, in reply to the Sinophile Jesuit father Hoop praising Chinese political and moral wisdom during a *soirée* at D'Holbach's residence in Grandval, he wrote to Sophie Volland that he had no faith in «wise nations»¹⁷ and was not willing to believe what was being maintained «à l'honneur des Chinois»¹⁸, «fripons entr'eux et avec l'étranger»¹⁹. Grimm felt the same way, as would d'Holbach after getting over his initial infatuation²⁰. Diderot's critical attitude seems clear from the fact that chapter 21 of book I, on China's critics, works as more than just a counterpart, for the sake of balance, to the Sinophilia of chapter 20 in H80 (already present since H70). Diderot's rebuttals to the arguments of the Sinophiles in chapter 21 reveal an overt commitment on his part to criticize China. As one who did not follow the Chinese myth in any respect, Diderot did not want readers of the HDI to feel any sympathy toward China after being introduced to these two opposing interpretations. We should not therefore take at face value his encouragement to readers to form their own opinions and his appeal for more complete, direct knowledge²¹.

Diderot however was not simply reiterating reasons to be sceptical or critical of China or Sinophilia like those of other authors like Montesquieu and Mably who were overtly opposed to Chinese sympathies and disapproved of any enthusiasm for China²². Diderot was also adding matters to chapter 21 that made his dislike for China more substantial and precise. This is clear from his introduction of a demographic-economic topic with which he clarified and emphasized his idea of China as a country where the arts and sciences were in a stationary condition, though without explicitly using the new and meaningful expression «état stationnaire» he employed elsewhere²³. At least eight of the twenty points he made to articulate his reply to China's

¹⁶ *Cohen H.* Op. cit.

¹⁷ Diderot to Sophie Volland (25 Sept. 1760): «Mais j'ai peu de foi aux nations sages» – *Diderot D.* Correspondance / Éd. par G. Roth. Paris, 1957. T. III. P. 87.

¹⁸ *Ibid.* P. 88: «On dit encore à l'honneur des Chinois d'autres choses qu'on ne me trouva pas également disposé à croire».

¹⁹ Diderot to Sophie Volland (15–16 Oct. 1760): «Fripons entr'eux et avec l'étranger, ils disent que ce sont leurs dupes qui sont des sots ou des étourdis» – *Ibid.* P. 144; for father Hoop's positive opinion on China as a nation governed by the law, where «La loi est sur le trône. Le prince est sous la loi, et au-dessus de ses sujets. C'est le premier sujet de la loi.», see Diderot à Sophie Volland (from 2 to 6 or 8 Nov. 1760) – *Ibid.* P. 232.

²⁰ *Cohen H.* Op. cit. P. 428–429.

²¹ HDI. T. I. P. 123.

²² For instance, when refusing the idea of the inherent and indefectible wisdom of the Chinese emperors, see: *Ibid.* P. 117 and *Mably G.* Doutes proposés aux philosophes économistes, sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. La Haye; Paris: Nyon; Veuve Durand, 1768. I quote from the text published in: *Mably G.* Œuvres complètes. Londres: [s.n.], 1789. T. XI. P. 80.

²³ About «l'état stationnaire des sciences à la Chine», see: *Diderot D.* Sur les Chinois // *Diderot D.* Œuvres complètes / Revues... par J. Assézat et M. Tourneux (hereinafter referred to as AT). Paris, 1875. T. IV. P. 45–48, quotation from P. 45.

admirers contain direct references to China's «excessive population» and its consequences for China's general conditions²⁴.

In his article on «Chinois, Philosophie de» in volume III (1753) of the *Encyclopédie*²⁵, Diderot had already expressed the idea of there being a fundamental gap between Europe and China; he implied that the opposition between the lazy, passive, conservative, industrious yet not creative «esprit d'orient», and the «esprit d'occident», remarkable for its talent for invention and propensity for discovery, had created a distance, a divergence, as if Europe and China had moved along diverse historical timelines at different speeds measured in terms of scientific and artistic progress²⁶. Again, in his 1772 *Fragment sur les Chinois*, Diderot had repeated the same idea, which he would later insert verbatim into H80 in a strikingly modern passage extolling disinterested, pure, basic scientific research – put simply, «les recherches» – whose importance and merit he argued the Chinese were unable to recognize due to their merely utilitarian idea of knowledge²⁷. In the *Satire contre le luxe à la manière de Perse* (1771) and the *Fragment sur les Chinois* (1772), Diderot had also recognised how agricultural and economic prosperity in general caused population to increase, spread wealth («fortunes divisées») devoted resources to mere subsistence and, consequently, prevented there from being any surplus to spend on arts and sciences. For Diderot, China was the example of such a country, deprived of «beaux arts» and speculative sciences²⁸. In H80

²⁴ HDI. T. I. P. 120.

²⁵ See also: Roberts J.A.G. L'image de la Chine dans l'*Encyclopédie*// RDE. 1997. N 22. P. 87–108.

²⁶ «Que les Chinois ont d'assez bonnes manufactures en étoffes & en porcelaines mais que s'ils excellent par la matière, ils pêchent absolument par le goût & la forme; qu'ils en seront encore long tems aux magots; qu'ils ont de belles couleurs & de mauvaises peintures; en un mot qu'ils n'ont pas le génie d'invention et de découvertes qui brille aujourd'hui dans l'Europe: que s'ils avoient eu des hommes supérieurs leurs lumières auroient forcé les obstacles par la seule impossibilité de rester captives; qu'en général l'esprit d'orient est plus tranquille, plus paresseux, plus renfermé dans les besoins essentiels, moins avides de nouveautés que l'esprit d'occident. Ce qui doit rendre particulièrement à la Chine les usages plus constants, le gouvernement plus uniforme, les lois plus durables; mais que les sciences & les arts demandant une activité plus inquiète, une curiosité qui ne se lasse point de chercher, une sorte d'incapacité de se satisfaire, nous y sommes plus propres, & qu'il n'est pas étonnant que quoique les Chinois soient les plus anciens, nous les ayons devancé de si loin.» – ENC. T. III. P. 347–348.

²⁷ HDI. T. I. P. 115.

²⁸ «La richesse engendre la population; l'extrême population divise les fortunes; les fortunes divisées restreignent les sciences et les arts à l'utile. Tout ce qui n'est pas utile est dédaigné. L'emploi du temps est trop précieux pour le perdre à des spéculations oisives. Partout où vous verrez une poignée de terre recueillie dans la plaine, portée sans un panier d'osier, aller couvrir la pointe nue d'un rocher, et l'espérance d'un épi l'arrêter là par une claie, soyez sûr que vous verrez peu de grands édifices, peu de statues, que vous trouverez peu d'Orphées, que vous entendrez peu de poèmes divins» – *Satire contre le luxe à la manière de Perse* // AT. 1876. T. XI. P. 89–95, see p. 94. And in the *Sur les Chinois*: «C'est que partout où la population surabondera, l'utile sera la limite des travaux. Dans aucun siècle, en aucun endroit de la terre, on n'a vu l'enfant d'un homme opulent se faire peintre, poète, philosophe, musicien, statuaire par état. Ces talents sortent des conditions subalternes, trop pauvres, trop malheureuses, trop occupées à la Chine à pourvoir aux premiers besoins de la vie.» – Ibid. 1875. T. IV. P. 46.

he resumed this same argument, with a stronger emphasis on overpopulation, to counter the Sinophile exaltation of the Chinese concern for and care of agriculture. The true reason he adduced for China's great regard for agriculture was not a wise and virtuous sort of appreciation for this economic activity but rather the compelling need to feed such an enormous population to the extent that no resources or energies were left for more elevated activities in the scientific and intellectual realms. He identified the demographic pressure as the true responsible of China's evils like infanticide and the source of China's pretended virtues, such as industriousness and dedication to agricultural works. Such virtues were only specious, because they resulted not from conscious commitment, awareness or choice but from the pressure or compulsion originating from the most demanding of needs; and in fact, a disproportionate demographic pressure caused exactly the reverse of virtuous conduct. As Diderot writes:

La nation Chinoise [on dit que] est la plus laborieuse que l'on connoisse <...> Nous n'en doutons pas. Il faut bien qu'elle travaille, & qu'après avoir travaillé elle travaille encore. N'y est-elle pas condamnée par la disproportion du produit de ses champs avec le nombre de ses habitans? d'où l'on voit que cette population tant vantée a des limites au-delà desquelles c'est un fléau qui ôte à l'homme le tems du repos, l'entraîne à des actions atroces, & détruit dans son âme l'honneur, la délicatesse, la morale, & même le sentiment d'humanité²⁹.

The obligation to devote all energies to procure subsistence in such an overpopulated country where famine was a constant threat made life short, constricted and gloomy, stifled all vital passions, quelled all human vitality, extinguished all kinds of creativity, explained the absence of scientific and artistic improvement and rendered subjects indifferent to real virtues, incapable of bettering their lives and resigned to accepting the bleak destiny imposed on them by a despotic government that violently punished all attempts to leave the country and make a living abroad. The combined effects of the economic, moral, cultural and political constraints – the despotism of the plough, tradition and the throne, as it were – crushed human capacity and longing for improvement. In other words, according to Diderot, economic, cultural and institutional or legal checks hindered China's progress and doomed it to immobility and stagnation.

China's peculiar relationship with historical temporality had already been observed in chapter 20 where its «patriarchal government» was defined appreciatively as the paradoxical result of a historical, gradual «perfection» that was actually a return to a point in history from which all other countries («tous les autres») had departed, toward an irreversibly progressive path («pour jamais»), with this paradoxical political perfection *à la Chinoise* representing in fact a return to the origins of society, or better, a return to

²⁹ HDI. T. I. P. 121.

nature³⁰. Diderot totally dropped this idea in chapter 21 in favour of another notion. The concept of China as «stationnaire» in a general, all-encompassing way recurs very clearly, if not literally (the adjective itself is not present in any edition of HDI): such a state was just as easy to observe in the past as it was to predict for the future:

Ce préjugé [«la vanité la plus ridicule» instilling contempt for foreign peoples and cultures. – *G.A.*], l'excessive population, l'indifférence pour les souverains, qui peut-être en est une suite, l'attachement opiniâtre à ses usages, la loi qui lui défend de sortir de son pays: toutes ces raisons doivent le fixer pendant une suite indéfinie de siècles dans son état actuel³¹.

The «Chinese» themes Diderot discussed in H80 fit into a general intellectual atmosphere that since the late 1760s began prompting the need for a different, less one-sided positive presentation of Chinese matters, at least in France, whereas in England opinion had always been much less favourable to China and much less sensitive to the Jesuits' enthusiastic reports and depictions.

A «PRESCRIPTIVE TURN» REGARDING CHINA

The paragraphs on China added by Diderot in H80 seem to reveal something more than just the reception of such criticism as those proposed by Mably in his anti-Physiocratic *Doutes proposés aux philosophes économistes* (1768)³², partly and contradictorily by the Abbé Roubaud in his *Histoire générale de l'Asie, de l'Afrique et de l'Amérique* (1770–1775)³³ or by De Pauw's *Recherches Philosophiques sur les Égyptiens et les Chinois*. They show in fact a sort of interventionist, normative attitude oriented toward anticipating and expecting a future change in Sino-European relations. In other words, they reveal the awareness of a new problem represented by the

³⁰ «Le gouvernement des Chinois est revenu, par les degrés de sa perfection, au point d'où tous les autres sont partis, & d'où ils semblent s'éloigner pour jamais, au gouvernement patriarcal, qui est celui de la nature même.» – Ibid. P. 109.

³¹ Ibid. P. 120.

³² Dans les *Doutes proposés aux philosophes économistes* Mably (Op. cit. P. 82–83) refused any form of China's exceptionalism: he recoiled from identifying China's secular immobility with an evidence of institutional wisdom, and deemed incomprehensible and unacceptable the image of a China without history and change.

³³ *Roubaud P.J.A. Histoire générale de l'Asie, de l'Afrique et de l'Amérique*. Paris: De Ventes de la Doué, 1770–1775, 15 vols.; vols. I–II are dedicated to Japan and China, see especially Vol. I. P. 316–329. On Mably and Roubaud and their views of China, I permit myself to refer to my own article: *Abbattista G. At the Roots of the «Great Divergence»*. P. 145–148. I have tried to summarize Roubaud's contradictions and afterthought in: *Chinese Law and Justice: George Thomas Staunton (1781–1859) and the European Discourses on China in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Law, Justice and Codification in Qing China: European and Chinese Perspectives: Essays in History and Comparative Law / Ed. by G. Abbattista. Trieste, 2017. P. 1–137, see p. 30 ff.*

need, or possibility, to alter the state of relations between China and the West and possibly of China itself, coherently with the «philosophique et politique» outlook of Raynal's work: not simply to describe, collect and catalogue, but also to open a critical, normative perspective aimed at modifying and possibly improving the actual state of affairs. I would define this as a 'prescriptive turn' in the eighteenth-century discourse on China³⁴, meaning a shift away from earlier, descriptive, mythicizing or idealizing attitudes and discourses.

I do not mean to suggest that Diderot's words were part of a conscious, programmatic discourse with an imperialistic accent. There was not yet in European culture an overt debate on China and the forms of its possible «civilization» as was the case with Russia, where such a possibility involved a discourse on the historical and political experience of Peter the Great's policy and its eighteenth-century follow-up under Catherine II and Golitsyn to take the country out of barbarism through a deliberate opening toward the West³⁵. What I am arguing is that we can read allusions in H80 evincing a changing motivation and a different awareness in the China discourse and its practical implications. Diderot's intentions were not just to add new knowledge about China in H80³⁶; least of all did he present China as an inspiring, positive socio-economic and political model to motivate European demands for enlightened reforms. Instead, China posed to him a twofold problem. First, it was a historical paradox in that it offered the unique example of an ancient, elevated and undeniably endogenous civilization that had interrupted its march toward progress, thus presenting to the enlightened observer the question of if and how (endogenously or exogenously) it could resume its path forward. Second, China represented not just a theoretical challenge to the historian and the political analyst, but also a very practical problem: it belonged willy-nilly to a crucially important system of trade relationships within the framework of East-West relations, one that compelled European observers to ask how such relationships could and should change in the interests of both the European powers and, presumably, China itself. It is clear from the relative conciseness

³⁴ For a more general appreciation of such a perspective, see: *Spector C.* Science des mœurs et théorie de la civilisation. De l'*Esprit de Lois* de Montesquieu à l'école historique écossaise // Les équivoques de la civilisation / Sous la dir. de B. Binoche. Seyssel, 2005. P. 136–160, see p. 139.

³⁵ *Goggi G.* avec la coll. de *Dulac G.* Diderot et l'abbé Baudeau: les colonies de Saratov et la civilisation de la Russie // RDE. 1993. N 14. P. 23–83; *Idem.* Diderot et le concept de civilisation // DHS. 1997. N 29. P. 353–373; *Imbruglia G.* Civilisation and Colonisation: Enlightenment Theories in the Debate between Diderot and Raynal // History of European Ideas. 2015. Vol. 41. N 7. P. 858–882; John Barrow had offered a very clear explanation of the differences between Russia and China as to the respective possibilities of improvement: «Russia invites and encourages foreigners to instruct her subjects in arts, sciences, and manufactures. China, from a spirit of pride and self-importance, as well as from jealousy, rejects and expels them.» (*Barrow J.* Op. cit. P. 384).

³⁶ Again, according to Mokyr's categories, additional, factual knowledge occurs through «discoveries», whereas «prescriptive knowledge» involves «invention», the invention of a set of rules for «doing» something given a certain preliminary knowledge.

of the relevant passage in book V and the rhetorically interrogative, even enigmatic, form in which Diderot's preoccupations about China's future were expressed that his discourse had nothing of an articulated program or project. Let me quote it extensively:

On imagineroit sans peine que ce dédain d'un peuple pour les connoissances d'un autre peuple est un des principaux caractères de la barbarie, ou peut-être même de l'état sauvage. Cependant, il est aussi le vice d'une nation policée. Un sot orgueil lui persuade qu'elle sait tout, ou que la chose qu'elle ignore ne vaut pas la peine d'être apprise. Elle ne fait aucun progrès dans les sciences; & ses arts persistent dans une médiocrité dont ils ne se tireront que par un hasard que le tems peut amener ou ne pas amener. *Il en est alors d'une contrée comme d'un cloître; & c'est une image très-juste de la Chine que la lumière environne, sans pouvoir y percer: comme s'il n'y avoit aucun moyen d'en bannir l'ignorance, sans y laisser entrer la corruption.* Où en seroient les nations de l'Europe, si infectées d'une vanité masquée de quelque préjugé, elles ne s'étoient éclairées réciproquement? Celle-ci doit à celle-là le germe de la liberté; l'une & l'autre à une troisième, les vrais principes du commerce; & cette espèce d'échange est bien d'une autre importance pour leur bonheur que celui de leurs denrées³⁷.

Some passages added in 1780³⁸, even if quite enigmatic, have considerable conceptual weight and seems intended to add substantially to the reader's perception of China.

In the previous passage Diderot alludes to China as a cloister plunged in darkness as if this metaphorical «image» had been previously used by other unnamed and unidentifiable authors; and he resumes it for its effectiveness. One wonders who would have used such an image before him³⁹. Leaving aside that literal description, the idea of China as impenetrable to the «light» that could come from contact with external peoples and cultures recurs frequently in the literature on China from the eighteenth century and even earlier. As early as 1696 the Jesuit missionary Louis Le Comte had referred predictably in his *Nouveaux Mémoires* to Chinese religion, and specifically Buddhism, as a superstitious darkness, inaccessible not only to the light of the Gospel – «les lumières de l'Évangile» – but, in a more general sense, also to the light of wisdom and knowledge:

Cette obscurité impénétrable à toutes les lumières des Sçavans, a donné lieu à plusieurs superstitions. Les Bonzes en abusent, pour dire tout ce qui leur plaît; & c'est pour eux un fond inépuisable de fables & de chimères, dont ils se servent pour s'attacher le peuple⁴⁰.

³⁷ HDI. T. I. P. 542 (my italics).

³⁸ Ibid. P. 738, 765.

³⁹ I have not been able to trace what may have been Diderot's specific source: apparently not Du Halde, or the *Lettres édifiantes*, the *Histoire générale des Voyages* or the *Histoire universelle*, Montesquieu, Boulanger, Mably, D'Holbach, De Pauw.

⁴⁰ *Le Comte L. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Chine*. Paris: Jean Anisson, 1696. T. I. P. 399.

In volume XX (1763) of the Amsterdam edition of the great English *Universal History*, one of the most widely read historical reference works used for the HDI, the Chinese are referred to as «un Peuple isolé, qui par conséquent n'avoit reçu ni secours ni lumières d'aucune autre Nation»⁴¹.

De Pauw spoke of the Chinese as a people incapable of progress and deprived of the lights of philosophy, «car n'étant pas éclairés par les lumières de la Philosophie leur est pour le moins aussi difficile de faire des progrès dans la Morale que dans les Arts & les Sciences»⁴².

In his *Correspondance littéraire* Grimm had expressed a similar concept in August 1773 by stressing the contradictory yet relatively negative consequences of China's isolation, closure and lack of external contributions:

Les Chinois furent plus longtemps isolés; leurs lois, leurs usages, leurs lumières, toute leur constitution ne reçut presque aucun alliage étranger. C'est un édifice qui demeura inébranlable au milieu de toutes les vicissitudes qui semblaient vouloir le détruire, et qui bouleversèrent si souvent le reste du monde. Les progrès d'un tel peuple devaient être solides, mais infiniment lents. Il est donc fort naturel que, sur beaucoup de choses, nous l'ayons trouvé singulièrement policé; sur d'autres, bien moins avancé que nous⁴³.

Even a wholehearted Sinophile like Voltaire felt compelled to acknowledge the artistic and scientific divergence between Europe and China as a matter of fact in his response to De Pauw⁴⁴.

The second part of the extensive quote above from book V («comme s'il n'y avoit aucun moyen d'en bannir l'ignorance, sans y laisser entrer la corruption») is once again strongly metaphorical and allusive. To banish obscurity, or ignorance, by introducing light evidently means for Diderot to open China to commerce, intercourse, interaction and the same kind of intercultural exchange that in ancient times had civilized the European peoples themselves, thus redeeming them from their earlier barbaric state. The expression simply echoes the substance of eighteenth-century debates

⁴¹ Histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu'à présent, composée en anglois par une société de gens de lettres. Amsterdam: chez Arkstée et Mércus, 1742–1802. 46 vols in-4°; here see: T. XX. 1763. P. 6 (Livre XVI, Ch. 1). The corresponding passage in the English original is in *The Modern Part of an Universal History* (London: S. Richardson et al., 1759. T. VIII. P. 9).

⁴² [De Pauw C.] Recherches philosophiques. T. II. P. 33.

⁴³ CL. 1879. T. X. P. 275.

⁴⁴ «Ce qui étonne plus, c'est qu'ayant si longtemps cultivé toutes les sciences, ils soient demeurés au terme où nous étions en Europe aux dixième, onzième, et douzième siècles. <...> Leurs grands progrès anciens et leur ignorance présente sont un contraste dont il est difficile de rendre raison. J'ai toujours pensé que leur respect pour leurs ancêtres, qui est chez eux une espèce de religion, était une paralysie qui les empêchait de marcher dans la carrière des sciences. <...> L'habitude et l'indolence se joignaient ensemble pour maintenir l'ignorance en possession.» – [Voltaire]. Lettres chinoises, indiennes et tartares, à Monsieur Paw, par un bénédictin, avec plusieurs autres pièces intéressantes. Genève: [s.n.], 1776. P. 51–52.

on civilization and decadence, virtues and vices, opulence and moderation, commerce and corruption.

Diderot maintains that commerce and cultural exchange are necessary for progress, but they can also entail corruption. Corruption is a risk, or an unexpected consequence, of opening a country to external commercial relations and the consequent diversification of consumer habits, tastes and lifestyles. The meaning of Diderot's aforementioned quote hence seems to be that, while corruption might follow the diffusion of commerce, this consequence is not a sufficient reason to refuse commerce, but rather the inescapable price to be paid for being fully civilized, as European history testified. Furthermore, this is not simply some generic warning about the possible consequences of the spread of commerce; it also reiterates a concept previously expressed in the *Histoire*, in a H70 passage describing the Chinese as a hostile people, contrary to relationships with foreigners for fear of their corrupting influence:

L'éloignement qu'on [France in 1660. – *GA*] avoit naturellement pour un empire, qui ne voyoit dans les étrangers que des hommes propres à corrompre ses mœurs, à entreprendre sur sa liberté, fut considérablement augmenté par les pertes qu'on avoit faites⁴⁵.

If we try to reshape these concepts with other words, the meaning of this passage seems to become a little less elusive. China cannot lose its ignorance, it cannot benefit from the forces that could activate progress unless it admits in a larger way Europeans, foreign commerce and foreign traders, however corrupting the consequences could be. The light of which Diderot speaks is nothing less than the innovative energy coming from the West, European trade and culture, and the European commercial and entrepreneurial civilization, even if we cannot deny that Diderot, in addition to maintaining that the country is unable to change on its own, does not envision how such external forces of change could be concretely brought to bear on China.

Leaving aside the question of the possible sources of Diderot's metaphors about China, I would like to stress that his phrasing, in my view, is inspired by a new kind of preoccupations on Chinese matters. The question, as Diderot seems to perceive it, was not just to describe and assess China's actual conditions. Assuming the need of a change of pace in China's historical course, the question was not simply *how* China could change but more precisely how «to change China»⁴⁶, meaning that change could only be brought from external forces. A country like China had to be led toward an historical progress she was unable to resume on its own and from which it had long since retired, thus shutting itself up in what Diderot had defined in 1772 as precisely a «stationary state»⁴⁷. I will return later to the concept of «stationary», but first

⁴⁵ H70. Livre V, Ch. 31; HDI. T. I. P. 563, for the variants, see p. 744.

⁴⁶ *Spence J.* Op. cit.

⁴⁷ See above note 23.

I would like to stress what, in Diderot's contributions on China in the HDI, could be described as an effort to anticipate or envision the future. It seems in fact the *philosophe* was interested in future prospects, or how relationships between China and the European powers could evolve. This is not true only for H80. If we look at H74, chapter 32 of book V is interestingly entitled: «Que deviendra le commerce de l'Europe avec la Chine?».

Let us remember that this was a particularly delicate question especially in post-1763 France: among Louis-Antoine de Bougainville's instructions for his circumnavigation of the globe in 1766–1769, there was the mission to find a suitable island near to China's coastline for carrying on the French East India Company's predictably lucrative Chinese commerce⁴⁸. But Diderot does not seem to be immediately concerned with this kind of objective, which, by the way, was not achieved by Bougainville. His interest is less caused by the immediate French strategic and commercial ambitions than by a more general view of the problem.

In the chapter mentioned above, Diderot disclosed his concerns by saying that «Il n'est pas aisé de prévoir ce que deviendra ce commerce». He was also clearly aware that hindrances to European commerce in China – the «gênes humiliantes» imposed by the Qing administration, evidently alluding to what historians today call the «Canton trade system» – had hardened during the 1750s, after East India Company employee James Flint's unfortunate attempt in 1759 to force his way to Ningbo and Tianjin to petition the emperor⁴⁹. Diderot consequently, betraying his perception of a pronounced antagonism, addressed the question «Quels moyens pourroit-on employer *contre* un état dont la nature nous a séparés par un espace de huit mille lieues?» [*italics mine*]. A very practical, politically and economically concrete point of view thus characterizes this part of the HDI's discourse on China. Remarkably, in book I, chapter 21, Diderot rejected the inveterate Chinese tendency to ask how the «other peoples of the universe» could be useful to China; and he significantly reversed the question and asked «à quoi les Chinois sont-ils bons pour le reste de la terre?»⁵⁰. In other words: what was the Chinese contribution to a presumed wellbeing of humankind? Was the existing system of relations and intercourse of good use to all the peoples of the world? And if the answer was no, how and when would such system be transformed to fully attain its usefulness? It may be not unreasonable to suppose that this question was inspired by Vattel's *Droit des Gens* ideas on «le commun avantage du genre humain» or «devoirs généraux

⁴⁸ Lilti A. 1769. *Le monde est une conversation // Histoire mondiale de la France / Sous la dir. de P. Boucheron*. Paris, 2017. P. 377.

⁴⁹ China and Maritime Europe: Trade, Settlement, Diplomacy and Missions / Ed. by J.E. Wills Jr. Cambridge, 2011. P. 229–230; Law and Politics in China's Foreign Trade / Ed. by V.H. Li. Seattle, 1977. P. 363–364. A full report of Flint's expeditions and his journal of voyage to Ningbo in 1759 in Morse H.B. *The Chronicles of the East India Company trading to China 1635–1834*. Oxford, 1926. Vol. I. P. 296–305.

⁵⁰ HDI. T. I. P. 120.

de l'humanité»⁵¹ and anticipated the «general benefit of mankind» argument employed during the first two to three decades of the nineteenth century to deny the Chinese right to refuse free trade connections with the West and to legitimate the British right of active intervention – «right of interference»⁵² – in defence of commercial interests and properties.

It should be stressed that Diderot did not just formulate an abstract problem. He also tried to say something practical about what Europe could do with China. From H70 on, the HDI explicitly dismissed colonial conquest or violent coercion of China as technically impossible⁵³. Diderot did not modify this position in the following editions. As noted above, though, he was also openly dubious about the Chinese people's capacity to regenerate itself, to change on its own either in consequence of natural, catastrophic adversities or to mobilize its energies against the oppressive despotism that repressed its opportunities and ambitions:

Nous osons le prédire, le Chinois ne s'améliorera, ni par la guerre, ni par la peste, ni par la famine, ni par la tyrannie plus insupportable, & par cette raison même plus propre que tous les fléaux réunis à régénérer leur nation en l'accablant⁵⁴.

This is the final puzzle that Diderot drove into the pages of the HDI: that China could not be expected to change as a consequence of a Western colonial

⁵¹ *Vattel E. de*. Le droit des gens ou Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Londres [Neufchâtel]: [s.n.], 1758. T. I, Livre I, Chap. VIII: «Du commerce». § 94. P. 87–88: «Observons seulement que les Nations, comme les particuliers, sont obligées de commercer ensemble, pour le commun avantage du genre humain, à cause du besoin que les hommes ont les uns des autres (Prélim. § 10. 11. & Liv. I, § 88.): Mais cela n'empêche pas que chacune ne demeure libre de considérer, dans les cas particuliers, s'il lui convient de cultiver, ou de permettre le Commerce: et comme les devoirs envers soi-même l'emportent sur les devoirs envers autrui; si une Nation se trouve en de telles circonstances qu'elle juge le Commerce avec les Étrangers dangereux pour l'État, elle peut y renoncer, & l'interdire. C'est ainsi que les *Chinois* en ont usé pendant long-tems. Mais encore un coup, il faut que ses devoirs envers elle-même lui prescrivent cette réserve, par des raisons sérieuses & importantes; autrement elle ne peut se refuser aux devoirs généraux de l'humanité». On the relevance of Vattel for the debates on early-nineteenth century Sino-British trade see: *He W*. In the Name of Justice: Striving for the Rule of Law in China. Washington, DC, 2012. P. 56.

⁵² For a synthetic exposition of this principle in the context of the early-1830s opium controversy see: *M'Culloch J.R.* A Dictionary Practical, Theoretical, and Historical of Commerce... London, 1850 (1st ed. 1834): article «Opium». P. 938–943, see p. 941.

⁵³ «Si les ports de la Chine étoient une fois fermés, il est vraisemblable qu'ils le seroient pour toujours. L'obstination de cette nation, ne lui permettroit jamais de revenir sur ses pas, & nous ne voyons point que la force pût l'y contraindre. Quels moyens pourroit-on employer contre un état dont la nature nous a séparés par un espace de huit mille lieues? Il n'est point de gouvernement assez dépourvu de lumières, pour imaginer que des équipages fatigués osassent tenter des conquêtes dans un pays défendu par un peuple innombrable, quelque lâche qu'on suppose une nation avec laquelle les Européens ne se sont pas encore mesurés. Les coups qu'on lui porteroit se réduiroient à intercepter sa navigation dont elle s'occupe peu, & qui n'intéresse ni ses commodités ni sa subsistance» – HDI. T. I. P. 565.

⁵⁴ *Ibid.* P. 120.

conquest considered technically unfeasible (significantly, he did not doubt if it was «lawfully inadmissible»); nor could change in China be expected to come from within the empire. Whatever way the Chinese problem was approached, it appeared encapsulated between the two concepts of immobility or, in Diderot's words, the «état stationnaire», on the one hand; and change, on the other, a change whose nature Diderot seemed to posit, apparently with some hesitation, between *chance* and *intentional agency*. As he suggests somewhat tentatively, change could indeed derive from *chance* and the casual, unreliable and unpredictable action of time⁵⁵. However, what was certain was that it nevertheless had to come from an external agent, and more precisely from a «light coming from without», arguably from a civilized, enlightened Europe, whose agency he seemed to acknowledge in this regard. This is exactly the problem that Diderot left to posterity, to be handled both intellectually and politically. At the same time, his treatment of Chinese matters, revealing a negative assessment of China and an implicit belief in Western superiority, should persuade us not to insist too unilaterally, as Jennifer Pitts does, on Diderot being the «most potent exponent» of «late-eighteenth-century France's <...> growing moral and political disapproval of empire»⁵⁶. After all, history, politics and the laws governing world commercial relationships demanded that China be somehow forced to get into the «société universelle» she had for centuries abstained from.

TOWARD A NEW PERSPECTIVE: HOW TO CHANGE CHINA

It is worth noting that this way of looking at China as a stubbornly resistant subject, refusing to enter the human community as a fully participating member, and the search for reasons and means to urge it to join the 'family of nations' formed the starting point for many early-nineteenth-century political, economic and legal debates, especially in Great Britain and the United States. But such formulations, reflecting an evangelical inspiration applied to secular, not only religious affairs⁵⁷, were, in a certain measure and at least in spirit, anticipated by other influential eighteenth-century works: not just the HDI, but also, for instance, Mably's anti-Physiocratic *Doutes proposés aux philosophes économistes* (1768) and Adam Smith's *The Wealth of Nations* in which the Scottish philosopher reserved many interesting reflections and comments for the Chinese economy⁵⁸.

⁵⁵ «Elle ne fait aucun progrès dans les sciences; & ses arts persistent dans une médiocrité dont ils ne se tireront que par un hasard que le tems peut amener ou ne pas amener» (see above note 37).

⁵⁶ Pitts J. Op. cit. P. 8.

⁵⁷ Miller S.C. Ends and Means: Missionary Justification of Force in Nineteenth Century China // The Missionary Enterprise in China and America / Ed. by J.K. Fairbank. Cambridge, MA, 1974. P. 249–282.

⁵⁸ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations // Smith A. The Glasgow Edition of the Works and Correspondence / Ed. by R.H. Campbell and A.S. Skinner. Indianapolis, 1981. 2 vols. On China see Vol. I. P. 110–111 ff. (Book I, Ch. III, VII, IX); Vol. I. P. 311 (Book III, Ch. I.); Vol. I. P. 404 (Book IV, Ch. IV; Vol. II. P. 104 ff. (Book IV. Ch. IX).

In his critical commentary on Quesnay's *Despotisme de la Chine* (1767), Mably resorted to expressions that hinted at the liberation of the Chinese, through knowledge and self-criticism, from the oppression of a paralyzing, destructive despotism. In his opinion, Chinese despotism was peculiar, «soumis à une sorte d'ordre et de règle», as it were, unlike the cruel, brutal, totally arbitrary despotism of Turkey. It was nonetheless not a «legal despotism» but another form of oppression of the people. And if the people had to rescue themselves, this could only occur through a «new» and not endogenous enlightenment, given the fact that «les Chinois sont le peuple policé de la terre le moins capable de penser» and that the empire appeared to have been plunged into the most profound obscurity and apathy, an «ordre apatique». Far from proposing the Chinese government as an example worth imitating, as Quesnay had in *Despotisme de la Chine*, Mably not only proclaimed «Qu'on ne nous propose plus ce peuple comme modèle», but he was even inclined to think of the conditions under which Chinese despotism could be seriously upset and disrupted:

Permettez aux Chinois d'acquérir de nouvelles lumières, & de juger avec justesse de leur situation & vous verrez sur le champ le despotisme devenir soupçonneux; ensuite timide, & enfin furieux⁵⁹.

However, it is in the *Wealth of Nations* that a new analytical approach is more visible. In Smith's analysis, China offered the example of a great, anciently prosperous agricultural and manufacturing economy that had reached a stalemate, or, to use Smith's own words, a «stationary» condition, in a specifically economic sense. As mentioned earlier, Diderot had already used the expression of «état stationnaire», with reference to China: so, while he had only been referring to the incapacity for evolution in arts and sciences, it does seem he had been the first to use the adjective⁶⁰. Smith's, however, was not just a diagnosis; it was also a prognosis. China's «stationary» economic state seemed to have nothing to do with its supposed inability to develop arts and sciences, or its veneration for tradition, language, its writing system and its conservative philosophical culture. Its actual divergence from Europe did not result from a national character or talent supposedly different from a dynamic, enterprising and inventive West, but was, rather, explicitly related to the poverty of a low-income population, the limited domestic market and, most of all, institutions and laws. According to Smith, China's economic

⁵⁹ Mably G. Doutes. P. 102, 105, 127, 107.

⁶⁰ *The Oxford English Dictionary* attests «stagnant» since 1749, «stagnation» since 1732 and «stationary» with an economic meaning, since 1776, in Adam Smith's *Wealth of Nations*. In French the words «stagnant» and «stagnation» appear as neologisms with an economic meaning not before *Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française*. Marseille: Mossy, 1787–1788; «stationnaire» with a figurative meaning and with reference to historical, social and economic phenomena, appears for the first time in the 6th edition of the *Dictionnaire de l'Académie française* (1832–1835).

development, unlike Europe, had long reached the ultimate limits compatible with the nation's institutional structure:

[China] had perhaps, even long before this time, acquired that full complement of riches which the nature of its laws and institutions permits it to acquire⁶¹.

Consequently, for the Scottish philosopher, the divergence that separated China from Europe could be overcome by changes in policy and legislation that would stimulate the country's extraordinary economic potential, thus allowing it to open itself to international relations and fully become one of the commercial powers of the earth. Smith faced the same questions as Diderot: Could China change? And if so, how? He believed it could, not through foreign conquest or internal rebellion but by political decisions leading to its opening to foreign commerce and influences, and especially by adopting new policies and institutions to secure economic and legal protection for its inhabitants under the rule of law⁶². Smith did not say how one could or should have prompted such changes, but it seems clear enough he was thinking of the spread to China of the liberal institutions that had permitted Europe's development. At any rate, Smith's is a clear, early example of a new way of looking at China as a contemporary problem in global economy in need of a solution that would be in the best interests of its inhabitants and most certainly in the best interests of European, and especially British, commercial powers.

CONCLUSION

The «Chinese issue» in the last quarter of the eighteenth century was clearly more than just an intellectual one of information-and-knowledge-gathering and assessing its civilization and history, its scientific, technological and philosophical traditions, its social system, and its institutions. It was not even just a question of countering a Jesuit-made Chinese myth or a model to stigmatize Europe's *ancien régime* social and institutional faults and religious prejudices in the public debate. Of course, China would continue to demand an accumulation of new sources of knowledge and the acquisition of new ideas and viewpoints, based on new kinds of expertise and experiences, for decades. However, while public curiosity and consumer appetites may have blossomed with the growth of artistic and theatrical events, visual culture, the art market and private collecting⁶³, sympathetic and appreciative sentiments

⁶¹ *Smith A.* Op. cit. Vol. I. P. 88 (Book I, Ch. VIII).

⁶² On this point see also *Berry C.J.* Op. cit. P. 7, on China p. 85, on the «rule of law», see in particular chapter 4, «Markets, Law and Politics».

⁶³ See for example: *Hacker A.* *China Illustrated: Western Views of the Middle Kingdom.* North Clarendon, VT, 2012; *Rujivacharakul V.* *Collecting China: The World, China, and a Short History of Collecting.* Plymouth, 2011, and, on a single case-study, *Haddad J.* *The Romantic Collector in China: Nathan Dunn's Ten Thousand Chinese Things // Journal of American Culture.* 1998. Vol. 21, Issue 1. P. 7–26.

for China tended to vanish or at most be limited to the elitist circles of the newly established discipline of Sinology, and even that was not always the case.

In the meantime, during the last quarter of the eighteenth century, European politics and public opinion witnessed the emergence of a much more matter-of-fact issue than mere intellectual vogues and stereotypes: namely, the very substantial, political question of how to get China to enter the booming system of global trade willy-nilly in the name of allegedly universal values like commerce, civilization and the interest of humankind, or even under the influence of the inevitably greedy and aggressive policies of the European commercial powers, however corrupting they revealed themselves to be. It was a question of understanding how to gain access to the Chinese domestic market, because that was required by economic theories and policies and suggested by a theory of *civilization* as indissolubly deriving from the growth of manufacturing and commercial potential under the protection of the rule of law according to Western standards. While conquest was and would remain totally out of the question, a civilizing mission awaited the Western nations to bring to China the light that Diderot himself had considered indispensable for forcing it to enter history. Free traders and Protestant missionaries would end up being the ones to figure out how to both conceptualize and realize such objectives in the first three to four decades of the nineteenth century.

By way of conclusion, it is worth pointing out that the image of China in need of enlightenment from without is the same as that used by the most influential Chinese reform-minded thinker of the late nineteenth century, Liang Qichao (1873–1929). When describing the effect on his own mind of his encounter in 1898 with Western ideas (through Japanese mediation, to be sure), Qichao used a very similar metaphor: «It is like seeing the sun after being confined in a dark room»⁶⁴.

Chinese imperial government demonstrated its backwardness by refusing to align China with the rest of the civilized world, fill the gap that undoubtedly existed and prepare the way for China's entrance into the «convergence club», to use Joel Mokyr's definition. At the heart of this outlook was a vocabulary whose keywords were «reform», «improvement», «free trade», «intercourse», «liberty», «civilized nations», and, most significantly, «useful knowledge»: keywords belonging to the idiom of reformist Canton-based periodicals such as *The Chinese Repository*, from which I draw the following quotations dating to the mid-1830s. Starting from the essentialization of an «Asiatic», «Oriental» China whose institutions and «moral civilization [were] Asiatic

⁶⁴ Quoted in *Conrad S. Enlightenment in Global History: A Historiographical Critique // American Historical Review*. 2012. N117. P. 999–1027, see p. 1024. On Liang Qichao, see: *Chang H. Liang Ch'i-Ch'ao and Intellectual Transition in China*. London, 1971; *Xiao Y. Liang Qichao's Political and Social Philosophy // Contemporary Chinese Philosophy / Ed. by Ch. Chung-ying, N. Bunnin*. Malden, 2002. P. 17–36.

and not European»⁶⁵, these terms gave substance to a discourse on the need to fill the gap between a China that was «standing still» and a Europe that had «risen prodigiously in the scale of civilization», thus ending the divergence, changing China and reforming Sino-Western relations as a prelude to China's civilization or, as it were, modernization⁶⁶.

According to this discourse, China's long-term seclusion from the rest of the world went against nature and religion. Such segregation from the «human family» run counter the «community of interest» deriving from the providential designs that had assigned the earth to humankind for its general benefit. The Chinese government therefore had no right to «usurp the power of entire and perpetual exclusion»⁶⁷, which amounted to a glaring violation of what in the civilized world had become the basic tenets of international coexistence:

<...> it appears, from a long series of historical facts, that the Chinese practically deny the existence of relative rights among nations. <...> The [Chinese] government proceeds on the supposition that <...> nations have a right to manage their own affairs in their own way, and have no responsibilities in reference to other portions of the human family; and that so long as one permits intercourse in a way it chooses, and refuses it in any other way, or interdicts it altogether, other nations have no right to interfere or complain. <...> The doctrine is equally opposed to the laws of God, to reason, and to common sense. Ignorance, superstition, pride, and ambition, have acted jointly to strengthen, establish, and perpetuate it⁶⁸.

China's improvement and its entrance into the family of civilized nations was only considered possible through the propagation of Western cultural «light» among people immersed in the darkness of ignorance, and their consequent elevation to a «proper» human condition:

<...> There is a most lamentable lack of knowledge among the millions inhabiting eastern Asia: yet, we do anticipate the day, (may it come quickly) when all that which is most valuable to man, and now so richly enjoyed by the nations of the West, elevating and yet still more to elevate them, shall be equally enjoyed, and produce the same results, among the nations of the East⁶⁹.

It was necessary to enlighten a nation oppressed by centuries of «Old Customs» with its «despotic and cruel sway» and – given the impossibility of an endogenous reformation, just as Diderot had written fifty years earlier – introduce it to «useful knowledge», that is, the learning, skills and competencies that, particularly in daily domestic life, together could yield

⁶⁵ The Chinese Repository. May 1835. Vol. IV, N 1. 19.

⁶⁶ It might be noted the relevance that the discourse on «useful knowledge» had in the official politics of the British imperial government in India in the decades after 1820s, see: *Bayly C.A.* Empire and Information. Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge, 1996. P. 212 ff.

⁶⁷ The Chinese Repository. December 1834. Vol. III, N 8. P. 352.

⁶⁸ The Chinese Repository. January 1835. Vol. III, N 1. P. 419.

⁶⁹ The Chinese Repository. March 1832. Vol. I, N 1. P. 5.

practical benefits for ordinary people and allow individuals to pursue their own interests and achieve their own well-being. It was the duty and the mission of the «commercial nations» to «mildly» interfere in order to help China «[march] on in the line of national improvement»⁷⁰:

<...> the inquiries which are now abroad in the West concerning these eastern nations, are, we think, the sure precursors of REFORM <...>. Human power, we believe, is to be diligently exerted to change the condition of China and its relations with other nations⁷¹.

It was thought that such interference could be effected through two sorts of actions. The first was the mild agency of commerce and free intercourse according to a typical «doux commerce» theory of civilization, adopted in order to make the British Empire the symbol of a peaceful, commercial enlightenment⁷². However, an overall civilizing plan to open China had to be produced not simply by free commerce and intercourse, but also by a more profound reform of society, culture and morals according to the Western and Christian values integral to the «commercial Enlightenment». This is evident in the plans of the «Society for the Diffusion of Useful Knowledge in China», founded in 1835 in Canton by some of the people cited above and inspired by the notion of ‘useful knowledge’ at the core of eighteenth-century and early-nineteenth-century British ideas of social progress. In the words of Joel Mokyr, that notion was «central to the British Enlightenment» and expressed its commitment to social and economic progress. This was one of the «enlightened ideas» that survived well into the nineteenth century thanks to the belief that «useful knowledge had the potential to become the greatest and most powerful agent for historical change»⁷³. The Society’s ambitious project intended not only to improve Sino-Western relations or awaken a «sleeping» Chinese knowledge, but principally to introduce China to Western civilization as a necessary step for its modernization, its participation in the «race for improvement» and its entrance into the international, civilized, «enlightened» community where it would assume its «Proper Rank among the Nations»⁷⁴. The same «useful knowledge» that had been responsible for Western progress had to be introduced in China. By taking a typically Baconian, Enlightened outlook, those promoting such knowledge considered the printing press, linguistic skills, the exchange of information and the freedom of communication as the most effectual instruments to allow China to open itself to the Western world and join «the other nations in the march of intellect»⁷⁵.

⁷⁰ The Chinese Repository. June 1832. Vol. I, N 2. P. 62.

⁷¹ The Chinese Repository. October 1836. Vol. V, N 6. P. 241.

⁷² See the famous 1832 pamphlet *A Brief Account of the English Character* by Charles Marjoribanks.

⁷³ Mokyr J. *Enlightened Economy*. P. 487.

⁷⁴ *Bridgman E.C.* On the Chinese language // The Chinese Repository. May 1834. Vol. III, N1. P. 10.

⁷⁵ Proceedings relative to the formation of a Society for the Diffusion of Useful Knowledge in China // The Chinese Repository. December 1834. Vol. III, N 8. P. 379.

It is easy to perceive the visionary nature of such a plan to open, reform and civilize no less than early 19th century Qing China on the part of a small but influential group of people powerfully backed in their mother country. But it was also through their discourses and initiatives that some of the essential ideas of the «commercial Enlightenment» were used for shaping a vision of China and of Sino-European relationships that would prepare the cultural atmosphere and public opinion of Britain for the events of the late 1830s and following decades.

Гвидо Аббатиста

**Деспотизм плуга, трона и традиции:
«Коммерческое Просвещение» и Китай
в *Истории обеих Индий***

Рассматривая историю Западной Европы последней четверти XVIII – середины XIX в., т.е. периода, названного Райнхартом Козеллеком «переломным» (*Sattelzeit*), можно констатировать возрастающее взаимодействие и вместе с тем противоборство Европы с неевропейским миром, а также очевидные факты мощной торговой и имперской экспансии европейских стран, особенно в Азии (Индия, Китай). Можно ли считать идеи Просвещения адекватным ключом для понимания этих процессов применительно к разнообразным культурам и этносам, особенностям коммерческой цивилизации и многосторонним связям между Европой и остальным, в частности азиатским, миром?

Автор показывает, что фундаментальные представления просветителей о новом, свободном, цивилизованном обществе, опирающемся на коммерцию, были в значительной мере внушены британской торговой, дипломатической и миссионерской политикой по отношению к таким странам, как Китай. «Долгое Просвещение», унаследовав специфические особенности просветительской картины мира, способствовало, таким образом, закреплению представлений о цивилизующей миссии Запада и в XIX в. Либерализм, фритредерство и евангелическое мировоззрение, особенно сильно влиявшее на политику Англии в Азии, следует рассматривать в их сложной и противоречивой связи с наследием Просвещения. Изучая переход от XVIII в. к началу XIX с точки зрения глобальной истории, мы можем не только пересмотреть привычную хронологию – в том, что касается культурного наследия Просвещения, – но и оценить сохраняющееся значение некоторых фундаментальных просветительских идей для понимания европейской коммерческой и имперской цивилизации XIX в.

ANTONIO TRAMPUS

ENLIGHTENMENT IN GLOBAL HISTORY:
ON FILANGIERI'S *SCIENCE OF LEGISLATION*
AND THE TRANSFORMATION OF POLITICAL LANGUAGE
IN THE CLASSICAL LIBERALISM

Over the last decade, the debate on Global History has generated many contributions and undoubtedly interesting outlooks. More recently it has involved also the studies in the Enlightenment, which had already been renovated by the varied interpretations of the *Radical Enlightenment* (M. Jacob, J. Israel), of the *Conservative Enlightenment* (J.G.A. Pocock), of the *Religious Enlightenment* (D. Sorkin), of the *Atlantic Enlightenment* (S. Manning, F.D. Cogliano), of the *Islamic Enlightenment* (R. Schulze) and of the *Catholic Enlightenment* (U. Lehner). These very diverse positions have not only multiplied the «Enlightenments», but also proposed new readings of the connection between Enlightenment and Western political tradition (M. Jacob, J. Israel, J.G.A. Pocock). They further enlarge the cultural and geographic context beyond Europe towards both the West and the East¹. However, the research field is not yet exhausted. Recently, Sebastian Conrad opened the debate on the existence of a *Global Enlightenment*. The new challenge is to move beyond the *postcolonial studies* framework, which persists in underlining the meaningful link between Enlightenment and colonialism / imperialism, thus presenting a negative portrait of the connection between Enlightenment and modernity².

©Antonio Trampus, 2018

¹ See the presentation and the website of the Global Enlightenment symposium at Princeton University, April 6–8, 2017: «The conference aims to scrutinize unexamined legacies of the Enlightenment from a global perspective. Until recently, the long-eighteenth century (c. 1660–1820) was understood as the historical era during which the West became secular in its intellectual, cultural and political institutions. But over the past two decades, scholars have radically redefined Enlightenment both as concept and epoch.» – <https://globalenlightenment.princeton.edu/> (26.01.2018).

² Conrad S. Enlightenment in Global History: A Historiographical Critique // *American Historical Review*. October 2012. Vol. 117, Issue 4. P. 999–1027.

The other main interpretative issue is related to the *New Atlantic History* and the *World history*, which brings Africa, Europe and the Americas together in a single interpretive field. Via a more or less radical critic of eurocentrism, this approach relegates Europe to a lesser role. The very connection between Europe and the Enlightenment is called into question: the focus is therefore moved to different regions such Haiti, Egypt, India, China, Japan (P. Linebaugh, M. Rediker; L. Dubois, J.S. Scott, M. Elvin). Moreover, the concept of a global history of the Enlightenment can be perceived as a paradox in regard to the cosmopolitan and universalistic vocation of the Enlightenment. Naturally, the adjective *global* is not an exact synonym of *universal*³, however the possibility of exploring this new path of research redefines reflections and perspectives by taking into account the solicitations of the recent historiographical debate.

In this instance, an analysis of the thought of Neapolitan philosopher Gaetano Filangieri and of the impact of his *Science of legislation* (the *Scienza della legislazione*, first Italian edition of 1780) – began fifteen years ago – is an exemplary case study. On one hand, it encourages us to open (or reopen) the debate on the Enlightenment roots of the rights of man and on their function in the contemporary discussion on human rights⁴. On the other hand, the analysis of the so-called ‘success’ of the *Scienza della legislazione* and of its political language until the 21st century can test the hypothesis of a global history of the Enlightenment. It may open the debate not only on the enlarged geographical horizon, which is the more appreciated perspective, but also on the traditional categories of historical time⁵.

The historiography on the Enlightenment was until quite recently involved only marginally in the discussions on the process of globalization and de-globalization which characterized the last quarter of the 20th century⁶. Even though, it should be noted that in the field of Italian intellectual history there was a pioneer’s attempt represented by the international project *Le monde des Lumières*, under the direction of Vincenzo Ferrone and Daniel Roche in 1997⁷. The most radical criticism of eurocentrism formulated by *World*

³ See the final chapter on *The Chronology and Geography of the Enlightenment* in Venturi F. *Utopia and Reform in the Enlightenment*. Cambridge, 1971.

⁴ Cf. Ferrone V. *The Enlightenment: History of an Idea*. Princeton, NJ; Oxford, 2015. P. 149–150.

⁵ In this sense it may be useful the review by Martti Koskeniemi of Jean L. Cohen «Globalization and Sovereignty. Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism» (*International Journal of Constitutional Law*. July 2013. Vol. 11, Issue 3. P. 818–822).

⁶ See Riecken N. *History, Time, and Temporality in a Global Frame: Abdallah Laroui’s Historical Epistemology of History // History and Theory*. December 2015. Vol. 54, Issue 4. P. 5–26.

⁷ See Abbattista G. *Temps et espace // Le Monde des Lumières / Sous la dir. de V. Ferrone et D. Roche*. Paris, 1999. P. 155–169. The original edition is: *Il mondo dell’Illuminismo / A cura di V. Ferrone e D. Roche*. Roma; Bari, 1997 (with Spanish and Russian translations: *Diccionario historico de la Ilustración*. Madrid, 1998; *Мир Просвещения: Исторический словарь*. М., 2003).

History touched upon the categories of time produced by Western culture. *World History* not only broaden geographical horizons and research themes. It also allowed for a deep redefinition of a number of historiographical and interpretative categories built around the concept of time and periodization by European West. As is well known, one of the main consequences of this refocusing was the opening of a new chapter in the long-standing debate on the ideas of 'modernity' and 'modern'. In this regard, Here I am referring to the comparison between a concept of time perceived as genuinely European and other extra-European temporal dimension, as well as to attempts to defend the values of a 'universal' modernity. In any case, such discussions confirm that the concept of modernity should be framed in a complex temporal experience, beyond periodization issues. This is the main theme also of Lynn Hunt's *Measuring Time, Making History*, in which it is explained how modernity is cognitive process of construction or deconstruction of (past) time⁸.

The reflection on time informs the path which conducts from *Global History* to the «Big Idea» of the *longue durée* as a relaunch of *Intellectual History*⁹. *The History Manifesto* is essentially a polemic against microhistory and its epigones, guilty of having forged a short past¹⁰. It denounces the difficulty of understanding the overall meaning history, caused by the «freezing» of time¹¹ generated by concentrating on specific events, by a writing style anchored to increasingly shorter time span, by neglecting the *longue durée* and the drive to great stories and edifying contents¹². The return to the *longue durée* might represent a possible answer to the limits of national histories and a different way to integrate into the global history approach, which is still essentially centered on geography.

FILANGIERI: THE ENLIGHTENMENT BEYOND THE ENLIGHTENMENT

As already mentioned, the studies in the Enlightenment were involved marginally in such debates. World History and Global History generated chiefly an enlargement of geographical spaces, thus allowing the emerging of other «Enlightenments» different from the European one. In fact, as far as the Enlightenment is concerned, it seems that an expansion of the idea of time did not correspond to the widened geographic field. As François Hartog noted, when studying the psychological experiences of James Cook and Chateaubriand, the impact produced by spatial change on the concept of time and on form of temporality should be taken into account more thoroughly¹³.

⁸ Hunt L. *Measuring Time, Making History*. Budapest; New York, 2008. P. 73–86.

⁹ Armitage D. What's the Big Idea? *Intellectual History and the Longue Durée // History of European Ideas*. 2012. Vol. 38, Issue 4. P. 493–507.

¹⁰ Armitage D., Guldi J. *The History Manifesto*. Cambridge, 2015.

¹¹ *Idem*. Le retour de la longue durée: une perspective anglo-américaine // *Annales: Histoire, Sciences sociales*. 2015. Vol. 70, Issue 2. P. 291–292.

¹² *Ibid*. P. 299–300.

¹³ Hartog F. *Régimes d'historicité: présentisme et expérience du temps*. Paris, 2003. P. 77–78, 117–178.

Considered from a geographical perspective, the issue of time becomes essentially a problem of spatial expansion. Therefore, the chronology derived from traditional categories of periodization remains unaltered¹⁴.

Should historians yield and accept a basically geographical approach to global history (and to a global history of the Enlightenment)? Should they limit themselves to analyze spatial enlargement and transnational history, referring to conventional periodization¹⁵? Or is it possible to revive the value and functions of Intellectual History and of the studies in the Enlightenment in a perspective of global history able to challenge also traditional outlooks of temporality?

Italian scholars have been exploring such a path of research for the last two decades, starting from the collective project *Le monde des Lumières*. The main focus has been the circulation of Gaetano Filangieri's work. The Neapolitan philosopher, author in 1780 of *Science of Legislation*, provides a highly interesting case study. Not only does it overcome spatial categories through a widespread diffusion: the Mediterranean area, continental Europe, the Americas. It also challenges temporal categories: in fact, modern concepts of constitutionalism and human rights – still vital in 19th and 21st century political cultures – stemmed from Filangieri's work¹⁶.

As shown by the mapping of times, places and frequency of editions and translations from 1780 to 1864 (fig. 1)¹⁷, the *Scienza della legislazione* an editorial and cultural phenomenon from which it is possible to reconstruct strategies of textual appropriation in varied cultures and ages. Since the publication of the first Italian edition, and despite its huge dimension (seven volumes), the *Scienza della legislazione* has become a best-seller of European Enlightenment. The success of the work was even magnified by the

¹⁴ For interesting examples concerning extra-European concepts of time, see *Beyaraza E.* The African concept of time: a comparative study of various theories. Kampala, 2000; *Conrad S.* What Time is Japan? Problems of Comparative (Intercultural) Historiography // History and Theory. 1999. Vol. 38, N 1. P. 67–83.

¹⁵ *Armitage D.* What's the Big Idea? P. 493–507; *Armitage D., Guldi J.* The History Manifesto. P. 29.

¹⁶ On Filangieri's *Science of Legislation* and his international circulation see my essays: La genesi e la circolazione della *Scienza della legislazione*. Saggio bibliografico // Rivista Storica Italiana. 2005. Vol. 117, N1. P. 309–359; Filangieri et le langage de la constitution // Nuevo Mundo – Mundos Nuevos. 2006. N6. P. 1–12; Die Wissenschaft der Gesetzgebung: Gaetano Filangieri // Grundriss der Geschichte der Philosophie: Die Philosophie des 18. Jahrhunderts: Italien / Hrsg. von J. Rohbeck, W. Rother. Basel, 2011. Bd. 3. S. 418–436; Entre Antonio Genovesi y Gaetano Filangieri: El nacimiento del lengua, je constitucional moderno // Entre Nápoles y América: ilustración y cultura giurídica en el mundo hispánico (siglos XVIII y XIX) / Ed. F. Morelli, É. Richard, G. Verdo. Medellín, 2012. P. 43–62; Verfassung und Rechte: Filangieri und die europäische Rezeption der *Scienza della legislazione* // Italien in Europa: die Zirkulation der Idee im Zeitalter der Aufklärung / Hrsg. von F. Jung, T. Kroll. Paderborn, 2014. S. 119–141.

¹⁷ The figures are obtained through Palladio, open-source software developed at Stanford University for space-time analysis in the field of socio-humanistic research. My special thanks to Dr. Giulia Delogu for the helpful collaboration.

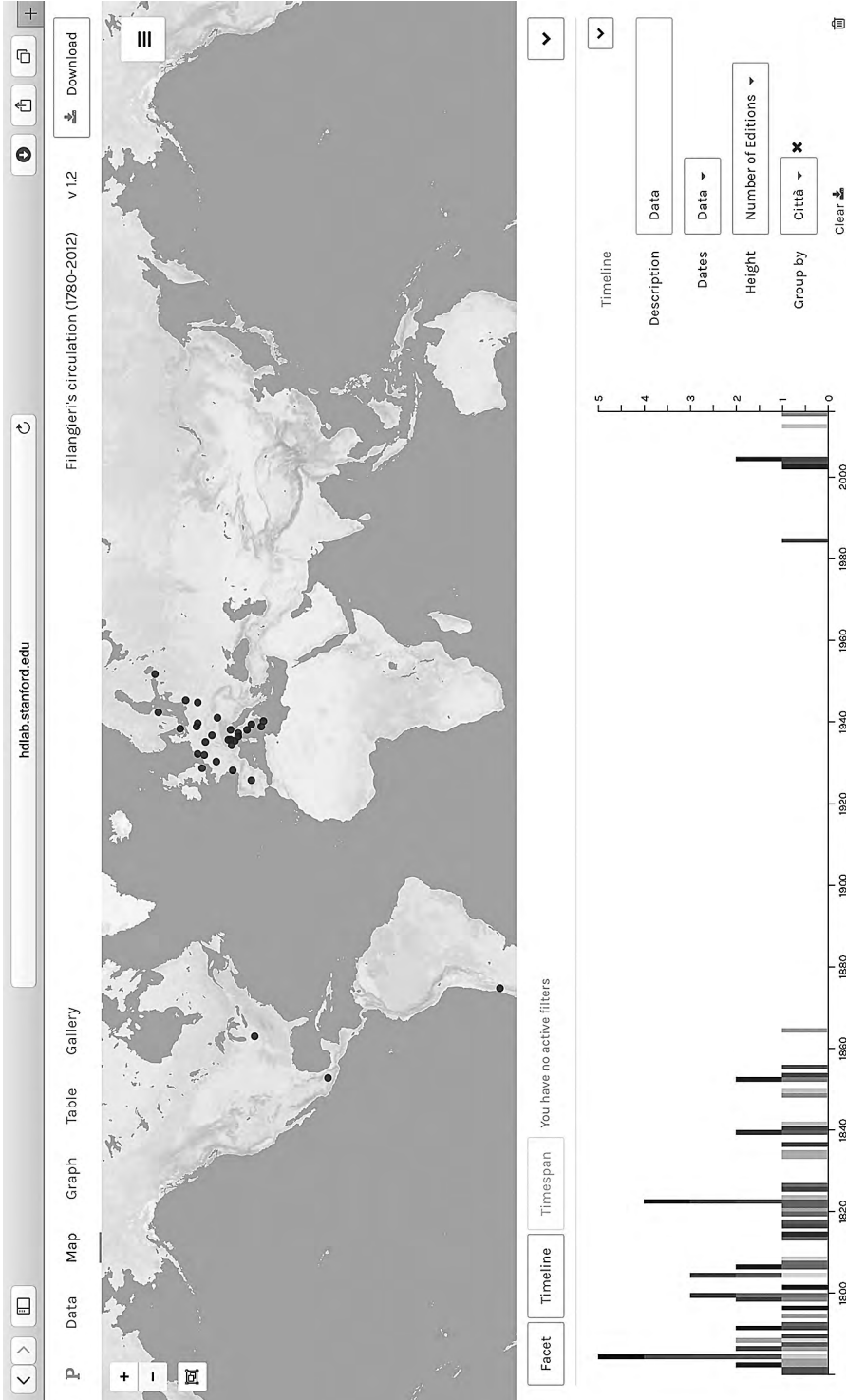

Fig. 1

heroization of the author, who died aged 35 before the Revolution, in 1787. Many other Enlightenment masterpieces had a widespread circulation also because favored by their small typographical size (e.g. *Dei delitti e delle pene* di Cesare Beccaria). Conversely, the *Scienza della legislazione* required enormous effort as far as the translation was concerned, as well as huge financial resources for the publication, which frequently was made possible by a blend of diplomatic, commercial and masonic networks. During the 19th century, when modern constitutionalism was surpassed by newly emerging codes, Filangieri's project seemed to be no longer appealing, new strategies of textual appropriation were developed. Thus, the text circulated not as a whole but in single parts (regarding for instance economics, criminal law, educational reform), in order to better answer the needs of post-Restoration national and cultural contexts.

The *Scienza della legislazione*, its editions, translations and commentaries allow us to understand how much of Enlightenment Europe passed through revolutionary and Napoleonic years and flowed into the new 19th century Europe. Filangieri's thought and republican heritage were not swallowed whole by the French Revolution, but rather they were infused, redefined and reinterpreted by 19th century liberal culture. They were adapted so that they could respond to new social needs and to the political questions that emerged during the Restoration¹⁸. The *Scienza della legislazione* should not be considered as static and crystalized in the Enlightenment. On the contrary, it is a work able to overcome temporal categories and extend its influence, following a series of concentric circles, beyond the Mediterranean area and beyond the Enlightenment.

This process, extraordinary in some facets, cannot be fully understood without an analysis of the seeds of modernity kept inside the *Scienza della legislazione*. In fact, it was a huge constitutional project that engaged philosophy of law, economics and commerce, criminal procedure and the system of crimes and punishments, upbringing, public education, and religion. It was not just a theoretical text, but was closely connected to late eighteenth-century economic, legal and social transformations. The young author was certainly influenced by the context of his city, Naples, still dominated by political backwardness. However, it was exactly in Naples and in the Mediterranean area more generally that the survival of rural feudalism clashed with the development of commerce. There the many contradictions of the Enlightenment emerged: aspiration to equality and universal fraternity against inequality generated by the growing market economy.

The *Scienza della legislazione* examined those issues in depth, and these were destined to become even more central during the 19th century and the 20th century. Filangieri debated them using modern language and clear words that might stir the reader's emotions and, more concretely, could be easily

¹⁸ See Ferrone V. *The Politics of Enlightenment: Republicanism, Constitutionalism and Rights of Man in Gaetano Filangieri*. London; New York, 2014.

translated and understood in other European languages. Thus, the newness of the problems discussed by the *Scienza della legislazione* and the modernity of its language are two important elements which can explain the strategies of circulation, translation and adaptation of the text across the West in a trans-temporal dimension.

THE *SCIENZA DELLA LEGISLAZIONE* AS GLOBAL ENLIGHTENMENT CASE STUDY

The story of Gaetano Filangieri's work provides at least three key-elements that make it a relevant case study useful to broaden the perspectives of Global Enlightenment. First of all, moving in the more classic field of intellectual history, la *Scienza della legislazione* circulated spatially in concentric circles: it originated in late eighteenth-century Naples and then reached all Europe and the Atlantic World. Secondly, it spread across time for two centuries after its publication. Thirdly, it survived beyond its own era, thus reflecting the category of trans-temporality. In fact, it did not ossify but was continuously modified in response to the different national strategies of appropriation, which alternatively used the whole work or the parts more fitting to specific constitutional and cultural contexts.

This list of editions and translations highlights the fact that the vast majority appeared in the 18th and 19th centuries, when the debate on new forms of political fight and on European constitutionalism was more intense. If considered from this point of view, each edition and each translation acquire importance and a precise meaning in regard to the context in which it was produced.

As can be seen in the map of the first European editions and translations between 1780 and 1789 (fig. 2), the first basin of circulation of the *Scienza della legislazione* is represented mainly by the Mediterranean area and Central Europe.

The treatise had a second wave of diffusion during the years of democratic revolutions (1796–1799). It was printed in Venice (1796), Genoa (1798), Rome (1799), Paris (1796–1799), Copenhagen (1799) e Livorno (1799). In addition, between 1798–1803 Russian and Swedish translations were completed. The Baltic and Russian areas and the entire Eastern Europe were finally able to read and comment Filangieri's work (fig. 3).

In this second phase, which can be called «the republican Filangieri», a unitary reading of the work as ambitious constitutional project still prevailed. After the Napoleonic age, a third phase followed. The *Scienza della legislazione* was printed and edited again during the Restoration, in the framework of rising European liberalism and constitutional movements (Livorno 1812, Madrid 1813, Stockholm 1814, Palermo 1815, Milan 1817, Florence 1820, Venice 1822, Paris 1822).

Then, after the 1820–1821 uprisings and Benjamin Constant's confutation, there is a phase of the «liberal Filangieri». During this phase, which lasted

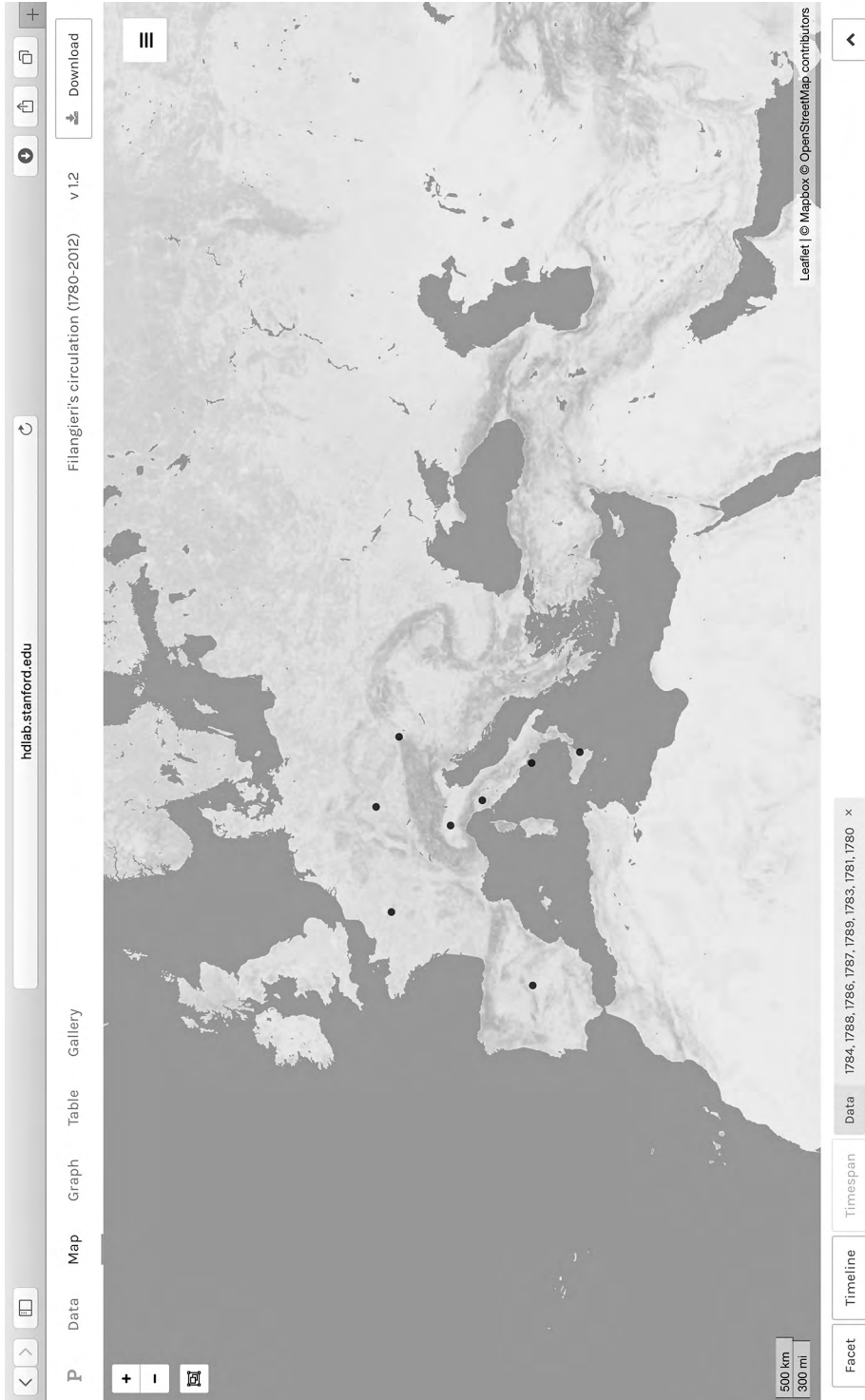

Fig. 2

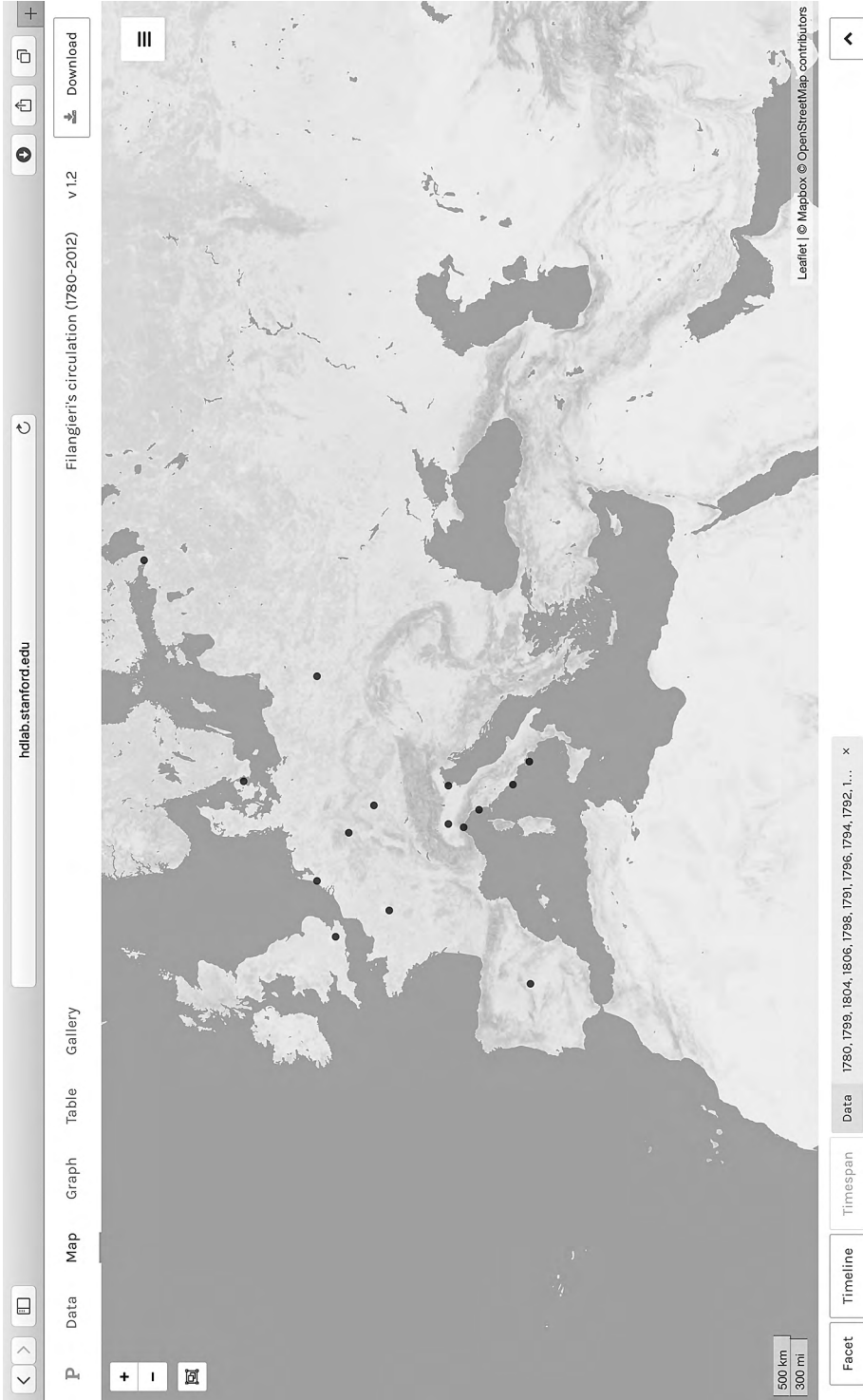

Fig. 3

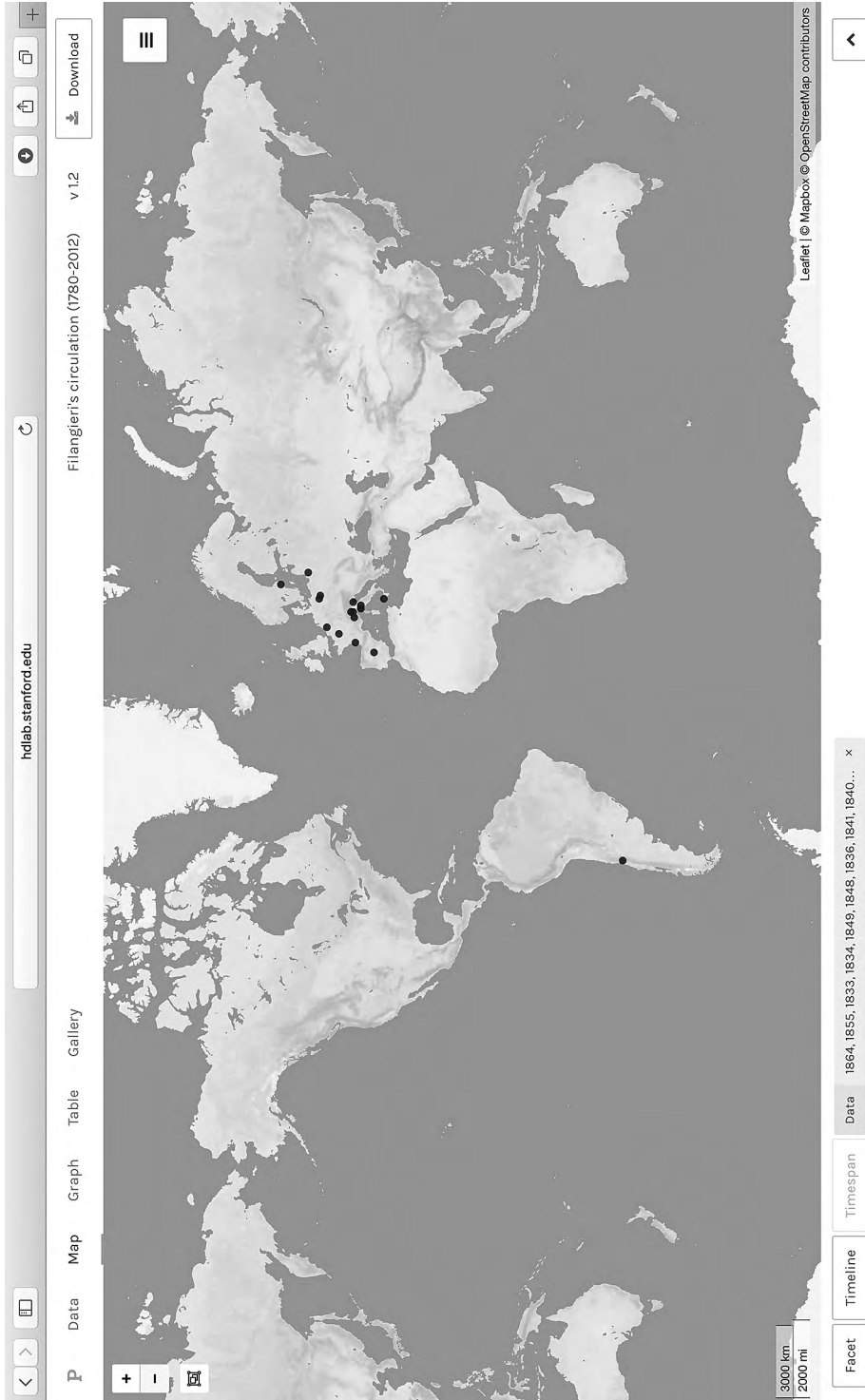

Fig. 4

until the European revolutions in 1848, the *Scienza della legislazione* circulated widely and reached also Latin America (fig. 4).

Over 70 editions and translations until 2004 testify to the success and the effort, also economic, in the diffusion either integral or partial of Filangieri's seven-volumes work.

The phase of the so-called «republican Filangieri» is the most significant. In fact, the post-1789 diffusion of the *Scienza della legislazione* reveals very clearly how difficult it was to reap the benefits of the Enlightenment legacy, confront it and then turn into real documents the principles exposed by the Neapolitan philosopher. In 1791 the last volume devoted to a new form of civic religion appeared posthumous, simultaneously in Naples, Catania, Milan and Venice. At the very beginning of the republican era, a new query emerged: how to compare the experience of other European countries with those of France. The situation became even more complicated because of the Terror, and the choice between the different French constitutional models (1791, 1793, an III), whose acceptance required precise political stances. Another problem particularly felt in the Italian area was the fear of falling into line with France and thus losing the specificity of Italian tradition. Those who had lived and upheld Enlightenment values and universalism were much divided. The re-edition of Filangieri's work represented a new starting point. The seven volumes were republished in Naples (1791), in Venice (1796), in Genoa (1798), in Rome (1798/99) by will Francesco Mario Pagano (later author of the Neapolitan 1799 constitution), in Livorno (1799) and again in Venice (1801)¹⁹.

During these same years, Filangieri's work circulated in Europe and in the Americas. Editions were published in Denmark²⁰, Sweden²¹ and Poland²². Particularly meaningful was a Russian partial translation that appeared in the proto-liberal climate of constitutional debate which preceded the Decembrist revolt (1825). In April 1798 Aleksandr Fedosevič Bestuzhev, an officer in St. Petersburg, began the translation of the *Scienza della legislazione*. The first part (Bestuzhev's treatise on education, which has an obvious connection with the 4th book of the *Scienza*)²³ was published on the *Sankt-Petersburgskoj*

¹⁹ Trampus A. La genesi e la circolazione della *Scienza della legislazione*. P. 333–336. On Filangieri's republicanism as manifest of Radical Enlightenment across the Atlantic see Israel J. Democratic Enlightenment. Philosophy, Revolution and Human Rights 1750–1790. Oxford, 2011. P. 517–518.

²⁰ *Filangieri G. Lovgivningssystem / Oversat af det italienske ved J. Collin*. Kjøbenhavn: A. Soldin, 1799.

²¹ *Filangieri G. Lagstiftningens vetenskap / Öfversättning*. Strengnäs: Tryckt hos Carl Er. Ermack, 1814–1821. 5 vols.

²² *Nauka prawodawstwa przez kawalera Kaietana Filangieri napisana po Włosku / Tłumaczenia Wincentego Rocha Karczewskiego*. Warszawa: W Drukarni Piotra Dufoura Konsyliarza, 1791–1793. 8 vols.

²³ For more details see: *Venturi F. I rapporti italo-russi dalla seconda metà del '700 al 1825: Atti del II Convegno degli storici italiani e sovietici // Quaderni di Rassegna sovietica*. Roma, 1968. Vol. 2. P. 19.

Žurnal (Санкт-Петербургский журнал), a gazette supported by Grand Duke Alexander, future Tsar (from 1801). This text was conceived as a contribution to the debate on reforms. It was also intended as a support to the possibility of a Russian constitution: a claim sustained by the diffusion of Italian and French Enlightenment texts. In 1803, in fact, the extended version of Bestuzhev's treatise (now it was a free translation of passages not only from the 4th book, but also from the 1st one) appeared²⁴, along with Cesare Beccaria's Russian translation. As witnessed by the documents of trial against the Decembrists (among which there were Bestuzhev's four sons), those readings had an important role in the cultural education of the revolutionaries inside constitutional circles²⁵.

The Russian circulation and adaptation of Filangieri's works has many similarities with those recently reconstructed in Latin America. There, the *Scienza della legislazione* was utilized by independence movements and by public figures such as Simon Bolivar and Vicente Rocafuerte²⁶. Rocafuerte, who had studied in Madrid and Paris, defended the 1819 Colombian constitution. In particular, he championed republicanism and political representation. In so doing, he referred to one of Filangieri's republican edition (Genoa, 1798). Rocafuerte argued Filangieri had explained (better than Montesquieu and Mably) that republicanism was not an abstract political utopia, but a fitting constitutional remedy able to conciliate modern constitutionalism, economic development and national independence.

The last important phase of Filangieri's dissemination is linked to the 1822 French edition, containing also Benjamin Constant's commentary. In

²⁴ [Бестужев А.Ф.] Опыт военного воспитания относительно благородного юношества, начертанный по расположению знаменитого итальянского законоискусника Филанжери, писавшего о науках законодательства, дополненный краткими рассуждениями и нужными примечаниями к предмету воспитания касающимися. А. Б...вым. СПб.: тип. И.К. Шнора, 1803. The work was presented also on: The Universal Magazine. New series, containing original Communications in history, philosophy, the belles lettres politics, amusements etc. etc. Vol. IV. July to December, inclusive. London: Printed for H.D. Symonds, 1805. P. 60.

²⁵ Kosmolinskaja G. I lettori russi di Filangieri: Idee riformatrici e progetti costituzionali tra Settecento e Ottocento // Diritti e costituzione: L'opera di Gaetano Filangieri e la sua fortuna europea / A cura di A. Trampus. Bologna, 2005. P. 127–164, especially p. 151–152 (in Russian: *Космолинская Г.А.* Русские читатели Гаэтано Филанжери (конец XVIII – начало XIX века) // Век Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006. Вып. I. С. 294–325).

²⁶ Escobar Villegas J.C., Maya Salazar A.L. Otras «luces» sobre la temprana historia política de Colombia 1780–1850: Gaetano Filangieri y la «ruta de Nápoles a las Indias occidentales» // Coherencia. 2006. N 3. P. 79–111; *Idem.* Ilustrados, leyes penales, control social y administración de justicia durante la época de las revoluciones modernas en Nueva Grenada: Una mirada desde la obra de Gaetano Filangieri // Revista de historia de la educación latinoamericana. 2007. N 9. P. 141–178; Gittermann A. «La scienza della legislazione» contra «la volontà del legislatore»: Algunas consideraciones acerca del porqué de la influencia de Filangieri en el pensamiento político hispanoamericano // Nuevo mundo – Mundos nuevos. 2007. N7. P. 1–15 (<http://nuevomundo.revues.org/index3568.html>); Morelli F. Filangieri e «l'altra America»: Storia di una recezione // Rivista storica italiana. 2007. Vol. 119, N 1. P. 88–111.

Spain, the restored government launched a new edition of Filangieri's work in 1820. During the so-called Spanish liberal Triennium, followed by six years of absolutist policies, three editions of the *Scienza della legislazione* were published. Those publications were connected to the parliamentary debate on the first Spanish code of criminal law (1822), and with the request to Ferdinand VII to proffer a constitution on the French model²⁷. In April 1821, the bookseller Dufart announced the project of re-editing la *Scienza* in the «Revue encyclopédique». He wanted to publish Gallois's old translation, but with a significant innovation: *Éloge de Filangieri* by Francesco Saverio Salfi. Salfi was a renowned Neapolitan freemason and a long-time exile, living in France. In the *Éloge* Filangieri was transfigured and idealized as a young jurist devoted to humankind and able to prophesize the French Revolution²⁸.

The public use of Filangieri in Italy and France during the 1820s can explain why Constant decided to write a commentary to the *Scienza*²⁹. It occasioned the distance (more illusory than real, at least as far as contents were concerned) between liberalism and Enlightenment. In so doing, Constant wanted to dispel the danger of a possible return of the Ancien Régime. In Constant's opinion, during the Ancien Régime the sovereign-legislator had ruled uncontested, had made empty pledges, and had granted laws sufficient only to give security but not to acknowledge the fundamental rights of freedom³⁰. The ultimate risk was that of putting the legislator above all other human being, almost divinizing him.

In this context, Filangieri's work began to be quoted as model of a new political language and as authority of style and legal practice. Constant's *Commentaire* only confirmed the international relevance of a treatise thought fifty years ago for Naples in the new and different Restoration Europe. Filangieri was quoted also in legal acts. References to Filangieri's work can be found also in the closing arguments pronounced at the trial held in Paris at the Assizes against Michel Michel, Louis Saget and others in 1812³¹. Another interesting

²⁷ Astigarraga J. I traduttori spagnoli di Filangieri e il risveglio del dibattito costituzionale (1780–1839) // Diritti e costituzione. P. 231–290; *Idem*. Political Economy and Legislation: The Great Success of Filangieri's *Scienza della legislazione* in Spain (1780–1839) // Nuevo mundo – Mundos nuevos. 2006. N6. P. 120 (<http://nuevomundo.revues.org/index1911.html>).

²⁸ Salfi F.S. *Éloge de Filangieri* // Filangieri G. Œuvres. Paris: Dufart, 1822. T. I. P. XX.

²⁹ Bastid P. Benjamin Constant et sa doctrine. Paris, 1966. Vol. I. P. 367; Ferrone V. The Politics of Enlightenment. Ch. 10.

³⁰ Bastid P. Op. cit. P. 367; Neppi Modona L. Quelques réflexions sur le Commentaire de Benjamin Constant à la *Science de la législation* de G. Filangieri // Benjamin Constant: actes du congrès Benjamin Constant (Lausanne, octobre 1967) / Éd. par P. Cordey et J.L. Seylaz. Genève, 1968. P. 57–63; Cordey P. Benjamin Constant, Gaetano Filangieri et la *Science de la législation* // Revue européenne des sciences sociales. 1980. T. 18, N 50. P. 55–79 (Annales Benjamin Constant; N 1).

³¹ Procès instruit par la Cour d'Assises de Paris contre Michel Michel, Louis Saget, Louis-François-Alexandre Salmon et Jean-Nicolas-Marie Mosès, dit Mirabeau, garçon de bureau; accusés d'avoir entretenu des intelligences criminelles avec les agents d'une Puissance étrangère, etc. Paris: P. Didot l'Ainé, 1812. P. 144.

case is the article appeared on *Le spectateur belge: ouvrage historique, littéraire, critique et moral*, edited Léon De Foere, concerning *Le système militaire acqwe comparé à l'ancien ordre moral*. The article was strongly committed to the defense of Catholic morality. Therefore, Filangieri's words (taken from the last volume on religion) were detached from their original context. They were utilized as a warning not to forget that Europe professed a unique religion, whose precepts unified society and kept public order³². In the *Biographie universelle, ancienne et moderne* by Joseph Fr. Michaud and Louis Gabriel Michaud the Neapolitan philosopher was depicted as: «l'un des publicistes du 18e siècle qui ont le plus contribué aux progrès et à l'adoucisement du sort des hommes»³³. Also, Jean-Etienne-Marie Portalis remembered as one of the most important events of 18th century the fact that «à Naples l'ouvrage de Filangieri prouva qu'on pouvoir y parler des devoirs et des droits des sujets»³⁴. In 1820, Germany, in the new and enlarged edition of the *Grundrisse der Geschichte der Philosophie* by Wilhelm Gottlieb Tennemann, Beccaria and Filangieri were depicted as the most important Italian eighteenth-century philosophers and jurists after Vico³⁵. Again in 1820, Filangieri was described as «a philosopher friend of humankind, and one of the most refined specialist in the history of modern and ancient constitutions»³⁶.

The importance of the *Scienza della legislazione* in Germany (but in a universalistic dimension as in Filangieri's spirit) has its most significant examples in two authors destined to have a profound mark on late eighteenth-century and early nineteenth-century European culture: Herder and Feuerbach. In his *Briefe zu Beförderung der Humanität*, Herder compared Filangieri to Montesquieu and to Quaker culture concerning the influence of their principles over nations³⁷. In his *Anti-Hobbes: oder über die Grenzen der höchsten Gewalt und das Zwangsrecht*, Feuerbach turned to Filangieri's authority to affirm the right of punishing is based not only on the prince's power but also on man's natural rights³⁸.

³² *Le Spectateur Belge: ouvrage historique, littéraire, critique et moral* / Éd. par L. De Foere. Bruges: Veuve De Moor, 1816. Vol. 4. P. 354.

³³ *Ginguené P.-L.* Filangieri Gaetano // *Biographie universelle, ancienne et moderne* / Éd. par J.F. Michaud et L.G. Michaud. Paris: Michaud, 1815. T. XIV. P. 523–529.

³⁴ *Portalis J.-É.-M.* De l'usage et de l'abus de l'esprit philosophiques durant le dix-huitième siècle. Paris: A. Égron, 1820. T. II. P. 283.

³⁵ *Tennemann W.G.* Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. Dritte vermehrte und verbesserte Auflage / herausgegeben von A. Wendt. Leipzig: J.A. Barth, 1820. S. 454–455.

³⁶ *Ideler C.L.* Handbuch der italiänischen Sprache und Litteratur oder Auswahl gehaltvoller Stücke aus den klassischen Italiänischen Prosaisten und Dichter, Duncker und Humblot. Berlin: [s.n.], 1820. S. 498–511.

³⁷ *Herder J.G.* Briefe zu Beförderung der Humanität. Sechste Sammlung. Riga: J.F. Hartknoch, 1795. S. 532.

³⁸ *Feuerbach P.J.A.* Anti-Hobbes oder über die Grenzen der höchsten Gewalt und des Zwangsrechts der Bürger gegen den Oberherrn. Bd. I // Henningssschen Buchhandlung. Erfurt, 1798. S. 227.

One could cite additional examples and quotations, but what it is important to note is that, during the two first decades of the 19th century and beyond, the *Scienza della legislazione* kept on igniting the debate on politics, on constitutionalism, and on the controversial them of human rights. It was read, adapted, utilized in cultural and temporal contexts much different from those in which it had been created³⁹. Starting from this point of view and taking into account the suggestions from the Global Enlightenment debate, it seems necessary a renewed historiographical awareness able to better reconstruct and interpret the paths and process which connect late Enlightenment culture with the transformation of constitutionalism and European politics during early modern and modern ages.

Антонио Трампус

**Просвещение в глобальной истории:
Наука о законодательстве Филанджери
и трансформация политического языка**

В течение последнего десятилетия исследования, посвященные стратегиям распространения и адаптации некоторых ключевых текстов позднего Просвещения, позволили понять, какие элементы культуры этого периода смогли пережить потрясения Французской революции и наполеоновских войн и вошли затем в новую европейскую культуру XIX в. История одного из таких текстов, его распространения, существования и переосмысления после смерти автора, дает ключ к пониманию истинного смысла «долгого восемнадцатого века».

История изданий и переводов *Науки о законодательстве* Гаэтано Филанджери, а также последующих комментариев на эту книгу показывает, что новизна содержания была неразрывно связана в ней с новизной языка, и что ее текст при соответствующей переводческой стратегии служил обновлению политического языка других стран и культур (в том числе стран Германского союза, России, Швеции). Изданная в Неаполе, на родине Филанджери, *Наука о законодательстве* способствовала ускоренному распространению новых ценностей и понятий, чей «подрывной» по отношению к Старому порядку потенциал в полной мере сознавали различные переводчики, издатели и комментаторы, в частности – Бенжамен Констан.

³⁹ On Filangieri's political economy and the diffusion of his reflection see also *Reinert S.A. Translating Empire: Emulation and the Origins of Political Economy. Cambridge, MA, 2011. P. 226, 246, 285.*

JEAN-PIERRE SCHANDELER

CONDORCET: L'UNIVERSALISME DES LUMIÈRES EN QUESTION
(1963–2008)

L'intitulé de notre colloque, *What is the Enlightenment? New Answers to the Old Question*, ouvre un champ infini de réponses, non pas seulement parce que les réponses à la vieille question seraient elles-mêmes en nombre infini mais parce qu'elles sont, au fil du temps, susceptibles d'être indéfiniment renouvelées. Analyser les Lumières à partir des pratiques concrètes de l'édition et de la traduction d'une œuvre, et des commentaires orientés produits par les traducteurs eux-mêmes, ne revient pas à inventer un objet artificiel de réflexion. La nature du questionnement est différente de celle qui consisterait à s'interroger sur ce que tel auteur, telle œuvre ou telle période (celle appelée «Lumières» par exemple) peut faire pour nous ou pour notre époque. Dans ce dernier cas, on invente à la fois une question et des réponses à sa propre mesure, celle de l'intérêt personnel qu'un individu ou un petit groupe porte à un auteur, une œuvre ou une période, sans prendre en considération si l'intérêt est socialement partagé et s'il s'est déjà manifesté. Analyser les traductions d'une œuvre de Condorcet au XXe siècle permet d'évaluer de quelles façons les Lumières se trouvent réinterrogées et comment l'œuvre en question est réinvestie de sens.

Toutefois étudier la critique de Condorcet dans la pensée contemporaine peut paraître une démarche incongrue. Si les Lumières sont l'objet de controverses, ces dernières prennent plus volontiers pour cibles des auteurs et des œuvres qui occupent les premières places dans le panthéon imaginaire façonné par les manuels scolaires et les cours universitaires. Montesquieu, Rousseau, Voltaire, Diderot viennent plus facilement à l'esprit que l'auteur de *l'Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues*

à la pluralité des voix (1785)¹, et de l'*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain* (1794)².

L'œuvre et la pensée de Condorcet ont longtemps été victime d'une instabilité historiographique. En France, elles n'ont joui d'une image positive qu'à deux reprises, à la fin du XVIIIe siècle sous la Convention thermidorienne qui, dans le souci de rompre avec la période précédente, a consacré le philosophe en nouveau Socrate³. Un siècle plus tard la troisième République triomphante lui a élevé une statue devant l'Institut de France à l'occasion du centenaire de la Révolution. Mais durant toute cette longue période le philosophe des Lumières a été davantage défendu par les républicains comme un symbole plutôt que comme un penseur. Il est vrai que son œuvre est parfois délicate à embrasser pour tout dépositaire, légitime ou pas, de l'autorité politique, tant Condorcet explore ses principes jusqu'à leur limite:

En général, tout pouvoir, de quelque nature qu'il soit, en quelque main qu'il ait remis, de quelque manière qu'il ait été conféré, est naturellement ennemi des lumières <...>. La vérité est donc à la fois l'ennemi du pouvoir comme de ceux qui l'exercent; plus elle se répand, moins ceux-ci peuvent espérer de tromper les hommes; plus elle acquiert de force, moins les sociétés ont besoin d'être gouvernées⁴.

¹ *Condorcet M.-J.-A.-N.* Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix. Paris: De l'Imprimerie Royale, 1785; réimpr. New York, 1972; voir aussi son *Mémoire sur le calcul des probabilités*, en six parties, lu entre 1781 et 1784, publié dans les Mémoires de l'Académie royale des sciences, entre 1784 et 1787: *Condorcet M.-J.-A.-N.* Arithmétique politique, textes rares ou inédits (1767–1789) / Éd. par B. Bru et P. Crépel. Paris, 1994. P. 385–448. Voir également: Condorcet: Mathématicien, économiste, philosophe, homme politique: Colloque international [Paris, 8–11 juin 1988] / Sous la dir. de P. Crépel et C. Gilain. Paris, 1989, deuxième partie; *Crépel P.* Condorcet, la théorie des probabilités et les calculs financiers // Sciences à l'époque de la Révolution française: Recherches historiques / Sous la dir. de R. Rashed. Paris, 1988. P. 267–325; *Brian É.* La puissance ambiguë de l'œuvre scientifique de Condorcet: Une question d'histoire intellectuelle // Mélanges de l'École française de Rome: Italie et Méditerranée. 1996. T. 108, N 2. P. 505–516; *Mammone Rinaldi A.* Équations philosophiques: La construction de la science mathématique de la politique de Condorcet dans l'«Essai sur la probabilité des décisions»: Un essai de philologie mathématique, thèse de doctorat. EHESS. Paris, 2007. 2 vols.

² *Condorcet M.-J.-A.-N.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Paris: Agasse, An III [1794]. Pour une édition récente et exhaustive, voir *Idem.* Tableau historique des progrès de l'esprit humain: Projets, Prospectus, Fragments, Notes (1772–1795) / Éd. critique par le Groupe Condorcet, dirigée par J.-P. Schandeler et P. Crépel. Paris, 2004.

³ La Convention thermidorienne a commandé 3000 exemplaires de l'*Esquisse*. Voir le discours de Daunou du 13 germinal an III et les extraits des procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale, dans *Condorcet M.-J.-A.-N.* Tableau historique des progrès de l'esprit humain. P. 1127–1130.

⁴ *Condorcet M.-J.-A.-N.* Cinquième mémoire sur l'instruction publique (1791) // Œuvres complètes / Éd. par A. Condorcet O'Connor et F. Arago. Paris, 1847. T. VII. P. 420–421.

Oui sans doute, la liberté ne peut périr; mais c'est uniquement parce que le progrès des lumières en assure l'éternelle durée, et l'histoire entière atteste avec combien peu de succès les institutions en apparence les mieux combinées ont protégé celle des peuples que leurs lumières ne défendaient pas contre l'hypocrisie des tyrans qui savent prendre le masque de la popularité, ou celui de la justice. Dire que le peuple en sait assez s'il sait vouloir être libre, c'est avouer qu'on veut le tromper pour s'en rendre maître⁵.

Seuls certains socialistes du XIXe siècle (Jean Reynaud, Jean Jaurès)⁶ et des auteurs opposés aux idéaux des Lumières (Bonald, Malthus, Sainte-Beuve)⁷, prennent sa pensée au sérieux et en font un véritable objet de critique. Il faut attendre le milieu du XXe siècle pour que l'œuvre de Condorcet soit débarrassée des préjugés dont elle fut victime, et dont il est souvent possible de reconstituer la genèse. Les travaux de Kenneth J. Arrow, de Gilles-Gaston Granger, de Roshdi Rashed, de Keith Michael Baker⁸, puis les recherches individuelles ou collectives menées à partir des années 1980 ont contribué à la réévaluation critique de son œuvre⁹.

Pourtant, au XXe siècle et hors de France, une œuvre a échappé à cette instabilité. En effet, l'*Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain* a fait l'objet de trente-deux traductions entre 1907 et 2008 dans vingt-trois pays, contre six éditions seulement en France entre 1900 et 2004. Ces traductions suivent un rythme qui va *crescendo* puisque 65% sont

⁵ *Condorcet M.-J.-A.-N.* Sur la nécessité de l'Instruction publique (1793) // Œuvres complètes. T. VII. P. 440.

⁶ *Reynaud J.* Condorcet // Encyclopédie nouvelle. Paris, 1840. T. 3. P. 748–753; Études encyclopédiques. Paris, 1866. T. 2. P. 494–515; *Jaurès J.* Histoire socialiste de la révolution française (1901–1908) / Éd. par A. Soboul. Paris, 1969.

⁷ *Bonald L. de.* Observations sur un ouvrage posthume de M. de Condorcet // Bonald L. de. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile. [Constance], 1796. T. 2. P. 482–520; *Malthus T.R.* An Essay on the principle of population, as it affects the future improvement of society, with remarks on the speculations of M. Godwin, M. Condorcet, and others writers (1798), voir l'édition française: *Malthus T.R.* Essai sur le principe de population / Trad. de l'anglais par P. et G. Prevost, éd. par J.-P. Maréchal. Paris, 1992. T. 2; *Sainte-Beuve C.-A.* Causeries du Lundi: 3 février 1851. Paris, 1929. T. 3.

⁸ *Arrow K.J.* Social choice and individual values. New York, 1951; voir la trad. française: Choix collectifs et préférences individuelles. Paris, 1974; *Granger G.-G.* La Mathématique sociale du marquis de Condorcet. Paris, 1956, puis 1989; *Rashed R.* Condorcet: Mathématique et société, choix de textes et commentaires. Paris, 1974; Condorcet: From natural philosophy to social mathematics. Chicago, 1975; trad. française de M. Nobile: *Baker K.M.* Condorcet: Raison et politique. Paris, 1988.

⁹ *Brian É.* La Mesure de l'État: Administrateurs et géomètres au XVIIIe siècle. Paris, 1994; Condorcet, homme des Lumières et de la Révolution / Sous la dir. de A.-M. Chouillet et P. Crépel. Paris, 1997; Condorcet, mathématicien, économiste, philosophe, homme politique; *Schandeler J.-P.* Les Interprétations de Condorcet: Symboles et concepts (1794–1894). Oxford, 2000; Nouvelles lectures du Tableau historique de Condorcet / Sous la dir. de B. Binoche. Québec, 2010. Il convient d'ajouter les éditions critiques: outre celle de l'*Arithmétique politique* de 1994 citée dans la note 1 et celle du *Tableau historique* de 2004 citée dans la note 2, voir *Condorcet M.-J.-A.-N.* Almanach anti-superstitieux et autres textes / Éd. par A.-M. Chouillet, P. Crépel, H. Duranton. [Paris]; Saint-Étienne, 1992.

parues depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale. On observe par ailleurs qu'un grand nombre des traductions est lié à des contextes géopolitiques caractérisés par des débats ou des conflits idéologiques particulièrement aigus¹⁰. *L'Esquisse d'un tableau historique* est donc une œuvre susceptible d'être convoquée dans des périodes où sa publication fait à nouveau sens.

Plusieurs caractéristiques contribuent à sa notoriété. *L'Esquisse* est un texte d'allure historique avec une forte prédominance narrative. La succession de neuf époques dessine les grandes lignes des progrès de l'esprit humain depuis les débuts de l'humanité jusqu'à la fin du XVIIIe siècle. Le choix des étapes oriente le récit dans le sens d'un affranchissement progressif des hommes: les systèmes politiques ou métaphysiques imaginés par des castes de rois ou de prêtres pour conserver le pouvoir et asservir le peuple cèdent sous les coups portés par les progrès des lumières techniques, scientifiques ou philosophiques. Le XVIIIe siècle marque une étape-clé dans la mesure où la raison s'est imposée dans tous les domaines et que ses conquêtes interdisent les retours en arrière profonds et durables. En un certain sens, *L'Esquisse d'un tableau historique* décrit la fresque de l'humanité à la conquête de la raison et de la liberté.

Une seconde caractéristique du texte est la façon dont cette fresque s'achève. Un dixième chapitre qui a pour titre «Des progrès futurs de l'esprit humain» ouvre l'horizon historique à des possibles. Les perspectives rompent avec le genre de l'utopie ou de l'uchronie comme avec les attentes messianiques. L'histoire à venir dépend de la capacité du corps social à lutter contre les charlatans politiques et religieux. Elle dépend aussi du développement futur de la science sociale:

Un grand homme [Turgot], <...> était persuadé que les vérités des sciences morales et politiques, sont susceptibles de la même certitude que celles qui forment le système des sciences physiques, et même que les branches de ces sciences qui, comme l'astronomie, paraissent approcher de la certitude mathématique. Cette opinion lui était chère parce qu'elle conduit à l'espérance consolante que l'espèce humaine fera nécessairement des progrès vers le bonheur et la perfection, comme elle en a fait dans la connaissance de la vérité¹¹.

L'Esquisse est donc aussi un texte qui annonce la nécessité de fonder une science de la société, projet auquel s'est attaché Condorcet par son activité dans le domaine du calcul des probabilités et de la mathématique sociale, et par la rédaction inachevée du *Tableau historique*, projet qu'il avait entrepris dès les

¹⁰ Traductions de *L'Esquisse*, en 1946 au Portugal, en 1949 au Japon, en 1968 à Prague, ou durant les «années de plomb» en Italie. L'hypothèse selon laquelle de nombreuses traductions de *L'Esquisse* ont été publiées pour peser dans des débats nationaux a été vérifiée par la teneur des préfaces et par des correspondances privées avec les auteurs des préfaces.

¹¹ *Condorcet M.-J.-A.-N.* Discours préliminaire... // *Condorcet M.-J.-A.-N.* Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité voix. P. 9.

années 1770 et auquel il a travaillé durant sa fuite en 1793¹². Dans le dernier chapitre, ou «dixième époque», il trace quelques perspectives qui s'inscrivent dans la continuité des évolutions passées. Les progrès de l'égalité entre les nations, la réduction des inégalités au sein d'une même nation, les progrès de l'instruction publique, telles sont les «espérances» que le philosophe peut raisonnablement formuler. L'affirmation d'une «perfectibilité indéfinie» de l'homme¹³ ouvre un espace historique optimiste: «Tout nous dit que nous touchons à l'époque d'une des grandes révolutions de l'espèce humaine <...> L'état actuel des Lumières nous garantit qu'elle sera heureuse»¹⁴.

Enfin, dernière caractéristique, l'ouvrage, assez court, accessible, est rédigé durant une révolution politique qui pense elle-même sa portée universelle et qui sera reçue au XXe siècle dans sa portée universelle. Ainsi l'*Esquisse* sera-t-elle souvent considérée comme «le testament des Lumières» ou comme «la synthèse de la philosophie des Lumières».

L'œuvre paraît d'autant plus représentative des Lumières que la trajectoire biographique de Condorcet l'est également. Sa vie est un enchevêtrement d'activités savantes et politiques. Proche de Voltaire, de D'Alembert et de Turgot, il baigne dans le milieu philosophique et encyclopédiste. Il entre à l'Académie des sciences en 1769 et en devient le secrétaire perpétuel en 1776; en 1782, il est également reçu à l'Académie française. Sur le plan politique, il occupe les fonctions d'Inspecteur général de la monnaie sous le ministère Turgot (1774–1776); lorsque éclate la Révolution française, il est élu à l'assemblée législative (1791) où il présente un projet d'instruction publique. Il est également élu à la Convention nationale (1792). Pour s'être opposé aux jacobins sur un projet de constitution, il est décrété d'arrestation et prend le parti de s'enfuir afin d'échapper à un procès dont l'issue aurait été probablement fatale. C'est donc dans la clandestinité qu'il rédige l'*Esquisse* qui sera l'objet de tant de traductions. Ces circonstances jouent en faveur de la notoriété de l'œuvre, d'abord parce que Condorcet affirme ses espoirs dans l'avenir dans les conditions d'une clandestinité qui entourent son sort personnel d'incertitude; ensuite, parce que cette situation même renvoie certains traducteurs du XXe siècle à leurs propres conditions. Ainsi la teneur conceptuelle de l'œuvre, les circonstances de son écriture, le sort personnel de l'auteur, le cadre général dans lequel ces éléments s'inscrivent, celui d'une Révolution qui met un terme à une monarchie millénaire et fonde une république, tout cet ensemble désigne l'*Esquisse* comme une œuvre singulière.

Dans une période récente, depuis la fin des années 1960, plusieurs

¹² *Condorcet M.-J.-A.-N.* Tableau historique des progrès de l'esprit humain. – «Introduction générale».

¹³ La perfectibilité indéfinie doit s'entendre de deux manières: on ne peut fixer de terme chronologique; on ne peut concevoir même par quelles voies cette perfectibilité se manifestera.

¹⁴ *Ibid.* P. 243. Note 128. Sur la question de l'optimisme ou du méliorisme, voir *Loty L.* Condorcet contre l'optimisme: de la combinatoire historique au méliorisme politique // *Condorcet: Mathématicien, économiste, philosophe, homme politique.* P. 288–296.

préfaces de ces traductions abordent la question de l'universalité héritée des Lumières. Sous cet angle-là, la pensée de Condorcet est prise entre une critique marxiste et une critique postmoderne qui réinterroge la légitimité du vrai, de la raison, celle du progrès, qui tente d'évaluer la défaillance passée et présente des autorités et qui conçoit un avenir vide de promesses. Il s'agit donc d'évaluer dans quelle mesure l'œuvre de Condorcet devient l'objet particulier de critiques adressées de manière générale aux Lumières. En quoi la publication d'une traduction de l'*Esquisse* serait-elle l'occasion de sa réfutation exemplaire?

D'une manière générale les auteurs des préfaces reconnaissent que Condorcet partage les conceptions universalistes de son époque. Mais ce qui fait pour eux l'intérêt du texte, et ce sur quoi ils portent l'accent, c'est la conception de l'histoire, celle du droit, et la possibilité de construire un ordre social sur des droits universels¹⁵.

Plusieurs préfaciers s'attachent au titre même de l'œuvre. On s'attendrait à ce que l'expression «esprit humain» se retrouve sous le feu de la critique à cause du caractère idéaliste de la philosophie qui sous-tend apparemment le projet et de la démarche que laisse sous-entendre une «histoire de l'esprit». Ce ne sont pourtant pas ces aspects qui focalisent l'intérêt des traducteurs mais plutôt la nature universelle de l'objet tel qu'il est donné dans l'expression «histoire de l'esprit humain».

En 1969, Marco Minerbi¹⁶ analyse cette expression en la comparant aux titres des œuvres de Montesquieu, «l'esprit des lois», et de Voltaire, «essai sur les mœurs et l'esprit des nations». Par son choix, affirme Minerbi, Condorcet s'affranchit de l'histoire narrative, c'est-à-dire de l'histoire événementielle et de l'étude des transformations de la société civile. Que vise-t-il alors? Selon Minerbi, Condorcet entendrait par «histoire de l'esprit humain», celle des vérités et des méthodes qui fondent la modernité, l'histoire des savoirs et de leur diffusion. Ainsi «l'esprit humain» dont il entend ébaucher l'histoire serait proprement l'histoire des connaissances universelles. L'une des origines de cette conception se trouverait, pour Minerbi, dans la critique que le philosophe fait de l'œuvre de Pascal. L'opposition entre les deux ordres de connaissances, physiques et théologiques réduisait le destin de l'homme «à des causes irrémédiablement liées à sa nature et à des rapports sociaux marqués par la fausseté et la recherche du divertissement»¹⁷. Or cette conception interdit d'appréhender l'humanité et la société comme des objets *sui generis*.

¹⁵ Les préfaces des traductions ont été traduites en français dans le cadre d'un programme de recherche que je poursuis depuis plusieurs années. Les noms des traducteurs sont indiqués dans les références bibliographiques.

¹⁶ *Condorcet M.-J.-A.-N. Abbozzo di un quadro storico dei progressi dello spirito umano / Introduzione, traduzione e note di M. Minerbi. Torino, 1969. Traduction en français de la préface par Chantal Moiroud.*

¹⁷ *Ibid.* P. 21.

En 1989, dans la longue préface à sa traduction de l'*Esquisse* intitulée «Condorcet et les conditions de régression et de progrès des origines à nos jours», Roberto Guiducci reprend l'idée de Minerbi: puisque «l'esprit humain» domine «les diverses histoires et devient un 'sujet' doté d'auto-conscience»¹⁸, le vocable désigne la forme la plus universelle de l'humanité. Le préfacier fait remarquer à quel point le terme «esprit» qualifie les expressions les plus universelles de phénomènes. Il rappelle que «l'esprit général de la nation» désigne les lois générales du développement historique qui découlent elles-mêmes des comportements d'ensemble de la société. Il souligne de même qu'en analysant le stoïcisme, Condorcet conclut: «Un seul esprit anime le monde: il est présent partout, même s'il n'est pas tout, même s'il existe autre chose que lui». Enfin Guiducci observe que dans la huitième époque de l'*Esquisse* Condorcet évoque l'esprit comme un sujet autonome: «L'esprit humain ne fut pas libre encore, mais il sut qu'il était formé pour l'être»¹⁹. Wilhelm Alff, le préfacier de la traduction allemande (1963 et 1976) analyse, quant à lui, l'idée d'humanité chez Condorcet comme «une idée régulatrice»:

Condorcet n'est jamais apologétique; il ne défend aucune nation en particulier, ni les droits d'aucune dynastie, ni la prérogative d'aucune classe, la moralité d'aucune église. Il ne cherche à démontrer l'existence d'aucun droit particulier, ni à justifier aucune revendication; il n'exige pas la restitution de provinces volées, ni la scission ni la réunion d'États. Il ne pleure pas la splendeur de villes en déclin, ni la gloire d'empires disparus. Une telle représentation de l'histoire ignore la notion de trahison. Pas plus la victoire manquée que la revanche à préparer n'est un sujet digne d'intérêt. Il n'y a ni bons ni mauvais peuples. Tout ce qui constituait communément l'histoire pour l'Européen des cent dernières années est étranger à Condorcet²⁰.

Les préfaciers portent donc leur attention sur la conception la plus universelle avec laquelle Condorcet appréhende l'histoire. Cette démarche leur permet d'introduire des analyses qui paraissent plus centrales dans le cadre de débats sur les droits universels de l'Homme.

La conception du droit naturel chez Condorcet n'est pas très développée par les auteurs des préfaces. La plupart du temps, ils prennent acte du fait que le philosophe partage la conception jus-naturaliste: il existe des normes naturelles du droit dont l'objectivité est à rechercher dans les caractéristiques propres à l'homme, ces principes universels étant supérieurs aux droits positifs

¹⁸ Guiducci R. Condorcet et les conditions de régression et de progrès des origines à nos jours // Condorcet M.-J.-A.-N. Quadro storico dei progressi dello spirito umano / Introduzione di R. Guiducci; traduzione e note di M. Augias. Milano, 1989. P. 37. Traduction en français de l'introduction par Chantal Moiroud.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Alff W. Condorcet und die bewußt gewordene Geschichte // Condorcet M.-J.-A.-N. Entwurf einer historischen Darstellung der Fortschritte des menschlichen Geistes / Hrsg. von W. Alff. Köln, 1976 [1ère édition Frankfurt am Main, 1963]. P. 20. Traduction en français de la préface par Anne Karila.

des nations. Dans son édition italienne de l'*Esquisse* (1974), Guido Calvi ébauche la genèse de cette conception du droit et fait du philosophe l'héritier de la pensée de Althusius, Grotius, Pufendorf, Bodin, Hobbes et Locke²¹. Mais la conception du droit naturel chez Condorcet se heurte à une double critique.

Guido Calvi, qui publie dans la maison d'édition Riuniti du Parti communiste italien, lit le philosophe des Lumières dans un cadre de pensée marxiste. Il essaie de montrer que la conception de l'histoire de Condorcet trouve ses origines dans les idées physiocratiques et dans une réflexion sur la marchandise. Il resitue le philosophe des Lumières dans le renouvellement du jus-naturalisme qui propose un cadre juridique à la propriété et à la conception mercantiliste de la liberté. Selon Calvi, idéologiquement le jus-naturalisme se rattache par conséquent au libéralisme éclairé. Sa préface à la traduction de l'œuvre de Condorcet est traversée par cette question²². Le point d'intérêt nodal est précisément «le renversement qu'il [le jus-naturalisme] exige dans la relation individu-société»²³. En effet, la fortune du jus-naturalisme s'explique, selon Calvi, par le renversement d'un ordre de priorité: on passerait d'une analyse des structures sociales, économiques et juridiques de l'État à l'étude de l'homme auquel sa «conscience permet d'identifier les instruments juridiques et politiques qui lui permettront de modeler la société»²⁴.

Cette critique de la théorie du droit naturel chez Condorcet réapparaît en 2005, toujours en Italie, mais dans un cadre idéologique résolument étranger au marxisme. Une édition propose la traduction de deux textes qui appartiennent au *corpus* de l'*Esquisse*: le dernier chapitre de l'œuvre («Des progrès futurs de l'esprit humain») ainsi que «Atlantide ou efforts combinés de l'espèce humaine pour le progrès des sciences». Signe des changements des temps, ces textes sont publiés aux éditions Silvio Berlusconi²⁵.

Dans sa préface, Mauricio Jalón étudie la place qu'occupe Condorcet dans la littérature critique italienne de la fin du XXe siècle. Il évoque les débats sur l'universalisme qui se sont déroulés au moment du bicentenaire de la Révolution française. Il fait valoir qu'à cette occasion le philosophe s'est trouvé au centre de la réflexion de deux ouvrages, celui de Jürgen Habermas, *Droit et démocratie. Entre faits et normes*²⁶, et celui de Tzvetan Todorov,

²¹ Calvi G. Saggio di un quadro storico dei progressi dello spirito umano // Condorcet M.-J.-A.-N. I progressi dello spirito umano / A cura di G. Calvi. Rome, 1974. Traduction en français de l'introduction par Chantal Moiroud.

²² Calvi écrit: «c'est ce qui nous intéresse le plus dans le cadre de cette introduction à l'*Esquisse*», – Ibid. P. 14.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 15.

²⁵ Jalón M. Introduzione // Condorcet M.-J.-A.-N. Frammento sull'Atlantide: Dei futuri progressi dello spirito umano. [Milano: Silvio Berlusconi editore], 2005. Traduction en français de l'introduction par Anne Getzler.

²⁶ Habermas J. Faktizität und Geltung: Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des Demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main, 1992. Voir la traduction en français par R. Rochlitz et C. Bouchindhomme: *Droit et démocratie: entre faits et normes*. Paris, 1997.

*Nous et les autres. La réflexion française sur la diversité humaine*²⁷. Selon Jalón, les propos respectifs des deux philosophes ont pour objet la conception française de la diversité humaine:

[Ces réflexions] tournaient [en 1989] autour d'un même nom: elles traitaient toutes deux avec une certaine ampleur des propositions de Condorcet. Dans un cas, pour déterminer les origines de l'idée de rationalité universelle, qui présentait de nombreuses failles, et avec la volonté d'élaborer un modèle d'application globalement acceptable. Dans l'autre, pour montrer les dangers d'un universalisme qui, déformé par les positivistes du XXe siècle, avait conduit en diverses occasions à une pensée ethnocentriste erronée et brutale; avec la volonté de jeter les bases d'un *humanisme bien tempéré*, capable d'éviter autant que possible les erreurs du passé. Un programme, donc, qui visait à reprendre les idées régénératrices des hommes des Lumières²⁸.

La référence à Condorcet est très diffuse chez Habermas où le philosophe n'est cité qu'une fois, alors qu'il fait l'objet de plusieurs développements dans l'ouvrage de Todorov. Il est important de rappeler ici son propos général. Todorov estime que le scientisme des Lumières s'enrichit avec Condorcet d'une conclusion qui concerne «la transformation du monde d'un agglomérat de pays en un État unique»²⁹. Le philosophe se fonderait sur un double postulat: 1) la nature humaine est partout la même, notre capacité rationnelle fait partie de notre nature, elle est donc également universelle; 2) la raison distingue le juste et l'injuste, c'est donc à la raison universelle qu'il incombe de formuler les principes de justice³⁰. Todorov conclut, en forçant le trait et en sur-interprétant la pensée de Condorcet, qu'une fois que tous les peuples seront pourvus des mêmes lois, la diffusion des Lumières poussera les nations à se rapprocher, elles se conformeront à la vérité, intensifieront tous les échanges et ne parleront plus qu'une seule langue.

Dans un troisième temps, les préfaciers passent de l'interrogation sur la conception du droit naturel à une réflexion sur la possibilité de construire un ordre social fondé sur des principes universels.

À partir des années 1960, lorsque les travaux mathématiques de Condorcet sont mieux connus, notamment grâce aux recherches de Kenneth J. Arrow sur le choix social³¹, un certain nombre de traducteurs de *Esquisse* s'emparent de ce rapport des mathématiques et du politique pour fonder une réflexion sur les procédures rationnelles susceptibles de stabiliser les socié-

²⁷ Todorov T. *Nous et les autres: La réflexion française sur la diversité humaine*. Paris, 1989.

²⁸ Jalón M. Op. cit. P. 80.

²⁹ Todorov T. Op. cit. P. 42.

³⁰ Ibid. P. 283–289.

³¹ Arrow K.J. *Social choice and individual values*: Dans sa préface à l'édition française, Arrow présente son ouvrage comme un retour aux sources de la mathématique sociale de Condorcet et des Lumières françaises: «Les premiers essais d'analyse rationnelle des divers modes de scrutin sont dus aux savants français du XVIIIe siècle, Borda et Condorcet, et c'est un plaisir de reconnaître cette dette» – *Idem*. *Choix collectifs et préférences individuelles*. P. 9.

tés³². On observe cette nouvelle donnée dès la préface de la traduction allemande (1963) dans laquelle Wilhelm Alff soutient que «les calculs ne sont pas un instrument de domination» et que «la prise en compte d'un grand nombre de facteurs a pour but la justice qui doit échoir en partage à tous les êtres»³³. Dans sa préface à l'édition hongroise (1986), Maria Ludassy, opposante au régime communiste, voudrait, grâce à une réflexion sur les procédures électorales fondées sur les mathématiques, «rendre impossibles les bluffs politiques» et faire apparaître «la nudité des idées depuis toujours dominantes»³⁴. Plus proche de nous, le sociologue croate Rade Kalanj publie en 2001 l'*Esquisse* dans un contexte d'après-guerre où il s'agirait de fonder une science de la société qui tendrait à soustraire le politique aux intérêts partisans. Il souligne que chez Condorcet «le déroulement rationnel des élections n'a rien de commun avec l'établissement d'un compromis entre les parties concurrentes ou les coalitions d'intérêts. Voter est, en réalité, la recherche collective de la vérité»³⁵. Kalanj va plus loin que le commentaire philosophique puisqu'il propose aussi au public, à la suite de sa traduction de l'*Esquisse*, les textes les plus importants que le philosophe a consacrés à ces questions³⁶.

À sa manière, Guiducci s'inscrit aussi dans cette même veine en faisant de Condorcet un précurseur de Ludwig von Bertalanffy et de la théorie générale des systèmes³⁷ comme outil démocratique:

Même la théorie des systèmes, bien que portée à un niveau plus avancé qu'à l'époque de Condorcet, ne saurait suffire à affronter les très graves contradictions du monde et de la société si elle ne devenait pas un instrument collectif et démocratique de projection et de contrôle. Dans le cas contraire, une nouvelle fois, ce serait des forces autocratiques qui pèseraient <...>³⁸.

³² Outre le *Discours préliminaire de l'Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix* déjà cité, voir aussi son *Discours de réception à l'Académie française* (1782): Baker K.M. Condorcet's notes for a revised edition of his reception speech to the Académie française // SVEC. 1977. Vol. 169. P. 19.

³³ Alff W. Op. cit. S. 19.

³⁴ *Condorcet M.-J.-A.-N. Az emberi szellem fejlődésének történelmi vázlat / Az előszót és a jegyzeteket írta M. Ludassy. Budapest, 1986. P. 50. La traduction en français de la préface est de Jean-Léon Muller.*

³⁵ *Idem. Nacrt povijesnog prikaza napretka ljudskog duha: O izborima i drugi spisi / Preveo S. Rahelić; izbor R. Kalanj, R. Knežević. Zagreb, 2001. P. 19. La traduction en français de la préface est de Maria Béjanovska.*

³⁶ *Le Discours préliminaire de l'Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix* (1785), *Sur la forme des élections* (1789), et le *Tableau général de la science qui a pour objet l'application du calcul aux sciences morales et politiques* (1793).

³⁷ *Bertalanffy L. von. General System theory: Foundations, Development, Applications. New York, 1968; édition révisée, 1976, trad. française par J.B. Chabrol: Théorie générale des systèmes. Paris, 1973. R. Guiducci (op. cit. P. 93) écrit: «Et c'est encore Condorcet qui a le premier pressenti, de façon encore élémentaire sans doute, le rôle de la théorie des systèmes comme instrument d'évaluation des effets à la fois positifs et négatifs d'une cause».*

³⁸ *Guiducci R. Op. cit. P. 94.*

Les quelques exemples évoqués permettent de constater à quel point une œuvre des Lumières peut occuper une place centrale dans la réflexion philosophique et politique contemporaine. Les préfaces analysées témoignent aussi, à une échelle réduite, de l'évolution de la pensée et de la critique occidentales sur les Lumières. Rien ne forçait les auteurs à accomplir un tel détour par cette œuvre ni cette période. Ne peut-on en conclure que les Lumières ne sont pas notre passé?

Жан-Пьер Шанделер

**Кондорсе: универсализм Просвещения под вопросом
(1963–2008)**

Состояние мира, как и обновление историографических практик, – достаточно веская причина для того, чтобы вновь обратиться к эпохе Просвещения. Универсальные принципы этого течения (неотчуждаемые права человека, демократия, свобода, равенство, религиозная терпимость, прогресс и т.п.) сталкиваются в глобализирующихся обществах с противодействием националистов, желанием вернуться к самобытной идентичности, с политико-религиозными конфликтами и защитой сугубо частных интересов, иногда маскируемой государственными соображениями.

Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума Кондорсе долго считали «завещанием» эпохи Просвещения. Ряд переводов этого сочинения, выполненных на протяжении XX – начала XXI в. и по большей части публиковавшихся в годы острых национальных или международных кризисов, а также предисловия и послесловия к ним позволяют оценить тот смысл обращения к Просвещению и к универсальным ценностям, который им придают (или ставят под сомнение) их авторы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ВСЕОБЩЕЕ

RICHARD WORTMAN

THE ENLIGHTENMENT IN RUSSIAN REPRESENTATION AND RULE

In recent decades the study of the Enlightenment has focused on local, or national expressions of what has been acknowledged to be an international movement of thought emphasizing the spread of reason, knowledge – «daring to know», tolerance and natural law. The word «Enlightenment» conveyed a spirit of criticism, a questioning of both religious beliefs and institutions that encouraged reform and in its later more radical variant, revolution, but arising within the institutions and social structures and political cultures of the individual states. Context played a decisive role. The influence of the *philosophes* extended throughout Europe, but in each country it reinforced particular tendencies: the Scottish, the philosophical inclinations of university professors and speculative philosophy, the French, the political questioning of intellectuals and writers facing a stagnant political reign, in Prussia, the reform inclinations of journalists and officials supporting the efforts of Frederick the Great to raise the intellectual level of state officials, in Austria, concerns about the educational levels of the Catholic clergy¹.

In Russia, as in Europe, Enlightenment thought enhanced the influence and power of ascendant elements in society and government, which in Russia were the Russian monarchy and the Russian state order. It shaped both the forms of legitimation and the dominant narratives – the scenarios – the imagery, the symbols, of the emerging absolute state. As such, the monarchs' claims to higher universal truths embodied in natural law and the writings of its proponents became the bases of claims to transcendence and absolute

© Richard Wortman, 2018

¹ On the varied national forms of the Enlightenment see the pioneering work: *The Enlightenment in National Context* / Ed. by R. Porter and M. Teich. Cambridge, 1981, especially p. 1–53, 106–117, 118–126, 127–140.

power that unfolded in their enactments of myth that elevated their power, their scenarios. Victor Zhivov wrote of Catherine's *Nakaz*, «Like state ideology in general, the *Nakaz* entered the sphere of myth and fulfilled a mythological function. It was an attribute of the monarch establishing universal justice and creating harmony in the world»². The presentations and elaboration of the myth in turn provided a powerful impetus to shape Russia in the image of ideals, discovered and to a degree exemplified in Europe, through education, law, and institutional reform.

Enlightenment entered in to the sphere of myth, what I call the European Myth, which took the form of a narrative of conquest dramatized by Peter the Great³. Peter appeared as a figure from abroad bringing more advanced forms of culture, law, and rule. Peter celebrated his military victories with Roman style conquests in European dress, which marched through Moscow to the amazement of the local population. The word *torzhestvo* means triumph, as well as the Roman triumph, and carries the connotation of exultation in domination, conquest, subordination, which could evoke admiration and worship. Peter's entry to Moscow on September 30, 1696, celebrating the victory over the Crimean Tatars at Azov was festooned with classical imagery, figures of Hercules and Mars⁴. Inscriptions touted the extent of his achievements with the words of Julius Caesar, «I came, I saw, I conquered», and with the victory of the Emperor Constantine. Peter thus brought Renaissance spectacle to Russia, following the examples of the emperor Charles V and king Henry IV of France.

Though Russian, he played the role of an outsider, and legends circulated that he must be a Swede. In this respect, symbolic change was anterior to political and social change. The advent consecrated his power in the sense noted by the anthropologist, A.M. Hocart: conferring dominion upon the ruler as military leader, *imperator*⁵. Ceremonial spectacles surrounded his power with the stage effects of the battlefield. Displays of fireworks, often staged by Peter himself, demonstrated the conquests of the heavens. Engravings, executed mostly by western masters, lifted his achievements into the category of Western monarchs⁷ – panoramas of battles, images of the young Peter, without beard as commander in armor – created a mythic history of his reign. Several carried the title *imperator* long before its official adoption in 1721.

The elevation of the ruler as the bearer of reason set him above particular interests, one who could both maintain the security of the state and bring

² Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения: Россия и Франция: Випперовские чтения – 22. М., 1989. С. 150.

³ See: Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, NJ, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. P. 4–10, 42–80. See also the Russian edition of this book: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 17–28, 68–80.

⁴ For a more detailed account of Peter's imagery of conquest see Ibid. P. 42–47.

⁵ Hocart A.M. Kingship. London, 1969. P. 86–89.

order and law to the governmental institutions of Russia. The ideological formulations of Russian absolutism drew on concepts of rationalism and the state economy propounded by Hugo Grotius, Samuel von Pufendorf, Christian Wolff, and others. A memorandum to Peter the Great attributed to Leibniz reads «God as a God of order rules everything wise and in an orderly manner with his invisible hand. The Gods of this world, or the likenesses of God's power, (I am thinking of absolute monarchs), have to establish their government in accordance with this order if they wish to enjoy the sweet fruits of a flourishing state for their great efforts»⁶.

Peter's laws introduced the ethos of the secular, enlightened state, which cast the ruler and the state as guardians of the «general welfare». The preambles to Peter's westernizing reforms of the Russian state and Russian culture, the historian M.M. Bogoslovskii noted, always referred to the principle of reason⁷. In his laws, Peter argued: he explained why a given statute would work to the benefit of Russia, the *obshchee blago* or *obshchaia pol'za*. The principle of utility turned the monarch into the savior of his people, enhancing his charisma as a figure from beyond who wrought prodigies, creating a facsimile of transfiguration, as Ernest Zitser has shown, a «Transfigured Kingdom»⁸.

Monarchs in early modern Europe endeavored to establish permanent fundamental laws of hereditary succession that would provide continuity and order to the development of the absolutist state. Peter's successors rather followed his example in their heroic efforts in behalf of the general will to break with the past in order to attain the welfare of the realm. Succession in Russia occurred not by accepted tradition and law, but by assertion of prowess and efficacy at the outset of each reign, dramatized in ritual and representation showing the ruler as conquering hero dispensing with the past and introducing a new rational order, the agent of prodigies working to secure and advance the Russian state.

Peter's succession law of 1722 fixed the principle of utility as the basis of succession. The heir, Alexei Petrovich, had proved himself unfit to work for the benefit of the state. Rather than regulate the succession according to heredity, Peter openly subordinated the principle of heredity to the well-being of the realm, determined by the untrammelled will of the rational legislator. He decreed that «the ruling tsar always have the freedom (*volia*) to designate» «whom he wishes and to remove the one who has been designated». In so doing, he claimed to act as the defender of «the integrity of the state»⁹.

In the name of law, Peter's edict was a signal demonstration of the supremacy of the unrestrained imperial will, which caused consternation and

⁶ Cited in Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT, 1998. P. 109.

⁷ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 1–13.

⁸ Zitser E.A. The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY, 2004.

⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3893 (February 5, 1722).

prompted criticism both in Russia and Europe. In response, the Archbishop Feofan Prokopovich wrote the tract *The Law of the Monarch's Will* (*Pravda voli monarshei*) in order «to disabuse foreigners of their false opinion of our people and to give them reason to think better of us», «thus the whole civilized world is our witness»¹⁰.

Prokopovich invoked the natural law theory of an original contract that assured the sovereign the consent of his people to rule for their welfare in perpetuity. Authority, he made clear, was not imposed by force, but produced submission, and submission was the sign of the monarch's legitimacy. He wrote, «It should be understood that the royal house wields the scepter not as something usurped by force, but as conferred on it by the general will of the people: for the people itself by its voluntary submission, shows that such is its will»¹¹. Nor was the ruler bound by his own laws. He wielded «that power which itself is not subject to any laws whatsoever», Prokopovich wrote, citing Hugo Grotius¹².

The consent of the people Prokopovich referred to was demonstrated not by elections or consultation with administrative bodies, but in celebration and ceremony accompanied by acclaim, admiration, even worship – the emulation of the «representative culture» of European absolutist monarchs, described by Jurgen Habermas, and T.C.W. Blanning – a culture exemplified by Louis XIV, where, Blanning writes, «the representational display expressed in palaces, academies, opera houses, hunting establishments, and the like was not pure self-indulgence, nor was it deception; it was a constitutive element of power itself»¹³.

After Peter's death in 1725, the uncertainties of the succession gave rise to public reaffirmations of consent in ceremonies and festivities – organized acclamations ratifying post facto the outcomes of court intrigue and coups enacted by the guards regiments. Energetic displays of loyalty to new monarchs, initially performed by the guards' regiments, pronounced words that conveyed the charisma of their rule, representation prevailing over ordered procedure. The show of force set them in the Petrine myth: seizing the throne in order to advance the utility of the realm. The demonstration of force proved a symbolic requisite of enthronement, revealing the empress as the possessor of unbridled authority – one who had the power to act in behalf of the general good without regard to the scruples of the previous ruler or cliques.

¹⁰ *Lentin L.* Peter the Great: The Law on the Imperial Succession: The Official Commentary. Oxford, 1996. P. 27, 127, 133–134.

¹¹ *Ibid.* P. 204–207.

¹² *Ibid.* P. 187.

¹³ «On representative culture» see: *Blanning T.C.W.* The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe 1660–1789. Oxford, 2002. P. 59 and passim; *Habermas J.* The Structural Transformation of Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge, MA, 1989. P. 7–10.

Each seizure of power, therefore, was publicly enshrined in public statements and displays as a heroic act. Accession manifestos justified the coup, the empress appeared at the head of guards' regiments, paintings glorified the show of force. The empresses ascending the throne presented themselves as the perpetuators of Peter's work of transformation, maintaining an image of reforming tsar¹⁴. The myth of renewal, of *renovation* endowed the victor with the aspect of a goddess descendant, inaugurating an age of gold. Her triumph was confirmed by the expression of consensus of the noble elite in a process that Cynthia Whittaker has described as an «etiquette of accession»¹⁵.

With her accession in 1762 of Empress Elizabeth Petrovna promised to restore the glory of her father's rule, and in terms of a myth of conquest elaborated in the imagery and rhetoric of the Enlightenment. After leading guards regiments in a coup d'état, she appeared astride in the uniform of the Preobrazhenskii Guards. Olympian scenarios presented the symbolic and artistic forms that reconciled the antinomies of conqueror-conserver, turning the conqueror into the bringer of the era of tranquility, cultivation, and grace. The androgynous image of Minerva fused the violence, upon which the authority of the monarch rested, with classical reason and wisdom and identified the Russian empress with the royal figures glorified as denizens of Olympus in the West. In this respect, eighteenth century empresses served as symbols of western culture and taste. They exemplified the dominant feminine imagery of western courts of the eighteenth century. In Paris, aristocratic women held salons and received amorous praise. At Versailles, the mistresses of Louis XV, and later Marie Antoinette wielded considerable influence. In Petersburg, empresses employed western tastes and manners as signs of imperial rule, receiving the deference of their servitors' praise and imitation.

Elizabeth Petrovna's coronation assumed a new amplitude. The entry into Moscow, the solemn processions to and from the cathedral, the banquet in the Hall of Facets were inspiring shows of solidarity of all the ranks of the state – the *vel'mozhi* of the Senate and the court, the officials in the colleges –with the monarch and her allies in taking the throne. The conquest was celebrated as a glorification of the existing social hierarchy, now ostensibly renewed by deliverance from the despotism of the previous reign. The prolonged celebrations following the religious ceremonies provided strenuous, often feverish shows of acclamation by the elite for a monarch dedicated to the well-being of Russia as they understood it.

The odes of Michael Lomonosov and Alexander Sumarokov presented these shows of adulation as a collective ritual. The individual voice of the poet expressed the collective «we» of Russia, *Rossiiia*. Lomonosov's ode of

¹⁴ Whittaker C.H. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL, 2003. P. 33–58.

¹⁵ Ibid. P. 60–65.

1742, on the occasion of victory over the Swedes, evoked the joy of the elite at the coming of «the age of gold». The Monarch, the Goddess, drives away the storms and clouds and brings the spring,

<p>She resurrects the universe, Renews nature for us, Covers the fields with flowers again: And so kindness and love, And the bright gaze of Peter's daughter Enlivens us with new life.</p>	<p>Вселенну паки воскрешает Натуру нам возобновляет Поля цветами красит вновь Так ныне милость и любовь, И светлой дщери взор Петровой Нас жизнью оживляет новой¹⁶.</p>
---	---

The sun breaking through the clouds is hailed with choral approval from the empire and the world – what L.V. Pumpianskii called Lomonosov's «rapture over the West», which «turned into rapture over oneself as a Western country»¹⁷. Metaphor created analogies that presented Elizabeth as the equivalent of western monarchs. Poets placed her in the classical pantheon along with European royalty. In their odes, the Christian God ruled a pagan pantheon. Lomonosov has God on Mount Olympus address the empress as «the Russian Goddess», to whom he had entrusted «thunder» to defeat the Swedes. Elizabeth became as it were God's own icon: «Peoples will worship My image in you», the Lord says¹⁸. Lomonosov's God was a secular force. God had poured his soul into the empress, who would bring justice and felicity to Russia, an image that celebrated the rite of self-crowning, which Elizabeth introduced to the Russian coronation¹⁹.

The Russian court performed allegories of a political Olympus where the ruler, joining the company of European monarchs, bestowed benefactions upon his or her subjects. It presented what Stephen Baehr has described as «an ideal world where man can control his fate and harness the natural forces of the world to give him an ideal life»²⁰. The empresses appeared as heroines delivering and showering their bounty on the people, not helping to redeem sins or to ensure an afterlife. The «iconography of happiness» was expressed in pageants, like those of Renaissance England, that portrayed the empress as the epitome of the virtues. The resemblance is hardly accidental. In both

¹⁶ Ломоносов М.В. Ода на прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации // М.В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. VIII. С. 96.

¹⁷ Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма: (Поэтика Ломоносова) // Контекст 1982: Литературно-теоретические исследования. М., 1983. С. 310.

¹⁸ «Мой образ чтят в тебе народы <...>» – Ломоносов М.В. Указ. соч. М., 1959. Т. VIII. С. 85.

¹⁹ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987. С. 125–130.

²⁰ Baehr S.L. «Fortuna Redux»: The Iconography of Happiness in Eighteenth-Century Courtly Spectacles // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons / Ed. by A.G. Cross. Newtonville, MA, 1979. P. 110.

cases, classical imagery strengthened the legitimacy of female monarchs whose rights to the throne were fragile.

But the absolutist ceremonies of the Renaissance and Baroque were not mere repetitions of dead European forms. They conveyed contemporary, Enlightenment meanings necessary to the elevation of the empresses' image. The «happiness» in official rhetoric expressed the eudaemonistic ethic of the Enlightenment. By promising the felicity of her subjects, the Russian empress defined herself as a European monarch. The nobility in turn, understood service as the realization of the idea of Enlightenment, of acting for the general good. In an era when, Jean Starobinski has observed, «pleasure became the universal justification», ceremonial displays of pleasure, indicating general «happiness», gave public confirmation to the monarch's devotion to western conceptions of the general good²¹.

Yet it was not only celebration that Elizabeth preserved the spirit of Peter's reign. The historian Sergei Soloviev wrote that Russia found herself in Elizabeth's reign. The restoration of the Senate and other Petrine offices indicated the intention to maintain a continuity of state institutions based on Peter's legislation. Efforts at codification of the laws continued, and the principle of advancement by merit was reaffirmed, even if honored more often in the breach. The government established banks for the advancement of trade and agriculture, and, at the instance of Peter Shuvalov, eliminated internal tariffs. Most important the spirit of reform persisted, paving the way for changes introduced after her death. Powerful noblemen like Shuvalov drafted projects for new laws that advanced «state interest», based on western ideas.

In the sphere of Enlightenment Elizabeth's reign prepared the way for the development of thought later in the century. She was poorly educated and lacked intellectual interests. But many of her favorites, among them Ivan Shuvalov, Peter Shuvalov's brother, and Nikita Panin read the works of the *philosophes*, and conceived of a monarchy based on law, staffed by officials who gained their positions on the basis of merit. It was Ivan Shuvalov who persuaded the empress to agree to the establishment of Russia's first university, Moscow University, in 1755. With the encouragement of Nikita Panin, a group of intellectuals and writers formed at the university to pursue ideas of Enlightenment reform. Elizabeth appointed Panin tutor to the son of the heir, Paul Petrovich. In other areas as well intellectual westernization quickened during Elizabeth's reign. The first scholarly and intellectual journals began to appear, with small circulations to be sure, but harbingers of things to come. «A new generation was prepared, trained in different rules and customs from those dominant in earlier reigns», Soloviev wrote. These noble intellectuals

²¹ Baehr S.L. *The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford, CA, 1991. P. 58–60; *Idem*. «Fortuna Redux»; Starobinski J. *The Invention of Liberty, 1700–1789*. New York; Geneva, 1987. P. 53–56.

would become prominent after Elizabeth's death, a generation «that made the reign of Catherine II renowned»²².

The theme of deliverance contained the promise of betterment and reform, the approximating of the western ideals, symbolized by the figure of Minerva. Panegyrics of her reign presented a goddess of war, but war tempered with wisdom and understanding, and striving toward peace. On Elizabeth's name day in 1747, a display of fireworks illumined Minerva in her Temple «signifying the great wisdom of Her Majesty», and at the sides «symbolic representations of peace and war». Lomonosov wrote an inscription:

You shine with peace and war in the southern realms, And so you increase your people's merriment. To You, Our Minerva, we fervently bear The radiance of joyous lights <...>.	Ты миром и войной в подсолнеч- ной сияешь И тем людей своих веселье умно- жаешь. Тебе с усердием, Минерве мы своей, Приносим радостных сияние огней <...> ²³ .
--	---

In the course of her reign, Elizabeth took on Minerva's peaceful qualities as the protector of science and embodiment of civic virtue. The beneficent aspects were a prominent theme of the panegyrics of her last years. Lomonosov wrote in 1758 in his poetical translation of the congratulatory address to the empress by Johann Georg Bock, professor of Königsberg University,

As Minerva's Helmet shines on Your head, The hand of Science protects with Her shield.	Как на главе твоей Минервин шлем сияет, Ее щитом рука Науки покрывает ²⁴ .
---	---

* * *

At her accession, Catherine II staged her own drama of conquest. As an outsider, a usurper to be specific, she seized power at the head of guards' regiments displaying, even flaunting her foreign origin. Her accession

²² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Т. 12. С. 638–639.

²³ Ломоносов М.В. Надпись на иллюминацию, представленную перед летним домом Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны в торжественный день тезоименитства Ея, 1747 году, где изображена была Минерва в храме, значащая премудрость Ея Величества, по сторонам символическия изображения мира и войны и протчая // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 194.

²⁴ День во веки преславный коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, именем Кенигсбергской академии с глубочайшим благоговением торжественно почтенный от Иоганна Георга Бока, профессора Кенигсбергского университета и Академии наук члена: Перевод с немецкаго языка // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8. С. 643.

manifesto justified the coup on the basis of utility, the preservation of the realm. The manifesto of July 6, 1762, painted Peter III's reign in the darkest of colors. Monarchical power «unbridled by kind and altruistic qualities turned into evil with destructive consequences», the manifesto declared. The fatherland trembled seeing «a Sovereign and ruler who slavishly obeyed all his passions <...> before he began to think of the well-being of the state entrusted to him»²⁵. Her achievement was displayed in paintings, hung prominently, which depicted her riding astride in guards' uniform and receiving acclamation before from the regiments that had lifted her to power²⁶.

Baroque artistic and literary tropes elevated Catherine's image to godlike realms. The Enlightenment took form in the hypostases of Catherine as Minerva, a symbol both of war, exemplified on the coronation medal as a fierce goddess in helmet, and as a wise Catherine leading the virtues in a street masquerade, *Minerva Triumphant*. The consent of the people was displayed on the reverse side of the medal, showing her receiving the crown from a kneeling allegory of Petersburg, and in demonstrations of the love of the people at the many celebrations described in official texts.

Catherine early made known her persona as the legislatrix, who brought the benefits of reason to her subjects through the instrumentality of the laws, the natural law of the *philosophes*. In Moscow in 1767, amidst great pomp, she assembled a commission to codify Russian laws, and for that purpose composed her *Instruction*, the *Nakaz*, based on Enlightenment principles mainly of Montesquieu and Beccaria. As Zhivov observed the Enlightenment appeared in Russia in the representations of imperial myth that presented the monarch's mission to serve the general welfare and state power.

The commission Catherine convened in Moscow in 1767 to codify Russian law issued an «Act, signed by the Departments, elected from all callings (*zvaniiia*) of the Russian people for the composition of a new Code» which the legal historian Oleg Omel'chenko has described as «a supplementary “public” (*obshchestvennaia*) coronation». The Act repeated the acclamation of the event and praised Catherine for righting all the wrongs – illegality, financial ruin, and the dishonoring of Orthodoxy that she had attributed to Peter III. After her accession,

A wondrous change took place! Happiness broke through the fog of sorrows!
Despair in the heart gave way to the sweetest hopes! <...> Everywhere the
courage and altruism of the Most Kind Sovereign were glorified <...> We can
enumerate Her good deeds: injury and disorder were corrected and ended. Our
Orthodox faith is triumphant and beholds a Monarch giving Her subjects an

²⁵ Оснадцатый век: Исторический сборник / изд. П. Бартевым. М., 1869. Кн. IV. С. 217.

²⁶ On the use of coronation medals to legitimize the accession of female rulers see: *Sashalmi E.* The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation: Iconographic Analysis of the Coronation Medals of Four Empresses: Catherine I (1724), Anne (1730), Elizabeth (1742) and Catherine II // *Russian Studies in History in the 21st Century: Materials of the Tenth International Conference at the Centre in Budapest, May 18–19, 2015.* Budapest, 2017. P. 157–168.

example of piety. Justice (*pravosudie*) reigns with Her Majesty on the Throne. Altruism dwells in Her soul and unceasingly softens the severity of the laws. Vices disappear, and their roots are severed <...>²⁷

The *Nakaz* was conceived in the spirit of Eunomia, the Greek goddess of Law and legislation. Article 521 gave expression to Catherine's vision that the code would «render the People of Russia, humanly speaking, the most happy in themselves of Any People on Earth», an intention widely allegorized in poetry and painting. Her break with the past reflected an Enlightenment faith in a ruler who could reform the administrative system on the basis of fundamental laws determined by reason. Codification did not take place, but many articles of the *Nakaz* assumed the force of law and the work of the Commission served as a basis for later attempts at codification.

From Catherine the Great through the reign of Nicholas I, the Russian ruler strove to appear as the champion of legality and to incorporate the advancement of the law into the imperial myth. Legality and law elevated the image of enlightened ruler as transcendent absolute monarch. Catherine was extolled in verse and depicted in paintings as an emanation of Minerva, and as the successor to Numa and Solon – one who would bestow an Enlightenment system of law on Russia.

On many occasions, she reaffirmed the logic and often the words of Peter's succession law, basing her absolute power as vital to the preservation of the integrity of the reign. While working on a project of state law in 1787, she turned to a close examination of Peter's succession law and the *Pravda Voli Monarshei*. Elena Marasinoва has described the project as her version of Prokopovich's *Pravda Voli Monarshei*. Catherine's article stated, «The absolute and legislative power (*samoderzhavnaia i zakonodatel'naia vlast'*) of The Imperial Majesty exists and is preserved for the sake of the integrity of the empire and of the security of the empire and each of its subjects»²⁸.

* * *

Aside from the effort at codification, Catherine's legislative achievements took place before a backdrop of expansion to Russia's south, incorporating the Black Sea littoral and Crimea as well as parts into the empire, exploits dramatized by poets evoking comparisons with Greece and Rome and painters allegorizing her as Minerva. These achievements gave substance to the imperial myth of the ruler of savage peoples – what Zhivov describes as the «ethnographic myth» of empire: «In geographical space the monarch emerges as the hypostatization of Mars, while in ethnographic space, the

²⁷ ПСЗ. Т. XVIII. № 12978 (27.09.1767). С. 350; Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фэмис: Ежегодник истории права и правоведения. М., 2007. Вып. 7. С. 35–36.

²⁸ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 177–178.

monarch appears as the hypostatization of Minerva»²⁹. As her empire grew, Catherine's endearing manner expressed the unity of native elites with the throne in idealized form. The personal devotion to the sovereign and the adoption of her westernized culture, Andreas Kappeler has concluded, became the principal bond uniting the various nationalities of empire³⁰.

Operas she wrote late in her reign glorified her rule and her conquests as the monarch summoned from abroad to make Russia the successor to ancient Greece. In 1786, after victories over Turkey, J.J. Eschenburg's German translations of Shakespeare inspired her to write two operas with historical themes, *From the Life of Riurik*, and *The Primary Reign of Oleg*³¹.

The Life of Riurik recounts the founding episode of the Russian state – the summons by the leaders of Russian tribes to the Varangians under years 860–862 in the Russian Primary Chronicle, «Our land is great and rich, but there is no order in it. Come to rule over us». Catherine's drama glorifies Riurik, the first Russian prince, as a model of decisive action and efficacy. Riurik proves an energetic and able ruler in contrast to the Russian princes, who squabble amongst themselves and seem unable to exercise forceful rule. «Reason and courage overcome difficulties and obstacles», says his stepson, Askold. Riurik proclaims, «My concern is to rule the land and to administer justice <...> for that reason I am dispatching the princes accompanying me as authorities to the towns», a step recalling Catherine's provincial reforms of the previous decades. The plot dramatized the conquest motif of foreign rule according to the «Norman interpretation», which repeated Catherine's own ascent as a foreign ruler taking power at a moment of political turmoil. The action also substantiated a premise of Peter's Law of Succession: that an heir to the throne should be appointed by the reigning monarch according to qualifications rather than determined by hereditary right³².

Riurik was never performed. On the other hand, Catherine took great pride in *The Primary Reign of Oleg (Nachal'noe upravlenie Olega)* which evoked an imagined historical basis for the conquest of the Black Sea littoral and the «Greek project», auguring a conquest of Constantinople and the rebirth of classical Greece. Catherine staged lavish operatic productions of *Oleg* in 1791 and 1795, and had three editions of the text published³³. The word, *nachal'noe* carried the connotation of foundational, primary as in the *Primary Chronicle – Nachal'naia Letopis'* – not «early» as it has been translated; indeed the events described took place in the middle, not the beginning of

²⁹ Живов В.М. Государственный миф в эпоху Просвещения. С. 154.

³⁰ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992. S. 135–138.

³¹ O'Malley L.D. The Dramatic Works of Catherine the Great: Theatre and Politics in Eighteenth-Century Russia. Aldershot, 2006. P. 12; *Екатерина II. Сочинения...* / На основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. II. С. 219, 259.

³² O'Malley L.D. Op. cit. P. 140–142; *Екатерина II. Сочинения...* Т. 2. С. 232, 241–242.

³³ O'Malley L.D. Op. cit. P. 209.

Oleg's reign (882–912)³⁴. Specifically, it presented Prince Oleg's invasion of Constantinople, recorded in the *Primary Chronicle* under the years 904–907 and the capitulation of the Byzantine Emperor Leo as establishing the foundation of Russian culture in Greece. Not religious Byzantium but pagan Greece appeared in *The Primary Reign of Oleg*. The Greek city states, Sparta and Athens, replaced Orthodox Byzantium as the source of a Greek cultural heritage for Russia.

Encouraged by Voltaire, Catherine had become entranced with Russia's destiny as successor to ancient Greece, which would place Russia at the forefront of European Enlightenment. «The Greek Project» not only justified and glorified the expansion to the south: it evoked a mythical landscape that Catherine and Potemkin believed they conquered and ruled. In 1774, they established a School for Foreign Youths in Petersburg for young Greek men, which in 1777 moved to the newly acquired Kherson on the Black Sea. Sites in the new territories received new names – Khersones, after the Greek, Khersones, Odessa after Odysseus; Tauris, the Greek name for the district of the Crimea. The imperial theme was displayed repeatedly during Catherine's journey through the conquered lands in 1787. The newly-founded city of Ekaterinoslav was to be a counterpart to Petersburg, a perfect imperial city, to show the monarch's creation of a realm of cultivation and political order in Russia's south, an enlightened «new Russia»³⁵.

* * *

Most important Catherine's elaborate symbols and imagery did not remain in the realm of the imagination. They inspired her to devote herself to reform, the conquest myth put in the service of transforming institutions and particularly the Russian nobility. Her vision of a Russia governed by law led her to introduce legislation that established a system of courts separate from administrative institutions and to encourage an officialdom capable of enforcing the laws – institutions of the European *Polizeistaat* that were lacking in mid-eighteenth century Russia. Catherine reorganized central state institutions, particularly abolishing most of Peter's colleges, dispersing their functions to newly created local bodies in newly established provinces and reorganizing the governing Senate. She established new estate organs of local noble government that instilled a nascent sense of noble identity³⁶. Her faith in education brought the beginnings of a national educational system, plays

³⁴ The word is also used in article 603 of Catherine's *Nakaz*, «*nachal'nye osnovaniia*» translated as «first foundations», *Словарь русского языка XVIII века*. Л., 1984. Вып. 14. С. 101; *Reddaway W.F.* Documents of Catherine the Great. New York, 1971. P. 303. I thank Andrei Zorin and Ernest Zitser for their advice on this question.

³⁵ *Панченко А.М.* «Потемкинские деревни» как культурный миф // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 93–104.

³⁶ *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, CT, 1983. P. 222–230.

that taught manners and virtue, and an inchoate journalistic discourse that resembled the discussions in Central and Western Europe that spread the spirit of Enlightenment.

In many respects her contributions lived on. After the troubled reign of Emperor Paul, Catherine's grandson Alexander I took up the cause of elevating the throne, now under the influence of later generations of *philosophes* who took the original contract not as mythical legitimation, but as a justification of popular sovereignty. His mentor Frédéric César La Harpe had taught him the notion of «true monarchy», according to which the sovereign ruled, but only on the basis of fixed immutable laws. The French revolution had proclaimed the principle of popular sovereignty to challenge absolute monarchy, throwing doubt on the possibility of increasing the happiness of the people without the participation of the people themselves. The absolute monarch's attainment of the Enlightenment ideal now presaged the end of absolute monarchy.

The immediate reaction after Alexander's accession was relief and even euphoric. But the presentation of the act of deliverance lacked the exalted overtones of the previous century. Alexander found the elaborate ceremonial presentations of the previous century tedious and useless. He appeared as «a human being on the throne» as an ode of Derzhavin had exhorted him in his ode on Alexander's birth. But a Russian emperor could hardly appear as a mere human being, any more than he could easily share power with his subjects. The office demanded elevation, and Alexander's person found its idealization in the metaphor of the angel, evoked in Nicholas Karamzin's accession ode,

You shine like a divine angel
With goodness and beauty,
And your first words promise
Catherine's golden age.

Как ангел божий ты сияешь
И благостью и красотой
И с первым словом обещаешь
Екатеринин век златой <...>³⁷

Alexander's modal feeling was friendship. Announcing the end of the rift between emperor and nobility, Karamzin's ode declared that Alexander would surround himself with «friends, Russia's best sons». Friendship was more discriminating than love: it indicated a special affinity, singling out those who shared feelings and ideas with the monarch, like his «young friends». With its members, in June, 1801, he formed an «Unofficial Committee» to consider plans for reform, which ostensibly would be announced at his coronation in September. The coronation would present and consecrate the image of self-abnegating monarch who accomplished the greatest act of heroism, surrendering his unlimited power for the good of his people.

The most radical of the Committee's proposals was the project for a *Charter of the Russian People*, a Russian version of the *Declaration of the Rights of*

³⁷ Карамзин Н.М. Его императорскому величеству Александру I на восшествие на престол // Карамзин Н.М. Стихотворения. Л., 1966. С. 261–264.

Man, which the members adapted from a project drafted by Count Alexander Vorontsov. In the opening article, the emperor vowed never to violate the terms of the charter. The *Charter* not only confirmed Catherine's Charter of the Nobility, but extended to all citizens the right to property, and freedom of thought, speech, religion, and action. It promised reform of the courts and the laws and announced the principles of innocence until proven guilty and habeas corpus. It even gave recognition to the principle of popular sovereignty. «The principle of all supreme power is found essentially in the nation. (*natsiia*)»³⁸.

The projects introducing the reforms were to be unveiled at the tsar's coronation in September 1801, but the expected announcement did not ensue. In the interim, several members of the committee expressed apprehensions. Nikolai Novosil'tsev warned that laws that did not issue from the tsar at the present time would be regarded as acts of violence for they would not bear «the sacred character that obliges the people to obey». La Harpe, added his voice of caution. In a letter to the emperor, he asserted that the Senate proposal «left the monarch only with the name [of monarch]». He exhorted Alexander «in the name of your people, preserve as inviolable the authority bestowed upon you, which you want to use for its supreme good. Do not allow yourself to be deterred by the aversion that unlimited power arouses in you». He urged him to show the courage to preserve his power «entirely and indivisibly», for the moment when it was necessary for «energetic government»³⁹.

Yet Alexander continued to pursue the goal of a Russian constitution, assisted and inspired by his State Secretary Michael Speranskii, who advanced that goal in a project of 1809. «A Russian constitution will come about not as a result of inflamed passions and extreme circumstances but by the benevolent inspiration of the supreme power, which, organizing the life of its people, can and has all means to give them the most correct forms»⁴⁰. In the meantime, Alexander and Speranskii sought to reform and rationalize the central administration. For the members of the Unofficial Committee, Marc Raeff has shown, the notion of constitution, took on the late eighteenth century sense of *l'esprit de système*, systematic, legal government. During its deliberations, the Unofficial Committee entertained an Enlightenment eudomonaestic ideal of achieving the happiness of subjects through forceful and rational reorganization imposed from above. Its means was to be «administrative regulations», expressing the will of the sovereign and not the particular interests of groups in society⁴¹.

Their reform followed the French model of a ministerial system, adopted after the French Revolution and institutionalized by Napoleon. The project

³⁸ Raeff M. *Plans for Political Reforms in Imperial Russia*. Englewood, NJ, 1966. P. 75–84; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 128–141.

³⁹ Сафонов М.М. Указ. соч. С. 128–141.

⁴⁰ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 153.

⁴¹ Raeff M. *Michael Speranskii: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. The Hague, 1969. P. 41–46; *Idem*. *Plans for Political Reforms...* P. 88–91.

signed by the tsar on September 8, 1802 divided government by function into eight ministries, headed by individuals who were to preside over the colleges. They were to be responsible to the tsar and the Governing Senate. The reformers also envisaged an institution that would unite the ministers in their decisions, a cabinet. This «united government» would ensure that all branches would pursue the same policies and be subject to the same rules. It required that the emperor deal with the ministers collectively, a cabinet which could decide on coherent policies that would be implemented by all branches of the government.

Alexander also took steps to staff his bureaucracy with qualified officials. He again looked to a European model. A university degree or examination had become a requirement for many administrative and judicial offices in the monarchies of the west. Alexander hoped that university education would supplant the Russian pattern of gaining high office through military service or connections. During the first two years of his reign, he founded two new universities in Kharkov and Kazan, in Petersburg transformed a teachers' college into a university and expanded Moscow University. Laws sponsored by Speranskii in 1809 introduced requirements demanding that officials pass an examination if they were to advance to the eighth of the Table of Ranks.

All of these measures were preparatory in his mind to the introduction of a constitution and after the Congress of Vienna, Alexander took steps in that direction. Under Alexander's aegis, his Greek foreign minister, Ioannis Capo d'Istri drafted a project for a new international of order, peace, and morality, while guaranteeing rights to all nations, a scheme inspired by Emmanuel Kant's «European wide constitution». Capo d' Istria gathered around him young intellectuals of Moscow literary circles, most notably from the literary society *Arzamas*. The prospect of the Russian emperor as the leader not only of Russia but of all of Europe, energized the sense that service to the monarch was service not only to the welfare of the Russian state, but of all humanity⁴².

The society embraced the agenda of political reform fostered by Alexander. At an initial organizing meeting of *Arzamas*, in 1815, Sergei Uvarov, Chief of the Petersburg Educational District, declared that the new order would bring a federal system of European countries founded on constitutional governments. This program united the initial contingent of officials with young officers who were dedicated to political change, Nicholas Turgenev, Nikita Murav'ev, and Mikhail Orlov, all future Decembrists. Alexander planned to present his project for political freedom and representative government to the participants the Holy Alliance at the congress at Aachen in October, 1818. In the preceding months the members of *Arzamas* anticipated major changes⁴³.

Alexander gave further substance to their hopes in his address celebrating the opening of the Polish Diet in March of 1818. He declared that he had been

⁴² Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 70–90, 731.

⁴³ Ibid. С. 68–79.

guided, «by the principles of free and legal institutions, which are the constant object of my thoughts and whose redeeming influence I hope, with God's help, to spread to all countries that Providence has entrusted to my charge»⁴⁴. His speech, the only one he allowed to be published in Russian and foreign newspapers, inspired the members of *Arzamas* with the renewed prospect that the monarchy they served would embark on constitutional reforms in behalf of the fatherland. Peter Viazemskii, present at the event, was overcome by tears of joy. In August, he composed the poem *Petersburg*, which glorified Peter the Great and Alexander as bearers of progress and happiness, including the lines «Our era is the era of glory, our tsar the tsar of universal love!», «Peter created subjects, you make citizens!» and concluded, «Enlightenment unites ruler and people with the bond of welfare (*pol'za*)»⁴⁵.

In March, 1818, Uvarov delivered a speech to students and faculty of the Central Pedagogical Institute, elaborating an organic theory of development, asserting that Russia had attained the stage of youth, when «we are beginning to think of concepts of freedom», and that Russia would experience «the natural progress of political freedom», which many took as an allusion to the imminent abolition of serfdom⁴⁶. In September, Alexander Turgenev paired England and Russia as countries that would bring freedom to the world, concluding that «the excited feelings of the Russian heart make up for the [inadequacy] of my words, which my poor talent can convey only imperfectly»⁴⁷. They expected other reforms to follow; Viazemskii and Nicholas Turgenev awaited the introduction of openness (*glasnost'*), publicity and greater freedom of opinion, and even steps toward the emancipation of the serfs.

The Aachen conference of the Holy Alliance in October, 1818 brought Alexander I's moment of truth and bitter disappointment for the members of *Arzamas* and other liberal noblemen. Metternich, Castlereagh and the representatives of other nations had little patience with dreams of an international union of constitutional states, which might foment revolution and lead to Russian domination of the entire continent. The dream of serving both the tsar and humanity suddenly lay in shambles.

Yet even after the Aachen conference, Alexander nurtured hopes for a Russian constitution. Nikolai Novosil'tsev, earlier a member of The Unofficial Committee, now working in the administration of Poland, drafted a project for a constitution that would include Russia and Poland. It included a bicameral legislature which would approve the fundamental laws of the empire as well as the budget. The constitution propounded civil rights, freedom of the press, the equal rights of all before the law, and the inviolability of the individual.

⁴⁴ Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX в.: Выбор пути. М., 2016. С. 72–73.

⁴⁵ Майофус М. Указ. соч. С. 698–701.

⁴⁶ Whittaker C.H. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855. DeKalb, IL, 1984. P. 45–47; Майофус М. Указ. соч. С. 711.

⁴⁷ Майофус М. Указ. соч. С. 298–299.

It also declared the nation the source of authority, a recognition of popular sovereignty, the defining principle of a liberal constitution. But this principle was contradicted and effaced by the twelfth article of the project, which declared «the tsar (gosudar') is the single source of all authority in the empire, civil, political, legislative and military»⁴⁸.

Alexander sought to realize the democratic implications of the last decades of Enlightenment, to appear as the embodiment of the neo-classical hero, a man devoted to his people. «Peter created subjects, you make citizens!» and «Enlightenment unites ruler and people with the bond of welfare», Peter Viazemskii wrote, a feeling shared by many in Alexander's administration. But he could do so only by surrendering the power necessary to institute such a reform in Russia and at the same time betraying the conqueror persona that bound the empire. The latter was reflected in his triumph over Napoleon, his victorious campaign across Europe, and in mass parades in Russia and abroad displaying the might and finesse of Russian armies. Command of splendidly arrayed military men executing complex marches demonstrated the power and control of Russian rulers without invoking Olympian equivalents and the fascination would persist with his successors.

But in his last years, Alexander wandered through Russia despairing of achieving his goals. Now utilitarian scenarios had lost their persuasive force. Enlightened despotism no longer appeared as the most advanced form of polity in the in the West. Acting for the general good now required the participation of some part of the population, which brought both the symbolic and political preeminence of the enlightened monarch into question.

When Alexander's brother Nicholas assumed the throne in December, 1825, he rejected the universalistic premises of the Enlightenment, but he did not break with the rationale of enlightened monarchy. At the outset of his reign, he used the rhetoric of popular sovereignty to proclaim the monarchy the wish of the Russian people. If Peter, Catherine, and Alexander sought to display Russia as an exemplification of western taste and values, Nicholas began by asserting Russia's supremacy by declaring its distinctiveness from the West. The manifesto announcing the sentencing of the Decembrists issued on July 13, 1826 declared that the Decembrists' design to introduce western constitutional institutions was alien to the Russian people, the manifesto declared. «Neither in the characteristics nor the ways of the Russian is this design to be found <...> The heart of Russia was and will be impervious to it». The Russian people were dedicated to the monarchy. «In a state where love for monarchs and devotion to the throne are based on the native characteristics of the people, where there are laws of the fatherland and firmness in administration, all efforts of the evil-intentioned will be in vain and insane»⁴⁹.

⁴⁸ Мироненко С.В. Указ. соч. С. 88–94.

⁴⁹ Шильдер Н.К. Император Николай I: Его жизнь и царствование: [В 2 т.]. СПб., 1903. Т. I. С. 704–706.

The monarchy's distinctiveness now resided in the very principle that had proved Alexander's stumbling block: the plenitude of absolute power – autocracy, which continued to justify Russia's power and glory. Indeed, the national idiom of the new reign reproduced the utilitarian logic of the previous century. The Russian nation was defined not as an ethnic entity, but by the utter devotion of the Russian people to their rulers, which set them apart from western peoples, seduced by liberal ideas. The ideological formulation of these themes was the work of the Minister of Education, Sergei Uvarov, who advanced eighteenth-century utilitarian justifications of autocracy as the institution that had created and saved the Russian state. He did not mention divine sanction; autocracy was «the necessary condition of the existence of the empire <...> The saving conviction that Russia lives and is protected by the spirit of a strong, humane, and enlightened autocracy must permeate popular education and developed by it»⁵⁰.

Nicholas was also the heir to the legal and administrative achievements of his predecessors. The organizational spirit of the Enlightenment persisted in his effort to bring legality to Russia, developing the native legislation that would enable the institutions he inherited from Catherine and Alexander to flourish. The ministerial system staffed by an educated and specialized officialdom grew into the imposing Russian bureaucracy, all of which could only emerge by dint of the unlimited power of the autocrat. In his *Kurs russkoi istorii*, published in 1918, the liberal historian Alexander Kornilov described the governmental system of Nicholas I as «one of the most consistent attempts to realize the idea of enlightened absolutism»⁵¹. It was perhaps in this almost paradoxical sense that Kornilov identified the way the symbolic legacy of the Enlightenment permeated the statecraft of a sovereign who purported to reject its basic principles.

Ричард Уортман

Просвещение в репрезентации и функционировании власти в России

В своем *Курсе русской истории*, опубликованном в 1918 г., либеральный историк Александр Корнилов описывал режим Николая I как «одну из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма». Обычно николаевское царствование рассматривалось

⁵⁰ *Riasanovsky N.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley, CA, 1959. P. 75–76. On the idealistic and utilitarian grounds of Uvarov's slogan see: *Зорин А.* Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 86–87, 92–101.

⁵¹ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. 2-е изд., [в 3 т., перераб.]. М., 1918. Т. 2. С. 112–113.

как нечто прямо противоположное Просвещению с его рационалистическими идеями, которые Николай безусловно отвергал. Концепцию просвещенного абсолютизма, как правило, связывали с государственными системами XVIII века, созданными такими монархами, как Екатерина Великая, Фридрих II, Иосиф II, которые в практике правления пытались опираться на начала разума и законности. В ней видели несовершенного предвестника более поздней формы политического просвещения, выдвинувшего идею свободы и важнейшее понятие народного суверенитета.

Однако в России просвещенный абсолютизм приобрел специфические черты, породив государственническую идеологию и мифологию: рационалистические идеи западных философов заимствовались российскими императорами для упрочения самодержавия. Эта идеология успешно функционировала и при Николае I: не поощряя участие народа в политической жизни, она, скорее, сочетала идеи государственной мощи и благоденствия граждан. В статье рассматриваются три аспекта данной темы:

1. Соединение западных рационалистических теорий (Гроций, Гоббс, Лейбниц, поздний Монтескье) с мифологическими основами государственного строя, созданного Петром, а именно – с мифами завоевания и вечного преодоления.

2. Разработка государственной символики, использующей церемониал и риторику общественного согласия, чтобы придать теории общественного договора, на которую опирался авторитет монарха, дополнительную экспрессию и эмоциональную силу.

3. Механизм реформирования, который, видоизменяя государственное устройство, но сохраняя при этом сословную структуру общества, был призван претворять в жизнь идеал благодетельного правителя.

С.В. Польской

«ДОЛЖНОСТЬ ГОСУДАРЯ ПАТРИОТА»:
РУКОПИСНЫЙ ПЕРЕВОД
И МОНАРХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ
ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Изучение региональных вариантов Просвещения предполагает поиск ответов на вопросы, связанные с трансфером и адаптацией просветительской мысли в различных культурах. На какую социальную почву попадали эти идеи? Каким образом они развивались в иных условиях, проникали в чужую культуру, становились доступными читателю и как воспринимались им?

В процессе передачи идей Просвещения ключевая роль принадлежала чтению, а также переводу и переводчикам, выполнявшим функцию агентов культурного трансфера. И хотя история переводной печатной литературы этой эпохи хорошо изучена, в российских архивах и библиотеках остается большое число малоизвестных рукописных переводов. Их описание и изучение призвано установить как подлинный объем всего комплекса этих памятников, так и послужить основой для сравнительного исследования судеб и путей распространения переводной рукописной литературы в России XVIII столетия. Результаты этой работы помогут также представить картину развития языка «гражданских наук» в эпоху Просвещения¹.

В то же время изучение переводной литературы позволяет поместить явления русской общественной мысли в европейский идейный контекст и выявить интеллектуальные связи России и Западной Европы. Среди

© С.В. Польской, 2018

¹ Изучению описанной проблематики посвящен исследовательский проект Германского исторического института в Москве «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII в.», который был представлен на международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос» (Кусково 28–30 июня 2017 г.).

переводных политических сочинений выделяются те, которые можно жанрово объединить в группу «наставлений государям», – они активно переводились и в Древней Руси, и в Петровскую эпоху. Нам удалось выявить три рукописных перевода 1750-х – 1760-х годов, которые относятся к этому жанру. О них и пойдет речь в нашей статье.

Несмотря на незначительное число дошедших до нас рукописных списков, сами эти переводы с французского языка на русский, выполненные в среде просвещенного дворянства, могут служить яркой иллюстрацией процесса становления, распространения и адаптации предпросветительских и просветительских идей в разных культурных и политических контекстах². Их история тесно связана с идеями, которые, по нашему мнению, воздействовали и на переводчиков, и на читателей, способствуя, в конечном счете, появлению у российской элиты новых представлений о государстве и роли монарха в его управлении, а также своем значении во властных отношениях.

Прежде всего речь пойдет о переводе сочинения Франсуа де Фенелона *Directions pour la conscience d'un roi*, выполненном князем М.М. Щербатовым в 1758 г.; один список этого перевода отложился в Эрмитажном собрании Отдела рукописей РНБ³, второй – в собрании Воронцовых⁴. Там же находится и перевод другого рассматриваемого нами сочинения – анонимных *Pensées politiques sur les devoirs d'un roi citoyen*, – осуществленный неизвестным переводчиком, скорее всего по заказу Р.И. или М.И. Воронцовых в те же 1750-е годы⁵. Нам известны также два списка перевода, выполненного с французского издания *Idée d'un roi patriote* Генри Болингброка в первой половине 1760-х годов – один из них принадлежал братьям Н.И. и П.И. Паниным⁶.

Хотя эти переводы были жанрово близки древнерусской традиции «поучений» и непосредственно связаны с литературой «княжеских зер-

² При изучении переводов и их роли в распространении политических понятий мы обратились к методам *cultural translation*, см.: Cultural Translation in Early Modern Europe / Ed. by P. Burke, R. Po-Chia Hsia. Cambridge, 2007; Pernau M. Whither Conceptual History? From National to Entangled History // Contributions to the History of Concepts. Vol. 7, Issue 1, Summer. 2012. P. 1–11; Why concepts matter: translating social and political thought / Ed. by M.J. Burke, M. Richter. Leiden; Boston, 2012.

³ «Наставления для совести короля, сочиненные для научения Людовика французского герцога бургонского, господином Франциском Салиниаком деламот Фенелоном, Архиепископом герцогом Камбрейским, его учителем» – ОР РНБ. Ф. 885. Эрм. 117.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 Воронцовы. Оп. 1. № 810.

⁵ «Политические мнения о должности такого короля которой следует законам сущаго мещанина» – Там же. № 798. См. второй список этого сочинения – Там же. Колл. 11. Рукописи Археографической комиссии. № 155. Благодарю А.А. Костина и Е.К. Кузнецову за сведения об этом списке.

⁶ Оба списка хранятся в Отделе рукописей РГБ: «Писма о свойстве патриотизма, о понятии и должностях государя-патриота, о состоянии партий, которые разделяли Англию во время вступления на престол Георгия Перваго» – ОР РГБ. Ф. 222 Панины. Картон XXIII. № 5; Ф. 152 Собр. И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича. № 117.

цал» (*Specula principum, Fürstenspiegel, Miroirs aux princes*)⁷, они несли новые идеи и понятия, далекие от их средневековых аналогов: они создавали не только «портрет» идеального государя, но и описывали новое «зеркало» монарха – «публику», которая хвалит, осуждает, перетолковывает действия и выступает судьей властителя. Как уже говорилось, эти переводы создавались и циркулировали в среде высшей столичной знати, разрабатывавшей проекты реформ и проявлявшей неподдельный интерес к чтению западноевропейской политической литературы в 1750–1760-е годы⁸. Именно в это время придворные и аристократы, владевшие иностранными языками, такие как граф Н.И. Панин или граф М.И. Воронцов, и заказывают переводы, а князь М.М. Щербатов сам переводит Фенелона, Вольтера, Монтескье, Гольбаха⁹. Для них перевод становится властным ресурсом, позволяющим «управлять с помощью слов», говорить со своими соотечественниками на доступном им языке о новых смыслах.

1

Небольшое сочинение Фенелона (1651–1715) *Directions pour la conscience d'un roi* было не менее популярно, чем его известный роман *Les Aventures de Télémaque*. Написанное после опалы архиепископа Камбре в 1697 г. для его воспитанника герцога Бургундского, оно было впервые опубликовано только в 1747 г.¹⁰ Наряду с *Телемаком* эта книга стала

⁷ См.: Jónsson E.M. Les «miroirs aux princes» sont-ils un genre littéraire? // *Médiévales*. N 51 (automne 2006). P. 153–166; Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen, 2007. Даже радикальная книга виконта Болингброка рассматривается Д. Армитиджем как «последний крупный образец, в англоязычном мире, почтенного гуманистического жанра – зеркала государя». См.: Armitage D. A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King // *The Journal of British Studies*. 1997. N 36. P. 401.

⁸ Список перевода Щербатова находится в собрании Воронцовых; братья М.И. и Р.И. Воронцовы были тесно связаны с Н.И. Паниным в конце 1750–1760-е годы системой патрон-клиентских отношений. Так, Д. Рансел полагает, что назначение Панина обер-гофмейстером вел. кн. Павла Петровича в 1760 г. можно считать успехом клана Воронцовых; Панин не только разделял их позицию, но и был оппонентом Шуваловых, см.: Ransel D. *The Politics of Catherine's Russia: The Panin Party*. London, 1975. P. 41.

⁹ [Вольтер.] «Век Людовика XIV» (ОР РНБ. Эрм. № 295); [Монтескье.] «Рассуждения о причинах величества римлян и падения их» (Эрм. № 304) и «О разуме законов» в составе сборника «Разные сочинения и переводы», 1759–1760 гг. (Эрм. № 228. Л. 30–32 об.); [Гольбах.] «Естественная политика или Беседы о истинных основаниях правления, единым бывшим судьей» в составе сборника переводов 1770–1780-х годов (Эрм. № 229. Л. 1–135 об.).

¹⁰ Первая попытка опубликовать этот текст в 1734 г. привела к изъятию всего тиража по личному распоряжению кардинала Флери; через 13 лет книга вышла одновременно в Лондоне (по списку маркиза Фенелона) и Гааге (по списку герцога Бовилье): Fénelon F. *Examen de conscience pour un roi. Ecrit pour l'usage de Mons. le Duc de Bourgogne, puis Dauphin de France, Père de Louis XV*. Londres: C. Davis, T. Osborne & L. Davis, 1747; *Idem*. *Directions pour la conscience d'un roi, composées pour l'instruction de Louis de France, duc de Bourgogne*. La Haye: J. Neaulme, 1747. В 1747–1748 гг. вышло 7 переизданий.

самым издаваемым сочинением Фенелона: она выдержала 16 переизданий на французском за первые 40 лет публикаций и была переведена почти на все европейские языки¹¹. Первый русский перевод¹², восходящий к гаагскому изданию, был выполнен М.М. Щербатовым в 1758 г., но так и остался неопубликованным (только в 1773 г. книга Фенелона была напечатана в другом переводе)¹³.

В предисловии к своему переводу Щербатов писал, что Фенелон не нуждается в представлении читателю, поскольку его имя «уже довольно у нас знакомо, чрез книгу *Телемака*, которая столь с общей похвалою <...> как у нас так и в целом свете принята»¹⁴. По его мнению, Фенелон все полезные идеи *Телемака* «в сей малой книге в единое место вместил; дабы по краткости своей и не быв затушены ни какими другими притчами, в свежейшей памяти у августейшего его воспитанника остались»¹⁵. Переводчик подробно объясняет причины, побудившие его обратиться к этой книге: во-первых, в ней содержатся «изображения чистейшей добродетели», во-вторых, хотя книга «для Государей писана», однако «довольные обретаются наставления и для людей партикулярных, сколь им должно убежать от роскоша и сластолюбия, ненавидеть ложь и клевету, любить свое отечество и государя». Щербатов переводил книгу, «желая в чем-нибудь быть полезен отечеству своему», и представляя ее читателю, он критикует нравы соотечественников:

<...> когда мы пользуемся бездушными произведениями климата Франции, могли бы также иметь пользу разуместь в отеческом своем языке и творении сих великих людей, о которых можно сказать, что бох, милуя род человеческий, на землю посылает, чтоб его иль изустными наставлениями, иль чрез писании свои, к действительному пути счастья направить¹⁶.

Можно предположить, что Щербатов предназначал этот текст для *Ежемесячных сочинений*, где вышла большая часть его переводов 1750–

¹¹ См.: *Chérel A. Fénelon au XVIIIe siècle en France (1715–1820): son prestige, son influence.* Paris, 1917. P. 339–341.

¹² ОР РНБ. Эрм. № 117.

¹³ Наставления для совести государя: к научению Людовика Французского, герцога Бургонского, сочиненные господином Франциском Солиниаком де ла Мотом Фенелоном, архиепископом, герцогом Камбрийским, его учителем. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773.

¹⁴ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 3. Политико-нравоучительный роман Фенелона «Приключения Телемака» был популярен у русской читающей публики, о чем свидетельствуют 5 разных переводов этого текста, вышедших с 1747 по 1797 г. Первый, осуществленный в 1724 г. А.Ф. Хрущёвым, опубликован только в 1747 г. (2-м и 3-м «тиснением» – в 1767 и 1782 гг.); до конца века вышли еще 4 перевода – И.С. Захарова (1786), П.С. Железникова (1788–1789), Ф.П. Лубяновского (1797–1800), а также – известное стихотворное переложение В.К. Тредиаковского «Телемахида» (1766).

¹⁵ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4.

1760-х годов. Книга разбита на отдельные главы – наставления, которых у Фенелона было 38, а в русском переводе – 37, поскольку все первые издания *Directions pour la conscience d'un roi* (до публикации авторской рукописи) не имели 35-го наставления¹⁷. Идеи архиепископа Камбре должны были казаться близкими Щербатову, особенно рассмотрение политики с точки зрения морали. Так, в переводе наставления 10-го можно обнаружить идеи, знакомые нам по его собственным сочинениям:

Обыкновенно царям говорят, что они должны меньше страшиться тех пороков в какие партикулярные люди впадают, нежели тех кои до должности царствования касаются. Я же смело противное тому говорю и содержу, что все пороки, в какия они могут сами впасть, есть великих последованей для царствования <...> Порок же сам собой есть заразительная отрава, а род человеческий есть всегда в готовности принять сию заразу, и склонностями своими токмо тщатся незвергнуть иго всей стыдливости. <...> Общество все проникает и часто, когда Государь льстится, что его слабости незнаемы, он один токмо не знает сколь они суть притчиною злейшаго ругательства, в нем всякое двое знаменитое сообщение подвергнуто истолкованию, малейшей вид волокиты, вид страстной иль веселой соблазняет, и *повреждает нравы* [здесь и далее курсив в цитатах мой. – С.П.] целой нации¹⁸.

Действительно, мысль о том, что дурное поведение государя «повреждает нравы целой нации», стала центральной в знаменитом памфлете М.М. Щербатова *О повреждении нравов в России* (1787). Довольно резко по отношению к царствующей императрице выглядели следующие слова Фенелона в его переводе:

Не со излишеством ли вы разливали благодеяния на ваших министров, временщиков, и на их друзей тогда, когда оставили в нужде людей, имеющих достоинства, которые долгое время служили и защитников не имеют? Обыкновенно великий порок в Государях быть слабыми, склонными и неприлежными¹⁹.

¹⁷ Авторская рукопись, хранившаяся в Версале, впервые была опубликована только в 1775 г. по распоряжению Людовика XVI в составе многотомного *Cours d'étude pour l'instruction du prince de Parme* аббата Кондильяка.

¹⁸ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 12–13. В оригинале: «On dit d'ordinaire aux rois qu'ils ont moins à craindre les vices de particuliers que les défauts auxquels ils s'abandonnent dans les fonctions royales. Pour moi, je dis hardiment le contraire, et je soutiens que toutes leurs fautes dans la vie la plus privée sont d'une conséquence infinie pour la royauté. <...> Le vice est par lui-même un poison contagieux; le genre humain est toujours prêt à recevoir cette contagion; il ne tend par ses inclinations qu'à secouer le joug de toute pudeur. <...> Le public pénètre tout; et souvent, pendant que le prince se flatte que ses faiblesses sont ignorées, il est le seul qui ignore combien elles sont l'objet de la plus maligne critique. En lui, tout commerce équivoque et sujet à explication, toute apparence de galanterie, tout air passionné ou amusé cause un scandale et porte coup pour *altérer les mœurs* de toute une nation.» – *Fénelon F.* Op. cit. P. 12–13.

¹⁹ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 44.

Подобным же образом Щербатов оценивал Елизавету Петровну и в 1780-е годы²⁰.

Злободневно звучал и вопрос из 37-го наставления: «Не наложил ли [государь] многие должности на единого человека, для удовольствования его честолюбия, иль для избежания труда говорить об делах со многими людьми»²¹. Современники князя без труда могли увидеть в этой фразе намек на царедворца графа Петра Ивановича Шувалова, занимавшего несколько важнейших должностей²². Он стал одним из главных объектов критики Щербатова в его памфлете, где разоблачались «честолюбивые затеи сего чудовища»²³. Щербатов, несомненно, лично знал Р.И. Воронцова²⁴ – противника и «хулителя» дел П.И. Шувалова²⁵, – он разделял его отношение к деятельности временщика и также мог связывать свои надежды с наследником престола Петром Федоровичем²⁶. Перевод *Наставлений* Фенелона мог предназначаться именно великому князю: даже если Щербатову и была известна дурная репутация наследника, он надеялся на его исправление²⁷, – ведь и Фенелону удалось перевоспитать герцога Бургундского²⁸.

²⁰ «Ленива и недокучлива ко всякому требующему некоего прилежания делу, <...> роскошна и любострастна, дающая многую поверенность своим любимцам, но однако такова, что всегда над ними власть монаршу сохраняла» – цит. по: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. Прил. С. 100–101.

²¹ ОР РНБ. Эрм. № 117. Л. 47

²² «Властолюбие его, равно как и корыстолюбие, пределов не имело. Не довольствуясь, что он был генерал-фельдцейхмейстер, генерал-адъютант и сенатор, восхотел опричную себе армию соделать» – цит. по: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова... С. 109, 110.

²³ «Развратность вельможи влекла примером своим развратность и на нижних людей» – Там же. С. 111.

²⁴ В 1750-е годы Щербатов член масонской ложи, где «гранметром» был Р.И. Воронцов, см.: [Олсуфьев А.В.] Донесение о масонах (1756 г.) // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.С. Тихонравовым. М., 1861. Т. IV, отд. III. С. 52.

²⁵ П.И. Шувалов жаловался императрице на Р.И. Воронцова, который произносил повсюду «крайния оскорбления немалое время, по изобретенным делам мною», поэтому «дел польза моя, заслуга и честь подозрительными сделаны и повреждены» (РГАДА. Ф. 1261 Воронцовы. Оп. 3. Д. 2762. Б. д. Л. 1 об.).

²⁶ С 1754 г. дочь Р.И. Воронцова – Елизавета Романовна становится фавориткой великого князя, а граф Роман приобретает влияние при дворе Петра III.

²⁷ В 1780-е годы князь, описывая характер Петра III, сожалел об упущенной возможности воспитать достойного государя: престол достался государю «одаренному добрым сердцем, если может оно быть в человеке, не имеющему ни разума, ни нравов». Однако он отмечал, что «во все время царствования императрицы Елисаветы старались наиболее его нравы испортить», и наследник сам «не мог исправления им сделать» («О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова... Прил. С. 116).

²⁸ Сен-Симон пишет, что герцог Бургундский «родился сущим чудовищем и в ранней юности наводил на всех трепет <...> он потакал всем своим страстям и предавался всем наслаждениям», после же появления Фенелона в качестве воспитателя, «наследник поднялся из бездны приветливым, кротким, человеческим, умеренным, терпеливым, скромным, подчас даже чересчур совестливым для того положения, которое занимал, смиренным и строгим в нравах и поведении» – см.: *Сен-Симон*. Мемуары / пер. Ю.Б. Корнеева. М., 1991. Т. 2. С. 28–29.

В целом, критически заостренные *Наставления* Фенелона в переводе Щербатова выглядели как обвинительный акт двору Елизаветы Петровны, каждая строчка подчеркивала противоречие между идеалом и действительностью. Чтение Фенелона, по-видимому, заставляло задумываться о месте «честного человека» и долге «патриота» в коррумпированном государстве: именно этой теме Щербатов посвятил свое первое оригинальное сочинение – «Разговор между двух друзей о любви к отечеству» (1759)²⁹. К идеям Фенелона он также возвращался в «Разных рассуждениях о правлении» (1760), где утверждал: «вместо что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть зделан для государя», и даже если деспот соединит в себе все возможные добродетели, «он весьма мало блага народу зделает, естли не испровергнет самовластие»³⁰. Щербатов и в своих более поздних трудах тесно связывает политическую проблематику с моральной: поскольку форма правления определяет нравы общества, причины «повреждения нравов», по его мнению, лежат в изменении форм правления, поэтому моральная деградация российского общества есть следствие перехода от монархии к деспотизму («самовластию») ³¹.

В своем памфлете «О повреждении нравов в России» историк-моралист судит российских монархов, исходя из *Наставлений* камбрейского архиепископа, при помощи которых он пытается «экзаменовать» каждого правителя. В то же время, возвращаясь к центральной идее Фенелона («L'exemple seul peut redresser les mœurs de toute la nation»), Щербатов предлагает план восстановления «нравов», где решающую роль отводит государю: сделавшись примером добродетели, он разделит власть с благородными людьми, и дарует «основательные права государству». Примеру монарха последует все общество, которое отвергнет порок, и только тогда «изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой»³².

²⁹ См.: *Рустам-Заде З.П.* «Разговор меду двух друзей о любви к отечеству» (неизданное произведение М.М. Щербатова) // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Л., 1968. № 339. Серия филологических наук, вып. 72: Русская литература.; *Польской С.В.* Филопатрис и Фенелон: (К вопросу об истоках политических взглядов князя М.М. Щербатова) // Эволюция консерватизма: европейские традиции и русский опыт. Самара, 2002.

³⁰ *Щербатов М.М.* Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1896. Т. 1: Политические сочинения. Стб. 343–344.

³¹ Как отмечает Т.В. Артемьева, «старина» Щербатова обозначает «не историческое время, а определенное состояние общества, когда «нравы» и «обычаи» гармонично сочетались с «законами» (*Артемьева Т.В.* Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 41, 44).

³² «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова... Прил. С. 129–130.

Сочинение *Pensées politiques sur les devoirs d'un roi citoyen* вышло единственным изданием в Гааге в 1754 г.³³ Его анонимный автор опирался на ряд французских сочинений, призванных стать наставлением государям: в его тексте можно обнаружить отголоски идей Фенелона, Пьера Николя, но главным образом, янсениста Жака-Жозефа Дюге (1649–1733), чье сочинение *Institution d'un Prince* имело широкое хождение в 1740-х годах³⁴. Хотя Дюге, писавший свой труд в 1712 г. для воспитания наследника савойского престола, создал одно из последних «княжеских зеркал», и его публикация в эпоху Руссо, на первый взгляд, выглядела явным анахронизмом, подлинной целью этого сочинения, как полагает Моник Коттре, стала критика самовластия Людовика XIV³⁵.

Сама идея «государя-гражданина» восходила к Дюге, который утверждал, что «C'est donc la même chose, d'être à la République & d'être Roi; d'être pour le peuple & d'être Souverain», а воспитатель должен повторять наследнику, вслед за Сенекой – «Non Rempublicam tuam esse, sed te Reipublicae»³⁶. В том же году, что и *Pensées politiques* выходит перевод с итальянского *Морали государей*³⁷ имперского историографа Джованни Баттиста Комацци (1654–1711)³⁸. Книге предшествовал очерк под названием «Ministres», автором которого был переводчик, плодовитый литератор и умелый компилятор Жан-Батист Дюпюи-Демпорт (ум. 1770)³⁹. Лаконичный стиль и идейное содержание очерка напоминают манеру анонимного автора *Pensées politiques*.

³³ *Pensées politiques sur les devoirs d'un roi citoyen*. La Haye: H. Scheurleer, 1754.

³⁴ *Duguet J.-J. L'Institution d'un Prince ou Traité des qualitez, des vertus et des devoirs d'un souverain*. Londres: J. Nourse, 1739. Об аббате Дюге и его сочинении см.: *Alimento A. L'Institution d'un prince de l'abbé Duguet // L'Institution du prince au XVIIIe siècle / Éd. par G. Luciani, C. Volpillac-Augier. Ferney-Voltaire, 2003. P. 105–114; Chopelin-Blanc C. L'Institution d'un Prince de Duguet, un traité d'éducation à la charnière des XVIIe et XVIIIe siècles // Chrétiens et sociétés. 2012. N 18. P. 19–38.*

³⁵ *Cottret M. L'Institution d'un Prince de Jacques-Joseph Duguet (Leyde, 1739): Un dernier miroir? // Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières / Sous la dir. F. Lachaud, L. Scordia. Rouen, 2007. P. 393–403.*

³⁶ *Duguet J.-J. L'Institution d'un Prince...* P. 9, 10.

³⁷ *Comazzi J.B. Morale des princes, traduite de l'italien*. La Haye: J. Neaulm, 1754. 4 vols; *Comazzi J.B. Morale des princes, traduite de l'italien*. Paris: P.G. Simon, 1754. 4 vols.

³⁸ О графе Комацци см.: *Vittori F. Comazzi, Giovanni Battista // Dizionario Biografico degli Italiani*. Roma, 1982. Vol. 27.

³⁹ Его самое известное сочинение – *Le gentilhomme cultivateur, ou Corps complet d'agriculture, tiré de l'anglois, et de tous les Auteurs qui ont le mieux écrit sur cet Art par Monsieur Dupuy Demportes*. Paris: P.G. Simon, 1761–1763. 4 vols. – компиляция, основанная на книге Т. Хейла *A Compleat Body of Husbandry*; большая часть авторского текста – в томе первом.

Король-гражданин, как и *Наставления* Фенелона относятся к той группе сочинений, которые возникают со второй половины XVII в. в ответ на усиление абсолютной власти во Франции. Современная исследовательница Арлетт Жуанна полагает, что их авторы, не отвергая сам принцип абсолютной власти, желали деперсонализировать фигуру монарха, сведя его роль к роли *слуги законов*. По мнению этих теоретиков, король должен был принести свое «я» в жертву служению *общему благу*, которое понималось как рационализированная воля социальной элиты, а просвещенный суверен, ведомый не божественной благодатью, но естественным разумом, с помощью своих министров, должен был стремиться к процветанию своих подданных. Эта тенденция, с усилением секулярной основы, развивается во второй половине века физиократами, разработавшими теорию «законного деспотизма»⁴⁰.

Русский перевод *Короля-гражданина* – «Политические мнения о должности такого короля, которой следует законам сущаго мещанина» – вероятно, был создан в период между 1754 и 1756 гг.⁴¹ Поскольку один из списков сохранился в собрании Воронцовых, мы не исключаем, что перевод был выполнен по книге, принадлежавшей канцлеру М.И. Воронцову, который часто выписывал европейские книжные новинки и выступал заказчиком переводов. Высокопоставленного русского чиновника интересовали рассуждения об обязанностях министров и важности их роли в монархическом правлении. В предуведомлении автора к «Политическим мнениям о должности такого короля, которой следует законам сущаго мещанина» сообщалось, что книга адресована не только монархам, но и читателю, «какого бы он звания ни был», который сможет найти в ней «твердые регулы к исполнению должности по состоянию своему и приобретению достоинства сущаго сына отечества». Однако, прежде всего, книга «в пользу служить будет тем, которые участие имеют в правлении». Эти истинные правители государства, по мнению анонимного автора, избраны *просвещать* народ:

⁴⁰ Jouanna A. Le Prince absolu: Apogée et déclin de l'imaginaire monarchique. Paris, 2014. P. 235–236, 243–244.

⁴¹ Рукопись Археографической комиссии (Архив СПбИИ РАН. Колл. 11. № 155) – автограф переводчика с его правкой; бумага фабрики С. Золотарева (филигрань ФСС и сложный вензель), аналог. у Клепикова № 720–1750, 1752 гг. Воронцовский (беловой) список: бумага Ярославской мануфактуры А. Затрапезного (филигрань: ЯМАЗ и герб Ярославской губернии, тип 4), аналог. у Клепикова № 749–1756, 1765 гг. Более вероятная датировка белового списка – не ранее 1756 г. как ближайшая по времени к автографу переводчика, следовательно созданному между годом публикации оригинала (1754) и условным годом изготовления белового списка (1756). См.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.

La Providence a trouvé à propos de susciter de tems en tems un petit nombre de personnes, à qui elle a accordé des talens, qu'elle refuse au commun des hommes. Nés pour *instruire* & pour *diriger*, destinés à être les protecteurs & les défenseurs du genre humain, ils osent prendre en main la cause commune de la *société civile*⁴²

Предусмотрение божие определило низпосылать от времени до времени по малому числу людей с такими дарованиями, каковых простой народ лишен, таким людям, которые производятца в свет, для того чтоб других *просвещать* и оными *правительствовать*, предстательствовать за человеческой род и оной защищать свойственно есть, вступать смело в дела *гражданского общества*⁴³.

Интересно, как французское понятие *citoyen* трактуется русским переводчиком. Если в конце века в революционной Франции *гражданами* стали называть себя сторонники конституционной монархии, а затем и республиканцы, то при Старом порядке это слово вполне вписывается в монархический дискурс и служит для обозначения людей, обладающих правами и привилегиями (и этим отличающимися от рабов) и верно служащих своему государю⁴⁴. В заголовке русского перевода *Pensées politiques sur les devoirs d'un roi citoyen* последнее слово переводится как «мещанин», отсылая читателя к значению «член городского сообщества». Однако в самом тексте *citoyen* встречается два раза и переводится лексически не одинаково, хотя и семантически близко. Встречающиеся только в предисловии понятия *le vrai citoyen* – «истинный сын отечества», и *citoyens généreux* – «великодушные патриоты», имеют общий верноподданнический заряд, обнаруживая эквивалент *citoyen* в недавно заимствованном слове *патриот*⁴⁵. Заказчик перевода, вероятно, мог характеризовать свою деятельность в тех же выражениях, считая себя, например, *bon citoyen*, т.е. *истинным патриотом*. Именно в правление

⁴² *Pensées politiques...* P. [IV].

⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 798. Л. 3–4.

⁴⁴ Во Франции в 1750–1770 гг. «единодушное одобрение идеи *короля-гражданина* служило одним из самых поразительных признаков республиканского поворота в умах» – писал в свое время А. Олар, приводя в подтверждение урезанную цитату из комедии *Три султаниши* (1761) Ш.С. Фавара (*Олар А. Политическая история Французской революции*. М., 1938. Т. 1. С. 24). Однако обнаружить в трактовке слова *citoyen* «республиканский поворот в умах» вряд ли удастся, если мы обратимся к полной цитате: «Point d'esclaves chez nous; on ne respire en France / Que les plaisirs, la liberté, l'aisance / *Tout citoyen est roi sous un roi citoyen*» (*Favart Ch.S. Les Trois Sultanes, ou Soliman second*. Acte II. Sc. 3 // *Œuvres choisies de Favart*. Paris, 1824. P. 356). Комедия Фавара шла при русском дворе в 1764–1765 гг.

⁴⁵ Подобная семантика мало отличалась от французской, так в 3-м издании *Словаря французской академии* можно было прочесть: «On dit, qu'Un homme est bon Citoyen, pour dire, que C'est un homme zélé pour sa Patrie.» (*Dictionnaire de L'Académie françoise, troisieme édition*. Paris: J.-B. Coignard, 1740. Т. 1: А–К. P. 286). Это же значение сохранилось и в 4-м издании (1762). Ранее П. Корнель также определяет *bon citoyen* как «homme soumis aux lois» (*Horace*, acte I, 3, vers 266).

Елизаветы Петровны слово *patriot* получает широкое хождение в русском языке и начинает активно использоваться не только в частной переписке, но и в официальных актах, самый известный пример – именной указ 24 января 1755 г. об учреждении Московского университета⁴⁶.

Однако Воронцов мог почерпнуть в книге и другие идеи, которые представляли задуматься и о долге монарха перед подданными, и о том, что государство не тождественно государю. Эти идеи, уже встречавшиеся русским читателям в сочинениях Фенелона, суммировались в *Короле-мещанине*. Признавая, что «La Souveraine autorité est, à en parler sans déguisement, un fardeau également pesant & honorable»⁴⁷, автор настаивает, что монарх «n'est assis sur le trône qu'afin de mieux travailler, & nullement pour se reposer. Etant seul de ce rang suprême, il a à ménager les interets de plusieurs, & il faut qu'il s'efforce de leur procurer tout le bien imaginable»⁴⁸. Проводя аналогию между властью бога и властью монарха («La volonté du Prince est une image du souverain pouvoir de Dieu»⁴⁹), он все же отделяет личность государя от понятия государства: король сам является лишь частью государства:

Il ne faut pas qu'un Prince regarde la royauté comme un bien qui lui est venu par succession, ni comme une faveur extraordinaire de la fortune, & un heureux coup d'étoile, mais il la doit considérer comme l'affaire de Dieu & une commission de la dernière importance qu'il lui a daigné confier. <...> Un Prince se tromperoit extrêmement s'il croyoit que l'Etat est plus à lui, qu'il n'est lui-même à l'Etat. Tout son soin & toute son application doit aller à le servir utilement & sans relâche⁵⁰.

Государю не надлежит почитать *Государство* свое именем, пришедшим к нему будто бы по наследству, ниже за чрезвычайную милость Фортуны и счастливой случаи ево судьбы, но содержать ево за божественное дело и самую наиважнейшую комиссию, которую Всевышний благоволил ему поручить <...> Весьма бы Государь погрешил, есть ли б думал, что *государство* больше принадлежит ему нежели он сам *государству*, все ево старание и упражнение должно склониться к произведению ему пользы без ослабления⁵¹.

⁴⁶ Где говорилось о тех «из Наших истинных патриотов <...> [которые] прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали» – ПСЗ. Т. XIV. № 10346. С. 285.

⁴⁷ *Pensées politiques...* Р. 1. В рус. переводе: «Вышняя власть, без лести говоря, есть иго равно как тягостное, так и почтенное» (л. 6).

⁴⁸ *Ibid.* В рус. переводе: «на троне утвержден для лутчей способности к трудам, ни мало ни для пакоя, он будучи един на толь высочайшим степени должен соблюдать интересы множества людей и все употреблять силы чтоб произвесть им наивозможное благополучие» (л. 6–6 об).

⁴⁹ *Ibid.* Р. 14. В рус. переводе: «Воля самодержавца есть изображение всевышней власти божией» (л. 23 об).

⁵⁰ *Ibid.* Р. 5, 12.

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 798. Л. 11–11 об., 20 об.–21.

Наконец, здесь прямо утверждается, что только для блага народа монарх наделяется божественным авторитетом: так, русский читатель мог прочесть, что «особа монаршеская облечена сущим человеческим величеством, вместо того благополучие общества и интересы всего государства имеют в себе нечто божественное»⁵². При этом автор использует *Royaume* и *État* как синонимы, а переводчик везде переводит оба слова как *государство*.

Неукоснительное следование закону также вменяется анонимным автором *Короля-гражданина* в обязанность государю:

Les Rois sont obligés de garder *les loix civiles* qu'ils font pour le bien de l'*Etat*; Car encore qu'ils ne se doivent pas d'obéissance à eux-mêmes, ils ne peuvent la refuser legítimement à Dieu qui est leur *Souverain*, ni à la *loi naturelle* qui veut que la tête soit dans une grande union, & dans une parfaite intelligence avec les autres parties qui composent le corps; & que le Chef & le Maître des peuples ne condamne pas lui-même ce qu'il commande aux autres <...>⁵³.

Государи обязаны хранить *гражданские права*, которые они сочиняют для благополучия *общества*, ибо хотя они и не обязаны иметь послушание к себе самим, но должны показывать оное Богу, своему *монарху*, повиноваться также *естественному праву*, которое требует тово, чтоб голова пребывала с прочими частями, составляющими весь корпус, в совершенном согласии, то есть чтоб и государь не опровергал сам тово, что повелевает делать другим <...>⁵⁴.

Однако закон сам по себе не может стать гарантией благополучного правления, поэтому автор развивает моралистическую идею Фенелона о благотворном примере добродетельного государя, исправляющего нравы подданных, а русский переводчик фиксирует эту мысль в следующих словах: «справедливость может утверждена быть едиными только законами, но добродетель вкореняется честностью и непорочною жизнью монарха»⁵⁵. Эта во многом общая идея монархического дискурса Просвещения оказалась близка как М.М. Щербатову, так и Н.И. Панину, политическое завещание которого, записанное и отредактированное Д.И. Фонвизиным, заканчивается утверждением: «Узаконение быть добрыми не подходит ни под какую главу Устава о благочинии <...> Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа»⁵⁶.

⁵² Там же. Л. 20. В оригинале: «*La personne du Roi est revêtue d'une majesté purement humaine, au lieu que le bien public & l'intérêt de tout un Royaume, ont je ne sçai quoi de divin*» (Р. 11).

⁵³ *Pensées politiques...* Р. 48–49.

⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1 № 798. Л. 67–68 об.

⁵⁵ Там же. Л. 63 об.

⁵⁶ Рассуждение о неперменных государственных законах. (Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 265). Идеи, высказанные в *Рассуждении*, несомненно, принадлежат Н.И. Панину, их происхождение можно обнаружить в его предшествующих текстах и высказываниях; Д.И. Фонвизин только придал литературную форму панинскому завещанию. На принадлежность этого сочинения брату недвусмысленно.

В этом смысле анонимные, и в целом неоригинальные, *Политические мнения* были кратким собранием общих мест политической теории раннего Просвещения, рассказывая русскому читателю о государстве, отделенном от личности государя, о царственном разуме, являющем себя в божественной воле, тождественном ей естественному праву и монархе, который должен быть образцовым гражданином. И эта идеологическая схема вызывала одобрение и поддержку у самых разных представителей элиты российского дворянства.

3

Несмотря на внешнюю жанровую близость с *Наставлениями* Фенелона и анонимным *Королем-гражданином*, трактат Генри Сент-Джона виконта Болингброка (1678–1751) *Идея о Короле-Патриоте* – сочинение иного порядка. Идеи Болингброка выглядели немыслимо радикальными по сравнению с прежними «княжескими зеркалами» и «наставлениями» французских моралистов, и в какой-то степени провоцировали читателя.

Болингброк создал текст *Короля-Патриота* осенью 1738 г., он распространялся в списках и был предназначен для узкого круга «патриотов» – оппозиционеров правительству Роберта Уолпола, близких к принцу Уэльскому, Фредерику. Существует мнение, что Болингброк написал его специально для Фредерика, который, прочитав это сочинение, будто бы сказал графу Личфилду: «I shall be that *patriot king*»⁵⁷. Александр Поуп, получивший от Болингброка рукопись, в 1740 г. напечатал примерно полторы тысячи экземпляров вместо требуемого десятка, чем вызвал гнев автора, который настоял на уничтожении всего тиража. До настоящего времени дошло только четыре экземпляра первого издания. Однако в 1749 г. Болингброк разрешил публикацию *Короля-патриота* вместе с двумя другими своими сочинениями без указания своего имени на титульном листе⁵⁸. Эта публикация легла в основу французского перевода графа Тиара де Бисси, вышедшего в Лондоне в 1750 г.⁵⁹, с которого и был сделан русский перевод.

Текст русского перевода известен нам в двух списках. Первый, более

ленно указывает и П.И. Панин.

⁵⁷ *Eagles R. Frederick, Prince of Wales, the «Court» of Leicester House and the «Patriot» Opposition to Walpole, c. 1733–1742 // The Court Historian. 2016. Vol. 21, N 2. P. 142.*

⁵⁸ См.: *Barber G. Bolingbroke, Pope, and the Patriot King // The Library. 1964. Vol. XIX, Issue 1. P. 67–89.*

⁵⁹ *Lettres sur l'esprit de patriotisme, sur l'idée d'un roy patriote et sur l'état des partis qui divisoient l'Angleterre, lors de l'avènement de Georges I / Ouvrage traduit de l'anglois. Londres: [s.n.], 1750.* В этом же году *Lettres* вышли в Эдинбурге, а еще через 40 лет – в Париже, с измененным названием: *Des Devoirs d'un Roi Patriote et Portrait des Ministres de tous les temps. Paris: Desenne, 1790.* Последнее издание имело характерное посвящение: «À LOUIS XVI, Premier ROI PATRIOTE des François». В 1765 г. вышел немецкий перевод. На родине Болингброка *Король-Патриот* переиздавался в 1752, 1767, 1775, 1783 гг.

ранний и менее полный, происходит из собрания известного книголюбца XIX в. И.А. Лукашевича⁶⁰; он создан не ранее 1765 г., написан беглой скорописью и сохранился в бумажном переплете⁶¹. Второй список – хорошо переписанная и великолепно переплетенная рукопись из дугинского собрания Паниных⁶², – должна быть отнесена к концу 1770-х – самому началу 1780-х годов⁶³. Списки восходят к общему, не дошедшему до нас протографу и не связаны друг с другом, о чем свидетельствует их сличение и текстологические наблюдения над работой переписчиков⁶⁴. Так как панинский список более полный, мы будем использовать его текст как основной.

Анонимный русский перевод *Короля-Патриота* был выполнен с французского издания 1750 г. в первой половине 1760-х годов (до 1765 г.). Вероятно, этот перевод связан с Н.И. Паниным, который мог выступить его заказчиком, на что указывает и тот факт, что наиболее полный список перевода сохранился в собрании Паниных, и близость ряда идей воспитателя цесаревича Павла Петровича к взглядам Болингброка. На последний аспект обратил внимание К.Д. Бугров, указавший на схожесть отдельных положений *Рассуждения о непременных законах* (1783), рукописного сочинения Панина–Фонвизина, с идеями *Короля-Патриота*⁶⁵. В частности, исследователь отмечает, что «важнейшее сходство между двумя текстами – характеристика Бога как “ограни-

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 152 Собр. И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича. № 117. Далее – РГБ1.

⁶¹ Для рукописи и переплета использована русская бумага двух типов: Клепиков № 561 (1763–1765 гг.) и № 705 (1765 г., фабрика кн. Петра Репнина).

⁶² ОР РГБ. Ф. 222 Панины. Картон XXIII. № 5. Далее – РГБ2.

⁶³ Для переплета использована русская плотная бумага Красносельской фабрики П. Хлебникова (Клепиков, № 301) – 1777 и 1787 гг. Но весь текст написан на иностранной тонкой бумаге с водяным знаком: почтовый рожок на щите под короной, и литерами GR под ним. Наиболее близок ему тип бумаги № 2753 по Хейвуду, который датируется 1779–1780 гг. (см.: *Heawood E. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum, 1950*).

⁶⁴ Так, в списке РГБ2, принадлежавшем Паниным, читаем: «полезнее оную смешать с аристократиею (правление вельмож) или домократиею (правление народа)» (л. 38); в рукописи РГБ1 из собрания Лукашевича здесь написано верно – «или демократиею» (л. 57). В другом месте панинской рукописи видим: «вольны покрывающие океан» (л. 101 об.); в списке РГБ1 правильно – «волны, покрывающие океан» (л. 149 об). При этом переписчик рукописи РГБ1 пишет: «Махиавелль» (л. 69 об., 71), в РГБ2 всегда – «Махиавель» (л. 47 об., 48 об.). Но в списке РГБ1 переписчик никогда не дает итальянские цитаты Макиавелли, которые переписчик панинской рукописи приводит полностью, правда без перевода. Это означает, что списки между собой не связаны. Поскольку цитаты из Макиавелли отсутствуют в списке РГБ1, более раннем, и наличествуют в РГБ2, очевидно, что существовал протограф, содержащий полный текст перевода, который в одном случае был редуцирован (итальянские цитаты в списке Лукашевича), в другом (панинский список) – искажен ошибками переписчика. В основе обоих списков лежит текст, созданный скорее всего незадолго до 1765 г. (т.е. ранее РГБ1); по-видимому, панинская рукопись, созданная около 1780 г., восходит к нему через промежуточные списки.

⁶⁵ *Бугров К.Д. Монархия и реформы: Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург, 2015. С. 188–191.*

ченного монарха” <...> если уж Бог является ограниченным государем, то что говорить о монархах рода людского: они “принуждены управлять следуя правилам, установленным благоразумию государства, которое и прежде королей было уже государством, и по согласию народа, который не сотворен от них” <...> Панин воспроизвел эти тезисы, однако приспособил их к собственному контексту»⁶⁶. Но, несмотря на наличие близких идей, по мнению К.Д. Бугрова, Болингброк и Панин расходятся в своем понимании происхождения власти и понятия «вольность».

Представляется значимым полное отрицание божественного происхождения монархической власти у Болингброка. Английский мыслитель уверен, что апелляция к божественному происхождению власти не только бесполезна для монархов, но и делает их смешными. Анонимный русский переводчик Болингброка придает этой фразе более резкий тон: «тот, которой хочет что-нибудь себе присвоить, что неприлично ни его достоинству, ни чину, есть совершенной дурак»⁶⁷. Так, Яков I, стараясь народ «обмануть рассеиванием странных понятий вообще о государях, будто они между богом и человеком среднее некое бытие», добился обратного, потеряв «почтение и покорность» своих подданных⁶⁸. Болингброк полагает, что божественная воля вполне выражена в естественном праве, и требует от монарха повиновения законам общества:

Ce raisonnement simple, établit l'autorité légitime des Rois, et l'obéissance des Sujets; et il est plus avantageux pour les Souverains, que leur autorité soit fondée sur des principes incontestables, que sur *les chimères des foux*, ou ce qui est plus commun, sur les sophismes des fripons. *Un droit humain, qui ne peut pas être contredit, est certainement préférable à un prétendu droit divin*, que tout homme peut mettre en doute, ou ne pas croire du tout⁶⁹.

Сие простое умствование утверждает законную власть королей и повиновение подданных, и то полезнее государям, чтоб власть была основана на непоколебимых правилах, нежели на *дураческих выдумках*, или, что больше случается, на плутовских софисмах. *Человеческое право, котораго опровергнуть не можно, должно предпочтено быть поистинне мнимому божескому закону*, о котором всякой человек сомневается, и которому не совсем доверяет⁷⁰.

Отголоски отдельных идей Болингброка можно найти не только

⁶⁶ Там же. С. 188–189.

⁶⁷ Во франц. переводе: «mais celui qui affecte une chose, qui ne convient ni à son caractère, ni à son rang, est d'une folie consommée» (Lettres sur l'esprit de patriotisme... P. 215–216); у Болингброка фраза звучит ироничней: присваивающий несвойственное себе «виновен в самой безупречной глупости» («He <...> is guilty of most consummate folly»), см.: Letters, on the Spirit of Patriotism: on the Idea of a Patriot King: and on the State of Parties, at the Accession of King George the First. London: A. Millar, 1749. P. 214–215.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 96 об.

⁶⁹ Lettres sur l'esprit de patriotisme... P. 82–83.

⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 35–35 об.

в *Рассуждении о непременных законах*, но и в высказываниях Панина, зафиксированных иностранными дипломатами. В этом отношении примечательно рассуждение Панина о положении дел в России, записанное французским послом бароном де Бретёем в конце 1762 г.:

M. Panin, qui ne respire que la liberté, me disait il y a peu de jours que sa nation n'étoit pas encore assez éclairée pour user modérément d'une liberté absolue, et qu'il lui fallait encore un règne ou deux de bons Princes, qui insensiblement relâcheraient l'excès de leur autorité et la feraient ensuite partager à la nation⁷¹.

В русском переводе Болингброка можно прочесть пассаж о неограниченной монархии, которая существует только у непросвещенных народов:

Монархия, не имеющая пределов, в которой все зависит от произволения одного такого человека, которой никогда не может быть образцом и примером прочим, весьма противна разуму, и она заведена больше для диких, нежели для просвещенных и политических народов⁷².

Панин, «вздыхающий о свободе», соглашается с Болингброком, что для непросвещенных народов необходима «монархия, не имеющая пределов», но монарх должен ограничивать свою власть по мере просвещения «нации». Русский народ еще недостаточно «просвещен и политичен», поэтому не готов принять полную свободу⁷³.

В русском переводе книги Болингброка говорится, что монарх должен хранить «вольности» своих подданных, заботиться о «приращении славы (что царь патриот должен почитать наиболее), которую имеет приобрести предприятием толь великаго намерения, каково есть, возставить и утвердить в непоколебимости *вольность подданных*, которые были утеснены и разорены при прежде его бывшем государе»⁷⁴. Панин, обращаясь сначала к Екатерине с аргументацией необходимости реформ в 1762–1763 гг. и позже, в 1783 г., к своему воспитаннику – наследнику престола Павлу Петровичу, использует схожую систему аргументов. О том же пишет Панин в обширном докладе, предшествующем проекту учреждения Императорского совета и реформы Сената в 1762 г.: он критикует правления Елизаветы Петровны и Петра III, при которых «государственные дела [остались] без попечительства, без призрения, все было смешано», и призывает новую императрицу «основать и утвердить форму

⁷¹ См.: Le Baron de Breteuil au Duc de Praslin (Moscou, le 20 Décembre 1762) // Сборник РИО. 1884. Т. СХL. С. 134.

⁷² ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 37.

⁷³ Подобные высказывания можно обнаружить в «Рассуждении о непременных законах» Панина-Фонвизина, где утверждается, что государство «так скоро не может быть подвергнуто конечному разрушению, как если вдруг и не приуготова нацию дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные европейские народы» (Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 265).

⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 46 об.

и порядок правительства», для того чтобы оно могло «действовать в праведную и общую пользу и благосостояние возлюбленного вами народа»⁷⁵.

Болингброк, ссылаясь на Макиавелли, утверждает словами русского переводчика, что «наибольшая слава приписывается тому государю, который учреждает доброе правление и вольное состояние государства», и сочувственно говорит о флорентийском мыслителе: «он почитает тех, которые в состоянии будучи завести Республику, предпочитают тиранство, то есть монархию необузданную законами, за людей обманувшихся ложным добра понятием и мечтательным славы видом». Русский переводчик передает согласие Болингброка: «Макиавель рассуждает справедливо», его суждение верно, поскольку «государя не уменьшают своей власти ее ограничивая»⁷⁶.

Отголосок этих мыслей мы найдем в донесении барона де Бретёя⁷⁷, которому Панин сообщил о решительном разговоре с императрицей в феврале 1763 г., по поводу своего проекта Императорского совета:

Il prétend lui avoir dit qu'il lui serait à la vérité préjudiciable de faire des arrangements qui semblaient altérer son *autorité despotique*; mais 1-*o* qu'il ne croyait pas qu'Elle ambitionnât l'usage d'un pouvoir, dont Elle connaissait l'abus et l'injustice⁷⁸. 2-*o* que le temps d'aveuglement et de soumission honteuse à l'homme était passé en Russie⁷⁹. 3-*o* qu'elle ne pouvait être une Impératrice ordinaire; qu'il fallait que le choix des Russes fût justifié par des *avantages universels pour la nation*, qu'un autre ne lui eût pas accordés, et que le repos et la gloire de son règne étaient attachés à ces marques de sa reconnaissance⁸⁰. 4-*o* que l'honneur et la sureté de ceux qui l'avaient le plus servi dans ses vues, exigeaient qu'elle fit des démarches qui les missent à l'abri des recherches et des punitions illégales, auxquelles jusqu'ici tout Russe se trouvait exposé d'un moment à l'autre⁸¹.

⁷⁵ Черновой текст доклада Н.И. Панина цит. по: Бугров К.Д. Монархия и реформы. Прил. С. 235.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 47.

⁷⁷ Le Baron de Breteuil au Duc de Praslin (Moscou, le 12 Février 1762) // Сборник РИО. Т. CXL. С. 162–163.

⁷⁸ Ср. с утверждением Панина, наставляющим уже Павла (1783): «<...> желать деспотичества есть не что иное, как желать найти себя в состоянии пользоваться сею пагубною властью. Невозможность делать зло может ли быть досадна государю?» – Фонвизин Д.И. Указ. соч. Т. 2. С. 262.

⁷⁹ Ср.: «Существо всеблагому может ли быть приятно повиновение, вынужденное одним страхом? И такое гнусное повиновение прилично ль существу, рассудком одаренному? Нет, оно недостойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей.» – Там же. С. 262.

⁸⁰ Панин явно ведет речь о правах дворянства, прежде всего, подтверждении его *вольности*. В 1783 г. Панин утверждал, что Государь «должен знать, что нация, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попечению», монарх может «жаловать почести и преимущества частным людям, но что самое нацию ничем пожаловать не может, ибо она дала ему все то, что он сам имеет» – Там же. С. 261.

⁸¹ Ср.: «Истинное блаженство государя и подданных тогда совершенно, когда все находится в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удостоверения о своей безопасности. Вот прямая *политическая вольность* нации» – Там же. С. 263.

В русском переводе книги Болингброка можно было прочесть схожие с панинскими утверждения о том, что «польза народа есть последний и истинный конец правления», а «самая наибольшая польза народа есть его вольность», при этом «государь любитель отечества узнает, что обязательство защищать и сохранять вольность есть наисвященнейшее из всех его должностей»⁸². Только «государи слабого разума и развращенного сердца <...> почитают права и выгоды народа за упадок прав и преимущества короны, и правила и законы, введенные для безопасности народной, за пределы их величества и власти»⁸³. Панин пытается ровно в том же убедить и Екатерину II, и Павла Петровича. В русском переводе книги Болингброка идет речь об «учреждении государства» как о «скрижалях» государей, именно это имела ввиду сама императрица в манифесте 6 июля 1762 г., когда обещала «узаконить» «государственные установления». Смысл этого намерения проясняется при сопоставлении текста оригинала и перевода:

Un Roi Patriote <...> considérera la constitution de l'Etat comme une loi composée de deux tables, contenant les regles de son Gouvernement <...> il sentira que son droit se borne à ce qui lui est confié par la constitution de son état <...> En un mot, il respectera la constitution de l'Etat, comme la loi de Dieu et de l'homme, dont la force le lie autant que les moindres Sujets, et dont la raison l'enchaîne encore plus qu'eux. <...> tout Prince qui parvient au Trône, par droit de succession, fût-il le dernier de cinq cens, y parvient sous les mêmes conditions, aus-quelles le premier s'est soumis, soit formellement, soit implicitement, aussi bien que sous celles, qui depuis ont pû être établies par une autorité légitime, et que le Sang royal ne donne aucun droit, ni l'ancienneté de succession aucune prescription contre la constitution du Gouvernement⁸⁴.

Государь патриот <...> почтет учреждение государства за заповедь на двух досках написанную, содержащую законы его правления <...> Он узнает, что его право ограничивается тем, что ему поручено узаконением государства. <...> Одним словом, он почтет учреждение государства за закон божеской и человеческой <...> всякой государь, которой взошел на престол по праву наследства, хотя бы он был последней, восходил с такими же договорами, которым первой был подтвержден, хотя явно, хотя под прикрытием, так как и с теми, которые после могли введены быть по законной власти, и крови царской, не дает никакого права, ни древности преемства, ни какому узаконению против учреждения правления⁸⁵.

«Учреждение государства», «узаконение государства» и «учреждение правления» выступают у переводчика как синонимы одного понятия

⁸² ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 50 об.–51.

⁸³ Там же. Л. 51.

⁸⁴ Lettres sur l'esprit de patriotisme... P. 119–121.

⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 51–51 об.

тия – *constitution*⁸⁶. Эта идея постоянных «узаконений», определяющих государственный порядок и не подверженных своеволию монарха, была близка Никите Панину, который писал Екатерине об «учрежденных уставах» в конце 1762 г., раскрывая здесь свое представление о *constitution*:

Каждой разумной *сын отечества* признать должен, что никакая великая, особливо же Российская, империя надежнее управляться не может, как монаршеским правлением, то есть самодержавством, но из того не следует, чтоб преемник престола мог, имея законное право, без всяких границ все нарушить, что похочет <...> [и] своего самодержавнаго предместника *непоколебимо учрежденные уставы*, яко то: веру духовную, твердость и безопасность имении подданных, их разныя кондиции и состоянии, достаточно установленную им форму правительства⁸⁷.

Призыв Панина установить «непоколебимо учрежденные уставы, связывался им с порядочными «благополицованными»⁸⁸ «христианскими правительствами в Европе». Он был основан на вере в монарха-реформатора, который смог бы утвердить «вольность» в сердцах соотечественников. Эта концепция конкретизируется у Болингброка в идее «короля-патриота» призванного восстановить клонящуюся к упадку свободу. Панин, как и Болингброк, видит в поддержании «вольности» и закона главную функцию государя. В переводе книги Болингброка можно прочесть следующее рассуждение, близкое Панину:

Вольность основана на двух пунктах. Порядок есть первой пункт (по махиавеллеллову мнению): и я не думаю, чтоб можно ему лучше дать имя; он чрез то разумеет не только форму и обыкновения, но разныя классы и собрания людей с разными их властями и выгодами. Другой пункт состоит в свойстве и нравах народа, от единодушия и согласия людей зависит сохранение вольности. Но порядки государственные могут быть действительно переменены, и ежели развращены нравы народа, то от сея перемены порядков скоряе приключится потеряние вольности, нежели они совсем уничтожатся⁸⁹.

⁸⁶ О значении понятия «конституция» в середине XVIII в. см.: *Mohnhaupt H., Grimm D. Verfassung. Konstitution, Status, Lex fundamentalis // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von R. Koselleck. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 831–862; Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / под ред. А.И. Миллера, Д.А. Сдвижкова, И. Ширле. М., 2012. Т. 1. С. 94–150.*

⁸⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 400. Л. 178 об.– 179.

⁸⁸ «Благополицованный» – калька с фр. выражения «un état bien policé»; отглагольное прилагательное *policé* – от глагола *policer*, который переводился на русский следующим образом: «<...> завести, учредить благочиние, гражданской порядок, уставы, благоустроить, благоучредить. *Policer un Etat*, Государство благоустроить, учредить в оном Гражданской порядок, уставы» – см.: Полной французской и российской лексикон / С последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей. СПб.: Имп. тип., 1786. Ч. 2. С. 292).

⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 54.

В этой ситуации падения нравов и «перемены» государственных порядков единственным спасением может быть только «принятие престола от царя патриота», поскольку «такой Государь один может спасти свое отечество, котораго погибель весьма далеко разпространилась»⁹⁰. Идея спасения политической свободы посредством добродетельной монархии, восходила к неоримской модели свободных государств⁹¹. Сохранение состояния свободы по Болингброку возможно только «превращением вольного общества в монархию, дабы развращенной народ, которой законом не удержан, мог быть удержан и укрошен государем»⁹², на котором лежит обязанность своим примером исправить нравы нации. Таким образом, круг замыкался – мораль и политика соединялись в фигуре государя, призванного восстановить нравы подданных и учредить «правильный» политический порядок одновременно.

Для просветителей сконструированный образ совершенного государя становится как моделью, так и основой для критики монархов-современников, а вместе с ними общих пороков монархии. В итоге этот монархический идеал вел к осмыслению несоответствия идеала и реальности и способствовал разработке проектов реформ, призванных восстановить утраченный «порядок». Именно здесь можно обнаружить истоки реформаторской деятельности Н.И. Панина и других дворянских «проектеров» второй половины XVIII в., вдохновленных идеями западноевропейских мыслителей.

* * *

Изучение переводов западноевропейских политических сочинений позволяет нам реконструировать интеллектуальный контекст, в котором возникает новый властный дискурс в России третьей четверти XVIII в. Эти тексты во многом отражали «состояние умов» правящей элиты, которая под воздействием просветительских идей, выдвигает требования «дворянской вольности» и «умеренной монархии», а их циркуляция в рукописном виде, свидетельствовала об ограниченном круге читателей, для которых они предназначались. Свойственное всем трем текстам мессианское ожидание совершенного государя⁹³, который исправит нравы

⁹⁰ Там же. Л. 55 об.

⁹¹ О «неоримской» теории свободных государств см.: *Skinner Q. Visions of Politics.* Cambridge, 2002. Vol. 2. P. 118–160, 186, 344–413; *Скиннер К. Свобода до либерализма* / пер. с англ. А.В. Магуна. СПб., 2006. С. 15–56.

⁹² ОР РГБ. Ф. 222. Картон XXIII. № 5. Л. 56 об.

⁹³ Утопизм этой идеи был очевиден самому Болингброку, отмечавшему, что «un Roi Patriote est le plus puissant de tous les Réformateurs; car il est lui-même une espèce de miracle si rarement vu, si peu connu <...>» (*Lettres sur l'esprit de patriotisme...* P. 134). В рус. переводе: «Царь патриот есть наисильнейший из всех реформаторов, или возобновителей государств, ибо он сам собою походит на удивление, толь редко видимое человеческими глазами, и толь мало знаемое» (л. 57 об.).

подданных и вернет им вольность, установив правильное «учреждение» (*constitution*), оказалось близко не только братьям Н.И. и П.И. Паниным, но и князю М.М. Щербатову. Последний в финале своего памфлета *О повреждении нравов* видит тот же выход из состояния общей коррупции, что и виконт Болингброк. Этот общий образ мыслей российской дворянской элиты во второй половине XVIII в. свидетельствовал о сближении ее политического сознания со взглядами западноевропейских элит, активно продуцировавших обновленный монархический дискурс, идеалом которого выступал «государь-гражданин/патриот», находившийся на службе общества.

S. V. Polskoy

**The Duty of the Patriot Prince:
Russian Manuscript Translations and Monarchical
Discourse of the Enlightenment in the Third Quarter
of the 18th Century**

The article examines three translations made in the 1750^s – 1760^s from French into Russian. The first is François de Fenelon's *Directions pour la conscience d'un roi*, which was translated by prince Mikhail Shcherbatov (1758), the second is the anonymous *Pensées politiques sur les devoirs d'un roi citoyen*, which was the work of an unknown translator, most likely by the order of Roman or Mikhail Vorontsov (between 1754 and 1756), and the last one is known in two copies and was done from the French translation of *Idea of a Patriot King* by Henry Bolingbroke (first half of the 1760^s) – one of them belonged to the brothers Nikita and Pyotr Panin. Studying the Russian translations of Western political writings allows us to reconstruct the intellectual context in which a new discourse of power emerged in the third quarter of the 18th century. These texts reflected the «state of mind» of the Russian ruling elite, who, under the influence of the Enlightenment ideas, demanded «freedom of the Nobility» and «moderate monarchy».

CLAUS SCHARF

WHAT DID FOLLOW THE ENLIGHTENMENT?
SCHLÖZER AND HIS PROMINENT STUDENTS IN GERMANY,
IN THE HUNGARIAN KINGDOM AND
IN THE RUSSIAN EMPIRE

A NEW SCHEDULE FOR RESEARCH ON AN OLD QUESTION

In most European languages it is popular and completely reasonable to call the Eighteenth century «le siècle philosophique», «the age of reason», «the century of the Enlightenment» or «le siècle des lumières»¹. But in the standard periodization the Enlightenment in Europe ends more or less suddenly – before the end of the century – with the disillusionment with the French Revolution. So in Wikipedia one may learn about the «Age of the Enlightenment» what would follow after it: «After the Revolution, the Enlightenment was followed by an opposing intellectual movement known as Romanticism»². In 1812 Friedrich Schlegel, one of the intellectual leaders of the Romantic school in Germany, retrospectively criticized «the general illness of the century, the wrong philosophy» and «the despotism of Reason»³. Ten years later the philosopher Georg Wilhelm Friedrich Hegel regarded the Enlightenment as a past period and, like Schlegel and other German philosophers, counterposed the influence of the French protagonists of the Enlightenment as to the «real» or «true» German Enlightenment⁴.

© Claus Scharf, 2018

¹ *Venturi F.* Europe des Lumières: Recherches sur le dix-huitième siècle. Paris, 1971; *Delon M.* Lumières (Représentations des) // Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon. Paris, 1997. P. 659–662; *Schneiders W.* Das Zeitalter der Aufklärung. München, 1997. 3. Aufl. 2005; *Stollberg-Rilinger B.* Europa im Jahrhundert der Aufklärung. Stuttgart, 2000.

² https://en.wikipedia.org/wiki/Age_of_Enlightenment. 28 May 2017.

³ Citations in: *Stuke H.* Aufklärung // Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1972. Bd. 1. S. 243–342; reprint: Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Ideengeschichte: Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von W. Conze und H. Schomerus. Stuttgart, 1979. S. 21–120, here S. 90–92.

⁴ Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Ideengeschichte. S. 92–96. About the term of the «true Enlightenment» in Germany since the last three decades of the Eighteenth century:

From another perspective, however, the Enlightenment persevered beyond the French Revolution, even in Germany. In a more optimistic interpretation by Dieter Langewiesche, a historian at the University of Tübingen, the Nineteenth century was mainly «the century of Liberalism»⁵. As did many other historians before and after him, he described a «long» Nineteenth century in Germany and Europe as Benedetto Croce⁶, Franz Schnabel⁷ and Fritz Valjavec⁸, or more recently Thomas Nipperdey⁹, Lothar Gall¹⁰, David Blackburn¹¹ and Franz J. Bauer¹². Dieter Langewiesche found many aspects of continuity between Enlightenment and Liberalism: liberal elements in the Enlightenment or enlightened remains especially in the liberal and Protestant world of ideas. But because the Enlightenment also belonged to the liberal self-image of the movement's own roots, Langewiesche had about three decades ago already asked for a schedule to find concrete connecting lines between Late Enlightenment and Early Liberalism in Germany¹³.

As a preliminary contribution to this agenda this essay will present a possible research method and some initial insights. The best modern scholarship on the Enlightenment in the Eighteenth Century has examined not only the history of ideas but also the Enlightenment as a social and cultural movement, the history of men and women, of authors, editors, readers and critics, with salons, clubs, societies and circles of correspondence. Under this precondition we should look for similar groups and networks in the next generation and find out their ideas, political orientations, social and cultural activities in the decades following the French Revolution. Such a method of investigating common characteristics in the individual biographies of a defined historical group systematically is known as prosopographic research.

Ibid. S. 61–64; *Schneiders W.* Die wahre Aufklärung: Zum Selbstverständnis der deutschen Aufklärung. Freiburg; München, 1974.

⁵ *Langewiesche D.* Deutscher Liberalismus im europäischen Vergleich: Konzeption und Ergebnisse // Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich: Dreißig Beiträge / Hrsg. von D. Langewiesche, mit einem Vorw. von J. Kocka. Göttingen, 1988. S. 11–19, citation S. 11.

⁶ *Croce B.* Storia d'Europa nel secolo decimonono. Bari, 1932.

⁷ *Schnabel F.* Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. Freiburg, 1933. Bd. 2.

⁸ *Valjavec F.* Die Entstehung der politischen Strömungen in Deutschland 1770–1815. München, 1951.

⁹ *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. Bd. 1.

¹⁰ *Gall L.* Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft. München, 1993.

¹¹ *Blackburn D.* The Long Nineteenth Century (Fontana History of Germany 1780–1918). London, 1997.

¹² *Bauer F.J.* Das «lange» 19. Jahrhundert: Profil einer Epoche. Stuttgart, 2004.

¹³ *Langewiesche D.* Spätaufklärung und Frühliberalismus // «...aus der anmuthigen Gelehrsamkeit»: Tübinger Studien zum 18. Jahrhundert: Dietrich Geyer zum 60. Geburtstag / Hrsg. von E. Müller. Tübingen, 1988. S. 67–80.

However, until now this method has mainly been used for studies of premodern times¹⁴.

As a sample of individual biographies I will choose the historical group of students of August Ludwig Schlözer (1735–1809)¹⁵, after his stay at the Academy of Sciences in St. Petersburg, from 1769 professor of History, Statistics and Politics at Göttingen University in the electorate of Hanover, whose elector from 1760 until 1820 was the absent King George III. Since the 1970s professor Schlözer has been regarded – partly rediscovered, partly newly valued – as an outstanding protagonist of the «Enlightenment as a politicizing cultural process» and of the «politicization of the Enlightenment» in Eighteenth-Century Germany¹⁶. This characterization as a «homo politicus» is, of course, based on his publications on Statistics and Political Science¹⁷, but even more on his activities in political journalism as courageous editor of the influential journals *Briefwechsel meist statistischen Inhalts* (1775), *Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts* (1776–1782) and *Stats Anzeigen* (1782–1794)¹⁸.

«THE SCHOOL OF GÖTTINGEN»

Independently of Schlözer's own role, Göttingen University offered since its foundation in the years 1734–1737 the most favourable institutional and personal conditions for sciences in Germany in the age of the Enlightenment. Credit for this environment belongs to the Hanoverian minister Gerlach Adolph Freiherr von Münchhausen (1688–1770). In the second half of the Eighteenth century, its cosmopolitanism, its practical orientation, and the lively interest of many of the professors in contemporary politics contributed to the university's unique attractiveness¹⁹. In particular officialdom in the

¹⁴ Stone L. Prosopography//Daedalus. 1971. Vol. 100, N1. P. 46–79; Bulst N. Zum Gegenstand und zur Methode von Prosopographie, <https://pub.uni-bielefeld.de/download/1784535/2314471>. 7 Dec. 2017.

¹⁵ Among the recent interdisciplinary research on Schlözer some monographs are to mention: *Karle J.Th.* August Ludwig von Schlözer: An Intellectual Biography: Ph. D. diss. Columbia University. New York, 1972; *Warlich B.* August Ludwig von Schlözer 1735–1809 zwischen Reform und Revolution: Ein Beitrag zur Pathogenese frühliberalen Staatsdenkens im späten 18. Jahrhundert: Diss. Erlangen-Nürnberg, 1972; *Becher U.A.J.* Politische Gesellschaft: Studien zur Genese bürgerlicher Öffentlichkeit in Deutschland. Göttingen, 1978; *Hennies W.* Die politische Theorie August Ludwig von Schölzers zwischen Aufklärung und Liberalismus. München, 1985; *Scattola M.* La nascita delle scienze dello Stato: August Ludwig Schlözer (1735–1809) e le discipline politiche del Settecento tedesco. Milano, 1994; *Peters M.* Altes Reich und Europa: Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster, 2003 (second edition Münster, 2005).

¹⁶ These citations follow the title of the volume of a conference: *Aufklärung als Politisierung – Politisierung der Aufklärung* / Hrsg. von H.-E. Bödecker, U. Herrmann. Hamburg, 1987.

¹⁷ A bibliography of Schlözer's publications: *Peters M.* Op. cit. S. 467–479.

¹⁸ *Ibid.* S. 216–231.

¹⁹ *Hammerstein N.* 1787 – die Universität im Heiligen Römischen Reich // Stationen der Göttinger Universitätsgeschichte: 1737–1787–1837–1887–1937: Eine Vortragsreihe / Hrsg. von B. Möller. Göttingen, 1988. S. 27–45, here S. 34–36.

German states of the era of enlightened absolutism applied the curricula of Göttingen University on Public Law, Cameralism, «Policey», Natural Law, Political Philosophy and History²⁰. For our prosopographic approach it will be important to include among Schlözer's students not only those in History but also those in Statistics and Politics. Further, among the students of these subjects in the so-called «School of Göttingen» we should include students of other professors and even other historians besides Schlözer. According to the historian Johann Gustav Droysen (1808–1884), writing in 1857, Göttingen in the Eighteenth century had become the center of «great historical activity». Wilhelm Dilthey (1833–1911) a generation later identified it as «the headquarters of historical studies in Germany». However, we have to recognize that Droysen was referring to a wide range of scholars beyond just historians in the «School of Göttingen»: «theologians, jurists, philologists and scholars of constitutional law working essentially in the same direction»²¹. Moreover, Dilthey understood the «School of Göttingen» to be «a new movement in the historical sciences and the arts» and saw generally two characteristic tendencies: «a deeper scientific direction on the field of interpretation» and «the direction towards an idea of universal history»²². Prior to the influence of the university in Berlin after 1815, Göttingen's successful programme of academic education was «to teach and to direct political reflexion» and «to create the public spirit of a culture»²³. But already at the end of the Eighteenth century «this status of a special political science to be studied by all applicants to higher posts in the administration did not remain the common feature of Prussian / German recruitment policy and gave way to the jurists' monopoly <...> dominating the administration in the Nineteenth and Twentieth centuries»²⁴.

²⁰ *Ingrao Ch.* The Smaller German States // Enlightened Absolutism: Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe / Ed. by H.M. Scott. Basingstoke, Hampshire; London 1990. P. 221–243, here P. 230–231. For the intellectual background of the political disciplines at the German universities in the Eighteenth century: *Maier H.* Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre. Neuwied, 1966 (second edition München, 1980). Here pocket-book edition München, 1986. S. 164–190.

²¹ *Droysen J.G.* Historik: Vorlesungen zur Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte: Historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. von P. Leyh. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1977. Bd. 1. S. 50; *Dilthey W.* Das achtzehnte Jahrhundert und die geschichtliche Welt // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Göttingen, 1992. Bd. 3: Studien zur Geschichte des deutschen Geistes. S. 207–268, here S. 261.

²² *Dilthey W.* Op. cit. S. 261–266; *Idem.* Anfänge der historischen Weltanschauung Niebuhrs // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 3. S. 269–275, here S. 272; *Idem.* Leben Schleiermachers // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Göttingen, 1985. Bd. 14. Citations S. 649–650.

²³ *Marino L.* Praeceptores Germaniae. Göttingen 1770–1820. Göttingen, 1995. Citations S. VI.

²⁴ *Fischer W., Lundgreen P.* The Recruitment and Training of Administrative and Technical Personnel // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. Princeton, NJ, 1975. P. 456–561, here P. 519. About the scientific differentiation of the subject «Policy» at the German universities in the Nineteenth century: *Maier H.* Op. cit. S. 191–258.

SCHLÖZER'S REPUTATION AS AN HERO OF GERMAN «LIBERALISM»

August Ludwig von Schlözer was not forgotten after he died in Göttingen on 21 September 1809 after a long infirmity. Although he had ended his journalistic activities years earlier in 1795, he had mainly continued his work on the edition of Nestor's Chronicle²⁵, as well as other publications and some of his correspondence. But until the end of his life he observed the political pressure on Germany and on Europe under Napoleon's hegemony partly with resignation, partly in shock, in particular after Göttingen's integration into the Kingdom of Westphalen²⁶. All the conditions of state and society in Germany had changed during the last two decades. The political themes in the public interest were also quite different in Napoleonic times than those he had taught about in his lectures at the University or published about in his journals in the last period of the Holy Roman Empire.

In sober and respectful tones the obituaries paid tribute to Schlözer's scientific achievements although so briefly that they did not even mention Russian history as his special field. Above all they praised «the firmness with which he held his intellectual freedom»²⁷ and «the good effects of his openness» in his journals²⁸. Beginning with some of Schlözer's former colleagues and students, liberal authors remembered him time and again as an eminent politically courageous personality. This reputation continued throughout the long Nineteenth century extolling him as a shining example for an active membre of a civil society²⁹. There were also younger German colleagues of Schlözer who supported him in their scientific works on political subjects though they had never been his students³⁰. But only a small

²⁵ Несторъ: Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer. Göttingen: H. Dieterich, 1802–1809. Tle. 1–5.

²⁶ *Peters M.* Op. cit. S. 428–430.

²⁷ Göttinger Anzeigen für gelehrte Sachen: 150. Stück. 21. September 1809. S. 1489. Author was Schlözer's colleague Christian Gottlob Heyne.

²⁸ Allgemeine Literatur-Zeitung. 19. October 1809. N 286. S. 384.

²⁹ *Heeren A.H.L.* August Ludwig von Schlözer // Heeren A.H.L. Historische Werke. Göttingen, 1823. Bd. 6: Biographische und litterarische Denkschriften. S. 498–514; *Schulz W.* Schlözer, August Wilhelm von // Staats-Lexikon oder Encyclopädie der Staatswissenschaften / Hrsg. von C. Rotteck, C. Welcker. Altona, 1843. Bd. 14. S. 303–318; Reprint: Das Staats-Lexikon: Encyclopädie der sämtlichen Staatswissenschaften für alle Stände. Neue durchaus verbesserte und vermehrte Auflage. Altona, 1848. Bd. 12. S. 3–13, here S. 3; *Bock A.* Schlözer: Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts. Hannover, 1844; *Frensdorff F.* Schlözer, August Ludwig // Allgemeine Deutsche Biographie. Berlin, 1890. Bd. 31. S. 567–600; *Idem.* Von und über Schlözer // Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften Göttingen: Phil.-hist. Klasse. N. F. Berlin, 1909. Bd. 11, N 4. S. 3–114.

³⁰ *Voss Chr.D.* Handbuch der allgemeinen Staatswissenschaft nach Schlözer's Grundriß. Bde. 1–6. Leipzig, 1796–1802. On Voss: *Garber J.* Spätaufklärerischer Konstitutionalismus und ökonomischer Frühliberalismus. Das Staats- und Industriebürgerkonzept der postabsolutistischen Staats-, Kameral- und Polizeiwissenschaft (Chr. D. Voss) // *Garber J.* Spätabolutismus und bürgerliche Gesellschaft. Studien zur deutschen Staats- und Gesellschaftstheorie im Übergang zur Moderne. Frankfurt a. M., 1992. S. 77–118.

scholarly community could appreciate him as a specialist for Old Russian sources³¹, and without popular books on German history Schlözer had no chance to become a well-known historian in the memory of the Germans in the Nineteenth century. His journals, important for his lifetime, had no value for posterity. So, in part, the memorial culture had the characteristics of being forced by political necessity because some authors feared Schlözer as an early hero of Liberalism could be forgotten.

Regarding the question of whether Schlözer's political views were in some sense «enlightened», opinions differ, as shown by Martin Peters³². His own interpretation, involving a careful process of differentiation, is convincing. In a short summary he analyzes Schlözer's understanding of «despotism», defined as an illegal and arbitrary form of government, accompanied by a secretive policy and religious intolerance, against which he aimed at the publicity of politics. Referencing Montesquieu, he demanded a participation of the society according to the organization by estates but *a priori* his criticism did not spare any form of government, any kind of society, any confession and any national characteristics. As a necessary precondition for the viability of a state he saw the will to unite the strength of a nation, defined by language and origin, into a «state-society» («Staatsgesellschaft») which should be big and powerful enough to stand along side other European states. Thus, the small Greek republics were not models for him. Similarly, he regretted the political weakness and the disintegration of the Holy Roman Empire, and hoped for a new Empire as a national state of the Germans. In the interest of the people united within a single state, Schlözer preferred a monarch who would feel himself bound by a social contract with his people, and he judged monarchs according to their political actions on behalf of the common good in comparison with their enlightened goals. Amongst the rulers of his own time he regarded as the best examples Friedrich II of Prussia and Catherine II of Russia.

This high regard for enlightened absolutism is not easily compatible with Schlözer's posthumous reputation as a protagonist of Liberalism or of early Liberalism in Germany. Such a characterization is even less plausible because relating to economic policy, he was not a devotee of Adam Smith and rather saw the state as holding primary responsibility to regulate the economy in the common interest against individual interests³³. There is some further indication

³¹ On his place in the historiography on Russia and the Slavic languages: *Neubauer H.* August Ludwig Schlözer (1735–1809) und die Geschichte Osteuropas // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N. F. 1970. Bd. 18. S. 205–230; *Wolle S.* Der Beitrag deutscher Historiker zur Erforschung der altrussischen Geschichte zu Beginn des 19. Jahrhunderts (1801–1815). Berlin, 1984; *Keipert H.* Das «Sprache»-Kapitel in August Ludwig Schlözers «Nestor» und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Göttingen, 2006.

³² For a critical review on selected interpretations: *Peters M.* Op. cit. S. 17–21.

³³ *Ibid.*, and the interim results of Peters' interpretation S. 205, 254–256, 326–329, 399–400, 428–430, and his conclusion S. 433–446, on the economy especially S. 273–280; see also: *Becher U.A.J.* Op. cit. S. 139–140.

that he did not consider his academic positions and his respected standing as an editor of critical political journals to be the ultimate goal of his career. Instead he wished for himself an office with some political influence, perhaps in Russia, in the principality of Hohenlohe, his homeland, or in Prussia³⁴. He was very proud that Emperor Alexander I awarded him the order of St Vladimir in 1803 and ennobled him in 1804 for his «patriotic services» in research on Russia's history. Schlözer had applied diplomatically for these honours himself, because he regarded his edition of Nestor's chronicle as his best historical work³⁵. But at the same time he fervently hoped that Russia would soon help to end Napoleon's hegemony in Germany and elsewhere in Europe³⁶.

SCHLÖZER'S STUDENTS AS SAMPLE FOR THE RESEARCH

ON THE QUESTION

«WHAT DID FOLLOW THE ENLIGHTENMENT?»

Recent research confirms the political importance attached to Schlözer during the whole of the Nineteenth century³⁷. At the same time this finding makes us inquire whether this politicizing and enlightened author had a real political impact posthumously, in which spheres of activity, and which contributions his students inscribed into his public memory, and how they committed themselves in the political, cultural and social processes of their time. Less than twenty years ago a book appeared on the development of the subject «Politics» at Göttingen University after Schlözer³⁸. In contrast to the many studies on the history of ideas, sciences and institutions there are still very few

³⁴ *Frensdorff F.* Schlözer. S. 598; *Peters M.* Op. cit. S. 76, 135–136, 150, 212, 264.

³⁵ Many documents on the ennoblement were published: A.L. Schlözer an seinen Sohn Christian, 30. März 1804 // August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden, und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben von dessen ältestem Sohne Christian von Schlözer. Leipzig, 1828 Bde. 1–2, here Bd. 1. S. 409–414; Aktenstücke, die sich auf A.L. Schlözers von Sr. Majestät, dem hochseligen Kaiser Alexander I. erhaltene Gnadenbezeugung beziehen // Ibid. Bd. 2. S. 1–7; *Модзалевский Б. К.* биографии Августа-Людвига Шлецера // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. VIII, кн. 1. С. 174–205; *Ziegengeist G.* Ungedruckte Briefe von und an Schlözer aus den Jahren 1761–1809 // Zeitschrift für Slawistik. 1985. Bd. 30. S. 480–525. The best interpretations, also on the base of unpublished documents: *Peters M.* Op. cit. S. 424–428; *Henkel T.* August Ludwig (von) Schlözers Russlandbeziehungen: Briefwechsel, Wissenstransfer, Spätwerk // Russland und die «Göttingische Seele»: 300 Jahre St. Petersburg / Hrsg. von E. Mittler, S. Glitsch. Göttingen, 2003. S. 200–220, here S. 215–217.

³⁶ [*Schlözer Chr. von.*] Schlözers öffentliches und Privatleben. Leipzig, 1828. Bd. 1. S. 424–426; *Peters M.* Op. cit. S. 428–430.

³⁷ For example *Warlich B.* Op. cit. S. 1–12, 442–446; *Hennies W.* Op. cit. S. 59–67; *Peters M.* Op. cit. S. 31–34.

³⁸ *Krahnke H.* Reformtheorien zwischen Revolution und Restauration: Die *gesamte Politik* an der Universität Göttingen im ersten Drittel des 19. Jahrhunderts. Frankfurt a. M., 1999.

attempts at social and prosopographic investigations of the former students and their networks from a political point of view.

Still, there are some remarkable exceptions. On the basis of original sources, a register was created of the biographical data of more than 1.600 students of the professor of mathematics and experimental physics, Georg Christoph Lichtenberg (1742–1799)³⁹. Although the data for this register were compiled without any guiding questions⁴⁰, the collection offers opportunities for further research, a precondition we miss for Schlözer's students. A study on a smaller scale is situated closer to our subject: The historian Wolfgang Burgdorf investigated the last envoys to the Reichstag in Regensburg from the perspective of how they experienced and came to terms with the end of the Holy Roman Empire in 1806⁴¹. Most of these diplomats had belonged to a small minority within the 6000 students in total of Johann Stephan Pütter (1725–1807), as professor in Göttingen one of the leading specialists of the Imperial law in Germany.

Another interesting imbalance characterizes studies on the students of this «school of Göttingen». While prosopographic research on these students from the Holy Roman Empire or even from the Electorate of Hanover is notable by its absence, this is not the case for the two largest groups of foreign visitors to this university which in the Eighteenth and early Nineteenth centuries came from the Russian Empire⁴² and the Hungarian Kingdom⁴³. Since

³⁹ Heerde H.-J. *Das Publikum der Physik: Lichtenbergs Hörer*. Göttingen, 2006.

⁴⁰ See the review: Busse N. «Sehr verdrücklich wegen der Pursche!!»: Professor Lichtenberg und seine Studenten // KULT_online. 2008. Ausgabe 15 http://ebme.uni-giessen.de/wps/pgn/home/KULT_online/15-1/. 26 Dec. 2017.

⁴¹ Burgdorf W. *Ein Weltbild verliert seine Welt: Der Untergang des Alten Reiches und die Generation 1806*. München, 2006. Especially S. 13–14, 301, 323.

⁴² See the volumes of the solid editions: Архив братьев Тургеневых. Т. I–VII. СПб. / Пр. / Л., 1911–1931 (Reprint Leipzig, 1976). See also the studies: Wischnitzer M. *Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts*. Berlin, 1907; Истрин В.М. *Русские студенты в Геттингене в 1802–1804 гг.* // Журнал Министерства народного Просвещения. 1910. № 6. С. 80–144; Тарасов Е.И. «Русские геттингенцы» первой четверти XIX века и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 195–209; Andreev A.Ju. *Die «Göttinger Seele» der Universität Moskau: Zu den Wissenschaftsbeziehungen zwischen Moskau und Göttingen im frühen 19. Jahrhundert* // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2001. Bd. 4. S. 83–101; Андреев А.Ю. *Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века*. М., 2005; Lauer R. *Russische Studenten in Göttingen* // Russland und die «Göttingische Seele». S. 323–347; Lehmann-Carli G., Brohm S., Preuss H. *Göttinger und Moskauer Gelehrte und Publizisten im Spannungsfeld von russischer Historie, Reformimpulsen der Aufklärung und Petersburger Kulturpolitik. Mit einer Quellentextausgabe von Teilen der Korrespondenz zwischen den Moskauer Universitätsprofessoren Johann Gottlieb Buhle sowie Christian August Schlözer und dem Kurator der Moskauer Universität Mikhail Nikitič Murav'ev aus den Jahren 1803 bis 1807*. Berlin, 2008.

⁴³ The author is not able to make citations in the Hungarian language but there are some publications by Hungarian authors in German language: Futaky I., Pálvavi E. *Ungarische Quellen zur Göttinger Universitätsgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts* // Göttinger Jahrbuch. 1968. Bd. 16. S. 13–141; Balázs É. A.L. *Schlözer und seine ungarischen Anhänger* // Formen der europäischen Aufklärung: Untersuchungen von Christentum, Bildung und

1770 many of these visitors were attracted by the name of August Ludwig Schlözer.

To date the author of this contribution has not yet worked in the archives of the University of Göttingen or in other archives that may contain informations about the lives of Schlözer's students. Compared with the possibly several thousand students in the forty years when Schlözer was professor in Göttingen and a few of his assistants in St Petersburg working with him on the edition of Old Russian sources, the sample includes at present only 84 biographies, mostly because these students later became prominent authors or political figures. For them it was possible to find biographical information in reference books, in printed sources like memoirs or correspondence, and in the historiography. But it was also easy to find titles of their scholarly monographs and journalistic publications in bibliographies and in the international catalogues of libraries. Fourteen of them were subjects of the Russian Empire as Russians, as Germans or as Serbs, 11 in the sample subjects of the Hungarian Kingdom as Hungarians or as members of German-speaking families from Hungarian towns and counties (*megyék*) and 2 were of Swiss origin. The majority in this small sample consists of subjects of different Imperial estates (electorates, principalities or free cities) in the Holy Roman Empire. It is of special interest that 6 of these Germans, after their education in Göttingen, also worked in Russia, including Schlözer's son Christian August (1774–1831), since 1801 till 1826 professor for State Economy at Moscow University⁴⁴.

Based on such low numbers, the author does not intend to present conclusive statistical results but will be satisfied with some typological aspects to avoid simplifications. Returning to «the question about the continuity or discontinuity of the political Enlightenment in the 19th century»⁴⁵, it would be sufficient for my prosopographic approach to know whether we can confirm the dominant thesis that Liberalism was the main or even the sole heir of the politicized Enlightenment⁴⁶. With this aim my research will be continued on

Wissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien; München, 1976. S. 251–269; *Futaky I.* «Selige Tage im Musensitz Göttingen»: Stadt und Universität in ungarischen Berichten aus dem 18. und 19. Jahrhundert. Göttingen, 1991; *Gönczi K.* Juristischer Wissenstransfer von der Göttinger Universität in das Königreich Ungarn im späten 18. Jahrhundert // *Peregrinatio Hungarica: Studenten aus Ungarn an deutschen und österreichischen Hochschulen vom 16. bis zum 20. Jahrhundert* / Hrsg. von M. Fata, Gy. Kurucz, A. Schindling. Stuttgart, 2006. S. 175–196; *Idem.* Die europäischen Fundamente der ungarischen Rechtskultur: Juristischer Wissenstransfer und nationale Rechtswissenschaft in Ungarn zur Zeit der Aufklärung und im Vormärz. Frankfurt a. M., 2008. As a comparative summary of the research on early modern times: *Schindling A.* Ziele der studentischen Migration aus Ungarn im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation // *Auflösung historischer Konflikte im Donauraum: Festschrift für Ferenc Glatz zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von A. Suppan. Budapest, 2011. S. 193–201.

⁴⁴ *Lehmann-Carli G.* Göttinger Rußlandkompetenz im funktionalen Kontext russischer Bildungs- und Kulturreformen // *Lehmann-Carli G., Brohm S., Preuss H.* Op. cit. S. 7–14.

⁴⁵ See the demand by *Bödecker H.-E., Herrmann U.* Aufklärung als Politisierung – Politisierung der Aufklärung // *Aufklärung als Politisierung*. S. 3–9, citation S. 9.

⁴⁶ See from a critical point of view to research at that time *Langewiesche D.* Spätaufklärung und Frühliberalismus.

the basis of a form or questionnaire with ten questions after the name and the life-span of the male or female student:

1. The territory, the confession and the social order of the origin;
2. the period of time when he or she was Schlözer's student;
3. his or her academic subjects and his or her other professors at the University;
4. his or her travelling and experiences in foreign countries;
5. his or her professional career;
6. his or her scientific contributions;
7. his or her contributions as political author;
8. his or her journalistic activities as editor or owner of a publishing house;
9. his or her offices and honours beyond the profession;
10. his or her political views and ideas.

During the last twenty years, German historians have returned to the historical category «generations» for the period around the turn from the Eighteenth to the Nineteenth centuries⁴⁷. But for Schlözer's students, even in my small sample, it is difficult to use this category systematically. First, the years of their birth extend over more than half of a century from 1738 till 1790; an especially striking example is Schlözer's first assistant in Russia, the historian Semen Bashilov, born in 1741, died in 1770. But more than hundred years later, in 1871, the famous author Nikolay Turgenev died. Turgenev had not been a student of Schlözer like his brother Aleksandr but had been impressed for his whole lifetime by the good fortune of meeting the old Schlözer in his home in Göttingen in 1809 a few days before the already very ill and blind scholar died⁴⁸. So it is not possible to assume a collective memory of Schlözer's students although nearly all of them experienced the revolutionary year 1789. Second, there was also no common «social sphere» to constitute a «generation» able to cooperate regionally, professionally or politically as a definable unit⁴⁹. The former students of Göttingen university, however, integrated themselves into very different elites and supported different political opinions. As members of those elites, they became «prominent», as already mentioned above, and found mention in reference books.

Only a few of Schlözer's former students published memories about their lives in Göttingen and about their professors. One writing in the 1820s was Carl

⁴⁷ Schulz A. Generationserfahrungen bürgerlicher Eliten im Vormärz // Eliten um 1800: Erfahrungshorizonte, Verhaltensweisen, Handlungsmöglichkeiten / Hrsg. von A.V. Hartmann, M. Morawiec, P. Voss. Mainz, 2000. S. 409–424; Best H. Geschichte und Lebensverlauf: Theoretische Modelle und empirische Befunde zur Formierung politischer Generationen im Deutschland des 19. Jahrhunderts // Generationswechsel und historischer Wandel / Hrsg. von A. Schulz, G. Grebner. München, 2003. S. 57–70. (Historische Zeitschrift. Beiheft. N. F. Bd. 36); Mader E.-O. Die letzten «Priester der Gerechtigkeit»: Die Auseinandersetzung der letzten Generation von Richtern des Reichskammergerichts mit der Auflösung des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation. Berlin, 2005; Burgdorf W. Op. cit. S. 9–18.

⁴⁸ Mohrmann H. Studien über deutsch-russische Begegnungen in der Wirtschaftswissenschaft (1750–1825). Berlin, 1959, S. 54–55.

⁴⁹ See the convincing arguments by Schulz A. Generationserfahrungen. S. 416.

Julius Weber (1767–1832)⁵⁰, a countryman of Schlözer, born in Langenburg in Hohenlohe. But Weber's rich information about his own life demonstrates another difficulty of classification because it presents a complicated sequence of professions and political orientations after his law studies. In 1790 he had waited without success for a position at Göttingen University when Schlözer convinced him to accept the offer of a place as steward to a rich bankers' family in Vaud, with the argument that Weber as an admirer of the *philosophes* and Rousseau would have the opportunity in Switzerland to be near to the French Revolution. As a farewell present Schlözer gave him his portrait drawn by his wife with a dedication that this would be «the handwriting of the enemy of the tyrants»⁵¹. The employer in 1791–1792 not only allowed Weber to travel in Switzerland and in France to the revolutionary cities but even supported him financially⁵². In 1792, much like Schlözer, Weber as a monarchist lost his sympathy for the Revolution and returned to Germany. Although as late as 1830 he defended his enlightened convictions, he acknowledged the irony that in his later life he had looked for the safe and quiet job of a German privy councillor. In fact he worked more than ten years in such positions in the service of different counts. Since 1818 back in Hohenlohe after a great deal of travelling, he started a career as a freelance author of extended works on history and social criticism. As a deputy in the Württemberg House of the Estates in 1820–1824 he was not very noticeable but was regarded as a «sincere constitutionalist»⁵³, as liberal («freisinnig») but not at all as «revolutionary» or «ultraliberal»⁵⁴. In his memories Weber was still impressed that «under the pressure of our time», the period of the Restoration, his professor «once had upheld the torch of Publicity»⁵⁵ and appreciated Schlözer's journals as counterweights against illegal and arbitrary state actions⁵⁶.

My sample of Schlözer's students includes even two crown princes, Ernst August, prince of Great Britain (1771–1851) and a very reactionary king from 1837 to 1851, also in conflict with the University of Göttingen, and Ludwig of

⁵⁰ Autobiographical texts: *Weber C.J. Kurze Selbstbiographie: Umfaßt hauptsächlich die Jahre 1792 bis 1802 // Weber C.J. Sämmtliche Werke. 1. Aufl. Stuttgart, 1834–1849. Bde. 1–30. Here Bd. 27: Demokritos, oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen. Bd. 12. 1841. S. IX–XVIII; Idem. Fragment meines Lebens. 1802–1804 // Ibid. 2. Aufl. Stuttgart, 1848. Bd. 1: Democritos. Bd. 1. S. 5–46. On the biography: Carl Julius Weber, geschildert nach seinem Leben, eigenthümlichen Wesen und schriftstellerischen Wirken // Ibid. Bd. 1, 1. Aufl.: Das Papstthum und die Päpste. Tl. 1. Stuttgart, 1834. S. I–LXXII; Mendheim M. Weber, Karl Julius // Allgemeine Deutsche Biographie. Berlin, 1896. Bd. 41. S. 334–339; Blümcke M. Karl Julius Weber, der Demokrit aus Hohenlohe (1767–1832). Marbach, 1996.*

⁵¹ *Weber C.J. Dritter Brief: Göttingen // Weber C.J. Deutschland oder Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen. Stuttgart, 1828. Bd. 4. S. 54–76. Here 2. Aufl. Stuttgart, 1834. Bd. 4. S. 57–82, citation S. 75.*

⁵² Carl Julius Weber, geschildert nach seinem Leben. S. XV–XVIII.

⁵³ *Mendheim M. Op. cit. S. 335.*

⁵⁴ Carl Julius Weber, geschildert nach seinem Leben. S. LII.

⁵⁵ *Weber C.J. Dritter Brief: Göttingen. S. 75.*

⁵⁶ *Weber C.J. Die Sittlichkeit der Satire // Weber C.J. Demokritos oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen. Stuttgart, 1837. Bd. 8. S. 14–24, here S. 19.*

Bavaria (1786–1868), as Ludwig I a reforming king since 1825 according to the Bavarian constitution of 1818 but since 1830 under pressure on one side by a strong liberal movement, on the other side by antirevolutionary forces until he had to abdicate during the Revolution of 1848. Some future ministers were also amongst the students in Göttingen during Schlözer's time, and the old historian could still notice their policy against Napoleon's hegemony. There were the Prussian reformers Karl vom und zum Stein (1757–1831), may be for a short time also Wilhelm von Humboldt (1767–1835) while Friedrich von Hardenberg (1750–1822) had just left the university before Schlözer arrived. As the American historian Charles Ingrao stated: Stein's «university education at Göttingen inspired his advocacy of an independent peasantry, municipal autonomy, economic freedom, and corporate representation»⁵⁷. Also the Austrian reformminister Johann Philipp Graf von Stadion (1763–1824) had been a student in Göttingen at Schlözer's time and promoted in Austria against the French «mass patriotism paralleled the Jacobin's appeal to the French nation»⁵⁸.

While the great proportion of Schlözer's students in my sample later became officials in the service of the monarchs in the tradition of the German forms of Enlightened absolutism and others liberal journalists, some exceptions can be mentioned. In Hungary, all the former students were protestants of the Lutheran confession and belonged to a cultural elite in the towns and in the counties in opposition to Vienna and the dominating Catholic church. There were also some radicals or democrats within the sample: in Germany for example Friedrich Wilhelm August Murhard (1778–1853), a critical and constitutionalist author in the Pre-March era in Hesse, and the already mentioned Nikolay Turgenev in Russia, who as an educated economist was an opponent of serfdom and of the system of taxation in Russia, belonged to the secret societies against autocracy and was sentenced to forced labour although he had been abroad during the uprising of the Decembrists in 1825⁵⁹. He remained in emigration in Paris where in 1847 he published a report in three volumes about his life and argued for his and the Decembrists' political aims⁶⁰.

Although the research remains incomplete, I can conclude that certainly not only liberals were the heirs of the Enlightenment because there were politically different heirs, also reforming monarchs and their officials and advocates as well as conservatives and even some isolated democrats. Others, like Weber, changed their political orientations once or several times during their life-times. But this provisional result would also fit into the pattern of the

⁵⁷ *Ingrao Ch. War and Legitimation in Germany in the Revolutionary age // Reich oder Nation? Mitteleuropa 1780–1815 / Hrsg. von H. Duchhardt, A. Kunz. Mainz, 1998. S. 1–19, here S. 18.*

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Декабристы: Биографический справочник / Изд. подготовлено С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М., 1988. С. 180, 326.*

⁶⁰ *Tourgenev N. La Russie et les Russes. Paris, 1847. 3 vols.*

political indifference of the Enlightenment itself. As Dorinda Outram wrote: «It is no longer possible to see it, even within France itself, as a movement uniquely dedicated to the ideological undermining of throne and altar»⁶¹.

Клаус Шарф

**Что пришло на смену Просвещению?
Шлёцер и его знаменитые ученики в Германии,
Венгерском королевстве и Российской империи**

Исследователи европейского Просвещения и сегодня пытаются понять, как Просвещение – в качестве особого комплекса идей, в качестве культурного, социального и политического движения – завершилось и что пришло ему на смену. Обычно считается, что итогом Просвещения стало распространение либерализма.

В рамках своей темы автор статьи предлагает эмпирический метод, позволяющий представить этот результат более дифференцированно. В 1769 г. Август Людвиг Шлёцер, завершив пребывание в Санкт-Петербургской Академии наук, занял должность ординарного профессора на кафедре Гёттингенского университета. Вскоре он получил признание как лучший немецкий историк и в то же время как наиболее влиятельный немецкий публицист и издатель просветительских журналов. Судьба студентов, учившихся у Шлёцера в то время, когда он преподавал в Гёттингене – начиная с 1769 г. и до своей смерти в 1809 г., – дает хороший материал для изучения поставленных выше вопросов. Профессиональные карьеры и жизненные траектории учеников Шлёцера, их общественные связи, их контакты со Шлёцером после отъезда из Гёттингена, их научная, культурная, конфессиональная и политическая деятельность, их публикации и идеи – все это представляет большой интерес для исследователя. Большинство студентов Шлёцера происходили из немецкоязычных государств, а среди его иностранных учеников преобладали протестанты из венгерской части монархии Габсбургов и подданные Российской империи. Многие из них прожили после его смерти не одно десятилетие, некоторые были живы накануне и во время революции 1848 г. в Германии. Автор проанализировал около восьмидесяти биографий, позволяющих проследить дальнейшие судьбы просветительских идей, воспринятых этими людьми во время учебы в Гёттингенском университете.

⁶¹ *Outram D.* The Enlightenment. Cambridge, 2005 (second edition: New Approaches to European History, 31). P. 131.

Л.Ю. ПОСОХОВА

«САД УКРАИНСКИХ НАУК» И ЕГО СОЗИДАТЕЛИ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

«Сад украинских наук»¹ – так во второй половине XVIII в. современники стали называть особую группу образовательных учреждений – Киево-Могилянскую академию, Черниговский, Харьковский и Переяславский коллегиумы², вкладывая в это метафорическое выражение новые смыслы просветительского толка. Наиболее известным из этих учебных заведений был Киевский (Могилянский) коллегиум, который получил статус «академии» сначала в Речи Посполитой, а затем и в России. В первой половине XVIII в. на украинских землях, входивших в состав Русского государства / Российской империи, были основаны еще три православных коллегиума – Черниговский (1700), Харьковский (1726) и Переяславский (1738). Вплоть до реформы духовных учебных заведений в Российской империи 1808 г. в них сохранялась специфика обра-

© Л.Ю. Посохова, 2018

¹ Выдающийся украинский философ Григорий Сковорода в 27-й песне *Сада божественных песен* называет Харьковский коллегиум садом/вертоградом (Сковорода Г.С. Сад божественных пѣсней // Сковорода Г.С. Повне зібрання творів: В 2 т. Київ, 1973. Т. 1. С. 84). В рукописном сборнике речей, од и стихов студентов Харьковского коллегиума, адресованных харьковскому епископу Христофору Сулиме в начале XIX в., неоднократно встречается пожелание, чтобы в коллегиуме (на «Олимпе», «Парнасе») и в дальнейшем «Украина процветала», была «Украина благословенна» и расцветал «сад украинских наук» (Відділ книжкових пам'яток, цінних видань і рукописів Центральної наукової бібліотеки Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна (далее – ВР ЦНБ ХНУ імені В.Н. Каразіна). Зібр. рукописів. Спр. 682-р 1336/с. Арк. 2, 9).

² Этим учебным заведениям посвящено немало работ; см. последние, имеющие отношение к нашей теме и содержащие историографические обзоры: Яременко М. «Академіки» та Академія: Соціальна історія освіти й освіченості в Україні XVIII ст. Харків, 2014; Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016. («Ubi universitas, ibi Europa»).

зовательной модели – сплав западноевропейской и восточнославянской культурно-образовательных традиций – которая основывалась на так называемой «латинской учености»³.

Православные коллегиумы возникли и развивались в полосе культурного пограничья, где встреча культур порождала культурное разнообразие, новые формы и смыслы. Именно в ходе трансфера и адаптации европейских образовательных форм, путем перевода модели иезуитского коллегиума из плоскости «другого» в плоскость «своего», состоялось рождение такого феномена как «православный коллегиум». Некоторые черты западно- и центральноевропейских «образцов» были утрачены или изменены в ходе приспособления к местным условиям. Но многое оставалось неизменным. Так, в коллегиумах и Киевской академии на протяжении всего XVIII в. учились представители всех сословий, а выходцы из духовного сословия после завершения учебы могли занимать светские должности⁴. Во второй половине столетия в программах коллегиумов произошли существенные изменения, отразившиеся прежде всего на внедрении научных достижений Нового времени.

Исторические условия формирования и деятельности этих школ обусловили тот факт, что пространство коллегиумов не отгораживалось от городской среды, благодаря чему в XVIII в. на украинских землях прижились некоторые формы университетской городской культуры (академические праздники, диспуты, зазвучали канты, поздравления на разных языках, прежде всего на латыни, языке европейской учености того времени). Все это способствовало появлению в местном обществе новых культурных традиций и практик.

Во второй половине XVIII в. Киевская академия и коллегиумы стали своеобразными «организационными» структурами, вокруг которых формировалось новое интеллектуальное сообщество, далеко выходящее за рамки профессиональной корпорации и связывавшее людей разных сословий из разных регионов⁵. Их объединяли активная сеть коммуникаций и различные виды деятельности: преподавание, популяризация научных знаний, перевод книг, написание учебных пособий. Однако можно

³ Посохова Л.Ю. Указ соч. С. 435–436.

⁴ См.: «Харьковский коллегиум» / «Харьковская академия»: воплощенный проект белгородского епископа Епифания Тихорского // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. и сост. И.И. Федюшкин, М.Б. Лавринович. М., 2015. С. 99–126.

⁵ В научной литературе утвердилось мнение, что Киво-Могилянская академия «играла важную роль в распространении просветительских идей», а среди ее выпускников было немало носителей идей Просвещения, так или иначе связанных между собой. Однако связи между ними еще не становились предметом специальных исследований (см.: Литвинов В.Д. Просвітництво // Енциклопедія історії України. Київ, 2012. Т. 9: Прил. – С / ред. В.А. Смолій та ін. С. 36; Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII века // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ, 2001. Вип. 2. С. 46–55).

ли соотносить данное сообщество с *Respublica Literaria* и новым типом социальных контактов, характеризующим европейское Просвещение⁶?

Попытаемся выявить специфические для этого региона черты сообщества интеллектуалов, сложившегося вокруг трех православных коллегиумов и Киевской академии во второй половине XVIII – начале XIX в., – с его «типичными» представителями, вариантами интеллектуальных связей, формами коммуникации и, наконец, результатами обмена идеями и текстами. Их выявление важно для разработки более общей проблематики «украинского Просвещения»⁷ и уточнения особенностей «православного Просвещения», которому приходилось отвечать на «вызовы» западноевропейской мысли⁸. Речь, по сути, идет о реконструкции плотной интеллектуальной сети «активистов просвещенческой коммуникации», которую Клаус Шарф считает одной из важных задач современной исторической науки⁹ и которая должна способствовать более четкой «прорисовке» интеллектуальной карты разных регионов Восточной Европы¹⁰. Вдохновляющий пример такого рода исследования – работа Роберта Дарнтон, посвященная выявлению сети устных коммуникаций в Париже XVIII в.¹¹

Для решения обозначенных задач были применены методы просографического исследования, а также методология сетевого анализа

⁶ О специфических типах социальных контактов деятелей Просвещения см.: Гудман Д. Социальные связи и формы общения // Мир Просвещения: Исторический словарь / под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003. С. 259–265. Обзор историографии и размышления о самом термине «Республика учености» и характерных чертах этого явления в разные периоды его существования см.: Трофимова В.С. «Республика учености»: идея, идеал и виртуальное сообщество европейских интеллектуалов XV–XVIII веков // Диалог современем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 90–99; Стогова А.В. *Respublica Literaria* XVII века как сообщество корреспондентов (по письмам Ги Пате-на) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 60–62.

⁷ Подробнее об этом: Склокин В. Чи існувало українське Просвітництво? Кілька міркувань із приводу незавершеної історіографічної дискусії // Київська Академія. Київ, 2015. Вип. 12. С. 146–159.

⁸ Важные наблюдения и теоретические выводы о соединении идей Просвещения с православным религиозным учением содержатся в ряде работ, см., например: Цапина О.А. Православное Просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. Элис Виртшафтер, проведя исследование проповедей митрополита Платона (Левшина), говорит о его стремлении давать своим читателям эстетически, интеллектуально и духовно удовлетворительные православные ответы на вопросы, поставленные Просвещением (*Wirtschaftler E.K. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia*. DeKalb, IL, 2013).

⁹ Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015. С. 415.

¹⁰ О неоднородности и национально-региональной специфике культуры Просвещения см.: *Israel J. Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, 2006; *Idem. Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights 1750–1790*. Oxford, 2011.

¹¹ Дарнтон Р. Поэзия и полиция: Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М., 2016.

и принципы реконструкции моделей интеллектуальных сетей, которые предложил Рэндалл Коллинз¹². По его мнению, именно личностные контакты играют ведущую роль в формировании структуры интеллектуальных сетей. Благодаря таким контактам (вертикальным и горизонтальным) наиболее эффективно происходит передача культурного опыта и интеллектуального капитала. Коллинз ввел понятие «интеллектуальная сеть», понимая под этим сообщество интеллектуалов, лично знакомых друг с другом и включенных в интерпретацию одних и тех же текстов.

Особый акцент в данном исследовании сделан на переписке, ибо эпистолярные связи не только порождали различные сети отношений, но и конструировали их (порой преодолевая возрастные, социальные и конфессиональные различия)¹³. Определяющее значение переписки обусловлено и тем, что «официальные каналы» научной коммуникации (университетские диспуты, научная периодика или научные собрания) на украинских землях в это время только формировались. К тому же текстов, с выраженными просветительскими коннотациями, принадлежащих людям, жившим в этой части Европы, известно немного¹⁴.

Придерживаясь методики моделирования интеллектуальных сетей Р. Коллинза, мы можем определить внутреннюю структуру интеллектуальных связей, возникших в Киевской академии и коллегиях, как двойственную. С одной стороны, ее составляли вертикальные цепочки («межпоколенные сети»), т.е. контакты типа «учитель/ученик». С другой – она представлена «горизонтальными альянсами», иначе говоря, последовательно-взаимосвязанными группами интеллектуалов. Реконструкция сети предусматривает сбор информации о максимально широком круге лиц, причастных к определенному «культурному производству».

На первом этапе исследования изучалось «ядро» сообщества и была сформирована база данных преподавателей коллегиях. Считаю, что установление социальных характеристик преподавателей должно предварять анализ особенностей самих сетей – здесь я солидаризу-

¹² Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 47–52.

¹³ В работах, посвященных феномену *Respublica Literaria*, отмечается роль переписки между интеллектуалами и ее кардинальное отличие от эпистолярного наследия эпохи Античности или Средневековья (см., например: Трофимова В.С. «Республика ученых»... С. 92–93).

¹⁴ Списки как самих текстов, так и тех, кого еще недавно считали «просветителями», постоянно пересматриваются (см., например: Бондаревська І. Про «Просвітництво» Теофана Прокоповича та Григорія Сковороди // Київська Академія. Київ, 2007. Вип. 4. С. 69–86). Примечательно, что, относя к «просветителям» некоторых украинских деятелей, исследователи не апеллируют к текстам их произведений. (Юсипенко С. Димитрій Туптало та етико-гуманістичний напрям раннього просвітництва в Україні // Україна XVII століття: суспільство, філософія, культура: Збірник наукових праць на пошану пам'яті професора Валерії Михайлівни Нічик / ред. Л. Довга, Н. Яковенко. Київ, 2005. С. 118–127.)

юсь с утверждением Даниэля Роша, что исследовать культуру нельзя, не изучив предварительно социальную систему, в которой она развивается¹⁵.

Созданная мною база данных на сегодняшний день содержит информацию о 255 преподавателях¹⁶, их социальном происхождении, месте учебы, продолжительности обучения в коллегиуме, деятельности до и после преподавания, социальном статусе. Эти данные позволили создать «коллективный портрет» преподавателя и опровергнуть некоторые представления как не нашедшие подтверждения. Например, до недавнего времени в историографии существовало мнение, что большинство преподавателей коллегиумов происходили из семей духовенства. Однако выяснилось, что среди учителей было немало выходцев из шляхты (дворян), мещанских и казацких семей. Мы знаем теперь также, что количество учителей-монахов в коллегиумах постепенно уменьшалось, особенно во второй половине XVIII в., в то же время росло число преподавателей из белого духовенства и светских лиц. Таким образом, преподавательское сообщество коллегиумов не было социально замкнутым, как считалось долгое время¹⁷, оно было не только гетерогенным по многим признакам, но и достаточно подвижным.

В созданную базу данных были затем включены сведения о лицах, в той или иной степени причастных к коллегиумам и академии (студентах, их родственниках, представителях местной церковной и светской элиты). Эта дополнительная часть базы сегодня насчитывает около сотни человек, и ее формирование продолжается.

В соответствии с методикой Р. Коллинза, следующим этапом реконструкции интеллектуальных сетей является «ранжирование» интеллектуалов по уровню их культурно-интеллектуальной значимости. Устанавливаемые при этом межличностные связи, отношения между учителями и учениками, друзьями, коллегами и оппонентами позволяют проследить «эго-сети», а также создать широкую «интеллектуальную карту».

Поскольку изучение собранных данных продолжается, в настоящей статье будет рассмотрен в качестве примера лишь небольшой фрагмент интеллектуальной сети, связанный с Харьковским коллегиумом. Заботясь о репрезентативности выборки, мы проанализируем формы коммуникации, которые оказались типичными и для сообществ, возникших вокруг других украинских коллегиумов во второй половине XVIII – начале XIX в. Пример Харькова, центра одного из пяти полков

¹⁵ Рош Д. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения // История продолжается = L'Histoire continue: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого / сост. и отв. ред. С.Я. Карп. М.; СПб.; Ферней-Вольтер, 2001. С. 253.

¹⁶ База данных, составленная с привлечением различных источников, опубликована: *Посохова Л.Ю.* Указ. соч. С. 493–529.

¹⁷ Подробнее см.: Там же. С. 314–335.

Слободской Украины¹⁸, интересен еще и тем, что этот очень молодой город, основанный в середине XVII в. на границе со «Степью», должен был противостоять татарским набегам. Его жителям и в XVIII в. было не до салонов и читательских клубов, которые в городах Западной и Центральной Европы являлись местами встреч и общения людей в эпоху Просвещения¹⁹. Это лишний раз свидетельствует о том, как важно учитывать контекст, в котором существовало сообщество, социально-экономические и культурные реалии жизни соответствующего региона. Разумеется, мы не должны забывать и о количественных характеристиках населения городов, и об особенностях городской жизни как таковой.

При «ранжировании» интеллектуалов, группировавшихся вокруг Харьковского коллегиума во второй половине XVIII в., по их «культурной значимости» на высшей ступени несомненно окажется фигура выдающегося украинского философа и поэта Григория Саввича Сковороды²⁰. В данном случае он интересует нас не как философ, а как член сообщества интеллектуалов. Окружение Григория Сковороды не раз привлекало внимание исследователей. Поскольку мерилom учености во многих работах выступает сам странствующий философ, сравнение с ним других людей, в том числе и преподавателей, приводило к крайне негативным оценкам последних (как «полуученых», «тупых схоластов», «недостойных людей»)²¹. Кроме Григория Сковороды в верхнюю часть списка интеллектуалов попадают те имена, которые чаще других упоминались в эпистолярных (в тех фрагментах, где идет речь о культурной жизни региона и значимых в этом плане событиях), а их деятельность высоко оценивалась современниками. К ним относятся белгородский епископ Самуил Миславский, а также профессора, возглавлявшие Харьковский коллегиум в 1760–1770-е годы – архимандриты Иов Базилевич и Лаврен-

¹⁸ Слободская Украина – историко-географический регион в восточной части современной Украины и прилегающих территорий России, имевший в XVIII в. отличия в системе управления. Харьков был центром одного из пяти Слободско-Украинских полков (административно-территориальных единиц), подчинявшихся в военном отношении белгородскому воеводе, а в церковном – епископу Белгородскому и Обоянскому.

¹⁹ Гудман Д. Указ. соч. С. 259.

²⁰ Литература о Г. Сковороде невероятно обширна, для понимания основных направлений изучения его творчества можно обратиться к таким исследованиям: Софронова Л.А. Три мира Григория Сковороды. М., 2002; Попович М.В. Григорій Сковорода: філософія свободи. Київ, 2007.

²¹ Ср.: Водолажченко О. З історії Харківського колеґіуму в XVIII віці // Наукові записки науково-дослідної кафедри історії української культури. Харків, 1927. № 6. С. 122; Мазуркевич О.Р. Література як засіб виховання в учительській діяльності і творчій спадщині Г.С. Сковороди // Педагогічні ідеї Г.С. Сковороди: Збірник статей. Київ, 1972. С. 123. Оценочные штампы советской историографии отразились и в более поздних публикациях, где, например, ректор Иов Базилевич безосновательно причисляется к преследователям Сковороды (Микитась В. Давньоукраїнські студенти і професори. Київ, 1994. С. 139).

тий Кордет. Применительно к концу века этот список будет пополнен именами харьковского епископа Христофора Сулимы и ректора коллегиума Андрея Семеновича Прокоповича.

«ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ»

Во внутренней структуре интеллектуальной сети, связанной с Харьковским коллегиумом, хорошо прослеживаются так называемые «вертикальные цепочки». Связи между учителем и его учениками являются традиционными и присущи всем учебным заведениям. Коллегиумскому социуму, как и обществу в целом, было свойственно представление о несомненном моральном авторитете старшего. В воспоминаниях учащихся неоднократно отмечался необыкновенно высокий статус учителей, на которых смотрели как на «полубогов»²². Однако переписка свидетельствует, что параллельно с традиционной моделью отношений «отец/сын» возникал и утверждался иной тип иерархии – «ученик (младший коллега)/наставник».

Неслучайно многие ученики Григория Сковороды, Лаврентия Кордета и Иова Базилевича выбирали карьеру преподавателя (Михаил Иванович Коваленский, Василий Иванович Снисарев, Федор Татарский); за ними шло следующее поколение – Иван Алексеевич Двигубский, Яков Васильевич Толмачев, Андрей Семенович Прокопович. Между поколениями преподавателей и воспитанников существовали довольно тесные отношения. Яркий пример тому – дружба между Григорием Сковородой и его учеником Михаилом Ивановичем Коваленским²³, ставшим впоследствии первым биографом философа. В своих письмах Сковорода делился с ним и другими воспитанниками своими размышлениями, давал советы в отношении учебы, круга чтения и увлечений. Коваленский оставил воспоминания о прогулках с учителем, во время которых они обсуждали философские и житейские проблемы. Письма Сковороды дают также представление о сообществе преподавателей, как единомышленников, так и недругов философа. В конце ноября 1763 г. он, в частности, писал Михаилу Коваленскому о своем «ученейшем» друге Лаврентии Кордете и «о коварстве неправедных»²⁴.

²² Демидовский В. Кое-что из Переяславского семинарского быта последней четверти прошлого века // Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1876. № 11. С. 431.

²³ Михаил Иванович Коваленский (Ковалинский) (1745–1807) – рязанский губернатор, член Вольного Российского собрания при Московском университете, Главный надзиратель Московского Воспитательного дома, куратор Московского университета. Написанная им биография Сковороды является важным источником для изучения жизненного пути философа (Ковалинский М.И. Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г.С. Сочинения: в 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 373–414).

²⁴ Письмо Г. Сковороды к М. Ковалинскому, конец ноября 1763 г. // Там же. С. 261.

Судить о различных формах вертикальной коммуникации в этой среде позволяют иногда и указания самих учеников на значимые «плоды» просвещения, полученные ими непосредственно от учителя. Например, в 1774 г. упомянутый Михаил Коваленский описывал другому своему бывшему наставнику, профессору коллегиума Лаврентию Кордету, подробности образовательной поездки по Европе и учебы в Страсбургском университете. Он выслал ему результат своей работы – перевод с французского языка одного из произведений Даламбера²⁵, а к сочиненной им оде сделал приписку: «Вы нас учили, вам подобают плоды». Его примечание «пишу к вам не по форме чина, а по стилю дружбы»²⁶ – типичный пример того, что в Харьковском коллегиуме существовали не только односторонние назидательные контакты по линии «учитель – ученик», но и формировались новые варианты коммуникации, которые предполагали двустороннюю активность. Ученики становились единомышленниками, они могли также давать советы и рекомендации. Предметом обсуждения все чаще становились культурные новации (Коваленский писал Лаврентию Кордету: «знать вкус века еще разумнее»²⁷).

«Вертикальные цепочки» между учениками и преподавателями позволяют проследить и существование взаимосвязанных групп интеллектуалов – поколений «отцов», «детей», «внуков». Таким образом можно зафиксировать отношения, которые поддерживались и «через поколение». Безусловно, в отношениях «учитель – ученик» второй половины XVIII в. обнаруживается немало черт, схожих с предшествующим временем. В ряде случаев отношения между интеллектуалами невозможно однозначно отнести к «вертикальным» или «горизонтальным». Тем не менее выстраивание «вертикали» интеллектуальных контактов имеет смысл для выявления «оси» координат и адекватного определения изменений и новаций, проявившихся с течением времени на каждом новом горизонтальном уровне.

«ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ АЛЬЯНСЫ»

Реконструкция структуры интеллектуальной сети, которая образовалась в Харьковском коллегиуме и вокруг него, предусматривает воссоздание также и «горизонтальных альянсов». Такие отношения становятся выразительными, когда мы наносим на виртуальную «интеллектуальную карту» имена ключевых персон, вокруг которых была сконцентрирована

²⁵ [Даламбер Ж.]. Записки Христины королевы шведской с примечаниями г. Даламберта / Переведено с французского языка [Михаилом Коваленским]. СПб., 1774.

²⁶ Письмо М. Коваленского Лаврентию Кордету, 1774 г. – Материалы для истории Курьской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 20. С. 365.

²⁷ Письмо М. Коваленского Лаврентию Кордету, 1774 г. – Преосвященный Самуил, епископ Белоградский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 5. С. 100.

на культурно-интеллектуальная жизнь, и фиксируем контакты этих лиц. При всем разнообразии горизонтальных связей попытаемся выявить признаки «новой» интеллектуальной общности. Примечательно, что сами члены сообщества, прежде всего в переписке, дают исследователю «путеводную нить», указывая искомую специфику. Становится возможным выявить отличительные черты «своего» сообщества и тех людей, которые считали себя его неотъемлемой частью.

ПИСЬМА-РЕКОМЕНДАЦИИ: РАЗЛИЧЕНИЕ «СВОИХ»

Говоря о личных качествах своих сотоварищей, прежде всего в письмах-рекомендациях, корреспонденты формулировали «маркеры» принадлежности к «своему» интеллектуальному сообществу. Во второй половине XVIII в. преподаватели коллегиумов и их адресаты в качестве первенствующих достоинств человека стали отмечать не только знание латыни, как это было в предшествующий период, но и новых языков, а также стремление к «просвещению». Епископ Самуил Миславский в письме к профессору Лаврентию Кордету (январь 1774 г.) характеризовал своего преемника на Белгородской кафедре епископа Аггея Коловского как блестящего знатока французского языка, человека «просвещенного, скромного, любящего науки и справедливость»²⁸. Позже он резюмировал: в «Аггее найдете Самуила»²⁹. При этом в переписке многих людей, прошедших «латинскую школу», фразы или части текста по-прежнему писались на латыни. И все же в это время владение латинским языком уже не является основным маркером принадлежности рекомендуемого лица к «своим».

В письмах этого времени первостепенное значение придается способностям интеллектуала к научной работе, его знакомству с современными тенденциями развития науки и литературы. Так, Григорий Сковорода в письме к ректору коллегиума Иову Базилевичу от 18 апреля 1766 г., оценивая познания архимандрита Лаврентия Кордета как философа, писал: «О философских его subtilностях, даже до четвертого неба проникающих, нет чего уже и говорить»³⁰. Важно понять каковы были познания Кордета, чтобы определить какая наука обретает в глазах этого сообщества столь высокую оценку. Лаврентий Кордет преподавал курс философии по «вольфианскому образцу», т.е. излагал рациональную философию Лейбница–Вольфа. Известно, что он был осведомлен о современных ему философских концепциях, очень интересовался

²⁸ Преосвященный Самуил, епископ Белоградский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 5. С. 95.

²⁹ Письмо Самуила Миславского Лаврентию Кордету, 9 февраля 1774 г. // Там же.

³⁰ Письмо Г. Сковороды Иову [Базилевичу], 18 апреля 1766 г. // Сковорода Г.С. Указ. соч. С. 306.

историей и географией³¹. Белгородский епископ Самуил Миславский рекомендовал Кордета куратору Московского университета, главе Вольного Российского собрания Ивану Ивановичу Мелиссино, как специалиста, который мог доработать статьи о Слободской Украине в готовящемся к печати Географическом словаре (1771)³². Позже, когда Лаврентий Кордет эту работу выполнил, Самуил Миславский содействовал его избранию в Вольное Российское собрание³³. Эрудицию профессора отмечал и его бывший ученик Михаил Коваленский, представляя и рекомендуя его Григорию Николаевичу Теплову, члену Императорской Академии наук и художеств³⁴.

«DISCURSUS PER LITTERAS» – БЕСЕДЫ В ПИСЬМАХ

Анализ писем, которыми обменивались харьковские интеллектуалы, позволяет выделить и другие отличительные приметы их сообщества. Общение этих людей – это обмен новыми идеями и обсуждение актуальных событий.

Центральной темой эпистолярных контактов стало рассмотрение знаковых научных и литературных произведений. Например, в начале 1770-х годов Самуил Миславский в письмах к харьковскому ректору Лаврентию Кордету неоднократно указывал на новые книги по философии и богословию. Прежде всего он называл труды Фридриха Христиана Баумейстера (Friedrich Christian Baumeister) и других представителей этой философской школы. Архиерей писал и о тогдашней русской литературе, советовал какие книги покупать, указывал на необходимость усовершенствовать «штиль и вкус» русского языка³⁵. По просьбе ректора и по своей инициативе он присылал *Ведомости*, ряд современных российских пьес и др.³⁶ Неоднократно Самуил Миславский обращал внимание на проповеди Платона Левшина и высылал их.

Такое обсуждение новинок научной литературы и стремление их приобрести свидетельствуют о том, что «знание» воспринималось этими людьми как подвижная субстанция, за изменением которой необходи-

³¹ Исследование биографии и стиля жизни Лаврентия Кордета см.: *Посохова Л.Ю.* Речь та час ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета // Київська Академія. Київ, 2013. Вип. 11. С. 109–136.

³² Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 20. С. 363–364.

³³ Письмо Самуила Миславского Лаврентию Кордету, 23 августа 1772 г. – Преосвященный Самуил, епископ Белогородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 4. С. 75–76.

³⁴ Письмо М. Коваленского Лаврентию Кордету, 1774 г. // Там же. № 5. С. 100.

³⁵ Письмо Самуила Миславского Лаврентию Кордету, 16 сентября 1770 г. // Там же. № 3. С. 56.

³⁶ Письма Самуила Миславского Лаврентию Кордету от 16 сентября 1770 года, 19 июня 1772 г., 25 сентября 1772 г., 20 января 1773 г. // Там же. № 3. С. 56; № 4. С. 72; № 5. С. 91–93.

мо следить. Эпистолярные контакты отражают то новое состояние умов и качество интеллектуального поиска, которые стали характерны для «человека Просвещения». Примечательно, что подобное многолетнее интеллектуальное общение с Лаврентием Кордетом его друг и коллега Иов Базилевич, будучи уже переяславским епископом, охарактеризовал как «*discursus per litteras*» – беседа в письмах (1771)³⁷. Очевидно, что исследование на украинском материале одного из социокультурных феноменов раннего Нового времени – виртуального сообщества европейских интеллектуалов, может существенно расширить наши представления о границах так называемой «ученой» или «литературной республики» (*Respublica Litteraria*, *Republique des Lettres*). Прежде всего речь идет о тех пространствах, на которые такого рода общение распространилось в последние десятилетия XVIII в.

КНИГИ «НОВОГО И НЫНЕШНЕГО ВКУСА» И «РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАУК»

Особенностью «бесед в письмах» представителей этого сообщества было то, что обсуждение научных и литературных произведений происходило не только с целью обмена информацией и саморазвития. Эти интеллектуалы постоянно обсуждали в своей переписке программу обучения в коллегиумах и те современные произведения, которые в нее следовало включить. Разговор нередко носил весьма прагматичный характер, ибо сразу сводился к обсуждению конкретных действий по «распространению наук». Важнейшим результатом переписки можно считать кардинальное изменение содержания обучения в академии и коллегиумах, произошедшее в конце 1760-х годов³⁸. Прежде всего в них начали изучать рациональную философию по пособиям Фридриха Христиана Баумейстера, Христиана Вольфа и их последователей. Эта философская система привлекала рационализмом, связью с естественными науками и отсутствием противоречий с догматами христианства, что давало возможность применить ее в учебной практике православных коллегиумов. Философская система Лейбница–Вольфа превалировала в немецких протестантских университетах, прежде всего в университетах Галле, Марбурга и др. Именно ее распространение привело к кардинальным изменениям в немецких университетах, к пониманию того, что истину необходимо искать, а преподаватель должен учить не мудрости, взятой из книг, а искусству открывать новые истины. Так родился принцип *libertas philosophandi* – свободы научного творчества, препода-

³⁷ Письмо Иова Базилевича Лаврентию Кордету, 24 января 1771 г. – *Танков А.* Проповедное слово в Белгородской епархии в XVIII веке // *Курские епархиальные ведомости.* Часть неофициальная. 1897. № 37. С. 719.

³⁸ О программе преподавания в коллегиуме подробнее см.: *Посохова Л.Ю.* Православные коллегиумы на пересечении культур. С. 72–231.

вания и обучения³⁹. В коллегиумах в преподавании ряда дисциплин стал использоваться характерный набор произведений не только немецких, но и французских просветителей. Например, епископ Самуил Миславский рекомендовал ученикам при изучении французского языка переводить статьи из *Энциклопедии* Дидро и Даламбера, а также письма Руссо и Вольтера⁴⁰.

Самуил Миславский не раз советовал в своих письмах ориентироваться на произведения, соответствующие «новому и нынешнему вкусу»⁴¹. Между ним и Лаврентием Кордетом существовала как частная, так и официальная переписка, причем репертуар книг, которые архиепией рекомендовал ректору, по ряду позиций совпадает в обеих. Советы, изложенные в дружеском письме, позволяют анализировать стиль общения единомышленников. Кроме того, обсуждение одной и той же книги в «публичном»/учебном и частном пространствах указывает на новые практики чтения, отыскание иных смыслов и значений в процессе чтения, а также способов использования новой литературы в преподавании. Например, Самуил Миславский в письме губернатору Слободско-Украинской губернии Е.А. Щербинину от 25 мая 1771 г. упоминает, что он писал также Лаврентию Кордету и советовал из произведений Руссо и Вольтера, этих «славнейших французских сочинителей», «красноречивых, искусных и остроумных авторов» выбирать для занятий со студентами те места, которые не содержат «предосуждение нашей веры и благочестия»⁴². Анализ программы обучения в коллегиуме и просветительской литературы, обсуждавшейся представителями этой сети, показывает, что они были заняты поисками и находили сочетание идей Просвещения и православного религиозного учения.

В имеющихся в нашем распоряжении письмах не содержатся развернутые обсуждения идей Просвещения. В самом общем виде цель своей деятельности корреспонденты формулировали как «попечение к распространению наук» (Самуил Миславский в письме к Лаврентию Кордету, 28 сентября 1771)⁴³. Отсутствие такого рода текстов порою служит для исследователей основанием сомневаться в существовании «украинского

³⁹ Вейль Г. Университеты и наука в Германии // Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989. С. 310.

⁴⁰ Стеллецкий Н. Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 году // Вейль Г. Вера и Разум. 1895. Т. 1, ч. 2. С. 635.

⁴¹ Письмо Самуила Миславского Лаврентию Кордету от 16 сентября 1770 г. – Преосвященный Самуил, епископ Белогородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 3. С. 56.

⁴² Стеллецкий Н. Указ. соч. С. 635.

⁴³ Преосвященный Самуил, епископ Белогородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 3. С. 58.

Просвещения»⁴⁴. Однако, судя по образу мысли этих украинских интеллектуалов, используемым ими практикам, прагматическим намерениям, связанным с распространением научного знания, их сообщество представляло собой органическую часть европейского «мира Просвещения».

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК МАРКЕР

Еще одним видимым результатом «бесед в письмах» является изменение состава личных библиотек интеллектуалов, которое фиксируется во второй половине XVIII в. В нашем распоряжении имеется несколько реестров личных библиотек, в частности, каталог собрания Лаврентия Кордета⁴⁵. В нем представлены практически все изданные в то время пособия Баумейстера по логике, натурфилософии и метафизике как на латыни, так и на русском языке; здесь же – знаковые произведения французских просветителей, в том числе *Философские письма* Вольтера. Целенаправленный подбор современных научных трудов по различным отраслям знания – прежде всего философии, истории и географии⁴⁶ – на фоне заметного уменьшения количества произведений религиозно-духовного содержания характерен не только для библиотеки Кордета. В отличие от книжных собраний предшественников, более половины которых составляли книги, изданные за сто и более лет до составления каталогов, доля произведений современных авторов достигает здесь двух третей от общего объема собраний интеллектуалов⁴⁷. Эти данные, свидетельствующие прежде всего о направленности их интересов, свидетельствуют также и о налаженной сети коммуникации с издателями, книготорговцами и единомышленниками (стационарной торговли книгами в этом регионе еще не существовало).

Изучив несколько реестров библиотек, можно дать ответ и на важный вопрос о происхождении книжных новинок. Если в собраниях первой половины века преобладали пособия и научная литература, изданные в Речи Посполитой, то теперь это были преимущественно книги (включая и переводы с немецкого и французского языков), вышедшие из типографий Московского университета и Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

⁴⁴ См., например: *Склокин В.* Указ. соч. С. 146–159.

⁴⁵ На основе сохранившихся реестров были проанализированы состав библиотек Лаврентия Кордета, префекта Харьковского коллегиума Иакинфа Карпинского, черниговского епископа Кирилла Ляшевецкого и др., а также книжные собрания первой половины XVIII в. – ректора Харьковского коллегиума Платона Малиновского и несколько других. Подробнее см.: *Посохова Л.Ю.* Речі та час ректора Харківського колеґіуму Лаврентія Кордета. С. 109–136.

⁴⁶ При этом характерной чертой владельцев этих собраний был энциклопедизм, поскольку фиксируется наличие научных работ (и периодических изданий), относящихся к различным отраслям знания.

⁴⁷ В собрании Лаврентия Кордета, насчитывающем 243 книги, было около 200 произведений современных ему авторов.

«УПЛОТНЕНИЕ» И РАСШИРЕНИЕ СЕТИ

Интеллектуальная сеть, сформировавшаяся вокруг Харьковского коллегиума и его профессоров, отличалась плотностью. Нередко в одном письме упомянуты десятки имен людей, которым нужно было передать книгу, сообщить новость и т.п. В переписке Кордета упомянуты архимандрит Наркисс Квитка; Григорий Андреевич Полетика, писатель, переводчик с немецкого и латинского языков, член Петербургской Академии наук⁴⁸; черниговский епископ Феофил Игнатович; белгородские епископы Аггей Колосовский и Иоасаф Миткевич; губернатор Слободско-Украинской губернии Е.А. Щербинин, а также немало местных священников и дворян⁴⁹. Применительно к последней трети XVIII в. можно говорить об очевидном расширении интеллектуальной сети, поскольку в нее уже были вовлечены десятки «рядовых» интеллектуалов, которые знали друг друга, обменивались книгами и мнениями о них. Эпистолярные контакты связывали людей разных социальных слоев, преодолевая корпоративно-профессиональные границы. Обмен интеллектуальным «продуктом» происходил не только между близкими друзьями и соседями, но охватывал людей, живущих в далеких уголках региона и за его пределами.

Примечательно, что через Самуила Миславского нить эпистолярного контакта протягивается к упомянутому Ф.Х. Баумейстеру, в то время профессору Бранденбургской академии⁵⁰. Переписка ректора коллегиума Андрея Прокоповича дает пример многолетнего общения с сенатором, членом Государственного Совета Николаем Михайловичем Лонгиновым⁵¹; вице-канцлером, бывшим русским послом во Франции и Англии князем Александром Михайловичем Голицыным⁵²; сенатором

⁴⁸ Современные авторы называют Г.А. Полетику «человеком эпохи Просвещения», см.: Литвинова Т.Ф. Г.А. Полетика: «публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 79–86.

⁴⁹ В подтверждение достаточно указать на несколько писем к Кордету: Самуила Миславского, 5 и 10 марта 1772 г. (Преосвященный Самуил, епископ Белогородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 4. С. 70); Феофила Игнатовича, Аггея Колосовского, Иоасафа Миткевича, 1770-е годы (Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 19. С. 333); разных лиц (Гос. архив Курской обл. РФ. Ф. 186. Оп. 1. № 39. Л. 181–183, 359; Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка Національної академії наук України. Ф. 20. № 13; см. здесь же частные записки и письма 1770-х годов самого Кордета).

⁵⁰ См.: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Киев, 1905. Отд. II (1721–1795). Т. 2 (1751–1762 гг.). С. 222. Со своей стороны, Баумейстер уверял Самуила Миславского в том, что его имя хорошо известно и в этой академии, и в Сорбонне.

⁵¹ Письмо Н.М. Лонгинова к А. Прокоповичу (1820) // ОР РГБ. Ф. 32. Д. 16. № 33.

⁵² Письма А.М. Голицына к А. Прокоповичу (1798–1805) // Там же. № 31; письма А.М. Голицына (1794–1806) // ВР ЦНБ ХНУ імені В.Н. Каразіна. Збір. рукописів. Спр. 182/с 141.

графом Дмитрием Ивановичем Хвостовым⁵³ и множеством представителей местной светской элиты и сельскими священниками⁵⁴. При фиксации «элементов» сети становится очевидной нехватка биографических исследований о людях, для которых эта переписка была важной частью их «осмысленной жизни»⁵⁵. И таких людей довольно много: Кордет, Прокопович и другие «ключевые персонажи» анализируемой сети имели десятки корреспондентов.

В последней трети XVIII в. наблюдается явное «уплотнение» сети, а также повышение уровня «напряжения» в ней. Коммуникация становится более интенсивной, фиксируется увеличение количества значимых для данного сообщества продуктов культуры, их быстрое распространение в сети. Если еще недавно основными трансляторами новых идей на украинских землях были люди, учившиеся в университетах Западной и Центральной Европы, то теперь появились новые каналы передачи информации, по которым достижения научной мысли достаточно быстро доставлялись множеству заинтересованных в них интеллектуалов. Этому способствовал сам характер сети⁵⁶ – открытый, с высоким уровнем социальности ее членов⁵⁷.

ДРУЖЕСКИЕ ВЕЧЕРИНКИ И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Яков Васильевич Толмачев, преподаватель Харьковского коллегіума⁵⁸, в конце жизни писал о том, что ему «приятно теперь вспоминать о дружеских беседах своих сослуживцев»⁵⁹. Как следует из мемуаров Толмачева, коллеги встречались часто, на такие вечеринки приходил харьковский епископ Христофор Сулима, а иногда и студенты колле-

⁵³ Письма Д.И. Хвостова к А. Прокоповичу (1811–1816) // ОР РГБ. Ф. 32. Д. 16. № 34.

⁵⁴ Не следует думать, что все местные архиереи входили в это сообщество. Например, Феоктиста Мочульского в переписке характеризовали как человека, который не понимал и не поддерживал новые нужды «нашего коллегіума».

⁵⁵ Ср.: Шарф К. Указ. соч. С. 22.

⁵⁶ Возникновение социальных связей нового типа, как и развитие социальности, для многих философов Просвещения было важным показателем прогресса цивилизации (Гудман Д. Указ. соч. С. 259).

⁵⁷ Эта сеть по ряду характеристик, в том числе степени открытости, отличается от более позднего по времени интеллектуального сообщества, так называемой «Поповской академии» (которую некоторые исследователи склонны считать первым сообществом просветительской направленности в регионе). Этот кружок дворянской аристократии, созданный помещиком А.А. Палицыным в своем имении на Слобожанщине, объединял узкий круг его личных друзей и родственников (Сумцов Н.Ф. Культурный уголок Харьковской губернии (Поповская Академия) // Харьковский сборник. Харьков, 1888. Вып. 2. С. 100–112; Барабаш Д.В., Барабаш Н.О. З історії українського просвітництва: інтелектуальне співтовариство «Попівська академія» // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2015. Вип. 43. С. 89–94).

⁵⁸ Филолог Я.В. Толмачев (1779–1873) позже стал профессором Петербургского университета.

⁵⁹ Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 708.

гиума; во время встреч обсуждались и новинки литературы. В доме епископа Толмачев встретил Ивана Степановича Рижского, первого ректора только что основанного Харьковского университета, который посоветовал молодому учителю перевести с латыни логику и философию Баумейстера⁶⁰. Тогда же Толмачев перевел с немецкого одно из произведений основоположника еврейского Просвещения (Хаскалы) Мозеса Мендельсона⁶¹. Поскольку Мендельсон рассматривал насущный для харьковских интеллектуалов вопрос о соотношении образования, просвещения и культуры⁶², выбор произведения не выглядит случайным, как и факт посвящения Толмачевым своей работы Христофору Сулиме (возможно, что именно он посоветовал сделать этот перевод).

Схожую ситуацию живого творческого общения описывал бывший студент коллегиума, а позже сенатор и литератор Федор Петрович Лубяновский, вспоминая, что Григорий Сковорода один-два раза в год посещал Харьков, чтобы повидаться со своим другом, учителем коллегиума Иваном Алексеевичем Двигубским⁶³. Именно в доме Двигубского Лубяновский встретился со Сковородой⁶⁴. Интересно, что тогда же юный Федор Лубяновский перевел на русский язык роман Фенелона *Приключения Телемака*⁶⁵. Возможно, что этому также же способствовало обсуждение соответствующей литературы, обмен определенными идеями, актуализация тех или иных дидактических вопросов.

Отмеченное дружеское общение в форме визитов и вечеринок, конечно же, отличалось⁶⁶ от «салонов эпохи Просвещения» и «читательских сообществ», распространившихся в Западной Европе во второй половине XVIII в. Вместе с тем, тип и направленность коммуникации украинских интеллектуалов имеют и ряд схожих с ними характеристик: мы наблюдаем аналогичный круг чтения, активизацию интереса к новациям, расширение круга общения. Этих людей вполне

⁶⁰ Этот перевод был издан: Христиана Баумейстера Логика / С латинского вновь переведенная и исправленная Яковом Толмачевым. М.: В Губернской тип. у А. Решетникова, 1807.

⁶¹ Моисей Мендельсона разсуждение о духовном свойстве души человеческой / Переведено с немецкого в Харьковском коллегиуме. М.: В тип. С. Селивановскаго, 1806. Это был первый перевод на русский язык произведений Мозеса Мендельсона.

⁶² См.: *Мендельсон М.* О вопросе «Что значит просвещать?» / Перевод и вступительная статья М.Р. Демина // Философский век: Альманах. СПб., 2004. Вып. 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. С. 81–86. Как известно, Кант написал свою знаменитую статью «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» в рамках дискуссии между берлинским пастором Иоганном Фридрихом Цёльнером и Мозесом Мендельсоном.

⁶³ Иван Алексеевич Двигубский (1771–1839) – естествоиспытатель, позже стал профессором и ректором Московского университета.

⁶⁴ *Лубяновский Ф.П.* Воспоминания // Русский архив. 1872. Вып. 1. С. 107.

⁶⁵ Перевод был опубликован в Москве в 1797–1800 гг.

⁶⁶ В частности, отметим отсутствие женщин в анализируемой сети интеллектуалов.

можно причислить к гражданам бурно развивавшейся «литературной республики»⁶⁷.

Частые упоминания в мемуарах совместных обсуждений планов позволяют предполагать, что результатами таких товарищеских посиделок становились коллективные «проекты», направленные на просвещение местного общества. В качестве примера можно привести ряд работ, выполненных в начале XIX в. профессором и ректором Харьковского коллегиума А. Прокоповичем вместе с коллегами и учениками. С целью популяризации сельскохозяйственных знаний ими были переведены несколько польских календарей, в которые вошли написанные ими первые в этом регионе научно-популярные очерки краеведческого характера⁶⁸. Прокопович вместе с коллегами и учениками участвовал в подготовке всех известных изданий первой местной типографии, созданной в 1793 г. при приказе общественного призрения (как автор, переводчик или инициатор публикации)⁶⁹. Не случайно вскоре его избрали почетным членом Общества наук Харьковского университета.

На торжествах по случаю открытия Харьковского университета 17 января 1805 г. А. Прокопович выступил с приветственным словом, в котором, среди прочего, отметил и роль коллегиума как предшественника университета: «Настал светлый день желанного благополучия счастливыя Украйны <...> зари просвещения во граде сем возблистают отныне во всем своем величии <...> переносятся плодovитые маслины из разсадников училищ в сей новоучрежденный вертоград просвещения»⁷⁰. Тогда же с речью выступил и харьковский епископ Христофор Сулима, который указал на безусловную пользу науки для общества: «<...> воспитание детей должно основано быть на истинном просвещении, которое есть торжество полезных и нужных в свете наук и знаний»⁷¹.

⁶⁷ Ср.: *Goodman D. The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment*. Ithaca; London, 1994; *Гудман Д.* Указ. соч. С. 261.

⁶⁸ Хозяйственный способ узнавать погоды в 1806 году, с прибавлением краткого исторического известия о Слободско-Украинской губернии / Пер. с польского. Харьков, 1806; Хозяйственный календарь на лето Господне 1808-е. / Пер. с польского. Харьков, 1808; Хозяйственный календарь на лето Господне 1809-е. / Пер. с польского в Харьковском коллегиуме. Харьков, 1808.

⁶⁹ Примечательно, что еще в 1769 г. слободско-украинский губернатор Е.А. Щербинин и епископ Самуил Миславский планировали создать в Харькове типографию. Епископ в письме от 9 августа 1769 г. подчеркивал, что эта типография могла бы печатать необходимые книги, прежде всего переводы разных европейских авторов, которые делали бы ученики коллегиума под руководством преподавателей. (Письмо в ответ господину генерал-майору и кавалеру Е.А. Щербинину, находящемуся со властью губернатора в Слободской губернии, о заведении типографии гражданской при харьковских училищах // Живописец. 1772. Ч. 2. С. 365).

⁷⁰ *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1: 1802–1815 г. С. 197.

⁷¹ Там же. С. 194.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Выявление интеллектуальных сетей на востоке Европы может способствовать уточнению границ и хронологических рамок Просвещения. В частности, на Слободской Украине, по нашему мнению, такое интеллектуальное сообщество возникло во второй половине XVIII в. Оно объединило преподавателей коллегиумов, представителей духовенства, общественных деятелей, профессоров Харьковского университета (с начала XIX в.), но также многих «рядовых» интеллектуалов. В последние десятилетия XVIII в. происходило расширение и «уплотнение» сети, интенсифицировался культурный обмен, получили распространение новые формы коммуникации. Специфику этой интеллектуальной сети предопределило своеобразие модели коллегиумов, соединявшей черты духовного и светского учебного заведения. Члены этого сообщества вели активные поиски (часто совместные) ответов на вызовы Просвещения. Одни интеллектуалы видели свою миссию в «просвещении светом религии», а для других просвещение уже означало нечто иное, тем не менее, эти различия в подходах не исключали активного взаимодействия. Изменения в учебной программе коллегиумов наглядно свидетельствуют, что на востоке Европы культура Просвещения являла собой сложную амальгаму духовной и светской составляющих. «Сад украинских наук» – метафора, вынесенная в название статьи, возникла именно в этой интеллектуальной среде. Однако в последние десятилетия XVIII в. все чаще имелся в виду «сад», который «возделывается» по определенному замыслу.

Хотя носители новых идей и пользовались немалым авторитетом в своем сообществе, они не оставили объемных текстов. До сегодняшнего дня сравнение скромного наследия восточноевропейских интеллектуалов с произведениями выдающихся мыслителей XVIII в. приводило к выводам об интеллектуальной стагнации и глубокой провинциальности этой части Европы. Однако, на наш взгляд, задача состоит не в том, чтобы в данном случае доказывать или опровергать ее «периферийность», а в том, чтобы попытаться обозначить границы и выявить каналы распространения новых веяний, определить результаты культурного трансфера. Соответственно, если в фокус исследования поместить интеллектуальную сеть, сложившуюся вокруг коллегиумов и Киевской академии, то становится очевидной вовлеченность этого региона в общеевропейский процесс. Изучение сети – это не только вариант исследования «украинского Просвещения» как культурного феномена, но и возможность пролить свет на национально-региональную специфику Просвещения в целом.

L. Yu. Posokhova

**The «Garden of Ukrainian Sciences» and its Creators:
the Reconstruction of Intellectual Networks
(the second half of the 18th – early 19th Centuries)**

«The Garden of Ukrainian Sciences» is what contemporaries called the Kyiv-Mohyla Academy and Chernihiv, Kharkiv and Pereyaslav Collegiums in the second half of the 18th century, adding a number of new features of an enlightening nature to this metaphorical expression. These educational institutions existed in Ukraine, which was part of the Russian Empire in the 18th century, and adopted many educational and cultural traditions of Western and Central Europe. They became organizational structures, thanks to which an intellectual community was formed on these territories for the first time. The author tries to describe its structural features, as well as the variations in intellectual ties that became typical of the second half of the 18th and early 19th centuries.

ELISE KIMERLING WIRTSCHAFTER

RUSSIAN DIPLOMACY AS ENLIGHTENMENT PROJECT:
THE HOLY ALLIANCE AND THE VIENNA SETTLEMENT,
1815–1823

In 1815, the year of Napoleon's final defeat, the Russian Empire needed not restoration, but recuperation¹. The Petrine-Catherinian «system» – the institutions of governance and military power built up over the course of the eighteenth century – had endured more than twenty years of brutal warfare, fragile alliances, and exhausting diplomacy. The accommodation between the monarchy, church, and educated service classes that mediated intellectual dissent, muted social conflict, and supported Russia's rise to great power status in Eurasia had withstood the onslaught of revolutionary change spread across Europe by Napoleon's armies. The bringing of Enlightenment to Russia – a process of state and empire building, legal-administrative reform in the service of resource mobilization and regular government, cultural Europeanization, the emergence of an educated public, and religious adaptation to new learning and social expectations – stood poised to play its role in a peaceful European society.

Russia's significance in the defeat of Napoleon and the personal influence of Emperor Alexander I at the Congress of Vienna are well-studied events, as is the chess game of diplomacy that played out in subsequent years². Less familiar is the conceptual history of Russian diplomacy – how diplomats

© Elise Kimerling Wirtschafter, 2018

¹ On the language of recuperation, see: *Schroeder P.W.* The Transformation of European Politics 1763–1848. New York, 1994. P. 586–593.

² Recent studies include: *Безотосный В.М.* Россия и Европа в эпоху 1812 года: Стратегия или геополитика. М., 2012; *Lieven D.* Russia against Napoleon: The True Story of the Campaigns of War and Peace. New York, 2009; *Vick B.E.* The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon. Cambridge, MA, 2014; *Waresquiel E. de.* Talleyrand, le prince immobile. Paris, 2006; *Zamoyski A.* Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York, 2007.

understood the Quadruple Alliance, the general alliance, the Holy Alliance, and Russia's ongoing effort to act in concert (*concerter*) with her allies. At a moment when the empire appeared fully integrated into the «European system», events on the ground – political instability in France; radicalism in the German Confederation and Britain; revolution in Spain, Naples, and Piedmont; the beginning of the Greek independence movement; the Russo-Ottoman war scare of 1821–1822; and even hints of rebelliousness at home – threatened the equilibrium achieved by the peacemaking of 1814–1815.

In my current research project, I hope to show that the response of tsarist diplomacy to international crises in post-Napoleonic Europe belongs to the history of Enlightenment in Russia. Elsewhere I have defined Russian Enlightenment as a lived Enlightenment, a focus that highlights not the transmission and translation of European ideas, but Russian practices of enlightenment³. The lived Enlightenment – the commitment to and the practice of living an enlightened life – operated in the spheres of monarchy, church, and society. For the monarchy, Enlightenment principles provided effective mechanisms and ideological justifications for state building, resource mobilization, and the imposition of social control. For the church, which had long been Russia's primary center of higher learning, Enlightenment thought introduced new forms of philosophical and scientific knowledge that had to be brought into the fold of Orthodox religious belief. For Russia's educated and noble elites, still largely service classes in the early nineteenth century, Enlightenment culture and sociability became vehicles for developing an independent moral voice, the voice of an emergent public (*publika*) or «civil society of the educated» (*obshchestvo*)⁴.

The application of reasoned empirical analysis to the goals of regular government, imperial consolidation, military mobilization, and great power diplomacy produced ongoing reform – economic, social, cultural, and institutional – pursued within the framework of absolutist (as opposed to constitutional) monarchy. In addition to legal-administrative change, reform brought attention to the economic, social, and cultural/educational development of the Russian people, primarily, though not exclusively, the privileged among them. Cultural progress also meant the advance of learning based on modern scientific methods, the mechanical arts, European cultural models, and the reorganization of church establishments and schools. Until roughly the mid-nineteenth century, Enlightenment reformism continued to

³ I have explored the application of Enlightenment thought to social and political relationships (through study of eighteenth-century plays) and to religious teachings (through study of the sermons of Metropolitan Platon) in: *Wirtschaftler E.K.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, IL, 2003; *Idem.* Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon. DeKalb, IL, 2013.

⁴ *Raeff M.* Transfiguration and Modernization: The Paradoxes of Social Disciplining, Paedagogical Leadership, and the Enlightenment in Eighteenth-Century Russia // *Alteuropa – Ancien Régime – Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung* / Hrsg. von H.E. Bödeker und E. Hinrichs. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1991. P. 99–115.

frame the actions of the government and educated society. By the 1860s, however, social and political forces associated with revolution in Europe also appeared in Russia. The general alliance to ensure European peace evaporated in the Crimean War, radicalism and revolutionary ideologies became permanent features of Russian life, romantic nationalism and conservative opposition challenged Enlightenment cosmopolitanism, and the monarchy and educated classes parted ways on the road to progress⁵.

While clearly aligned with the moderate mainstream Enlightenment of the eighteenth century, the intensive diplomacy that followed the Congress of Vienna also showed a Russian government capable of adapting to changed historical conditions⁶. Given present-day European ideologies and institutions of international governance, it is not surprising that recent historiography highlights the originality and collective security mechanisms of the Vienna settlement⁷. This approach is suggestive, except that when Alexander I and his diplomats described the novelty of the European peace and general alliance, they did not always have in mind the «public law» defining territorial arrangements, legitimate political authority, or even regular meetings in diplomatic conferences. Discussions concerning the Holy Alliance revealed another, perhaps more critical factor: the presence of a new moral spirit, visible across Europe, that placed the general interest in peace above the particular interests of territorial states and separate alliances⁸. Because the

⁵ *Riasanovsky N.V.* The Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford, 1976.

⁶ On the moderate mainstream Enlightenment, see: *Israel J.* Enlightenment Contested: Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man, 1670–1752. New York, 2006; *Idem.* A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy. Princeton, NJ, 2010.

⁷ Numerous authors describe the Holy Alliance, the public law of Europe defined by the treaties of 1814–1818, and the mechanisms of collective governance and security embodied in the regular congresses, conferences, and allied consultations established by the Congress of Vienna as precursors to European integration, the European Parliament, the European Union, the United Nations, and other forms of world government. See: *Безотосный В.М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. С. 557–561; *Ghervas S.* Balance of Power vs. Perpetual Peace: Paradigms of European Order from Utrecht to Vienna, 1713–1815 // *The International History Review*. 2017. Vol. 39, N 3. P. 404–425. O.V. Orlik, who provides a complete analysis of Russian foreign policy after 1815, describes the Holy Alliance as Alexander I's «European idea», a form of European unity designed to strengthen conservative principles of reaction, legitimism, and restoration: *Орлик О.В.* Россия в международных отношениях 1815–1829: От Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998. Greatly overstating the principles of shared European governance embodied in the Vienna settlement is Jennifer Mitzen's description of the «Concert of Europe» as «the first international public power», see: *Mitzen J.* Power in Concert: The Nineteenth-Century Origins of Global Governance. Chicago; London, 2013. P. 4–5. Finally, Mark Jarrett claims that Alexander intended the «Congress System» to function as an «embryonic world government»: *Jarrett M.* The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon. New York, 2014.

⁸ See the article by Ioannis Kapodistrias: *Observations sur les véritables intérêts de l'Europe // Le Conservateur impartial*. 2/14 March 1817. N 18. P. 99–101. On Kapodistrias's authorship,

post-revolutionary need to recalibrate social and political expectations did not require that the peacemakers abandon eighteenth-century practices of enlightened reformism, Castlereagh, Metternich, and Alexander I could become successful peacemakers, while also remaining men of Enlightenment⁹. Equally significant, Russia's efforts to promote the Holy Alliance and explain its relationship to the larger Vienna settlement could present the uniqueness of the peace with reference to Enlightenment ideals, Christian morality, and belief in God's providence for his creation¹⁰.

The Treaty of 14/26 September 1815, signed in Paris by the rulers of Austria, Prussia, and Russia, began by acknowledging the benefactions (*blagodeianiia*) of Divine Providence granted to them over the past three years¹¹. The signatories promised to rule their own states and to organize their relations with other governments in accordance with God's commandments and the divine precepts of «love, truth, and peace» (*liubov', pravda i mir*), which applied not only to private life but also to political action¹². More specifically, the three sovereigns pledged to remain united by the bonds of brotherhood, to view each other as countrymen or compatriots (*edinozemtsy*),

see: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1974. Серия II (1815–1830 гг.). (hereafter ВПП II). Т. 1 (9): ноябрь 1815 – сентябрь 1817. Annotation, p. 474.

⁹ *Siemann W.* Metternich: Strategie und Visionär: Eine Biografie. Munich, 2016; *Bew J.* Castlereagh: A Life. New York, 2012; *Hartley J.M.* Alexander I. New York, 1994.

¹⁰ The Holy Alliance has its own substantial historiography, which cannot be reviewed in this essay. Suffice it to say that outside of Russian studies, scholarly treatments often portray the alliance either as a tool of monarchical reaction deployed by Austria, Prussia, and Russia or as the product of Alexander I's religious conversion and mysticism. Neither analysis is fully satisfactory, though the emperor's biography and emergent romantic nationalism in Russia do offer productive lines of inquiry. Modern Russian scholarship, including unpublished work from the 1920s and 1930s, is more sophisticated. This scholarship analyzes the Holy Alliance as an expression of mystical religious spirituality, an aspect of European diplomacy, and a system of internal politics. One of the more interesting claims holds that Alexander sought to transform the language of European diplomacy and politics into a language of religious mysticism. See: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея священного союза. Рига, 1886–1892. 5 т.; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Минск, 2006 (reprint); *Rey M.-P.* Alexander I: The Tsar who Defeated Napoleon / trans. S. Emanuel. DeKalb, IL, 2012; *Menger P.* Die Heilige Allianz: Religion und Politik bei Alexander I (1801–1825). Stuttgart, 2014; *Ley F.* Alexandre Ier et sa Sainte-Alliance (1811–1825) avec des documents inédits. Paris, 1975); *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. On modern Russian scholarship, see: *Парсамов В.С.* «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 44–66.

¹¹ ПСЗ. Т. XXXIII. № 25943 (14/26 September 1815). С. 279–281. For the French text, see: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1972. Серия I (1801–1815) (hereafter ВПП I). Т. 8, май 1814 – ноябрь 1815. № 231 (14/26 September 1815). С. 516–518. For the history of the treaty text, see: ВПП I. Т. 8. № 268, 276.

¹² In the French text, «préceptes de justice, de charité et de paix» – ВПП I. Т. 8. № 231. С. 517.

and to support each other in times of need. Toward their subjects and troops, they would act as fathers, and they would govern in the spirit of brotherhood to preserve «faith, peace, and truth» (*vera, mir i pravda*)¹³. In describing themselves and their peoples as «members of a single Christian nation» (*narod*), the monarchs vowed to live by God's commandments and to ensure that their subjects did likewise. Only through the fulfillment of humanity's duties to God, the treaty proclaimed, could peace be secured. Based on Article III, the signatories also agreed to invite the heads of other [European] powers to join the alliance, a step that would obligate them to govern and order their mutual relations according to the eternal principles of divine law. The French king, Louis XVIII, signed the treaty on 7/19 November 1815, and over the next two years almost every European ruler, great and small, acceded to the alliance. The two exceptions were Pope Pius VII and the king of England, George IV: the first rejected the alliance as a violation of Catholic dogma, and the latter, unable to decree the alliance because of the English constitution, nonetheless expressed his support for the Christian principles that it professed.

For Alexander I and his diplomats, this «Act of Fraternal and Christian Alliance» embodied the spirit of the European peace, the hand of God in human history, and the role of monarchs as instruments of Divine Providence. In the words of the enlightened statesman Mikhail M. Speranskii, the Holy Alliance emanated not from the self-love or personal actions of the sovereign signatories, but from their having become «the organs» of a «pure outpouring <...> of Christian goodness»¹⁴. Religious teachings about the oneness of church and monarchy, human and providential history, and God's sovereignty over the Christian people had long been pillars of Russian political thought. From the Renaissance onward, «modern» accompaniments to the eternal principles of Christian rulership – ideas about absolutist political authority, the common good, and the social contract – also had spread across Europe, though in Russia moral philosophy did not make significant inroads before the eighteenth century¹⁵. The traumatic events of 1812 and the successful military campaigns of 1813–1814 potentially reinvented the Christian foundations

¹³ In the French text, «la religion, la paix et la justice» – Ibid.

¹⁴ *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов / под ред. И.В. Осипова. СПб., 2002. С. 586.

¹⁵ *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought, 2 vols. New York, 1978. Volume I: The Renaissance; Vol. 2: The Age of Reformation; *Schneewind J.B.* The Invention of Autonomy: A History of Moral Philosophy. New York, 1998; *Hamburg G.M.* Russia's Path Toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven, CT, 2016. On kingship in Russia, see: *The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness* / ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington, IN, 2010; *Whittaker C.H.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL, 2003; *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy: From Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. 1 vol. (abridged). Princeton, NJ, 2006.

of Russian monarchical power. The Treaty of the Holy Alliance expressed Alexander I's religious conversion and sense of God's immediate presence in what today might be called a spiritual experience of existential crisis. Added to the fervor of religious faith were the realities of a Russian government that relied on personalized relationships of authority. In diplomacy, personalized politics translated into bonds of friendship among rulers – friendship that also could be grounded in actual family ties¹⁶.

Eternal principles, ideals of friendship and family, and harmonious oneness – these aspects of Christian morality, Enlightenment cosmopolitanism, and sentimentalist empathy all found expression in the lofty abstract language of the Holy Alliance treaty. Consistent with countless legislative acts, official proclamations, and semi-official literary and journalistic compositions, the language of the treaty sounds familiar to historians of eighteenth- and nineteenth-century Russia. To foreign ears, by contrast, the treaty may seem strange, irrelevant, or even threatening, which is perhaps the reason that modern European historiography tends to dismiss or condemn it¹⁷. That Emperor Alexander was aware of actual and potential criticisms is evident from a rescript of 22 March/3 April 1816 sent to Russia's ambassadors across Europe in which he tried to counter misunderstandings about the purpose of the alliance and provide instructions on how it should be explained to foreign rulers invited to join¹⁸.

¹⁶ Emperor Alexander I's wife, Elizabeth Alekseevna, was born Princess Louise of Baden, and his beloved sister Catherine married the Duke of Oldenburg, heir to the Duchy.

¹⁷ Alan Sked describes the Holy Alliance as «perhaps the vaguest document ever to trouble European diplomacy». Sked and others repeatedly quote dismissals of the alliance as a «loud-sounding nothing» (Metternich) and a «piece of sublime mysticism and nonsense» (Castlereagh). *Sked A. Introduction // Europe's Balance of Power 1815–1848 / ed. by A. Sked. New York, 1979. P. 3–4.* Paul Schroeder, by contrast, recognizes that Metternich, Castlereagh, and Alexander I all took seriously «the role and value of moral principles in international politics», and he correctly argues that Alexander's idealistic religious language «should not be dismissed as mystical nonsense or a cover for Russian ambitions». *Schroeder P.W. Op. cit. P. 558–559.*

¹⁸ For Alexander's response to foreign criticism, see his correspondence with Castlereagh, Hardenberg, and Pope Pius VII: ВПР II. Т. 1 (9). № 33 (21 March/2 April 1816). С. 108–113; № 50 (22 April/4 May 1816). С. 152–156; *Grand Duke Nikolai Mikhailovich. L'Empereur Alexandre Ier: Essai d'étude historique. St. Petersburg, 1912. Vol. 2. P. 210–214.* On papal opposition see also: ВПР II. Т. 1(9). № 39 (31 March/12 April 1816). С. 133–134; № 81 (23 August/4 September 1816). С. 244–247; № 127 (15/27 January 1817). С. 401–407. For diplomatic correspondence concerning the Ottoman Empire and the Holy Alliance, see: *Ibid.* № 41 (31 March/12 April 1816). С. 135–137; № 70 (10/22 July 1816). С. 221–223. For additional correspondence concerning the Holy Alliance, see also: *Ibid.* № 44 (7/19 April 1816). С. 140–142; № 125 (10/22 January 1817). С. 398–399; № 126 (15/27 January 1817). С. 400–401. For the rescript, see: *Ibid.* № 34 (22 March/3 April 1816). С. 113–117. A related rescript, dated 18/30 March 1816, countered claims that the Holy Alliance was directed against non-Christian peoples, see: Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 112. С. 455–457; *Шильдер Н.К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 532–533; ВПР II. Т. 1 (9). С. 100, annotation (18/30 March 1816); РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 279. Л. 32–42; № 284. Л. 1–3 об.*

Alexander described the act of alliance as a pledge of unity and harmony brought about by providential action to fight the prevailing «spirit of evil». More concretely, due to the experience and struggles of recent years, the emperor and his allies sought to apply to the civil and political relations of states the principles of peace, harmony (*concorde*), and love embodied in Christian morality. Conservationist precepts (*precepts conservateurs*), long relegated to the narrow sphere of personal relationships, would now play a more active and uniform role in political arrangements. After so many calamities, the salutary principles of fraternity and love, the «true source of all civil liberty», needed to be restored. Here, as elsewhere, the peacemakers of 1815 viewed the era of the revolutionary and Napoleonic wars as a time of moral disaster. The alliance, by contrast, aimed to preserve the peace by rallying the «moral interests of the peoples», that Divine Providence had reassembled «under the banner of the cross». Seeking to counter long-established fears about Russia's intentions, Alexander insisted that the alliance had nothing to do with conquest. Nor could its goals be attained by military force. In addition, although the peaceful happiness currently enjoyed by the Christian nations was the product of their religion, the sentiments expressed in the alliance applied to Christians and non-Christians alike. Through the principles of the Holy Alliance, Emperor Alexander, his brothers in arms, and his allies supported the internal prosperity of individual states and strove to base friendship among rulers on an indissoluble foundation independent of accidental causes.

To address the concerns of non-Christian powers, particularly the Ottoman Porte, and of European powers that had not yet acceded to the alliance, Alexander appeared content to rely on diplomatic overtures proclaiming the peaceful purpose of the alliance and carried out in concert with Russia's allies. The alliance, Alexander argued, was «eminently peaceful» because it was «religious» – a statement that centuries of European history and Russo-Ottoman relations would seem to belie. In 1816, however, the emperor's idealism remained strong. In his view, principles conservationist and immutable (*principes conservateurs et immuables*) provided the basis for the Treaty of 14/26 September, which contained nothing contrary to the «natural relations» of states or to existing treaties. In the old political combinations, which had proven harmful to the repose and morality of nations, these principles had been forgotten. It was precisely the reliance on Christian principles that made the present alliance unique. Explicit recognition of this truth by the allies was what made the current era a new one for their peoples and for all humanity.

On 25 December 1815, Christmas day according to the Orthodox calendar in the nineteenth century, Emperor Alexander had ordered that the Treaty of the Holy Alliance be read out in churches across his empire. The manifesto explained that in the past the course of political relations among the European powers had led to tragic consequences for the entire world – consequences that resulted from the absence of political relationships founded upon «true

principles» (*instinnye nachala*) of Divine wisdom. Harsh experience had taught Alexander I, Francis I, and Frederick William III that only by means of eternal principles, particularly the divine principle of fraternity, could «the peace and flourishing (*pokoi i blagodenstvie*) of peoples» be ensured. To that end, the monarchs had decided to establish a Christian alliance (*soiuz*) and to live as brothers in peace and love¹⁹.

In the Russian context, the Holy Alliance also carried a deeper politico-religious meaning, signified by the choice of date for the signing. On 14/26 September, Orthodox Christians celebrate the Feast of the Exaltation of the Cross (*Vozdvizhenie*). One of twelve Great Feasts and seven Feasts of the Lord, the Exaltation has longstanding military associations. First, the feast highlights the relationship of the Cross to the history of the Church rather than the Crucifixion. The Cross is commemorated «in a spirit of triumph» and as a «‘weapon of peace and unconquerable ensign of victory’ (kontakion of the feast)». Second, the Exaltation is regarded as universal, which is to say that the power of the Cross applies to the entire universe, and the salvation it brings affects all creation. In the ceremony of the Exaltation the priest blesses all points on the compass. According to the troparion read at the ceremony, «The four ends of the earth, O Christ our God, are sanctified today». Third, in the services for the Feast there are repeated references to the vision of the Cross seen by Constantine in 312, shortly before his victory over Maxentius. Fourth, the Feast recalls the finding of the True Cross by St. Helen, Constantine’s mother, and describes the mass veneration of the Cross that occurred in Jerusalem after Helen’s discovery. Fifth, the Feast also commemorates the second great Exaltation of the Cross at Constantinople in 629: in 614 the Persians had captured Jerusalem and taken the Cross, which was recovered by Emperor Heraclitus, brought to Constantinople, and triumphantly exalted in the Great Church of Agia Sophia. Finally, the Feast alludes to an event commemorated in modern times on 13 September: the dedication of the Church of the Resurrection built by Constantine on the site of the Holy Sepulcher and completed in 335²⁰. The reference in the Holy Alliance treaty to the «moral interests of the peoples» being reunited by God «under the banner of the cross» hints at the Russian association with the Exaltation.

¹⁹ ПСЗ. Т. XXXIII. № 26045 (Манifesto of 25 December 1825). С. 417; Собрание Высочайших Манifestов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течении 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: В Морской тип., 1816. С. 187–192.

²⁰ See: The Festal Menaion / transl. by Mother Mary and Archimandrite Kallistos Ware. South Canaan, PA, 1998. P. 41–42, 50–51. On the religious symbolism surrounding the Holy Alliance, see also: *Андреев А.Ю.* Начало «нового века»: рождественская символика в царствовании Александра I // Вестник ПСТГУ. II: История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 40–48; *Он же.* «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Филаретовский альманах / под ред. А.И. Яковлева. М., 2016. Вып. 12. С. 123–154.

With respect to European politics writ large, the Holy Alliance may be described as the moral component of the Vienna settlement. The edifice of pacification and peace constructed in 1814–1815 defined the public law of Europe, and from the perspective of Russian diplomacy, the holy allies placed a moral stamp on the legal arrangements. The text of the Holy Alliance treaty said nothing about acceptable forms of government: the peacemakers recognized that individual states lived under different constitutions, and while it was necessary for governments to be legitimate and exercise legal authority, the legitimist principle did not require that they be monarchist²¹. Nor were changes to established constitutions illegitimate, as long as these changes occurred by legal means, as opposed to radical or revolutionary action. Alexander I's idealism, expressed in the Treaty of the Holy Alliance, associated the alliance with a renewed moral spirit. This moral spirit based on Christian fraternity would ensure the peace.

Study of Russia's historical development invariably invites analysis on a large scale. The empire's vast geographic space combined with deeply rooted ethnic, religious, and cultural diversity to encourage a conception of historical change at once universalistic and distinctively Russian. From the reign of Tsar Peter I (ruled 1682/1689–1725) until the February Revolution of 1917, the monarchy that presided over the enormous Russian empire remained linguistically and culturally Russian, religiously Orthodox, and politically authoritarian, despite the national and confessional diversity of the population. Defended and administered by a centralized state that often had little effective control over what happened in the localities, the empire evolved into a great power in Europe over the course of the eighteenth century. By the time of the Napoleonic wars, Russia's military and political status in Europe made her a key player in the diplomacy and warfare of the era. Across Europe the dynastic principle continued to order political arrangements within states, and Russia remained the preserve of the Romanov dynasty, assisted by relatively small noble and educated service classes that shared the government's vision of social, cultural, and political unity based on Enlightenment learning and Christian morality. Diversity and the absence of strong institutional controls did not mean discord or disorder. Just as Orthodox Christianity taught the unity of God's creation and reunification with the divine in salvation, Russian political thought also insisted upon the need for harmony and identification with the common good.

The idea of the common good has a pan-European history, and once Russia assumed a position of leadership in Europe, the monarchy applied its understanding of the concept to all European society. In the diplomacy of Emperor Alexander I, following the second defeat of Napoleon, the Treaty of the Holy Alliance codified the principle of the common good or general interest and the ideal of all-encompassing unity that suffused political

²¹ This principle was affirmed repeatedly during the period of study (1815–1823). See the protocols of the conferences held at Aix-la-Chapelle (1818), Troppau (1820), Laibach (1821), and Verona (1822) in РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 162; АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. № 5938, 11853.

thought and religious teachings in the broader European setting. The Holy Alliance constituted one piece of the larger Vienna settlement that sought to bring pacification and peace to the continent. Usually described as an expression of the emperor's religious mysticism or as the cornerstone of a reactionary Restoration, the Holy Alliance also can be described as the means to implement a large-scale political policy or «system» grounded in the Enlightenment vision of a harmonious interlocking universe. Diplomatic communications designed to persuade sovereigns to join the alliance and to counter allegedly erroneous interpretations of the treaty present the Holy Alliance as more than a statement of moral and political principles, bolstered by pledges of friendship among rulers. In the correspondence of Alexander I and his diplomatic agents, the alliance also represented a plan for regulating and maintaining the European peace.

There are interesting discussions in Russian diplomatic communications about what made the post-Vienna era unique and unprecedented. I will examine the subject in detail in my larger book project. Here I will simply note that as an historian who has worked with legislative, judicial, administrative, literary, and religious sources from the late eighteenth and early nineteenth centuries, I find in the diplomatic communications several familiar themes: 1) the assumption that enlightened or beneficial change comes from above in the sense that it comes from within a legitimate «constitutional» order; 2) the assumption that Divine Providence plays a direct role in human history and that divinely anointed monarchs such as the Russian tsar can become, at moments chosen by God, instruments of the divine will; 3) the belief that human flourishing depends on spiritual flourishing – that the path to effective reform, good governance, and human progress lies in the moral improvement of individual human beings. So, while the treaties and accords making up the Vienna settlement represented particular interests and ran the risk of leading states into the old political relationships and separate combinations, that had produced so many disastrous conflicts, it was the regenerated moral spirit, based on eternal Christian principles, that would preserve allied unity and ensure European peace. In tsarist political thought, monarchical authority embodied the common good that superseded particular interests. In post-Napoleonic Europe, it was hoped, the great powers acting in concert would guarantee the shared interest of enduring peace. Restoration meant not monarchical reaction or opposition to change. It meant a return to one of the most enduring and effective legacies of Enlightenment thought: «the capacity of Enlightenment ideas to generate reform and change without appearing to destroy established beliefs, practices, and customs» – the ability to strive for progress, the moral improvement of institutions, and the amelioration of human circumstances in a non-dogmatic manner that reconciled «tradition and innovation, established beliefs and new knowledge, ideas and realities»²².

²² *Wirtschaftler E.K.* Religion and Enlightenment. P. 138–139.

Элис Кимерлинг Виртшафтер

**Российская дипломатия как просветительский проект:
Священный Союз и Венское соглашение, 1815–1823 годы**

В настоящей статье исследуется реакция российской дипломатии на международные кризисы в постнаполеоновской Европе. Изучая дипломатические контакты, автор рассматривает обсуждавшиеся в то время темы: вечные принципы мира и государственного правления, значение союзного единства, права и обязанности государств, юридические (договорные) основания европейского общества, вопрос о политической реформе, а также воздействие божественного провидения на историю человечества. Анализ представлений дипломатов о том, что означает согласованность действий («концерт держав»), показывает, как просветительские идеи соединялись с российскими политическими и религиозными традициями.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С.Я. КАРП

ДИДРО И «НРАВСТВЕННЫЙ КАТЕХИЗИС» ДЛЯ ЕКАТЕРИНЫ II: НОВЫЕ ВОПРОСЫ¹

В 47-м «листке» *Философских, исторических и др. записок различного содержания (Mélanges philosophiques, historiques, etc.)* для Екатерины II Дидро, рассуждая об инициативах императрицы, говорит о необходимости создания гражданского катехизиса для наставления ее подданных наряду с катехизисом традиционным, содержащим сжатое изложение христианского вероучения². Убеденный в том, что представление о счастье как цели человеческого существования должно послужить фундаментом этого нового катехизиса, он предлагает Екатерине взять за основу «краткий свод нравственных правил» («petit code de morale»), который «почти готов» («presque fait») и «печатается сейчас у Рея в Амстердаме» («s'imprime actuellement chez Rey à Amsterdam»):

L'auteur qui est un de mes amis le retoucherait volontiers d'après les vues de Votre Majesté.

© С.Я. Карп, 2018

¹ Благодарю Жоржа Дюлака, Дидье Кана, Сергея Викторовича Королёва, Жана Доминика Мелло, Владимира Александровича Сомова, Натали Ферей и Клодетт Фортюни за помощь в работе над этой статьей.

² О популярности идеи гражданского катехизиса во второй половине XVIII в. см.: Sandrier A. Les catéchismes au temps des «philosophes» // DHS. 1995. N 27. P. 319–334; *Idem*. Les catéchismes de l'irréligion // Philosophie des Lumières et valeurs chrétiennes / Éd. par C. Mervaud et J.-M. Seillan. Paris, 2008. P. 385–398; Marin M. Catéchismes révolutionnaires: typologies, langages et méthodologies / Texte présenté le 15 novembre 2013 dans le cadre du séminaire «L'Esprit des Lumières et de la Révolution», <https://revolution-francaise.net/2014/04/21/572-catechismes-revolutionnaires-typologies-langages-et-methodologies> (дата обращения 30 января 2018 г.).

Lorsqu'il l'aurait retouché, j'y ajouterais mes observations. Quelques gens de bien ne refuseraient pas d'y mettre la main.

Et le tout serait envoyé à Votre Majesté pour en obtenir la dernière perfection³.

Еще Морис Турнё, впервые опубликовавший *Mélanges philosophiques*, определил⁴, что речь идет о книге Жака Барбё-Дюбура (Jacques Barbeu Du Bourg, или Dubourg, 1709–1779). Профессор Медицинского факультета Сорбонны, ботаник, переводчик, изобретатель, сотрудник *Éphémérides du citoyen*, Барбё-Дюбур участвовал в *Энциклопедии*, был врачом и близким другом Дидро⁵, а также другом и единомышленником Бенджамина Франклина⁶. Первый вариант его работы *Code de l'humanité, ou Loix immuables qui servent de base aux devoirs, aux droits & au bonheur de l'Homme*, состоявший из тридцати трех статей (параграфов) и датированный «А Paris, ce 10 mars 1768», вышел в декабрьском выпуске *Mercure de France* за 1768 г. (р. 52–66). В том же году Жак Лакомб, издатель *Mercure*, напечатал его отдельным оттиском. Два года спустя *Code*, переведенный на английский язык Мэри «Полли» Стивенсон, был опубликован в Лондоне за счет Франклина⁷, который в это время представлял там интересы Пенсильвании, Джорджии, Нью-Джерси и Массачусетса. Брошюра была издана мизерным тиражом 100 экземпляров, ни один из которых, насколько нам известно, не сохранился. Между тем, читатели встретили ее тепло, и воодушевленный Барбё-Дюбур расширил ее до пятидесяти одной статьи, рассчитывая на новое издание в Англии и Франции; в ноябре 1770 г. он отправил свою рукопись Франклину⁸. В мае 1771 г. *Code* насчитывал уже девяносто две статьи⁹, однако надеждам автора на скорый выход его книги во Франции не суждено было сбыться: после долгих

³ Diderot D. *Mélanges philosophiques, historiques, etc.* // Œuvres / Éd. L. Versini. Paris, 1995. Т. III: (Politique). P. 349–350.

⁴ Tourneux M. *La Politique de Diderot, feuillets inédits extraits d'un manuscrit de la bibliothèque particulière des Czars.* Paris, 1883. P. 53–54.

⁵ 2 августа 1774 г. Абель Франсуа Никола Каройон де Вандёль и его супруга Анжелика, дочь Дидро, одолжили у Жака Барбё-Дюбура 10 тысяч ливров, однако впоследствии выяснилось, что заём был лишь оформлен на его имя, а деньги зятю и дочери на самом деле предоставил Дидро (см.: *Lizé É. Notes bio-bibliographiques sur Diderot* // SVEC. 1986. Vol. 241. P. 287).

⁶ См. о нем: *Carriat J., Gilot M. Barbeu Du Bourg, Jacques (1709–1779)* // *Dictionnaire des journalistes, 1600–1789 / Sous la dir. de J. Sgard.* Oxford, 1999. Т. I. P. 38–40, а также старую, но все еще полезную работу *Aldridge A.O. Jacques Barbeu-Dubourg, a French Disciple of Benjamin Franklin* // *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1951. Vol. 95, N 4 (Aug. 17, 1951). P. 331–392.

⁷ См. письмо Франклина Мэри Стивенсон, отправленное до 10 июля 1770 г., и письмо Барбё-Дюбура Франклину от 25 ноября 1770 г. – *The Papers of Benjamin Franklin* / Ed. by W.B. Willcox. New Haven; London, 1973. Vol. 17. P. 185–186, 291–293.

⁸ Барбё-Дюбур Франклину, 25 ноября 1770 г. – *The Papers of Benjamin Franklin.* Vol. 17. P. 291–293.

⁹ Барбё-Дюбур Франклину, 27 мая 1771 г. – *The Papers of Benjamin Franklin.* New Haven; London, 1974. Vol. 18. P. 111.

месяцев ожидания он узнал, что в разрешении на издание ему отказано. Печальная весть, сообщенная Барбё-Дюбуром Франклину в письме от 31 мая 1772 г., побудила последнего ускорить подготовку нового лондонского издания, на сей раз – оригинальной версии на французском языке, на основе рукописи, доверенной ему автором¹⁰.

Эта новая версия, состоявшая из девяти одной статьи и напечатанная в декабре 1772 г. тиражом 500 экземпляров, вышла с посвящением Франклину под названием *Petit code de la raison humaine, ou Exposition succincte de ce que la Raison dicte à tous les Hommes pour éclairer leur conduite & assurer leur bonheur* (in-8°, XII, 52 p.). На ее титульном листе, датированном 1773 годом, проставлен адрес: «A Londres: Chez Becket & De Hondt, Libraires, dans le Strand». Книга знакомила читателей с основными положениями «гражданской науки» того времени, в том числе – с доктриной прав человека, причем в весьма радикальном ее варианте. В ней, в частности, утверждалось, что первейший долг монарха – забота о благе подданных, гарантия их прав, включая право собственности, свободы совести, слова и дела, а первейший долг человека – его обязанности по отношению к самому себе, а именно – самосохранение и реализация способностей и возможностей, данных ему Богом. Франклин отправил несколько экземпляров своим друзьям и корреспондентам¹¹. Барбё-Дюбур позаботился о том, чтобы экземпляры были доставлены важным лицам: в письме Франклину от 28 ноября 1772 г., написанном еще до выхода его книги из печати, он упомянул канцлера Мопу, герцога д'Эгийона, герцогиню Фицджереймс, герцогиню Шартрскую, директора *Gazette de France* (Франсуа Марена)¹². Однако, получив книгу, он обнаружил в ней некоторое количество опечаток, перечень которых не преминул отправить Франклину¹³. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется появление в июне и сентябре 1773 г. двух *errata*, упомянутых в выставленном Франклину счете за типографские услуги¹⁴.

Следующее издание *Petit code* (in-8°, [8], 54 p.), по-прежнему состоявшее из девяти одной статьи, вышло в 1774 г. под тем же названием и тем же издательским адресом, но выглядело по-другому. Избавленное от перечисленных Барбё-Дюбуром опечаток, оно следовало не английским, а голландским типографическим стандартам (об этом свидетельствуют прежде всего сигнатуры и шрифт). В переписке Франкли-

¹⁰ Барбё-Дюбур Франклину, 31 мая и 9 октября 1772 г. – The Papers of Benjamin Franklin. New Haven; London, 1975. Vol. 19. P. 159–160, 329–330.

¹¹ См. его письма Энтони Бенезиту от 10 февраля и Сэмюэлу Куперу от 4 июня 1773 г. – The Papers of Benjamin Franklin. New Haven; London, 1976. Vol. 20. P. 40–41, 226.

¹² Барбё-Дюбур Франклину, 28 ноября 1772 г. – The Papers of Benjamin Franklin. Vol. 19. P. 384–386.

¹³ Барбё-Дюбур Франклину, 11 апреля 1773 г. – The Papers of Benjamin Franklin. Vol. 20. P. 159–161.

¹⁴ William Strahan's Account for Printing and Books [13 сентября 1774] // The Papers of Benjamin Franklin. New Haven; London, 1978. Vol. 21. P. 303–305.

на с Барбё-Дюбуром, содержащей немало сведений об издании 1773 г. и даже об издании 1770 г., об издании 1774 г. нет ни слова. Чем объясняется это молчание? Очевидно, указанный на титуле адрес был ложным, и на самом деле именно эту книгу Дидро упомянул в своих *Mélanges* как печатающуюся в Амстердаме у Марка Мишеля Рея¹⁵. Узнав о трудностях, с которыми Франклин сталкивался в Лондоне при подготовке издания его книги, Барбё-Дюбур еще в 1772 г. задумался о подпольном ее издании во Франции¹⁶. В феврале 1774 г. Рей совершил деловую поездку в Англию, где познакомился с Франклином, вручив ему рекомендательное письмо Шарля Гийома Фредерика Дюма, агента американских колоний в Нидерландах¹⁷. Не исключено, что он вернулся в Амстердам с экземпляром *Petit code* 1773 г. и перечнем опечаток.

Дидро, еще во время первого пребывания в Голландии обсуждавший с Реем возможность издания собрания своих сочинений, вернулся к теме «нравственного катехизиса» для Екатерины II в трех письмах, написанных им в Гааге уже по возвращении из России. Первое из этих писем было адресовано И.И. Бецкому – вельможе, пользовавшемуся особым доверием императрицы, президенту Санкт-Петербургской Академии художеств. Бецкой был также автором планов и уставов учебных заведений, собранных и опубликованных под названием *Учреждения и Уставы, касающиеся до воспитания в России обоего пола юношества* (Санкт-Петербург, 1774). Благодаря усилиям Дидро в 1775 г. у Рея в Амстердаме вышел французский перевод этого сочинения, выполненный доктором Клером, – *Plans et statuts des différents établissements ordonnés par sa Majesté Impériale Catherine II*¹⁸.

Итак, 31 мая 1774 г. Дидро пишет Бецкому: «Je vous ai envoyé un petit livret dont tous les paragraphes peuvent entrer dans le catéchisme moral que Sa Maj. Imp. désire.»¹⁹ 15 июня он вновь затрагивает этот сюжет: «Vous avez reçu l'esquisse du petit catéchisme moral <...>»²⁰. Наконец, 13 сентября 1774 г. Дидро обращается непосредственно к Екатерине II, говоря о ней в третьем лице:

Elle a reçu le petit code moral dont je lui avois parlé. Je souhaite qu'elle n'en ait pas été mécontente. Il y a de la simplicité dans le stile et de la suite dans les idées. Il est fondé sur l'existence d'un Être qu'elle reconnoît. Votre Majesté

¹⁵ Как бы то ни было, издание *Petit code* 1774 года было анонсировано *Journal encyclopédique* (octobre 1774, p. 171–172) в разделе литературных новостей из Великобритании.

¹⁶ Барбё-Дюбур Франклину, 9 и 28 октября 1772 г. – The Papers of Benjamin Franklin. Vol. 19. P. 329, 348.

¹⁷ Дюма Франклину, после 28 января 1774 г. – The Papers of Benjamin Franklin. Vol. 21. P. 34–37.

¹⁸ См. подробнее: Dulac G. Diderot éditeur des *Plans et statuts des établissements de Catherine II* // DHS. 1984. N 16. P. 323–344.

¹⁹ Diderot D. Correspondance / Publiée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1968. T. XIV. P. 36.

²⁰ Ibid. P. 44.

veut un grand spectateur qui s'incline vers la terre et qui la regarde marcher. Elle ambitionne au haut de l'atmosphère un apôtre digne d'elle. Pour moi, chétive créature, je m'esquive et je vais comme si personne ne me regardoit²¹.

В 2013 г. С.В. Занин и О.Е. Кошелева обнаружили в Москве, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) неизвестный автограф Дидро – листок, которым, как они предположили, сопровождалась посланная Екатерине II книга; они благоразумно предоставили его копию в распоряжение редакционного комитета Полного собрания сочинений Дидро, выходящего в Париже в издательстве «Hermann» (DPV). На следующий год они сами дважды издали этот документ²², к сожалению, с ошибками в транскрипции, атрибуциях (так, по их мнению, факт упоминания в *Mélanges* Дидро книги Барбё-Дюбура был установлен Жаном Доменеком²³) и некоторыми поспешными выводами (например, о намерении Дидро оказать помощь Екатерине II в создании «национальной религии»). Вот текст найденного ими автографа, который приводится здесь с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала:

Pour Sa maj. Imper.

Ebauche

D'un Cateschisme moral.

Si Sa maj. Imp. veut se donner La peine d'Intercaller dans ce Petit ouvrage, quelques articles tres courts de la religion Nationale, avec l'oraison Dominicale et Le simbole Des apotres, Je crois que son projet sera rempli.

Il ne sera plus question que de mettre Le tout en Russe et que de Le faire approuver du Clergé.

²¹ Ibid. P. 83.

²² Занин С.В., Кошелева О.Е. Новые открытия текстов Дидро: моральный катехизис для Екатерины Великой // Дени Дидро, Энциклопедия, Просвещение: Материалы международной научной конференции к 300-летию со дня рождения Дени Дидро, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / под общей ред. А.В. Ястребцевой. СПб., 2014. С. 37–54; *Они же*. Новые открытия текстов Дидро: моральный катехизис для Екатерины Великой // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 347–361. В последнюю публикацию авторами были внесены некоторые исправления, однако и в ней содержится немало неточностей и спорных утверждений.

²³ См. Domenech J. L'Éthique des Lumières: les fondements de la morale dans la philosophie française du XVIIIe siècle. Paris, 1989 (репринт 2008).

peutetre faudroit-il encore rediger ce cateschisme par demandes et par Reponses

Si Sa Maj. Imp. me l'ordonnoit et qu'elle m'en crut Capable, J'obeirois; car Je serai toute ma vie devoué a Ses ordres.

il faudroit seulement m'envoyer Le petit cateschisme Russe traduit en francois.

ce seroit une occupation fort agreable pour moi, tandis que Je suis ala haye²⁴

Между тем, Екатерина II подтвердила получение экземпляра книги Барбё-Дюбура в письме от 1/12 мая 1775 г., отправленном из подмосковного Коломенского петербургскому почт-директору Фридриху Матиасу (Матвеем Матвеевичу) фон Экку: «Den Code de la raison <...> habe heute empfangen...»²⁵. Я.К. Грот, опубликовавший это письмо, привел в примечании полное название книги, год и место ее публикации (Londre [sic], 1774), ее формат (in-fol. [sic]), а также указал, что почерпнул эти сведения из каталога бывшей Эрмитажной библиотеки²⁶. У нас нет оснований сомневаться в правильности прочтения Гротом даты этого письма, поскольку он сообщил, что на нем имеется помета Экка: «reçu à la poste le 10 mai 1775».

Нет сомнения и в том, что *Code de la raison*, упомянутый Екатериной в письме Экку, был ничем иным, как книгой Барбё-Дюбура: под таким названием не выходила ни одна другая книга до появления *Code de la raison* аббата Понсоля в 1778 г. Могла ли императрица иметь в виду тот самый «petit livret» или «catéchisme moral», о котором писал Дидро 31 мая, а затем 15 июня 1774 г.? Представляется крайне маловероятным, чтобы доставка этого отправления могла занять целый год. Кроме того, Дидро скорее всего доверил его человеку, гостеприимством которого пользовался в Гааге, – российскому полномочному министру при Генеральных штатах Республики Соединенных провинций князю Д.А. Голицыну: его письма вице-канцлеру А.М. Голицыну, порой сопровождавши-

²⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. № 224. Л. 1: автограф Дидро (по описи значится как «Проект нравственного катехизиса»).

²⁵ «Получила сегодня Code de la raison...» – Сборник РИО. 1880. Т. XXVII. С. 38.

²⁶ Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге располагает экземпляром издания *Petit code de la raison humaine* 1774 г. (шифр хранения А-8/43), но на нем нет следов, позволяющих предположить, что он прежде входил в состав императорского собрания. С.В. Королев сообщил, что на последней странице стоит мастичный штамп с датой поступления книги в Государственную публичную библиотеку в Ленинграде: 1939. Штамп ГПБ есть и на титульном листе.

еся докладными записками и книгами, а также письмами И.И. Бецкому, одному из покровителей князя, регулярно прочитывались Екатериной. Его корреспонденция пересылалась не обычной, а дипломатической почтой и не проходила через Эка (хотя в данном случае императрица, вероятно, лишь подтверждала получение книги, посланной из Петербурга). Наконец, 13 сентября 1774 г. Дидро пребывал в уверенности, что Екатерина уже получила «le petit code moral», а его следующее письмо ей от 17 декабря не содержит и намека на беспокойство по этому поводу.

Однако, если императрица получила книгу Барбё-Дюбура весной 1775 г., что же посылал ей Дидро годом раньше? Мы знаем, что в 47-м «листочке» *Mélanges philosophiques*, написанном, очевидно, в ноябре или декабре 1773 г., он обещал ей прислать переработанную версию книги, которая должна была вскоре выйти у Рея в Амстердаме. А это значит, что в конце мая 1774 г. Дидро мог отправить ей и рукописный вариант «катехизиса», подготовленный на основе только что вышедшего *Petit code de la raison*: хорошо известно, что он любил дополнять и переделывать тексты, написанные другими.

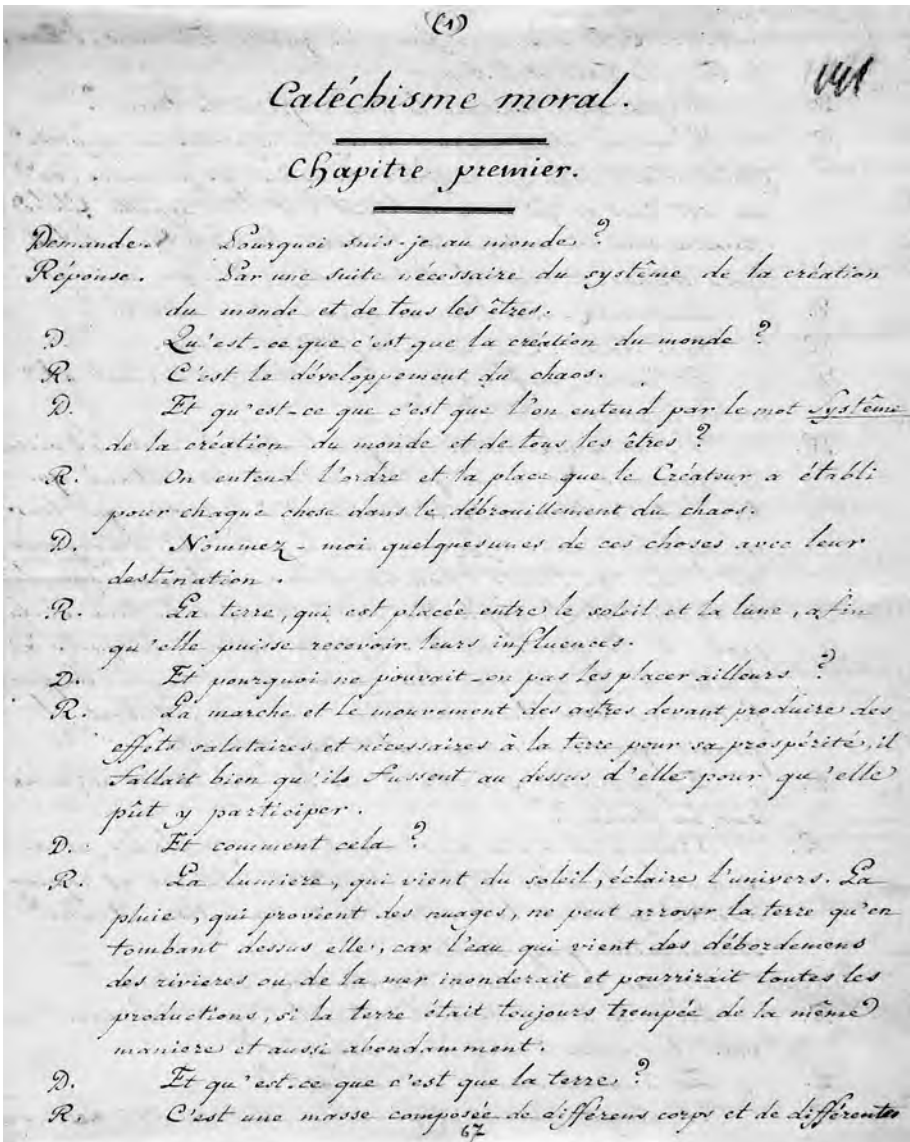
Тем не менее, эту гипотезу нечем подтвердить, поскольку не сохранились ответные письма Екатерины. Обычно она отвечала философу: так, 11 октября 1774 г. Екатерина сообщила Гримму о своем намерении ответить на послание Дидро от 13 сентября²⁷. Однако во время Французской революции письма российской императрицы могли скопрометировать кого угодно, и дочь Дидро Анжелика де Вандёль уничтожила их, как и письма других российских корреспондентов отца²⁸. Разумеется, нам хотелось бы знать, удостоила ли Екатерина своим вниманием работу, посланную ей Дидро, редактировал ли кто-нибудь этот текст, пытаясь привести его в соответствие со взглядами императрицы, участвовал ли в этом редактировании кто-либо из друзей Дидро, как он и планировал, судя по его высказываниям в *Mélanges philosophiques*. Пока все эти вопросы остаются без ответа, однако одна рукопись, до сих пор не привлекавшая внимания исследователей, дает новую пищу для размышлений на эту тему.

Рукопись, озаглавленная «Catéchisme moral»²⁹, на самом деле содержит лишь первую главу этого сочинения, составленную в форме вопросов и ответов, как и предлагал Дидро. Она хранится в Москве, в Архиве древних актов, среди бумаг Екатерины II, в том самом деле, в котором отложились многие приложения к письмам Гримма Екатерине II, а также

²⁷ Catherine II, Grimm F.M. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Ferney-Voltaire; Moscou, 2016. Tome I: 1764–1778 / Éd. critique par S. Karp avec la coll. de G. Dulac, C. Frank, S. Iskioul, G. Kahn, U. Kölvig, N. Plavinskaia, V. Rjéoutski et C. Scharf. P. 15.

²⁸ Dulac G. Diderot et la Russie: de l'importance de quelques correspondances absentes // Épistolaire. Revue de l'A.I.R.E. 2015. N 41. P. 249–260.

²⁹ РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 3. № 504. Л. 141–144 об., копия.

Первый лист рукописи «Catéchisme moral», 1774–1775 гг.

пятнадцать разрозненных «листочков» из *Mélanges philosophiques*, обнаруженных и опубликованных в свое время Эмилем Лизе³⁰. Она написана рукой Ролана Жирбала. Этот человек, служивший у мадам д'Эпине и обладавший четким, красивым почерком, в 1774–1775 гг. стал одним из копиистов *Correspondance littéraire* Гримма, а в дальнейшем – люби-

³⁰ Lizé É. Mémoires inédits pour Catherine II // DHS. 1978. N 10. P. 191–222.

мым переписчиком Дидро³¹. Рукопись эта написана на той же бумаге (филигрань «D & C BLAUW», формат 22,5 × 18 см), что и *Plan d'une université* Дидро, копия которого – еще один образец мастерства Жирбала, к тому же хранящий собственноручные исправления и дополнения автора, – также хранится в этом архиве³². У нее точно такой же стиль пагинации – арабские цифры в скобках наверху посередине страницы. Учитывая эти технические детали и обстоятельства появления обоих текстов, можно осторожно предположить, что обе рукописи создавались примерно в один и тот же период времени. *Plan d'une université* был написан приблизительно к концу июля 1775 г.³³, однако обнаруженная глава «Catéchisme moral» значительно короче его, следовательно, работа над ней могла потребовать от ее автора меньше времени. Жирбаль мог подготовить эту копию в первой половине 1775 г. или даже в конце 1774 г., вскоре после возвращения Дидро из Гааги в Париж. Однако, прежде чем строить подобные предположения, нужно еще выяснить, имела ли эта глава отношение к книге Барбё-Дюбура и мог ли Дидро быть ее автором.

Сравнивать оба текста можно лишь с оговорками. Во-первых, как уже было сказано, мы имеем дело только с первой главой и не знаем, были ли когда-либо дописаны остальные, тогда как *Petit code de la raison* представляет собой законченное произведение. Во-вторых, в этой главе раскрываются лишь наиболее общие и отвлеченные положения «нравственного катехизиса», аналогии которым имеет смысл искать только в первых трех десятках статей сочинения Барбё-Дюбура, не отличающихся особой оригинальностью. Авторы обоих текстов считают основой морали естественное право, на которое людям следует ориентироваться, выстраивая отношения друг с другом и с Богом; оба они утверждают, что счастье является целью человеческого существования, что человек – существо общественное, что он должен следовать законам общества, в котором живет, совершенствоваться, уважать себя и других, помогать себе подобным, быть честным и справедливым, стремиться к добру, избегать зла. Однако все эти «сближения» слишком тривиальны и сами по себе явно недостаточны для того, чтобы заключить, что найденная глава была «выведена» из книги Барбё-Дюбура. Справедливости ради укажем, что в ее тексте присутствуют мотивы, близкие тем идеям, которые развивает Дидро в 28-м «листочке» *Mélanges philosophiques*:

³¹ De Booy J. Diderot et son copiste Roland Girbal // French studies. 1962. N 16. P. 224–333; Kölvig U. Les copistes de la *Correspondance littéraire*: une première présentation // Éditer Diderot / Études recueillies par G. Dulac, avant-propos de J. Varloot. Oxford, 1988. P. 191 (SVEC; Vol. 254). В завещании мадам д'Эпине, подписанном 30 января 1783 г., было сказано: «Je donne et lègue au nommé Roland Girbal, qui a été mon domestique pendant cinq ans, une somme de 5 louis une fois payée, en reconnaissance de l'attachement qu'il m'a toujours marqué depuis.» (Campardon É. Les prodigalités d'un fermier général: Complément aux Mémoires de Madame d'Épinay. Paris, 1882. P. 84).

³² РГАДА. Ф. 17 (Наука, культура, искусство). Оп. 1. № 82.

³³ Dulac G. Les manuscrits de Diderot en URSS // Éditer Diderot. P. 22.

<...> la lutte de l'homme contre la nature est le premier principe de la société. La nature l'assaille par les besoins qu'elle lui a donnés et par les dangers auxquels elle l'a exposé <...>; tout ce qui tend à isoler l'homme de l'homme, tend aussi à affaiblir la puissance de la lutte contre [la] nature et à le rapprocher de la condition primitive de l'homme sauvage; par conséquent doit être regardé comme un mal <...>³⁴.

В то же время, в ней настойчиво пропагандируются идеи провиденциализма и божественного предопределения, которые не разделял Барбё-Дюбур и которые были абсолютно чужды Дидро. Быть может, эта глава уже учитывает пожелания самой императрицы и даже отдельные положения русского катехизиса, которые Дидро упоминал в сопроводительной записке, рассчитывая получить их перевод в Гааге, а затем переработать весь текст в форме вопросов и ответов? И все же в истории этой рукописи пока еще слишком много неясного, чтобы мы могли приписать Дидро ее авторство. А priori существуют лишь два других возможных кандидата – Гримм и мадам д'Эпине.

Гримму принадлежит *Essai d'un catéchisme pour les enfants*, появившийся вместе с длинным предисловием в выпуске *Correspondance littéraire* от 15 февраля 1755 г.³⁵ В этом предисловии он изложил свое кредо:

Il faudrait donc commencer à reformer le premier livre que nous donnons à nos enfants, qui est le catéchisme, ou plutôt il en faudrait faire un nouveau bien différent de celui qui ennuie et tourmente le petit peuple. Il est évident que le catéchisme de l'humanité et le catéchisme de la société doivent précéder celui de la religion. Il faut être homme et citoyen avant que d'être chrétien³⁶.

Таким образом, Гримм настаивает на необходимости создания нравственного и гражданского катехизиса, т.е. разделяет взгляды, которые позднее Дидро изложит в беседах с Екатериной II и даже представит в *Mélanges philosophiques* как ее собственные суждения, «dignes de sa grande sagesse»³⁷. В том же предисловии Гримм, в частности, подробно рассуждает о ценной способности человека к самосовершенствованию, отличающей его от животного³⁸. Это мнение, предполагающее также несогласие с известными взглядами Руссо, мы обнаруживаем и в упомянутой главе «Catéchisme moral». Однако, когда двадцать лет спустя Гримм вернется к этой теме в *Essai sur les études en Russie*, написанном

³⁴ Diderot D. *Mélanges philosophiques, historiques, etc.* P. 312.

³⁵ Grimm F.M. *Correspondance littéraire / Sous la dir. de U. Kølving* (далее – CLK). Ferney-Voltaire, 2006. Т. II (1755) / Éd. par R. Granderoute. P. 50–52. В выпуске от 1 мая 1756 г. Гримм разместит затем свой *Essai d'un catéchisme pour les princes*, – CLK. Ferney-Voltaire, 2007. Т. III (1756) / Éd. par R. Granderoute. P. 96–98.

³⁶ CLK. Т. II. P. 49. См. также: Grevet R. *Éducation, morale et politique chez F.-M. Grimm* // DHS. 1995. N 27. P. 390.

³⁷ Diderot D. *Mélanges philosophiques, historiques, etc.* P. 349.

³⁸ CLK. Т. II. P. 45–46.

по просьбе Екатерины II, он будет пропагандировать опыт немецких начальных школ, а высказанные им сугубо прагматические соображения будут заметно отличаться от абстрактных максим, характерных для *Essai d'un catéchisme pour les enfants* и интересующей нас главы «Catéchisme moral»:

On apprend aussi dans ces écoles son catéchisme, c'est-à-dire les premiers principes de sa religion, et l'on fait d'une pierre deux coups en se servant de ces livres pour y apprendre à lire. Il serait à désirer qu'on eût aussi des catéchismes de morale et de politique, c'est-à-dire des livres où les premières notions des lois du pays, des devoirs des citoyens, fussent consignées pour l'instruction et l'usage du peuple; et une espèce de catéchisme usuel, qui donnât une idée courte et claire des choses les plus communes de la vie civile, comme des poids et mesures, des différents états et professions, des usages que le dernier d'entre le peuple a intérêt de connaître, etc.³⁹

В любом случае мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что составление нравственного или гражданского катехизиса обсуждалось в беседах Екатерины II с Гриммом или в их переписке.

Что же касается мадам д'Эпине, первая версия ее знаменитого педагогического сочинения *Conversations d'Émilie* вышла в Лейпциге у Крузиуса, а затем в Париже в 1775 и 1776 гг. у Писсо. В июне 1774 г. *Correspondance littéraire* отозвалась о ее книге с большой похвалой:

Les principes de l'éducation n'ont peut-être jamais été mieux approfondis, mieux développés que de nos jours; il ne nous manque que de bons livres élémentaires pour en faciliter l'application. Une femme de beaucoup d'esprit et d'une raison très-supérieure encore à son esprit, vient d'en composer un à l'usage de sa fille, dans lequel nous avons cru trouver l'exécution la plus heureuse du catéchisme moral dont Jean-Jacques a tracé le projet dans son *Émile*⁴⁰.

Гримм переслал Екатерине II экземпляр через князя В.С. Долгорукова, российского полномочного министра в Берлине. 29 апреля/10 мая 1775 г. императрица, находившаяся в Коломенском, уже читала эту книгу и собиралась распорядиться о ее переводе на русский язык⁴¹. Как мы уже знаем, через два дня она получит *Code de la raison*, но в ее переписке

³⁹ *Diderot D. Œuvres complètes / Revues sur les éditions originales...* par J. Assézat et M. Tourneux. Paris, 1875. Т. III (Philosophie). P. 418. Начиная с XIX в., *Essai sur les études en Russie* упорно приписывался Дидро; эта ошибочная атрибуция встречается до сих пор во многих обобщающих работах. Авторство Гримма впервые было установлено П.И. Люблинским еще в 1930-х годах, подробнее см.: *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 188–189.

⁴⁰ CL. 1879. Т. X. P. 441.

⁴¹ См. ее письма Гримму от 27 февраля/10 марта и 29 апреля/10 мая 1775 г. – *Catherine II, Grimm F.M.* Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. Т. I: 1764–1778. P. 29, 38.

с Гриммом мы не обнаружим никаких параллелей между *Conversations d'Émilie* и книгой Барбё-Дюбура или главой «Нравственного катехизиса».

Позднее, в письме аббату Галиани от 20 февраля 1777 г. мадам д'Эпине, перечисляя свои неотложные занятия, упомянет о некоем нравственном катехизисе («un catéchisme moral que j'ai entrepris»), вероятно, одним из текстов, создававшихся ею при подготовке нового издания *Conversations d'Émilie*⁴², однако более нам об этом ничего не известно.

В любом случае среди работодателей Жирбалья Дидро был единственным человеком, напрямую обсуждавшим с Екатериной II вопрос о составлении «нравственного катехизиса» и затрагивавшим эту тему в своей переписке с ней. Надеюсь, что настоящая публикация найденной рукописи поможет идентифицировать ее автора с большей степенью уверенности.

Catéchisme moral.

Chapitre premier.

Demande. Pourquoi suis-je au monde?

Réponse. Par une suite nécessaire du système de la création du monde et de tous les êtres.

D. Qu'est-ce que c'est que la création du monde?

R. C'est le développement du chaos.

D. Et qu'est-ce que c'est que l'on entend par le mot système de la création du monde et de tous les êtres?

R. On entend l'ordre et la place que le Créateur a établi pour chaque chose dans le débrouillement du chaos.

D. Nommez-moi quelquesunes de ces choses avec leur destination.

R. La terre, qui est placée entre le soleil et la lune, afin qu'elle puisse recevoir leurs influences.

D. Et pourquoi ne pouvait-on pas les placer ailleurs?

R. La marche et le mouvement des astres devant produire des effets salutaires et nécessaires à la terre pour sa prospérité, il fallait bien qu'ils fussent au dessus d'elle pour qu'elle pût y participer.

D. Et comment cela?

R. La lumière, qui vient du soleil, éclaire l'univers. La pluie, qui provient des nuages, ne peut arroser la terre qu'en tombant dessus elle, car l'eau qui vient des débordemens des rivieres ou de la mer inonderait et pourrirait toutes

⁴² *Galiani F., D'Épinay L. Correspondance. Pais, 1997. T. V (juin 1775 – juillet 1782) / Présentation de G. Dulac, texte établi par D. Maggetti et annoté par D. Maggetti en coll. avec G. Dulac. P. 137, n. 4.*

les productions, si la terre était toujours trempée de la même manière et aussi abondamment.

D. Et qu'est-ce que c'est que la terre?

R. C'est une masse composée de différens corps et de différentes matières. Cette masse renferme les quatre Elemens, l'Eau, le Feu, la Terre et l'Air.

D. Pourquoi dites-vous que la terre renferme la terre?

R. Le monde étant composé de différens globes, on appelle Globe céleste celui qui renferme les astres, les planètes, en un mot tout ce qui compose le ciel; et l'on appelle Globe terrestre celui où se trouvent la terre, les eaux &c, et les trois regnes, le végétal, le minéral et le regne animal.

D. Comprenez-vous l'homme dans le regne animal?

R. Sans doute. C'est un animal raisonnable.

D. Et quelle différence y a-t-il entre animal et animal raisonnable?

R. Les animaux brutes, tels que le chien, le chat, les oiseaux, les poissons &c, n'ont qu'un instinct momentané qui les porte à trouver leurs besoins et à éviter ce qui leur est nuisible, sans réflexion sur le passé, ni prévoyance de l'avenir. Mais l'homme a sur eux l'avantage de la raison, de la réflexion, du sentiment du bien et du mal, de la conscience de ses propres actions, lesquels à l'aide de la mémoire lui donnent des moyens de perfectionner son être, avantage immense, et dont il paraît que les animaux sont toujours privés.

D. Et pourquoi y a-t-il des hommes et des animaux sur la terre?

R. Parcequ'il a plu au créateur de les y placer, et de donner à tous les corps une qualité créatrice et reproductive qui tient la matière dans une action et une fermentation perpétuelles.

D. A quoi servent toutes les productions de la terre?

R. Les unes à maintenir l'ordre et l'équilibre dans l'univers, les autres à nourrir ses habitans.

D. Et à quoi servent ses habitans?

R. A remplir le but et les vues du Créateur, à cultiver la terre, à pourvoir à leurs besoins, à ceux de leurs semblables, en un mot, à suivre chacun sa vocation.

D. Tout est donc lié et nécessaire dans le système du monde?

R. Sans doute.

D. Comment! il ne dépend de personne de changer l'ordre des choses établies dans l'univers?

R. Non, on ne le peut pas.

D. Et que doit-on donc faire quand il arrive des événemens malheureux?

R. S'y soumettre et se résigner; puisque c'est une nécessité, il serait inutile de se révolter.

D. On ne peut donc pas les éviter?

R. Il y en a un grand nombre qu'on évite par une conduite sage et modérée.

D. Quelle est cette vocation que vous avez dit que chacun doit suivre?

R. Chacun a la sienne. La vocation générale de l'homme est de naître, de croître, de se perfectionner, de se reproduire, d'être heureux, de vieillir et de finir.

D. Vous dites que la vocation de l'homme est d'être heureux; le bonheur dépend-il de lui?

R. Presque toujours.

D. Qu'est-ce que c'est que le bonheur?

R. C'est d'avoir l'âme dans cet état de tranquillité qui la laisse jouir sans inquiétude et sans regret de tous les événemens heureux qui lui arrivent.

D. Est-ce qu'il n'y a pas de bonheur sans tranquillité d'âme?

R. Non; les mouvemens violens ne sont pas durables, et quelque satisfaction, quelque plaisir qu'ils donnent, ils ont toujours des retours plus ou moins fâcheux, ils procurent une ivresse plus ou moins longue, et sont souvent par là même contraires au bonheur.

D. Ce qui n'est pas durable n'est donc pas le bonheur?

R. Non sans doute. Le bonheur est un état constant et permanent.

D. Et que faut-il faire pour avoir le bonheur, constant et durable?

R. Remplir exactement, gaîment et sans murmure les conditions de sa vocation sur la terre.

D. Quelles sont donc ces conditions?

R. De vivre en société, d'aider ses semblables en leurs besoins, d'être juste et vrai avec soi et avec les autres, de suivre les loix de la société où l'on vit, de faire le bien, de fuir le mal, en un mot, de ne faire à personne ce qu'on ne voudrait pas qui nous fût fait, et de faire pour chacun ce qu'on desire qu'il fasse pour nous.

D. Celui qui ne se conformerait pas à tous ces principes ne pourrait donc pas vivre heureux dans la société?

R. Non assurément.

D. Et pourquoi?

R. Ayant reçu de la nature la faculté de faire le bien, on est aussi malheureux et aussi tourmenté de ne le pas faire qu'on le serait étant privé de l'usage de ses bras ou de ses jambes, avec cette différence qu'on plaindrait un impotent.

D. On ne plaindrait donc pas celui qui ferait constamment le mal?

R. Non; et n'étant bon à rien à ses semblables, ou même leur portant dommage par le mal qu'il n'éviterait pas et qu'il ferait pour se satisfaire, il serait haï, méprisé, et l'on ne chercherait qu'à le fuir.

D. Est-ce qu'il ne pourrait pas vivre tout seul?

R. Non, l'homme est fait pour vivre en société et ne peut se passer de ses semblables.

D. Pourquoi ne peut-il se passer de son semblable?

R. C'est qu'il est trop faible par sa nature pour suffire à tous ses besoins.

D. Comment cela?

R. Ce n'est que par le secours des hommes et leur travail que l'homme tire du profit des productions de la terre. Sans eux comment les recueillir? Comment avoir l'or et l'argent qui sont au fond de la terre? Qui bâtirait nos maisons? Un homme seul ne peut pas tout faire ni se transporter dans tous les pays pour en tirer les choses dont il a besoin à chaque moment et dont il use journellement, sans réfléchir à la difficulté de se les procurer. Sans l'union

des hommes il n'y aurait ni agriculture, ni médecine, ni astronomie; point de secours dans les maladies, de consolation dans les peines. Voilà les avantages que les hommes retirent de leur union et de la société.

D. Tout ce qui tend à diviser l'union établie⁴³ entre les hommes par la société est donc mauvais?

R. Mauvais et punissable; et tout ce qui tend à resserrer cette union est de devoir, est bon et mérite récompense, encouragement et reconnaissance.

D. Chacun a donc intérêt à être vertueux?

R. Sans doute.

D. Quel sentiment doit-on à celui qui a commis quelque faute et qui s'en repent?

R. On lui doit de l'indulgence en proportion des circonstances qui accompagnent ses fautes et de la manière dont il les répare.

D. N'est-ce pas de ces principes qu'on a vu naître les loix, les coutumes et les mœurs?

R. Sans doute, et c'est ce qui fait la différence des peuples sauvages aux peuples civilisés.

D. Notre bonheur est donc à proportion de notre soumission aux loix?

R. Sans doute, et il nous est indispensable de nous y soumettre, puisqu'elles sont nécessaires au repos de chacun et que la société ne saurait subsister sans elles.

D. Qu'entendez-vous par les sauvages?

R. Ceux qui n'ont pas de loix et qui vivent seuls dans les forêts, sans se lier avec les autres hommes dont ils ne connaissent pas même l'existence?⁴⁴

D. Et les peuples civilisés?

R. Ce sont eux qui vivent en société et qui sont soumis à des loix qu'ils sont obligés d'observer tant pour leur propre repos que pour celui des autres.

D. Qu'arriverait-il à celui qui ne les suivrait pas?

R. Qu'en y manquant il est sensé renoncer à la société et aux avantages qu'elle lui procure, et qu'il serait puni par la haine, ou le mépris, ou l'abandon de ses semblables, suivant l'espece de faute qu'il aurait commise.

D. Quelle est la plus parfaite des productions du Créateur?

R. C'est la nature humaine.

D. On doit donc avoir une grande idée de l'homme?

R. Certainement, et c'est pourquoi on ne saurait pousser trop loin le respect de soi-même et ne jamais le perdre de vue dans ses actions et dans ses desirs.

Q. A quoi cela engage-t-il?

R. A ne se permettre rien qui puisse dégrader ni avilir notre être, et à tout sacrifier, même sa vie, plutôt que de manquer aux loix de l'honneur.

D. Qu'est-ce que les loix de l'honneur défendent?

R. De jamais trahir la vérité, de jamais manquer à l'équité et à la justice,

⁴³ «établie» – слово надписано сверху.

⁴⁴ Вопросительный знак проставлен по ошибке: фраза не содержит вопроса.

de rejeter tout avantage, tout profit, tout plaisir qu'on ne pourrait obtenir qu'en manquant à ses devoirs et à ce que la société attend de nous.

D. Mais si l'honneur exige des sacrifices pénibles qui nous rendent malheureux?

R. Il faut les faire, parcequ'ils ne rendent malheureux qu'un moment, au lieu qu'on le serait toute la vie en manquant aux loix de l'honneur.

D. Et pourquoi serait-on malheureux toute sa vie?

R. Parcequ'on aurait perdu l'estime des autres et la sienne propre.

D. Est-ce on ne peut pas vivre sans l'estime des autres et dans s'estimer soi-même?

R. Non, chaque regard des autres nous ferait baisser les yeux, nous mettrait mal à l'aide, et nos propres réflexions empoisonneraient notre vie.

D. Comment sait-on cela?

R. Parceque tous ceux qui se sont déshonorés sont morts abandonnés, sans amis, ou ont fini misérables, ou ont péri de chagrin.

D. Mais si la faute que l'on commet est ignorée?

R. Tout se sait tôt ou tard, ou si par un hazard dont on ne connaît pas l'exemple la faute restait ignorée, la crainte qu'elle ne se découvre ferait un tourment perpétuel, et l'aveu qu'on ne peut s'empêcher de se faire intérieurement d'avoir manqué au respect de soi-même nous aviliraient à nos propres yeux, il nous ferait rougir des louanges qu'on nous donnerait et que nous ne pourrions nous dissimuler que nous ne méritons plus.

D. Que faut-il donc faire pour ne jamais manquer aux loix de l'honneur?

R. Il faut se rappeler sans cesse que nous sommes sortis purs des mains du créateur, que nous sommes son plus parfait ouvrage, que par conséquent nous devons nous respecter. Il nous a donné les moyens de nous perfectionner, l'esprit pour nous éclairer et nous instruire, le jugement pour apprécier les choses, la raison pour nous encourager dans nos sacrifices, et la sensibilité pour jouir du plaisir de faire le bien, et de la peine qu'occasionne le mal.

D. Le bien est donc agréable à faire?

R. Il remplit le cœur de douceur et de joie.

D. Le mal est donc fâcheux à faire?

R. Il remplit le cœur d'amertume et de regrets.

D. Les devoirs sont-ils les mêmes pour tous les âges?

R. Il y a de communs à tous les âges.

D. Quels sont-ils?

R. De ne jamais trahir la vérité; d'honorer et de respecter ses peres et meres; d'éviter tout ce qui est contraire à la décence; de ne faire de mal à personne; de soulager ceux qui souffrent, quand on le peut; d'être soumis à ses supérieurs &c.

D. Quels sont les devoirs particuliers de l'enfance?

R. C'est principalement le respect, la soumission et la reconnaissance envers leurs peres et meres et envers tous ceux qui sont chargés de leur conservation.

D. Pourquoi?

R. Parceque cet âge étant celui de l'ignorance et de la faiblesse, ils ne pourraient vivre sans les secours étrangers, et si on les perdait de vue un instant, ils seraient exposés à mille accidens. Ne pouvant rien faire par eux-mêmes, ils sont perpétuellement forcés à avoir recours aux autres. Leur premier sentiment doit donc être celui de la reconnaissance, et leur première réflexion – celle de la nécessité de l'obéissance.

D. Les enfans sont donc tous soumis?

R. Non; aussi s'ils avaient à faire à d'autres qu'à leurs parens, ils seraient bientôt abandonnés, car rien n'est si importun et si impatientant qu'un enfant qui se révolte du bien qu'on veut lui faire.

D. Qu'arrive-t-il quand il gagne de l'âge?

R. Que ceux qui sont bien nés sentent alors les peines qu'ils ont causé à leurs peres, l'importance de leurs devoirs envers eux et qu'ils ne les perdent plus de vue le reste de leur vie.

Sergueï Karp

Diderot et le «catéchisme moral» destiné à Catherine II: nouvelles questions

Dans les *Mélanges philosophiques* pour Catherine II, Diderot, reprenant un projet de l'impératrice, insiste sur la nécessité de confectionner un petit catéchisme moral. Il avance quelques propositions dans ce sens et revient sur ce sujet dans les lettres écrites à Ivan Betskoï et à Catherine II en 1774, pendant son second séjour à La Haye. Des découvertes récentes dans les archives de Moscou permettent de préciser certaines circonstances de son intervention, mais soulèvent de nouvelles questions sur ce que fut son rôle dans cet épisode, qui comporte plusieurs points obscurs.

GUILLAUME NICOUD

MARIGNY ET LA RUSSIE¹

Le 18 octobre 1931, l'hebdomadaire satirique français *Cyrano* publie un article intitulé «Le dernier style» où il est question de la réorganisation des salles du Musée de l'Ermitage, à Leningrad:

Les toiles du musée de l'Ermitage à Leningrad viennent d'être regroupées. Ce n'est pas par écoles artistiques, comme on n'eut pas manqué de le faire chez nous, impénitents retardataires. C'est par écoles sociales <...>. On y voit les toiles de l'«époque précapitaliste», celles du «capitalisme industriel», etc. Finie la division en styles Louis XIV, Louis XV ou Louis XVI. <...> Là-bas, un collectionneur audacieux n'invite plus une belle connaissance à venir contempler dans l'intimité ses bougeoirs Pompadour. Il lui demande: Quand me ferez-vous la grâce, chère amie, de venir admirer, contempler mes bons de pain post-marxistes?²

Durant les années 1930, les collections françaises du musée sont effectivement redéployées pour servir de fonds de départ à une *Reconstruction socialiste de l'Ermitage*, pour reprendre le titre d'une publication contemporaine de Legran, son directeur³. Celles-ci sont même si riches que dès l'intégration du Palais d'Hiver à l'Ermitage en 1918, consécutif au transfert du pouvoir politique russe au Kremlin de Moscou, elles sont parmi les premières à y être partiellement déployées. Alors qu'à cette époque le pays est ostracisé sur la

© Guillaume Nicoud, 2018

¹ Je remercie vivement Ékaterina Deryabina, Alden R. Gordon, Christophe Morin, Laëtitia Pierre, Marie-Catherine Sahut et Anne-Claire Salmas pour leur aide essentielle dans la rédaction de cette étude.

² *Cyrano*. Dimanche 18 octobre 1931. N 383. P. 24.

³ *Legran B.V.* La Reconstruction socialiste de l'Ermitage / Traduit par M. Meloup et H. Notgaft. Leningrad, 1934.

scène internationale, cette nouvelle présentation est visitée, avant même son ouverture en 1922, par un voyageur français, Edouard Herriot (1872–1957), député du Rhône et président du Parti radical; il est un des premiers hommes politiques occidentaux d'envergure à visiter la Russie bolchevique. On peut dès lors se demander si cette première exposition de l'Ermitage ne fut pas réalisée précisément pour le passage du député ou, en tout cas, pour rappeler à Paris les liens culturels étroits qui lièrent France et Russie au XVIIIe siècle et, partant, pour inciter à une reprise du dialogue politique. Toujours est-il que, deux ans plus tard, Herriot devient président du Conseil et envoie un télégramme par lequel la France reconnaît l'Union Soviétique, une première pour une puissance occidentale victorieuse de la Grande Guerre: les liens sont renoués et l'art a probablement servi ici la diplomatie. Dans l'histoire des relations étatiques franco-russes, diplomatie, politique et art sont en réalité étroitement imbriquées. Au début du XVIIIe siècle, le règne de Pierre le Grand fait entrer la Russie dans le concert des nations européennes et si le séjour de ce tsar en France à l'époque de la Régence a marqué les esprits par ses visites et ses recherches de gens de métiers et d'artistes, il devait en premier lieu permettre un rapprochement avec Versailles, un objectif qui se révéla cependant un échec⁴. En 1741, alors qu'en France, Louis XV est devenu souverain absolu, Élisabeth Ire accède au trône de Russie. Cette francophile fut même soutenue dans sa prise du pouvoir par l'ambassadeur français Jacques Joachim Trotti, marquis de La Chétardie (1705–1759). Très vite, cependant, les maladresses de ce dernier, le rapprochement de la Russie avec l'Autriche et la politique diplomatique française pro-suédoise et pro-turque aboutissent à une rupture des relations entre Saint-Pétersbourg et Versailles. Par ailleurs, la Russie apparaît plus, dans la France de l'époque, comme une puissance européenne en plein essor – donc menaçante – que comme un pays avec lequel traiter⁵. Dès lors, quand la cour pétersbourgeoise tente de renouer des liens avec Versailles en 1754, la prudence est de mise côté français. C'est dans ce contexte que débute le directorat d'Abel-François Poisson de Vandières, marquis de Marigny (1727–1781). En tant que Directeur général des bâtiments du roi, il va jouer un rôle important, sous l'influence de son entourage proche, dans le rapprochement réel mais complexe entre la France et la Russie et mener une politique culturelle en ce sens. En s'appuyant sur une correspondance inédite, cet article cherchera d'une part à mettre en lumière le rôle de Marigny dans le premier dossier franco-russe qu'il eut à traiter: le séjour du peintre du roi Louis Tocqué (1696–1772) à Saint-Pétersbourg⁶, d'autre part d'évaluer la

⁴ *Antoine M., Ozanam D.* Le secret du roi et la Russie jusqu'à la mort de la czarine Élisabeth en 1762 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France.* 1954–1955. P. 70–73.

⁵ *Ibid.* P. 71–72.

⁶ Tocqué devient membre agréé de l'Académie royale de peinture et de sculpture le 31 août 1731 avant d'y être reçu le 30 janvier 1734 (*Les peintres du roi, 1648–1793 / Cat. d'exposition.* Musée des beaux-arts de Tours, 18 mars – 18 juin 2000; Musée des Augustins à Toulouse, 30 juin – 2 octobre 2000. Paris, 2000. P. 259).

part du soutien du directeur à la création d'une Académie impériale à Saint-Pétersbourg, puis au séjour russe d'Étienne Maurice Falconet. Un dernier point, sorte d'excursus, viendra mettre en lumière l'implication directe et indirecte de Marigny dans l'enrichissement des collections impériales.

1. LE RÔLE DE MARIGNY DANS L'ENVOI DE TOCQUÉ EN RUSSIE

En 1751, alors que les relations franco-russes sont rompues depuis 1747–1748, certains membres de la cour d'Élisabeth Ire tentent secrètement un rapprochement entre les deux pays. Pour le vice-chancelier comte Mikhaïl Illiaronovitch Vorontsov (1710–1767)⁷, un francophile, il s'agit avant tout d'une posture stratégique, autrement dit un moyen de fédérer un parti français contre son supérieur, l'anglophile et pro-autrichien Grand chancelier Alexis Petrovitch Bestoujev-Rioumine (1692–1767)⁸. Les premières démarches sont menées par Jean Michel (1721– vers 1783), «l'homme de confiance du vice-chancelier»⁹. Ce pétersbourgeois, de père français¹⁰ et marchand de galanteries¹¹, s'engage à plaider la cause directement à Versailles, où il a ses entrées¹². Séjournant en cette ville au cours des années 1752–1753, il «signale le regain d'intérêt des Russes pour la France¹³» au secrétariat des Affaires étrangères¹⁴. C'est en réalité une jeune recrue du parti français qui accélère la tentative de rapprochement: le nouveau favori d'Élisabeth, le jeune page Ivan Ivanovitch Chouvalov (1727–1797)¹⁵. Ce dernier, qui œuvrera à la gloire civilisationnelle du règne en créant l'Université de Moscou et l'Académie

⁷ Tocqué le portraiture. L'œuvre serait conservée au Musées des Beaux-Arts d'Ekaterinbourg et selon une inscription portée sur sa gravure par Schmidt, le tableau daterait de 1757; sur l'œuvre, voir *Doria* A. Louis Tocqué. Paris, 1929. P. 142. N 338.

⁸ Tocqué l'a aussi portraiture vers 1757–1758 Tableau peint vers 1757–1758 (huile sur toile, H. 1,45 × L. 1,12 m, Moscou, Galerie Trétiakov; Ibid. P. 96. N 24).

⁹ Correspondance du chevalier Douglas, chargé d'affaires de France en Russie, janvier 1756 – janvier 1757 – BNF. Département des manuscrits. NAF 22009, première pièce [«Russie / 1756 / huit premiers Mois / M. le ch.^{er} Douglas», Mémoire de Douglas à son excellence, remis le 6 janvier 1756]. Fol. 4 r.

¹⁰ Jean Michel est le fils de Jean-Baptiste Michel (1686–?), menuisier et ébéniste rouennais engagé par Pierre le Grand, voir: *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie, de Pierre le Grand à Paul Ier / Sous la dir. d'A. Mézin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. T. II. P. 600.*

¹¹ Ces objets sont très recherchés par l'impératrice.

¹² Observateur de la Russie pour la Cour de France à partir de juin 1745, il effectue régulièrement des séjours en France.

¹³ *Dolgoroukow P. Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow. Genève, 1867. T. I. P. 250.*

¹⁴ Il débute même une activité d'agent-double alors que, parallèlement, Élisabeth envoie en France – toujours pour sonder Versailles – son maître des cérémonies, François de Santi (1683–1764). Ce dernier est un gentilhomme aventurier piémontais. Il confirme à Élisabeth que «marchand, artisans et artistes [regrettent] amèrement la rupture entre la France et la Russie» – *Liechtenhan F.-D. Élisabeth Ire de Russie. Paris, 2007. P. 334.*

¹⁵ Selon *Doria*, il existerait un portrait de lui peint par Tocqué, original qui pourrait correspondre à l'huile sur toile, H. 0,83 × L. 0,63 m, conservée à Saint-Pétersbourg, Musée de l'Ermitage, inv. ГЭ-5636 (*Doria* A. Op. cit. P. 136. N 299).

des Beaux-Arts de Saint-Pétersbourg, sera nommé «Monsieur Pompadour, Français à brûler»¹⁶ par Frédéric II de Prusse, car il est en effet un francophile convaincu.

À Versailles, on s'accommode du peu de contacts franco-russes jusqu'à ce que le prince de Conti (1717–1776) souhaite obtenir la main de l'impératrice à son avènement en 1741, et, surtout, jusqu'à ce qu'il décide en 1745 de briguer le trône de Pologne¹⁷. Ce nouveau projet franco-polonais prend de l'ampleur quand le roi lui accorde son soutien; néanmoins, ne pouvant l'afficher publiquement, ni même traiter du sujet en conseil ou par voie diplomatique, Louis XV décide d'engager pour cette cause des agents secrets, une démarche préfigurant le service de renseignement connu ensuite sous l'appellation de «Secret du Roi». Ainsi, le premier juin 1755, le roi s'attache les services du chevalier Alexandre Pierre Mackensie Douglas, comte et baron de Kildin (1713–1765). Ce personnage, qui va jouer un rôle non négligeable dans l'affaire relative à Tocqué, est envoyé comme espion en Russie afin de sonder plus directement la cour de la tsarine concernant l'éventuelle alliance franco-russe¹⁸. Jacobite écossais protégé de Conti, on pense qu'il n'attirera pas l'attention, bien au contraire.

Tocqué, un choix impérial?

Les artistes, consciemment ou inconsciemment, sont partie prenante de ce jeu politique. En juin 1754, le portraitiste de la cour impériale, le Français Louis Caravaque, décède¹⁹. S'il n'est pas avéré qu'il ait lui-même activement soutenu le parti français, son épouse, Marguerite Simon²⁰, sert en revanche de confidente aux projets matrimoniaux entre Conti et Élisabeth. Or, il apparaît important aux partisans français pétersbourgeois et certainement à Versailles, qu'un Français ait de nouveau l'honneur de peindre l'impératrice. Cette situation offre ainsi l'opportunité d'une correspondance plus appuyée entre la cour de Russie, par l'intermédiaire du parti français, et Versailles.

Vorontsov écrit donc en France dès septembre-octobre 1754 pour inviter le peintre académicien Louis Tocqué (1696–1772) à venir peindre Élisabeth²¹. Il adresse son courrier au Garde du trésor royal, Jean Pâris de Montmartel, marquis de Brunoy (1690–1766)²², qu'il semble déjà connaître.

¹⁶ *Brunot F.* Histoire de la langue française, des origines à 1900. Paris, 1934–1935. T. VIII. P. 497–498.

¹⁷ *Antoine M., Ozanam D.* Op. cit. P. 74.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Né à Marseille en 1684, il décède le 9 ou 15 juin 1754 (Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. II. P. 142).

²⁰ Elle est une sœur de l'épouse du sculpteur et architecte Nicolas Pineau (1684–1754); elle retourne en France dès 1756 en voyageant avec Michel (*Ibid.* P. 143).

²¹ *Doria A.* Op. cit. P. 64.

²² Pâris de Montmartel finance la diplomatie française par ses lettres de crédit reconnues partout en Europe. Ainsi, il est sans doute celui qui fournit les subsides nécessaires à l'ambassadeur français La Chétardie pour mener le coup d'état en faveur de l'impératrice Élisabeth en 1741.

Douglas, qui devient «[l']amy»²³ de Tocqué, écrit ultérieurement à un de ses supérieurs que c'est l'impératrice elle-même qui a choisi l'artiste:

Elle à entendüe beaucoup louer les talents d'un de vos peintres nommés M. Toké, et elle donna ordre au Vice-chancelier de l'engager de venir passer quelque tems à sa cour: le Vice-chancelier en fit écrire et fit loger entre les mains de M. de Montmartel 30 à 40 mille francs pour les frais du voyage²⁴.

Toutefois, ainsi que le laisse supposer la chaîne des intermédiaires qui ont œuvré à cette invitation, l'impératrice aurait pu être inspirée dans son choix par Vorontsov, lui-même peut-être inspiré par Pâris de Montmartel.

LES TRIBULATIONS AUTOUR DU DÉPART DE TOCQUÉ:

ENTRE ART, INTÉRÊTS PERSONNELS ET NÉGOCIATIONS DIPLOMATIQUES

Marigny, de qui dépend Tocqué, est rapidement informé par courrier de cette invitation, non par Montmartel, mais par la marquise de Pompadour (1721–1764), la sœur de Marigny, qui est également la filleule du Garde du trésor. Le Directeur des bâtiments doit entériner la démarche, simple tâche qui consiste à établir ce qui apparaît même dans la correspondance comme des «formalités»: demander l'accord du roi et inviter le portraitiste à partir pour la Russie²⁵.

Marigny obtient l'accord du roi dès octobre 1754²⁶, mais il a plus de difficultés à convaincre Tocqué, qui n'accepte de partir que sous certaines conditions²⁷. Elles sont en premier lieu d'ordre financier²⁸. En effet, si un

La première trace connue d'une activité de Montmartel en Russie daterait de la fin de l'année 1745, quand le consul de France à Saint-Petersbourg écrit au Secrétaire d'État de la Marine, Maurepas, concernant les fonds réservés au comte de Lestocq, médecin et confident français de l'impératrice, membre éminent du parti français, jusqu'à sa chute en 1748; voir *Mézin A.* Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris, 2009. P. 202; *Liechtenhan F.-D.* Op. cit. P. 192–193. C'est aussi Montmartel qui fournit, au moins en 1754, des lettres de change à Douglas partant pour la Russie et c'est même à cause de ces dernières que l'espion aurait été démasqué à Saint-Petersbourg; voir *Éon C. de Beaumont d'.* Les loisirs du chevalier d'Éon de Beaumont, ancien ministre plénipotentiaire de France ancien ministre plénipotentiaire de France, sur divers sujets importants d'administration, et pendant son séjour en Angleterre. Amsterdam: [s.n.], 1775. T. V. P. 93.

²³ Lettre de Michel à Douglas, 17 février 1756 – Paris, Archives du Ministère des affaires étrangères (dorénavant AMAE), Correspondance politique, Russie, supplément. T. VIII. Fol. 169, citée d'après *Roche D.* L'arrivée et le séjour de Tocqué en Russie // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français. 1910. P. 301. Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 69.

²⁴ Correspondance du chevalier Douglas. Fol. 5 v.

²⁵ Lettre de Marigny à Pâris de Montmartel, 25 octobre 1754 – Paris, Archives nationales (dorénavant AN). O¹ 1908, année 1754, pièce 133. Voir *Furcy-Raynaud M.* L'Engagement de Tocqué à la cour d'Élisabeth Ire, d'après des documents inédits. Paris, 1903. P. 5; *Doria A.* Op. cit. P. 65.

²⁶ *Doria A.* Op. cit.

²⁷ Copie d'une lettre de Tocqué à Marigny, 1er octobre 1754 – AN. O¹ 1908, année 1754, pièce 132. Voir *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 6–8; *Doria A.* Op. cit. P. 64.

²⁸ Tocqué a de 18 à 20 000 livres de revenu en France; il en demande 50 000 livres à la cour de Russie qui lui en aurait proposé que la moitié. Selon Tocqué, la somme qu'il demande correspond au montant proposé par le roi d'Espagne à Louis-Michel Vanloo (1707–1771)

voyage en Russie peut être une source d'enrichissement rapide pour un artiste, le peintre s'éloignerait de France alors même qu'il vient de recueillir les premiers fruits de son succès à la cour, en obtenant une pension du roi en septembre 1754²⁹. En second lieu, Tocqué met en avant des considérations d'ordre plus privé, refusant notamment de partir sans son épouse Marie-Catherine Pauline (1685–1766). De manière générale, ce voyage dans un pays lointain a pu quelque peu rebuter les Tocqué, sinon les effrayer, comme ce fut le cas pour Jean-Marc Nattier (1685–1766), beau-père et protecteur de Tocqué. Lui aussi portraitiste, il avait décliné une invitation de Pierre le Grand³⁰. Cependant, il convient de souligner qu'au moment des événements, Nattier réside dans l'enclos du Temple, sous la protection de Conti, fervent partisan du rapprochement franco-russe³¹; cette situation, où intérêts personnels et familiaux sont étroitement imbriqués, est à prendre en considération.

Marigny informe Saint-Pétersbourg de l'accord de Versailles pour le voyage de Tocqué par l'intermédiaire de Montmartel; la réponse du directeur des bâtiments est accompagnée d'une lettre du peintre dans laquelle ce dernier présente ses conditions³². À Saint-Pétersbourg, Vorontsov ne porte toutefois son intention que sur l'agrément du roi et considère les *desiderata* de Tocqué comme secondaires; il prépare donc l'arrivée de l'artiste. Le 14 [25]³³ janvier 1755, le Russe écrit cette fois-ci directement à Marigny pour l'inviter à envoyer le peintre au plus vite:

J'ai appris par Monsieur de Monmartel que vous avez agréé avec autant de promptitude que de politesse l'engagement du Sieur Tocqué auprès de cette Cour pour l'espace de dix-huit mois, et que par votre entremise le Roi même y a consenti.

Sur le rapport que j'ai fait de cette circonstance à l'impératrice, elle en a témoigné une satisfaction particulière. Ainsi ne doutant point que le sieur Tocqué ne se rende aux conditions que je lui ai proposées par la voye de Monsieur de Monmartel, je serois ravi, Monsieur, de pouvoir m'acquitter des obligations que je vous ai en mon particulier à cette occasion <...>³⁴.

lors de son embauche; toujours selon Tocqué, ce montant ne peut constituer qu'une pension annuelle, laquelle doit être renouvelée si besoin, tout en étant pour moitié remise à Montmartel avant son départ; sur ce point, voir *Doria A.* Op. cit. P 64.

²⁹ Ibid.

³⁰ Jean-Marc Nattier: 1685–1766 / Cat. d'exposition. Musée national des châteaux de Versailles et de Trianon, 26 octobre 1999–30 janvier 2000. Paris, 1999. P. 301.

³¹ Relevons aussi que c'est par Conti – et sur un financement de Pâris de Montmartel – que Louis XV donne à la filleule de Pâris devenue sa favorite, Jeanne-Antoinette Poisson, la terre de Pompadour.

³² Selon une lettre de Pâris de Montmartel à Marigny du 30 octobre 1754 que nous n'avons pas réussi à localiser, mais qui est citée par *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 8–9; *Doria A.* Op. cit. P. 65.

³³ La première date est celle du calendrier julien, en cours alors en Russie, tandis que la seconde correspond au calendrier grégorien.

³⁴ Cité d'après *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 9, qui ne précise aucunement de quel fonds des AN, entre O¹ 1073, 1105* et 1908, la pièce provient (et nous n'avons pas réussi à la localiser). Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 65.

Mais Tocqué n'a pas accepté l'offre russe en l'état; qui plus est, son épouse, souffrante³⁵, n'est pas en mesure de voyager. Marigny doit donc adresser un refus circonstancié à Vorontsov le 23 mars 1755:

J'ay reçu la lettre que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire le 14 du mois de janvier[.] j'étois trop flatté de pouvoir concourir avec Elle à ce que desiroit Sa Majesté l'impératrice de Russie, pour ne pas m'y porter avec tout le zele et tout l'empressement possible dans ce qui dépendoit de moy <...>.

Par votre réponse a Mr de Montmartel[,] qui m'a été communiquée, les demandes du S[ieur] Tocqué ayant été réduites a plus de moitié, cet artiste m'est venu représenter qu'il luy étoit impossible de partir a ces conditions, et m'a repetté le dernier article de sa lettre du 1er 8bre 1754[,] que M. Demontmartel a dû envoyer à Votre Excellence, s[ç]avoir, qu'il seroit dans l'impossibilité absolue d'entreprendre ce voyage sans la parfaite acceptation de ses propositions[.] Il a ajouté que si ses propositions avoient été acceptées[,] aucune raison n'auroit pu l'empêcher de remplir ses engagements[,] mais que rien n'étant décidé encore[,] il étoit obligé de me prevenir que les indispositions survenues a sa femme ne luy permettoient plus de s'engager a ce voyage[,] a quelque condition que ce fut[,] ne pouvant abandonner sa femme dans l'état où elle est instamment avec luy[.] j'avois fait tout ce qui dépendoit de moy en obtenant le consentement du Roy, pour le départ du S[ieur] Tocqué, et en l'y invittant moy même; mais la liberté dont jouissent les arts en France ne permet pas d'exiger de cet artiste une chose qu'il dit être contre ses intérêts[;] bien mortifié qu'il se soit trouvé quelque obstacle a ce que desiroit Sa Majesté l'impératrice de Russie et de n'avoir pû vous témoigner, comme je l'aurois souhaité, l'attachement respectueux avec lequel j'ay l'honneur d'être[.]

De Votre Excellence[,]

Le très humble et très obéissant serviteur³⁶.

Comme les relations diplomatiques, les relations artistiques semblent alors dans une impasse, jusqu'en juillet 1755, date à laquelle Tocqué accepte finalement de partir³⁷. Mais lorsque Chouvalov en informe l'impératrice, celle-ci répond: «je croyais que c'est Rotari qui devait arriver maintenant!»³⁸. Profitant de la situation, Bestoujev et le parti pro-anglais ont en effet pris sur eux d'engager Pietro Rotari (1707–1762), un peintre véronais, qui était devenu portraitiste de la cour de Vienne et qui séjourne alors à Dresde³⁹. Dépité, Chouvalov écrit à Vorontsov: «Tocqué devrait attendre...»⁴⁰.

³⁵ C'est une maladie chronique: voir *Doria A. Op. cit.* P. 17.

³⁶ AN. O¹, 1906², pièce 26. Voir *Doria A. Op. cit.* P. 65–66. Voir aussi *Furcy-Raynaud M. Op. cit.* P. 10–11. Précisons que Marigny écrit «De Woronzau».

³⁷ *Doria A. Op. cit.* P. 17, 66.

³⁸ Lettre de Chouvalov à Vorontsov, 15 [26] juillet 1755 – Архив князя Воронцова. М., 1873. Кн. VI. С. 273 (citée d'après *Doria A. Op. cit.* P. 66).

³⁹ *Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / сост., вступ. ст., предисл. и примеч. К.В. Малиновского. М., 1990. Т. I. С. 71–72.*

⁴⁰ Lettre de Chouvalov à Vorontsov, 15 [26] juillet 1755 – Архив князя Воронцова. Кн. VI. С. 273 (citée d'après *Doria A. Op. cit.* P. 66).

Le peintre français ne reste toutefois pas sans activité, mais ses occupations lui sont peut-être fournies par Versailles en attendant un éclaircissement de la situation⁴¹. En effet, au Salon de 1755, qui ouvre le 28 août, il présente pas moins de six portraits, dont celui de Marigny⁴². Le Directeur des bâtiments accepte donc de se faire peindre par l'artiste qui l'a tout récemment contraint à opposer un refus à une demande pressante de l'impératrice de Russie. Ce refus devait par conséquent être motivé par des raisons valables aux yeux de Marigny, qu'elles soient d'ordre privé ou qu'elles relèvent de stratégies politiques qui dépassent le simple envoi d'un artiste à la cour de Russie.

Il semble bien en effet que le voyage de Tocqué soit intimement lié aux pourparlers secrets de rapprochement franco-russe, à leurs avancées et à leurs reculs. Au-delà des tergiversations personnelles du peintre, relatives d'une part aux aspects financiers de son séjour russe, d'autre part à l'état de santé de sa femme⁴³, Versailles a sans doute œuvré en sous-main pour inciter ou retarder le départ de Tocqué, en fonction des événements qui se jouaient sur la scène politique et diplomatique. Ainsi, si l'on revient un peu en arrière, à l'automne 1754, il apparaît que la Russie comme la France rechignent à faire alliance commune, une situation qui a pu décider Versailles à attendre un peu avant d'envoyer Tocqué, quand bien même le roi avait donné son accord. Néanmoins, les événements de cette même année engagent parallèlement à la plus grande prudence: les rivalités franco-anglaises se sont en effet exacerbées au point qu'un conflit armé apparaît imminent. L'Angleterre se tourne vers la Russie, qu'elle considère comme un partenaire de choix dans la protection armée de son territoire germanique de Hanovre; Versailles se trouve alors face à une conjoncture menaçante et dans une position relativement précaire⁴⁴. En octobre 1755, toujours sur fond de rivalités franco-anglaises, Douglas, l'espion à la solde de Versailles, rejoint Saint-Petersbourg; il y apprend

⁴¹ Voir à ce sujet, les propos de Tercier, du cabinet de Versailles, à l'espion Douglas qui sont dans ce sens, *infra*, p. 247.

⁴² Explication des peintures, sculptures et autres ouvrages de Messieurs de l'Académie royale... Paris: Impr. Collombat, 1755. P. 14–15: «Par M. Tocqué, *Conseiller*. / 48. Le Portrait, en pied, de Monseigneur le Duc de Chartres, jettant du pain à des Cygnes, dans un Bassin. / 49. Le Portrait de Monsieur le Marquis de Marigny <...>. / 50. Le Portrait de M. de Roissy, Receveur Général des Finances. Il est appuyé sur une table, lisant & s'amusant de Musique. <...> / 51. Le Portrait de feu Madame ***, en Mantelet blanc, & appuyée sur un Oreiller. <...> / 52. Le Portrait de M. ***, en petit déshabillé, ayant une Brochure & une Tabatière à la main. <...> / 53. Le Portrait de M. Jéliotte, sous la figure d'Apollon, chantant & s'accompagnant de sa Lyre <...>». Une réplique du dernier portrait, de Pierre Jéliotte (1713–1797), se trouve actuellement à l'Ermitage alors que le tableau du Salon était conservé en main privée en 1929 (*Doria A. Op. cit.* P. 113. N144). Le portrait de Charles François Michel de Roissy (1727–1755) était aussi conservé dans une collection particulière en 1929 (*Ibid.* P. 135. N 291). Quant au portrait de Louis Philippe, duc d'Orléans, anciennement de Chartres (1747–1793), huile sur toile, H. 1,467 × 1,143 m, un exemplaire est conservé aujourd'hui en main privée.

⁴³ Le voyage a peut-être aussi été jugé dangereux par Versailles. Ainsi, en avril 1756, Douglas manque de se faire assassiner à Saint-Petersbourg par le parti anglais, voir *infra*, p. 247.

⁴⁴ *Antoine M., Ozanam D. Op. cit.* P. 78.

qu'un accord anglo-russe vient d'être signé⁴⁵. Toutefois, il reçoit l'assurance de Vorontsov, qu'il rencontre rapidement par l'intermédiaire de Michel, que l'impératrice garde, malgré tout, de bonnes dispositions vis-à-vis de la France. À son retour en France, Michel informe Douglas, le 12 novembre 1755, que Tocqué est toujours le bienvenu, avant toutefois de lui préciser que Rotari devrait rejoindre la Russie en avril 1756 et «sans aucune condition»⁴⁶. Tocqué doit donc voyager sans tarder, en laissant cependant passer l'hiver, peu propice aux déplacements. C'est à ce moment que l'impératrice se décide à signer un traité d'alliance avec la France, ce dont Douglas informe Versailles le 6 janvier 1756⁴⁷:

Le Vice-Chancelier <...> m'a chargé d'assurer [le cabinet], si je pouvois espérer d'avoir accès auprès d'elle, que Sa Majesté Impériale a les dispositions les plus heureuses, la volonté la plus sincère, et le désir le plus ardent de voir rétablir la correspondance et l'union entre les deux empires sur le pied qu'elle estoit auparavant. Que la reconnaissance qu'elle conserve et conservera toute sa vie des obligations qu'elle reconnoit devoir à Sa Majesté très Chrétienne anime et entretient ce sentiment; qu'elle est penée de voir que n'estant pas en guerre avec la France, on ne veut pas vivre avec elle sur le pied que prescrit une paix non rompue et que les interets essentiels des deux nations semble exiger⁴⁸.

Toutefois, l'impératrice souhaite présenter au préalable plusieurs griefs dont deux concernent respectivement l'attitude passée de Tocqué à l'égard de l'invitation impériale et la lettre de refus envoyée autrefois par Marigny (pour autant qu'il soit évoqué, ce dernier n'est néanmoins, pas nommément cité):

Le 3.ème incident, quoyque moins intéressant, n'étoit pas moins heureux: c'étoit un plaisir qu'attendoit Sa M. Impériale de la politesse de la nation françoise et de la prévenance de la cour à obliger. Elle a le désir bien naturel à la plus belle des princesses de se voir bien peindre, et tous les peintres qui l'ont entrepris jusqu'icy [*sic*], ont eut le malheur de n'y pas réussir et, de reste, bien au dessus de l'original. Elle à entendue beaucoup louer les talents d'un de vos peintres nommés M. Toké [*sic*], et elle donna ordre au Vice-Chancelier de l'engager de venir passer quelque tems à sa cour. Le Vice-Chancelier en fit écrire et fit loger entre les mains de M. de Monmartel 30 à 40 mille francs pour les frais du voyage. M. Toké ne voulant rien laisser à la générosité de S. M. I., voulut traiter avec elle comme avec un marchand et stipuler d'avance des conditions peu séantes: le Vice-Chancelier écrivit alors luy-même à quelqu'un en place icy [*sic*], dont il m'a tu le nom par discrétion et il le prioit d'engager M. Toké à satisfaire S.M. Impériale et de s'en remettre à sa générosité, et qu'il serroit récompensé au delà de son attente. On répondit au Vice-Chancelier que

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ AMAE. Correspondance politique. Russie, supplément. T. VIII. Fol. 95, cité d'après Roche D. Op. cit. P. 300–301. Voir aussi Doria A. Op. cit. P. 18, 68.

⁴⁷ Je suppose que les dates des courriers de Douglas pour Versailles suivent le calendrier grégorien.

⁴⁸ Correspondance du chevalier Douglas. Fol. 3v.

la protection et la liberté qu'on accordoit aux arts en France ne permettoit pas de donner la moindre injonction à M. Toké et qu'on le laissoit absolument le maître de se décider et de faire ses conditions. À la cour de Russie, ils ont pris ce trait comme une réflexion sur eux et comme s'ils ne vouloient pas protéger ni ne pouvoient pas récompenser les talents, et je leurs doit la justice de dire, qu'après la France, il n'y a pas un pays au monde où l'homme à talents soit plus estimé et mieux accueilli⁴⁹.

Le 12 janvier 1756, Tocqué réitère son désir de partir pour la Russie dans une lettre adressée à Marigny, dans laquelle il évoque les motivations de son précédent refus:

Monsieur, Vous avez eu la bonté de vous preter à mes incertitudes et enfin au refus que je me suis trouvé forcé de faire des conditions qui m'ont été offertes de la part de la Cour de Russie. Vous n'avez pas ignoré[,] Monsieur[,] que le principal motif qui m'arrêtoit étoit l'instabilité de la santé de ma femme. Cet obstacle a cessé, elle se trouve maintenant parfaitement retablie et très disposée[,] ainsi que moi[,] a entreprendre ce voyage[,] si vous nous faites la grace de nous accorder votre consentement⁵⁰.

Puisque la santé de sa femme s'est améliorée, Tocqué consent donc au voyage russe et accepte finalement, à demi-mots et peut-être contraint, les 40 000 livres de frais de voyage et de séjour proposés un an plus tôt⁵¹. Le 15 janvier 1756, Marigny informe à son tour le peintre qu'il a obtenu pour lui de la part du roi un congé d'une période de dix-huit mois⁵². Il lui indique aussi qu'il écrit à Montmartel pour lui annoncer son départ⁵³ et lui expliquer notamment que son retard n'est dû qu'au «peu de santé de son épouse»⁵⁴.

⁴⁹ Ibid. Fol. 5 r – 6 r.

⁵⁰ AN. 1908, année 1756, pièce 7. Voir aussi *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 11–12 et *Doria A.* Op. cit. P. 68.

⁵¹ Il poursuit en effet sa lettre ainsi: «Par la dernière lettre que j'ai reçue [*sic*] de petersbourg[,] j'ai tout lieu de croire que M. le Comte de Woronsaw [*sic*] est toujours dans les mêmes intentions pour moi[,] que sa cour est disposée à m'accorder [*sic*] les mêmes conditions, soit, pour le tems [*sic*] fixé du séjour, soit, pour les autres arrangemens [*sic*] accordés[,] et je croi [*sic*] ne point trop presumer des bontés de ce ministre en me persuadant qu'il consent[,] que les quarante mille livres proposées dans les conditions qu'il a faites [*sic*] ci devant me seront comptées qu'à titre d'indemnité des frais de voyage et de séjour à petersbourg», citée d'après *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 12. Voir *Doria A.* Op. cit. P. 68–69.

⁵² AN. O¹ 1908, année 1756, pièces 5–6; *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 13; *Doria A.* Op. cit. P. 69.

⁵³ Idem.

⁵⁴ Lettre de Marigny à Montmartel, 15 janvier 1756 – AN. O¹ 1908, année 1756, pièce 8. Voir *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 13. D'autre part, dans sa réponse au peintre, Marigny l'informe qu'il écrit «a M^r. de Montmartel, comme vous le desirés. Vous pourrés le voir» (AN. O¹ 1908, année 1756, pièces 5–6; Ibid.). Puis, dans son courrier à Montmartel, il admet aussi que «cette Negociation ne pouvoit se trouver dans de meilleures mains que les [*siennes*] pour l'avantage du S[ieur] Tocqué» et que, selon ce dernier, Vorontsov «attend [*sa*] réponse» (lettre de Marigny à Montmartel, 15 janvier – AN. O¹ 1908, année 1756, pièce 8. Voir Ibid. P. 13–14. Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 69). Ajoutons que ce n'est pas Marigny qui écrit à Vorontsov pour annoncer que Tocqué part, mais Montmartel (selon la lettre de Marigny à Montmartel,

Au même moment, on assiste à Londres à un retournement de situation; un traité d'alliance défensif prusso-anglais est signé à Westminster. Frédéric II de Prusse constitue en effet, pour l'Angleterre et pour son territoire du Hanovre, un plus grand danger que la France. Dès lors, aucun obstacle – bien au contraire – ne s'oppose à un rapprochement entre la France – que Frédéric abandonne – et la Russie – ancien partenaire de l'Angleterre et ennemi de la Prusse. En France, le «Secret du roi» s'efface donc pour laisser place aux canaux diplomatiques traditionnels. Le chevalier Douglas, jusqu'alors opérateur secret, reçoit l'instruction officielle de se rendre en Russie; cette instruction, datée du 27 janvier 1756, prend même en compte le voyage de Tocqué. Douglas est en effet invité à plaider la cause de l'artiste auprès d'Elisabeth:

Un artiste célèbre, tel que le sieur Toquet [*sic*], travaillant et gagnant beaucoup sans se déplacer, se déterminera toujours très difficilement à un voyage de 1600 lieues, quelque honneur que lui fasse le choix de l'Impératrice de Russie pour la peindre. Le succès dans les arts est journalier; l'artiste craint de risquer et de perdre sa réputation et, par conséquent, de se faire un tort infini pour toujours. Ce sont sans doute ces considérations qui ont déterminé le sieur Toquet à marchander comme il l'a fait et enfin à refuser de faire le voyage⁵⁵.

Versailles, toujours par l'intermédiaire de Douglas, n'oublie pas non plus de se justifier de la lettre de refus de Marigny, que l'impératrice avait trouvée offensante:

Au reste, Sa Majesté n'a point eu connaissance du désir de l'Impératrice de Russie et les ministres du Roi n'en ont point été instruits. La cour de Pétersbourg ne doit point croire qu'on ait pensé en France que l'on ne pouvoit ni connoître [*sic*], ni récompenser les talents en Russie. Ce n'est qu'un fait particulier qui n'a aucun rapport à la façon de penser des deux nations. Le comte de Woronzow [*sic*], à qui le chevalier Douglas parlera en ces termes, est trop éclairé pour ne pas sentir que ces griefs n'ont aucun fondement réel⁵⁶.

15 janvier citée plus haut – Voir *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 15; voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 69). Sur la demande de l'impératrice, Voronstov écrit à son tour au Garde du trésor royal le 3 [14] février pour l'informer qu'il a renouvelé le contrat de Tocqué envoyé le 14 janvier 1755, ainsi que la lettre de crédit (voir *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 15). Comme prévu dès janvier 1755 – et c'est ce qui peut expliquer la visite que doit rendre Tocqué à Montmartel – c'est ce dernier qui est chargé de signer le contrat «au nom de cette cour» de Russie. De Saint-Petersbourg, le 17 février, Michel écrit quant à lui à Douglas: «Comme vous vous êtes intéressé pour votre amy M. Tocqué, j'ay le plaisir de vous apprendre que l'on a reçu des lettres satisfaisantes à ce sujet, et, en conséquence, S. M. I. a ordonné au Vice-chancelier [Vorontsov] d'écrire à M. Montmartel pour que le Sr Tocqué ait à se rendre icy aussitôt qu'il pourra. J'en écris aujourd'huy au Sr Tocqué le nécessaire. L'on a senty parfaitement d'où cela est partie» – AMAE. Correspondance politique. Russie, supplément. T. VIII. Fol. 169, cité d'après *Roche D.* Op. cit. P. 301. Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 69–70.

⁵⁵ AMAE. Correspondance politique. Russie, supplément. T. VIII, cité d'après: Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Russie / Avec une introduction et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. T. II. P. 21–22.

⁵⁶ AMAE. Correspondance politique. Russie, supplément. T. VIII, cité d'après: Ibid. P. 22.

Du côté de Versailles, Marigny demande officiellement le congé de Tocqué au roi le 19 mars 1756, congé enregistré par l'administration le 7 avril⁵⁷. Avant son départ, le peintre ne reste pas inactif, mais est occupé directement au service de Marigny qui lui commande une réplique de son portrait, laquelle est «fait[e] et donné[e] par [ordre de Marigny] à l'Académie royale de peinture et de sculpture»⁵⁸ le 27 mars⁵⁹. Le paiement de l'artiste, évalué après réception à 2000 livres, est octroyé le 28 avril et n'est soldé que le 9 mai⁶⁰. Début mai 1756, le peintre n'est donc toujours pas parti, alors que la cour de Russie le presse de la rejoindre et que la situation diplomatique s'est éclaircie, mais tout ne s'est pas encore pour autant stabilisé. En effet, si une entente entre les deux états devient inéluctable en raison de nouvelles évolutions sur la scène politique – France et Autriche signent le 1er mai 1756 à Versailles un traité défensif, traité que l'Autriche veut étendre à la Russie⁶¹ –, il ne fait pas toujours bon être français en Russie. Ainsi, par exemple, Douglas, reparti en mission officielle, manque d'être assassiné à Saint Pétersbourg sur ordre du parti anglais⁶².

Ceci étant, le 27 mai 1756, Jean-Pierre Tercier (1704–1767), commis au ministère des Affaires étrangères à Versailles, informe enfin Douglas que le couple Tocqué est sur le point de quitter Paris, de même que Charles de Beaumont, chevalier d'Éon (1728–1810), nouveau secrétaire d'ambassade. D'Éon se rend en Russie pour seconder Douglas, qui, en juillet, devient officiellement chargé d'affaire, dans l'attente d'échange d'ambassadeurs entre les deux nations. Dans sa lettre à Douglas, Tercier précise aussi, au sujet de Louis Tocqué:

<...> sa femme valétudinaire, plusieurs ouvrages qu'il avait commencés l'avaient empêché d'abord de se déterminer; mais, enfin, tous ces obstacles sont levés et [il] espère qu'on aura lieu d'être content de son zèle et de ses talents⁶³.

Le couple Tocqué quitte donc Paris le 30 mai 1756⁶⁴ et rallient Saint-Pétersbourg dès le 7 août, selon une lettre du chevalier d'Éon à Tercier, dans laquelle il précise que le peintre s'empresse dès son arrivé de donner de ses nouvelles à Marigny, Montmartel et Antoine-Louis Rouillé, comte de Jouy

⁵⁷ Guiffrey J. Congés accordés à des artistes français pour travailler à l'étranger // Nouvelles archives de l'art français. 1878. P. 31.

⁵⁸ AN. O¹ 1934^A, cité d'après *Engerand F.* Inventaire des tableaux commandés et achetés par la Direction des batiments du roi (1709–1792): inventaires des collections de la couronne. Paris, 1900. P. 458.

⁵⁹ *Doria A.* Op. cit. P. 70.

⁶⁰ Ibid.; aussi *Engerand F.* Op. cit. P. 459.

⁶¹ *Antoine M., Ozanam D.* Op. cit. P. 80. C'est en 1757 que la Russie rejoint le traité d'alliance franco-autrichien.

⁶² *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* T. II. P. 555.

⁶³ AMAE. Correspondance politique. Russie, supplément. T. VIII. Fol. 277, cité d'après *Roche D.* Op. cit. P. 303. Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 71.

⁶⁴ *Doria A.* Op. cit.

(1689–1761), secrétaire d'État aux affaires étrangères⁶⁵. Le peintre est reçu par Vorontsov, qui le présente le 22 août à l'impératrice, en même temps que le chevalier d'Éon; il est même placé «d'assez près pour pouvoir la bien envisager»⁶⁶. Dès septembre 1757, sa mission semble, aux yeux des Français à tout le moins, un succès; c'est la leçon qu'il faut en tout cas tirer de la lettre adressée par le cabinet de Versailles au nouveau ministre français en Russie, Paul-François de Galluccio, marquis de l'Hôpital (1697–1776):

Sa Majesté, ne doute pas que [Tocqué] ait réussi, tant pour répondre à l'honneur qu'on lui a fait que parce que les ministres de Sa Majesté luy ont dit à son départ qu'il ne pouvait employer son pinceau à un ouvrage auquel le Roy prit plus d'intérêt⁶⁷.

Une lettre du marquis de l'Hôpital à son ministre, le cardinal de Bernis (1715–1794), en date du 12 octobre 1757, semble le confirmer en retour:

Je dois, Monsieur, avoir l'honneur de vous prévenir que j'ai écrit à M. le marquis de Marigny en faveur de M. Tocqué pour obtenir du Roy la croix de Saint-Michel; son talent et le sacrifice qu'il a fait de venir à Pétersbourg avec sa femme, leur état de santé qui est fort dérangée, sont des considérations que je vous supplie de faire valoir auprès de M. le comte de Saint-Florentin et de M. le marquis de Marigny, afin que le Roy lui accorde cette grâce. Je l'ay fait consentir d'aller ce printemps à Copenhague faire le portrait du Roy et de la Reine de Danemark et j'ay employé le nom du Roy et l'espérance du cordon de Saint-Michel que je vous prie de demander pour M. Tocqué, son grand portrait de l'Impératrice est un chef-d'œuvre⁶⁸.

Si le grand œuvre russe du peintre est bien le portrait de l'impératrice, il s'attache néanmoins à la réalisation d'autres tableaux. Comme l'indique l'académicien russe Jacob von Stählin (1709–1785), «comme Tocqué ne peut travailler tous les jours au portrait de Sa Majesté et pourtant veut être en activité continue, il peint aussi des portraits de particuliers, en petit nombre»⁶⁹. L'un d'eux révèle même l'intérêt diplomatique du séjour du peintre en Russie. Tocqué réalise en effet le portrait de Stanislas-Auguste Poniatowski (1732–

⁶⁵ Lettre de Vorontsov à Fedor Bekhteev du 6 [17] août 1756 – Архив князя Воронцова. М., 1887. Кн. XXXIII. С. 129, cité d'après *Doria A. Op. cit.* P. 72. Rotari arrive quant à lui en juin 1756 et commence à peindre un portrait de l'impératrice dès juillet (voir *Doria A. Op. cit.* P. 18).

⁶⁶ Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. II. P. 789.

⁶⁷ AMAE. Correspondance politique. Russie. T. LIV. 2nd supplément. Fol. 71, cité d'après *Roche D. Op. cit.* P. 308.

⁶⁸ AMAE. Correspondance politique. Russie. T. LIV. 2nd supplément. Fol. 138, cité d'après *Roche D. Op. cit.* P. 309. Il ajoute «[qu']il emportera le buste avec luy afin d'en faire un grand pareil à celui qu'il laissera ici» (Ibid. P. 309–310), mais rien ne nous est actuellement conservé de cette réplique pour Louis XV.

⁶⁹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. II. P. 789. Ajoutons que si Tocqué n'a pas portraité cet académicien, il a peint le portrait de son épouse dont on conserve une gravure par Stenglin (*Doria A. Op. cit.* P. 137. N 306–307).

1798), ambassadeur du roi de Pologne à Saint-Pétersbourg⁷⁰. Or, en 1756, celui-ci étant devenu l'amant trop voyant de la grande-duchesse Catherine – future Catherine la Grande (1729–1762–1796) –, il est évincé de la cour avec le soutien de la France, mais rapidement, Versailles change de position, et malgré l'incident que ce retournement de parti avait provoqué, facilite le retour de Poniatowsky à Saint-Pétersbourg dès l'année suivante⁷¹. Dans son *Voyage à Pétersbourg*, le comte Louis Alexandre Frotier de la Messelière (1710–1777) écrit même que comme Poniatowski «comptait toujours retourner en Pologne, il se faisait peindre chez le sieur Toqué [*sic*], peintre français, pour laisser son portrait à la Grande-Duchesse⁷². Notre Ambassadeur⁷³, qui était malade, me chargea des nouvelles lettres de créance, qu'on lui avait envoyées pour ce seigneur polonais; et sous le prétexte d'aller voir Mme Toqué [*sic*], je fus le trouver, comme par hasard, dans cette maison», et il s'ensuivit un entretien réconciliateur «au bout d'une galerie»⁷⁴. La scène s'est sans doute passée en 1758, date apposée sur le portrait de Poniatowki par Tocqué.

En 1758, vers Pâques, le peintre achève le portrait d'apparat de l'impératrice⁷⁵. Contrairement à ce qu'affirme L'Hôpital, le portrait fut mal réceptionné par sa commanditaire qui invita l'artiste à accepter une nouvelle séance de pose⁷⁶. Puis, pour sa gravure, dont Marigny possédait deux exemplaires⁷⁷, Georg Friedrich Schmidt (1712–1775) dut modifier encore le visage⁷⁸. Enfin, le 27 avril 1758, Tocqué est rappelé en France par une lettre de Marigny⁷⁹. S'attardant, le couple ne quitte la Russie qu'à la fin du mois d'août⁸⁰, non pas pour rentrer directement en France, mais séjourner encore au Danemark, ce dont témoigne la lettre de L'Hôpital précédemment citée.

Quelles qu'aient été les modalités du choix de Tocqué par l'impératrice et les raisons qui le conduisirent à tergiverser, il est clair que l'artiste n'a, en bout de ligne, pas été totalement maître de son destin; le poids des intrigues

⁷⁰ Dans la collection parisienne d'André Lazard en 1929 selon *Doria A.* Op. cit. P. 131–132. N 267. Il s'agirait d'un portrait en buste à l'huile sur toile signé et daté en bas (?), à droite, «L. Tocqué 1758», H. 0,5 × L. 0,42 m.

⁷¹ *Antoine M., Ozanam D.* Op. cit. P. 90.

⁷² *Musset V.-D. de, Frotier de La Messelière L.-A.* Voyage à Pétersbourg, ou Nouveaux mémoires sur la Russie, par M. de La Messelière,... précédés d'un tableau historique de cet empire jusqu'en 1802, par V.-D. Musset-Pathay. Paris: Veuve Panckoucke, Gérard, 1803. P. 214–215.

⁷³ L'Hospital.

⁷⁴ *Musset V.-D. de, Frotier de La Messelière L.-A.* Op. cit.

⁷⁵ *Штелин Я.* Указ. соч. Т. I. С. 71.

⁷⁶ *Ibid.*

⁷⁷ «Deux portraits de l'impératrice de Russie en pié par Schmidt» – *Gordon A.L.* The houses and collections of the Marquis de Marigny / Ed. by C. Ayçaguer-Ron, assisted by M.L. Gilbert, E.A. Spatz, P.A. Teter. Los Angeles, 2003 (Documents for the history of collecting. French inventories, 1). P. 285. N [597].

⁷⁸ *Nemilova I.S.* French painting: eighteenth century. Florence, 1986 (The Hermitage, Catalogue of Western European painting, 10). P. 333.

⁷⁹ AN. O¹, cité d'après *Furcy-Raynaud M.* Op. cit. P. 15–16. Voir aussi *Doria A.* Op. cit. P. 77.

⁸⁰ *Doria A.* Op. cit. P. 77.

politiques et financières et celui des protections, probables, du peintre le contraignirent finalement à rallier la Russie pour peindre l'impératrice. Quant à Marigny, quand bien même son rôle peut paraître à première vue secondaire dans cette affaire, il n'en fut pas moins un auxiliaire efficace au service de la politique internationale de Versailles. S'il se risque à froisser l'impératrice de Russie, c'est pour défendre d'une part les intérêts d'un de ses protégés, mais aussi, semble-t-il, ceux de son entourage, d'autre part les intérêts de la diplomatie française.

2. MARIGNY, LA CRÉATION DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES BEAUX-ARTS DE SAINT-PÉTERSBOURG ET LES ÉCHANGES ARTISTIQUES FRANCO-RUSSES

Après l'affaire Tocqué, Marigny, sans doute orienté par Versailles, n'aura de cesse de soutenir les échanges artistiques franco-russes.

Les congés qu'il accorde aux artistes désirant se rendre en Russie témoignent sans nul doute le plus explicitement de ce soutien; sur les vingt permissions qu'il signe durant son directorat, plus qu'un quart (sept exactement) relève d'une autorisation à faire le voyage en Russie. À titre de comparaison, seulement cinq congés sont accordés à des artistes désireux de se rendre en Italie, tous états confondus⁸¹. En rapprochant la chronologie des événements diplomatiques de celle des relations artistiques, force est donc de constater que la nouvelle alliance franco-russe semble avoir des conséquences culturelles directes. La Russie attire les artistes français pensionnés que l'État français encourage en les laissant voyager. Dès lors, on peut s'interroger si ce n'est pas le rapprochement diplomatique qui ouvre la voie à la création d'une académie artistique en Russie en 1757, sur le modèle français. Car si cette académie impériale s'inspire de son aînée parisienne dans sa structuration, elle s'appuie également sur l'enseignement de professeurs français, ceux-là mêmes de l'Académie royale, qu'elle fait venir, avec l'appui de Marigny.

Les prémisses de l'académie impériale

Rappelons que l'idée d'une académie artistique russe puise ses racines directes un peu plus avant dans le temps. En effet, Chouvalov, dès 1756, prévoyait déjà d'installer une académie à Moscou auprès de l'université qu'il venait d'y créer, demandant même des plans pour le bâtiment à l'architecte français Jean-François Blondel (1683–1756). Il fut néanmoins décidé, en 1757, de rapprocher l'établissement de la cour, unique pourvoyeuse de commande. C'est pour l'institution nouvellement établie à Saint Pétersbourg que le 5 novembre 1757, Marigny accorde justement son premier congé, autorisant l'académicien du roi Nicolas-François Gillet (1712–1791) à se rendre en Russie

⁸¹ *Guiffrey J.* Op. cit. P. 29–43.

pour y professer la sculpture. Chouvalov avait donc lancé les invitations aux professeurs avant même que soit officiellement créée l'institution; en effet, la proposition de Chouvalov de fonder une académie artistique n'est entérinée par le Sénat que par un décret datant du 6 [17] novembre 1757⁸².

L'envoi de professeurs français sous l'autorité de Marigny

Ainsi que cela a été mentionné plus haut, l'académie impériale va s'appuyer sur des professeurs français, académiciens – comme Gillet par exemple qui enseignera la sculpture – comme non académiciens. Du fait de l'existence dorénavant de relations diplomatiques entre les deux pays, l'invitation aux professeurs s'effectue par voie officielle, lors d'échanges entre Chouvalov et Marigny⁸³, ou encore par l'intermédiaire des ambassades.

Pour professer l'architecture, l'ambassadeur de Russie en France, le comte Michel Pétrovitch Bestoujev-Rioumine (1688–1760) embauche ainsi, en janvier ou juin 1759⁸⁴, un non académicien, le jeune Jean-Baptiste Michel Vallin de la Mothe (1728–1800). Si, en raison de son statut, il ne reçoit donc pas de congé du roi de la main de Marigny, il n'en est pas moins son protégé. Une lettre datée du 28 juin 1773, adressée par l'architecte au Directeur, semble l'attester: il lui rappelle en effet qu'en 1759 «pour lors sans emploi ni occupation assez avantageuses, je profitai de l'occasion qui se presenta pour la Russie <...> où l'on demandoit plusieurs artistes de différents genres: je m'y presentai sous vos auspices, et à la recommandation de Mr Soufflot et autres personnes de mérite»⁸⁵.

Pour le poste de professeur de peinture, Chouvalov s'adresse tout d'abord à l'académicien Charles Michel-Ange Challe (1718–1778)⁸⁶. Celui-ci refuse sans doute car en avril 1758, c'est le jeune académicien⁸⁷ Louis Joseph Le Lorrain (1715–1759) qui reçoit finalement un congé pour partir enseigner la

⁸² Bogdan V.-I. Les Français à l'Académie des beaux-arts // Les Français à Saint-Petersbourg / Cat. d'exposition. Musée Russe, Ambassade de France en Russie. Saint-Petersbourg, 2003. P. 46.

⁸³ Dans les *Mémoires pour servir à l'histoire de l'Académie impériale des Beaux-arts de Saint-Petersbourg*, il est mentionné que «dès que les intentions du Sénat [de l'Académie] eurent été communiquées à Monsieur de Shouvalov, il écrivit à l'Académie Roiale de peinture et sculpture de Paris pour lui faire part de la résolution que sa Majesté impériale avoit prise de fonder une académie des Beaux-Arts dans son empire, et la prier en même tems de lui envoier quelques uns de ses meilleurs artistes. L'Académie de Paris jetta les yeux sur deux de ses membres et Messieurs Le Lorrain peintre et Gillet sculpteur consentirent à venir jeter les premières semences des beaux-arts dans notre académie naissante» – Сборник материалов для истории С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / изд. под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1864. Т. I. С. 3.

⁸⁴ Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. II. P. 806.

⁸⁵ AN. O¹ 1912, année 1773, pièce 40. Voir Réau L. Un grand Architecte français en Russie: Vallin de la Mothe (1729–1800) // L'Architecture. Vol. XXXV, N 12. 25 juin 1922. P. 178.

⁸⁶ Штелин Я. Указ. соч. Т. I. С. 139.

⁸⁷ Agréé en 1752, reçu en 1756 (Les peintres du roi, 1648–1793. P. 269).

peinture à l'Académie impériale de Saint-Pétersbourg⁸⁸. Il décède cependant en Russie un an plus tard. En dépit du peu de temps qu'il y passe, Le Lorrain y produit quelques œuvres, ainsi qu'en témoigne l'inventaire après décès de Marigny en 1781: on y recense en effet un recueil relié *in quarto* de quarante dessins du peintre, «de vües[,] composition et habillements de Russie»⁸⁹, ainsi qu'un «portrait de l'Impératrice de Russie[,] médaillon dessiné à la pierre noire»⁹⁰, autant d'œuvres qui ne sont pas localisées aujourd'hui.

Le règlement de la succession de Le Lorrain au poste de professeur de peinture s'opère aussi par voie diplomatique, Chouvalov chargeant de sa requête le comte Bestoujev-Rioumine, comme l'illustre une lettre adressée par le comte au favori le 14 octobre 1759:

J'ai reçu votre lettre du 3 courant, par où vous me mandez de chercher un peintre pour remplacer feu Lorrain à l'Académie des beaux arts. Je m'en occuperai avec Iwan Iwanovitch Betzky, qui, ayant les plus étroites relations avec les artistes ici, peut très bien réussir dans cette mission. Aussi lui ai-je remis copie du contrat passé avec feu Lorrain, afin qu'il sache quelles conditions on lui avait faites⁹¹.

Ivan Ivanovitch Betskoï (1703–1795), fervent gallomane⁹² résidant régulièrement à Paris et familier de Mme Geoffrin (1669–1777), décide de s'adresser à Joseph-Marie Vien (1716–1809), protégé de la salonnière et récemment nommé professeur à l'Académie royale⁹³. Selon les mémoires rédigés par le peintre, Betskoï tente en vain de lui faire accepter ce poste durant plus de six mois. Devant une telle insistance, Vien ne s'en sort qu'en réussissant à faire engager à sa place le jeune professeur⁹⁴ Louis Jean François Lagrenée, dit Lagrenée l'Aîné (1724–1805)⁹⁵. Le congé de Lagrenée est signé par Marigny en septembre 1760⁹⁶. Une de ses plus importantes pièces russes est le tableau d'autel qu'il réalisa pour la cathédrale du palais d'Hiver, tableau aujourd'hui encore conservé en ce lieu. Selon «[l']État des tableaux...» du peintre, cette œuvre méconnue, intitulée *Résurrection de Jésus-Christ*⁹⁷, fut

⁸⁸ Guiffrey J. Op. cit. P. 33.

⁸⁹ Gordon A.L. Op. cit. P. 289. N [674].

⁹⁰ Ibid. P. 294. N [732].

⁹¹ Русский архив. 1863. С. 375, cité d'après [Troubetskaïa E.E.] Les Princes Troubetskoï. Paris, 1887. P. 191.

⁹² Troubetskaïa (Op. cit. P. 167) emprunte le qualificatif de «gallomane» à F.A. Emine: Эмин Ф.А. Сон, виденный в 1765 году Генваря 1-го / публ. Л. Майкова // Русский архив. 1873. Вып. 10. С. 1916.

⁹³ Gaetgens Th., Lugand J. Joseph-Marie Vien: peintre du roi: 1716–1809. Paris, 1988. P. 26–27.

⁹⁴ Agréé en 1754, reçu en 1755, professeur adjoint en 1758, voir: Les peintres du roi, 1648–1793. P. 268; Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. II. P. 451.

⁹⁵ Gaetgens Th., Lugand J. Op. cit. P. 27, 310–311.

⁹⁶ Guiffrey J. Op. cit. P. 34.

⁹⁷ Dans ce tableau, une dalle de pierre servant de couvercle au tombeau du Christ porte pour inscription: «Peint par Louis Jean / François Lagrenée peintre / de Sa Majesté Imperiale / de toutes les Russies, et / professeur e Son Academ.^{ie} / des Beaux-arts. / Année 1761».

commandée par l'impératrice spécialement pour le bâtiment religieux, dont la construction venait de s'achever, et fut payée 5000 livres à l'artiste⁹⁸. Ce dernier rentrera en France en 1762, au décès d'Élisabeth⁹⁹.

L'envoi des étudiants russes en France

Parallèlement à l'envoi de professeurs français en Russie, les élèves académiciens russes effectuent pour leur part des voyages de formation en Europe occidentale de manière générale, en France plus spécifiquement; les premiers échanges datent de 1760, en somme peu de temps après la création de l'institution péterbourgeoise. Une fois n'est pas coutume, dans cette affaire comme dans les autres, Marigny joue un rôle de premier plan, ainsi qu'en témoigne un récit de l'ambassadeur de Russie en France, Dimitri Alekseevitch Golitsyn (1734–1803): le 7 décembre 1762, raconte-t-il, il «a eu l'honneur de passer chez M. le marquis de Marigny pour le prier en grâce de vouloir bien recommander un jeune Russe qui avoit étudié l'architecture a Paris, au Directeur de l'Académie françoise a Rome. Il obligera infiniment le prince, qui ne manquera pas de lui en témoigner toute sa reconnaissance. Le Russe s'appelle Bajanoff»¹⁰⁰. Arrivé à Rome, Vassili Ivanovitch Bajenov (1737–1799) fut bien reçu par le Directeur de l'Académie de France, Charles-Joseph Natoire (1700–1770)¹⁰¹, grâce à la recommandation de Marigny.

Dès lors, les échanges artistiques officiels, qui s'inscrivent dans la lignée des échanges diplomatiques à la suite de la mise en place de l'alliance franco-russe, deviennent pour la première fois continus et dynamiques, entre les deux pays. Surtout, le poids de l'influence française, dans le domaine artistique russe, est alors officiellement reconnu et ses artistes recherchés.

Marigny et l'affaire de la statue équestre de Pierre le Grand par Falconet

L'affaire «Falconet» intervient après le décès d'Élisabeth, dans un climat politique difficile. En effet, le nouveau tsar Pierre III (1728–1762–1762) décide brutalement d'un changement d'alliances, en se rapprochant de

⁹⁸ Sandoz M. Les Lagrenée. 1. – Louis (Jean, François) Lagrenée, 1725–1805. Paris, 1983. P. 362. Il s'agirait d'une variante du tableau conservé dans la collégiale Saint-Pierre de Douai, voir Baligand F. La peinture religieuse dans le bailliage de Douai sous l'Ancien Régime, à paraître en 2018.

⁹⁹ Il écrit dans son livre de raison: «je <...> suis revenu [de Russie] le 27 avril 1762 à cause de la mort de l'Impératrice» (Sandoz M. Op. cit. P. 362).

¹⁰⁰ Correspondance des directeurs de l'Académie de France à Rome avec les surintendants des bâtiments / Publiée par A. de Montaiglon et J. Guiffrey. Paris, 1901. T. XI (1754–1763). P. 448.

¹⁰¹ Le 29 décembre 1762, Natoire écrit de Rome à Marigny: «Les pensionnaires sont arrivés <...>. J'ay veu aussy le jeune Russe nome Barjanoff, que vous me faites l'honneur de me recomander et pour lequel M[onsieur] le prince de Gallitzin, ministre des affaires de la Russie, s'interesse. Je feray tout ce qui dépendra de moy pour que ce jeune artiste reconnoisse mon zelle a remplir vos ordres pour tout ce qui pourra concourir a son avancement» – Ibid. P. 450–451.

la Prusse de Frédéric II qu'il admire. Son épouse, Catherine II, s'empare néanmoins du pouvoir, en cette même année 1762, par un coup d'état. D'un point de vue diplomatique, au début de ce nouveau règne, les relations avec la France restent tendues, d'un côté comme de l'autre, puisque le ministre français Choiseul considère la Russie comme une menace. Bon an, mal an, les échanges artistiques reprennent toutefois. En témoignent par exemple les nouveaux congés accordés, dès 1763, au peintre, sculpteur, pastelliste et céramiste Alexis Loir (1712–1785)¹⁰² ainsi qu'à un tapissier «nommé Rondet, ouvrier de la manufacture royale des meubles de la couronne établie aux Gobelins»¹⁰³.

À partir du règne de Pierre III, Betskoï devient le nouvel homme fort de la scène artistique russe. Dès 1764, il cumule la présidence de l'Académie des Beaux-Arts et la direction de la Chancellerie des Bâtiments et Jardins impériaux¹⁰⁴. C'est ce «Marigny russe»¹⁰⁵ qui demande à l'ambassadeur russe en France, Golitsyn, de trouver à l'impératrice un sculpteur à Paris capable «d'élever à la mémoire de Pierre Ier un monument digne de la grandeur de l'empereur Pierre et de la sienne [Catherine]»¹⁰⁶. En 1766, Étienne Maurice Falconet accepte la tâche; le 16 juillet, il écrit à Marigny, son «protecteur et bienfaiteur» pour qu'il le soutienne à cette occasion, «la seule de [s]a vie qu[']il au[ra] sans doute»¹⁰⁷. La réponse tardant, Golitsyn s'adresse lui aussi à Marigny pour lui demander de libérer Falconet, mais également de le conseiller sur le projet¹⁰⁸; ce à quoi Marigny répond depuis son domaine de Ménars, le 11 août 1766:

Le projet qu'a formé S. M. l'Impératrice de Russie d'élever un monument à la mémoire de Pierre le Grand est trop digne de l'applaudissement de toutes les nations, et le choix qu'elle fait de M. Falconet pour travailler à cet ouvrage fait trop d'honneur aux artistes français pour que je ne concoure pas, en tout ce qui dépendra de moi, à son exécution¹⁰⁹.

Le 31 août, Golitsyn peut annoncer la bonne nouvelle à son ministre de tutelle Nikita Ivanovitch Panine (1718–1783), en ne manquant pas de s'excuser du retard pris dans la correspondance; il argue sur ce point que «l'absence de

¹⁰² *Guiffrey J.* Op. cit. P. 36–37.

¹⁰³ *Ibid.* P. 37.

¹⁰⁴ La France et la Russie au siècle des Lumières: relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIIIe siècle / Cat. d'exposition. Paris, Galeries nationales du Grand Palais, 20 novembre 1986–9 février 1987. Paris, 1986. P. 82–83.

¹⁰⁵ En 1779, Grimm écrit à Catherine II que Marigny était le «Betsky de la France», voir Письма Гримма к императрице Екатерине II / изд. Я. Гротом. СПб., 1885 (Сборник РИО. Т. XLIV). С. 37.

¹⁰⁶ Premières lignes du contrat signé entre Falconet et Golytsin à Paris le 27 août 1766, cité d'après *Hildebrandt E.* *Leben, Werke und Schriften des Bildhauers E.-M. Falconet, 1716–1791.* Strassburg, 1908, P. 145.

¹⁰⁷ Lettre de Falconet à Marigny, 16 juillet 1766, citée d'après *Guiffrey J.* Op. cit. P. 77.

¹⁰⁸ Lettre de Golitsyn à Marigny, 5 août 1766 (*Ibid.* P. 78–79).

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 79.

M-r le M-is de Marigni, surintendant des bâtiments, et de qui M-r Falconet dépendait beaucoup, en est l'unique cause. Sans lui M-r Falconet ne pouvait rien conclure avec moi», mais ajoute également que dès «qu'il [Marigny] fut de retour, je n'ai pas perdu un instant pour terminer l'affaire en question, c'est ce que vous verrez, Monseigneur, par le contrat ci-joint <...>. Je dois rendre justice à M-r le M-is de Marigni et à M-r de le Duc de Choiseul, et convenir qu'ils ont facilité mon opération en tout ce qui a dépendu d'eux, sans avoir fait la moindre difficulté de m'accorder tout ce que je leur avais demandé en conséquence»¹¹⁰.

En 1769, à la fin de son congé de trois ans en Russie, Falconet en demande la prorogation à Marigny dans une lettre où il l'informe de l'avancée de la statue équestre. Dans sa réponse positive, Marigny affirme par ailleurs toute l'estime dans laquelle il tient Betskoï, en raison notamment de son bon goût:

L'idée est noble et hardie et au zèle avec lequel M. le général Betzky en dirige l'exécution, je reconnois sa manière de penser et son goût pour le grand et conséquemment pour le beau qui l'accompagne toujours¹¹¹.

Ces trois affaires – le voyage de Tocqué, la création et la dynamique de fonctionnement de l'Académie impériale des Beaux Arts, et le voyage de Falconet – éclairent parfaitement le rôle de Marigny dans les échanges artistiques franco-russes; c'est en effet sous son directorat que la France autorise le séjour en Russie d'artistes et artisans pensionnés d'exception, lesquels ont grandement participé à l'établissement d'un héritage artistique commun.

3. COURSE AUX TABLEAUX ENTRE MARIGNY ET CATHERINE II

Un point cependant vient porter une ombre au tableau: l'afflux de trésors patrimoniaux parisiens à Saint-Pétersbourg sous Catherine II, une situation qui n'est pas du tout du goût de Marigny, ni de Versailles. Le nom de Marigny revient d'ailleurs souvent, quand il s'agit d'établir la provenance des pièces de la collection impériale. Si le Directeur des Bâtiments a pu lui-même participer indirectement à l'enrichissement de la collection de la tsarine, il se trouve la plupart du temps artisan involontaire, parfois malheureux, des acquisitions de Catherine II.

Catherine II et la collection Thiers

Le 25 mars 1771, les *Mémoires secrets* nous apprennent – de manière erronée, car la vente n'est pas encore réglée – que

L'Impératrice des Russies a fait enlever tout le Cabinet de Tableaux de M. le comte [*sic*] de Thiers, amateur distingué qui avait une très belle collection

¹¹⁰ Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом / Печатано под наблюдением А.А. Половцова. СПб., 1876 (Сборник РИО. Т. XVII). С. 372–373.

¹¹¹ Cité d'après *Guiffrey J.* Op. cit. P. 80.

en ce genre. M. de Marigny a eu la douleur de voir passer ces richesses chez l'étranger, faute de fonds pour les acquérir pour le compte du Roi¹¹².

En 1772 donc, les cinq-cent-cinquante tableaux, dessins et miniatures que Diderot a réussi à acquérir des héritiers Louis Antoine Crozat, baron de Thiers (1700–1770), pour le compte de Catherine II, prennent la route de la Russie. Ils viennent parfaitement compléter le fond déjà réuni pour former la galerie impériale. La collection est, dès l'année suivante, exposée pour la première fois dans les galeries de l'étage noble d'un bâtiment attenant au palais d'Hiver et qui abrite par ailleurs les nouveaux appartements particuliers de l'impératrice¹¹³.

La dispersion de la collection de la Pompadour, sœur de Marigny

Parmi les chefs d'œuvres qui ornent la galerie impériale se trouve au moins un tableau vendu en 1766 par Marigny, après le décès de sa sœur, la marquise de Pompadour (1721–1764): il s'agit du *Repos durant la fuite en Égypte* peint par Boucher et aujourd'hui encore conservé au Musée de l'Ermitage¹¹⁴. Si Marigny est bien à l'origine de la vente, rien en l'état ne permet d'affirmer par quel biais l'œuvre, alors acquise par le marchand Pierre Rémy, est entrée dans les collections russes¹¹⁵.

¹¹² Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, depuis 1762 jusqu'à nos jours / Sous la dir. de C. Cave et S. Cornand. Paris, 2009. Vol. III (1770–1771). P. 1484.

¹¹³ Contrairement à l'histoire habituelle qui ne donne aucune date précise de création pour l'Ermitage, celui-ci fut inauguré en mai 1773; c'est du moins la leçon que je retire d'un extrait d'article de journal francophone que j'ai récemment mis au jour: «Russie / PETERSBOURG (*le 7 Mai*.) L'impératrice & le grand-duc sont actuellement à Czarsko-Zelo, où la cour passe ordinairement la saison du printemps. Quelques jours avant que de se rendre à ce château, elle donna à l'*hermitage* un dîner splendide, où tous les ministres étrangers furent invités. Cette maison, dont la gêne de l'étiquette est bannie, & où S.M.I. se plaît à mettre dans la société, les agréments de la vie privée, communique au palais par une galerie. L'architecture en est noble & majestueuse; l'intérieur est composé d'une salle de bains & de deux jardins d'hiver. L'un de ces jardins est en forme de serre; l'autre, en plein air, soutenu par des voutes très-hardies, partage deux galeries où l'impératrice a rassemblé une collection d'excellens tableaux» – Journal politique, ou Gazette des gazettes [Journal de Bouillon, Bouillon] Juin 1773. P. 13. Sur ce témoignage, voir *Nicoud G.* «Il est impossible qu'il y ait jamais en Russie un assez grand nombre de tableaux pour inspirer le vrai goût de l'art» (Denis Diderot). Les tableaux acquis en France par Catherine II pour former la galerie impériale de l'Ermitage (1763–1773) // Catalogue de la galerie impériale de l'Ermitage sous Catherine II (titre provisoire). T. I. Musée d'État de l'Ermitage, Saint-Petersbourg, à paraître en 2018 (en russe).

¹¹⁴ *Le Repos durant la fuite en Égypte*, 1757, huile sur toile, H. 1,395 × L. 1,485 m, Ermitage, inv. ГЭ 1139. N 15 du catalogue de la vente, *Rémy P.* Catalogue des tableaux originaux de différents maîtres, miniatures, desseins et estampes sous verre de feu Madame la marquise de Pompadour. Cette vente se fera le lundi 28 avril 1766 et les jours suivants... Paris: Hérissant, 1766. P. 12.

¹¹⁵ À la vente, l'œuvre fut acquise 405 livres par au marchand Pierre Rémy, par ailleurs l'expert de la vente, selon l'inscription apposée sur au moins un des exemplaires du catalogue de la vente relevé par le Getty Provenance Index, lot N 15 de la vente F-169.

Par ailleurs, parmi les notes rédigées par l'académicien russe Stählin, en vue de la publication de *Mémoires sur les beaux-arts en Russie*, se trouve une liste d'achats qui ont été effectués pour la galerie entre 1766 et 1768, et qui mentionne des «tableaux d'Oudry de Madame de Pompadour»¹¹⁶. Si ces derniers ne se retrouvent pas dans les premiers catalogues de la galerie de l'Ermitage rédigés à partir de 1773, en revanche, une œuvre d'Oudry conservée aujourd'hui au musée de Tcheliabinsk correspond bien à un des tableaux vendus en 1766¹¹⁷. La description portée au catalogue de vente – «deux lévriers liés ensemble et un lièvre accroché à un arbre [qui] font le fond du tableau»¹¹⁸ – est conforme à la figuration du tableau de Tcheliabinsk; le doute n'est plus permis à l'ajout d'un autre élément: la représentation du «Château de Belle-Vûë dans le lointain»¹¹⁹, mention qui figure dans le *Livret* du Salon de 1755, où l'œuvre avait été exposée pour la première fois avec trois autres toiles, toutes destinées à servir de dessus de porte au Grand Salon central du château, résidence de la marquise. Dans l'état actuel de la recherche, nous savons seulement que le tableau de Tcheliabinsk fut vendu en 1766 sous le même numéro que son pendant, «deux chiens de chasse, deux lapins dessus un panier, un faisan, une gibecière et une boîte à poudre»¹²⁰, soit bien l'œuvre de Bellevue exposée au Salon sous le titre: «deux Chiens, un Brac & un Epagneul, un panier à Gibier, contre lequel il y a un Faisan & des Lapreaux dessus»¹²¹. Les catalogues de vente conservés ne mentionnent aucun nom d'acquéreur mais précisent toutefois que ces toiles furent vendues 144 livres¹²² avec le numéro suivant, autre tableau d'Oudry représentant quant à lui «un Mâki sur un arbre et un autre à terre»¹²³, qui ne fait quant à lui pas partie de la suite d'Oudry pour la salle à manger de Bellevue¹²⁴.

¹¹⁶ «Картины Удри – от мадам Помпадур» – *Штелин Я.* Указ. соч. Т. II. С. 142.

¹¹⁷ Huile sur toile, H. 1,15 × 1,22 m, Tcheliabinsk, Musée des Beaux-Arts, inv. 1461. Le tableau fut reçu en 1960 du Musée des beaux-arts Pouchkine (d'où il entra en 1924 en provenance du musée Rogojsko-Simonovski, filiale de la Galerie Trétiakov). J'ai pu établir cet historique en fonction des informations que m'a aimablement communiquées Natalie Makhnovskaya, conservatrice au musée de Tcheliabinsk; qu'elle en soit remerciée.

¹¹⁸ Rémy P. Op. cit. P. 10. N 12.

¹¹⁹ Explication des peintures, sculptures et autres ouvrages de Messieurs de l'Académie Royale... / À commencer le jour de S. Louïs 25. d'Aoust 1750. pour durer un mois. Paris: Impr. Collombat, 1750. P. 13. N 36.

¹²⁰ Rémy P. Op. cit.

¹²¹ Explication des peintures. P. 13. N 36.

¹²² Selon le Getty Provenance Index.

¹²³ Rémy P. Op. cit. P. 10. N 13.

¹²⁴ Les deux autres œuvres de cette série représentent, selon le livret de l'exposition, respectivement «un Chien Epagneul en arrêt sur deux Perdrix, dans des Bleds» et «un Barbet qui se jette sur des Canards & Canichons» (Explication des peintures. P. 13. N 36), et selon le catalogue de vente: «Deux bons tableaux peints sur toile et qui portent chacun 4 pieds 4 pouces de haut sur 4 pieds 5 pouces de large. L'un laisse voir deux perdrix dans une touffe de blé et un chien en arrêt; différents arbres et des montagnes terminent le point de vue. L'autre, un chien barbet et des canards, dont un vole au travers de plusieurs roseaux» (Rémy P. Op. cit. P. 10. N 11). Elles sont vendues 231 livres au marchand Pierre Rémy, par ailleurs l'expert de la vente, selon le Getty Provenance Index.

Deux autres dessus de porte toujours destinés à Bellevue, mais peints pour la chambre dite à la turque, sont acquis plus tard par Catherine II. Il s'agit de tableaux de Carle Vanloo représentant la favorite sous les traits d'une *Sultane brodant*¹²⁵ et d'une *Sultane buvant du café*¹²⁶; ils sont aujourd'hui conservés à l'Ermitage. Ces pendants figurent en 1782 à la vente après décès du marquis de Marigny où ils furent achetés par l'un des experts officiant, le marchand Pierre-François Basan¹²⁷, avant d'être proposés, la même année, à Catherine II par le marchand libraire pétersbourgeois Germain Klosterman (1756–1838)¹²⁸. Ils ne sont pas entrés dans l'Ermitage directement, mais servirent un temps à orner les palais des souverains russes; pour ce propos, ils furent d'ailleurs chantournés afin de servir de dessus de porte¹²⁹.

Un autre témoignage prouve que, bien que Catherine II n'ait pas directement participé à la vente après décès de Marigny, son ombre plane sur la destinée de son tableau de Greuze, intitulé *L'accordée de village* (Paris, Musée du Louvre)¹³⁰. Cochin, ancien conseiller du surintendant décédé, est sollicité par le successeur de ce dernier, Charles Claude Flahaut de La Billarderie, comte d'Angiviller (1730–1809), pour établir une liste des tableaux intéressants à acquérir pour la couronne de France; il écrit sur ce point que le tableau de Greuze est le plus beau que l'artiste ait fait dans ce genre et que, par conséquent, il mérite d'entrer dans la collection Royale¹³¹. Quand bien même cette opinion s'oppose à celle de Jean-Baptiste Marie Pierre (1714–1789), Premier peintre du roi qui fait alors figure de conseiller du nouveau surintendant et qui trouve que le tableau a d'ores et déjà perdu de son lustre¹³², d'Angiviller décide toutefois de tenter de le remporter et écrit à Pierre:

¹²⁵ Huile sur toile, H. 1,20 × L. 1,27 m, Ermitage, inv. ΓΘ 7490.

¹²⁶ Huile sur toile, H. 1,20 × L. 1,27 m, Ermitage, inv. ΓΘ 7489.

¹²⁷ *Basan P.F., Joullain F.C.* Catalogue des différens objets de curiosités dans les sciences et arts qui composoient le Cabinet de feu M. le marquis de Ménars, <...>, dont la vente s'en fera vers la fin de février 1782, en son hôtel, Place des Victoires... Paris: [Prault], 1782. P. 40, lot 131. Ce lot a été vendu 1900 livres le 28 mars à Basan selon le Getty Provenance Index.

¹²⁸ *Nemilova I.S.* Op. cit. P. 360–261.

¹²⁹ *Ibid.* Un autre tableau de Marigny, *Jupiter et Antiope* par Carle Vanloo (huile sur toile, H. 0,50 × L. 0,72 m, Ermitage, inv. ΓΘ 5639) n'est entré dans les collections de l'Ermitage qu'entre la fin du XIXème et le début du XXème siècle. Enfin une œuvre plus ancienne, conservée à l'Ermitage, le *Chien-loup* de Potter (huile sur toile, H. 0,965 × L. 1,320 m, Ermitage, inv. ΓΘ 817), pièce maîtresse de la collection de maîtres anciens du marquis, n'est quant à elle entrée dans les collections de l'Ermitage qu'avec l'achat en 1815 par Alexandre Ier des chefs d'œuvres de la collection de Joséphine anciennement conservés à La Malmaison.

¹³⁰ Huile sur toile, H. 0,92 × L. 1,17 m – Paris, Musée du Louvre, inv. 5037.

¹³¹ *Guiffrey J.* Documents sur la vente de la collection du marquis de Menars (1782) // Nouvelles archives de l'art français. 1873. P. 391. L. Courajod, qui annote les documents publiés par J. Guiffrey, reconnaît en ce passage l'écriture de Cochin (P. 390).

¹³² *Ibid.* P. 391.

Il me reste à vous parler du tableau de M. Greuse qui doit être vendu jeudi. Je le sçavois et mon intention étoit bien de fixer définitivement, et avant cette époque, le prix que je crois pouvoir y être mis pour le Roi. En balançant donc, d'une côté le désagrément de le laisser échaper et peut-être passer en pays étranger, et de l'autre les circonstances où se trouvent les Batimens du Roy je crois devoir m'en tenir à vingt ou 24 000^l au plus. Vous pouvez donner au s^r Joulain les ordres en conséquence¹³³.

Seulement, au moment même d'envoyer sa lettre, le Surintendant est informé par un dernier courrier de Pierre que l'œuvre intéresse l'étranger, en particulier un acheteur qui a de grandes chances de l'emporter, car son crédit est, pour ainsi dire, illimité; cet étranger, c'est Catherine II, du moins le suppose-t-on. En effet, en 1766 déjà, l'impératrice russe appréciait tellement Greuze qu'elle avait su mettre le prix¹³⁴, contrairement à Marigny, pour acquérir auprès du peintre son tableau du *Paralytique*¹³⁵, qui orne toujours les murs de l'Ermitage. On lui suppose encore un tel goût en 1782, et on imagine par conséquent qu'elle est cet étranger qui veut profiter de la vente de feu le marquis pour s'offrir un pendant à sa toile maîtresse de Greuze. Aussi d'Angiviller ajoute-t-il en *post-scriptum* à son courrier:

P.S. Je reçois votre lettre avec la note sur le prix du tableau et sur l'intention de l'Impératrice de Russie. Je ne sçais s'il y auroit du mal que vous vissiez M. Grimm pour vous en informer comme de vous-même et lui dire en confidence que vous avez les mêmes ordres pour le Roi à cause du Muséum, et qu'ainsi il ne faut pas faire de folie. Comme ceci est une affaire du Roi et qu'un entêtement de part et d'autre entre Souverains est une sorte de lutte qui peut dégénérer en folie, si on n'est pas prévenu, je crois que cette démarche est dans la plus exacte et stricte probité, mais elle ne peut être ministérielle; vous pouvez sur ce propos voir M. Grimm comme de vous-même, et lui dire que vous avez les mêmes ordres. Je vous autorise en effet à le faire prendre au prix que vous voudrez, il fait à cause du crédit autoriser Joulain à dire que c'est pour le Roy quand il sera adjudgé; quand on va aussi fort je ne sçais plus poser de bornes, et je dis aussi bien 20, 24, 25, 26 mille francs que 15 ou 16¹³⁶.

Finalement, François-Charles Joulain (1734?–1790) se rend adjudicateur de l'œuvre au nom du roi pour 16650 livres, vraisemblablement sans que Grimm, représentant de Catherine II, ne surenchérisse contre lui. Toutefois Grimm ne pouvait échanger aussi rapidement avec la Russie et comme sa correspondance avec Catherine II ne comporte d'ailleurs aucune mention

¹³³ Lettre du 3 avril 1782 – Ibid. P. 398.

¹³⁴ Pougin de Saint-Aubin (vers 1730–1783), dans sa régulière correspondance parisienne avec la margrave Caroline-Louise de Bade (1723–1783), écrit que Catherine II a payé l'œuvre 2000 écus, soit 6000 livres; voir *Pougin de Saint-Aubin C., Aubert J.-L.* Correspondance littéraire de Karlsruhe: 12 juillet 1766–15 décembre 1768 / Textes éd. par J. Schlobach. Paris; Genève, 1995. P. 28.

¹³⁵ Huile sur toile, H. 1,15 × L. 1,46 m, inv. ΓΘ 1168.

¹³⁶ *Guiffrey J.* Documents sur la vente de la collection du marquis de Menars. P. 398–399.

d'un tel projet d'achat, force est d'admettre que Catherine n'a peut-être pas du tout cherché à acquérir le tableau. Quoiqu'il en soit, on semble se souvenir à Versailles qu'en 1766 l'impératrice russe appréciait tellement Greuze qu'elle avait su mettre le prix pour remporter son *Paralytique*. On lui suppose encore un tel goût en 1782, voire de vouloir profiter de la vente de feu le marquis de Ménars pour acquérir un pendant au *Paralytique* que ce même marquis refusa d'acheter en son temps pour le roi...

En 1782, Catherine II ne s'intéresse en fait plus autant qu'auparavant à la peinture, son Ermitage et son Académie possédant dorénavant de riches collections qui sont propices à la formation de nouvelles générations d'artistes russes. Toujours en 1782, la ville se dote d'un nouveau symbole, le *Cavalier de bronze*, superbe statue équestre de Falconet glorifiant autant Pierre le Grand que Catherine la Grande. À cette date, on peut dès lors affirmer que les échanges artistiques mis en place dès le début du directorat de Marigny, à l'époque du rapprochement diplomatique entre Louis XV et Élisabeth, ont portés leurs fruits. Marigny apparaît même comme la cheville ouvrière française de cette évolution. En facilitant le rayonnement artistique de la France, il réussit, ainsi que je l'ai, je l'espère, montré, à seconder, et même à dépasser en intensité les échanges diplomatiques établis parallèlement.

Гийом Нику

Мариньи и Россия

В истории франко-российских связей дипломатия, политика и искусство всегда были тесно переплетены. Первая попытка сближения между Людовиком XV и Елизаветой Петровной оказалась неудачной. В самом деле, когда в 1754 г. петербургский двор попытался восстановить отношения с версальским, французская сторона отнеслась к этому весьма сдержанно. Затем все-таки последовало некоторое сближение, которому способствовал и Абель Франсуа Пуассон де Вандьер, маркиз де Мариньи (1727–1781), только начинавший свою карьеру генерального директора королевских строений.

Данное исследование, опирающееся на неизданные или малоизвестные эпистолярные источники, проливает новый свет на роль Мариньи в организации поездки в Россию художника Луи Токе, а позднее – скульптора Этьена Мориса Фальконе, в создании в Санкт-Петербурге Академии художеств, наконец, в обогащении императорского собрания живописи приобретенными во Франции произведениями искусства.

М.А. ПЕТРОВА

ДИПЛОМАТЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АГЕНТЫ:
И.М. СИМОЛИН И ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ СКУЛЬПТУРЫ
КНЯЗЯ А.М. ГОЛИЦЫНА В НАЧАЛЕ 1770-Х ГОДОВ

Дипломаты Нового времени наряду с приглашением иностранных специалистов, передачей сведений о технических новинках и технологиях, о новых явлениях в политике, экономике, социальной сфере, с которыми им приходилось сталкиваться по месту службы, активно занимались приобретением произведений искусства, книг и экзотических товаров для своего двора и для самих себя. В XVIII в., со времени создания первых постоянных дипломатических миссий России за рубежом, ее представители участвовали в этой деятельности наравне с европейскими коллегами и таким образом вносили свой вклад в культурный трансфер эпохи Просвещения.

Их посреднические усилия не раз оказывались в поле зрения исследователей, занимавшихся историей и реконструкцией отдельных собраний, международного художественного рынка и разветвленной сети агентов, работавших на нем. Так, уже детально восстановлена история покупки важнейших коллекций, легших в основу императорского Эрмитажа (Иоганна Эрнста Гоцковского, Генриха Брюля, Пьера Кроза, Жана де Жюльена, Иоганна Карла Кобенцля), в том числе участие в их приобретении российского посланника в Берлине князя Владимира Сергеевича Долгорукова, посланника в Париже и Гааге Дмитрия Алексеевича Голицына и посланника в Дрездене Андрея Михайловича Белосельского¹. Кроме того, большое

© М.А. Петрова, 2018

¹ См., например: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985; *Карп С.Я.* Князь Д.А. Голицын и первый каталог живописи Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. Т. LVI: Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (02.03.1893–27.06.1972). 2006–2007. С. 60–66; *Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб.,

внимание уделяется истории частных собраний, принадлежавших российским дипломатам-коллекционерам, например, посланнику в Турине Николаю Борисовичу Юсупову, послу в Вене Дмитрию Михайловичу Голицыну, посланнику в Венеции и Лондоне Семену Романовичу Воронцову².

Еще одна важная тема современных исследований – покровительство, оказываемое дипломатами деятелям искусства. Формы его были самыми разными: и финансовая помощь, и заказ работ для себя, императрицы, представителей двора, и предоставление рекомендаций для приглашения иностранных мастеров в Санкт-Петербург или в другие европейские столицы. В благодарность те занимались поиском художественных произведений и проводили их экспертизу, способствуя таким образом пополнению императорских и частных собраний. Многолетнее общение связывало российского посланника в Венеции С.Р. Воронцова и художника Людвиг Гуттенбрунна, посланника в Турине Н.Б. Юсупова и художников Якоба Филиппа Хаккерта, Гаэтано Гандольфи и Анжелики (Ангелики) Кауфман, посланника в Неаполе Андрея Кирилловича Разумовского и того же Хаккерта, посланников в Дрездене Андрея Михайловича и Александра Михайловича Белосельских и Джованни Баттиста Казанову, директора Саксонской академии художеств с 1776 г.³

2012; *Франк К.* Собрание Гоцковского, Эймбке и Штейна: к истории берлинских коллекций в период Семилетней войны // Век Просвещения. М., 2006. Вып. I. С. 24–63; *Phillips C.* Art and Politics in the Austrian Netherlands: Count Charles Cobenzl (1712–70) and his collection of Drawings: PhD thesis. University of Glasgow, 2013; *Popova O.* Andre Belosselsky as Art Agent of Catherine II in Dresden seen Through His Correspondence With Alexander Golitsyn // Heinrich Graf von Brühl. Ein sächsischer Mäzen in Europa: Akten der internationalen Tagung zum 250. Todesjahr / Hrsg. von U. Koch, C. Ruggero. Dresden, 2017. S. 256–267; *Ris E.* Eremitage aus Berlin: Die Gemäldesammlung von Johann Ernst Gotzkowsky als Grundstock der Bildergalerie der russischen Zarin Katharina II. in St. Petersburg: 2 B-de: Diss. Berlin, 2016. См. также ряд статей, посвященных коллекции графа Брюля в сборнике, посвященном художественным связям России и Саксонии: *Bilder-Wechsel: Sächsisch-russischer Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung.* Köln; Wien, 2009.

² *Савинская Л.Ю.* Каталог князя Голицына // Наше наследие. 2004. № 71. С. 18–39; *Она же.* Коллекционеры-дипломаты екатерининской эпохи: к истории коллекционирования живописи в России // Век Просвещения. М., 2006. Вып. I. С. 379–398; *Она же.* Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017; *Филлипс К.* Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793) – коллекционер рисунков // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2015. Т. LXVIII: Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (02.03.1893–27.06.1972). 2008–2010. С. 267–294; *Phillips C.* Dmitry Mikhaylovich Golitsyn (1721–1793): An Eighteenth-century Russian Drawings Collector // Master Drawings. Winter 2011. Vol. 49/4. P. 533–548.

³ См., например: *Савинская Л.Ю.* Письма Анжелики Кауфман князю Н.Б. Юсупову: (художник и заказчик в Риме конца XVIII века) // Век Просвещения. М., 2008. Вып. II. С. 23–46; *Она же.* Людвиг Гуттенбрунн: реконструкция биографии, творческий метод // Век Просвещения. М., 2011. Вып. III. С. 153–189; *Шарнова Е.Б.* Гаэтано Гандольфи в России // Там же. С. 190–199; *Schippan M.* Fürst Alexander Beloselski (1752–1809) – russischer Gesandter in Dresden, Schriftsteller und Kunstmäzen // Bilder-Wechsel... S. 279–301; *Ozerkov D.* Jacob Philipp Hackert's Russian Associates // Europa Arkadien: Jacob Philipp Hackert und Imagination Europas um 1800 / Hrsg. A. Beyer, L. Burkhart, A. von Müller und G. Vogt-Spira. Göttingen, 2008. S. 147–163.

Менее известная в этом смысле фигура – российский министр в Регенсбурге Иван Матвеевич Симолин, который не только оказывал покровительство иностранным мастерам, работавшим в германских государствах, но и сыграл большую роль в пополнении художественной коллекции влиятельного екатерининского вельможи – вице-канцлера Александра Михайловича Голицына.

Иван Матвеевич (Иоганн Матиас) Симолин (1720/21–1799) родился в Ревеле (совр. Таллин) в семье лютеранского пастора шведского города Або (совр. Турку) и был подданным Российской империи. Дипломатическую карьеру начал в 1744 г. в Копенгагене при чрезвычайном посланнике Иоганне Корфе в должности юнкера, в 1746 г. отправился вместе с ним в Стокгольм, где с 1748 по 1752 г. был секретарем посольства при новом посланнике Никите Ивановиче Панине, будущем главе Коллегии иностранных дел. В 1752 г. Симолина перевели в Копенгаген, а в 1757 г. – в Вену, снова секретарем посольства. С 1758 по 1772 г. (с небольшими перерывами) он занимал пост сначала резидента, затем министра при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи германской нации в Регенсбурге; впоследствии служил в Копенгагене, Стокгольме, Лондоне и Париже⁴.

Князь Александр Михайлович Голицын (1723–1807) занимает особое место среди российских дипломатов эпохи Просвещения. Коллекционер и благотворитель, друг Дидро и корреспондент Вольтера, он внес весомый вклад в развитие культурных связей между Россией и Европой. Посредническая деятельность Голицына нашла отражение в работах С.Я. Карпа и Ж. Дюлака, изучавших его контакты с Д. Дидро и Ф.М. Гриммом и введших в научный оборот их переписку⁵. На примере большой семьи Голицыных (центром которой был вице-канцлер),

⁴ Автобиография Симолина, составленная 3 мая 1754 г., опубликована в изд.: «Скасски» елизаветинской России / публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах: Альманах. М., 2007. Вып. 15. С. 134. См. также: *Joukovskaia A.* Le service diplomatique russe au XVIIIe siècle: Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères: Thèse de doctorat en histoire soutenue en 2002 à Paris, EHESS. Paris., 2002. P. 569; *Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю.* И.М. Симолин – русский посланник в революционном Париже // Россия и Франция: XVIII–XX века: сб. ст. М., 2001. Вып. 4. Л. 60–69; *Ишутин В.В.* Русский посол И.М. Симолин и геополитический прогноз 1782 г. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 76–85.

⁵ См.: *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998; *Dulac G.* Grimm et la Correspondance littéraire envoyée à Catherine II (d'après des lettres de Dimitri Golitsyn et de F.M. Grimm au vice-chancelier Alexandre Golitsyn) // SVEC. 1983. Vol. 217. P. 207–248; *Karp S.* Diderot et les princes Golitsyn: Houdon ou Choubine (1774–1781) // Les Archives de l'Est et la France des Lumières: Guide des archives et inédits / Sous la direction de G. Dulac et S. Karp, préface de R. Mortier. Ferney-Voltaire, 2007. P. 577–612. В работах С.Я. Карпа, среди прочего, исследуется история заказа А.М. Голицыным надгробных памятников у крупнейших скульпторов второй половины XVIII в. Ж.А. Гудона и Ф.И. Шубина в 1773–1783 гг.

связанной родственными узами с Румянцевыми, Куракиными и Юсуповыми, рассмотрены проблемы воспитания и образования молодых аристократов⁶.

Александр Михайлович Голицын был сыном петровского генерал-адмирала Михаила Михайловича Голицына-младшего (1685–1764), президента Адмиралтейств-коллегии. Дипломатическую карьеру начал в 1742 г. в царствование императрицы Елизаветы Петровны в российском представительстве в Гааге в качестве дворянина посольства, а с 1747 г. секретаря посольства. В 1749 г., после разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией, был на несколько месяцев направлен в Париж с тайной миссией в свите австрийского посла графа В.А. Кауница, будущего государственного канцлера, потом вернулся в Гаагу⁷. В марте 1755 г. Голицын был пожалован в канцелярии советники и по протекции вице-канцлера М.И. Воронцова назначен чрезвычайным посланником в Великобританию. Он оказался там в разгар «дипломатической революции» 1756 г., когда произошла смена союзов накануне Семилетней войны и состоялось историческое примирение Франции и Австрии, а также сближение Пруссии и Великобритании. В годы войны Голицын оставался на своем посту и должен был препятствовать эффективному взаимодействию Берлина и Лондона на континенте.

В январе 1762 г. Голицын был отозван из Лондона, в июне 1762 г. при Петре III получил чин тайного советника, назначен вице-канцлером и вице-президентом Коллегии иностранных дел⁸. Судьбе было угодно, чтобы Александр Михайлович оказался в Петергофе ранним утром 28 июня (9 июля) 1762 г., когда император обнаружил, что его супруга бежала в Петербург и начала против него мятеж. Голицын был послан Петром III к императрице с письмом, в котором предлагал условия переговоров. Александр Михайлович письмо отвез, но остался в свите Екатерины II, благодаря чему, вероятно, и сохранил за собой кресло вице-канцлера до 1774 г., хотя управление внешней политикой перешло к самой императрице и Н.И. Панину, с 1764 г. первоприсутствующему в Коллегии иностранных дел.

Екатерина II поручала Голицыну приобретать для нее книги и произведения искусства. Когда в 1764 г. она решила получать знаменитую

⁶ Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов: Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 318–329; *Он же*. Гувернеры в семье Голицыных: 1760–1780 гг. // Французский ежегодник 2011. М., 2011. С. 190–199; *Савинская Л.Ю.* Путешествие Михаила Андреевича Голицына по Англии. 1785 г.: К истории образовательного путешествия братьев Михаила, Бориса и Алексея Голицыных по Европе: 1780–1788 гг. // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. II. С. 262–289.

⁷ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны). М., 2012. С. 65–66.

⁸ Послужной список вице-канцлера А.М. Голицына с 1742 по 1764 г. см.: РГАДА. Ф. 1263 Голицыны. Оп. 1. № 7612. Л. 1.

«Литературную корреспонденцию» – рукописный журнал о культурной жизни Европы, рассылавшийся по подписке коронованным и титулованным особам, именно вице-канцлеру было поручено переписываться по вопросам доставки журнала с его редактором Фридрихом Мельхиором Гриммом. Через Голицына шли переговоры о приезде в Россию скульптора Этьена Мориса Фальконе, рекомендованного Дидро, для создания памятника Петру Великому. Дидро, познакомившись с Голицыным во время своего путешествия в Петербург в 1773 г., писал о нем как об «одном из самых порядочных и любезных людей не только в России, но и во всем цивилизованном мире»⁹.

Любопытный отзыв о вице-канцлере сохранился в инструкции французскому посланнику в Петербурге маркизу Никола Матьё де Боссе от 18 декабря 1763 г. В нем Голицын характеризуется как человек, не обладающий необходимыми способностями для занимаемой должности, которого даже императрица считает недостаточно сведущим в делах; он вспыльчив и резок в спорах, но при этом способен прислушиваться к доводам рассудка¹⁰.

Переписка вице-канцлера с российскими дипломатами свидетельствует о том, что в Коллегии иностранных дел он играл особую роль. Отчасти по долгу службы, но и, вероятно, по складу характера он был наставником многих действующих российских дипломатов (в том числе родственников – уже упоминавшихся Д.М. и Д.А. Голицыных, Н.Б. Юсупова): разбирал конфликтные ситуации, подсказывал линию поведения в ходе переговоров, учил составлять донесения, разъяснял содержание рескриптов, хлопотал перед императрицей о повышении по службе, о выплатах вечно задерживаемого жалованья или покрытия накопившихся долгов, утешал, если кто-то из его подопечных заслуживал высочайшее неудовольствие. Они в свою очередь старались, по возможности, оказывать Голицыну разного рода услуги: покупали по его просьбе колониальные товары (например чай и кофе), книги, предметы быта, а также способствовали пополнению его художественной коллекции, которую вице-канцлер начал формировать в середине 1760-х годов.

Эта коллекция, включавшая произведения европейской живописи и скульптуры, в последние годы начинает привлекать к себе все больше внимания исследователей¹¹, хотя судьба подавляющего большинства предметов до сих пор не известна. В 1775 г. Голицын вышел в отстав-

⁹ *Карп С.Я.* Французские просветители и Россия... С. 33.

¹⁰ Сборник РИО. 1912. Т. СХL: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Екатерины II-й, ч. I: 1762–1765. С. 297.

¹¹ Истории формирования коллекции А.М. Голицына в условиях складывания европейского рынка искусства посвящена диссертация О.С. Поповой, основанная на материалах РГАДА, с которой у автора статьи пока не было возможности познакомиться. *Popova O.S.* Le «collectionnisme» russe et le marché de l'art européen dans la 2ème moitié du XVIIIe siècle à travers l'exemple d'Alexandre Golitzine (1723–1807): Thèse de doctorat en Histoire de l'art.

ку и переехал в Москву, всецело посвятив себя благотворительности: был почетным опекуном Воспитательного дома в Москве и главным директором Павловской больницы (с 1788 г.). В последние годы жизни он занимался делами Голицынской больницы, открывшейся в 1802 г. на средства его покойного двоюродного брата, бывшего посла в Вене Дмитрия Михайловича Голицына. Составляя в 1804 г. так называемое «завещательное предписание», Александр Михайлович просил своих наследников передать в создаваемую им Картинную галерею при Голицынской больнице «знатное собрание оригинальных картин, скульптурных, мраморных и литых бронзовых фигуры с их пьедесталами, которые яко редкости собирал я долго временно, получал случайно и от дружбы покойного двоюродного брата моего и друга князя Дмитрия Михайловича Голицына и приобретал оныя не малым иждивением и кои в жизни моей праздное время занимали и доставляли мне удовольствие»¹².

Картинная галерея открылась для посетителей в 1810 г., но в 1817–1818 гг., вопреки воле покойного владельца, почти все находившиеся в ней произведения искусства были проданы на аукционе или разыграны в лотерею, так как больница нуждалась в дополнительных средствах¹³. По свидетельству современника, в 1865 г. некоторые из «яшмовых, мраморных и бронзовых предметов» вместе с фамильными портретами Голицыных хранились в так называемой «посетительской» комнате больницы¹⁴. Они могли войти в состав Голицынского музея на Волхонке, созданного в 1865 г. членами этой большой семьи. В 1886 г., в связи с возникшими в больнице финансовыми трудностями, художественное собрание музея было выставлено на продажу и приобретено Императорским Эрмитажем. Сравнение инвентаря Голицынского музея¹⁵ со списками скульптурных произведений из коллекции Александра Михайловича, сохранившимися в Российском государственном архиве древних актов и Архиве Государственного Эрмитажа, не выявило совпадений – во многом из-за краткости содержащихся в инвентаре описаний.

¹² Цит. по: Сейделер И.И. Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц. М., 1865. Прил. XXXVIII.

¹³ Там же. С. 42. В лотерею были разыграны предметы, которые не удалось продать на аукционе. См.: Каталог картин, принадлежащих Московской Голицынской больнице, с Высочайшего дозволения назначенных к разыгрыванию в лотерею. М., 1818. Печатный каталог аукционных распродаж, видимо, подготовлен не был.

¹⁴ Сейделер И.И. Указ. соч. С. 33.

¹⁵ «Общий инвентарь Голицынских музея и библиотеки, принятых в ведение Министерства Императорского Двора Старшим Хранителем Императорского Эрмитажа [А.И.] Сомовым» опубликован в изд.: Голицынский музей на Волхонке. М., 2004. С. 111–118, 121–122 (разделы IV: «Бронзовые предметы, происходящие из Помпей и вообще античные»; V: «Мраморные произведения, античные и новейшие»; VII: «Бронзовые произведения новейших веков»). Оригинал – Архив Государственного Эрмитажа (далее – Архив ГЭ). Ф. 1. Оп. 5. № 26. Ч. II.

Реконструкцией собрания скульптур Голицына на материалах РГАДА занималась С.С. Морозова¹⁶. Нам удалось несколько скорректировать и дополнить сведения, представленные ею в ряде работ, благодаря привлечению документов из Архива Государственного Эрмитажа и переписки А.М. Голицына и И.М. Симолина, хранящейся в РГАДА и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Важнейшим источником для нашей темы являются материалы дела 6120 фонда 1263 «Голицыны» РГАДА, введенные в научный оборот С.С. Морозовой, которая, однако, не дает их подробной характеристики. Название дела «Описание внутреннего распорядка дома, списки прислуги, опись вещей дома Голицына в 1772–1774 гг.», указанное в архивной описи, не вполне соответствует его содержанию, поскольку в нем представлены документы, касающиеся исключительно приобретения произведений искусства.

В деле отложились два списка скульптуры на французском языке, имеющих сквозную нумерацию. Составленные, по-видимому, кем-то из секретарей, они содержат довольно много исправлений, сделанных предположительно рукой самого Александра Михайловича, который в некоторых случаях вычеркивал подробные описания предметов и несколько раз менял порядок нумерации. По какому принципу он стремился расположить эту часть своей коллекции, пока установить не удалось.

Первый список – «Groupes et statues antiques et modernes de bronze du Cabinet du Prince de Galitzin Vice-Chancelier» («Античные и современные бронзовые группы и статуи из кабинета князя вице-канцлера Голицына») ¹⁷ – включает 19 бронзовых предметов; второй – «Statuës & bustes antiques et modernes de marbre de la Galerie du Pr. de G. V.Ch.» («Античные и современные мраморные бюсты и статуи из галереи князя вице-канцлера Голицына») ¹⁸ – 35 мраморных. Тот факт, что в списках князь назван вице-канцлером, может указывать на время их составления – не ранее 2 (13) апреля 1775 г. (даты его выхода в отставку).

Два других списка из того же фонда РГАДА никак не озаглавлены, не имеют сквозной нумерации и носят очевидно черновой, рабочий характер, хотя число исправлений в них невелико. В них отражена только часть предметов, зафиксированных в нумерованных списках, – примерно половина. Первый нумерованный список, составленный рукой са-

¹⁶ Морозова С.С. О коллекционировании западноевропейской скульптуры в России второй половины XVIII в. (по архивным материалам) // Русское искусство Нового времени: сб. ст. М., 1996. Вып. 2. С. 61–73; Она же. Бюст вице-канцлера А.М. Голицына работы Бартоломео Кавачеппи в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина // Итальянский сборник. М., 2005. Вып. 4 / отв. ред. И.И. Тучков, Е.Д. Федотова. С. 256–260; Она же. Скульптурное собрание вице-канцлера князя А.М. Голицына (по архивным материалам) // Канова и его эпоха: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Д. Федотова. М., 2005. С. 160–168.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 12, 11–11 об., 13–13 об. (так!) Заголовок на листе 11 написан рукой вице-канцлера.

¹⁸ Там же. Л. 14–17. Заголовок написан рукой вице-канцлера.

мого Александра Михайловича, – в записях встречаются обороты: «mon buste» («мой бюст») и «le buste de mon Pere» («бюст моего отца») – содержит подробные сведения о размере, стоимости, художественной ценности отдельных предметов, сгруппированных в соответствии с источником их приобретения¹⁹. Второй список, писарский, хотя и составлен по такому же принципу (т.е. сгруппирован по источникам приобретения), не повторяет первый, являясь самостоятельным. Он содержит приписки в конце, сделанные рукой Голицына, судя по цвету чернил, в разное время. Список обрывается на словах «buste de marbre» («бюст из мрамора»)²⁰, которые не позволяют идентифицировать конкретное произведение.

К источникам приобретения скульптуры мы еще вернемся. Здесь же отметим, что С.С. Морозова, которая разделила все упомянутые в деле 6120 скульптур на категории (античные мраморы; скульптуры, воспроизводящие антики; древние бронзы; скульптуры по моделям Джованни Болоньи; произведения современных мастеров), сообщила на основе этих материалов о 19 произведениях из бронзы и 38 из мрамора²¹. В число последних ею ошибочно дважды внесены две небольшие статуи из белого мрамора – Диана и Венера Медичи («deux petites statues de marbre blanc sur un piedestale de marbre noir Venus de Medicis & Diane»). Под статуей, отмеченной исследовательницей как «неизвестный бюст», по-видимому, подразумевается «buste de marbre» из упоминавшегося чернового, неоконченного списка.

В Архиве Эрмитажа, в составе рукописного каталога художественной коллекции А.М. Голицына и материалов, относящихся к нему, хранятся два более поздних и более полных списка скульптурного собрания князя. Один из них под названием «Statuës et Bustes antiques et modernes de marbre de la Gallerie du Prince de Galitzin, Vice-Chancelier» («Античные и современные статуи и бюсты из мрамора из галереи князя вице-канцлера Голицына»)²², принадлежащий руке переписчика, по сути является беловым по отношению к списку мраморных скульптур РГАДА²³. Предметы в эрмитажном списке расположены в том же порядке, что и в списке РГАДА, но их на три больше – 38. К 19 из них сделаны приписки предположительно рукой Александра Михайловича: «laissé à Petersbourg» («оставлено в Петербурге») или «laissés dans la maison de Petersbourg» («оставлены в доме в Петербурге»). Скорее всего, они появились после переезда князя в Москву, в то время как упомянутые кабинет и галерея располагались в доме в Петербурге.

¹⁹ Там же. Л. 3–5.

²⁰ Там же. Л. 18–19 об.

²¹ Морозова С.С. Скульптурное собрание вице-канцлера князя А.М. Голицына... С. 161.

²² Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 6а. № 123. Л. 56–58.

²³ «Statuës & bustes antiques et modernes de marbre de la Gallerie du Pr. de G.V. Ch.» – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 14–17.

Второй эрмитажный список носит очевидно сводный характер: он объединяет несколько документов, составленных переписчиком и содержащих сведения о мраморных скульптурах из галереи и бронзовых из кабинета, а также о вазах, люстрах, бра и некоторых предметах мебели²⁴. Имеющиеся в этих документах многочисленные исправления и дополнения делались самим Голицыным, возможно, в несколько приемов, в последний раз – не ранее 23 ноября 1803 г. по старому стилю (день его именин), когда, согласно помете князя, вдовствующая императрица Мария Федоровна заказала для него в подарок две вазы. Создается впечатление, что он пытался вести подсчет принадлежавших ему предметов искусства и мебели, вероятно – в связи с продажей петербургского дома и переездом в Москву. Это подтверждают пометы, сделанные им к 13 мраморным скульптурам: «resté à Petersb.» («оставлено в Петербурге»), «resté dans (avec) la maison vendue» («оставлено в проданном доме») или «resté aussi» («также оставлено»). В то время как рядом с названиями других предметов искусства и мебели он помечал: «находится» или «находятся», что относится, очевидно, к дому в Москве. В этом «сводном» эрмитажном списке зафиксированы сведения о 29 произведениях из бронзы и 39 из мрамора. Сравнение его с предыдущим, содержащим сведения о 38 мраморных работах, показало, что эти списки совпадают не полностью, т.е. в каждом из них есть несколько мраморных предметов, отсутствующих в другом. Наши подсчеты показали, что в разные годы через руки Александра Михайловича прошло по крайней мере 29 предметов из бронзы и 41 из мрамора. С обнаружением новых документов из обширного наследия вице-канцлера цифры эти могут быть уточнены.

Обратимся теперь к истории пополнения коллекции. В документах дела 6120 (РГАДА. Ф. 1263) содержатся краткие сведения об обстоятельствах покупки 17 из 35 мраморных и 18 из 19 бронзовых предметов, находившихся в собрании Голицына к 1775 г. Так, мы узнаем, что шесть античных мраморных статуй были приобретены в Риме летом 1771 г. у английского художника Уильяма Гамильтона (1751–1801); сделку совершил Конрад Рене Кох, гувернер Николая Алексеевича Голицына (внучатого племянника вице-канцлера), сопровождавший его в путешествии по Европе. Пять из этих скульптур были найдены в ходе раскопок виллы императора Адриана в Тиволи, в которых Гамильтон принимал участие²⁵. Историю этой покупки по материалам переписки А.М. Голи-

²⁴ «Description de la collection des tableaux, marbres et bronzes du prince Alexandre Michailowitsch Galitzin». – Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 6а. № 122. Ч. 1. Л. 88–90 (во второй половине дела). По-видимому, это архивное дело было соединено из двух: нумерация листов в нем идет с 1 по 161, а затем с 84 по 132.

²⁵ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 18 об.–19 об. Эти пять статуй (молодого консула Марка Анния Вера, деда императора Марка Аврелия; Музы в раздумье; Мелеагра; Персея с позолоченными бронзовыми крыльями и Атлета) были приобретены 6 августа 1771 г., шестая – императора Адриана в юности или императора Клодия Альбина – примерно в то же время.

цына с римским комиссионером Иоганном Фридрихом Рейфенштейном (1719–1793)²⁶ и обосновавшимся в Риме в начале 1770-х годов Иваном Ивановичем Шуваловым – посредником между вице-канцлером и Рейфенштейном – удалось проследить С.С. Морозовой²⁷.

Исследовательница также установила, что около 1770 г. вице-канцлер – по-видимому, по совету Шувалова – решил заказать ведущему римскому скульптору Бартоломео Кавачеппи (1716/17–1799) четыре портретных бюста: Екатерины II, себя самого, своего отца генерал-адмирала М.М. Голицына и Цицерона. В списках мраморных скульптур из собрания Александра Михайловича значатся три указанные работы Кавачеппи и бюст Цицерона, созданный другим крупным римским скульптором неоклассической традиции Джузеппе Франки (1731–1806) по оригиналу, находившемуся в палаццо Маттеи в Риме²⁸. По чьей инициативе копия бюста Цицерона была заказана у Франки, еще предстоит выяснить. Все три произведения Кавачеппи до нас дошли: портреты Екатерины II и вице-канцлера хранятся в Москве (в Государственной Третьяковской галерее и Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина соответственно), адмирала М.М. Голицына – в Ростовском областном музее изобразительных искусств (Ростов-на-Дону)²⁹.

Еще три мраморные скульптуры – бюст вакханки работы французского скульптора Робера Ле Лоррена (1666–1743) и два амура работы неизвестного парижского автора – были приобретены для Голицына ба-

²⁶ Рейфенштейн, известный знаток античности, почетный член петербургской Академии художеств (1771), опекавший в Риме ее пансионеров, был также художественным агентом императорского двора. Литература о нем весьма обширна, см., например: *Бедретдинова Л.М.* Иоганн Фридрих Рейфенштейн и Санкт-Петербургская Императорская академия художеств: (по материалам дела в РГИА) // Иностранные мастера в Академии художеств. М., 2007. С. 34–46; *Heenes V.* Johann Friedrich Reiffenstein (1719–1793) – Kunstagent, Antiquar und Hofrat: Seine vielfältigen Beziehungen nach St. Petersburg // Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России = Antike und Klassizismus – Winckelmanns Erbe in Russland: Akten des internationalen Kongresses St. Petersburg 30. September – 1. Oktober 2015 / Hrsg. von M. Kunze, K. Lappo-Danilevskij. Mainz und Ruhpolding; Petersburg, 2017. S. 237–252.

²⁷ *Морозова С.С.* О коллекционировании западноевропейской скульптуры в России... С. 62–64, правда, имя Коха и род его деятельности исследовательница не называет; сведения о нем см.: *Андросов С.О.* Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011. С. 206.

²⁸ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 4 об.

²⁹ См.: *Морозова С.С.* О коллекционировании западноевропейской скульптуры... С. 65–66; *Она же.* Бюст вице-канцлера А.М. Голицына работы Бартоломео Кавачеппи в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина... С. 256–260; *Она же.* Скульптурное собрание вице-канцлера князя А.М. Голицына... С. 162, 168; *Андросов С.О.* Указ. соч. С. 71–73, 205–206. Кроме того, в Третьяковской галерее хранятся бронзовые бюсты адмирала М.М. Голицына (с оригинала Кавачеппи), А.М. Голицына (с оригинала Ф.И. Шубина) и П.М. Голицына, младшего брата вице-канцлера, отлитые в Париже скульптором Летье. См. об этом: *Морозова С.С.* О коллекционировании западноевропейской скульптуры... С. 69. Первые два бронзовых бюста учтены в эрмитажном списке.

роном Александром Сергеевичем Строгановым на распродаже коллекции Луи Антуана Кроза, барона Тьера (1700–1770), которая состоялась 6 марта 1772 г. в Париже (картины из этого собрания были куплены для Екатерины II)³⁰. Одна из бронзовых скульптур в коллекции вице-канцлера – конная статуя Людовика XIV – ранее принадлежала послу в Вене Д.М. Голицыну³¹. Четыре произведения из мрамора³² были куплены в Аугсбурге, 17 из бронзы³³ – во Франкфурте, Флоренции и Берлине и поступили в коллекцию вице-канцлера в 1771–1772 гг., как нам удалось установить – при посредничестве российского министра в Регенсбурге И.М. Симолина и его агентов.

Переписка А.М. Голицына с И.М. Симолиным, хранящаяся в РГАДА и АВПРИ, насчитывает более 1500 листов. Велась она с 1763 по 1774 г. исключительно на французском языке и охватывала широкий круг тем, так или иначе связанных с профессиональной деятельностью российского министра в Регенсбурге: внутривосточные проблемы субъектов Священной Римской империи и реформирование ее институтов; отправка иностранных колонистов в Россию в соответствии с манифестами Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и от 22 июля 1763 г. и приглашение иностранных мастеров к петербургскому двору; церемониальные трудности, возникавшие у иностранных дипломатов на рейхстаге. В письмах обсуждались и вопросы приобретения произведений искусства, в том числе скульптуры, поначалу – исключительно для личного собрания императрицы.

В депеше от 1 (12) декабря 1763 г. Симолин сообщал А.М. Голицыну, что к нему обратился скульптор фламандского происхождения Шарль де Гроф (Charles de Groff, 1712–1774) с предложением купить принадлежавшую ему коллекцию бронзы и мрамора. Гроф был придворным мастером баварских курфюрстов и занял это место после смерти своего отца Гильгельмуса де Грофа (Guillielmus de Grof, 1676–1742), выдающегося скульптора, создавшего немало произведений в стиле рококо для замка и парка Нимфенбург – летней резиденции Виттельсбахов в пригороде Мюнхена³⁴.

Екатерина II проявила интерес к коллекции Грофа, и 9 (20) января 1764 г. Симолин получил из Петербурга от Голицына указания использовать все свои связи, чтобы выяснить у знатоков, действительно ли собра-

³⁰ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 3 об. О парижских приобретениях см.: Морозова С.С. О коллекционировании западноевропейской скульптуры в России...

³¹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 18. Среди бронзовых предметов (Там же. Л. 12) числится еще один анонимный портрет (бюст) Людовика XIV; сведений об обстоятельствах этой покупки в списке нет.

³² Там же. Л. 18 об.–19.

³³ Там же. Л. 3–3 об., 5, 18–18 об.

³⁴ Об отце и сыне Грофах см.: Neue deutsche Biographie. Berlin, 1966. Bd. 7: Grassauer – Hartmann. S. 118–119.

ние представляет ценность, и прислать точные размеры каждой статуи³⁵. Российскому дипломату потребовалось около месяца, чтобы ответить на первый вопрос. Для этого пришлось навести справки у коллег по дипломатическому корпусу в Регенсбурге: французского министра (а также драматурга, писателя и историка) Луи Габриэля дю Бюа-Нансэ (Louis-Gabriel du Buat-Nançay, 1732–1787), несколько лет проживавшего в Баварии, который в свою очередь попросил разъяснений у французского министра в Мюнхене Юбера де Фолара (Hubert de Folard, 1709–1799). Оба подтвердили, что заявленные в коллекции Грофа произведения отличаются «большой красотой» (*d'une grande beauté*)³⁶.

Однако Симолина этот ответ не вполне удовлетворил. Узнав, что коллекция находится в Аугсбурге под закладом у банкиров Иоганна Карла и Кристиана Мюнхов (в депеше Симолина – Jean Charles и Chretien Munch), он обратился к тогдашнему директору основанной в 1670 г. Академии искусств в Аугсбурге художнику и граверу Иоганну Элиасу Ридингеру (Johann Elias Ridinger, 1698–1767) и его ученику граверу Иоганну Якобу Хайду (Johann Jacob Haid, 1704–1767) с просьбой осмотреть коллекцию и вынести свой вердикт, который также оказался положительным. Отзывы дипломатов и специалистов были приложены к депеше Симолина от 21 марта (1 апреля) 1764 г. и переданы Екатерине II, но из дворца в Коллегию иностранных дел они не вернулись. Возвращены были лишь опись коллекции Грофа и письмо Хайда секретарю гольштейн-готторпской канцелярии в Регенсбурге Антону Себастьяну Струве, помогавшему Симолину в этом деле.

Гравер Хайд указал, что увиденные им скульптуры из бронзы превосходны и достойны располагаться в императорских или королевских покоях, некоторые являются антиками. Он особо отметил бюсты философа Сенеки и 12-ти первых римских императоров³⁷. В собрании, согласно описи, были также представлены: два мальчика с дельфинами; четыре статуи римских богов (так называемая Венера Медичи, Антиной, Венера после купания, танцующий Фавн); четыре бюста философов (Платон, Диоген, Пифагор и Питтак); восемь бюстов (Венера, Меркурий, Арес, Фавн, Юнона, Вулкан, Флора и пастух); скульптурные композиции (танцующая вакханка с бубном на террасе, украшенной изображениями деревьев и пантер; пастух, прислонившийся к дереву, играющий на волынке; две батальные сцены, отображающие взятие Белграда и разгром турок при Мохаче в 1688 г. принцем Евгением Савойским); два бронзовых барельефа (Вулкан, выковывающий оружие, и триумф Александра Македонского); большой прикроватный алтарь; две двойные жирандолы. Кроме того, в собрании Грофа было восемь мраморных бюстов в нату-

³⁵ АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 83/2. № 36. Л. 1–1 об.

³⁶ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 21 марта (1 апреля) 1764 г. – Там же. № 35. Л. 47–47 об.

³⁷ Там же. Л. 50–50 об.

ральную величину, сделанных из 32 видов редкого мрамора и изображавших каждую из четырех сторон света в образах мужчины и женщины³⁸. Мраморные скульптуры были упакованы в ящики, и Хайд не смог с ними ознакомиться. Происхождение предметов или их авторство в описи указано не было.

Гроф хотел получить за свою коллекцию 3400 дукатов – именно под эту сумму она и была заложена в аугсбургском банке. Для Симолина это был дополнительный аргумент в пользу покупки, поскольку банк согласился авансировать владельцу такую значительную сумму. Сам Гроф выражал надежду, что, получив коллекцию и убедившись в ее ценности, Екатерина II прибавит к этой сумме еще что-то на свое усмотрение. Срок погашения долга истек два месяца назад, из-за чего изменились условия залога – с 5 до 17 процентов. Тем не менее скульптор заверял российский двор, что наличие процентов по долгу никак не повлияет на заявленную цену коллекции. Шевалье дю Бюа-Нансэ характеризовал Грофа как большого мастера, не оцененного по достоинству в Мюнхене, и выразил мнение, что при таком великом дворе, как российский, его способности могли бы раскрыться в полной мере³⁹.

По не известным нам причинам обсуждение этого дела возобновилось лишь в конце 1764 г., когда к нему подключился первоприсутствующий Коллегии иностранных дел Н.И. Панин. 9 (20) декабря, отвечая на его несохранившееся ноябрьское письмо, Симолин подтвердил, что Грофу необходимо 3400 дукатов, чтобы получить свою коллекцию из банка, которому он должен выплачивать внушительные проценты. Поэтому скульптор хотел бы как можно скорее узнать решение российского двора, чтобы определиться со сроком погашения долга⁴⁰. 30 января 1765 г. Панин подтвердил Симолину, что Екатерина II намерена приобрести коллекцию за указанную цену. Российский дипломат должен был получить эти деньги в кредит на месте («an Stelle und Ort»), оформив платеж на имя Панина, а также организовать безопасную доставку скульптуры в Петербург. Что касается возможного приема Грофа на российскую службу, то императрица была готова рассматривать этот вопрос лишь после получения коллекции и зафиксированных в письменном виде условий, на которых он хотел бы приехать в Россию⁴¹.

Однако в апреле 1765 г. выяснилось, что Гроф собирается пересмотреть уже достигнутое соглашение и под предлогом снижения достоинства баварской монеты потребовать дополнительно 4250 флоринов

³⁸ См. список предметов коллекции Грофа под названием «Etat des proportions d'une collection de Bronzes et Marbres, dont j'ai eu l'honneur de dédier le détail à Sa Majesté Imperiale de toutes les Russies». – Там же. Л. 49–49 об.

³⁹ Там же. Л. 47 об.– 48.

⁴⁰ И.М. Симолин – Н.И. Панину, 9 (20) декабря 1764 г. – Там же. Л. 57.

⁴¹ Н.И. Панин – И.М. Симолину, 30 января 1765 г. (нем. яз.). – Там же. Ф. 75: Регенсбургская миссия. Оп. 75/1. № 16. Л. 6–6 об.

(около 850 дукатов). «Я заключил бы весьма невыгодную для Ее Императорского Величества сделку, – писал Симолин, – и заслуживал бы порицания, если бы не принял все возможные меры предосторожности в отношении этого человека, которому к тому же не удалось скрыть давно вынашиваемые намерения надуть меня и обвести вокруг пальца». Российский дипломат вновь запросил граверов Ридингера и Хайда, проводивших экспертизу коллекции, действительно ли ее стоимость составляет 3400 дукатов, или 17 тыс. баварских флоринов. Оба ответили, что собственнику следовало бы радоваться получению такой суммы. Гроф же неожиданно стал утверждать, что его коллекция стоит 80 тыс. и даже 100 тыс. флоринов. Симолин резонно предположил, что, если скульптор не получит этих денег, ему рано или поздно придется расстаться с коллекцией, поскольку проценты требуют погашения. Поэтому, если императрица все-таки решит приобрести ее, сделать это можно будет через третье лицо за фиксированную цену в 17 тыс. флоринов, не сообщая владельцу об истинном покупателе⁴².

Ответ Панина от 30 апреля (10 мая) 1765 г. был однозначным: если Гроф не согласится продать коллекцию за 3400 дукатов, сделка не состоится. Если же он примет это условие, то Симолину предписывалось соблюсти все необходимые предосторожности и передать ему деньги только после получения и тщательного осмотра коллекции. В приглашении ко двору скульптору было отказано. Панин также упомянул, что два года назад Гроф написал ему письмо, очевидно, желая избежать посредничества российских дипломатов в этом деле, но глава Коллегии иностранных дел не собирался сам ему отвечать и поручил ответ Симолину, который должен был прямо сказать скульптору, что имеет на его счет точные указания⁴³.

Грофу такой ответ не понравился. Он продолжал настаивать, что цену должна установить Екатерина II, в соответствии со своими просвещенными взглядами и величием своей души («*Ses lumières et Sa magnanimité*»), после того как получит коллекцию. Симолин решительно и без обиняков отклонил эту идею, дав понять, что не позволит обманывать императрицу, и настаивая на первоначальных условиях покупки. От имени Панина он поблагодарил скульптора за его желание приехать в Россию, «где в его услугах не нуждаются». Через 10 дней Гроф отправил российскому дипломату обидное по форме и по содержанию письмо. Оно не приложено к депеше Симолина от 13 (24) июня, а дано в пересказе. Скульптор пригрозил российскому министру, что будет использовать его письма против него, когда доберется до подножия трона Екатерины II, а дорогу туда, несмотря на отказ со стороны графа Панина, он

⁴² И.М. Симолин – Н.И. Панину, 28 марта (8 апреля) 1765 г. – Там же. Ф. 83. № 43. Л. 1–2 об. Здесь и далее перевод текстов – автора статьи.

⁴³ Н.И. Панин – И.М. Симолину, 30 апреля 1765 г. – Там же. Ф. 75. Оп. 75/1. № 16. Л. 11–11 об.

найти сможет и заслужит радушный прием не только по праву рождения, но и своими талантами, и своим поведением. Зная, что императрица готова купить его коллекцию, Гроф настоятельно просил Симолина «больше не вмешиваться в это затянувшееся дело и не утруждать его своими несносными письмами, отвечать на которые он будет исключительно из Петербурга». Российский министр был крайне раздосадован и не стал скрывать от Грофа своего неудовольствия, заявив, что давно разгадал его план «сделать меня инструментом обмана моего двора». Таким образом, поручение о покупке коллекции он воспринимал как служебную обязанность, а выпады скульптора в свой адрес как оскорбление императрицы, интересы которой он представлял в Регенсбурге⁴⁴.

В 1769 г. Симолин еще раз попытался приобрести для своего двора коллекцию Грофа, которая уже принадлежала другим лицам. Стоимость коллекции оценивалась тогда в 13 тыс. флоринов, но российский министр рассчитывал приобрести ее за 11 тыс. Он вновь обратился к Н.И. Панину с предложением о покупке, но ответа не получил⁴⁵. В том же году корреспондент Симолина в Риме (его имя не названо, но речь, скорее всего, идет об аббате Пинто Полони, ставшем в 1781 г. российским агентом в Риме) предложил российскому двору принадлежавшие его тестю две оригинальные терракотовые модели «знаменитого» Джан Лоренцо Бернини и одну небольшую мраморную скульптуру Алессандро Альгарди. Панин посоветовал дипломату связаться с уже упоминавшимся И.И. Шуваловым, чтобы тот организовал покупку и отправку скульптур в Петербург⁴⁶. Письмо Панина до Симолина, по-видимому, не дошло, а римский корреспондент отправил эти работы в Регенсбург в качестве дара на случай, если Екатерина II не согласилась бы принять их или сам Симолин захотел бы оставить их у себя. Последний подарком не воспользовался и организовал доставку статуй в Петербург, но в течение нескольких лет так и не смог выяснить у Панина, дошли ли они до императрицы. Вероятно, главе Коллегии иностранных дел в разгар Русско-турецкой войны было не до искусства. Во всяком случае, в марте 1771 г. Симолин просил вице-канцлера Голицына прояснить местонахождение этих работ, но ответ последнего не сохранился⁴⁷.

Несмотря на неудачу с Грофом, Симолин помог наладить контакты с российским двором еще двум мастерам: немецкому граверу и медальеру Николаусу Кёрнляйну (Nikolaus Körnlein) и итальянскому художнику Грегорио Гульельми (Gregorio Guglielmi, 1714–1773), специализировав-

⁴⁴ И.М. Симолин – Н.И. Панину, 13 (24) июня 1765 г. – Там же. Ф. 83. Оп. 83/2. № 43. Л. 14–15 об.

⁴⁵ См. об этом: И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 24 февраля (7 марта) 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 21–21 об.

⁴⁶ Н.И. Панин – И.М. Симолину, 31 марта 1769 г. – АВПРИ. Ф. 75. Оп. 75/1. № 16. Л. 67.

⁴⁷ См. об этом: И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 3 (14) марта 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 25. По сообщению С.О. Андросова, сотрудникам Эрмитажа об этих предметах ничего не известно.

шемуся на плафонной фресковой и «исторической» живописи. С 1766 г. он жил в Аугсбурге, где до наших дней во дворце Шецлер сохранились его замечательные плафонные росписи.

Кёрнляйн, успешно выполнив заказы на изготовление медалей для Н.И. Панина, его брата П.И. Панина, вице-канцлера А.М. Голицына и его полного тезки и двоюродного брата генерал-аншефа А.М. Голицына, в 1765 г. получил от Екатерины II патент придворного гравера⁴⁸. Гульельми в начале 1770 г. предложил российскому двору через Симолина увековечить победу российской армии над Османской империей под Хотинем в ночь с 6 (17) на 7 (18) сентября 1769 г., которой командовал генерал-аншеф А.М. Голицын. Императрица согласилась оценить мастерство соискателя. В мае 1770 г. он сделал набросок будущей картины, выполненный пером, и отправил его в Петербург на высочайшее рассмотрение. Из-за различного рода транспортных сложностей и проволочек рисунок прибыл в Россию только год спустя – практически одновременно с эскизом новой задуманной художником картины, посвященной Чесменской битве, который был закончен к марту 1771 г.⁴⁹

Переговоры о приглашении Гульельми в Россию шли через вице-канцлера Голицына, который 19 (30) апреля 1770 г. обратился к Симолину с просьбой «приобрести, если вдруг представится счастливый случай, по хорошей цене несколько хороших картин, среднего размера на приятный и интересный сюжет. Поскольку уже в течение некоторого времени я создаю небольшую коллекцию, тем меньше мне приходится колебаться, чтобы обратиться к вам, поскольку я знаю вас как знатока в этой области, стремящегося оказать мне услугу»⁵⁰. Очевидно, что к этому времени российскому дипломату удалось зарекомендовать себя как человека осведомленного, а главное – способного находить компетентных людей для экспертизы произведений искусства.

Симолин был польщен оказанным ему доверием и сразу взялся за дело. За два года при его участии было приобретено около 40 картин. Это примерно восьмая часть живописного собрания вице-канцлера, насчитывавшего согласно каталогу 311 картин⁵¹. Покупки делались главным образом в Германии (в Аугсбурге, Бонне, Дюссельдорфе, Кёльне, Франкфурте и Инсбруке), во французском Страсбурге, реже в Италии (в Риме и Венеции) – у частных лиц или на аукционах.

К отбору картин Симолин привлек Грегорио Гульельми, ожидавшего ответа из Петербурга, и российского комиссара в Бонне Иоганна

⁴⁸ Текст патента на французском и русском языках см.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 83/2. № 45. Л. 49–49 об., 51–52. Сохранились ли эти медали, еще предстоит выяснить.

⁴⁹ Подробнее см.: *Петрова М.А.* Дипломатия и искусство: итальянский художник Грегорио Гульельми и Россия // Новая и Новейшая история. 2016. № 3. С. 110–123.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 5350. Л. 19 об.–20.

⁵¹ «Description de la collection des tableaux, marbres et bronzes du prince Alexandre Michailowitsch Galitzin». – Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 6а. № 122. Ч. 1. Л. 3–161.

Фациуса (Johann Facius, 1721–1798). Последний, уроженец княжества Ганау, в течение десяти лет был секретарем британских посланников в Регенсбурге и Мюнхене. В 1765 г. Симолин предложил ему перейти на российскую службу и заняться вербовкой иностранных колонистов в германских землях и отправкой их в Россию. Фациус проявил честность и старательность в этом трудном деле, а в 1775 г. был назначен российским комиссаром при дворе Кёльнского курфюрста в Бонне. В конце 1760-х годов сыновья Фациуса, Иоганн Готлиб и Георг Зигмунд, учились во Франкфурте-на-Майне гравировальному искусству у известного художника Георга Мельхиора Крауса (Georg Melchior Kraus, 1737–1806)⁵². Впоследствии кто-то из сыновей Фациуса помогал отцу приобретать произведения искусства для вице-канцлера⁵³.

28 января (8 февраля) 1771 г. Голицын высказал российскому дипломату пожелание приобрести несколько произведений скульптуры – античных или современных, из бронзы или мрамора, небольшого размера (чтобы они могли поместиться в кабинете) и по невысокой цене. К письму был приложен вексель на 100 дукатов «на случай удачных находок, если таковые представятся» («dans le cas d'heureuses rencontres qui pourront se presenter»)⁵⁴.

Получив письмо вице-канцлера в середине марта 1771 г., Симолин первым делом обратился к Гульельми с просьбой задействовать свои связи в Риме, а также начал наводить справки в Бонне, Франкфурте-на-Майне и Мюнхене. В ожидании ответов дипломат предложил Голицыну подумать над покупкой коллекции, ранее принадлежавшей Гильельмусу Грофу. Она по-прежнему находилась под залогом, и ее можно было выкупить, заплатив залог и проценты. Российский министр отмечал, что редко можно встретить столь большую и хорошо подобранную коллекцию, цена которой опустилась уже до 10 тыс. флоринов (или 2 тыс. дукатов). Понимая, что вице-канцлер, вероятно, не готов выложить за скульптуру такую большую сумму, Симолин обещал выяснить, не согласится ли новый (неизвестный нам) владелец продать отдельные предметы коллекции, что, правда, представлялось ему маловероятным. Существо-

⁵² См. короткую автобиографию Иоганна Готлиба Фациуса, отправленную им из Лондона отцу в Брюссель 15 октября 1790 г.: Archives générales du Royaume. F. 150/884. Administration centrale et supérieure de la Belgique / Lettres interceptées ou restées en poste (1790–1795). Благодарю Р.В. Моторнова и П.Г. Сербина за предоставленную информацию. О сыновьях Фациуса см.: Baird (Yatsenko) O. British engravers – brothers Johann Gottlieb (1748–1814) and George Sigmund (1750–1819) Facius and their brother Septimus: new materials // URL: https://www.academia.edu/35944721/British_engravers_brothers_Johann_Gottlieb_1748-1814_and_George_Sigmund_1750-1819_Facius_and_their_brother_Septimus_new_materials (дата обращения 10 апреля 2018 г.).

⁵³ См., например, упоминания о неназванном сыне в письмах Иоганна Фациуса А.М. Голицыну от 9 (20) августа и 20 сентября (1 октября) 1774 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 1–2 об.

⁵⁴ Письмо не сохранилось, упоминание о нем см.: И.М. Симолин – А.М. Голицыну от 24 февраля (7 марта) 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 21.

вали и другие варианты: Голицын мог бы купить скульптуры в складчину с другими любителями искусства в Петербурге, например с графом Строгановым; Симолин также предлагал договориться с евреем-перекупщиком, чтобы тот приобрел всю коллекцию и постепенно распродал оставшиеся, не понравившиеся русскому заказчику предметы⁵⁵.

Вице-канцлер в целом одобрил этот образ действий, подтвердив, что скромность средств не позволяет ему приобрести коллекцию целиком. Он готов был купить 4 из 12 бюстов императоров – «наиболее просвещенных и добродетельных», уточнив, что если владелец и держатель залога не захотят их разделять, то в качестве замены он предпочел бы статуи римских богов (двух Венер, Антиноя и Фавна) или бюсты четырех философов по цене, пропорциональной как общей стоимости коллекции, так и ценности, которую выбранные предметы имеют по сравнению с остальными. Голицын отверг предложение о покупке собрания несколькими любителями искусства из России, поскольку это неизбежно вызвало бы споры художественного и финансового порядка. Наконец, он уточнил, что рассматривает скульптуру лишь как дополнение к своему собранию картин и готов потратить на ее приобретение не более 200 дукатов (около 500 рублей)⁵⁶.

Пока происходил этот обмен мнениями, Симолин получил ответ Гульельми. Тот обещал написать двум своим знакомым, отличающимся честностью и разбирающимся в скульптуре, но одновременно обозначил трудности, с которыми ему приходится сталкиваться в подобных делах. Если появляется подходящий объект, нужно покупать его сразу по самой низкой цене, чтобы не упустить случай; но он не решается приказывать своим друзьям совершить покупку, не зная, что это за произведение и какова его цена, ибо то, что одному кажется дорогим, другие считают дешевым. Посоветовав Гульельми требовать предоставления предварительной информации о предметах искусства, предназначенных для Голицына, даже если это может привести к задержке с покупкой, Симолин предложил художнику выделить ему сто дукатов (еще до получения векселя от вице-канцлера) для перевода друзьям в Рим, чтобы они могли сразу воспользоваться ими, если встретят что-то заслуживающее внимания⁵⁷. Голицын одобрил этот образ действий⁵⁸.

Гульельми дал неким своим друзьям в Риме и Болонье следующие инструкции: при обнаружении подходящих предметов искусства (картин или скульптуры) они должны отправить ему подробнейшее описание, а чтобы владельцы были уверены в серьезности намерений приобрете-

⁵⁵ И.М. Симолин – А.М. Голицыну от 24 февраля (7 марта) 1771 г. – Там же. Л. 21–22.

⁵⁶ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 22 марта 1771 г. (письма вице-канцлера датированы старым стилем). – Там же. № 5351. Л. 8 об.

⁵⁷ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 28 февраля (11 марта) 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 24–24 об.

⁵⁸ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 25 марта 1771 г. – Там же. № 5351. Л. 21 об.

теля, выплатить им четверть от заявленной стоимости с условием, что оставшая сумма будет внесена после необходимых согласований. Если же предложенные произведения не понравятся («ne fussent pas goûtées») приобретателю (или его агентам) или вызовут у него сомнения, авансированная сумма будет возвращена владельцами предмета без всяких затруднений. Небольшие по стоимости покупки Гульельми мог совершать лишь по предварительному согласованию с Симолиным. При необходимости более серьезных трат российский дипломат должен был отправлять описания предметов и соображения художника Голицыну, чтобы тот сам принимал решение. Гульельми написал своим друзьям, что они могут распоряжаться деньгами в пределах 20–24 дукатов. Все расчеты предполагалось осуществлять через его доверенное лицо в Риме по фамилии Ваннутелли. По получении всех этих разъяснений Симолин сразу отправил присланные вице-канцлером сто дукатов художнику в Аугсбург, взамен попросив от него подписанный вексель, который собирался вернуть, как только эти деньги будут потрачены.

Сообщив Голицыну все вышеуказанные подробности, российский министр предложил ему и маршрут транспортировки предметов из Италии. Везти их посуху до Любека, откуда обычно отправлялись в Петербург покупки, было бы слишком дорого. Наилучшим вариантом, по его мнению, был морской путь через Чивитавеккья или Ливорно в Амстердам, Лондон, Гамбург или датский Хельсингёр в проливе Зунд, где интересы Екатерины II представляли соответственно агент Иван Ольдекоп, посланник граф Алексей Семенович Мусин-Пушкин, резидент Федор Иванович Гросс и консул Давид Гофман⁵⁹.

В апреле 1771 г. прояснилась ситуация с коллекцией Графа. По сведениям, полученным Симолиным, ни собственник, ни держатель залога не согласятся распродать коллекцию по частям. Гульельми удалось переговорить со знакомым купцом в Аугсбурге, и тот однозначно дал понять, что еврей-антиквар, на которого рассчитывал российский дипломат, не пойдет на это предприятие, если не будет заранее уверен в финансовой выгоде. Она же была довольно сомнительна, поскольку в Аугсбурге, «где мало любителей и знатоков», ему вряд ли удастся распродать остатки коллекции. В итоге было решено отказаться от этой идеи и ограничиться поисками в Риме⁶⁰.

Гульельми понимал поставленную перед ним задачу – покупать скульптуру не для создания кабинета антиков, а для украшения кабинета картин. Примечательно, что художник, собиравшийся в скором времени приехать в Петербург, надеялся создать для вице-канцлера статуи уникальной красоты: ведь найдутся же в России мастера пушечного литья («fondeurs de canons»), которые будут способны по образцам Гульель-

⁵⁹ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 3 (14) марта 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 25–25 об.

⁶⁰ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 18 (29) апреля 1771 г. и 21 апреля (2 мая) 1771 г. – Там же. № 3209. Л. 45–45 об., 47.

ми отлить статуи, не уступающие античным, но выполненные с натуры. И тогда все увидят, на что способен исторический живописец, делающий новые, оригинальные произведения, в сравнении с теми, кто делает копии копий⁶¹. Пока же одному из римских друзей Гульельми удалось найти бронзовую статую Меркурия высотой три пальма (в разных системах мер 1 пальм может быть равен 24 или 25 см). Правда, вскоре выяснилось, что ее подножие было повреждено, и покупка не состоялась⁶².

Параллельно поиск произведений искусства в Германии вел уже упоминавшийся российский комиссар в Бонне Иоганн Фациус. В марте 1771 г., занимаясь покупкой картин для вице-канцлера, он узнал, что на 6 мая во Франкфурте намечена распродажа художественной коллекции архитектора, собирателя и мецената Иоганна Фридриха Германа фон Уффенбаха (Johann Friedrich Hermann von Uffenbach, 1687–1769), обер-бургомистра этого города в 1762–1763 гг. В 1736 г. Уффенбах стал одним из основателей Университета Георга Августа в Гёттингене, которому он в том же году подарил свою коллекцию рисунков (около 1000 листов) и гравюр (около 10 тыс. листов), а также собрание астрономических, математических и других научных инструментов⁶³. Фациус обратился к знакомому художнику с просьбой осмотреть картины, выставляемые на торги, и отметить те из них, которые он считает оригиналами. Именно в изданном каталоге значились громкие: Рубенс, Дюрер, Ван Дейк и многие другие⁶⁴. Полученный список вместе с каталогом Симолин отправил Гульельми⁶⁵. Тот выбрал 67 картин. Отдельно Фациус должен был прислать список скульптур из бронзы.

Российский дипломат сожалел, что ему приходится действовать, не дожидаясь резолюций Голицына: до публичных торгов оставалось около шести недель, и нужно было решаться. Признавшись, что не доверяет незнакомым людям выполнение столь ответственных поручений, он попросил Фациуса, которому первоначально была поручена транспортировка предметов искусства через российскую миссию в Амстердаме, самому поехать на аукцион⁶⁶. Подобными опасениями делился

⁶¹ Экстракт из письма Гульельми Симолину, 30 апреля 1771 г. – Там же. Л. 47–47 об.

⁶² И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 18 (29) апреля 1771 г. и 16 (27) мая 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 45 об., 56 об.

⁶³ См. о нем: Zeichnungen von Meisterhand: Die Sammlung Uffenbach aus der Kunstsammlung der Universität Göttingen / Hg. von G. Unverfehrt. Göttingen, 2000.

⁶⁴ См. аукционный каталог: Catalogus von Original-Handzeichnungen, Gemälden und Statuen, nebst einigen Naturalien, wie auch optischen und technischen Maschinen, welche der wohlseel. Herr Johann Friedrich von Uffenbach hinterlassen, und durch öffentlichen Verkauf an den Meißtbietenden in desselbigen Behausung auf der Zeit Lit.D.Nro. 26 den 6ten May 1771 und folgende Tage gegen gleich baare Bezahlung überlassen werden wollen. Franckfurth am Mayn, [1771].

⁶⁵ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 7 (18) марта 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 27–28.

⁶⁶ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 14 (25) марта и 24 марта (4 апреля) 1771 г. – Там же. Л. 29, 32 об.

и Гульельми, предлагая на рассмотрение Симолина очередной список картин, присланный из Италии:

Когда я думаю, что мне надо решиться отдать распоряжение о покупке [кому-то из друзей или знакомых], я дрожу, как в лихорадке, и без указаний Его Светлости [вице-канцлера] не могу предпринять никаких действий <...> Вы не можете себе представить, какой страх и какое мучение я испытываю, когда мне приходится по необходимости отвечать за расходование чужих денег, особенно если они принадлежат человеку, которому я столь усердно хочу выказать мою преданность и признательность <...> не говоря уже о том, что приходится полагаться на суждение людей, едва знакомых⁶⁷.

Фациус принял участие в аукционе, на котором из коллекции Уффенбаха купил (помимо шести картин) шесть бронзовых скульптур малой формы общей стоимостью 103 флорина и 21 крейцер (или 20 дукатов). Никаких подробностей их отбора в переписке Симолина с Голицыным нет, в нашем распоряжении только перечни предметов: два на французском и один на немецком языке. Информация в них несколько различается. В первом, более подробном французском списке от 5 (16) мая 1771 г., содержатся развернутые описания и размеры предметов, сделанные одним почерком, другим – их характеристики (дадим их в скобках): 1) обнаженная женщина, держащая в одной руке книгу, в другой – компас, высотой 4,5 дюйма⁶⁸ («современная»); 2) купидон на пьедестале из обработанной на токарном станке латуни сделан рукой мастера, высотой 7 дюймов («кажется, антик»); 3) лежащий обнаженный мужчина в полный рост прекрасной работы на деревянном позолоченном пьедестале, также высотой 7 дюймов («подлинный антик, по мнению многих знатоков, которые считают его сокровищем»); 4) крепкий обнаженный старик высотой 13 дюймов («довольно хороша»); 5) атлет, держащий в руках меч и отрубленную голову, высотой 12 дюймов; 6) Самсон, раздирающий пасть льва, высотой 20 дюймов («5 и 6 прекрасны и, кажется, являются антиками»)⁶⁹.

Во втором списке на французском языке представлены очень краткие описания предметов, причем все они названы антиками. Трудно сказать,

⁶⁷ Слова Гульельми цит. по письму Симолина к Голицыну от 25 апреля (6 мая) 1771 г. – Там же. Л. 36.

⁶⁸ О каких дюймах (pouces) идет речь в этом случае, неизвестно. В переписке Голицына и Симолина и других источниках, относящихся к коллекции, иногда встречаются упоминания о так называемых королевских дюймах и футах (pouces de roi, pieds de roi), что составляет 2,7 см и 32,5 см соответственно.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 49–49 об. Копия списка сохранилась и в деле 6120 того же фонда (л. 18); анализируя его, С.С. Морозова ошибочно называет владельца коллекции советника Уффенбаха (conseiller Uffenbach) «консулом Альтенбахом» (Морозова С.С. Скульптурное собрание вице-канцлера князя А.М. Голицына... С. 163–164; Фациус и Гульельми упомянуты здесь как некие покупатели скульптуры для вице-канцлера, – без указания имен и рода занятий).

является ли немецкий список переводом с французского или наоборот; время его создания уточнить не удалось. О первой статуе в нем сказано, что она «держит в руках книгу и циркуль», а не компас; о второй и третьей – что они «выполнены мастерски» («sehr meisterlich gefertigt»)⁷⁰.

Тогда же, в мае 1771 г. Гульельми узнал о существовании небольшой коллекции скульптур из мрамора, которую некий аббат Сарди, проживавший в Риме, привез и оставил на хранение в Аугсбурге. В состав коллекции входили античные головы философа и богини Цереры из черного мрамора, голова ангела из белого мрамора (последняя – работы Бернини; все в натуральную величину); небольшой барельеф из белого мрамора, изображающий Галатею; два путти (или два гения) предположительно работы Пьетро Браччи (1700–1773), скульптора барочной традиции; четыре пирамиды из яшмы на основании из белого и черного мрамора высотой 50 см и два столика из зеленого мрамора с окантовкой из желтого мрамора и вулканического туфа⁷¹ (впоследствии выяснилось, что столики выполнены из искусственного камня⁷²). В описании, присланном Симолину в Регенсбург, указаны цены, установленные владельцем, а рядом с ними – рукой Гульельми – цены, вполтину ниже. Художник рассчитывал договориться с комиссионером, представлявшим интересы Сарди в Аугсбурге, и купить все предметы за 32–33 дуката, но тот не был уполномочен самостоятельно решать этот вопрос и написал в Рим.

Уговорить аббата Сарди снизить цены не удалось, но, по мнению Гульельми, они и так были невелики. Так, Голицын стал обладателем четырех лучших вещей коллекции («la crême de la collection») общей стоимостью 25 дукатов (125 флоринов): двух гениев (путти) из белого мрамора, головы философа (так она названа в расписке, а Симолин называет ее головой Вакха) и головы богини Цереры из черного мрамора⁷³. Художник был так доволен своим приобретением, что сразу же зарисовал скульптуры. По его признанию, двух гениев он набросал на скорую руку, чтобы точно передать позы, а вот античные головы постарался изобразить со всей точностью, хотя более 25 лет не рисовал со скульптурных оригиналов, занимаясь монументальной живописью. Гульельми выражал надежду, что скульптуры будут оценены по достоинству Э.М. Фальконе, работавшим в то время в Петербурге над конной статуей Петра Великого⁷⁴. Рисунки в архивном деле не сохранились, но Голицын оценил их высоко и был очень признателен художнику за хлопоты⁷⁵. В августе статуи в упакованном виде прибыли из Аугсбурга

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 61, 80.

⁷¹ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 2 (13) мая 1771 г. – Там же. Л. 65 об.– 66. Описание коллекции на французском и итальянском языке см.: Там же. Л. 48, 67.

⁷² И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 25 июля (5 августа) 1771 г. – Там же. Л. 101–101 об.

⁷³ Там же. Л. 101. Расписку о получении денег на имя Франко Кароне (Franco Carone), уполномоченного аббата Сарди, от 29 июля 1771 г. см.: Там же. Л. 104.

⁷⁴ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 25 июля (5 августа) 1771 г. – Там же. Л. 102.

⁷⁵ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 19 августа 1771 г. – Там же. № 5351. Л. 52 об.

в Регенсбург, откуда Симолин отправил их в Магдебург, а затем в Любек российскому консулу Шмидту, которому было поручено доставить их морем в Санкт-Петербург⁷⁶. В списках скульптурных произведений, принадлежавших вице-канцлеру, вторая голова из черного мрамора фигурирует как голова Вакха; о «гениях» сказано, что один из них представляет весну, другой – осень⁷⁷.

Находясь во Франкфурте во время распродажи коллекции Уффенбаха, Фациус узнал, что проживавший в этом городе советник и резидент маркграфа Баден-Дурлахского Фридрих Самюэль Шмидт, барон Россана и Хольтхаузена (Friedrich Samuel Schmidt, Herr zu Rossan und Holthausen, 1737–1796) владеет небольшой коллекцией бронзовых скульптур и расположен продать часть из них. Довольно известный ученый, занимавшийся археологией и египтологией, с 1760 г. член Гёттингенской академии наук, он с 1764 по 1769 г. был директором Публичной библиотеки в Карлсруэ и принадлежавшего маркграфу монетного и естественного кабинета⁷⁸. Получив через Фациуса список семи предметов из коллекции Шмидта, Симолин выбрал из них четыре: статуи Марка Аврелия на коне высотой 1 палец и 0,5 дюйма, Фавна – 1 палец без одного дюйма, Меркурия – 4,5 дюйма и Геракла высотой 3 пальца. Египетские скульптуры Осириса и Исиды, античная лампа и человек, играющий на свирели, оказались с дефектами⁷⁹. Сделка на сумму 4 новых луидора (каролина), или 44 флорина, состоялась 14 (25) июня 1771 г.⁸⁰ В июне Фациус отправил скульптуры из Франкфурта по воде в Амстердам, предварительно дав неизвестному художнику зарисовать их⁸¹. Рисунки сохранились в архивном деле⁸².

В нашем распоряжении есть лишь реакция Голицына на рисунки, а не на сами скульптуры (составленное им позднее описание не содержит оценочных характеристик⁸³): «Эти произведения очень любопытны и кажутся антиками, и я приобрел их по очень выгодной цене». Понимая, что все купленные к тому времени (в Аугсбурге и Франкфурте) скульптуры были небольшими по размеру, вице-канцлер выразил желание

⁷⁶ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 4 (11) августа и 15 (26) августа 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 91 об., 105. См. также квитанцию об оплате расходов на транспортировку до Магдебурга от 22 августа и общий список расходов на покупки для вице-канцлера с мая по август 1771 г., включающих упаковку произведений искусства и таможенные пошлины. – Там же. Л. 106, 107.

⁷⁷ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 6 а. № 122. Ч. 1. Л. 85–85 об. (из второй половины дела); № 123. Л. 57; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 18 об.

⁷⁸ *Marti-Weissenbach K. Friedrich Samuel Schmidt // Historisches Lexikon der Schweiz.* URL: <http://www.hls-dhs-dss.ch/textes/d/D26155.php> (дата обращения 10 апреля 2018 г.)

⁷⁹ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 9 (20) июня 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 64 об.

⁸⁰ Собственноручную расписку Шмидта см.: Там же. Л. 76.

⁸¹ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 7 (18) июля 1771 г. – Там же. Л. 83–83 об.

⁸² Там же. Л. 88–89.

⁸³ Там же. № 6120. Л. 18 об.

Марк Аврелий, Меркурий – изображения скульптур из коллекции Ф.С. Шмидта, 1771 г.

иметь у себя более крупные формы, чтобы украсить ими свой кабинет⁸⁴. В сентябре 1771 г. Гульельми и римский корреспондент Коллегии иностранных дел аббат Полони получили от Симолина конкретный заказ – найти полдюжины хороших скульптур из бронзы приемлемого размера («une demie douzaine de beaux bronzes d’une grandeur raisonnable»)⁸⁵. До этого момента поиски в Италии были безуспешны.

Еще в мае 1771 г. Полони обнаружил «прекрасную и богатую коллекцию» маркиза Кавальери, представителя «одной из самых просвещенных римских семей». Владелец был в дружеских отношениях с аббатом и согласился продать отдельные предметы, делая это исключительно ради своих детей, «предпочитающих деньги бронзовым и мраморным статуям»⁸⁶, о чем Полони незамедлительно сообщил Симолину. Описание этих предметов российский дипломат сразу после получения соби-

⁸⁴ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 2 августа 1771 г. – Там же. № 5351. Л. 48–48 об.

⁸⁵ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 29 августа (9 сентября) 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 99.

⁸⁶ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 16 (27) мая 1771 г. – Там же. Л. 56 об.–57.

Фавн, Геракл – изображения скульптур из коллекции Ф.С. Шмидта, 1771 г.

рался передать на утверждение Гульельми, но делать этого не пришлось: сделка не состоялась все по той же причине – владелец не хотел продавать коллекцию по частям. «Знаток», осматривавший ее вместе с аббатом Полони, высоко оценил представленные бронзовые вещи (скульптура из мрамора на него впечатление не произвела). Маркиз уверял, что когда-то несколько предметов из его коллекции хотел купить сам Кавачеппи, но и ему пришлось отказать. Понимая, что Симолин вряд ли даст согласие на покупку коллекции целиком, хотя в этом случае можно было рассчитывать на скидку, Полони выражал сожаление, что эта возможность будет упущена: найти статуи из бронзы столь высокого качества, особенно если это антики, почти невозможно – они хранятся в самых старых римских домах, а современных произведений на рынке почти нет. Единственный выход – создание скульптур под заказ, что стоит в два раза (а то и более) дороже⁸⁷. Потерпев неудачу, Симолин решил объединить

⁸⁷ Отчет Полони о визите в дом маркиза де Кавальери с описанием бронзовых статуй см.: Там же. Л. 39–40.

усилия всех римских агентов, связав своего корреспондента с друзьями Гульельми⁸⁸. Однако плодов это не принесло, хотя Полони, по мнению художника, ловкости и умения было не занимать⁸⁹.

В июне 1771 г. Полони отправил в Регенсбург каталог коллекции бронзы. Имя эксперта, его составившего, как и имя владельца, в нем указано не было. Это дало основание Гульельми, которому Симолин показал каталог, усомниться в ценности коллекции. Кроме того, и этот владелец собирался продать все и сразу или не продавать ничего. Поэтому дипломат принял решение отклонить это предложение. Полони было предписано продолжать поиски и привлекать к экспертизе друга Гульельми архитектора и скульптора Карло Маркьонни (1702–1786), работавшего в папских базиликах в Риме, в том числе в соборе Св. Петра. Тем не менее Симолин отправил каталог Голицыну для сведения, чтобы тот смог ознакомиться с порядком цен⁹⁰.

Получив каталог и эти объяснения, вице-канцлер написал российскому дипломату, что тот совершенно правильно понимает его идеи относительно собрания бронзы:

Предложение купить все сразу, не имея возможности выбрать, незначительность скидки, на которую надеялись, и главным образом намерение не отклоняться от моей цели – живописи – через такого рода «второстепенные приобретения» («*emplettes accessoires*») – все эти обстоятельства заставляют меня полностью отказаться от предлагаемой покупки, и я ожидаю гораздо большего от того, что [удалось купить у] барона Шмидта во Франкфурте благодаря способностям, которые проявил господин Фаукус в доверенных ему комиссиях⁹¹.

В августе 1771 г. Полони прислал в Регенсбург еще один список из 17 мраморных античных скульптур, а также рисунки некоторых из них и свидетельство об осмотре, проведенном известным римским скульптором Пьетро Пачилли (1720–1772), который в рассматриваемый период больше работал как реставратор, копиист и отчасти как антиквар⁹². Гульельми выбрал из списка пять произведений, более или менее одинаковых по размеру. По его мнению, они были подлинными антиками и могли бы украсить любой кабинет – как в Петербурге, так и в Риме. Художник с уважением относился к Пачилли, но предпочитал в следую-

⁸⁸ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 13 (24) июня 1771 г. – Там же. № 3209. Л. 66–66 об.

⁸⁹ Г. Гульельми – И.М. Симолину, 10 августа 1771 г. (франц. яз.). – Там же. № 3210. Л. 92 об. Кстати, именно благодаря Гульельми мы знаем имя римского корреспондента Симолина (художник называет его в этом письме), в то время как российский дипломат фамилию Полони в переписке с вице-канцлером не раскрывает.

⁹⁰ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 9 (20) июня 1771 г. – Там же. Л. 64–64 об.

⁹¹ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 4 июля 1771 г. – Там же. № 5351. Л. 38–38 об.

⁹² И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 4 (15) августа 1771 г. – Там же. № 3210. Л. 91–91 об. О Пачилли см.: URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-pacilli_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 10 апреля 2018 г.)

ший раз воспользоваться услугами своего друга Маркьонни. Стоимость выбранных предметов превышала бюджет, выделенный Голицыным на покупку скульптуры, поэтому Гульельми оставлял на усмотрение Симолина, отправлять ли вице-канцлеру сведения о коллекции или нет:

Мы ничем не рискуем, если подождем его ответа пару месяцев, потому что в Риме всегда можно будет купить антики, за исключением особо ценных, ибо в таком случае нам не только понадобятся бы горы дукатов, но и было бы невозможно вывезти [эти предметы] в другие владения⁹³.

Ознакомившись со списком и соображениями Гульельми, Голицын выбрал только два, но самых лучших, по его мнению, предмета. В это же время (в конце сентября – начале октября) неизвестный друг художника нашел у римских коллекционеров бронзовую статую богини Селены с ребенком на руках высотой 2,5 пальма за 30 цехинов. Ее увеличенный вариант якобы располагался во дворце Медичи. Оценить эти произведения и принять решение о покупке было доверено Гульельми, который в октябре как раз собирался в Рим⁹⁴. Еще в июле он получил долгожданное приглашение Екатерины II приехать в Петербург для создания полотна «Сожжение турецкого флота в Чесменской бухте» размером 12 на 16 футов. Перед началом работы художник очень хотел познакомиться с героем сражения – графом А.Г. Орловым, пребывавшим с русской эскадрой в Ливорно, и для этого ехал в Италию.

К сожалению, о поездке Гульельми в Италию известно лишь то, что 22 февраля 1772 г. он приобрел во Флоренции 6 бронзовых скульптур за 143 флорентийских дуката⁹⁵. Три из них заявлены как античные: Фавн с козленком на плечах высотой ок. 2 французских футов; Фавн, играющий на вакхических инструментах двумя руками и одной ногой, на пьедестале, украшенном алебастром (пьедестал составляет почти половину высоты фигуры, равной 1 футу и 7,5 дюймов⁹⁶); Фавн, пьющий вино из чаши и держащий в руках виноград, такого же размера. Три другие статуи были выполнены по моделям флорентийского скульптора-маньериста Джованни Болоньи (Джамболоньи, 1509–1608): римлянин, похищающий сабинянку, высотой 2 фута и 3 дюйма; кентавр Несс похищает Деяниру, жену Геракла, высотой 1 фут и 4,5 дюйма; Геракл, побеждающий кентавра

⁹³ Г. Гульельми – И.М. Симолину, 10 августа 1771 г. (фр. яз.). – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 92–92 об.

⁹⁴ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 26 сентября (8 октября) 1771 г. – Там же. Л. 134–134 об.

⁹⁵ См. список: Там же. № 6120. Л. 3–3 об.

⁹⁶ «Un Faune qui joue des instruments bacants avec les deux mains & un pied. Ce bronze est veritablement antique & bien conservé avec un piedestal orné d'albatre. Ce piedestal est presque la moitié de la hauteur de la figure. Il est d'un pied 7 ½ pouces de haut & païé 5 D.». – Там же. Л. 3 об.; Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 6а. № 122. Ч. 1. Л. 88 об. (из второй половины дела). В статье Морозовой приведены другие цифры: «высота статуи 33,6 см», «высота пьедестала 48 см». (Морозова С.С. Скульптурное собрание вице-канцлера князя А.М. Голицына... С. 164).

Несса, высотой 1 фут и 3 дюйма. Еще одна скульптура на сюжет «кентавр Несс похищает Деяниру» по модели Джованни Болоньи была приобретена в Берлине по совету Гульельми у некоего господина Трибля (Trible)⁹⁷.

Переписка Гульельми с Симолиным с осени 1771 г. была не столь интенсивна, как прежде, и сохранилась не полностью: в конце октября российский дипломат был вызван в Петербург, где получил от императрицы важнейшее поручение – вести переговоры о мире с Османской империей от имени фельдмаршала П.А. Румянцева. В начале марта 1772 г. Симолин прибыл в Яссы. Заключив перемирие 19 (30) мая 1772 г., он с лестными рекомендациями от Румянцева отправился в Петербург, а оттуда в октябре 1772 г. вернулся в Регенсбург, встретив близ Нарвы направлявшегося в Россию Гульельми; в ноябре он прибыл к новому месту службы в Копенгаген. Таким образом, в течение года дипломат не имел возможности заниматься покупками для вице-канцлера.

Последний возможный заказ, который обсуждали Симолин и Голицын в октябре 1771 г., – найденные Фациусом у одного боннского бюргера статуи богини Беллоны с перевернутым факелом и Марса с ружьем, каждая высотой 2,5 пальма на латунных пьедесталах высотой менее 1 пальма, поддерживаемых тремя сфинксами, общей стоимостью 56 рейхсталеров. Работа напоминала статую атлета из коллекции Шмидта⁹⁸. Вице-канцлер был несколько озадачен этим предложением:

Признаюсь, идея скульптора вложить Марсу в руки ружье в качестве атрибута внушает мне некоторые подозрения относительно его вкуса и побуждает намного ниже ценить эти вещи. Тем не менее, раз уж, по вашим словам, они хорошо сработаны, я был бы рад, если бы господин Фациус купил их по самой выгодной цене, предварительно проверив качество исполнения и удостоверившись, что оно искупает изъян в облачении Марса⁹⁹.

Поскольку эти произведения отсутствуют в каталоге коллекции Голицына, скорее всего, они так и не были приобретены.

Благодаря слаженной работе И.М. Симолина и двух его агентов (Грегорио Гульельми и Иоганна Фациуса) и установившемуся между ними доверию вице-канцлер стал обладателем 17 бронзовых и 4 мраморных скульптур – результат внушительный. Напомним, что в разное время в коллекции Голицына находилось не менее 29 бронзовых предметов и 41 мраморного. Зафиксированные в источниках подробности неосуществленных сделок позволили выявить механизмы поиска и отбора произведений искусства, а также мотивы, по которым агенты отказывались от их приобретения.

Какова была роль Симолина в этом процессе? Как мы видели, он лично не участвовал в поиске произведений искусства, а только находился

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 6120. Л. 7.

⁹⁸ И.М. Симолин – А.М. Голицыну, 10 (21) октября 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. № 3210. Л. 133–133 об.

⁹⁹ А.М. Голицын – И.М. Симолину, 4 ноября 1771 г. – Там же. № 5351. Л. 66–66 об.

в непрерывной переписке со своими агентами, параллельно информируя российский двор о внутригерманских и европейских делах. В отличие от своих коллег – дипломатов из знатных дворянских фамилий, получавших доход с имений в России, Симолин не обладал средствами, необходимыми для создания собственной художественной коллекции. Выявить в его письмах и донесениях личный интерес к искусству непросто. Тем не менее он имел определенный кругозор, чтобы консультировать российский двор в этом довольно сложном вопросе. Установить источник этих знаний нам пока не удалось, поскольку сведений о ранних этапах карьеры Симолина почти не сохранилось. Но главное его достоинство состояло в умении находить нужных людей. Статус дипломата Российской империи был, вероятно, дополнительным источником доверия для вовлеченных в поиск произведений искусства агентов.

Начиная с 1765 г. Симолин хотел покинуть Регенсбург. Специфика места службы не позволяла ему проявить себя в политических переговорах: при рейхстаге заседали представители германских князей и не было двора в привычном понимании. Активно участвуя в пополнении коллекции вице-канцлера, дипломат, очевидно, пытался быть ему максимально полезным, рассчитывая, что в подходящий момент Голицын напомним о нем императрице, и это поможет ему получить новое назначение. Мы не знаем, повлияло ли усердие Симолина на его дальнейшую карьеру и прежде всего – на его назначение в Яссы для ведения переговоров о мире с Османской империей. Однако исключать такую возможность не стоит: результативная посредническая деятельность на ниве искусства вполне могла послужить залогом его дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

M.A. Petrova

Diplomats as Art Agents: I.M. Simolin and The Making of A.M. Golitsyn's Sculpture Collection in the early 1770s

This paper is based on unpublished materials from the Russian State Archives of Ancient Acts (Moscow), Foreign Policy Archives of the Russian Empire (Moscow), and the Archives of the State Hermitage (St. Petersburg). It addresses the role of diplomats as cultural intermediaries and art agents in the age of Enlightenment. The paper focuses on the activity of the Russian minister in Regensburg, Ivan Simolin (1720/21–1799), and his contribution to assembling the sculpture collection of Vice-Chancellor Prince Alexander Golitsyn (1723–1807). The author's work in the archives has allowed her to reconstruct the details of several purchases that were arranged in Augsburg and Frankfurt by Simolin's agents – Italian painter Gregorio Guglielmi and Russian commissioner in Bonn Johann Facius. In addition, the paper pays particular attention to purchases that did not materialize, the circumstances of which reveal the difficulties that diplomats confronted in pursuit of works of art, as well as the range of their contacts.

С.О. АНДРОСОВ

ЗАБЫТАЯ МОДЕЛЬ СОБОРА СВ. ПЕТРА В РИМЕ

Русские путешественники, посещавшие Италию во второй половине XVIII в., увозили на родину вместе с другими произведениями искусства, как напоминание о поездке, также небольшие модели знаменитых памятников древней архитектуры. Некоторые из них специально заказывались императорским двором и отдельными вельможами. Так, в 1769 г. в Санкт-Петербург были доставлены приобретенные И.И. Шуваловым модели¹. Позднее, 7 августа 1774 г., Кабинетом Екатерины II был оплачен вексель некоего Роберта Рутерфорда в Лондоне на сумму в 2062 рубля 67 копеек «за заказанные в Риме некоторые модели»². 28 января 1778 г. британскому торговому дому «Роберт и Джон Хэй» в Петербурге переводилось 3126 рублей 60 копеек для получения «в Риме написанных там картин и купленных моделей»³. Скорее всего, здесь речь шла о различных партиях моделей, созданных в Риме и изображавших памятники древнеримской архитектуры.

В результате целая коллекция моделей из 47 произведений в 1800 г. поступила из Эрмитажа в Академию художеств. Среди них большую часть составляли модели, выполненные из пробкового дерева мастером Антонио Кики (1743–1816). По-видимому, часть произведений с течением времени была утрачена, однако многие дошли до наших дней. Они неоднократно публиковались и экспонировались на различных выставках. Естественным дополнением коллекции явились модели архитекто-

© С.О. Андросов, 2018

¹ Андросов С.О. И.И. Шувалов в Риме: приобретение произведений искусства // Из России в Италию: Творческая интеллигенция и Рим (XVIII–XIX век). Salerno, 2015. С. 298.

² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. № 3889. Л. 135.

³ Там же. № 3893. Л. 135.

ров, работавших в России и составляющих ныне гордость Научно-исследовательского музея Академии художеств. Особенно знаменита модель Смольного собора Франческо Бартоломео Растрелли, ставшая украшением нескольких выставок.

В своих воспоминаниях А.Н. Бенуа, благодаря отцу-архитектору познакомившийся с этой коллекцией в детстве, посвятил ей проникновенные слова:

Это была просторная, но не очень светлая комната. В самой глубине ее и в наиболее освещенной ее части возвышался дивный купол римского San Pietro, а перед ним в некотором беспорядке были расставлены на полу знакомые мне Исаакиевский собор, Михайловский замок, Петербургская биржа, Смольный монастырь и десяток античных руин. Каждая такая миниатюрная постройка была представлена со всеми подробностями – с крышами, трубами, колоннами, подъездами, колокольнями и шпилями. Вот где воочию я видел город Гулливера! Мне разрешалось пройтись среди этих зданий, из которых немногие превышали мой рост и внутрь которых я мог заглядывать через окошечки. Часть этих зданий стояла как бы разрезанная пополам, что позволяло различить и внутреннее убранство, местами весьма роскошное. Но выше всех и прекраснее всех казался мне именно собор св. Петра. Мало того, когда я очутился уже зрелым человеком перед папским собором в натуре, я не ощутил столь же сильного восторга, какой я испытывал ребенком, когда цепенел перед этой «величественной» массой, хотя она и не превышала высоты одной сажени (двух метров) <...> Этот мой восторг был поистине непосредственным и подлинным⁴!

История модели собора св. Петра, хранившейся в музее Академии художеств, о которой писал А.Н. Бенуа, до сих пор не привлекала внимания исследователей, хотя, благодаря своим большим размерам, она должна была занимать исключительное место среди всей коллекции. Собранные нами данные позволяют восполнить этот пробел и рассказать об истории ее приобретения, а также уточнить имя автора.

В Архиве внешней политики Российской империи хранится подборка писем аббата Пинто Полони (Полония) из Рима, корреспондента Коллегии иностранных дел, биографическими сведениями о котором мы не располагаем. Регулярно, обычно раз в две недели он направлял в Коллегию краткий отчет на итальянском языке о самых важных событиях, произошедших за последнее время в Риме. Эти письма сохранились в оригиналах и в переводах на русский язык, сделанных вскоре после получения. Кроме официальной информации, аббат писал о пребывании в Италии русских дипломатов и путешественников. Особое внимание он уделял также хронике событий, связанных с искусством, архитектурой, рассказывал о последних археологических открытиях. Корреспонденция Пинто Полони продолжалась около двадцати лет, с начала 1780-х годов

⁴ Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. С. 214.

до 1800 г. Некоторые фрагменты из писем ученого аббата нам уже приходилось использовать, в частности, при освещении пребывания в Италии графа и графини Северных (великокняжеской четы – Павла Петровича и Марии Федоровны), а также в рассказе о первых работах Антонио Кановы в Риме⁵.

В письме от 11 марта 1786 г. Пинто Полони довольно подробно писал о модели собора св. Петра, исполненной для русского двора. Приводим это описание по переводу, подготовленному в Коллегии иностранных дел:

Господин Карло Луканджели по комиссии Императорского Российского Двора окончивший в большей Зал Фарнезского Дворца модель трех куполов, фасады, площади и колоннады Ватиканского собора, в удовольствие здешней почтенной публики изготавляет для освещения оной модели огни, располагая фонари и факелы так, как обыкновенно в означенном Соборе Иллюминация бывает на канун, и в день празднества помянутых достославных Апостолов. А как он после Пасхи должен сию модель отправлять в Санкт-Петербург то посему и представит он прежде наступления оной в той большой Зале помянутое освещение⁶.

Таким образом, автором модели собора св. Петра, заказанной русским двором, был Карло Луканджели, выставивший ее в палатце Фарнезе. Как следует из письма Пинто Полони, модель, близкая к завершению, должна была быть представлена римской публике, для чего автор готовил специальную иллюминацию, показывающую освещение собора в дни праздников.

Имя Карло Луканджели (Carlo Lucangeli) не удалось найти ни в многотомном *Биографическом словаре итальянцев*, ни в словарях художников. Тем не менее, д-р Анджела Чиприани (Рим) любезно указала нам на издание, в котором присутствует краткая биография Луканджели. Десятитомный словарь *Биографии выдающихся итальянских ученых, писателей и деятелей искусства от XVIII века до наших дней* выходил в Венеции с 1834 по 1845 г. Здесь, в томе седьмом, содержится статья Карло Дальбоно о Луканджели⁷, мастере архитектурных моделей, который родился в Риме 25 сентября 1747 г. и умер там же в 1812 г. Отец предназначал его к торговой деятельности, но он проявлял интерес к архитектуре и проводил время за изготовлением моделей древних храмов.

⁵ Андросов С.О. Канова и русские заказчики в XVIII веке // Антонио Канова: Рисунки и живопись из собраний Городского музея Бассано дель Граппа и Гипсотекки Поссаньо. [Государственный Эрмитаж, 16 октября 2001 – 6 января 2002]: Каталог выставки / под ред. Дж. Паванелло. Милан, 2001. С. 30–32; *Он же*. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII веке. СПб., 2003. С. 202, 203.

⁶ АВПРИ. Ф. 78. Оп. 2. № 69. Л. 61–61 об.

⁷ *Biografia degli Italiani illustri nelle scienze, lettere ed arti del secolo XVIII, e de' contemporanei; comp. da letterati italiani di ogni provincia* / Pub. per cura del prof. E. de Tiplaldo. Venezia, 1840. Vol. 7. P. 424–426.

Автор биографии особенно подчеркивает тот факт, что Луканджели, занимавший сначала должность курьера при Ватикане, являлся самоучкой и работал «без помощи учителей». В биографии упоминается модель собора св. Петра – первая работа Луканджели, обратившая на себя внимание знатоков. Среди них был Иоганн Фридрих Рейфенштейн, названный Дальбоно «*ministro di Caterina II*», который и приобрел модель за 1000 золотых цехинов, после чего она была отправлена в Петербург. Другим монументальным произведением мастера стала модель Колизея, исполненная в двух вариантах – в современном состоянии и реконструкция первоначального вида. Одна из таких моделей, согласно автору биографии, была приобретена Наполеоном за 800 франков. Среди других произведений Луканджели называются модели фонтана Треви (принадлежала тогда архитектору Пьетро Бианки), акведуков, римских арок. Как свидетельствует Дальбоно, в процессе работы Луканджели занимался научной реконструкцией объектов и даже проводил археологические раскопки Колизея. Мастер работал также в римских театрах как автор декораций. Ему даже довелось летать на воздушном шаре. По этому случаю в статье рассказывается забавная история о том, как шар приземлился на территории монастыря, запутавшись в ветвях дерева, а спустившегося с этого дерева Луканджели по ошибке приняли за вора⁸.

Дополнительную информацию о приобретении модели собора св. Петра удастся проследить по документам фонда Ричарда Сутерланда, хранящимся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Сутерланд (Richard Sutherland, 1739–1791), сын кораблестроителя из Шотландии, работавшего с 1736 г. в России, с ранних лет занялся коммерческой деятельностью и организовал свой банк. В 1785 г. он стал придворным банкиром. Через него проходили денежные переводы для русских посольств и консульств за рубежом, а также для русских путешественников в Европе. Он оплачивал также расходы Кабинета Екатерины II и на первых порах успешно с этими делами справлялся. Указом императрицы от 26 ноября 1788 г. Сутерланд получил титул барона Российской империи.

Однако позднее положение банка пошатнулось, главным образом из-за невозможности вернуть кредиты, выданные русской знати (в число должников входили А.А. Безбородко, И.А. Остерман, вел. кн. Павел Петрович, с большим опозданием выплачивались деньги и из Кабинета). Самый большой долг, превосходивший 700 000 рублей, числился за Г.А. Потемкиным, а надежды взыскать его окончательно развеялись со смертью князя. Сутерланд скончался практически в тот же самый день, что и Потемкин, оставив свои дела в тяжелейшем состоянии. Комиссионная проверка дел банка, в которой участвовал и Г.Р. Державин, позднее нашла громадный дефицит, за которым последовало банкротство компании.

⁸ Ibid. P. 425–426.

Тем не менее сохранившиеся документы свидетельствуют об исключительной аккуратности Сутерланда в ведении дел. На каждый год приходится до десяти томов входящих писем на разных языках, тщательно систематизированных в алфавитном и хронологическом порядке. В других книгах собрана исходящая корреспонденция банка.

Очевидно, получив звание придворного банкира, Сутерланд стал заниматься также приобретением произведений искусства. Его агентом в Риме был маркиз Джузеппе Чойя, владелец или совладелец небольшого банка. С помощью маркиза Сутерланду удалось приобрести в Риме ряд произведений скульптуры, в основном античной⁹. Переписка придворного банкира с его римским агентом, а также несколько писем Карло Луканджели к Сутерланду позволяют дополнить историю приобретения модели собора св. Петра.

Первый раз модель упоминается в письме Сутерланда к некоему «Charles Serviteur» (возможно, псевдоним Луканджели) от 21 января 1785 г., где он извещал своего корреспондента, что Екатерина II одобрила предложение, связанное с изготовлением модели, и советнику Рейфенштейну направлены соответствующие инструкции. Банкир также писал о привлечении к проекту маркиза Чойи¹⁰. Аналогичное письмо тогда же было направлено самому Чойе¹¹, а 14 февраля через него же Рейфенштейну были переведены 500 цехинов, очевидно, как аванс в счет начатых работ¹². В тот же день Сутерланд в письме к Чойе повторил, что «двор согласился [заказать] модель церкви св. Петра»¹³, а неделю спустя сообщил ему дополнительно, что модель оценена в 1000 цехинов¹⁴. Ответ Луканджели («Charles Serviteur») датирован 16 марта. Он благодарил за письмо от 21 января, подтверждавшее получение заказа, и выражал свою готовность работать над моделью и завершить ее так быстро, как это возможно¹⁵. В письме от 4 июля 1785 г. Сутерланд, обращаясь уже прямо к «Шарлю Луканджели», выражал удовольствие от того, что тот прилагает все усилия для успешной работы¹⁶. В ответ Луканджели прислал длинное письмо, датированное 14 сентября, где сообщал об успешной работе над моделью, которую осуществлял вместе «с художниками». Однако главный смысл его письма состоял в недовольстве действиями Чойи, который не выплатил причитавшихся ему денег. Поэтому он предлагал Сутерланду вести расчеты через других банкиров в Риме, называя имена Джироламо Беллони, Ма-

⁹ Андросов С.О. Неизвестный эпизод приобретения скульптуры в Риме // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2015. Вып. LXXIII. С. 150–159.

¹⁰ РГИА. Ф. 602. № 158. Л. 198.

¹¹ Там же. Л. 196.

¹² Там же. Л. 243.

¹³ Там же. Л. 240 (здесь и далее перевод наш. – С.А.).

¹⁴ Там же. Л. 196.

¹⁵ Там же. № 81. Л. 93.

¹⁶ Там же. № 158. Л. 419.

рино Торлониа, братьев Валдамбрини или Филиппо Стампа и компаньонов. В подтверждение успешно продвигающейся работы Луканджели ссылался на мнение князя Н.Б. Юсупова, действительно находившегося в Риме в первой половине 1785 г., но к сентябрю, по-видимому, уже уехавшего в Турин¹⁷. Недоверие Луканджели к маркизу Чойе и его банку имело под собой достаточно серьезные основания, что видно из дальнейших писем Сутерланда. В августе 1786 г. банк обанкротился, и в результате Чойя остался должником Сутерланда.

После этого сюжета упоминаний о модели собора св. Петра в переписке, относящейся к 1785 г., не встречается: вероятно, Луканджели нужно было время на ее создание. Между тем работа успешно продвигалась и оплачивалась Сутерландом, о чем свидетельствует адресованное ему письмо Рейфенштейна от 25 марта 1786 г., где тот подтверждал получение 500 дукатов, предназначенных на оплату модели и врученных им под расписку маркизу Чойе¹⁸.

О завершении работы Чойя сообщил Сутерланду 22 апреля 1786 г.: «Сказанный Луканджолли (так!) опробовал иллюминацию упомянутой модели в присутствии здешней избранной знати и большого числа иностранных господ, и она замечательно удалась»¹⁹; эти сведения практически тождественны тем, что ранее предоставил в Коллегию иностранных дел аббат Пинто Полони. Через неделю Чойя подтвердил полное завершение работ по модели, за которую предполагалось доплатить еще 650 (скуди?), и сообщал: «Упомянутая модель почти полностью упакована и помещена в ящики под присмотром господина де Рейфенштейна, и я надеюсь, что смогу отправить ее на будущей неделе г-ну Жану Камбиазо де Доминику в Ливорно <...>»²⁰. В письме от 3 июня подтверждалось, что Камбиазо, занимавшийся отправкой грузов в Ливорно, прислал оттуда коносамент на 17 больших ящиков с моделью Луканджели, погруженных на корабль «Le Formidable», которым командовал шведский капитан Петер Сведман («capitaine Pierre Svedman Suedois») ²¹. Эти сведения Чойя еще раз подтвердил в письме к Сутерланду от 1 июля²². И действительно, документы фонда Сутерланда фиксируют выплаты Луканджели в январе 1786 г., а также расходы на перевозку 17 ящиков из палатцо Фарнезе к римскому порту Рипа Гранде, их страховку и отправку в Ливорно²³.

¹⁷ Там же. № 81. Л. 94, 94 об.

¹⁸ Там же. № 93. Л. 175.

¹⁹ Там же. № 89. Л. 88.

²⁰ Там же. Л. 89.

²¹ Там же. Л. 98.

²² Там же. Л. 101.

²³ Там же. № 268. Л. 3, 6–6 об.

Дополнительную информацию об истории создания модели собора св. Петра дают три письма (на французском языке) Луканджели к Сутерланду, относящиеся к 1786 г.

22 апреля римский архитектор сообщал о завершении работы:

<...> К настоящему времени вам, вероятно, уже сообщили, что я закончил работу над моделью внешнего фасада [собора] св. Петра в Ватикане и что вечером 18-го текущего месяца мною была произведена во дворце Фарнезе генеральная проба большой иллюминации с демонстрацией замены маленьких фонариков на большие, происходившей с исключительной быстротой. Все это было почтено присутствием всей римской знати и большого числа высокопоставленных иностранных вельмож, находящихся здесь по случаю Пасхи. К моему смущению, это зрелище вызвало столь всеобщее одобрение вышеупомянутых господ, что все обратились к советнику де Рейфенштейну, чтобы он поручил мне снова показать названную иллюминацию завтрашним вечером <...>²⁴.

Информация об успешной демонстрации модели в палаццо Фарнезе подтверждается сведениями, которые ранее пересылали в Россию и Пинто Полони, и Чойя.

Письмо Луканджели от 7 мая 1786 г., более практическое по характеру, содержало общее описание модели:

Законченная мной работа состоит в точности из двадцати пяти частей, составляющих эту большую церковь в ее внешнем виде, вместе с колоннами и статуями, при этом ее фасад и пропорции я усовершенствовал. Знатные римляне, иностранные господа и публика любовались и рассматривали ее на протяжении многих дней, и все ею восторгались.

Луканджели также заверял Сутерланда, что Екатерина II получит большое удовольствие от созерцания модели, которая при этом обошлась ей не слишком дорого:

<...> когда перед ее глазами предстанет моя работа, она останется ею весьма довольна и обрадуется, что приобрела ее по столь скромной цене, тогда как многие знаменитые художники в Риме оценивали ее в три тысячи цехинов²⁵.

Наконец, в третьем письме, от 2 августа, когда модель уже находилась в пути к Петербургу, Луканджели озабочен предстоящим монтажом: «<...> план и описание названного произведения я положил в ящик под номером 17». Пишет он и о «маленьком ящике с фонариками», которые должны быть расположены в определенном порядке для установки иллюминации. Вероятно, Луканджели надеялся на продолжение сотрудничества с русскими заказчиками, поскольку здесь же упоминает о задуманной им модели фонтана Треви:

²⁴ Там же. № 91. Л. 57.

²⁵ Там же. Л. 58–58 об.

<...> я занимаюсь сейчас другой моделью, а именно – большим фонтаном, называемым Треви, знаменитым своею величиною, архитектурою и множеством струящихся с разных сторон водяных потоков. Предполагается, что упомянутая модель будет в 16 раз меньше оригинала, причем специальное устройство будет подавать в нее одну и ту же воду, которую не потребуются менять <...>²⁶.

Как кажется, этот проект не получил одобрения в Петербурге, однако модель фонтана Треви числилась среди произведений Луканджели в его биографии, упомянутой ранее.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, что модель собора св. Петра была начата Карло Луканджели в Риме, вероятно, в феврале 1785 г. и завершена к апрелю следующего года. Кроме точной передачи архитектурного облика здания, автор прилагал к его модели набор светильников для иллюминации собора, как это делалось в праздничные дни. Весьма вероятно, инициатива заказа исходила от того же Рейфенштейна, а оплатой и организацией транспортировки модели занимались Сутерланд и Чойя. К оплате модели собора св. Петра относится документ от 14 декабря 1786 г.: «Банкиру Сутерланду, за выписанную им из Рима модель церкви святого Петра шесть тысяч девятьсот один рубль <...>»²⁷. Скорее всего к этому времени модель уже была доставлена в Петербург и, возможно, уже продемонстрирована царице, однако нам не удалось найти свидетельств о том, какое впечатление произвела она на Екатерину II.

К сожалению, модели собора св. Петра больше не существует. Свой рассказ о коллекции Академии художеств А.Н. Бенуа заключает так:

Впоследствии все эти модели были (благодаря моим же стараниям и после многих лет небрежного отношения) расставлены в залах нижнего этажа Академии художеств, но, увы, модели св. Петра среди них не было: она погибла за несколько лет до того в пожаре 1900 г. Она была слишком велика, чтобы пожарные могли вынести ее через единственную дверь²⁸.

Оставалось неясным, как могла выглядеть модель собора св. Петра и каковы были ее размеры. Учитывая, что в письме Луканджели от 7 мая 1786 г. речь шла о колоннах и статуях, а также то, что для упаковки произведения потребовалось 17 ящиков, казалось возможным, что в состав модели входил также весь комплекс площади св. Петра с колоннадой Бернини. Однако для такой гипотезы все же нет достаточных оснований. Существует старая фотография, сделанная И. Гоффертом и датированная 1875 г., которая фиксирует небольшую выставку в стенах Академии художеств, посвященную 400-летию со дня рожде-

²⁶ Там же. Л. 59, 59 об.

²⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 1. № 3901. Л. 386 об.

²⁸ Бенуа А. Указ. соч. С. 214, 215.

Модель собора св. Петра (слева) на выставке в Академии художеств.
Фотография И.К. Гофферта, 1875 г.

ния Микеланджело. На ней можно видеть модель работы Луканджели²⁹. Судя по всему, здесь был повторен только сам собор. Фотография также дает более точное представление о размерах модели, высота которой, согласно А.Н. Бенуа, была около двух метров. На самом деле из фотографии следует, что она примерно равна высоте слепка со статуи сидящего *Моисея* Микеланджело, который виден на той же фотографии справа. Размеры *Моисея* известны (235 см в высоту), к тому же статуя была установлена на пьедестале. Следовательно, модель Сан Пьетро могла достигать трехметровой величины. Таким образом, она резко отличалась по размерам от упоминавшихся ранее небольших моделей Антонио Кики; нетрудно представить себе и сильное впечатление, произведенное ею на маленького Бенуа. Остается сожалеть, что столь незаурядное произведение, к тому же теперь хорошо документированное, было утрачено.

²⁹ За указание на эту фотографию автор приносит благодарность Е.М. Андреевой.

S.O. Androsov

A forgotten Model of St. Peter's Basilica

This paper is devoted to the history of a rather large (ca. 3 meters high) wooden model of St. Peter's Basilica of the Vatican that was conserved during 19th century in the Museum of Academy of Art (St. Petersburg). According to correspondence now held at the State Historical Russian Archive, this model was executed in 1785–1786 by Carlo Lucangeli (1747–1812) for the price of 1000 zecchini. It was finished for the April 1786 and successfully displayed in the palazzo Farnese with some special light. Unfortunately, this unusual work is known to us today only from an old photo, since Lucangeli's model perished in a fire at the Academy in 1900.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ, РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ЛЕВЕК

ПЬЕР-ШАРЛЬ ЛЕВЕК. ИСТОРИЯ НАРОДОВ, ПОДВЛАСТНЫХ РОССИИ / ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД С ФР. Л.Ф. САХИБГАРЕЕВОЙ ПОД РЕД. И.В. КУЧУМОВА. СПБ.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016.— 478 с.

Переводчики французской литературы XVII, XVIII и даже первой половины XIX в. всегда упираются в одну и ту же проблему: из какого периода развития русского литературного языка брать лексику и синтаксис для перевода этих старинных текстов? Поскольку французский и русский языки развивались совершенно неравномерно, то понятно, что, например, русский язык XVII в. ни в коем случае не может быть применен для перевода Расина или г-жи де Севинье, а вот язык пушкинской эпохи подходит для этого очень неплохо. Впрочем, никаких общеобязательных законов тут нет, и каждый переводчик выбирает себе образцы по своему вкусу и разумению. Создатели рецензируемого «экспериментального перевода» Л.Ф. Сахибгареева и И.В. Кучумов это понимают очень хорошо. Они исходят из тезиса, сформулированного в давней (1981) статье Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого и Б.А. Успенского «Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века»: издания произведений XVIII в. «требуют в каждом конкретном случае поисков оптимальных именно для данного текста решений» (с. 53). В рецензируемом издании все именно так и обстоит: найдено оригинальное, подходящее для перевода именно этого текста решение, и такой выбор нельзя не приветствовать, как нельзя не приветствовать то обстоятельство, что создатели книги обстоятельно объясняют это свое решение, подробно мотивируют свои действия.

Книге предпослано обширное предисловие, носящее название «Воображаемое путешествие к народам России» (у него три автора: помимо уже названных Сахибгареевой и Кучумова, историк Э.В. Мельник).

В нем рассказано и об авторе книги, Пьере-Шарле Левеке (1736–1812), и о его трудах, и о состоянии этнографии в его время, и об образе дикаря в философии Просвещения, и, главное, об особенностях переводимого сочинения (вслед за создателями книги будем обозначать его сокращением ИНР). Левек, гравер, философ и историк, провел шесть лет (1773–1779) в России: преподавал французский язык и логику в сухопутном Кадетском корпусе, а в Академии художеств вел класс истории и географии; он оставил философские сочинения, труды по истории живописи и истории Франции, но для тех, кто живет в России и Россию изучает, наибольший интерес, естественно, представляет его многотомная «Российская история» (1783)¹, в состав которой и входит ИНР (в издании 1812 г., по которому выполнен рецензируемый перевод, она занимает тома седьмой и восьмой). Книга Левека была хорошо известна в его время тем, кто читал по-французски, но на русский язык не переводилась до 2011 г., когда книжная мастерская «Ламартис» выпустила ее полный перевод смешным тиражом в 100 экземпляров и с несмешной ценой 100 000 рублей; мало того, что это издание практически недоступно никому, кроме искателей роскошных подарков своим патронам или деловым партнерам, на которых и рассчитывает «Ламартис», оно еще и не сопровождается ни серьезным научным аппаратом, ни какой бы то ни было рефлексией о принципах перевода.

Рецензируемое издание выгодно отличается от предшествующего. Переводчики выработали оригинальную стратегию работы и подробно объясняют ее читателям. Они исходят из того, что Левек (которого они, кстати, так уважают, что на 60 страницах вступительной статьи именуют его исключительно П.-Ш. Левек, нигде не опуская инициалов) сочинял ИНР, активно пользуясь трудами своих предшественников и заимствуя из их книг о народах России не только факты, но и готовые фразы. Оригинал Левека переводчики называют «текстом с интенсивной цитацией» и даже «текстом-попурри» (с. 54), в котором много незакавыченных буквальных заимствований из того, что авторы называют «протоэтнографическим гипертекстом» (с. 36). Собственно, главный «эксперимент» книги состоит в том, что эти заимствования в рецензируемой книге переведены словами и целыми фразами, взятыми из русских оригинальных или переводных книг, которыми пользовался Левек. Переводчики «ориентировались на стиль» первого русского издания *Описания всех обитающих в Российском государстве народов* И.Г. Георги (ОВН), вышедшего в трех томах в 1776–1780 гг., и русских вариантов иных трудов

¹ Так переводят название авторы вступительной статьи; между тем в том издании, по которому выполнен рецензируемый перевод, на титульном листе стоит: *Histoire de Russie et de principales nations de l'Empire Russe* – название, которое можно перевести только как «История России и основных народов Российской империи», тем более что написанную Левеком *Histoire de France* те же авторы чуть ниже переводят как «История Франции».

академических исследователей того времени» (с. 54). Когда Левек заимствует из своих «предтекстов» фразы дословно, переводчики, в свою очередь, заимствуют эти фразы из соответствующих русских изданий, а этнографические реалии, описываемые Левеком, передают «в терминах и в словоупотреблении русских изданий того времени» (с. 54). «Наша задача, – пишут переводчики, – в основном заключалась в том, чтобы выполнить “реверсивный” (правильнее назвать его псевдореверсивным) перевод с французского оригинала, используя его предтексты» (с. 55). В статье эти предтексты коротко перечислены: глава о монголах приближена к *Истории монголов, которых мы называем татарами* Платона Карпини, причем не в позднем переводе 1911 г., а в более близком к Левеку по стилю переводе Д.И. Языкова (1825); «аналогично раздел о калмыках переводился с учетом соответствующих страниц сочинений П.С. Палласа и И.И. Лепёхина, описание народов и географии Средней Азии – с привлечением “Топографии Оренбургской” П.И. Рычкова, а фрагмент об армянах – сочинения С.Г. Гмелина» (с. 55). Выбор вполне естественный, и сам по себе этот метод, тем более осознанный и эксплицированный, можно только приветствовать.

Но кое-что для меня остается здесь непроясненным. Авторы предисловия пишут: «Наличие в исследовании П.-Ш. Левека множества интертекстуальных сигналов, настраивающих на поиск связей этого сочинения с другими, облегчило нашу работу и одновременно позволило явственно обозначить при переводе предтексты ИНР» (с. 54). Вот это «явственное обозначение», которое сулят читателю переводчики, вызывает у меня некоторое недоумение: чтобы обозначение стало «явственным», переводчики должны были бы в каждом таком месте давать ссылку на свой (и Левека) источник, чего они не делают – и не я буду их за это упрекать. Если бы к каждому «лоскуту» давать примечание: взято Левеком оттуда-то, а его переводчиками – из такого-то русского издания, это бы немисливо усложнило текст, который и без того сложен по структуре, поскольку под строкой публикуются помещенные в издании 1812 г. примечания позднейших издателей Левека: Деппинга и Мальт-Брена, а также в квадратных скобках – немногочисленные энциклопедические справки современных переводчиков. Немногочисленны они потому, что, как объясняют авторы предисловия, «комментирование этнографических реалий привело бы к созданию комментария не к сочинению П.-Ш. Левека, а к его источникам», а эти источники уже были откомментированы – хотя порой и поверхностно, для широкого читателя – в изданиях самих этих источников (с. 63). Впрочем, справки эти очень полезны и спасибо за них создателям книги.

Однако «явственное обозначение» все равно остается неразрешенной проблемой. Понять, где собственное творчество переводчиков, а где вкрапления «предтекстов», по книге нелегко. Между тем авторы уверены в обратном – в том, что они превратили своего читателя из «эмпирического» (неспециалиста) в «образцового» (т.е. способного узнавать

в тексте Левека цитаты и отсылки) и «хотя бы отчасти вернули ему те навыки и знания, которыми он обладал в XVIII веке», а также способность распознавать в тексте Левека «алеаторную интертекстуальность» (с. 56). Откуда же возьмется эта способность? Как рядовой (да и не совсем рядовой) читатель сможет опознавать «предтексты», если его об их границах не известят? Мне как эмпирическому читателю (я как раз тот «нечувствительный к интертексту реципиент», о котором говорится на с. 53) не помешал бы хотя бы один конкретный пример: как русский текст складывается из кусочков текстов XVIII в.

Рассказывая о своих переводческих новациях, авторы бросают такую фразу: «Сам по себе французский оригинал сочинений П.-Ш. Левека трудностей для его передачи на русском языке не вызывал» (с. 53). Фраза опрометчивая – перевод вообще редко когда бывает легким, даже если постмодернистски составлять его из кусочков старинных «предтекстов». Потому что, как поясняют в другом месте сами переводчики, они все-таки не только складывали чужие фрагменты, что-то им приходилось дописывать от себя, хотя бы для того, чтобы связать цитаты из «предтекстов». По поводу метода работы над этими связками переводчики высказываются противоречиво. Согласно одной из версий, связок этих в издании нет вовсе. Переводчики сами уподобляют свой труд работе героя знаменитого рассказа Борхеса: «Работа, проделанная нами над французским текстом, оказалась в чем-то сродни усилиям борхесовского Пьера Менара, “автора *Дон-Кихота*”, заново написавшего этот шедевр мировой литературы. Устранив переводчика (и, соответственно, избавившись от перевода как такового), мы в обратном порядке повторили действия, которые проделал П.-Ш. Левек, когда писал свою книгу: сначала разложили его текст на предтексты, а потом вернули им форму, в которой они были опубликованы по-русски» (с. 56). Претензия более чем амбициозная, если вспомнить, что, по Борхесу, «тексты Сервантеса и Менара словарно идентичны, но второй почти бесконечно более богат».

Однако тут же выясняется, что переводчика полностью устранить не удалось. Во-первых, у самого Левека обнаружились такие куски, для которых нет точных русских соответствий, и «устраненным переводчикам» все-таки пришлось их переводить. В предварительном сообщении «О принципах перевода трудов французских историков эпохи Просвещения», опубликованном в 2015 г., о переводе этих собственных «вставок» говорится так: «Если же разночтения между текстом ИНР и текстами ОВН и др. авторов были существенными, то есть билингва отсутствовала, стилизация текста перевода под русский язык того времени не проводилась»². В книжном издании авторы уже совсем не так радикальны:

² Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. О принципах перевода трудов французских историков эпохи Просвещения (на примере П.-Ш. Левека) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб., 2015. С. 147.

«Если разночтения между текстом ИНР и ее предтекстами были существенными, т.е. билингва отсутствовала, применялся диахронический перевод, но мы, выборочно сверяясь с “Национальным корпусом русского языка”, старались в меру своих возможностей избегать чрезмерной модернизации лексики» (с. 55). То есть, по первой версии промежуток между фрагментами «натуральных» текстов XVIII в. переводились современным языком, а по второй – языком более или менее стилизованным. Впрочем, в рамках издания сосуществуют и даже противостоят обе эти тенденции. Авторы опять-таки конкретных примеров не приводят, но следы внедрения современного языка обнаруживаются уже в предуведомлении Левека к первому тому: «Правда, строго придерживаться этой схемы не всегда удастся. Например, поелику татарская нация мало продвинулась к цивилизации, нам пришлось бы вопреки фактам отнести ее либо к неизвестной, либо к финнической породе» (с. 67). Насчет второй фразы могут быть сомнения, но «строго придерживаться схемы» – это, конечно, язык современной научной статьи, а не историка XVIII в. Сходным образом и «месье» в тексте главы о бухарских похоронах («Месье Миллер присутствовал в Тобольске на похоронах бухарца», с. 354) – это, конечно, современное вкрапление; человек XVIII столетия, пишущий по-русски, поставил бы здесь Г. Миллер. Очевидно, подобные случаи – это и есть проявления той «корявости», к которой переводчики сознательно стремились, о чем специально предупреждают: «в результате получился искусственно созданный из фрагментов различной стилистики весьма неровный, шероховатый, в чем-то, может быть, корявый продукт, однако позволяющий зримо увидеть его источники и приемы их обработки автором» (с. 57).

Однако установка на корявость не может, как мне кажется, оправдать ошибок против грамматики. В рассказе об «образе жизни и ремёслах чукчей» читаем такую фразу: «Вседневное их питье суть вода». Вседневное – прекрасное старинное слово, и я узнаю в нем «предтекст» XVIII в., не важно, какой именно. А вот «суть» все-таки глагол третьего лица *множественного* числа и к воде применен быть не может (а если в «предтексте» было сказано именно так, вот тут бы, вероятно, и сделать примечание из истории языка?).

Но вообще метод составления нового текста из фрагментов старых «предтекстов» работает отлично, и когда читаешь, например, фразу: «Копченное мясо и рыбу едят без всякого варенья. <...> созывают для отведывания сей ествы одних только наивеличайших друзей» (с. 178), не испытываешь никаких сомнений в ее аутентичности и веришь, что перед тобой в самом деле текст XVIII в.

Сомнения у меня вызывают другие утверждения из предисловия. Во-первых, проблемы жанра. Авторы предисловия, с одной стороны, очень стараются доказать, что хотя Левек не ездил в экспедиции и создавал свое описание народов, подвластных России, не трогаясь с места, это не уменьшает *научной* ценности его книги, потому что этнографы быва-

ют не только полевыми, но и кабинетными. Левека они относят к числу «кабинетных этнологов», причем приводят множество аргументов в защиту этой профессии, долго убеждают своих читателей (на мой взгляд, в большой мере ломясь в открытую дверь), что этнографией можно заниматься, и не ездя в экспедиции (с. 38), а также пишут о заложенном в ИНР «большом и во многом до сих пор не реализованном научном потенциале» (с. 46). Но они же в другом месте утверждают, что книгу Левека нельзя относить только к научным трудам из-за «нечеткости представленных в ней эксплицитных маркеров интертекстуальности». «В научных трудах, – настаивают авторы предисловия, хотя применительно к XVIII в. это утверждение отнюдь не безоговорочно, – все отсылки к чужим идеям должны быть ясно обозначены и обоснованы для читателя, а границы своего и чужого знания четко маркированы. Однако в ИНР эксплицитность выражения границы или “шва” между чужим и своим текстом практически отсутствует, и ее может обнаружить только знаток истории российской этнографии XVIII века» (с. 32). Более того, отсутствие «внятно проговоренных ссылок» позволяет им сблизить ИНР «с художественным произведением» (с. 32). И это сближение проявляется, среди прочего, в том, что помимо Георги, Лепёхина и Крашенинникова среди если не «предтекстов», то «объектов подражания» Левека оказываются *Персидские письма* Монтескье и продолжавшие его «ментальные странники», описывавшие Париж в «турецких письмах» (Пуллен де Сен-Фуа), «еврейских письмах» (маркиз д'Аржан) и проч. (с. 47). На мой взгляд, поставить *Персидские письма* рядом с книгой Левека можно, только если абсолютно проигнорировать жанровую природу того и другого. Сатирические нравоописательные очерки Парижа, основанные на приеме «остранения», – это одно, а этнографическое (или протэтнографическое) описание различных народов Российской империи, не имеющее ни малейшего сатирического потенциала, – совсем другое.

Недоумение у меня вызывает и само причисление ИНР к жанру «путешествий». Конечно, объясняют нам авторы предисловия, это путешествие «воображаемое», «ментальное», «передоверенное», и в ходе его Левек «выстраивает свои “воспоминания” на основе чужих путешествий» (с. 34), но при этом авторы настаивают, что это именно путешествие, что у него имелся «маршрут», что в ходе этой «воображаемой экспедиции» (с. 47) Левек пользовался разнообразными «инструментами для ориентации в пути» (с. 48). Где-то слово «путешествие» авторы ставят в кавычки, но где-то употребляют его и без всяких оговорок. Между тем Левек нигде, насколько я могу понять, не упоминает о своем участии в каком бы то ни было путешествии. У него нет никаких отсылок к своему «я», к *своим собственным* впечатлениям. Авторы называют одним из возможных стимулов, вдохновивших Левека на написание ИНР, книгу о России астронома Шаппа д'Отроша, которая «имела оглушительный успех во Франции и была переведена на ряд европейских языков»: «Возможно, именно громкая слава, обрушившаяся на этого

путешественника, побудила П.-Ш. Левека “отправиться” вслед за ним по аналогичному маршруту, но с иными целями» (с. 18). Однако Шапп д’Отрош, как справедливо замечают авторы, «реально побывал в 1761–1762 годах» в России, в том числе в Сибири. И он в самом деле описывает *свое* путешествие; у Левека, повторяю, ничего подобного нет. Если ИНР – «путешествие», то любой труд по географии можно называть путешествием, да и не только по географии; что в таком случае мешает назвать *Естественную историю* Бюффона путешествием по мировому зоологическому саду?

Судя по многочисленным цитатам, на создателей рецензируемого издания произвела сильное впечатление книга Пьера Байяра *Искусство рассуждать о странах, в которых вы не бывали* (2012; рус. пер. 2014). Именно к ней восходят термины «воображаемое путешествие», «передоверенное путешествие» (Байяр говорит даже о «не-путешествиях», что, пожалуй, в случае Левека было бы наиболее точно). Однако дело даже не в том, что книга Байяра написана в жанре легкого эссе, которое вовсе не претендует на терминологическую строгость; дело в том, что Байяр пишет в основном про художественные произведения, и даже если ведет речь не о них, а о трудах по антропологии, журналистских статьях и просто устных свидетельствах, отстаивает прежде всего права фантазии, творческого воображения. Между тем Левек, как кажется, ставил перед собою совсем иные задачи и, боюсь, сильно удивился бы, если бы узнал, что его причисляют к беллетристам-фантазерам. Да и сами авторы предисловия в другом месте замечают: «Азиатская Россия в ИНР – это не набор полуфантастических, порожденных сознанием философов ориенталистских концептов и образов, а реальная научная конструкция» (с. 28). Жанр «воображаемых путешествий» или «путешествий, не вставая с кресла» в самом деле существует, но ИНР, на мой взгляд, не имеет к нему никакого отношения, и в причислении Левека к авторам таких путешествий, нет, строго говоря, никакой нужды; достаточно было оставить его среди «протоэтнографов».

Между тем это введение труда Левека в контекст изящной словесности для переводчиков – совсем не случайная оговорка. Разбор его с этой точки зрения – важная составляющая вступительной статьи. Например, пытаясь объяснить, почему книга Левека «неожиданно, без всякого эпилога, без морализаторского обобщения и осмысления, обрывается на “посещении” якутов», авторы предисловия считают возможным применить к ней термин Умберто Эко «открытое произведение» (с. 27–28). Но ведь книга Эко, откуда этот термин почерпнут, называется *Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике* (подчеркнуто мной. – В.М.). Авторы предисловия, высокопрофессиональные, компетентные историки, в данном случае действуют весьма неисторично и качественными различиями между трактатом восемнадцатого века и модернистскими и/или постмодернистскими произведениями века двадцатого сознательно пренебрегают. Иначе они не ссылались бы

в рассуждении о сложностях в переводе интертекста на *Алису в стране чудес*, *Улисса* и *Марселя Пруста* (с. 55) – сочинения, в которых интертекст носит все-таки совсем иной характер, нежели в ИНР. Слишком велико различие поэтик и исходных авторских установок: Кэрролл, Джойс и Пруст играли реминисценциями, Левек же, сохраняя верность ученым традициям своего века, ни в какие игры не играл. В XVIII в. (да отчасти и в XIX) между строго научными и художественными произведениями располагалась обширная область *компиляций*, которые не имели строгих «научных» ссылок на предшественников, но, однако же, не превращались оттого в сугубую беллетристику, если тема их принадлежала, например, к области естественных наук. Судя по тому, что пишут сами авторы предисловия, Левек действовал именно так. И ни Джойс, ни Пруст тут ни при чем.

Но постмодернизм не дает авторам покоя и тревожит их воображение. «Структура публикуемого нами сочинения, – пишут они, – открывает возможности для постмодернистского анализа этого произведения и породивших его обстоятельств (французские влияния на русскую культуру, особенности начального этапа развития антропологии и т.д.)» (с. 36). В полном соответствии с этим тезисом авторы в работе над своим по-настоящему интердисциплинарным предисловием используют для анализа книги XVIII в. достижения не только современной этнографии и лингвистики, но и – что куда менее оправданно – современной поэтики. По их декларациям можно подумать, что они создали какое-то истинно авангардное сочинение, достойное Жоржа Перека или Раймона Кено: «принудительно придав тексту ИНР аграмматичность и ликвидировав стилистическую однородность французского оригинала, мы превратили его имплицитную интертекстуальность в эксплицитную» (с. 55). О том, что эксплицитность эта весьма относительная и очевидна только для самих переводчиков и их коллег-этнографов, уже говорилось выше.

Но главное, что реальная практика перевода не вполне отвечает заявленным «постмодернистским» принципам. Сравняться с Пьером Менаром не удастся, потому, в частности, что создатели книги вспоминают: Левек был француз и писал по-французски. Если составлять новый русский текст исключительно из кусочков «предтекстов», экспериментальному переводу грозит опасность «полного растворения оригинала» в текстах участников русских академических экспедиций XIX в.: «при всем том, что семиотически текст ИНР почти идентичен своим предтекстам, он все же создан иностранцем, и это тоже необходимо было как-то показать» (с. 57). Как именно? В предисловии, к сожалению, назван только один способ такого показа: «частое использование анафорического местоимения “они”» (с. 57). Для французскости маловато.

Вдобавок и современность, изгнанная в дверь, все равно влезает в окно. «Реверсивный» перевод, в самом деле, как и было сказано, обрачивается переводом «псевдореверсивным»: имена и фамилии, а также географические названия в новом издании, как поясняют переводчики,

в основном приводятся в современном написании (хотя и не все: например, Ледовитый океан именуется морем, как в русских источниках XVIII в.); имена монгольских, китайских и маньчжурских правителей даются по современным справочникам, а библиографические ссылки – по правилам современного библиографического описания. Слова, которые раньше писались с прописной, а теперь пишутся со строчной, курсив в передаче цитат и терминов заменен на кавычки и т.д. И пунктуация тоже приближена к современной, «чтобы у сегодняшнего читателя не возникало проблем с декодированием значения авторских сообщений и пониманием смысла текста» (с. 59).

За это, впрочем, я совершенно не склонна переводчиков упрекать; для читателя в самом деле лучше не мучиться с архаической пунктуацией и с архаическими же транскрипциями имен собственных. Да и вообще, главная проблема рецензируемого издания совсем не в этих приближениях к современности, а в том, что придумав очень изящный переводческий ход, подходящий именно для перевода данной книги и позволивший сделать этот перевод если не полностью аутентичным, то во всяком случае весьма точно воспроизводящим дух второй половины XVIII в., переводчики в предисловии привели для своего решения множество аргументов, которые не только не проясняют, но, наоборот, затемняют их замысел, топят его в современной терминологии и превращают Пьера-Шарля Левека в, выражаясь их языком, «прото-Умберто Эко».

Меж тем Левек интересен и полезен сам по себе, и вступительная статья в той ее части, что касается этнографии (о которой я ничего не пишу, поскольку в этой области я полный профан), показывает это весьма убедительно. За появление его книги на русском языке, да вдобавок на русском языке его времени, хочется сказать ее создателям большое спасибо.

В.А. Мильчина

ДВА ОПЫТА РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕКИ ДИДРО

КОРОЛЁВ С.В. БИБЛИОТЕКА ДИДРО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ.
СПб.: РНБ, 2016. 224 с.; илл.

В 2014 г. издание того же автора и с тем же названием вышло на французском языке в авторитетной серии «Архивы Востока» («Archives de l'Est»), издаваемой Международным центром по изучению XVIII века в Фернее¹. Впервые на суд специалистов был предьявлен долгожданный, пусть и не окончательный, итог чрезвычайно кропотливых разысканий «исчезнувшей» библиотеки Дидро, поиски которой не прекращаются вот уже более ста лет.

Напомню, что в середине XIX в. книги и рукописи энциклопедиста, купленные Екатериной II в 1765 г., но прибывшие в Санкт-Петербург после его смерти и попавшие в Эрмитаж только в 1785 г., были переданы вместе с другими эрмитажными собраниями, в том числе коллекцией Вольтера, в Императорскую публичную библиотеку (ныне – РНБ), где они растворились в общей массе изданий. Не стоит удивляться тому, что библиотека Дидро долго считалась почти безнадежно утраченной, хотя ее поисками занимались замечательные специалисты из разных стран. Ее реконструкция, при отсутствии библиотечных описей или передаточных списков, казалась задачей невыполнимой. К тому же в императорском дворце книги, принадлежавшие философу, лишенные, как правило, идентификационных признаков (владельческих записей, экслибрисов и т.д.), были фактически обречены на анонимное существование, в отличие от собрания Вольтера, поступившего туда ранее и никогда не смешивавшегося с другими книгами. Как полагают исследователи, ве-

© Г.А. Космолинская, 2018

¹ *Korolev S.V.* La Bibliothèque de Diderot: Vers une reconstitution. Ferney-Voltaire: Centre International d'étude du XVIIIe siècle, 2014. 131 p.; il. См. мою рец. на это издание: Век Просвещения. 2016. Вып. V. С. 395–402.

роятной причиной странного «исчезновения» библиотеки Дидро стало негодование, охватившее императрицу после знакомства с его рукописью «Замечаний на Наказ», где она обнаружила массу нелицеприятных высказываний о своем правлении.

Опыт реконструкции «призрачной библиотеки», впервые предложенный С.В. Королёвым, основан на совершенно оригинальной методике, позволившей ему выявить значительный массив книг (более трети от общего числа томов трехтысячной, как принято считать, библиотеки Дидро), принадлежность которых философу может быть идентифицирована в той или иной мере. Логика его исследования, в центре которого на место документального свидетельства поставлен характерный «индивидуальный» тип французского переплета, «изготовленный непосредственно для Дидро или по его заказу», была признана рецензентами весьма перспективной².

Важно и то, что своим *Опытом* С.В. Королёв, аккумулируя достижения своих предшественников, как бы подводил черту под определенным этапом поиска библиотеки знаменитого энциклопедиста. Предложенный им в Предисловии всесторонний анализ этой коллективной работы чрезвычайно полезен. И как нельзя более уместным выглядит в издании 2014 г. посвящение сотрудницам РНБ Л.Л. Альбиной и А.А. Полякиной – его ближайшим предшественникам на этом поприще.

Появление в 2016 г. повторного, уже на русском языке, издания труда С.В. Королёва, выпущенного издательством РНБ, – факт более чем отрадный. Честно говоря, было бы странно, если бы этого не произошло. Теперь, имея в руках оба издания, совершенно естественно сравнить их; не скрою, что это, собственно, и послужило поводом к написанию второй по счету рецензии, по сути, на одну и ту же книгу.

Как выяснилось, русская версия *Опыта* С.В. Королёва отличается от вышедшей ранее французской. Более того, между собой они имеют мало общего, начиная с внешнего вида издания и заканчивая такими существенными моментами, как принципы построения каталога.

Как правило, новое издание предполагает внесение исправлений и дополнений, и мы вправе были ожидать, что опыт реконструкции библиотеки Дидро, появившийся теперь на русском языке, также окажется исправленным, дополненным или переработанным. Однако содержание титульного листа этого не подтверждает; не следует из него также, что перед нами – второе издание... Молчание автора на этот счет не может не удивлять, но не более, чем отсутствие в книге даже малейшего упоминания о французском первенце. Как будто его никогда и не было, или автор не имеет к нему ровно никакого отношения...

Несмотря на то, что переработка текста не объявлялась как задача второго издания (все-таки по традиции будем называть его так), именно

² См., например, рецензии Пьера Шартъе (Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie 2015. N 50. P. 393–395) и Эстер Ковач (Studi Francesi. 2014. N 174. P. 596).

такой подход, на который автор, разумеется, имеет полное право, обнаружить несложно. Опуская перечисление издательских достоинств или недостатков, перейдем в зону сугубо авторской ответственности.

Сразу бросается в глаза, что второе издание утратило свое посвящение. Это выглядит, по меньшей мере, странно, учитывая, что пропал важный смысловой элемент книги, призванный напоминать о вкладе всех участников этого непростого поискового процесса. И хотя автору здесь, видимо, нечего сказать, за него говорит перекроенный им текст: только два небольших абзаца, отнесенных в самый конец Предисловия, остались от содержательного, подкрепленного примерами рассказа из французского издания о работе предшественников. В первом абзаце сообщается о разысканиях, которые проводились в РНБ с 1980 до начала 1990-х годов Л.Л. Альбиной и А.А. Полякиной (с. 16–17), во втором – в скобках (!) коротко упоминается о первых находках В.С. Люблинского, которому еще в конце 1950-х годов удалось идентифицировать в Иностранном фонде РНБ «экземпляры, несомненно происходящие из собрания Дидро» (с. 17). Вовсе исчезло упоминание и о вкладе Артура Уилсона, автора лучшей по сей день биографии Дидро, который в те же годы опубликовал информацию о пяти книгах, принадлежавших философу, в том числе – с дарственной надписью «A Monsieur Diderot. / De la part de l'Auteur» (№ 139). В новом издании *Опыта* осталось место лишь для его ошибочной атрибуции экземпляра книги Якоба Брюкера (с. 14) – пример, бесспорно, поучительный, к тому же наглядно демонстрирующий успешность метода С.В. Королёва, основанного на изучении переплета. Но разве позитивный опыт предшественников не достоин такого же подробного анализа?

В связи с переработкой текста Предисловия возникают и другие вопросы, например, когда речь заходит об исчезнувшем рукописном каталоге библиотеки Дидро, составленном перед отправкой книг в Санкт-Петербург. Надежные свидетельства на этот счет до сих пор никем не оспаривались. С ними С.В. Королёв во французской версии своего *Опыта* обстоятельно знакомит европейских читателей. По инициативе барона Гримма подробный реестр библиотеки Дидро был подготовлен неким де Вильером (доверенным сотрудником Гримма и мадам д'Эпине), получившим за свою работу немалую по тем временам сумму (750 ливров), что говорит о достаточно большом объеме проделанной им работы; действительно, отправить рукопись в огромных пакетах («énormes paquets») обычной почтой не представлялось возможным – потребовался специальный курьер, и т.д.³ Совершенно иначе история с пропавшим каталогом представлена русскоязычным читателям *Опыта*: каталог превратился в «гипотетический», а сама версия о его существовании оставлена на совести Жака Пруста, признанного знатока жизни и творчества Дидро. Не-

³ См.: Korolev S.V. Op. cit. P. 13–14.

ожиданно выясняется, что кроме единственного «косвенного» упоминания императрицей этого «каталога», «иных упоминаний документа пока не обнаружено» (с. 17–18). Зато всплывает «свидетельство» аббата Баррюэля, автора известных *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme* (1798)⁴, о существовании некоего молодого человека («имя которого осталось неизвестным»), помогавшего просветителю в последние годы жизни «управиться с книгами» (с. 17). По новой версии Королёва, «этот персонаж и мог быть составителем гипотетического рукописного каталога» (с. 18). То есть теперь его доверия не вызывают ни расписка в получении денег, датированная 1 июля 1785 г. и подписанная «De Villière», ни письмо Гримма к Екатерине от 29 июня, где сообщалось, что «подробный каталог» («catalogue détaillé») окажется очень полезным при проверке содержимого «20 ящиков», в которые была упакована библиотека покойного философа («20 caisses renfermant la bibliothèque»), ни «иные упоминания». Но почему? И разве это не повод для серьезной научной дискуссии?

Небольшое, но концептуально насыщенное Предисловие к каталогу – это еще и инструкция, прибегать к которой читателю *Опыта* предстоит практически постоянно. Даже для небольшого текста такого рода разбивка подзаголовками оказывается отнюдь не лишней. Автор и редакторы первого, французского, издания хорошо это понимали; судите сами: «Важные этапы реконструкции библиотеки Дидро» – «Источники, указывающие на принадлежность библиотеке Дидро» – «Критерии отбора экземпляров». Предисловие на русском языке тоже имеет подзаголовки, отражающие новую редакцию текста: «Иностранная Эрмитажная библиотека в эпоху Екатерины II» (с. 4–8), «Дидро и его библиотека» (с. 8–20) и «Структура описания экземпляров» (с. 20–22). Заранее предупреждаю пользователей каталога, что искать «критерии отбора», «источники», «важные этапы» (два абзаца) следует во втором разделе⁵.

Перейдем к собственно каталогу. И вот тут читатель, в руках которого оказались оба издания, сталкивается с серьезной проблемой. Он с легкостью обнаружит, что корпус книг, отнесенных с той или иной долей уверенности к библиотеке Дидро, претерпел количественные изменения. Если в первом издании каталога было 882 номера, то во втором – 771. Что тоже немало, но не в этом дело – данное обстоятельство окончательно разводит эти два издания. Пользователь вынужден выбирать: или – или. Сам автор никаких указаний на этот счет не дает, хотя мы вправе от него их ожидать.

Так или иначе, разбираться в структуре и принципах каталога, переформатированного для второго издания, пользователю все равно придется. И разное количество номеров, на самом деле, не самая большая проблема. В первом издании все сочинения, включая те, что входят в состав конво-

⁴ В этом сочинении, переведенном на многие языки, развивался в духе теории заговора тезис об антихристианской революции, вызванной философами, масонами и евреями.

⁵ Раздел «благодарности» можно не искать.

лютов, были описаны в алфавитном порядке под отдельными номерами. Во втором – «конволюты, т.е. искусственные сборники» расписаны «в алфавите автора (заглавия) первого аллигата» и помещены «под одним порядковым номером»; при этом для тематических сборников, объединенных общим заглавием, обозначенным на ярлыке, «сделано исключение»⁶ (с. 20). Вряд ли есть большой смысл в подсчетах, поскольку причина разночтения более или менее ясна. Между тем остается неясным, могли ли появиться после 2014 г. новые находки или быть пересмотрены прежние атрибуции.

Как уже упоминалось, в первом, французском, издании все книги расположены в общем алфавитном ряду под номерами, часть из которых отмечены специальными значками – звездочкой или кружком. Под такими номерами описаны экземпляры без характерного для библиотеки Дидро французского переплета: звездочкой обозначены книги, которые цитировались или упоминались Дидро и могли быть им приобретены; кружком – книги, связь которых с философом определенно документирована (например, дары). Не скажу, что этой системой обозначений очень удобно пользоваться, особенно учитывая и без того немалую степень формализации описаний. Но она хотя бы оправдана – а как иначе обозначить степень достоверности критерия отбора того или иного экземпляра?

В издании 2016 г. С.В. Королёв отказывается от «звездочек» и «кружков» и изменяет структуру каталога: он делит его на две части, с соблюдением алфавитного порядка внутри каждой из них. Первая часть объединяет 550 томов⁷, имеющих «базовые» признаки – характерный тип «индивидуального» французского переплета, «изготовленного непосредственно для Дидро или по его заказу» (с. 20). Иными словами, в первую часть включены книги, в принадлежности которых библиотеке Дидро автор каталога не сомневается. Во вторую часть (номера с 551 по 771) отнесены экземпляры, отмеченные ранее «звездочками» и «кружками», т.е. не имеющие тех самых «базовых» признаков. Однако, как поясняет С.В. Королёв, это не должно означать, что их принадлежность Дидро сомнительна⁸. Тем более, что в той же группе есть книги, принадлежность которых документально подтверждается, например, дарственными надписями (№ 579, 586, 587, 636)⁹. В общем, часть вторая неоднозначна, охарактеризовать ее в целом, исходя из критерия достоверности, как-то не получается.

Но если переплет не является единственным признаком, безусловно свидетельствующим о принадлежности экземпляра библиотеке Дидро, что нам дает деление каталога на две части? Стоило ли делать всю эту

⁶ Что понимать под «исключением», не поясняется, но на практике разобраться можно.

⁷ В первом издании это – «наиболее многочисленная» группа в общем ряду.

⁸ «Репертуар этих изданий и их индивидуальные особенности [какие? – Г.К.] соответствуют кругу интересов Дидро», кроме того, сами эти экземпляры, «происходящие из Эрмитажного собрания Екатерининской эпохи», не имеют «признаков принадлежности <...> несовместимых с принадлежностью библиотеке Дидро» (с. 20).

⁹ Как, например – в издании басни Черутти *Орел и сова* (№ 586): «A Monsieur Diderot de la part de l'auteur» (запись воспроизведена на с. 222).

перегруппировку, меняя номера описаний, которые теперь не совпадают с номерами французского издания?

Уже сейчас мы видим разницу в подсчетах и другие нестыковки между двумя изданиями описания одного и того же корпуса книг. Например, в первом издании автор сообщает о восьми экземплярах, чья принадлежность Дидро не вызывает сомнений, а во втором – их уже оказывается десять. Из них четыре не несут «базовых признаков», зато «остальные шесть экземпляров (№ 242, 310, 379, 469 и 546 – авторские дары) имеют необходимые нам документальные признаки: дарственная запись автора в сочетании с индивидуальным переплетом французской работы» (с. 13). Экземпляров с «базовыми» признаками, судя по количеству перечисленных номеров, все-таки не шесть, а пять, что, впрочем, не столь важно при разнице в подсчетах, которую мы наблюдаем.

Вопросы возникают и при обращении к иллюстрациям. В *Опыте* С.В. Королёва они являются важным инструментом, так как визуально подкрепляют «своеобразный реестр основных типов переплетов, присущих библиотеке Дидро» (с. 15). «Реестр» работает применительно к обоим изданиям, а вот иллюстрации к нему различаются. Пять цветных иллюстраций второго издания (вместо восьми в первом) воспроизводят один и тот же набор образцов переплета. Соответственно их количество, приходящееся на одну иллюстрацию, возросло. Теперь, из-за «уплотнения» кадра, образцы почти невозможно уверенно идентифицировать с их обозначениями, принятыми в каталоге (даны под фотографиями). А ведь инструкция к каталогу на этот счет говорит: «см. цветные иллюстрации» (с. 20). Правда, в другом месте автор *Опыта* все же пытается помочь читателю со всем этим разобраться. Но, кажется, он только усложняет дело, когда пишет: «Всего устанавливаются 22 спецификации (для всех форматов) оформления корешка: 2 для формата ‘ин-фолио’, 5 – для ‘ин-кватро’, 8 – для ‘ин-кватро’ [sic] и 7 – для ‘ин-дуодецимо’» (с. 15). Если посчитать, что нетрудно – в каждом формате (in 2°, 4°, 8°, 12°) для обозначения типов оформления корешка используются буквы латинского алфавита, – получится не «22 спецификации», а 31¹⁰... Замечу, в первом издании этих выкладок не было.

Лишь справочный аппарат, пожалуй, не претерпел заметных изменений во втором издании *Опыта*: здесь по-прежнему всего один именной указатель авторов, отсылающий к номерам описаний их произведений в каталоге.

Каковы бы ни были причины, заставившие С.В. Королёва изменить структуру и базовые принципы своей реконструкции, мы имеем то, что имеем: два издания первого «каталога» библиотеки Дидро, которые, к сожалению, принципиально отличаются друг от друга. Какое издание считать авторитетным, каждый решает для себя сам. При этом, увы, разнобоя и путаницы в ссылках, кажется, нам не избежать.

Г.А. Космолинская

¹⁰ Для 2° – 2 типа (А, В); для 4° – 7 (А–Н); для 8° – 8 (А–Г) и для 12° – 14 (А–О); ровно столько же – во французском издании.

БИБЛИОТЕКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ: В 2 т., 3 кн. СПб.: БАН, 2016.

Т. 1: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ: В 2 кн. / СОСТ. И.В. ХМЕЛЕВСКИХ. 981 с. Кн. 1: с. 1–576; ил.; кн. 2: с. 577–981; ил.

Т. 2: «ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» / СОСТ. А.Е. КАРНАЧЕВ. 138 с.; ил.

Каталог библиотеки Петра Великого, опубликованный в 2016 г., даже внешне отличается от предыдущих изданий, посвященных петровской библиотеке: это три солидных книги увеличенного формата, общий объем которых приближается к 70 печатным листам (1119 страниц). Притом он охватывает только западноевропейские печатные книги из собрания императора. Вышедшее в 1978 г. первое специальное описание библиотеки Петра I, включавшее как рукописи, так и печатные книги на русском и иностранных языках, насчитывало чуть более 200 страниц¹. Это сравнение свидетельствует об огромной работе, проделанной авторами нового описания, однако отнюдь не перечеркивает заслуг исследователей, которые уже около столетия вели работу по выявлению и описанию книг Петра I в составе Библиотеки Академии наук (БАН). Составитель первого тома каталога И.В. Хмелевских во введении в полной мере отдаст должное своим предшественникам. Она называет имена исследователей 1920-х годов (Н.К. Никольский, М.А. Шангин, А.Ф. Малов), начавших работу по изучению этого собрания, но не завершивших ее в силу трагических обстоятельств времени. Большой вклад в изучение вопроса внесли М.Н. Мурзанова и Е.И. Боброва, проследившие в основных чертах историю создания петровской библиотеки и ее поступления в Библиотеку Академии наук (1725–1729), а также давшие содержательный обзор иностранных книг, принадлежавших Петру I². В том же издании

© С.А. Мезин, Б.Л. Фонкич, 2018

¹ Библиотека Петра I: Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1978.

² [Мурзанова М.Н., Боброва Е.И., Петров В.А.] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. I: XVIII век.

1956 г. были опубликованы реестры царского собрания, составленные при передаче книг в Академию наук после смерти императора. Важным этапом в изучении его состава стала публикация вышеназванного указателя-справочника Е.И. Бобровой в 1978 г., который, как нам представляется, не утратил научного значения и после выхода рецензируемого каталога. В 2003 г. появилось научное описание рукописей петровской библиотеки, составленное И.Н. Лебедевой³. И.В. Хмелевских в своей работе также широко опиралась на книговедческие работы С.П. Луппова, Е.А. Савельевой, П.И. Хотеева, О.А. Медведковой и др.

Изучение библиотеки Петра I связано с немалыми трудностями, ибо она даже при жизни владельца не существовала в виде единого упорядоченного собрания, была в прямом смысле передвижной рабочей библиотекой. Книги царя, поступившие в Академическую библиотеку из разных мест, были со временем распределены по различным фондам; позже их основная масса была сосредоточена в Отделе рукописей БАН. Поэтому, прежде чем описать собрание Петра I, требуется его полностью реконструировать, и этим занимается уже не одно поколение исследователей.

Изучение иностранных книг петровского собрания предполагает обращение к опыту европейских книговедов, сотрудничество с зарубежными специалистами. И.В. Хмелевских подготовила **первый том** каталога (второй том представляет собой описание 36-томной *Византийской истории*) в рамках совместного российско-французского проекта, в котором участвовали также коллеги из Высшей Школы общественных наук в Париже (EHESS) при поддержке Национального центра научных исследований Франции (CNRS). Общее руководство проектом, начавшимся в 2005 г., осуществлял известный французский специалист по истории России Владимир Берелович. Опираясь на опыт британских коллег, искусствовед Ольга Медведкова предложила схему описания книг по архитектуре, использованную при составлении этого каталога. В ходе работы над проектом вышли два тематических номера журнала *Cahiers du Monde russe* (2006. № 47/3; 2010. № 51/1), посвященные книгам Петра I. Тем не менее основная работа по составлению каталога была проделана И.В. Хмелевских, сотрудницей Отдела редкой книги БАН.

Не только авторское введение, но и каталожные описания конкретных изданий раскрывают самую полную на сегодня картину формирования и функционирования петровского собрания. Наибольший интерес представляют книги, приобретенные самим Петром I или его агентами. Интерес к европейским книгам не мог развиваться в царских палатах, где проходило детство и начальное обучение Петра. Более того, не так уж

³ Библиотека Петра I: Описание рукописных книг / автор-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003.

много книг было куплено им и во время Великого посольства⁴, хотя именно тогда молодой царь, по-видимому, осознал роль печатной литературы в деле просвещения и преобразования страны. В Голландии он лишь мельком видел библиотеку Лейденского университета, а в Англии выразил удивление при виде библиотеки архиепископа Кентерберийского, якобы сказав, что не представлял себе, что на свете имеется так много печатных книг. Для него тогда была приобретена роспись книгам Оксфордской библиотеки, а из Англии он вывез «большой сундук с книгами и инструментами»⁵. Судя по письмам царя, интерес к книгам возрастал год от года, менялась тематика книжных приобретений. Как заметила И.В. Хмелевских, в первое десятилетие XVIII в. закупалась по преимуществу военная литература, затем ее дополнили трактаты по кораблестроению, садоводству, архитектуре. Позднее активизировалось приобретение литературы, посвященной государственному устройству европейских стран (Кн. 1, с. 19)⁶. Своего апогея страсть к европейским печатным изданиям достигла накануне и во время второго заграничного путешествия 1716–1717 гг. Разнообразная литература покупалась для царя в Голландии⁷, но особенно во Франции, где Петр посетил Королевскую библиотеку, а также библиотеки научных учреждений и частных лиц⁸. Например, он познакомился с книжным собранием маршала д'Эстре, насчитывавшим 28 000 томов.

Поскольку прижизненных описей петровской библиотеки не обнаружено, а владельческих знаков на книгах царя за редчайшими исключениями не существует, установить, какие книги Пётр I держал в руках, очень трудно. Однако именно такую сверхзадачу поставил перед собой автор каталога. Можно сказать, что достигнута она была в максимальной степени, благодаря избранному И.В. Хмелевских методу работы. Этот метод предполагал не только постраничное исследование книг *de visu*, но и фронтальное изучение переписки царя с выделением каждого обращения к книжной теме (письма Петра опубликованы лишь до конца 1713 г.; с дальнейшей перепиской автор знакомилась по рукописным копиям в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН). Выяснив важную роль Кабинета Его Величества в формировании книжной коллекции царя, И.В. Хмелевских обратилась к изучению входящих бумаг Кабинета Петра Великого в Российском государственном архиве

⁴ См.: Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: Рубеж эпох или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 278–279.

⁵ Там же. С. 210–212, 279; Левинсон-Лессинг В.Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 22.

⁶ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в тексте с указанием книги и страницы.

⁷ См.: Вагеманс Э. Царь в республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 81–85.

⁸ См.: Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2017. С. 202–208.

древних актов. На этом пути ее ждали интересные находки.

Реестры 1725 и 1728 гг., отразившие передачу царских книг в Академию наук, а также кабинетские «рописи книгам» и письма царских агентов позволили ей уточнить внутреннюю историю собрания, пути поступления книг в петровскую библиотеку. Давно известно, что значительное количество книг, приобретенных во время второго заграничного путешествия Петра I и отправленных из Амстердама на корабле «Рандорф», было доставлено из Кронштадта в Петербург поручиком Борисом Лебедниковым в сентябре 1717 г. (книги «Лебедникова привозу»). И.В. Хмелевских уточнила судьбу книг по архитектуре, присланных в конце 1715 г. из Парижа Ж. Лефортом и К. Зотовым. Знакомство с архивной «Росписью книгам и инструментам, которые приняты у Аврама Арапа»⁹, навело ее на мысль, что значительная часть парижских книжных приобретений царя была доставлена в Россию в 1717 г. А.П. Ганнибалом. Однако в рассуждения автора каталога в данном случае вкралась неточность: А.П. Ганнибал отвечал за сохранность этих книг лишь во время путешествия (царский крестник был оставлен в Париже для обучения и вернулся в Россию лишь в 1723 г.). Книги он передал денщику Ивану Орлову, доставившему их в Амстердам агенту Кристоффелю Брантсу, который, в свою очередь, оправил их в Петербург в 1718 г.¹⁰

Широкое использование архивных материалов, проливающих свет на историю царской библиотеки, выгодно отличает работу И.В. Хмелевских от предшествующих изданий по теме. Можно указать на еще один ценный источник такого рода, хранящийся в Москве, в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Речь идет о подлинных счетах за инструменты и книги, приобретенные в Париже во время визита царя. В частности, там имеются сведения о трудах инженера-конструктора Н. Биона, купленных в его мастерской вместе с инструментами¹¹.

Рецензируемый каталог содержит описания 341 западноевропейского издания. Его отличие от каталога-путеводителя Е.И. Бобровой состоит в принципиальном отборе лишь дошедших до нас книг, по всем признакам относящихся к рабочей библиотеке Петра I. Известные царю, но не принадлежавшие ему издания, являющиеся поздними включениями, были изъяты из списка. Не вошли в него и книги из петровского собрания, ныне отсутствующие в фондах БАН. Таким образом, работу И.В. Хмелевских можно назвать библиотечным каталогом в полном смысле, в то время как предшествующий труд Е.И. Бобровой представ-

⁹ Опубликована: Долгова С.Р. Кабинет Петра I – уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. СПб., 2012. С. 21–24.

¹⁰ Мезин С.А. Пётр I во Франции. С. 204–205.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40.

ляет собой в большей степени репертуар книг, входивших в круг чтения царя. Именно в этом плане каталог-путеводитель 1978 г., как уже отмечалось, сохраняет свое значение для исследователей. Приведем пример. 16 мая 1717 г. во время посещения царем Дома Инвалидов маршал де Виллар подарил ему описание этой достопримечательности французской столицы. Книга под названием «Описание Дазанвалид» значитесь в посылке К. Брантса; имеется упоминание о ней и в реестре 1725 г. (№ 685). Е.И. Боброва, определив, что речь идет об издании де Буланкура (Boulencourt) *Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides...* (Paris, 1683)¹², помещает его в список книг Петра I, сохранившихся в фондах БАН. Однако И.В. Хмелевских не включает его в свой каталог, и, таким образом, вопрос о судьбе книги остается открытым¹³.

Мы располагаем сведениями о том, что в собрании Петра находились также *Médailles sur les principaux événements du règne de Louis le Grand avec les explications historiques* (Paris, 1702), сборник гравюр с батальных полотен А.Ф. ван дер Мёлена, уникальный нидерландский ксилограф *Historia Jesu Christi (Biblia Pauperum)*¹⁴ и другие редкости, которые не сохранились в БАН, но о которых следовало бы как-то упомянуть в рамках столь масштабного проекта, каким является рецензируемое издание.

Каталог И.В. Хмелевских содержит расширенную информацию об изданиях: вместе с именем автора указываются годы его жизни, полностью воспроизводится титульный лист, обозначаются место и время издания, указываются особенности в нумерации страниц. Приводится также содержание книг и их структура с подробным описанием всего иллюстративного материала (выявляются даже отличия в гравюрах по сравнению с экземплярами, хранящимися в других известных собраниях). Вторая часть описания содержит данные об издателях, типографах, книгопродавцах, граверах, а также библиографию издания на основных европейских языках. Как справедливо указывает автор, эти сведения позволяют оценить степень популярности той или иной книги, принадлежавшей Петру I (Кн. 1, с. 48). Завершается описание характеристикой индивидуальных особенностей экземпляра и его библиографией. Необходимо подчеркнуть, что за этим, казалось бы, простым перечнем стоит кропотливая поисковая работа автора, объем которой представляется необъятным даже в эпоху интернета.

Самая высокая оценка работы, проделанной И.В. Хмелевских и ее

¹² Мезин С.А. Пётр I во Франции. С. 207.

¹³ Еще один экземпляр описания Дома Инвалидов был куплен для царя его агентами в Париже в 1715 г.

¹⁴ О судьбе этого ксилографа см.: Karp S. Les livres et les gens du livre dans le voyage de Karl von Zinzendorf en Russie (1774) // La Prosopographie des hommes du livre: Actes du colloque organisé à l'Enssib, Villeurbanne, par le Centre de Recherche en Histoire du Livre les 22 et 23 avril 2005 / Coordination scientifique de F. Barbier et D. Varry, avec la coll. de J. Guilbaud. Lyon, 2007. P. 66–67 (<http://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/document-1459> – дата обращения 8 ноября 2017 г.).

коллегами при подготовке каталога, не исключает критических замечаний и пожеланий, возникающих при знакомстве с изданием в целом и с отдельными описаниями. Вот некоторые из них.

В описании ряда книг из серии «Кабинет короля» (Cabinet du Roi, № 63–66) утверждается, что эти роскошные экземпляры были поднесены Петру I при посещении им Королевской библиотеки в Париже. Однако имеющиеся источники позволяют говорить об этом лишь в форме предположения.

В библиографической справке к сборнику гравюр Даниэля Маро (Кн. 1, с. 542), предположительно поднесенного царю в Москве в 1724 г. архитектором Жаком Брокетом либо его братом, садовым мастером Дени Брокетом, было бы уместно сослаться на соответствующие статьи биографического словаря *Французы в России в эпоху Просвещения*¹⁵.

Бесспорным достоинством работы является особо тщательное описание изданий по архитектуре, где не пропущена ни одна иллюстрация. Как следует из авторского введения, именно такой подход применен ко всем иллюстрированным изданиям. Примером описания-исследования может служить альбом гравюр А. Переля *Veües des plus beaux endroits de Versailles* (Кн. 2, № 242). Автор каталога резонно предполагает наличие в библиотеке Петра I и другого известного сборника гравюр того же автора – *Les places, portes, fontaines, et maisons de Paris*, – ссылаясь на сохранившийся среди рукописей царской библиотеки перевод подписей к гравюрам из этого альбома. Весьма вероятно, что перевод был поднесен русскому царю герцогом д'Антенем в дополнение к альбому с видами Парижа, который должен был служить своеобразным путеводителем по французской столице. Сведения, позволяющие сделать такое предположение, содержатся во французской хронике пребывания царя в Париже¹⁶. В этой связи автор каталога замечает с некоторым сомнением: «Однако в источниках указано, что книга была в “красивом переплете”, в то время как наша рукопись переплета не имеет» (Кн. 2, с. 607). Действительно, рукопись «Описание знатных домов во Франции»¹⁷ не имеет переплета. Но о «книге в красивом переплете» речь идет лишь в старинном неточном переводе источника, на который ссылается И.В. Хмелевских. В подлиннике значится «un Cahier proprement relié», т.е. «аккуратно переплетенная тетрадь». Сегодня рукопись представляет собой именно *тетрадь* без переплета. Кстати сказать, о переплетах своих книг царь никогда не заботился.

¹⁵ Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / Sous la dir. de A. Mézin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Т. II. P. 122–123.

¹⁶ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris: P. Ribou et G. Dupuis, 1717. P. 190–191.

¹⁷ ОР БАН. П I Б, № 111.

Сведения об экземпляре издания *Les statuts de l'ordre du St. Esprit* (Кн. 2, № 276) также можно было бы уточнить: как уже было сказано, книга не могла быть привезена А.П. Ганнибалом в июне 1717 г. (Кн. 2, с. 714).

Вызывает недоумение присутствие в каталоге *западноевропейских печатных книг* киевского издания *Слова похвального* Феофана Прокоповича на латинском языке (Кн. 2, № 301, с. 745–746). Вероятно, во введении имело смысл оговорить включение в каталог книг, изданных не только в Западной Европе, но и на западноевропейских языках.

Можно отметить ряд неточностей и опечаток, впрочем, незначительных для издания, в котором отсутствует даже упоминание об участии корректора. Встречается, например, разнобой в подписях к рисункам: в одних случаях указывается лишь номер гравированного листа, в других (более редких) – добавляется название гравюры.

Каталог библиотеки Петра I снабжен целым рядом указателей (именным, заглавий, географическим, типографов, хронологическим), что свидетельствует о высокой культуре издания. Желательным представляется и тематический указатель – это облегчило бы работу с каталогом, где собраны книги на французском, немецком, голландском, латинском, итальянском, английском и шведском языках. В качестве приложения здесь вновь опубликованы реестры, составленные в 1725 и 1728 гг. при передаче царских книг в библиотеку Академии наук.

Полиграфический уровень издания можно определить, как «достойную бедность», что в наибольшей степени отразилось на качестве иллюстративного материала – весьма невысоком. Эта «скромность» особенно бросается в глаза при сравнении каталога с аналогичным изданием, вышедшим вскоре во Франции в виде роскошного альбома с цветными иллюстрациями¹⁸. Книга на французском языке под названием *Peter Великий и его книги: европейские искусства и науки в библиотеке царя* также содержит в качестве основного ядра каталог, составленный И.В. Хмелевских. Однако во французском издании его сопровождает целая серия статей, раскрывающих содержательную сторону книг петровского собрания.

Вступительная статья В. Береловича дает необходимую для зарубежного читателя общую характеристику государственной деятельности Петра I.

Пожалуй, ключевая роль отведена статье «Книги царя» О. Медведковой. Отталкиваясь от свидетельств современников, автор показывает роль книги в становлении реформатора – его характера, страсти к переменам и любви к европейским новинкам. Справедливо подмечено, что в библиотеке царя не было случайных книг: они всегда покупались по воле царя и прямо отражали его интересы и намерения. Чаще всего это

¹⁸ Pierre le Grand et ses livres: Les arts et les sciences de l'Europe dans la bibliothèque du Tsar / Sous la dir. de O. Medvedkova. Paris: CNRS / A. Baudry et Cie, 2016.

были иллюстрированные западноевропейские издания. Автор подчеркивает, что книги царя служили лабораторией «европеизации» России. В статье живо представлена история пополнения царской библиотеки. Замечу, что автор, как и некоторые другие коллеги по изданию, слишком доверчиво отнеслась к свидетельству известного мемуариста герцога Сен-Симона о том, что Петр I понимал французскую речь и владел латинским языком. Сен-Симон признавался, что всегда видел царя лишь издалека, в то время как французы, непосредственно общавшиеся с русским царем (Э.Ф. де Либуа, маркиз де Нель) в своих официальных донесениях прямо сообщали, что «Его Величество не говорит и не понимает по-французски»¹⁹. Хорошо известно, что в удобных случаях (в том числе и во Франции) Пётр I охотно изъяснялся по-голландски и по-немецки.

Статья Ф. Мальгуйра содержит развернутую характеристику франкоязычных изданий из библиотеки Петра I. Анализ конкретных книг дан в контексте его визита в Париж 1717 г.

В статье Э. Зитцера уточняется роль известного дипломата Б.И. Куракина в пополнении царской библиотеки. Изучив «Каталог книг, посланных князем Борисом Ивановичем Куракиным из Гамбурга в Архангельск для царя Петра Алексеевича» (1708), опубликованный в 4-м томе *Архива князя Куракина*, автор предположил, что эти книги дипломат купил для себя, а записал как царский груз, чтобы не платить за перевоз. Названные в «Каталоге» издания, действительно, в своем большинстве отсутствуют в библиотеке Петра I.

П. Дюбур-Глатини в своем исследовании обратил внимание на то, что многие книги в собрании царя дают представление о перспективе как способе визуальной организации пространства, который не был присущ культуре допетровской Руси.

Статья Э. д'Оржекс посвящена разделу *Militaria*, занимающему видное место в «кочующей» библиотеке Петра I. Автор приходит к выводу, что царя интересовали, в первую очередь, не престижные и исторические издания, а актуальные современные книги по военному искусству. Некоторые из них были переведены и изданы в России.

Вышедший во Франции альбом содержит сокращенную версию вводных статей И.В. Хмелевских, полностью опубликованных в русском издании каталога. Некоторое недоумение вызывает тот факт, что французская версия самого каталога содержит описание 287 книг, в то время как в русском издании их 341.

Второй том рецензируемого каталога книг Библиотеки Петра I содержит описание 34 томов, увидевших свет во второй половине XVII – начале XVIII в. изданий текстов византийских историков IV–XV вв., а также двух важнейших для истории, прежде всего, французского, но и в целом европейского византиноведения сочинений Филиппа Лаббе и Шарля

¹⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник РИО. 1881. Т. XXXIV. С. 188.

Дюканжа. Эта коллекция книг имела громадное значение для европейской науки и культуры XVII столетия. Важная роль ей предназначалась и в русской жизни – именно поэтому вся эта увидевшая свет почти полностью в Париже, а отчасти в Риме подборка изданий и появилась в Петербурге уже в 1717 г., а вскоре вошла в состав книг первого российского императора.

Издания, составляющие данную часть библиотеки, описаны в соответствии с принципами, изложенными в первом томе и охарактеризованными нами выше, поэтому мы не будем вновь анализировать их. Здесь достаточно сказать, что работа А.Е. Карначева, несмотря на свои, казалось бы, скромные размеры, серьезно дополняет основную часть каталога западноевропейских печатных книг Петра I, а для историков европейского византиноведения, благодаря подробнейшему описанию каждого экземпляра, дает полезный материал для разного рода наблюдений.

Позволим себе только несколько критических замечаний.

Краткое введение ко второму тому (с. 3–6) содержит гигантскую цитату, занимающую около трети его объема (с. 3–4). Это переведенный А.Е. Карначевым фрагмент из некоего французского текста, принадлежащего неназванным «сотрудникам Национальной библиотеки Франции в Париже», с глухой ссылкой: «сайт bnf.fr». По замыслу автора, эта цитата была призвана пояснить аргументы, при помощи которых французские эрудиты пытались в XVII в. обосновать претензии Людовика XIV на владения Османской империи и подчеркнуть узы, связывавшие «герцогов Валуа, происходивших из дома Бурбонов, с латинскими императорами Константинополя». После недолгих поисков нам удалось установить источник цитаты: это описание собрания «Byzantine du Louvre», размещенное на сайте «[Qantara Patrimoine méditerranéen](http://qantara.patrimoine-mediterranee.fr)» (<http://archive.is/gERg7>). В нем, в частности, сказано:

Alors que Louis XIV fait préparer des plans de conquête de l'Empire ottoman, les érudits recherchent dans l'Histoire des éléments permettant aux Français de revendiquer des droits sur le trône de Constantinople. Ils les trouvent dans le lien familial qui unit les Valois, dont descendent les Bourbons, et les empereurs latins de Constantinople, et le mettent en avant pour asseoir les prétentions impériales du Roi Soleil tant sur l'Orient que sur l'Occident.

Не считая нужным анализировать здесь этот французский текст, мы ограничимся констатацией того простого факта, что фраза о герцогах Валуа, происходящих от Бурбонов, в данном случае – не более, чем ошибка в переводе, точнее – в небрежном пересказе, по непонятной причине поставленном в кавычки и оформленном как цитата.

Во втором томе каталога встречается немало огрехов и при передаче греческого текста описания отдельных частей изданий. Мы не занимались тотальным отслеживанием случаев такого рода, но на многих страницах легко отметить (и это, разумеется, по причине компьютерного набора) разрыв и ошибочный перенос частей слов; см., например, с. 10,

лев. стб. – ΚΑ|Ι, ἐθνικὸ|ἰ, ἐδέξαντ|ο; с. 39, лев. стб. – ΦΩΤΙΟ|Υ; с. 41, прав. стб. – ΠΡΩΤΗ|Σ, ΠΡΟΚΟΠ|ΙΟΥ; с. 43, лев. стб. – ΠΡΟΧΟΠΙΟ|Υ; с. 71, прав. стб. – ΒΑΣΙΛ|ΕΩΣ, Κω|νσταντινουπόλεως и т.д.

Нельзя не обратить внимания на ошибки при передаче греческого текста в описаниях; см., например, с. 35, прав. стб. – ΞΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑ вместо ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑ; с. 37, прав. стб. – ΘΕΟΦΥΛΑΚΤΟΥ вместо ΘΕΟΦΥΛΑΚΤΟΥ (три случая в столбце, то же – в лев. стб. на с. 38); с. 43, оба стб. – ΠΡΟΧΟΠΙΟΥ вместо ΠΡΟΚΟΠΙΟΥ; с. 63, прав. стб. – ΚΑΟΡΘΟΜΑΤΩΝ вместо ΚΑΤΟΡΘΟΜΑΤΩΝ; с. 95, прав. стб. – ΤΘΝΑΠΟ вместо ΤΩΝ ΑΠΟ, ΕΘΣ вместо ΕΩΣ и т.д.

Отмечая рукописные пометы в тексте или на полях, а также приводя записи, каталогизатор облегчил бы задачу будущего исследователя, определив (хотя бы предположительно) время появления такого рода материалов (см., например, с. 14, лев. стб.; с. 33, лев. стб.).

Можно было бы отмахнуться от всех подобных мелочей, находящихся в столь интересном и полезном справочнике. Нам кажется, однако, что тексты каталогов такого редкого и важного характера, выходящих из рук специалистов, должны быть предельно выверены и выправлены.

С.А. Мезин, Б.Л. Фонкич

САВИНСКАЯ Л.Ю. Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017.— 976 с.

История коллекционирования произведений искусства относительно недавно стала привлекать внимание исследователей. В нашей стране интерес к этой теме возник с некоторым опозданием, возможно, связанным с идеологическими ограничениями. Тем не менее с начала 1990-х годов история императорских коллекций и иных собраний оказывается в центре внимания историков и искусствоведов. За эти годы вышло несколько обобщающих работ, в основном компилятивного характера, хотя и снабженных большим количеством иллюстративного материала. Даже О.Я. Неверову, автору книги *Частные коллекции Российской империи* (М., 2004), несмотря на исключительную эрудицию, не удалось преодолеть противоречия между сведениями общего характера и открытиями, сделанными самим автором в результате многолетней деятельности – возможно, поставленную перед ним задачу изначально было невозможно решить в одной публикации. Еще в большей степени безуспешность попытки «объять необъятное» характеризует словарь *Собиратели и хранители прекрасного* (М., 2007), которым невозможно в полной мере пользоваться из-за отсутствия ссылок на литературу по конкретным вопросам¹. То же можно сказать и о книге К.В. Малиновского, посвященной коллекционированию живописи в Петербурге в XVIII в.² Наряду с ценными документами, ее автор довольствуется краткими и компилятивными описаниями

© С.О. Андросов, 2018

¹ Банников А.П., Сапожников С.А. *Собиратели и хранители прекрасного: Энциклопедический словарь русских коллекционеров от Петра I до Николая II. 1700–1918 гг.* М., 2007.

² Малиновский К.В. *История коллекционирования живописи в Петербурге в XVIII веке.* СПб., 2012.

важных частных собраний, игнорируя при этом уже накопленный к тому времени исследовательский опыт – научные публикации и тематические выставки. По всей видимости, на нынешнем этапе более значительный вклад в изучение частного коллекционирования может, скорее, дать тщательное рассмотрение истории конкретного художественного собрания.

Именно таким шагом вперед представляется книга Л.Ю. Савинской *Коллекция живописи князей Юсуповых*, ставшая итогом ее многолетних исследований. Ранее Савинская практически заново написала историю собрания Николая Борисовича Юсупова (1750–1831), положившего начало традиции коллекционирования в этой семье. Она посвятила ему не только несколько серьезных статей, написанных с привлечением архивных материалов, но и грандиозную выставку «Ученая прихоть», проходившую с большим успехом в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (ГМИИ) в Москве в 2001 г. и в несколько измененном виде в следующем году в Государственном Эрмитаже³. Позднее исследовательница, продолжая свои занятия, связанные с историей семьи Юсуповых и их собраний, опубликовала ряд статей, которые также вошли и в настоящую книгу. Исследование Л.Ю. Савинской представляет собой солидный том, почти в 1000 страниц с примечаниями и приложениями, к сожалению, лишенный, по финансовым соображениям, каких-либо иллюстраций. Впрочем, этим ее книга также отличается от изобилующих иллюстрациями компиляций на близкие темы.

Сразу отметим, что судьба собрания Юсуповых сложилась относительно удачно. Коллекция Н.Б. Юсупова не погибла в пожаре Москвы 1812 г., не была распродана наследниками и во второй половине XIX в., а только пополнялась и расширялась. Можно посетовать, что Юсуповский дворец-музей в Петербурге был закрыт в 1925 г., а произведения искусства через Государственный Музейный фонд распределены по разным музеям страны или даже проданы с аукциона, но все-таки большинство из них в итоге попало в ГМИИ и в Эрмитаж. Вместе с работами, сохраняющимися в Государственном Музее-усадьбе «Архангельское», эти коллекции и позволили организовать выставку «Ученая прихоть». Важно также, что сегодня петербургский дворец Юсуповых на реке Мойке открыт для публики. Его администрация бережно относится к интерьерам дворца, стараясь реконструировать, насколько возможно, первоначальное убранство, в котором остаются еще подлинные памятники из знаменитой коллекции.

Вызывает сожаление малый тираж рецензируемого издания. Оно представляет очевидный интерес не только для узкого круга специалистов или музейных работников, но и для образованной, еще читающей публики. Л.Ю. Савинская не только глубоко раскрывает историю юсуповского собрания на основе подлинных документов, но и приводит интереснейшие сведения о членах семьи Юсуповых, а также о судьбе других художествен-

³ «Ученая прихоть»: Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова: Каталог выставки. М., 2001. 2 т.

ных коллекций в старой России. Немалый интерес представляют очерки, посвященные коллекционированию французской живописи в России в XVIII в., а также работам Пьетро Гонзага для театра в Архангельском. Отдельное исследование посвящено истории крепостных живописцев семьи Юсуповых, систематизированной в виде словаря. Стоит особо отметить помещенные в издание письма (тексты на иностранных языках сопровождаются переводами) художников к Н.Б. Юсупову и их расписки в получении от него денег в период с конца XVIII до начала XIX в. Наконец, заключает книгу публикация инвентарных описей обеих частей юсуповской коллекции – из подмосковного Архангельского и петербургского дворца на Мойке, – относящихся к послереволюционному времени. Перед нами не только констатация факта и воспроизведение архивного документа, но и результат проделанной автором огромной работы по идентификации каждой картины, восстановлению истории ее приобретения и дальнейшей судьбы. Книгу сопровождает обширный справочный аппарат, включающий в себя список использованной литературы и именной указатель.

Из одного этого перечисления читатель должен сделать вывод об исключительной важности книги Л.Ю. Савинской. Не имея, естественно, возможности подробно пересказывать содержание этого масштабного труда, хотелось бы обратить внимание на несколько моментов, которые представляются особенно важными.

Коллекционирование семьи Юсуповых рассматривается на широком историческом фоне, в сравнении и в связи с распространенными в России и шире – в Европе культурными практиками того времени. Вот почему в этой книге нет места рассуждениям об уникальности Юсуповых, а краткие экскурсы в историю императорских коллекций, как и частных собраний Петербурга и Москвы представляются вполне закономерными. Интерес вызывают и малоизвестные материалы по истории российских и зарубежных публикаций гравюр из юсуповского собрания. Не менее содержателен отдельный экскурс, посвященный портретной галерее Юсуповых.

Центральное место в книге естественным образом занимает фигура самого Н.Б. Юсупова. Предлагая наиболее полный обзор всех сведений о путешествиях князя и приобретении им произведений искусства, автор использует не только имеющуюся литературу, но и документы из фонда Юсуповых в РГАДА (Москва), а также относительно малоизвестные свидетельства современников, в том числе иностранцев, о дворце в Петербурге и имении Архангельское.

В достаточно полном объеме представлена и деятельность князя Бориса Николаевича Юсупова (1794–1849), при котором велось строительство нового дворца в Петербурге на реке Мойке, а также произошло перемещение большей части коллекции из Архангельского в северную столицу. И здесь рассказ автора основывается на архивных документах, которые иногда содержат любопытные уточнения. Так, оказывается, что запланированный вывоз больших мраморных скульптурных групп из Архангельского не состоялся из-за того, что «вольные во-

щики для подъема сих ящиков ехать в Архангельское не согласились».

Столь же подробно и документированно проанализирована деятельность супруги князя – княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой, урожденной Нарышкиной (1809–1893), продолжившей собирательскую деятельность своего свекра. Здесь кажутся особенно важными сведения о покупке картин современных художников и полотен Гюбера Робера из собрания Ростопчина. Должное внимание уделено предпринятому З.И. Юсуповой строительству нового, отражающего вкусы своего времени дворца на Литейном проспекте в Петербурге. Интересный экскурс внутри данного раздела посвящен акварелям, запечатлевшим интерьеры дворца на Мойке (работы В.С. Садовникова и А.А. Редковского из собрания Русского музея). К сожалению, активная собирательская деятельность З.И. Юсуповой продолжалась не более десяти лет. Уехав за границу, она вновь вышла замуж, за француза, и фактически утратила связь с родиной.

Ее сын, князь Николай Борисович Юсупов младший (1827–1891) организовал работы по ремонту и частичной реконструкции имения в Архангельском. Продолжил он и традицию приобретения произведений искусства; руководствуясь вкусами уже своего времени, особенное предпочтение отдавал произведениям современных европейских мастеров. В связи с этим большой интерес вызывает история сотрудничества Юсупова с антикваром Винсентом Ван Гогом (дядей будущего великого живописца), воссозданная на основе сохранившихся десяти писем Ван Гога. В 1860 г. им были приобретены для Юсупова на аукционе в Брюсселе шесть картин из коллекции Бекелера, в числе которых, например, – *Бегство в Египет* Поля Делароша (ныне в ГМИИ). В целом собранные материалы дают возможность автору сопоставить деятельность Юсупова, испытывавшего особый интерес к современному искусству, с покупками Н.А. Кушелева-Безбородко (1834–1862), наиболее известного русского коллекционера середины XIX в., а также других собирателей Петербурга и Москвы.

Последний раздел основной главы книги посвящен княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой (1861–1939), единственной наследнице семейства, вышедшей замуж за графа Ф.Ф. Сумарокова-Эльстона. Вместе с мужем, а затем и с сыном она продолжала интересоваться искусством. При княгине началось новое большое строительство в Архангельском, а во дворце на Мойке были перестроены в современном духе некоторые помещения. Вместе с мужем З.Н. Юсупова участвовала в финансировании строительства здания Музея изящных искусств в Москве (будущий ГМИИ им. А.С. Пушкина). Заказы в это время давались скорее русским художникам, чем иностранцам, о чем свидетельствуют созданные В.А. Серовым портреты З.Н. Юсуповой (ГРМ, 1902–1904) и других членов этой семьи.

Книга написана ясным, простым языком, лишенным излишней усложненности и употребления наукообразных терминов. Очень обогащает текст цитирование архивных документов, которые естественным образом входят в ткань повествования. При этом длинные, хотя и интересные, цитаты из документов разумно перево-

дятся в примечания и тем самым не усложняют основного текста.

Сказанное не относится к приложениям (описям картин в Архангельском и дворце на Мойке), которые в большей степени предназначены специалистам и музейным работникам. В истории упомянутых здесь произведений, скрупулезно восстановленной автором от момента их приобретения до настоящего времени, все еще остаются белые пятна, побуждающие к дальнейшим поискам и новым открытиям. И в этом еще одно достоинство книги – стимулировать исследования, которые следует продолжить.

Конечно, столь объемный труд не мог обойтись без некоторых неточностей, которых на редкость мало. Тем не менее следует уточнить историю с парой статуй – *Мальчик с птицей* и *Девочка с гнездом* (с. 244), известных во многих повторениях в разных материалах. В современной литературе они отнюдь не приписываются Пигалю и, если первая из них действительно является копией с антика, то авторство модели второй связывается с именем француза Шарля Антуана Бридана. Более существенно, что статуя *Маленький Вакх* (или *Мальчик, давящий виноград*), шедевр Лоренцо Бартолини (ныне в Эрмитаже), была исполнена в конце 1810-х годов для графа Александра Пурталеса-Горжье (1776–1855) и находилась в коллекции Пурталес до 1865 г. Таким образом, нет оснований приписывать ее завершение Паскуале Романелли (1812–1887), как и называть 1857 год датой приобретения (с. 280) (документы о приобретении этой работы пока не найдены). На самом деле после смерти Бартолини его помощник П. Романелли, закончил для З.И. Юсуповой другую статую – *Веру в бога*, традиционно именовавшуюся в советское время *Смирение* и тоже попавшую в Эрмитаж. Можно отметить повторы отдельных изданий в разделе библиографии (вероятно, технические ошибки), а также отсутствие здесь некоторых публикаций, имеющих прямое отношение к теме исследования (например, статья Микелы ди Макко о собирательстве Н.Б. Юсупова в Турине)⁴. Однако, повторюсь, подобных замечаний набирается совсем немного, учитывая огромный объем книги.

Таким образом, нашу науку об искусстве можно поздравить с выходом в свет замечательного исследования, которое еще раз показывает, сколько неизвестного и мало изученного в истории нашей страны хранят архивы. Редко кому удастся так глубоко и полно раскрыть поставленную перед ним тему, как это удалось сделать Л.Ю. Савинской.

С.О. Андросов

⁴ Di Macco M. La cultura artistica torinese e le scelte del principe russo Nikolaj Borisovic Jusupov, ambasciatore presso il Regno di Sardegna (1782–1789) // Antonio Canova: La cultura figurativa e letteraria dei grandi centri italiani. Venezia; Roma. 2005. Vol. 1: Atti della 3ª Settimana di studi canoviani (Bassano del Grappa, 2001) / A cura di F. Mazzocca, G. Venturi. P. 61–74.

XVIII ВЕК

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 2013–2014 ГОДЫ*

Монографии

1. *Абрамзон Т.Е.* «Любовная гадательная книжка» А.П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». М.: ОГИ, 2013. 192 с.
2. *Айзексон У.* Бенджамин Франклин: биография / пер. с англ. В. Кузина, Д. Айше. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 467 с.
3. *Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М.* Дорога на Гюлистан...: из истории рос. политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. М.: Книжный Мир, 2014. 383 с.
4. *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: описания палат, хором и сада: исслед. и док. СПб.: Ист. иллюстрация, 2013. 359 с., [8] л. илл., факс.
5. *Андреева Е.А.* Следственное дело и ссылка А.Д. Меншикова, 1727–1729 гг.: исслед. и док. СПб.: Ист. иллюстрация, 2013. 319 с.: илл., факс. (Б-ка Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).
6. *Андросов С.О.* От Петра I к Екатерине II: люди, статуи, картины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 312 с., 12 л. илл.
7. *Анисимов Е.В.* Толпа героев XVIII века. М.: Астрель, 2013. 668 с.
8. *Атарова К.Н.* Лоренс Стерн: жизнь и творчество М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 415 с., 8 л. илл., портр.

© Л.И. Фурсенко, 2018

* Указатель рассчитан прежде всего на специалистов, занимающихся изучением XVIII века, и имеет целью ознакомление с новейшими публикациями, посвященными эпохе Просвещения. Вынужденное ограничение объема наименований касается переизданий, научно-популярных и учебных материалов, а также публикаций источников без научного аппарата.

9. Баршай Ю., Цыганов А., Червонный А. Адмирал Нельсон в океане нумизматики / под ред. Ю. Баршая. СПб.: Арт-Принт, 2013. 127 с.: илл.
10. Беснятых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб.: Ист. иллюстрация, 2013. 407 с.: илл.
11. Бицаева-Стоянова Р. Князь Иван Михайлович Долгоруков – благородный артист, режиссер, драматург. СПб.: ИД Принт, 2013. 114 с.: илл.
12. Боленко К.Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2013. 528 с.
Рец.: Андреева Т.В. // Рос. история. 2014. № 6. С. 186–193.
13. Буранок О.М. Феофан Прокопович в контексте русских и зарубежных литературных связей XVIII века. Самара: Ас Гард, 2013. 178 с.: портр.
14. Буранок О.М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М.: Флинта: Наука, 2014. 445 с.
15. Вагеманс Э. Царь в Республике: второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. В.К. Ронина. СПб.: Европейский дом, 2013. 255 с.: илл.
16. Галанов М.В. Политика российского самодержавия в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I. СПб., 2013. 301 с.
Рец.: Rogozin I.I. // Клио. 2014. № 3. С. 142–144.
17. Головкин В.П. Живописцы Иван Никитин и Андрей Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. 359 с., 4 л. цв. илл.: илл., портр.
18. Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет / пер. с англ. Е. Леменевой, А. Митрофанова, И.В. Кучумова. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 530 с. (Historia Rossica).
Содерж.: Лавринович М., Федюкин И. От составителей. С. 5–6; Каменский А. Русский XVIII век Дэвида Гриффитса. С. 7–20; Ч. 1: Личность императрицы: (Реконструкция идентичности Екатерины II. С. 23–37; Жить вечно: Екатерина II, Вольтер и поиски бессмертия. С. 38–59; Ч. 2: Политические взгляды: Екатерина II: императрица-республиканка. С. 63–101; Екатерина II и меланхолия, или Анатолия политической оппозиции. С. 102–118; Злодеи, фанатики, адвокаты: взгляды Екатерины II на Французскую революцию. С. 119–148; Ч. 3: Социально-экономическая политика: Дебаты о «торгующем дворянстве» в России: глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством (в соавторстве с В. Камендровским). С. 151–189; Жалованные грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 года: о сословиях, грамотах и конституциях. С. 190–250; Восприятие отсталости в XVIII веке: проекты создания третьего сословия в екатерининской России. С. 251–280; Пролетарии по указу: история приписных крестьян в России (1630–1861) (в соавторстве с Х. Хадсоном-мл. и Б. Дехартом). С. 281–300; Мануфактуры в России в советской историографии. С. 301–345; Ч. 4: Екатерина и Европа: Был ли у Екатерины II «греческий проект»? С. 349–368; Екатерина II открывает Крым. С. 369–385; Панин, Потемкин, Павел Петрович и почта: анатомия политического кризиса. С. 386–406; Посредничество как дипломатический инструмент: попытки России выступить посредником между англичанами, голландцами и даже американцами (1781–1783 годы). С. 407–425; Ч. 5: Екатерина II и Америка: Никита Панин, русская дипломатия и Американская революция. С. 429–463; Американская дипломатия и переговоры о торговле с Россией, 1780–1783 годы. С. 464–503; Русские идут, русские идут! А может, и нет... С. 504–519; Именной указатель. С. 520–528.

- 18а. *Делон М.* Искусство жить либертена / пер. с фр. Е. Дмитриевой, Г. Шумиловой; Французская либертинская проза XVIII века / пер. с фр. Е. Дмитриевой, И. Мельниковой, И. Кузнецовой, Г. Шумиловой. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 890 с.
19. *Дудникова О.Г.* Домашние воспитатели и учителя при дворе Романовых. М.: Рус. слово, 2013. 471 с.
Из содерж.: Гл. I: Вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: от Алексея Михайловича (Тишайшего) до Петра III Федоровича. С. 32–91; Гл. II: Вторая половина XVIII в.: от Екатерины II до Марии Федоровны. С. 92–133.
20. *Евангулова О.С.* Московская архитектура и ее создатели: первая половина XVIII века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 431 с.: илл.
21. *Егерева Т.А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в. М.: Новый хронограф, 2014. 412 с. (Рос. о-во: соврем. исслед.).
22. *Елисеева О.И.* Дашкова: Академик Екатерины Великой. М.: Вече, 2013. 350 с. *Рец.:* // Читаем вместе. 2013. № 8/9. С. 17.
23. *Жук А.Д.* Трансформация жанра оды в английской, немецкой и французской литературах последней четверти XVIII века и в XIX веке. М.: Флинта: Наука, 2013. 286 с.
24. *Зарецкий Ю.П.* Как профессор Дильтей отстоял свою правду (случай из истории Московского университета в первые годы его существования). М.: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», 2014. 60 с. (Препринт / Высш. шк. Экономики – Нац. исслед. ун-т; WP 19/2014/01) (Сер. WP 19. Ист. исслед.).
25. *Захарова О.Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова: Из истории российско-британских отношений. М.: Центрполиграф, 2013. 255 с.
26. *Зыкова Е.П.* Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII веке: Искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 231 с.
27. *Казаков Р.Б.* Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина / Нац. исслед. ун-т – «Высш. шк. экономики». М., 2013. 51 с. (Препринт / Высш. шк. экономики – Нац. исслед. ун-т; W19/2013/02. Сер. WP 19: Ист. исслед.).
28. *Каменева Е.А.* Петербургские старообрядцы в XVIII – первой половине XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 287 с.
29. *Кантор В.К.* Любовь к двойнику: миф и реальность русской культуры: очерки. М.: НПК, 2013. 654 с.
Из содерж.: Ч. 2. Петровская Россия: Петр Великий как культурный герой. С. 115–129; От Москвы к Петербургу: городская структура. С. 130–145; Явление Михаила Ломоносова русской культуре. С. 146–157; Радищев: попытка вернуться в Московскую Русь («Путешествие из Петербурга в Москву»: новое прочтение). С. 158–215.
30. *Карданова Н.Б.* Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М.: Индрик, 2013. 446 с. В прилож. включ. тексты грамот-ходатайств Петра I.
31. *Кащенко С.Г., Маркова М.А.* Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века: ист.-демогр. очерки. СПб.; Брянск: Курсив, 2013. 198 с.

32. *Кедринский А.А.* Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции, 1710–1760. СПб.: Ист. иллюстрация, 2013. 269 с.: илл.
33. *Кованов К.В.* Бернард Мандевиль и общественная мысль Англии первой трети XVIII века. М.: Изд-во РГТЭУ, 2013. 258 с.
34. *Конанова Е.И.* Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половины XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа: монография. Ростов-на-Дону: Антей, 2013. 211 с.
35. *Конингсбрюгге Х. ван.* История потерянной дружбы: отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. / пер. с нидерл. яз. В.К. Ронина. СПб.: Европ. Дом, 2014. 255 с.: илл.
36. *Копелев Д.Н.* Раздел океана в XVI–XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013. 735 с.: илл.
37. *Кротов П.А.* Битва под Полтавой: Начало Великой России. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас»: Лики России, 2014. 567 с.: илл., карты, портр., факс.
38. *Кротов П.А.* Гангут «Морская Полтава»: 300 лет первой победе российского флота. М.: Яуза: Эксмо, 2014. 127 с.: илл.
39. *Крючкова М.А.* Триумф Мельпомены: убийство Петра III в Ропше как политический спектакль. М.: Русский мир, 2013. 335 с.: илл.
Рец.: Неверов А. Смерть Петра III: другая версия // Нева. 2014. № 7. С. 217–220.
40. *Кузнецова И.С.* Иммануил Кант / предисл А.П. Клемешева. 2-е изд., испр. и доп. Калининград: Изд-во Балт. федер. ун-та, 2013. 222 с., 6 л. илл.
41. *Кулакова И.П.* Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования. М.: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», 2013. 47 с. (Препринт / Высш. школа экономики – Нац. исслед. ун-т; WP19/2013/01) (Серия WP 19. Ист. исслед.).
42. *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.
Рец.: Киселев А.А. // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 176–181.
43. *Лаврентьев А.В.* Кабинет-министр Артемий Петрович Вольтер и воевода Дмитрий Михайлович Бобринский-Вольтер: опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 100 с., 8 л. илл. + 1 отд.л. цв. илл., сложенный в 32 с.
44. *Лебедев П.А.* Крепостники и крепостные: (по материалам Городецкого имения Орловых и Паниных конца XVIII – первой половины XIX в.). Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегород. обл., 2013. 71 с.
45. *Лебедева О., Янушкевич А.* Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX века / ред. М. Капальдо, А. Д’Амелия. Салерно, 2014. 436 с.
46. *Лебедева О.Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Яз. славян. культуры (ЯСК), 2014. 471 с. (Studia poetica).
47. *Леонова М.К., Ляшко З.Х.* Из истории Московской балетной школы (1773–1917 гг.). М.: МГАХ, 2013. Ч. 1: 1773–1849. 231 с.: илл.
48. *Либан Н.И.* Русская литература: Лекции-очерки / сост. и подгот. В.Л. Харламова-Либан; вступит. ст., коммент. С.И. Кормилова. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 583 с., 1 л. портр.
Из содерж.: Становление личности в литературе XVIII века. Лекция 1: Вводная. С. 195–205; Лекция 2: Киево-Могилянская коллегия: А.Д. Канте-

- мер. В.К. Тредиаковский. С. 206–218; Лекция 3: М.В. Ломоносов. А.П. Сумароков. М.М. Херасков. С. 219–235; Лекция 4: Классицизм: Идеология и эстетика. С. 236–248; Лекция 5: Массонство в России: Общественно-религиозные движения XVIII века. С. 249–254; Лекция 6: Массонство в России (продолжение): Другие течения общественно-религиозной мысли. С. 255–265; Лекция 7: Н.И. Новиков и его деятельность. С. 266–274; Лекция 8: Образовательно-педагогические идеи века: Воспитательные учреждения. С. 275–284; Лекция 9: Театр: Драматургия. Журналистика. С. 285–294; Лекция 10: А.Н. Радищев. С. 295–305; Лекция 11: Поэзия Г.Р. Державина. С. 306–313; Лекция 12: Мемуары XVIII века. С. 314–323; Лекция 13: Мемуары XVIII века (продолжение). С. 324–332; Лекция 14: Крах классицизма: Возникновение демократической литературы. С. 333–344; Лекция 15: Н.М. Карамзин: Путь в литературу. С. 345–357; Лекция 16: Н.М. Карамзин: Сентиментализм. С. 358–367; Лекция 17: Н.М. Карамзин. «Письма русского путешественника». С. 368–388; Лекция 18: «Письма русского путешественника» (продолжение). С. 389–400; Лекция 19: Н.М. Карамзин. «История государства Российского». С. 401–408.
49. *Ломако Е.Л.* Русский провинциальный город Екатерининской эпохи: Колонна второй половины XVIII в. Коломна: Лига, 2013. 398 с., 20 л. илл.
 50. *Люстров М.Ю.* Фонвизин. М.: Мол. гвардия, 2013. 318 с., 8 л. илл. (Жизнь замечат. людей: ЖЗЛ: сер. биографий. Малая сер.; Вып. 46).
 51. *Маслова А.Г.* Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 211 с.
 52. *Минаков С.Т.* Русский Тюренн: опыт сравнительной военно-исторической антропологии: [А. де Тюренн и А.В. Суворов]. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2014. 235 с.
 53. *Моисеева С.В.* «...К лучшим успехам и славе Академии»: живописные классы Санкт-Петербургской Академии художеств XVIII – первой половины XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2014. 215, 296 с.: илл.
 54. *Морохин А.В.* Великая княгиня Наталья Алексеевна (1755–1776). СПб.: Алетейя, 2013. 256 с.
Рец.: Мауль В.Я. // Рос. история. 2014. № 4. С. 218–222.
 55. *Муравьев В.Б.* Карамзин. М.: Мол. гвардия, 2014. 479 с., 16 л. илл. (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.; Вып. 1681 (1481)).
 56. *Мухин О.Н.* Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск: ТГПУ, 2014. 447 с.
 57. *Николаева М.В.* Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений: застройка и застройщики. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 998 с.: илл., 4 л. илл.
 58. *Омельченко О.А.* Иное просвещение: монархия и закон в европейской политико-правовой философии XVIII века: очерки и свидетельства. М.: МГИУ, 2013. 665 с.
 59. *Пастушенко Л.М.* Эволюция драматургии М.М. Хераскова. Петропавловск-Камчатский: Камчат. гос. ун-т им. В. Беринга, 2014. 162 с.
 60. *Перро Ф.* Роскошь: богатство между пышностью и комфортом в XVIII – XIX веках / пер. с фр. А.Н. Смирновой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 288 с.
 61. *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОССПЭН, 2014. 1063 с.

62. *Плотникова М.М.* Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 191 с.: ил (Азиатская Россия).
63. *Пунин А.Л.* Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: в 2 ч. СПб.: Лики России, 2014.
Ч. 1: Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко. 211 с.
64. *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя»: Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 543 с., 8 л. илл.
65. *Розулин Н.Г.* Англо-русская экспедиция в Голландию 1799 г. в произведениях изобразительного искусства. СПб.: ЛЕМА, 2014. 274 с.: илл.
66. *Самарин А.Ю.* О редких книгах и книжных памятниках. М.: Пашков дом, 2014. 279 с.
Из содерж.: Издания гражданской печати петровского времени и русский читатель XVIII века. С. 159–183; Прижизненные издания М.В. Ломоносова. С. 184–208; Книжный Ярославль XVIII столетия: [рец. на кн.: Гулина Т.И. Книги гражданской печати 1708–1800 гг. из собрания Ярославского музея-заповедника: каталог. Рыбинск, 2003]. С. 233–240; Книжные сокровища горнозаводского края: [рец. на кн.: Сводный каталог книг гражданской печати XVIII – первой четверти XIX века в собраниях Урала. Т. 1–2. Екатеринбург: Сократ, 2005–2007. Т. 1 / сост. Е.П. Пирогова, С.А. Белобородов; Т. 2 / сост. Е.П. Пирогова]. С. 241–254.
67. *Самарин А.Ю.* Типографщики и книгочѣты: очерки по истории книги в России второй половины XVIII века / Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2013. 407 с.: илл.
Рец.: *Ермолаева М.А.* Книжное дело в эпоху русского Просвещения // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2013. Сб. 99 (3/4). С. 238–240; [Рецензия] // Новое лит. обозрение. 2013. № 4. С. 403–405; *Сухоруков К.М.* Просветительская книга о российском книжном деле века Просвещения // Библиография. 2013. № 4. С. 66–68.
68. *Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин в русском общественном и литературном сознании середины и второй половины XIX века. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 257 с.
69. *Сафронова А.М.* Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 333 с.
70. *Серман И.З.* Свободные размышления: воспоминания, статьи. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 362 с. (Новое лит. обозрение: науч. прил.; Вып. 120) (Науч. б-ка).
Из содерж.: О моем отце. С. 5–12; Воспоминания: Первые тридцать лет: (воспоминания). С. 17–50; Статьи: Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I. С. 53–100; Бова и русская литература. С. 101–109; Язык мысли и язык жизни в комедиях Фонвизина. С. 110–135; Достоевский и Просвещение. С. 199–213; Державин в XX веке. С. 307–322; Россия и Запад. С. 323–338; Из воспоминаний о себе самом. С. 339–352.
71. *Сорокина Н.И.* Джованни Баттиста Пиранези. М.: БуксМАрт, 2013. 111 с.: илл.
72. *Старикова Л.М.* О Федоре Волкове: в поисках истины, 1729–1763. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2013. 319 с.: илл., 2 л. цв. илл., портр.
73. *Стародубцев М.П.* Становление российской системы образования во второй половине XVIII века: Идеология, традиции, проекты и их реализация. СПб.,

2014. 251 с., 9 л. илл.
74. *Стегний П.В.* В тени восьмиконечного креста: Мальтийский орден и его связи с Россией: [вторая пол. XVIII – нач. XIX в.]. М.: Междунар. отношения. 2013. 350 с.
 75. *Степанская Т.М., Степанская А.Г.* Влияние петербургской архитектурной школы на формирование архитектурного облика горнозаводских комплексов Алтая в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: АлтГУ, 2014. 140 с.: илл.
 76. *Токарчук Р.Е.* Эволюция форм хищения в уголовном законодательстве России XVII–XVIII веков. М.: Юрлитинформ, 2013. 213 с.: табл. (Теория и история гос-ва и права).
 77. *Трофимова О.В., Коновалова Е.Н.* Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 455 с.
Рец.: Логунова Н.В. // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2014. № 4: Науки о Земле. С. 130–133; *Майоров А.П.* // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2. С. 313–315.
 78. *Файзрахманов И.З.* Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 207 с.: табл.
 79. *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М.: Мол. гвардия, 2013. 380 с., 8 л. илл. (Жизнь замечат. людей: ЖЗЛ: сер. биографий; Вып. 1594 (1394)).
 80. *Хадсон Х.* Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке / авториз. пер. с англ. И. Кучумова; отв. ред. И.Н. Юркин. СПб.: Свое изд-во, 2014. 115 с.: илл.
 81. *Хундерт Г.Д.* Евреи в Польско-Литовском государстве в XVIII веке: генеалогия Нового времени / пер. с англ. Ю. Табака. М.: Книжники: Текст, 2014. 306 с. (История евреев).
 82. *Цинцадзе Н.С.* Г.Р. Державин: на службе у трёх императоров: В 3 ч. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
 83. *Цыбаков Д.Л.* Боевой путь Орловского полка в военных кампаниях XVIII – начала XIX столетия. Орел: Картуш, 2014. 119 с.: илл., карт.
 84. *Цыбикдоржиев В.Б.* Путь предков: (грамота-указ Петра Великого от 22 марта 1703 г.). Улан-Удэ, 2014. 187 с.
 85. *Цыганова Л.А.* Итальянские мастера в России XVIII века: жизнь и творчество. М.: Принципиум, 2013. 183 с.
 86. *Шашков А.Т.* Избранные труды / отв. ред. И.В. Починская. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2013. 736 с.: илл.
Из содерж.: Новые материалы к изучению биографии и творчества уральского крестьянина М.И. Галанина – бунтаря и писателя XVIII века. С. 190–197; Болгарский богослов и русские старообрядцы в первой трети XVIII века. С. 285–287; Сибирские староверы второй половины 70-х – 80-х годов XVII века и Тарский бунт 1722 года: связь времени. С. 288–294; Урало-сибирская старообрядческая литература XVII–XVIII веков: основные направления развития. С. 340–346; Послание «правоверным» – новый памятник урало-сибирской старообрядческой литературы начала XVIII века: атрибуция, текст, комментарии. С. 347–375; Брань, борода и немецкое платье (по материалам урало-сибирских «видений» XVII–XVIII веков). С. 430–439; Об учителях первой светской школы в Тобольске в начале XVIII века. С. 492–495; «Дело монаха Феодосия» (материалы к биографии сибирского

- администратора конца XVII – начала XVIII века Ф.Р. Качанова). С. 497–511; Фискальный гнет Петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII – начала XVIII века) /соавт. М.О. Акишин. С. 573–583.
87. *Шебалдина Г.* Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 187 с.: илл. (История. География. Этнография).
88. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Д.Г. Демидов, В.Н. Калиновская, В.В. Колесов, О.А. Черепанова; под ред. В.В. Колесова. СПб.: СПбГУ, 2013. 317 с. (Филология).
89. *Яковлева С.А.* Хогарт и английская графическая школа XVIII века: проблемы развития авторской и репродукционной гравюры. Красноярск: Красноярская гос. акад. музыки и театра, 2014. 288 с.: илл. (Союз искусства и науки).
90. *Ямшианов И.В.* Архитектура неоготического стиля в России второй половины XVIII – середины XIX в. СПб.: Санкт-Петерб. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2014. 315 с.: илл.

Коллективные труды и сборники

91. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. СПб.: НП-Принт, 2014. Вып. 4 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. 660 с.: илл. *Из содерж.:* *Ивасюткина М.А.* Пьер-Анри Валансьен – теоретик и живописец. С. 318–324; *Станюкович-Денисова Е.Ю.* Чертежи петербургских церквей 1740-х годов из Тессин-Хорлеманской коллекции. С. 401–423; *Тетермазова З.В.* Обратное «отражение»: К вопросу о живописных портретах второй половины XVIII века, исполненных с гравированных оригиналов. С. 424–430; *Наумова В.С.* Итальянская живопись в собрании К.Г. Разумовского. С. 431–440; *Колмогорова Е.Е.* Мотив «портрета в портрете» и тема семьи в русской живописи второй половины XVIII – начала XIX века. С. 441–446; *Скворцова Е.А.* Гравер Джеймс Уокер (около 1760 – не ранее 1823): Англия и Россия. С. 447–456; *Григорьева Д.А.* Уильям Хогарт и русская художественная жизнь. С. 457–465.
92. А.М.П.: Памяти А.М. Пескова / редкол. А.С. Бодрова и др. М.: РГГУ, 2013. 650 с., 2 л. илл. *Из содерж.:* *Трахтенберг Л.А.* Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков: формирование жанра. С. 50–68; *Абрамзон Т.Е.* Эпитафия И.К. Голеневского: мемориальный дискурс «ломоносовского текста». С. 69–78; *Каменский А.Б.* К проблеме словосности в России XVIII века: (воспоминания и размышления). С. 79–93; *Жуковская А.В.* Служить бы рад, *работать* тошно: к истории бюрократии Московского государства и ранней Российской империи (из «картотеки мотивов»). С. 94–108; *Марасинова Е.Н.* «Тогда не то, что ныне, при государыне служил Екатерине»: (по страницам «Горе от ума»). С. 109–126; *Ивинский А.Д.* Екатерина Великая и Фридрих II: к вопросу об источниках «Наказа». С. 127–132; *Зорин А.Л.* Карамзин Лотмана и либеральная интеллигенция позднесоветской эпохи. С. 133–149; *Строганов М.В.* О литературных поколениях и историко-литературных вопросах. С. 150–157; *Гистер М.А.* Образ Алеши Поповича в русской литературной сказке XVIII – начала XIX века. С. 158–183; *Проскурин О.А.* Одежда

- богов: (две заметки об одном пародийно-сатирическом приеме в поэзии XVIII века). С. 184–195.
93. Аониды: сб. ст. в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) Рос. акад. наук; под ред. Н.Ю. Алексеевой, А.А. Костина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 191 с.
Содерж.: От редакции. С. 3–6; *Николаев С.И.* «И мы яблока пльвем»: (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.). С. 7–16; *Алексеева Н.Ю.* Переложение-переосмысление А.П. Сумароковым 83 псалма. С. 17–23; *Бухаркин П.Е.* «Опыт Российского сословника» в контексте литературной деятельности Д.И. Фонвизина. С. 24–35; *Росси Л.* «Улиссовы спутники» М.Н. Муравьева и «Улисс и его спутники» Я.Б. Княжнина. С. 36–43; *Кукушкина Е.Д., Дёмин А.О.* «Освобожденная Ветилуя» П. Метастазо в переводе Ф.В. Генша. С. 44–51; *Левитт М.* Стихотворение Державина о княгине Дашковой: к проблеме их взаимоотношений. С. 52–62; *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина. С. 63–78; *Дёмин А.О.* Рукопись Г.Р. Державина в ИРЛИ. С. 79–83; *Веселова А.Ю.* А.Т. Болотов и Н.М. Карамзин о задачах литературной критики. С. 84–92; *Бодэн Р.* О возможном источнике «Путешествия из Петербурга в Москву»: Александр Радищев и Франсуа Верн. С. 93–105; *Костин А.А.* Еще раз о тексте сибирских записок А.Н. Радищева. С. 106–114; *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Н.А. Львов – посвяtitель, меняющий маски. С. 115–125; *Рак В.Д.* К творческой биографии В.М. Протопопова. С. 126–135; *Данилевский Р.Ю.* «Свободность к таковым упражнениям»: Страница из тетради XVIII века. С. 136–138; *Фоменко И.Ю.* «Русский Вертер» – Маслов или Матвеев: к вопросу о прототипе героя повести А.И. Клушина «Вертеровы чувствования, или Несчастный М.». С. 139–144; *Вачева А.* Мемуары Анны Евдокимовны Лабзиной: между житием и нравоучительным трактатом. С. 145–153; *Хексельшнайдер Э.* Лейпциг XVIII века в восприятии русских путешественников / пер. с нем. А.А. Костина. С. 154–163; *Соловьев А.Ю.* Немецкая антология русской сентиментальной прозы и ее издатель. С. 164–170; *Ди Сальво М.* «Итальянские» Меншиковы. С. 171–176; *Заборов П.Р.* Ф.Г. Головкин и его архивные находки. С. 177–183; *Кросс Э.* Первые печатные отзывы на смерть Пушкина в Англии / пер. с англ. А.А. Костина. С. 184–190.
94. Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов, 2013: мат-лы Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2013. М.: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка НАН Беларуси, 2013. 494 с.: илл.
Из содерж.: *Ермолаева М.А.* Особенности формирования культуры книгораспространения в России XVIII столетия. С. 126–130; *Железняк Е.А.* Общий обзор кириллических изданий типографии Почаевского Успенского монастыря XVIII – первой трети XIX в. из фондов отдела старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. С. 130–134; *Заболотная Н.В.* Реклама и способы распространения кириллических книг в XVIII – начале XIX в. (на материале кириллических изданий Почаевской типографии и их экземпляров из фондов Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. С. 138–143; *Кочеткова Н.Д.* Об указателе посвящений в русских изданиях XVIII в. С. 200–203; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Профессор Анна Жбиковская-Мигонь и ее словарь историков книги XVIII века. С. 215–216; *Науменко В.Г.* Сатирические журналы Н.И. Новикова в фондах отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси

- си. С. 258–261; *Руднев Д.В.* Справщики типографии Морского шляхетского кадетского корпуса во второй половине XVIII в. С. 312–316; *Тараканова О.Л., Панарина Т.В.* Об особенностях книгособирательства и антикварной книжной торговли во Франции в конце XVIII в. С. 389–393.
95. «Беседа любителей русского слова»: 200 лет / Всерос. музей А.С. Пушкина, Музей-усадьба Г.Р. Державина; отв. ред. Н.П. Морозова. СПб.: ВИРД, 2013. 273 с., 12 л. илл.
Из содерж.: *Некрасов С.М.* Портрет Г.Р. Державина: Почему 1811 год? С. 4–7; *Кочеткова Н.Д.* Стал бы Херасков членом «Беседы любителей русского слова»? С. 42–51; *Костина Т.В.* Г.Р. Державин – «посмертный» член Казанского «Общества любителей отечественной словесности». С. 84–91; *Агамалян Л.Г.* Державинские материалы в собрании Литературного музея ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. С. 113–136; *Сомов В.А.* Русская переписка графа де Шуазель-Гуффье. С. 165–176; *Приёмшишева М.Н.* Индивидуально-авторская лексика в поэзии старших архаистов (Г.Р. Державин, А.Х. Востоков). С. 191–210; *Романов Д.А.* Терминологические прилагательные в заключительной части «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина. С. 211–226.
96. XVIII век: сборник / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 2013. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. 510 с.
Содерж.: От редактора. С. 3–4; *Алексеева Н.Ю.* Примечания Антиоха Кантемира к «Письмам Горация». С. 5–25; *Бабаева Е.Э.* Язык в зеркале размышлений поэта: (К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира). С. 26–48; *Вачева А.* София-Екатерина: Имя и мифология в автобиографии Екатерины II. С. 49–68; *Веселова А.Ю.* Переписка А.Т. Болотова с Н.Е. Тулубьевым как исторический и литературный источник. С. 69–84; *Кошценко И.В.* Эпиграфы в учебных пособиях Николая Курганова. С. 85–104; *Невская Д.Р.* Русские писатели XVIII века об исторической и эстетической значимости мифа. С. 105–120; *Лапто-Данилевский К.Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки. С. 121–153; *Кочеткова Н.Д.* Семейные посвящения в русских изданиях XVIII века. С. 154–186; *Клейн Й.* Истина и искренность в панегирической поэзии Державина. С. 187–219; *Койтен А.А., Земскова Е.Е.* Филантропист и «Фелица»: (Историческое пояснение к неизвестному немецкому переводу державинской оды в учебной книге К.Г. Вольке, 1785). С. 220–261; *Беляев Н.С.* Русские литераторы XVIII века – конференц-секретари Императорской Академии художеств (А.М. Салтыков, Ф.Х. Фелькнер, А.Ф. Лабзин). С. 262–276; *Хексельшнайдер Э.* Новое о студенческих годах А.Н. Радищева и его друзей: Два неизвестных письма к Х.А. Клодиусу / пер. А.А. Костина. С. 277–309; *Костин А.А.* А.Н. Радищев как фольклорист. С. 310–325; *Мезин С.А.* Дидро, Рейналь и Радищев: из истории филиации идей. С. 326–342; *Соловьев А.Ю.* История текста «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова. С. 343–361; *Кукушкина Е.Д.* Пьер Корнель в России. С. 362–386; *Николаев С.И.* Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII–XX веков. С. 387–396; **Публикации:** *Николаев С.И.* Русская идиллия 1750-х годов: (Новые материалы). С. 397–415; *Фоменко И.Ю.* «Меланхолические домашние мои рассуждения» Ф.И. Колоколова. С. 416–433; *Гуковский Г.А.* Расин в России в XVIII веке / пер. с фр. и примеч. А.О. Дёмина. С. 434–480; Из опыта работы над «Сло-

- варем русских писателей XVIII века»: *Николаев С.И.* Предположение о Петре Суворове. С. 481–484; *Костин А.А.* Про Иванов Соколовых. С. 485–491; Список сокращений. С. 492; Указатель имен. С. 493–508.
97. Вольтер: pro et contra: личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. А.А. Златопольская. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2013. 847 с. (Сер. «Рус. путь»).
- Содерж.*: От издателя. С. 5–6; *Златопольская А.А.* Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI век). С. 7–28; **I. XVIII – первая треть XIX века: Вольтер в газете «Санкт-Петербургские ведомости»**. С. 31–36; **Вольтер и «Северная Семирамида»: Екатерина II: Письмо Вольтеру от 9[20] июля 1766 года**. С. 37–38; Письмо Вольтеру от 26 марта (6 апреля) 1767 года. С. 38–39; Письмо Вольтеру (написано до 12 (23) декабря 1767 года). С. 40–41; Письмо Вольтеру от 25 июня [6 июля] 1776 года. С. 41–42; Письмо Вольтеру от 1 [12] октября 1777 года. С. 42–43; Письмо Ф.М. Гримму. Царское Село, 21 июня 1778. С. 43–44; Рескрипт полномочному министру в Париже, князю И.С. Барятинскому, об оказании содействия Ваньеру, секретарю Вольтера, намеревающемуся отправиться в С.-Петербург с его библиотекою (4 марта 1779 г.). С. 44; **Екатерина II и цензура Кельского издания сочинений Вольтера**: Письмо протоиерея Петра Алексеева А.В. Храповицкому. Москва от 13 сентября 1789 года. С. 45–46; Письмо Екатерины II к А.В. Храповицкому от 17 сентября 1789 года. С. 47; Письмо Екатерины II к П.Д. Еропкину 25 сентября 1789 года. С. 48; Письмо П.Д. Еропкина митрополиту Платону от 1 октября 1789 года. С. 49; Письмо П.Д. Еропкина Екатерине II 1 октября 1789 года. С. 50; О непечатании издания Бомарше всех сочинений Вольтера в шестидесяти девяти томах состоящего ни в одной типографии без цензуры и апробации московского преосвященного митрополита Платона. С. 51–53; Запись в журнале Комиссии Академии Наук от 19 апреля 1790 года о запрещении печатать сочинения Вольтера без разрешения духовной цензуры. С. 54; **Вольтер. Знакомство и освоение**: Из писем М.Л. Воронцову от Исаака Веселовского. С. 55–56; *Ломоносов М.В.* Примечания [на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера 1757 года]. С. 57–61; [Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера]. С. 61–64; И.И. Шувалов – Вольтеру. С.-Петербург, сего 19/30 марта 1762. С. 65–66; И.И. Бецкой – Вольтеру. С.-Петербург, 29/XI/[10/XII]/1765 г. С. 67; *Фонвизин Д.И.* Письмо к сестре Ф.И. Аргамаковой-Фонвизиной. С. 68–69; *Рахманинов И.Г.* [Предисловие переводчика]. С. 70–71; *Рознотовский Е.В.* От переводившего. С. 72–73; *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Г. Вольтера на разрушение Лиссабона, написанное В. Левшиным к приятелю его Господину З***. С. 74–107; *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника: <Фрагмент>. С. 108–110; *Болховитинов Е.А.* Предупреждение к российскому переводу: <Фрагмент>. С. 111–113; Краткое историческое сведение о Вольтере и его знатнейших сочинениях: <Фрагмент>. С. 113–115; <*Победоносцев П.В.*> Эпитафия Господину Вольтеру Ж.Ж. Руссом на фран<цузском> языке сочиненная. С. 116; *Кандорский И.М.* Вольнодумец, убеждаемый в несправедливости его рассуждений, в истине бессмертия души, и в любви Евангельская веры: Российское сочинение с особенными историческими, философскими и нравственными примечаниями: <Фрагмент>. С. 117–121; *Голушкин З.С.* Предмет французского про-

- свещения ума: <Фрагмент>. С. 122–123; *Баталин А.Е.* Послание к Урании против послания к Урании Вольтера: <Фрагмент>. С. 124–148; **II. 30-е годы XIX–XXI века: 30-е годы XIX – начало XX века (до 1917 года): Пушкин А.С.** Вольтер (Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brasses, etc, Paris 1836). С. 151–157; В.Г. Белинский – Н.В. Гоголю. 15 июля 1847 г.: <Фрагмент>. С. 158; Н.В. Гоголь – В.Г. Белинскому. <Конец июля – начало августа н. ст. 1847. Остенде>: <Фрагмент>. С. 159–160; *Гогоцкий С.С.* Вольтер. С. 161–173; *Страхов Н.Н.* Микромегас Вольтера. С. 174–189; *Писарев Д.И.* Популяризаторы отрицательных доктрин: <Фрагмент>. С. 190–209; О бесцензурной книге «Романы и повести» Вольтера 7 февраля 1870 г. С. 210–212; <Рецензия на:> Романы и повести Фр.М. Вольтера. Перевод Н.Н. Дмитриева. СПб. 1870 г. С. 213–221; *Михайловский Н.К.* Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель: Романы и повести Ф.М. Вольтера. Перевод Н.Н. Дмитриева. СПб. 1870. Voltaire: Sechs Vorträge von David Strauss. Leipzig. 1870. С. 222–290; *Шапков С.С.* Вольтер. Voltaire, Sechs Vorträge von Dav. Gr. Strauss. Leipz. 1870. Романы и Повести Вольтера. СПб. 1870. Études sur l'humanité par Laurent, tomes XII, XIII et XIV. С. 291–315; *Шахов А.А.* <Вольтер как историк>. С. 316–329; *Жаклар В.В.* Вольтер. С. 330–352; *Страхов Н.Н.* Очерк истории философии с древнейших времен до настоящего времени: <Фрагмент>. С. 353–354; *Лопухин А.П.* Вольтер как глава и тип французского неверия: Дело С.П.Б. Цензурного Комитета 1896 г. по брошюре «Вольтер. Вавилонская принцесса». С. 389–391; *Герье В.И.* История XVIII века: <Фрагмент>. С. 392–394; *Дорошевич В.М.* Улыбка Вольтера. С. 395–397; *Вульфийус А.Г.* Религиозные воззрения и терпимость Вольтера: <Фрагмент>. С. 398–460; *Кареев Н.И.* Отношения между религией и политикой у философов XVIII века: (по поводу одной новой книги). С. 461–479; *Шнет Г.Г.* История как проблема логики: критические и методологические исследования: <Фрагмент>. С. 480–485; **Вольтер в советской и постсоветской России:** *Луначарский А.В.* Фернейский отшельник. С. 486–491; *Беркова К.Н.* Вольтер: <Фрагмент>. С. 492–509; *Люблинский В.С.* Библиотека Вольтера. С. 510–519; *Гордон Л.С.* Письмо Константину Николаевичу Державину. С. 520–521; Естественно-исторические воззрения Вольтера (по материалам его библиотеки). С. 521–530; *Копанев Н.А.* Репертуар произведений Ф.М. Вольтера в петербургской академической книжной лавке в середине XVIII в. (1731–1761 гг.). С. 531–545; *Аверинцев С.С.* Два рождения европейского рационализма: <Фрагмент>. С. 546–551; *Альбина Л.Л.* Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом». С. 552–564; *Кузнецов В.Н.* Философское творчество Вольтера и современность. С. 565–623; *Заборов П.Р.* Вольтерьянство: к истории слова и явления. С. 624–646; *Иванов О.Е.* Имя философии как предмет идеологических манипуляций: Вольтер. С. 647–661; **Вольтер и Руссо:** *Радлов Э.Л.* Отношение Вольтера к Руссо. С. 662–700; *Державин К.Н.* <Вольтер и Руссо>. С. 701–708; *Мелихов А.М.* Между цинизмом и безответственностью. С. 709–730; Список сокращений. С. 731; Комментарии. С. 732–830; Указатель имен. С. 831–842.
98. Вольтеровские чтения: сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. СПб.: РНБ, 2014. Вып. 2 / отв. ред. *Н.А. Копанев.* 224 с.
Содерж.: Памяти Николая Александровича Копанева. С. 7–8; Предисловие. С. 7–13; **Вольтер и русская историография:** *Копанев Н.А.* Образ Екате-

- рины I в произведениях и собрании рукописей Вольтера. С. 17–46; *Кротов П.А.* Вольтер о калабалыке 1713 г.: вымысел или реальные подробности? С. 47–53; *Мезин С.А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: так называемые «Записки Вильбуа». С. 54–65; *Свердлов М.Б.* Вольтер и Ломоносов – диалог двух историков России. С. 66–96; *Строев А.Ф.* История России: оружие в руках французских и русских дипломатов XVIII века. С. 97–114; *Дорохова Н.Е.* Обстоятельства восхождения на трон Екатерины II в переписке Ф.-П. Пикте и Вольтера. С. 115–123; *Ильиченко Э.В.* Россия второй половины XVIII века в «Истории» П.-Ш. Левека. С. 124–141; *Мстиславская Е.П., Платонова Н.В.* «Просвещенный абсолютизм» в философско-исторических воззрениях А.П. Сумарокова и Вольтера. С. 142–148; *Сафонов М.М.* Вольтер, княгиня Дашкова, Екатерина II. С. 149–173; *Гончарова Т.Н.* Проблема исторической достоверности в творчестве Вольтера (на примерах «историй» Карла XII и Петра Великого). С. 174–187; *Полосина А.Н.* Вольтер и Л.Н. Толстой: философия истории. С. 188–198; *Соломеин А.Ю.* Историко-методологическое осмысление творчества Вольтера в русской историографии конца XIX – начала XX в. С. 199–209; *Автухович Т.Е.* Вольтер и Кребийон-сын: двойной портрет в интерьере эпохи. С. 210–219; Список сокращений. С. 220; Сведения об авторах. С. 221–222.
99. Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2013. Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. ред. тома С.Я. Карп. 787 с.: илл., 8 л. илл.
Содерж.: Карп С.Я., Мельянцева В.А. Введение: Восток и Запад в XVIII веке. С. 5–11; **Европа: пространство, люди, социум:** Чеканцева З.А. Образ Европы. География, климат. С. 12–18; Чеканцева З.А., при участии А.М. Стоичика, С.Н. Затравкина. Жизнь, опережающая смерть: население. С. 19–31; Чеканцева З.А. Миры, утратившие равновесие: город и деревня. С. 32–39; Чеканцева З.А. Обмен: рынок, деньги, кредит. С. 40–48; Чеканцева З.А. Люди и техника: Начало промышленной революции. С. 49–57; Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. С. 58–73; Пименова Л.А. Социальные иерархии и «цивилизация нравов». С. 74–99; **Просвещение и его практики:** Карп С.Я. Что такое Просвещение? С. 100–103; Каменский А.Б. Просвещение и власть. С. 104–132; Смилянская Е.Б., Цапина О.А. Религия и церковь в эпоху Просвещения. С. 133–160; Ржеуцкий В.С. Воспитание и образование. С. 161–174; Лебедева Е.И. Чтение. С. 175–179; Лебедева Е.И. Путешествия. С. 180–184; Лебедева Е.И. Филантропия. С. 185–187; Плавинская Н.Ю. Франкмасонство. С. 188–199; Плавинская Н.Ю. Общественное мнение. С. 200–204; Плавинская Н.Ю. «Партия философов». С. 205–209; **«Открытие» мира:** Плавинская Н.Ю. Систематизация знаний: «Энциклопедия» Дидро и Даламбера. С. 210–217; Дмитриев И.С., Колчинский Э.И. «Открытие» Природы. С. 218–232; Тункина И.В. «Открытие» прошлого. С. 233–255; *Любзбиринк Х.Ю.* Открытие «цивилизации» / пер. Н.Ю. Плавинской. С. 256–262; **Новые горизонты:** Николаев В.П. Океания. С. 263–286; Альперович М.С. Латинская Америка. С. 287–306; Альперович М.С. Русская Америка. С. 307–321; Базелин А.С. Тропическая и Южная Африка. С. 322–344; **Восток:** Кириллина С.А., Орлов В.В. Арабский мир. С. 345–384; Коняшкина Т.А. Иран в XVIII столетии: век «великого замешания». С. 385–399; Турин В.А. Три мира Юго-Восточной Азии. С. 400–418; Ванина Е.Ю. Индия: на переломе. С. 419–456; Терицкий К.М., Волчкова Е.В. Китай: весны и осени

- последней империи. С. 457–497; *Мещеряков А.Н.* Япония: мир за «бамбуковым занавесом». С. 498–513; **Перемены на карте мира. Судьбы империй:** *Чудинов А.В.* Рах Егореа: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира. С. 514–541; *Каменский А.Б.* Становление Российской империи. С. 542–567; *Мейер М.С.* Между Востоком и Западом: Османская империя. С. 568–588; *Фурсов К.А.* Эволюция Британской империи. С. 589–621; *Хрулёва И.Ю.* Война за независимость и образование США. С. 622–643; **Французская революция:** *Чудинов А.В.* Истоки революции. С. 644–654; *Бовыкин Д.Ю.* От Старого порядка к новому. С. 655–663; *Чудинов А.В.* Террор. С. 664–677; *Бовыкин Д.Ю.* Революция и контрреволюция. С. 678–693; *Чудинов А.В.* Французская революция и мир. С. 694–706; Приложения: Хронология. С. 707–714; Избранная литература. С. 715–735; Указатель имен / сост. Е.Н. Балашова. С. 736–760; Указатель географических названий / сост. Е.Н. Балашова. С. 761–779; Перечень иллюстративного материала. С. 780–784.
100. Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв.– 2 февр. 2013 г.: В 2 ч. М., 2013. Ч. 2 / отв. ред. Ю.Э. Шустова. 635 с.
Из содерж.: *Адаменко О.Н.* Из опыта дипломатической кодикологии: переписная книга вологодского Спасо-Каменского монастыря 1701–1702 гг. С. 182–184; *Долгова С.Р., Якушкин Г.Р.* Первый статейный список XVIII в.: резидент А.Я. Хилков на пути в Стокгольм. С. 296–298; *Мауль В.Я.* Печати Пугачева / «Петра III» в системе культурной идентификации. С. 402–405; *Мельцин М.О.* Использование вспомогательных исторических дисциплин в датировании стихов И.М. Долгорукова. С. 410–413; *Савельев Ю.Р.* Эволюция императорского титула и развитие дворцового ансамбля Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в.: к постановке проблемы. С. 509–512; *Сердюк И.А.* Школы и школьники в документах массового учёта населения Гетманщины (на примере Генеральной описи Малороссии 1765–1769 гг.). С. 528–531; *Черкасова М.С.* Увечные люди в Устюге в начале XVIII в. С. 593–596; *Шустова Ю.Э.* Символика сердца в книге «Ифрика иерополистика» в контексте эстетики барокко XVIII в. С. 611–616; *Юркин И.Н.* План Ивановского канала 1763 года как исторический источник. С. 619–622.
101. Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. 327 с., 4 л. илл.
Из содерж.: *Тычинина Л.В.* Дашковское общество. 2012 год: хроника событий. С. 9–13; *Приказчикова Е.Е.* Записки императрицы Екатерины II и Е.Р. Дашковой: диалог двух женских мемуарных текстов. С. 14–30; *Сафонов М.М.* Е.Р. Дашкова и Ж.-Д.-Ж. Одар. С. 31–57; *Елисеева О.И.* Именины госпожи Решимовой. С. 58–65; *Фирсова Е.Н.* Сестра и брат: княгиня Е.Р. Дашкова и граф А.Р. Воронцов. С. 66–124; *Поляхова Е.Н.* К родословной Е.Р. Дашковой: пересечения родов князей Дашковых и графов Воронцовых-Дашковых с родом светлейшего князя А.Д. Меншикова. С. 125–155; *Лопатухина И.Е.* И.П. Кулибин – механик и руководитель мастерских Санкт-Петербургской академии наук во время директорства Е.Р. Дашковой. С. 156–162; *Алексеев В.Н.* К биографии князя П.М. Дашкова. С. 163–172; *Полевщикова Е.В.* А.Р. Воронцов в Лондоне: штрихи к портрету «русского джентльмена». С. 173–185; *Серебрякова Н.Я.* Пример служения Отечеству: письма С.Р. Воронцова в Адмиралтейств-коллегию. С. 186–208; *Мещеря-*

- кова А.О. История одной дружбы: многолетняя переписка С.Р. Воронцова и Ф.В. Ростопчина. С. 209–220; Долгова С.Р. Благотворительная деятельность княгини Е.К. Воронцовой (урождённой Браницкой). С. 221–229; Лециловская И.И. Россия в сербской народной поэзии XVIII в. С. 230–236; Фадеева Т.М. Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. С. 237–251; Пчелов Е.В. Правление Рюрика в «исторической серии» медалей Екатерины Великой. С. 252–261; Акимова Т.И. Выражение личностного самосознания в «малых жанрах» Эрмитажного салона Екатерины II. С. 262–269; Боленко К.Г. «Иные» библиотеки Н.Б. Юсупова (Москва, Спасское-Котова). С. 270–276; Пряшников М.П. Антрепренёр итальянской оперы Дж. Астарита в Петербурге: новые материалы. С. 277–288; Байрд (Яценко) О.А. «Сотворение мира» в Петербурге: Й. Гайдн – А. Эберль – Л.-В. Теппер де Фергюсон. С. 289–303; Жиркова А.А. История усадьбы Кирьяново и образ княгини Е.Р. Дашковой в историко-краеведческом музее «Нарвская застава». С. 304–318; Шермет В.И. Ислам в России: от противостояния через изучение к сотрудничеству. С. 319–326.
102. Е.Р. Дашкова и Екатерина Великая: культурное наследие и современность / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. 288 с., 8 л. илл. Содерж.: От редколлегии. С. 5; Тычинина Л.В. Дашковское общество. 2013 год: хроника событий. С. 6–9; Приказчикова Е.Е. Тайна «Записок» Екатерины II: путь к «утопии как реальности». С. 10–37; Акимова Т.И. «Записки» Екатерины II и мемуары Маргариты де Валуа: развитие галантной нормы. С. 38–47; Ивинский А.Д. Екатерина II и Д.И. Фонвизин: о литературных контекстах «Вопросов и ответов». С. 48–58; Пчелов Е.В. Улыбка императрицы: к формам репрезентации власти в эпоху «Галантного века». С. 59–67; Мицюк Н.А. Гендерный аспект просветительства Екатерины II и эволюция социальных ролей и статусов дворянок российской провинции XIX в. С. 68–74; Жиркова А.А. Российская Академия в доме председателя. С. 75–87; Лопатухина И.Е. Княгиня Е.Р. Дашкова в кругу гостей на обедах императрицы: принц и принцесса Вюртембергские. С. 96–119; Полевщицова Е.В. Чтение в утешение, или об одном «Списке рекомендованной литературы». С. 120–132; Долгова С.Р. Просвещённый протоиерей А.А. Самборский (1732–1814). С. 133–140; Фадеева Т.М. Переписка графа М.С. Воронцова с генералом Н.Н. Раевским-младшим. Февраль 1837 – август 1838 г. С. 141–175; Фирсова Е.Н. Душеприказчики Е.Р. Дашковой: Наследство и наследники. С. 176–199; Пряшников М.П. Имение Троицкое при Воронцовых-Дашковых. С. 200–227; Лабутина Т.Л. Петербург и Царское Село при Екатерине II в восприятии баронессы Димсдейл. С. 228–241; Иванова Е.В. Учреждение Павловской больницы в Москве: К 250-летию указа Екатерины II. С. 242–246; Петерс Т.П. Сподвижник императрицы Екатерины II граф А.С. Строганов и заслуги его рода перед Отечеством (по документам РГАДА). С. 247–253; Алексеев В.Н. А.К. Воронцова-Дашкова – прототип персонажа И.С. Тургенева. С. 254–258; Черноголовина Г.В. Ужель та самая Татьяна: воронцовские и дашковские мотивы романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 259–271; Таёжная Л.Я. Княгиня Е.Р. Дашкова в исторической картине А.Д. Кившенко: к исследованию вопроса. С. 272–277; Серебрякова Н.Я. Николай I, художник Орас Верне и неизвестный портрет Е.К. Воронцовой. С. 278–284; Список сокращений. С. 285.

103. Е.Р. Дашкова и русская культура: от эпохи Просвещения к современности / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. 216 с., 8 л. илл. *Содерж.*: От редколлегии. С. 5; *Тычинина Л.В.* Дашковское общество. 2014 год: хроника событий. С. 6–10; *Тычинина Л.В.* Княгиня Е.Р. Дашкова и российская культура. С. 11–27; *Сафонов М.М.* Письмо Е.Р. Дашковой Г.К. Кейзерлингу: о дворцовом перевороте 28 июня 1762 года. С. 28–37; *Приказчикова Е.Е.* Два сына императрицы Екатерины II в педагогическом дискурсе русского Просвещения. С. 38–50; *Алексеев В.Н.* Воспитывающая среда в семье канцлера М.И. Воронцова. С. 51–57; *Лабутина Т.Л.* Учение Дж. Локка об образовании в восприятии Е.Р. Дашковой. С. 58–70; *Лопатухина И.Е.* К.Г. Разумовский – президент Санкт-Петербургской Академии наук. С. 71–80; *Жиркова А.А.* Адмирал С.К. Грейг – друг Е.Р. Дашковой и Воронцовых. С. 81–91; *Старкова Л.А.* На склоне лет: (переписка Е.Р. Дашковой и Н.П. Шереметева в начале XIX века). С. 92–97; *Поляхова Е.Н.* Княгиня Е.Р. Дашкова в кругу гостей на обедах императрицы: принц и принцесса Ольденбургские. С. 98–129; *Фадеева Т.М.* Отношения России и Венеции в конце XVIII века и маркиз П. Маруцци, венецианский «грек» на службе России: материалы к биографии. С. 130–149; *Ивинский А.Д.* К вопросу о статусе русской торжественной оды в 1760–1780-х годах. С. 150–158; *Лециловская И.И.* Русско-сербские литературные связи во второй половине XIX века. С. 159–163; *Пчелов Е.В.* Образ княгини Е.Р. Дашковой в русской исторической живописи второй половины XIX века. С. 164–172; *Пряшников М.П.* П.И. Бартенев – публикатор материалов архива Воронцовых. С. 173–181; *Фирсова Е.Н.* Пушкины и Е.Р. Дашкова. С. 182–188; *Черниголовина Г.В., Карпова И.Б.* Отражённая в веках: Е.Р. Дашкова в публицистической и художественной литературе разных периодов российской истории. С. 189–211; Список сокращений. С. 214.
104. Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы Междунар. конф. Казань, 11–13 дек. 2014 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 397 с.
Из содержания.: **Г.Р. Державин** **И. Асоян А.А.** К вопросу о пространстве и времени в творческом сознании Державина. С. 11–13; **Багратион-Мухранели И.Л.** Ода Державина «На возвращение графа Зубова из Персии». С. 13–17; **Бисько А.Т.** Поэтика Державина: социокультурный аспект. С. 18–21; **Бисько И.А., Бисько К.Т.** Отражение метафизического восприятия действительности в творчестве Державина. С. 21–24; **Буранок О.М.** Г.Р. Державин о Петре Великом (в контексте литературной культуры XVIII века). С. 24–33; **Гайсин Р.М.** К вопросу о личности автора в оде Г.Р. Державина «Видение мурзы». С. 33–36; **Иваницкий А.И.** Еще раз о «предромантизме» в «Видении мурзы» Г.Р. Державина. С. 36–39; **Кистанова А.В.** Образ Екатерины II в художественном сознании Г. Державина: вербализация и визуализация. С. 39–42; **Небольсина М.В.** Гимн Человеку в оде Г.Р. Державина «Бог». С. 42–45; **Парамонова М.К.** «Едва увидел я сей свет. / Уже зубами смерть скрежет...»: тренические мотивы в лирике Г.Р. Державина. С. 46–48; **Салова С.А.** Об одной зоологической эмблеме в иллюстрациях к анакреонтике Г.Р. Державина. С. 49–52; **Сузи В.Н.** «Ум и сердце человецье...» в поэтике Державина. С. 52–55; **Супрунова Д.А.** Басня в творчестве Г.Р. Державина. С. 55–58; **Фатеев Д.Н.** Обыгрывание малых жанров фольклора в стихотворении Г.Р. Державина «Похвала комару». С. 59–61; **Федоров В.В., Кравченко О.А.**

Интерференция смысла в одическом слове Г.Р. Державина. С. 62–64; *Фомичева В.С.* Неизвестные стихотворные строки Державина. С. 65–68; *Якушкина Т.В.* Образ пуделя в творчестве Державина: Художественный прием и культурная традиция. С. 69–72; **III. Г.Р. Державин и его современники: Личность. Биография. Творчество:** *Аликова Е.А.* Трансформация торжественной оды в лирике жещин-поэтов рубежа XVIII–XIX вв. С. 136–139; *Бартеньева Е.В.* Сергей Тимофеевич Аксаков. Встреча с Г.Р. Державиным. С. 139–142; *Бибишева О.Н.* Фонвизин-журналист. С. 142–145; *Бондаренко Н.А.* Г.Р. Державин и В.В. Капнист в контексте межславянского диалога (по материалам переписки). С. 146–149; *Васильев С.А.* Строка «...Чудище обло, озорно...» («Тилемахида») как «визитная карточка» поэтического стиля В.К. Тредиаковского. С. 150–153; *Городнова Л.Е.* Племянницы Державина на Тамбовской земле. С. 153–161; *Гущин Ю.Г., Сулягина А.Ю.* Г.Р. Державин и Херасковы (автор «Фелицы» в Подмосковье). С. 161–165; *Июльская Е.Г.* Акустические образы в духовной лирике А.П. Сумарокова и Г.Р. Державина. С. 165–167; *Клепцова А.А.* Г.Р. Державин и Е.И. Костров. С. 167–170; *Курбакова Е.В.* Поэт Державин и адмирал Ушаков: история страны в подвиге личности. С. 170–173; *Маслова А.Г.* «Доказательство Творческого Бытия» Г.Р. Державина и «Переложение псалма 18» Е.И. Кострова. С. 173–176; *Немировская И.Д.* Зеркальность явления как особенность драматургии комической оперы Н.А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины». С. 176–178; *Никольский Е.В.* Героическая трактовка образа А.В. Суворова в творчестве Державина. С. 179–184; *Островских И.Н.* Диалогичность русской мемуарно-автобиографической прозы рубежа XVIII–XIX вв.: (Г.Р. Державин и Д.И. Фонвизин). С. 184–187; *Сионова С.А.* М.Н. Муравьев и Г.Р. Державин: (К проблеме появления в истории русской поэзии нового жанра – стихотворного романа). С. 187–196; *Строганов М.В.* Отечественная война 1812 года в поэзии Державина. С. 196–201; *Фельдман Д.З.* Г.Р. Державин в Первом еврейском комитете (1802–1803 гг.). С. 201–204; *Фоменко И.Ю.* Д.П. Бутурлин и его «Торжественный пеан на случай молебствия о избавлении Италии от нашествия французов и возведения на царство Неаполитанского короля. В Гачине [!] 3 го сентября 1799 года». С. 204–207; **VII. Г.Р. Державин и новые аспекты исследования диалога культур и искусств:** *Алексеевская А.И.* Стихотворение Г.Р. Державина «Властителям и судиям» в английском переводе Джона Боуринга: сопоставительный анализ. С. 288–291; *Андрянов А.А.* Памятники архитектуры в Менделеевском районе. С. 292–295; *Бекметов Р.Ф.* О буддийском «элементе» в русской культуре XVIII века: (к постановке вопроса). С. 295–298; *Боранбаева З.И.* Ода Г. Державина «Фелица» – первое произведение в русской поэзии о Казахстане. С. 298–301; *Грегуар-Бестужева Н.* Ода «Бог» Г.Р. Державина в переводах на французский язык и распространение русской литературы во Франции в первой половине XIX-го века. С. 301–305; *Даминова Ф.К.* Тема патриотизма и любви к Родине в творчестве Г. Державина и Ф. Яруллина. С. 306–308; *Денисенко С.В.* Произведения Г.Р. Державина в тексте оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама». С. 309–311; *Кривошеева И.В.* Бессмертная «Пчелка». С. 311–315; *Кубышина Н.Н.* Ода Державина «Бог» – первое произведение русской литературы, переведённое на испанский язык. С. 315–320; *Навроцкий А.* О Державине в Польше. С. 321–325; *Шалаева Т.Ю.* Народные куклы Олонечкой губер-

- нии. С. 326–328; *Шарфадина К.И.* Проект виньеточного издания «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина: диалог / синтез «визуального» и «словесного». С. 329–334.
105. Г.Р. Державин и его время: сб. науч. ст. СПб.: ВИРД, 2013. Вып. 8 / отв. ред. Н.П. Морозова. 180 с.
Содерж.: Предисловие. С. 3; *Морозова Н.П.* Секретарь Г.Р. Державина Е.М. Аврамов. С. 4–13; *Кружнов Ю.Н.* Державин и Павел I: (из истории взаимоотношений). С. 14–36; *Лаппо-Данилевский К.Ю.* «Песня моей Пашиньке». Или «Песня моей Катеньке»? Н.А. Львов или М.Л. Магницкий? С. 37–44; *Морозова Е.В.* Образ эха в творчестве Г.Р. Державина. С. 45–67; *Дзюбанов С.Д.* Контракты 1791–1793 годов на приобретение и строительство дома Г.Р. Державина на Фонтанке. С. 68–101; *Павлова Е.С.* Материалы фонда «Г.Р. Державин» (ф. 247) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Опись 2). С. 102–179.
106. Г.Р. Державин и его время: сб. науч. ст. СПб.: ВИРД, 2014. Вып. 9 / отв. ред. Н.П. Морозова. 158 с.: илл.
Из содерж.: *Некрасов С.М.* Предисловие. С. 4–6; **I.** *Ларкович Д.В.* Державин и Вольтер. С. 7–15; *Салова С.А.* Об одной зоологической эмблеме в иллюстрациях к «Анакреонтическим песням» Г.Р. Державина. С. 16–23; *Морозова Е.В.* Образ арфы в лирике Г.Р. Державина. С. 24–29; *Галян С.В.* Проблема диалога поэта и власти в творческом осмыслении Г.Р. Державина и Ф.И. Тютчева. С. 30–43; *Крылов Н.С.* Министерская служба Г.Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива). С. 44–69; *Кощиченко И.В.* Граф Хвостов и его эпитафия. С. 70–81; *Дзюбанов С.Д.* Об авторах карты «Река времен». С. 82–99; **II.** *Морозова Н.П.* Портрет неизвестного в сенаторском мундире. С. 100–103; *Дзюбанов С.Д.* Письма А.А. Писарева Г.Р. Державину. С. 104–109; *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Г.Р. Державина. С. 110–144; Указатель имен. С. 153–157; Указатель произведений. С. 158–159.
107. Державинский сборник – 2013 / отв. ред. Р.Р. Пивненко. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2013. 222 с.
Из содерж.: *Гольденберг М.Л.* Вперед, к Державину! С. 3–6; *Сузи В.Н.* О месте и роли Г.Р. Державина в русской поэзии. С. 6–15; *Ларкович Д.В.* Семантическая динамика образа Екатерины в лирике Г.Р. Державина. С. 15–28; *Строганова Е.Н.* «В сей хижине с тобою я счастье нахожу»: Василий Капнист и Сашенька. С. 29–37; *Новоселова В.А.* Художественные функции сравнений в поэзии Г.Р. Державина. С. 37–50; *Валентик А.И.* Держава – в имени и роде! С. 59–66; *Ицксон Е.Е.* Об устройстве губернского города Петрозаводска: Реализация конфирмованного плана города в конце XVIII в. С. 85–114; *Данков М.Ю.* «Все то, что скаредно, и гнусно, и порочно»: (о представлениях Г.Р. Державина на «спасающихся староверок»). С. 143–153; *Линник Ю.В.* Памяти братьев Броглио. С. 153–166; *Щелова Е.А.* Слово-концепт *чиновник* в русском языковом сознании. С. 213–220.
108. Духовные традиции русской культуры: история и современность: (к 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина). Тамбов: Издательство ТГУ, 2008. 264 с.
Содерж.: **Гл. 1: Русские культурные традиции и пути их художественного осмысления в творчестве Г.Р. Державина:** *Полякова Л.В.* Г.Р. Державин – «блестящая заря нашей поэзии». С. 28–49; *Дубровина С.Ю.* Пра-

- вила стихосложения и поэтические инновации Г.Р. Державина. С. 49–58; *Денисов Ю.Н.* Оппозиция *смерть и вечность* в поэзии Г.Р. Державина. С. 58–68; *Махрачева Т.В., Лоскутова Д.Н.* О лексике народной медицины и одном эпизоде из биографии Г.Р. Державина. С. 69–75; *Муравьёва Н.М.* К проблеме изучения творчества Г.Р. Державина: поэтическое мастерство стихотворца-реформатора. С. 75–87; *Кальницкая А.М.* Лиловый миф Ивандовки: (типология новейшего мифотворчества). С. 87–94; *Друцкая М.В.* Народные духовные стихи. С. 94–100; **Гл. 2: Державинский дискурс в русском художественном сознании XIX–XX веков:** *Буянова Г.Б.* Державин и Лермонтов: связь времен и поколений. С. 101–111; *Николаева С.Ю.* Державинская традиция и художественная антропология А.П. Чехова. С. 111–123; *Голубков М.М.* Два поэта: Державин в романе Ходасевича. С. 124–145; *Петрова Л.М.* «Бессмертный и домовитый...»: (Ходасевич о Державине). С. 145–151; *Желтова Н.Ю.* Роман Ю. Домбровского «Державин» в контексте русской литературы первой половины XX века. С. 151–165; *Урюпин И.С.* Ордынские мотивы и образы в творчестве Г.Р. Державина и в рассказе М.А. Булгакова «Ханский огонь». С. 165–172; *Редькин В.А.* Державин и современная поэзия. С. 173–183; *Щербак А.С.* Державинская ода «Бог» и представления о современном русском языке. С. 183–190; **Гл. 3: Национальное и всемирное в поэзии Г.Р. Державина:** *Балашова Л.А.* Библейские мотивы в творчестве Г.Р. Державина. С. 191–199; *Каменская Н.В.* Переложения Горация в творчестве Г.Р. Державина. С. 199–205; **Гл. 4: «Тамбовский шедевр»: ода Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова» и проблемы ее интерпретации:** *Пискунова С.В., Левина В.Н.* Поэтическая картина осени Г.Р. Державина. С. 206–212; *Маслова А.Г.* Своеобразие пространственно-временной организации стихотворения Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова». С. 212–217; *Блохина Н.Г.* Роль пунктуации в раскрытии идейного содержания стихотворения Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова». С. 218–222; *Буянова Г.Б.* «Румяна Осень! – радость мира!»: заметки об оде Г.Р. Державина «Осень во время осады Очакова». С. 222–229; *Городнова Л.Е.* Зубриловка: Воспоминания славных дней. С. 229–236; **Гл. 5: Г.Р. Державин и Тамбовский край: проблемы изучения и преподавания:** *Протасова Л.И., Дудушева И.Н.* Г.Р. Державин в Тамбове: поэт и губернатор. С. 237–241; *Сергиенко С.В.* Вклад Г.Р. Державина в развитие культуры и литературы на Тамбовщине. С. 241–249; *Сержантова В.А.* Тамбовский край во времена Г.Р. Державина. С. 249–257; Заключение. С. 258–260; Наши авторы. С. 261–264.
109. Историческое исследование и историческое повествование: традиции научной школы А.Л. Шапиро: Тр. Междунар. конф.: к 100-летию со дня рождения А.Л. Шапиро. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 508 с. *Из содерж.:* *Киселев М.А.* Промышленное законодательство Российской империи 40–50-х годов XVIII в. и его влияние на покупку крепостных к частной мануфактуре (по материалам Мануфактур-коллегии). С. 66–77; *Орлова А.П.* Демографические процессы XVII–XVIII вв. в Ингерманландии. С. 94–104; *Кротов П.А.* Полтавская битва в изображении П.Н. Крекшина: реальность и вымысел. С. 286–294; *Шкваров А.Г.* Северная война 1700–1721 гг.: Белые пятна военной истории казачества. С. 379–390.
110. Историческое прошлое и образы истории: материалы Междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Сарат. гос. ун-те

- им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 20–21 сент. 2012 г. / под ред. Л.Н. Черновой. Саратов: Наука, 2013. 575 с.
- Из содерж.:* Кириюшкина В.В. «Не знавший вдохновения»: понимание творчества в «Рассуждениях об искусстве» Дж. Рейнольдса. С. 83–90; Мезин С.А. Дидро и Россия. С. 137–147; Киясов С.Е. Московские масоны – розенкрейцеры XVIII столетия: просветители, мистики, конспираторы. С. 148–154; Артамонов Д.С. Образ Вадима Новгородского в русской историографии XVIII века. С. 187–195.
111. Карамзинский сборник: Наследие Н.М. Карамзина и современное состояние российской науки и культуры: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, 3–4 дек. 2013 г.) / отв. ред. С.М. Шаврыгин. Ульяновск: Арт-Бюро, 2013. 203 с.: илл.
- Из содерж.:* Алтатова Т.А. «Стернианский текст» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. С. 42–46; Евсеева А.В., Жесткова Е.А. «Открытие» детства в художественной прозе Н.М. Карамзина (на примере романа «Рыцарь нашего времени»). С. 53–56; Крылов В.Н. Н.М. Карамзин и проблема зарождения жанра рецензии в русской критике. С. 63–68; Сапченко Л.А. Поэзия и проза в письмах Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 84–89; Тираспольская А.Ю. «Чувствительное» произведение «анекдот» в контексте творчества Н.М. Карамзина. С. 95–101; Шаврыгин С.М. Архетипические мотивы и образы в творчестве Н.М. Карамзина: (К постановке проблемы). С. 106–112; Кузьмин В.К. Карамзин, Лабзин: Две судьбы. С. 134–141; Лепехин М.П. Т.С. Мальгин как предшественник и критик Н.М. Карамзина. С. 148–152; Комарова Н.А. Проблемы воспитания и просвещения в творчестве Н.М. Карамзина. С. 185–191.
112. Карамзинский сборник: Наследие Н.М. Карамзина и современное развитие российского общества / под ред. С.М. Шаврыгина. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2014. 204 с. (Карамзинская лаборатория).
- Из содерж.:* Кочеткова Н.Д. «Свое» и «чужое»: Уроки Карамзина. С. 5–10; Козлов В.П. Карамзин и Ленин: два взгляда на прошлое и будущее России. С. 11–21; Нагаев И.М. «Постригся в историки»: (Н.М. Карамзин как археограф: взгляд из XXI века). С. 22–29; Ждыханова Г.А. Дворянский род Карамзиных в архивных документах учреждений дворянского сословного самоуправления. С. 30–34; Новеньков К.И., Платонова Е.К. Известные и неизвестные Карамзины. С. 35–44; Болотина Н.Ю. Н.М. Карамзин в работе над архивными материалами. С. 45–49; Горницкая Л.И. Мифологема острова в «Острове Борнгольм» Н.М. Карамзина. С. 50–54; Каменецкая С.Б. Русские литературные источники романа Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». С. 55–61; Сапченко Л.А. Тема будущего в письмах Н.М. Карамзина. С. 62–68; Строганов М.В. Время и человек в лирике Н.М. Карамзина: Материалы к докладу. С. 69–79; Алтатова Т.А. Феномен детского сознания в художественном мире Н.М. Карамзина. С. 80–90; Кузьмина М.Ю. Пространство детства: открытие Н.М. Карамзина. С. 91–97; Маркова О.П. Музыка в творческом сознании Н.М. Карамзина: (представление книги: Маркова О.П. Музыка в творческом сознании Н.М. Карамзина. Ульяновск: УлГУ. 2011. 127 с.). С. 98–103; Иноземцева З.П. В.О. Ключевский (1841–1911) о Н.М. Карамзине (1766–1826). С. 104–110; Маркина Е.Е., Романычева И.В. Личность и литературное творчество Н.М. Карамзина в оценке Ю. Айхенвальда и Г. Поспелова. С. 111–115; Салова С.А. Н.М. Ка-

- рамзин и «Литературный пантеон» С.Т. Аксакова. С. 116–125; *Шаврыгин С.М.* Особенности художественного мироощущения Н.М. Карамзина. С. 126–129; *Эсанлек А.Я.* Диалог как инструмент исследования в науке о литературе (на материале литературы рубежа XVIII–XIX веков). С. 130–135; *Макаров Д.В.* Смена художественных эпох в контексте православной антропологической модели. С. 168–178; *Макарова Р.В.* Увековечение имени Н.М. Карамзина в учебных заведениях Симбирской губернии. С. 196–200.
113. Литературная культура России XVIII века. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. Вып. 5 / отв. ред. П.Е. Бухаркин, Е.М. Матвеев. 306 с.
Содерж.: От редакции. С. 5–6; *Федорак Н.Л.* Человек эпохи барокко: введение в «Символогию» Григория Сковороды. С. 7–19; *Манерова К.В., Корышев М.В.* Преподавание истории и элоквенции в Марбургском университете: профессор И.-А. Гартман (1680–1744). С. 20–31; *Карева Н.В.* Терминология категории глагольного времени в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. С. 32–47; *Екуч У.* Риторика научно-дидактической поэмы: о контексте, жанре и аргументации «Письма о пользе стекла» М.В. Ломоносова. С. 48–65; *Маматова М.Г., Матвеев Е.М.* Образные средства художественного языка М.В. Ломоносова: попытка словарного описания. С. 66–99; *Исаченко Е.Г.* «Разговоры в царстве мертвых» А.П. Сумарокова. С. 100–118; *Крулов В.М.* Исторический синтаксис и история русского литературного языка. С. 119–131; *Руднев Д.В.* Из истории книжной торговли во второй половине XVIII века (по материалам архива типографии Морского кадетского корпуса). С. 132–150; *Власов С.В., Московкин Л.В.* Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Russische sprachlehre» Якоба Родде (1773 г.). С. 151–163; *Двинятин Ф.Н.* Количественная грамматика глагола в десяти одах Г.Р. Державина. С. 164–181; *Шнайдер Н.* Письменный разговор с другом в XVIII веке. С. 182–199; *Потапова Г.Е.* Политический роман И.Ф.Э. Альбрехта о князе Г.А. Потёмкине «Пансалвин, князь тьмы» и его судьба в России. С. 200–253; *Тираспольская А.Ю.* Грешный герой в «Наставлении дяди своему племяннику» Д.И. Фонвизина и в «Моей исповеди» Н.М. Карамзина: проблемы типологии. С. 254–266; *Цылина А.А.* «Письма из Лондона» П.И. Макарова: проблема литературных влияний. С. 267–284; *Веселова А.Ю.* Из неопубликованного наследия А.Т. Болотова. С. 285–294; *Андреев А.В., Пономарева М.В.* Сравнительный анализ подходов к созданию электронных филологических коллекций. С. 295–305.
Рец.: *Кретьова Е.Д.* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2014. № 6. С. 213–217.
114. М.В. Ломоносов и елизаветинское время: материалы конф., состоявшейся 23–25 нояб. 2011 г. в Гос. Эрмитаже / науч. ред. Н.Ю. Гусева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. 321 с.: илл. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 67).
Содерж.: *Лупанова Е.М.* Научные приборы конструкции М.В. Ломоносова: Инновации и нереализованные проекты. С. 7–13; *Черноус С.А.* Приоритеты Ломоносова в исследованиях полярных сияний. С. 14–24; *Гарманов И.А.* «Исполняя по своей профессии должность»: Последний опыт Георга Рихмана (по материалам газеты «Санкт-Петербургские ведомости»). С. 25–34; *Карпова Е.В.* Портрет М.В. Ломоносова работы Ф.И. Шубина: оригинал и вариации. С. 35–40; *Миролюбова Г.А.* М.В. Ломоносов и «Театрум фейерверка» в середине XVIII в. С. 41–54; *Принцева Г.А.* Эскизы аллегорич-

- ческих композиций для триумфальных ворот в Санкт-Петербурге 1742 г. С. 55–71; *Герасимова Л.С.* Атрибуция мозаики с изображением апостола Петра из собрания М.И. Воронцова. С. 62–70; *Тункина И.В.* Дарственная М.В. Ломоносову на земли в Копорском уезде Петербургской губернии. С. 71–93; *Осипов Д.В.* Атрибуционное исследование пяти стеклярусных (бисерных) панно из фондов Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа. С. 94–109; *Кислицына О.С.* К вопросу атрибуции мозаичных столов из Стежарусного кабинета Китайского дворца в Ораниенбауме. С. 110–120; *Ботт И.К.* «Смальтовый» фасад Большого Царскосельского дворца – эксперимент М.В. Ломоносова? С. 121–129; *Ренне Е.П.* Эскизы Вигилиуса Эриксона к портрету императрицы Елизаветы Петровны. С. 130–135; *Николаева В.В.* Л.К. Пфандцельт: загадки и открытия. С. 136–143; *Захаров А.С., Николаева В.В.* К иконографии барона Н.А. Корфа (1710–1766). С. 144–152; *Костюк О.Г.* Изящные напоминания середины столетия. С. 153–159; *Лопато М.Н.* Заказы драгоценных вещей императрицей Елизаветой Петровной. С. 160–168; *Лехович Т.Н.* «О неношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? С. 169–180; *Ляхова Л.В.* Андреевский сервиз императрицы Елизаветы Петровны и саксонская «фарфоровая дипломатия» 1744–1748 гг. С. 181–193; *Анисимова Е.А.* К вопросу о типологии русского стекла первой половины – середины XVIII в. С. 194–202; *Косарева М.Н.* Уральское меднопосудное дело XVIII в. С. 203–213; *Уханова И.Н.* Об одном шедевре косторезного искусства XVIII в. С. 214–221; *Шибанов А.В.* Парадная литавренная колесница графа П.И. Шувалова: Проблемы реставрации. С. 222–234; *Гусева Н.Ю.* Редкое зеркало елизаветинского времени. С. 235–240; *Басаргина Е.Ю.* Ломоносовский юбилей 1865 г. и проект академической реформы. С. 241–246; *Захарова И.М.* Празднование юбилейных дат М.В. Ломоносова в Архангельской губернии в XIX–XX вв. С. 247–255; *Петрова О.Ю.* С.Н. Казнаков и выставка «Ломоносов и елизаветинское время». С. 256–260; *Онегин Н.С.* Елизаветинская комната в музее Ю.Э. Озаровского. С. 261–269; *Хартамович М.Ф.* Макет Химической лаборатории М.В. Ломоносова: вчера, сегодня, завтра. С. 270–273; *Копанева Н.П.* Создание Музея М.В. Ломоносова и Государственный Эрмитаж. С. 274–303; Список сокращений. С. 304; Резюме статей на английском языке. С. 305–317.
115. Н.А. Львов. Жизнь и творчество: сб. ст. исследователей творчества Н.А. Львова. Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2013. Ч. 4: Новые материалы (дополнение к сказанному) / ред.-сост. и науч. ред. А.Б. Никитина. 767 с. *Содерж.*: *Никитина А.Б.* Предисловие. С. 8–10; *Никитина А.Б.* Петербург и петербуржцы в письмах и дневниках Н.А. Львова. С. 11–27; *Никитина А.Б.* Храмы-ротонды Николая Львова. С. 28–51; *Никитина А.Б.* «Зодчий аттики преславный, мне построй покойный дом...»: (работы архитектора Н.А. Львова для Г.Р. Державина). С. 52–65; *Печникова А.Ф.* Храм Святой Софии в Царском Селе: Если не Камерон, то кто? С. 66–75; *Путятин И.Е.* Софийский собор в Царском Селе – памятник «греческого проекта» в русской церковной архитектуре. С. 76–97; *Семенова Г.В.* Загадки Царскосельского дома графини М.В. Кочубей. С. 98–122; *Токарева М.Л.* Гидросистема города Гатчины. С. 123–127; *Никитина А.Б.* Как разрушали Приорат. С. 128–159; *Никитина А.Б.* О принципах атрибуции архитектурных про-

- изведений (некоторых построек Н.А. Львова). С. 160–189; *Путятин И.Е.* О действительных источниках и смыслах церкви-усыпальницы в Никольском-Черенчицах и о мифологии «храма солнца». С. 190–211; *Соколов Б.М.* «Правило из котораго великия можно вывести красоты!»: вновь найденный экземпляр «Теории садового искусства» К.К.Л. Хиршфельда с заметками и рисунками Н.А. Львова. С. 212–234; *Баринова Д.С.* Античные мотивы в усадьбе Знаменское-Раёк. С. 235–246; *Калугина И.В., Глухих А.А.* Последние реставрационные открытия в усадьбе Знаменское-Раёк. С. 247–269; *Калугина И.В.* Живописное убранство интерьеров главного дома в усадьбе Знаменское-Раёк по результатам исследований. С. 270–294; *Путятин И.Е.* Архитектурные образы и идеи церкви в Горницах. С. 295–313; *Ожерельева М.* Маэстро контраста. С. 314–325; *Никитина А.Б.* Проекты архитектора Н.А. Львова в фондах Воронцовского дворца-музея в Алушке. С. 326–383; *Уварова Н.И.* Виды Могилёва. С. 384–390; *Никитина А.Б.* Князь-канцлер Александр Андреевич Безбородко. С. 391–408; *Исаченко В.Г.* Иван Алексеевич Иванов (1779–1848): Художник «Золотого века». С. 409–423; *Серебрякова Н.Я.* Иконописец Владимир Лукич Боровиковский. С. 424–440; *Новиков В.И.* Львов и Хемницер. С. 441–451; *Махровская Н.Н.* Василий Васильевич Капнист: (материалы к биографии). С. 452–475; *Павлов В.Е.* Львовы – инженеры путей сообщения и их окружение. С. 476–482; *Львова А.П.* Альбом рисунков и сама жизнь Александра Николаевича Львова. С. 483–518; *Коробова Л.С., Мазурок О.И.* История имения Бектышево и его владельцев. С. 519–556; *Самсонова Н.Ф.* Моя школа. С. 557–604; *Путятин И.Е.* Рецензия на публикацию «Моя школа». С. 605–606; *Львова А.П.* Воспоминания отца Нафанаила. С. 607–744; *Пирютко Ю.М.* Друзья Н.А. Львова в некрополе Александро-Невской лавры. С. 745–758; *Путятин И.* Памяти А.Б. Никитиной. С. 759–761; *Таруашвили Л.* Об Алле Никитиной. С. 762–763; Список публикаций А.Б. Никитиной, подготовленный ею в начале 2012 года. С. 763–766.
116. Миллеровские чтения: к 285-летию Архива Российской академии наук: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. 23–25 апр. 2013 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. 540 с. (Сер.: Ad fontes: Материалы и исслед. по истории науки; Вып. 4).
Из содерж.: **Г.Ф. Миллер – ученый-историк, администратор, путешественник:** *Басаргина Е.Ю.* «Надлежит определить к архиве...»: Г.Ф. Миллер и начальная история Архива Конференции. С. 52–59; *Волков С.С., Манерова К.В.* Г.Ф. Миллер и В.Е. Адогуров. С. 60–67; *Фруменкова Т.Г.* Г.Ф. Миллер – главный надзиратель Московского воспитательного дома. С. 68–74; *Афиани В.Ю.* Два историографа: Г.Ф. Миллер и Н.М. Карамзин. С. 75–79; *Нефёдкин А.К.* «Ледяной поход» колымско-алазейских чукчей в 1716–1721 гг. по свидетельству Г.Ф. Миллера. С. 80–82; **Формирование академического пространства XVIII–XX вв. По архивным документам:** *Бондарь Л.Д., Кузовкова М.В.* Освоение промышленных районов Сибири в XVIII в.: иллюстративный материал из архива академических экспедиций в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. С. 127–132; *Костина Т.В.* Академическая гимназия в пространстве Петербурга 1780-х гг.: («Гимназический дом» на 7-й линии). С. 142–147; **Персоналии ученых в истории науки XVII–XX вв. По архивным документам:** *Тункина И.В.* Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь

- в российской историко-научной историографии XX – начала XXI в. С. 238–250; *Лефельд В.* Леонард Эйлер и русский язык. С. 257–260; *Сытин А.К.* О рукописи ботанического сочинения П.С. Палласа «*Icones plantarum selectarum cum descriptionibus*», или «*Plantae selectae Rossicae*». С. 261–266; **Проблемы консервации и реставрации архивных документов:** *Кудоярова Л.В., Перова Т.Д., Щедрова И.М.* Опыт реставрации документов из фонда Г.Ф. Миллера в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. С. 413–417; **Российские немцы в исследованиях ученых Императорской – Российской – Всесоюзной академии наук (XVIII – первая треть XX в.):** *Айсфельд О.В.* 250 лет переселения немцев в Россию: отражение истории и культуры немцев-колонистов в трудах ученых Академии наук последней трети XVIII – середины XIX в. С. 450–456; *Вашкау Н.Э.* Колония Сарепта глазами ученых и путешественников. С. 457–463; *Клейтман А.Л.* История Нижнего Поволжья в творческом наследии И.Я. Лерхе. С. 464–469.
117. Михаил Муравьев и его время: сб. ст. и материалов Четвертой Всерос. науч.-практ. конф. Посвящение Союзу трех Поэтов: Гаврилы Державина, Николая Львова и Михаила Муравьева... (Казань, 6–7 апр. 2013 г.) / под ред. А.Н. Пашкурова, Л.Я. Вороновой, А.Ф. Галимуллиной. Казань: ГБУ «Респ. центр мониторинга качества образования», 2013. 158 с.
- Из содерж.: I. Актуальные проблемы генезиса и эволюции литературно-культурного процесса России: Традиции и современность:* *Ларкович Д.В.* Оссианические эксперименты поэтов Львовско-Державинского кружка. С. 5–16; *Зорин А.Н.* Драма и лубок: Первые издания русской драматургии рубежа XVII–XVIII вв. в контексте издательской культуры эпохи. С. 16–21; *Биткинова В.В.* Концепция «Века Просвещения» в поэзии А. Городничего. С. 21–28; *Васильев С.А.* Образное переосмысление «Памятника» Г.Р. Державина в поэзии Ю.И. Минералова. С. 28–34; *Кирпичникова А.А.* Проблема предклассицизма в русской литературе: концепции Г.Н. Моисеевой, А.А. Смирнова, В.И. Федорова. С. 34–40; *Софына А.В.* Традиции мемуарно-автобиографической прозы XVIII века в мемуарах М.В. Волошиной-Сабашниковой «Зеленая змея». С. 40–44; **II. Михаил Муравьев, Николай Львов, Гаврила Державин, Николай Карамзин и их современники в отечественной литературной культуре: феноменология и мифология:** *Сионова С.А.* «Новые лирические опыты» Михаила Никитича Муравьева на страницах архива поэта. С. 45–53; *Федосеева Т.В.* «Оскольд» М.Н. Муравьева в контексте предромантического жанра «старинной повести». С. 53–61; *Пашкуров А.Н.* Миф М.Н. Муравьева в русской литературной культуре: истоки. С. 61–71; *Кистанова А.В.* Личностное и универсальное в поэтическом отклике Г. Державина «На кончину великой княжны Ольги Павловны». С. 71–76; *Милогина Е.Г.* Эстетика парадиза в усадебном творчестве Н.А. Львова. С. 77–82; *Бакиров Р.А.* «Добрыня» Н.А. Львова и творчество А.С. Пушкина: еще раз к проблеме влияния. С. 83–87; *Аллатова Т.А.* Проблемы художественной антропологии Н.М. Карамзина (повесть «Юлия»). С. 88–93; *Разживин (Ключевский) А.И.* Жанр «сказочной безделки» в «легкой поэзии» И.И. Дмитриева и И.Ф. Богдановича. С. 94–100; *Тополова О.С.* «Письма из третьего заграничного путешествия» Д.И. Фонвизина: к вопросу о жанровом взаимодействии эпистолярной и путевой литературы во второй половине XVIII века. С. 101–106;

- Островских И.Н., Шмидт К.Н.* Мифологическая основа журнала «Почта духов» И.А. Крылова. С. 107–113; *Аликова Е.А.* Образ супруга и тема неверности в женской лирике 1770–1810-х гг. С. 113–115; *Бузуева Д.В.* Интерпретация обережных мотивов в «Абевега русских суеверий» М.Д. Чулкова. С. 116–122; **III. Нравственные горизонты русской словесности XVIII–XIX веков:** *Карташева Е.И.* Коллекция изданий Н.И. Новикова в фондах Национального музея Республики Татарстан: хронологические и репертурные аспекты. С. 134–139; *Зотова О.Р.* Ценностный мир героини в мемуарах Екатерины II. С. 139–145; *Рахманова Л.А.* Литературная культура России XVIII века глазами Японии: Восток и Запад в сети Интернет. С. 150–153; Сведения об участниках конференции – авторах. С. 154–155.
118. «Мощно, велико ты было, столетье!»: [сб. науч. ст., посвящ. юбилею Т.В. Ильиной / под ред. Е.Ю. Станюкович-Денисовой, С.В. Мальцевой]. Санкт-Петербург, 2014. 359 с.: илл. (Тр. ист. фак. С.-Петерб. гос. ун-та; Т. 20).
Из содерж.: *Мишина Е.А.* Гравировальная мастерская Морской типографии в XVIII веке. С. 33–55; *Дутов А.А.* К вопросу об атрибуции портретов графини Анны Даниловны Девиер, сестры А.Д. Меншикова. С. 56–67; *Власова М.В.* Кафедра Петропавловского собора в Санкт-Петербурге: иконографическая программа. С. 68–83; *Тюхменева Е.А.* «За твоё прилѣжаніе жалую тѣбѣ Академіи Наукъ Профессоромъ...»: Об одном альбоме рисунков из фонда Корсаковых в РГИА. С. 84–100; *Клименко С.В.* Генезис стиля русской архитектуры 1730-х годов в оценках отечественной историографии XX – начала XXI века. С. 101–119; *Станюкович-Денисова Е.Ю.* Архитектура домов 1720–1740-х годов на набережных каналов Адмиралтейской части: к вопросу о градостроительных принципах Петербурга. С. 120–135; *Карев А.А.* Донской портрет в русской художественной культуре XVIII века: «Рыцарский» дискурс. С. 136–151; *Чежина Ю.И.* Мифологический портрет в русской живописи XVIII столетия. С. 152–160; *Кареева Н.Д.* Летний дворец Петра I: Реставрация. С. 161–164; *Хвостова Г.А.* Реставрация мраморной скульптуры Летнего сада в 2009–2012 годах. С. 165–175; *Щедрова О.В.* Роль Академии художеств в реставрации скульптуры в России в XVIII веке. С. 176–187; *Карпова Е.В.* О переименовании одного портрета Ф.И. Шубина. С. 188–195; *Клименко Ю.Г.* К вопросу о влиянии французского неоклассицизма на московскую архитектуру последней трети XVIII века: Проблемы изучения творчества Н. Лепрана. С. 196–210; *Яковлев А.Н.* Усадебный храм в Новотроицком (Позднякове) Орловской губернии и его архитектурный контекст. С. 211–237; *Семенова Т.Б.* Петербургский мастер Христиан Мейер. С. 238–257; *Хмельницкая Е.С.* Фарфоровые образы старой России. С. 258–267; *Ярмош А.С.* «Датский акцент» фарфоровой коллекции Екатерины II. С. 268–278; *Наумова В.С.* Картинная галерея Кирилла Разумовского в доме на Мойке. С. 279–299; *Капарулина О.А.* Оригинал или копия? К вопросу об атрибуции акварелей и рисунков Г.С. Сергеева. С. 300–309; *Рыков А.В.* От доброго дикаря – к злому авангардисту: Смена парадигм и мифологема модернизма в западноевропейском искусстве XVIII века. С. 336–346.
119. Наш восемнадцатый век: военный сборник / гл. ред. В.И. Егоров. М.: Арт-Волхонка, 2014. 535 с.: илл., портр.
Содерж.: *Егоров В.* «Наш восемнадцатый век...»: военный сборник.

- С. 8–93; *Егоров В.* «Под гербом Мекленбургским» в Германии и в России: гвардия царевны и Мекленбургский корпус 1717–1743. С. 94–100; Сведения о Мекленбургском корпусе в «Дневнике» Ф.В. Берхгольца. С. 100–103; Указы Государственной военной коллегии 1743 о рассказовании Мекленбургского корпуса. С. 104; *Нелипович С.* Мекленбургский вопрос в начале XVIII века. С. 105; *Егоров В.* «По усмотрению генералов фельдцейхмейстеров...»: о мундире артиллерийского и инженерного корпусов 1721–1761. С. 106–174; *Круглова А.* Чертеж для нового артиллерийского знамени 1737. С. 174–293; *Татарников К., Егоров В.* Иллюстративный ряд и комментарии: *Егоров В.* «Ревностную свою верность показали...»: Мундир и амуниция Лейб-компании 1742–1762. С. 294–322; Знамя (прапор, штандарт) Лейб-компании. С. 322–326; *Егоров В.* Кавалегарды и конные команды Лейб-компании 1742. С. 327–334; Приказы, рапорты, прошения чинов Лейб-компании: Выдержки из документов канцелярии роты: 1740-е–1750-е годы. С. 334–345; Кавалергарды при коронации императрицы Елизаветы Петровны. С. 346–347; *Егоров В.* Гвардейские гренадеры времени императрицы Елизаветы Петровны. С. 348–357; Гвардейский «недоросль» или Павел Петрович? С. 358–365; *Егоров В.* Голштинский корпус в 1762: последняя униформа: По материалам комиссии Мерлина и Ферстера. С. 366–406; Голштинское знамя и Пугачевский бунт. С. 406–407; *Васильев А.* Состав Голштинских войск 1762 по зарубежным источникам. С. 407–443; *Егоров В.* Costumes des Troupes du Holstein de S.M. L'Empereur Pierre III. 1762: Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. С. 444–456; *Егоров В., Малышев В.* О материальном «наследии» Голштинского корпуса. С. 456–481; *Леонов О.* Смотр Фанагорийского гренадерского полка 1788: В тени «золотого века». С. 482–491; *Егоров В., Литвин А.* «Собственные войска цесаревича Павла Петровича...»: Об истории и униформе Гатчинских войск 1782–1796. С. 492–534.
120. (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: сб. ст. к 65-летию Бориса Ароновича Каца / ред.-сост. А. Долинин и др. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 666 с., 1 л. портр.: илл., ноты.
Из содерж.: *Милка А.* О судьбе последнего взноса И.С. Баха в «Общество музыкальных наук». С. 7–21; *Неклюдова М.* Эффект оперы: Шарль де Сент-Эвремон и музыкальная полемика конца XVII – первой половины XVIII века. С. 82–92; *Сморжевских–Смирнова М.* «Свои» и «чужие» города в Синоксаре Ионна (Максимовича): из истории петровских завоеваний в Прибалтике в 1710 году. С. 103–115; *Проскурин О.* Печальная любовь: «Русская песня» XVIII века и литературная борьба. С. 116–133; *Шенле А.* «Мы излишне смиренны в мыслях»: меланхолия и патриотизм у Карамзина. С. 134–147.
121. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I / отв. ред. О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2013. 279 с. (Центрально-европ. исслед.; Вып. 7).
Из содерж.: *Месарош К.* Сатмарский мир 1711 г. и «надежда на русских» / пер. с венг. О.В. Хавановой. С. 6–19; **Дипломатия Ференца II Ракоци в системе международных отношений:** *Тот Ф.* Сатмарский мир 1711 г. и Франция / пер. с венг. Е.Б. Желицки. С. 20–34; *Кобзарева Е.И.* Шведское посольство 1684 г. в Россию – одна из последних попыток русско-шведского сближения. С. 35–44; *Карман Г.* Попытки Ференца II Ракоци добиться

- от Швеции поддержки Освободительной войны / пер. с венг. О.В. Хавановой. С. 45–64; *Корзун С.Г.* Представитель Петра I в Вене Генрих фон Гюйсен и Освободительная война под предводительством Ференца II Ракоци. С. 65–75; *Кочегаров К.А.* Русско-польские отношения в конце XVII – начале XVIII в. С. 76–82; *Гёбеи Ш.* Продолжение борьбы Ференца II Ракоци за свободы в 1710–1711 гг. с помощью России? С. 83–90; *Панн Ш.* Два желанных союзника венгров – два заклятых врага: Освободительная война Ракоци в силовом поле России и Оттоманской порты / пер. с венг. О.В. Хавановой. С. 91–112; *Мейер М.С.* Перемены в жизни османского общества в первой половине XVIII в. и Ференц II Ракоци. С. 113–118; *Малкин С.Г.* Мятеж якобитов в Шотландии и восстание Ракоци в Венгрии: особенности восприятия венгерских событий в Великобритании. С. 119–127; **Россия и Венгрия на рубеже XVII–XVIII вв.:** *Рогожин Н.М.* Внутриполитическое развитие допетровской России: XVII век. С. 128–138; *Гуськов А.Г.* О поездке думного дьяка Е.И. Украинцева к князю Ференцу II Ракоци. С. 139–147; *Мольмар Л.В.* Токайские вина на царском столе: (данные о вывозе токайских вин в Россию в XVIII в.). С. 148–157; *Неменский О.Б.* Идентичность православного жителя монархии Габсбургов в конце XVII – начале XVIII в. (на примере сочинений Михаила Андреллы). С. 158–171; *Гросул В.Я.* Антиох Кантемир – дипломат Петра I. С. 172–190; **Эпоха Ференца II Ракоци в литературе, культуре, коллективной памяти:** *Гусев Ю.П.* Ференц Ракоци, писатель. С. 191–198; *Хаванова О.В.* Пострадать от Ракоци...: (из истории взаимоотношений венгерских подданных с верховной властью). С. 199–205; *Катона Ч.* Взаимодействие австро-венгерской и российской дипломатии в связи с перезахоронением Шимона Форгача (1904–1906 гг.) / пер. с венг. Е.Б. Желицки. С. 206–212; *Хатон П.* Культ, критика и бунт поколения: отклики на книгу Дюлы Секфю «Ракоци в изгнании» (1913) / пер. с венг. О.В. Хавановой. С. 213–226; *Вёрёш Б.* Пропагандистские измышления 1940–1950-х гг. о взаимоотношениях князя Ференца II Ракоци и царя Петра I / пер. с венг. Е.Б. Желицки. С. 227–248; **Приложение:** *Шереш А.* Неизвестная рукопись Е.В. Тарле о внешней политике Ференца II Ракоци и советская делегация на I Конгрессе венгерских историков 1953 г. С. 249–269.
122. От буквы к словарю: сб. науч. ст.: к 200-летию со дня рождения акад. Я.К. Грота / отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2013. 319 с.
Из содерж.: *Шестаков Л.Л.* У начала русской авторской лексикографии: «Словарь к стихотворениям Державина» Я.К. Грота. С. 62–69; *Мальшева И.А.* Об одной орфографической проблеме в «Словаре русского языка XVIII века» и реестре русской лексики XVIII века. С. 229–236; *Соколов А.И.* Из истории химической терминологии XVIII – начала XIX в. (земля – известь – пепел – оксид). С. 275–282; *Щекин А.С.* Иноязычная лексика в переводном памятнике «Царства Алгерийского краткое описание» конца XVII – начала XVIII в. С. 301–308.
123. Память как механизм культуры в русском литературном процессе: (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): материалы всерос. науч. конф. с международ. участием (12–14 марта 2014 г., Череповец) / отв. ред. Н.В. Володина, Е.В. Грудева, Е.Е. Соловьева. Череповец: ЧГУ, 2014. 264 с.
Из содерж.: *Веселова А.Ю.* Натурологическая поэзия А.Т. Болотова. С. 28–35; *Кочеткова Н.Д.* Путь к Просвещению России и Европы в концепции

- М.Н. Муравьева. С. 61–66; *Гулина Т.И.* Рукописная книга Григория Бердяева из собрания Ярославского музея-заповедника. С. 150–157; *Даен М.Е.* Еще одно новооткрытое произведение художника Д.М. Коренева. С. 158–166; *Фарутина Н.Н.* Памятник усадебной культуры XVIII – начала XIX в. в фонде редких книг Вологодской областной библиотеки. С. 248–255; *Шигаревская О.В.* Несколько неизвестных фактов и имен из жизни «содержателя вольного театра» С.А. Брянчанинова. С. 255–261.
124. Петровское время в лицах – 2013: к 400-летию Дома Романовых (1613–2013): материалы науч. конф. / науч. ред. И.В. Саверкина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. 339 с.: илл. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 70).
Содерж.: *Абрамов А.А.* Портрет Петра I времени Великого посольства 1697 года. С. 5–9; *Азизбаева Р.Е.* Из жизни юношества в Петровскую эпоху. С. 10–18; *Андреев А.А.* Посольство Кулибека Топчи Баши в Санкт-Петербург в 1716–1717 годах. С. 19–25; *Андреев А.А., Андреева О.С.* Портреты августейших кадет Первого Кадетского корпуса. С. 26–46; *Андреева Е.А.* Нидерландская расписная плитка во Дворце Меншикова в Петербурге: типологизация, датировка и уточнение места производства. С. 47–61; *Андросов С.О.* Дополнения к каталогу скульптурной коллекции Петра Великого. С. 62–72; *Бабич М.В.* К архивной истории «Кабинета Петра I»: 1720–1730-е годы. С. 73–82; *Богданов В.И., Малова Т.И.* Форт Wallfisch как прототип петровского Кроншлота. С. 83–95; *Болотина Н.Ю.* Домашний быт юного царевича Алексея Петровича (по материалам Ф. 396 «Архив Оружейной палаты» РГАДА). С. 96–101; *Быкова Ю.И.* К вопросу об авторстве коронационных регалий императрицы Анны Иоанновны. С. 102–114; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Кто изобретатель «нартовского суппорта»? С. 115–120; *Гусарова Е.В.* К вопросу об этической стороне «альтернативного» взгляда на деятельность астронома Делиля в России. С. 121–136; *Данков М.Ю.* Неизвестная олонечная фортеция начала XVIII столетия. С. 137–147; *Долгова С.Р.* Петр I на маскараде в Вене. С. 148–152; *Дутов А.А.* Изобразительные памятники посольства Я.Ф. Долгорукова. С. 153–158; *Еремينا-Соленникова Е.В., Стратилатов Б.Г., Филимонов Д.А.* Был ли танец гротфатер известен при дворе Петра I? С. 159–161; *Жаркова Н.Ю.* Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года. С. 162–173; *Игнатьева Е.И.* К истории резной иконы «Поклонение Кресту» из Музея Первого Кадетского корпуса. С. 174–180; *Коренцевит В.А.* Чертеж Петра I, определивший облик Летнего сада. С. 181–191; *Костюк О.Г.* «Петровская мемория»: Изображения Петра Великого в памятниках ювелирного искусства Эрмитажа. С. 192–205; *Кудзевич Л.В.* Семейное предание о первых годах службы П.П. Ласси в России. С. 206–211; *Макаров Б.С.* Шведские садовые мастера в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII века. С. 212–230; *Мегорский Б.В.* Групповой портрет на фоне крепости: Командный состав русской армии под Нарвой в 1704 году. С. 231–239; *Мезин С.А.* Парижские встречи Петра I. С. 240–251; *Самыловская Е.А.* Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII века. С. 252–262; *Сергазина К.Т.* Традиции и инновации: история князя Ефима Мещерского как пример личного благочестия горожанина Петровской эпохи. С. 263–269; *Сергеева Г.И.* Отражение: петровское время на «Петровской выставке» 1925 года в Летнем дворце. С. 270–289; *Славнитский Н.Р.* Борис Петрович Шереметев и его деятельность в ходе осадных операций в годы Северной войны. С. 290–

- 296; *Ухналев А.Е.* Мнимые русские проекты архитектора Гаэтано Киавери. С. 297–304; *Хвостова Г.А.* Злоключения «Аллегии Красоты» в Летнем саду: К истории реставрации петровской коллекции скульптуры. С. 305–311; *Юркин И.Н.* Шлаттеры в Берг-коллегии в первые годы ее существования. С. 312–320; Список сокращений. С. 321–322; Сведения об авторах. С. 323–324; Резюме. С. 325–335.
125. Петровское время в лицах – 2014: к 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы науч. конф. / науч. ред. И.В. Саверкина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 421 с. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 73).
Содерж.: *Абрамов А.А.* Портрет неизвестного в русском костюме. 1697 год. С. 5–14; *Азизбаева Р.Е.* Несколько заметок к вопросу о призрении детей в эпоху Петра Великого. С. 15–22; *Андреев А.А.*, *Фардэжами Х.* Посольская грамота Достека Бехадур князю Борису Алексеевичу Голицыну или трудности перевода. С. 23–32; *Андреева Е.А.* Арсеньевы и А.Д. Меншиков. С. 33–44; *Андреева Н.С.* Петровские торжества в Ревеле в 1910 году. С. 45–51; *Андросов С.О.* «Венера Таврическая»: как создавалась легенда. С. 52–56; *Бабич М.В.*, *Бабич И.В.* Групповой портрет с батальным листом: «Дело генерала Волкова о жене...». С. 57–63; *Белобров В.А.* Роль Петра I в развитии русской системы мер длины. С. 64–80; *Богданов В.И.*, *Малова Т.И.* Начальный этап изучения наводнений Невы на валах Петропавловской или Адмиралтейской крепости. С. 81–90; *Быкова Ю.И.* Коронационные венцы Екатерины I и Петра II: Сходство и различия. С. 91–104; *Горбатенко С.Б.* Берлинский Фюрстенхаус и бранденбургские владения А.Д. Меншикова. С. 105–111; *Гузевич Д.Ю.*, *Гузевич И.Д.* «Вначале был Делиль», или гипотеза о причинах расформирования одной французской коллекции. С. 112–120; *Гузевич Д.Ю.*, *Добренко А.А.*, *Лантева Т.А.* Витсен, Стрюйс, Олеарий, или «Орел» вместо «Фридерика». С. 121–130; *Гусарова Е.В.* К истории создания первого Академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем). С. 131–149; *Данков М.Ю.* Религиозно-мифологическая география Русского Севера и «Осударева дорога» 1702 года. С. 150–158; *Долгов Е.Б.* Сергей Дмитриевич Голицын: (страницы биографии петровского дипломата и казанского губернатора). С. 159–172; *Епатко А.Ю.* Петровский сюжет на аукционе Сотбис (Sotheby's). С. 173–180; *Еремينا-Саленикова Е.В.* Танцы петровского времени. С. 181–187; *Исколь С.Н.* Визит Петра I в Берлин по воспоминаниям прусской принцессы. С. 188–195; *Ковригина В.А.* От государевых мастеров – к вольным мастерам Москвы: судьба немецких мастеров золотого и серебряного дела во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. С. 196–202; *Коренцвит В.А.* Лица Петровского времени. С. 203–215; *Кротов П.А.* Гангутская баталия 1714 года: основные итоги изучения и исследовательские задачи на современном этапе. С. 216–227; *Лантева Т.А.* Русский ученик за границей и в России: судьба Степана Коровина. С. 228–233; *Макаров Б.С.* Якоб Шульц (Jacob Shultz) – один из первых иностранных садовых мастеров Санкт-Петербурга. С. 234–253; *Мезгорский Б.В.* О военной добыче при штурме города: К 310-й годовщине второго нарвского похода Петра Великого. С. 254–261; *Мезин С.А.* Царь, вице-адмирал и академик. С. 262–270; *Михайлов А.А.* Необычное вооружение в артиллерийских руководствах Петровской эпохи. С. 271–279; *Недоспасова А.П.* Как царь Петр взятыми под Полтавой «швецкими габоями» отечеству пользу учинил.

- С. 280–286; *Николаева М.В.* Публикация: Санкт-Петербург Петра I: История дворовладений – застройка и застройщики. С. 287–294; *Новоселов Н.В.* Фонтаны М.Г. Земцова в Летнем саду. С. 295–308; *Реброва Р.В.* Библейские сюжеты на голландских плитках во дворцах петровского времени: Библия Пискатора – как один из источников вдохновения. С. 309–318; *Родионова Г.В.* К вопросу об атрибуции серии западноевропейских шпалер из собрания Эрмитажа. С. 319–325; *Самыловская Е.А.* К вопросу об истории строительства римско-католических храмов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 326–336; *Сергеева Г.И.* Зандамский праздник или как любили Петра I в Голландии 200 лет спустя. С. 337–357; *Славнитский Н.Р.* У.А. Сенявин и его деятельность по ремонту и строительству фортификационных укреплений на Северо-Западе России. С. 358–362; *Тюхменева Е.А.* Царские образы в программах триумфальных врат первой половины XVIII века. С. 363–370; *Ухналев А.Е.* Ветровые приборы Петра I. С. 371–384; *Шебалдина Г.В.* «... с королевской грамотой и для нужного дела»: (Из биографии Людвига Фабрициуса). С. 385–396; *Юркин И.Н.* Художники и их ученики в петербургских проектах Берг- и Мануфактур-коллегии: персоналии, объекты, технология. С. 397–405; Список сокращений. С. 406–407; Сведения об авторах. С. 408–409; Резюме. С. 410–421.
126. Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. 455 с.: илл. (Герман. ист. ин-т в Москве).
Содерж.: *Петрухинцев Н.Н., Эррен Л.* От составителей. С. 5–9; **Разд. I. Российское дворянство и власть: проблемы взаимоотношения и структуры российской дворянской элиты:** *Захаров А.В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы. С. 10–44; *Черников С.В.* Военная элита России 1700–1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I. С. 45–62; *Агеева О.Г.* О взаимоотношениях русского монарха и столичного дворянства начала XVIII в.: святочные увеселения шутовской компании Петра Великого. С. 63–80; *Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. С. 81–102; **Разд. II. Личность и элиты:** *Серов Д.О.* Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII века: кадровый выбор Петра I. С. 103–121; *Базарова Т.А.* Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: пути интеграции в российскую политическую элиту. С. 122–148; *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. С. 149–177; *Зицер Э.А.* Самосотворение петровского «аристократа»: астрологическая «Книга рождения» князя Бориса Ивановича «Когубут»-Куракина. С. 178–212; *Вознесенская И.А.* Архив ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского как источник по истории военной элиты 1730-х гг. С. 213–224; *Курукин И.В.* Артемий Волянский и его клиенты. С. 225–233; **Разд. III. Дворянское сословие: проблемы самосознания в эпоху реформ и политических кризисов:** *Полонский Д.Г.* Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.). С. 234–255; *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии. С. 256–283; *Киселев М.А.* Развитие самосознания «дворян-

- ского сословия» в первой трети XVIII в. и междущарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство»? С. 284–319; *Польской С.В.* Двор и «придворное общество» в послепетровской России. С. 320–317; **Разд. IV. Локальные элиты и государство:** *Редин Д.А.* Бюрократизация локальных элит Сибири в 1700–1730-е гг.: приказчики и комиссары. С. 368–380; *Азнабаев Б.А.* Корпоративные связи в служилом городе Уфе второй половины XVII – начала XVIII в. С. 381–397; *Лантева Т.А.* Дворянство «городов» Новгородского разряда по итогам разборов начала XVIII в. С. 398–407; *Лазарев Я.А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. С. 408–432; Список сокращений. С. 433; Указатель имен. С. 434–451; Сведения об авторах. С. 452–453.
127. Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвузов. сб. науч. тр. СПб.; Самара, 2013. Вып. 16: Феофан Прокопович и русская литература: От предклассицизма до предромантизма / науч. ред. Е.И. Анненкова, О.М. Буранок. 395 с.
- Содерж.: Феофан Прокопович и литература XVIII века:* *Луков Вл.А.* Предклассицизм Феофана Прокоповича в международном литературном контексте: тезаурусный анализ О.М. Буранка. С. 3–8; *Паикуров А.Н.* Феофан Прокопович глазами XXI века: новое диссертационное исследование профессора О.М. Буранка. С. 9–23; *Буранок О.М., Фоттелер С.Л.* Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир» и традиции ранней русской драматургии. С. 24–31; *Прокофьева Е.А.* Архетип-индульгенция в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир». С. 32–45; *Гокина А.Г., Буранок О.М.* Феофан Прокопович и развитие песенной лирики в первой трети XVIII века: генезис и эволюция. С. 56–67; *Акифьева И.Ю.* Феофан Прокопович в контексте библиотековедения. С. 67–76; *Санников И.А.* Творчество Феофана Прокоповича как культурный феномен Петровской эпохи. С. 76–85; *Паикуров А.Н.* Феномен Феофана Прокоповича в интерпретации Казанской школы академического литературоведения. С. 86–92; **Приложения:** *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: (автореф. дисс. на соискание учен. степени д-ра филол. наук. Самара, 2013). С. 93–141; **Рецензии:** *Ерофеева Н.Е.* О новом исследовании в области компаративистики (по материалам докторской диссертации О.М. Буранка: Рецензия). С. 142–145; *Петров А.В.* Новое исследование о Феофане Прокоповиче в контексте литературного процесса XVIII века. С. 146–147; *Разживин А.И.* Международные связи русской литературы XVIII века: (рецензия на новое диссертационное исследование). С. 148–150; *Каравашкин А.В.* Решение важной научной проблемы. С. 151–153; *Демченко А.А.* Новое в изучении литературы XVIII века. С. 153–155; *Конкина Л.С.* Феофан Прокопович: известный и неизвестный. С. 156–159; **Методы, жанры, поэтика литературы XVIII века:** *Сулица Е.И.* Оппозиция «дух – разум – плоть»: эмансипированные героини русских «гисторий» начала XVIII в. С. 160–170; *Иваницкий А.И.* Море в русской одической модели мира: (к вопросу о феномене барочного классицизма). С. 171–181; *Абрамовских Е.В.* Рецептивные стратегии детских текстов в эпоху классицизма. С. 182–190; *Осьмухина О.Ю.* Авторская маска как средство разрушения жанровой нормы в рамках пародии: (на материале «Поучения...» Д.И. Фонвизина). С. 191–199;

- Рыкова Е.К.* «Вечернее» чтение в изданиях Н.И. Новикова. С. 199–207; *Акимова Т.И.* Проблема галантности в литературном творчестве Екатерины II. С. 207–216; *Ивинский А.Д.* «Наука жить между людьми»: о литературной позиции журнала «Всякая всячина». С. 216–225; *Пащуков А.Н.* Феномен Екатерины Второй в судьбе и творчестве М.Н. Муравьева. С. 226–233; *Костанова А.В.* Миф о золотом веке в русской пиндарической оде: особенности рецепции. С. 234–248; *Разживин (Ключёвский) А.И.* Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями: Жанровые традиции и своеобразие. С. 248–256; *Аллатова Т.А.* Пространственная организация «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина и проблемы эстетического самоопределения повествования. С. 257–263; *Морозова Н.Г.* Сюжет путешествия в повестях Н.М. Карамзина конца XVIII – начала XIX в. С. 264–272; *Тополова О.С.* К вопросу об автобиографизме русской путевой литературы XVIII в. (на материале «Журнала путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии» (1784–1785) В.Н. Зиновьева). С. 272–281; *Абрамзон Т.Е.* Ломоносов и Княжнин в царстве мертвых. С. 282–294; *Зотова О.Р.* Об авторском самосознании в женской мемуаристике XVIII века («Записки» Е.Р. Дашковой). С. 295–307; **XVIII век в литературном и культурном контексте:** *Архангельская А.В.* «О принце з девкою»: загадка как сюжетообразующий элемент в структуре русских стихотворных фацетий XVIII века. С. 308–317; *Григорьева В.А.* Изучение повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза»: современные образовательные технологии. С. 317–322; *Алдонина Н.Б.* «Главная прелесть его поэзии есть богатырская художественность...»: (А.В. Дружинин о Г.Р. Державине). С. 323–345; *Салова С.А.* Г.Р. Державин в творческом сознании С.Т. Аксакова. С. 345–356; *Буранок О.М.* Феофан Прокопович и М.А. Булгаков: (к постановке проблемы). С. 357–361; *Биткинова В.В.* Державин в «исторических» произведениях В. Сосноры. С. 362–271; *Ерофеева Н.Е.* Ричард Шеридан в оценке русской критики. С. 372–279; *Вершинин И.В.* Предромантизм как переходное эстетическое явление. С. 380–385; Авторы сборника. С. 386–389.
128. Религиозное образование в России и Европе в XVIII веке / под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб.: Изд-во Рус. христан. гуманитар. академии, 2013. 289 с.: илл.
- Содерж.: Инглот М., Петрова М., Юдин А.* Предисловие. С. 5–10; *Посацкий А.* Идеиные основания религиозного образования в XVIII веке / пер. с польск. М.А. Корзо. С. 11–18; *Кошелева О.Е.* Традиции и новации: православная компонента в светской воспитательной и учебной литературе в России XVIII века. С. 19–32; *Ларионов А.А. (иеродиакон Родион).* Московская Славяно-греко-латинская академия в контексте европейской университетской идеи в XVIII веке. С. 33–46; *Амельченков В.Л. (иеромонах Сеерафим).* Богословское образование в западной части России в XVIII веке: Смоленская духовная семинария. С. 47–58; *Петрова М.А.* Общество благородных девиц и народные училища: к проблеме адаптации немецкого образовательного опыта в екатерининской России. С. 59–77; *Корзо М.А.* Популярный школьный катехизис XVIII века: пример России и Речи Посполитой. С. 78–92; *Круликовска А., Топий-Стемпинска Б.* Религиозное образование в программах первого польского министерства образования – Комиссии национального просвещения / пер. с польск. М.А. Корзо. С. 93–107; *Гжебень Л.* Школы иезуитов в Польше и Белоруссии во второй

- половине XVIII века / пер. с польск. М.А. Корзо. С. 108–132; *Лявиук В.* Марианская содалия иезуитского коллегия в Гродно (1630–1773): опыт реконструкции деятельности. С. 133–160; *Довере У.* Подготовка духовенства в европейских семинариях: XVIII век / пер. с итал. А.С. Горелова. С. 161–182; *Ногес Б.* Религиозное образование во Франции в XVIII веке / пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. С. 183–205; *Пименова Л.А.* Проблема религиозного воспитания во французских проектах образовательных реформ второй половины XVIII века. С. 206–221; *Лизери М.* Религия в начальных школах от Австрии до Ломбардии: школьная реформа Иоганна Игнаца Фельбигера / пер. с итал. А.С. Горелова. С. 222–248; *Негруццо С.* Преподавание после иезуитов / пер. с итал. А.С. Горелова. С. 249–262; *Гавинелли С.* От болландистов до Муратори: история как евангелизация / пер. с итал. А.С. Горелова. С. 263–285.
129. Россия в XVIII столетии. М.: Древлехранилище, 2013. Вып. 4 / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. 132 с.: илл., 6 л. илл.
Содерж.: *Акельев Е.В.* Французы под судом в России 40-х гг. XVIII века: дело о дуэлянте Жане Бенаре. С. 5–27; *Курукин И.В.* Цена побед: Семилетняя война и финансы России. С. 28–47; *Лиштенан Ф.-Д.* Елизавета Петровна: портрет женщины у власти. С. 48–65; *Нивьер А.* Иван Шувалов: поборник французской культуры и инициатор заключения русско-французского союза. С. 66–89; *Строев А.Ф.* Русские царицы глазами кавалер-девицы. С. 90–113; *Штеллнер Ф.* Династическая политика в начале правления Елизаветы Петровны. С. 114–129; Список сокращений. С. 130; Сведения об авторах. С. 131.
130. Россия и Франция: XVIII–XX вв.: Лотмановские чтения / редкол. Д. Александр и др. М.: РГГУ, 2013. 450 с. (Monumenta Humanitatis: Чтения ИВГИ–ИВКА–ЦТСФ; Вып. 1).
Из содерж.: *Ducrey A.* Pierre le Grand dans les lettres françaises (XVIIIe et XIXe siècles): Du personnage historique à la figure mythique = Петр Великий во французской литературе XVIII и XIX веков: от исторического персонажа к мифологическому образу. С. 13–29; *Frantz P., Evstratov A.* Pierre le Grand au théâtre, entre tragédie encomiastique et comédie bourgeoise. С. 30–49; *Неклюдова М.* Определение анекдота: казус Бэкона / Делейра / Третьяковского. С. 50–69; *Дмитриева Е.* Либертены и власть: оппозиция государству или социуму? (Русская и французская репутация графа Мирабо). С. 70–105; *Гречаная Е.* Русские переводы французских женских романов конца XVIII – начала XIX в. С. 106–116; *Добрицын А.* Басни Крылова: переложения с французского и на французский. С. 117–134.
131. Русская книжная традиция в Сибири: «Тобольские инкунабулы» / сост. С.П. Симаков. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2014. 207 с.: илл., факс.
Содерж.: Предисловие. С. 5–6; *Мамеев С.Н.* Тобольские фабриканты Корнильевы. С. 7–20; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири: [репринт]. С. 23–104; *Рак В.Д.* К 200-летию редкого сибирского издания из фондов Библиотеки Академии наук («Училище любви». Тобольск, 1791). С. 107–120; *Дворцова Н.П.* Сибирская Иппокрена в век Просвещения. С. 121–188; *Симаков С.П.* Книги и журналы, изданные в типографии Корнильевых. С. 189–204.
132. Санкт-Петербург – Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб.: Европейский Дом, 2013. 451 с.: илл. (Санкт-Петербург и мир).

- Из содерж.:* Андреева Е.А. Голландское влияние в отделке интерьеров петровского времени: на примере дворца Меншикова в Петербурге. С. 96–109; Моисеева Т.М. Голландский опыт в жизни М.В. Ломоносова. С. 167–176; Базарова Т.А. «Голландские сюжеты» в походных канцеляриях А.Д. Меншикова и П.П. Шафирова: по материалам Научно-исторического архива СПбИИ РАН. С. 322–337; Терюков А.И. Н. Витсен, Петр Великий и Г.В. Лейбниц. С. 366–377; Лебедев С.К. Англо-русская экспедиция в Голландию 1799 г.: Дневник участника из России. С. 417–442.
133. Столицы и провинция: материалы IV Междунар. конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 г. СПб.: Европейский Дом, 2013. 358 с.: илл.
- Из содерж.:* **Европейские традиции:** Шварц И. Проблема столиц в Австрийской империи. С. 11–18; Писарева В.А. Между двумя столицами: Дрезден и Варшава во время правления Августа Сильного. С. 19–30; **Москва и Санкт-Петербург: традиции и противопоставления:** Кониингсбрюгге Х. ван. Как голландские дипломаты восприняли появление новой столицы. С. 44–50; Шкаровский М.В. Почитание апостола Андрея в Петербурге и Москве и петровское время. С. 51–60; Усенко О.Г. Столицы в массовом сознании россиян XVIII века (на примере монархического самозванчества). С. 61–69; Мезин С.А. Дени Дидро о Петербурге и Москве. С. 70–78; **Основание и развитие северной столицы:** Анисимов Е.В. Санкт-Петербург – блестящая ошибка Петра? С. 89–96; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Петербург как зримый принцип «новой территории»: основная модель петровских изменений. С. 97–106; Леонов В.П. Тема пути в биографии Санкт-Петербурга. С. 118–120; Андреева Е.А. Цена Петербурга: развенчание мифа о «городе на костях». С. 121–140; Латин В.В. Москва и Петербург: Столицы России в военном измерении. Период империи. С. 141–151; Славинский Н.Р. «Столичный» и городской гарнизоны Санкт-Петербурга в царствование Петра I. С. 152–158; Вагеман Э. Голландец Питер ван Вунсел о Санкт-Петербурге. С. 159–163; Богданов А.И., Трофимова Н.С. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» первой половины XVIII века (1728–1750) как источник по истории промышленности Санкт-Петербурга и его окрестностей. С. 164–171; Пашков А.М. «Твоих оград узор чугунных...»: чугунное художественное литье Олонецких горных заводов в архитектуре Санкт-Петербурга и его окрестностей конца XVIII – первой четверти XIX века. С. 172–174; **Взаимовлияние столиц и провинции:** Аристов В.В. Нарва – несостоявшаяся морская столица Петра I. С. 196–223; Аваков П.А. Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга. С. 224–234; Перепечаева Л.Б. Некоторые черты быта города-крепости Азов конца XVII – начала XVIII века. С. 235–244; Андреев А.А. Хива и Россия в начале XVIII века, или история одной несостоявшейся провинции. С. 259–272; Акинъшин А.Н. Приезды императоров в Воронеж как отражение роли провинциального города в жизни страны. С. 273–281; Чернышёв В.Я. Материалы ревизии Муром 1723 года как источник для изучения быта провинциального города петровской эпохи. С. 282–293; Колышницына Н.В. Взаимовлияние столицы и провинции на примере развития народного образования в России XVIII – начала XIX века. С. 294–305; Рашитова О.А. Влияние новой столицы на церковную жизнь Ингерманландии (на примере Ямбургской земли). С. 306–313.

134. Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 364 с.
Из содерж.: Пименова Л.А. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения. С. 59–68; Седов П.В. «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I. С. 122–142; Редин Д.А. Петровские реформы и их восприятие провинциальным чиновничеством Сибири. С. 143–152; Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация. С. 153–173; Кошелева О.Е., Наседкин Е.Н. Феномен реформ XVII столетия в России и их интерпретация в XVIII в. С. 179–191; Дискуссия по докладу О.Е. Кошелевой и Е.Н. Наседкина. С. 192–194; Нурдин Ю. Политические реформы и риторика в Швеции XVIII в. С. 195–213; Дискуссия по докладу Ю. Нурдина. С. 214–215; Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в.: значение слова и его судьба. С. 216–228; Серов Д.О. «Быть по маниру шведскому...»: сценарии заимствования иностранных правовых институтов в ходе проведения административной и судебной реформ Петра I. С. 250–269; Бабкова Г.О. Реформы Екатерины II в области уголовного права в сравнительной перспективе: проект «Уголовного уложения» и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстоуна. С. 270–289; Дискуссия по докладам О.А. Курбатова, Д.О. Серова и Г.О. Бабковой. С. 290–296; Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I. С. 323–337; Эберхардт М.В. Канцлер Мопу и генеральный контролер финансов Тюрго: чиновники и реформаторы Франции Старого порядка. С. 338–354; Дискуссия по докладам Т.Н. Таценко, Я.И. Прокопенко и М.В. Эберхардт. С. 355–359.
Рец.: Диалог о книге // Рос. история. 2014. № 4. С. 3–36.
Содерж.: Лавринович М.Б. Реформы раннего Нового времени как модель и как историографический конструкт. С. 4–9; Лисейцев Д.В. Одним росчерком пера: Россия на пути к современным реформам. С. 9–12; Шамин С.М. Сопротивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв. С. 12–17; Писарькова Л.Ф. Феномен российских реформ. С. 17–23; Киселёв М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени. С. 23–29; Захаров В.Н. Когда в России началось Новое время? С. 29–31; Федюкин И.И. Механизмы и движущие силы реформ. С. 32–36.
135. Филологическое наследие М.В. Ломоносова / отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. 479 с.: илл.
Содерж.: Бухаркин П.Е., Волков С.С. Предисловие. С. 7–14; **М.В. Ломоносов и риторическая традиция:** Волков С.С. Словарь-справочник «Риторика М.В. Ломоносова»: источники и тексты. С. 17–35; Бухаркин П.Е. «Краткое руководство к красноречию...» М.В. Ломоносова: литратурный статус и некоторые проблемы филологического изучения. С. 36–71; Чердаков Д.Н. «Предисловие о пользе книг церковных» в восприятии русской филологии XVIII – начала XIX века. С. 72–87; Матвеев Е.М. Проблемы описания тропов в поэтическом языке М.В. Ломоносова. С. 88–107; Ветушко-Калевич А.А. «Полигистор» Даниэля Морхофа о риторике. С. 108–165; Трофимук М.С. Роль античной литературы в формировании теории литературы в Украине XVII–XVIII вв.: (на материале курсов словесно-

- сти Киево-Могилянской Академии). С. 166–192; *Курилова А.Д.* Eloquentia officiosa в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке. С. 193–202; **М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века:** *Иванова Е.П., Дрязгова К.В.* К проблеме языка автора «Грамматики французской и русской»: французский язык текста – ксенолект или родной язык? С. 205–216; *Карева Н.В., Сергеев М.Л.* «Грамматика французская и русская» (1730) и формирование академической грамматической традиции в первой половине XVIII в. С. 217–234; *Смирнова А.С.* Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий. С. 235–252; *Филиппов К.А.* Лейбниц – Вольф – Готтшед – Ломоносов: к вопросу о грамматических теориях XVIII века. С. 253–264; *Дюбо Б.А.* Изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий). С. 265–282; **Идиолект М.В. Ломоносова:** *Савельева Е.А.* Материалы для словаря языка М.В. Ломоносова в петровской копии Радзивилловской летописи. С. 285–316; *Левина И.Н.* Словарное описание идиолекта М.В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение. С. 317–360; *Маматова М.Г.* Функционирование слов *пусть / пускай / пуцай* в языке М.В. Ломоносова. С. 361–379; *Двинятин Ф.Н.* Количественная грамматика глагола в торжественных одах М.В. Ломоносова. С. 380–400; *Бурькин А.А.* Ломоносов и топонимика Арктики: (некоторые задачи интердисциплинарного изучения текстов). С. 401–413; *Манерова К.В.* Немецкий язык М.В. Ломоносова (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого). С. 414–424; **Приложение:** *Волынская А.В.* О книге Б. Зубакина «Новое и забытое о Ломоносове». С. 427–436; Библиография / сост. Н.В. Ткачева. С. 437–463; Указатель имен. С. 464–477; Список сокращений. С. 478–479.
136. Четыре века Дома Романовых: материалы междунар. науч. конф. «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: ист., источниковед., биогр. дискурсы», Москва, 6 марта 2013 г. / отв. ред. Е. Пивовар. М.: РГГУ, 2013. 822 с.: илл. (Б-ка Рос. о-ва историков-архивистов). *Из содерж.:* *Агеева О.Г.* Журналы Церемониальных дел (департамента) – источник церемониальной жизни русского императорского двора. 1744–1796 гг. С. 82–94; *Рыженков М.Р.* Первая трагедия в «Доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. С. 590–607; *Дубман Э.Л.* Южное Средневожье в планах и деятельности Петра I. С. 608–620; *Сафонов М.М.* «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых. С. 621–635; *Кочережко С.С.* Некоторые вопросы восприятия Екатериной II восстания Е.И. Пугачева. С. 636–648.
137. Чтения отдела русской литературы XVIII века / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) Рос. акад. наук. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 7: М.В. Ломоносов и словесность его времени: Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / отв. ред. А.А. Костин, А.О. Дёмин. 301 с. *Содерж.:* Предисловие. С. 3–4; **Ломоносов и словесность его времени:** *Алексеева Н.Ю.* Итоги и проблемы изучения литературного наследия М.В. Ломоносова: (общие наблюдения). С. 7–19; *Сазонова Л.И.* Риторика Ломоносова: актуальные проблемы риторической традиции XVIII века. С. 20–40; *Костин А.А., Николаев С.И.* Неучтенный источник Риторике Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау). С. 41–53; *Лемешев К.Н.*

Конспект «Aus führliche Redekunst» и Риторика Ломоносова. С. 54–60; *Костин А.А.* Стихотворные надписи в описаниях фейерверков 1758 и 1759 годов: (опыт атрибуции Ломоносову). С. 61–82; *Копанев Н.А., Копанева Н.П.* Ломоносов и первая отсылка Вольтеру рукописей по русской истории. С. 83–94; *Хотеев П.И.* К истории одного стихотворного перевода Ломоносова. С. 95–106; *Костин А.А.* Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг.: (из комментариев к письмам Сумарокова). С. 107–113; *Кислова Е.И.* «Молчите, каменные звуки»: оды Ломоносова в рукописных копиях второй половины XVIII века. С. 114–136; **Перевод и подражание в русской литературе XVIII века: Брагоне М.К.** Эразм Роттердамский – учитель голландского языка? (К истории судьбы «Colloquia familiaria» в России в XVIII веке). С. 139–152; *Пезенти М.К.* Западноевропейская народная гравюра и русская лубочная картинка: (изображение, текст и внетекстовые элементы). С. 153–167; *Вендитти М.* Русские переводы XVIII века второй героиды Овидия (Козицкий, Рубан, Ржевский). С. 168–181; *Дёмин А.О.* Перевод и подражание трагедии Ж. Расина «Береника» в трагедии Я.Б. Княжнина «Дидона». С. 182–190; *Кукушкина Е.Д.* Ж. де Лафон на русской сцене: два варианта адаптации. С. 191–197; *Росси Л.* Стихотворная басня М.Н. Муравьева «Изгнание Аполлона» и ее прозаический источник. С. 198–208; *Кочеткова Н.Д.* «Меланхолия» Ж. Делиля: подражание Н.М. Карамзина и перевод П.Ю. Львова. С. 209–218; *Заборов П.Р.* «Славный Томас» в русских переводах. С. 219–233; *Веселова А.Ю.* Русские переводы европейских садовых трактатов конца XVIII–XIX века и стратегии переводчиков. С. 234–243; *Златопольская А.А.* Русские переводы Ж.-Ж. Руссо и цензура. С. 244–256; *Альциуллер М.Г.* Чей перевод «Золотого осла» читал Пушкин в «садах Лицея»? (Из комментария к «Евгению Онегину»). С. 257–268; *Ларокка Дж.* Освальдо Перини – итальянский переводчик А.П. Сумарокова: (Предварительные замечания). С. 269–287; Список сокращений. С. 288; Указатель имен. С. 289–299.

Статьи

138. *Абдулина М.Ю.* Уильям Вордсворт и Великая Французская революция // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2013. Вып. 11. С. 69–76.
139. *Абрамзон Т.Е.* «Билетцы» и гадательные двустушия А.П. Сумарокова: парадигма любовного чувства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 180–187.
140. *Абрамзон Т.Е.* «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777 г.): поэтика культурной роли Ломоносова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1. С. 151–162.
141. *Аваков П.А.* У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2014. С. 7–20.
142. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал приема послов Святого Престола в России во второй половине XVIII в. // «Друг – зеркало для друга...»: Рос.-итал. обществ. и культ. связи, X–XX вв. М.: Ин-т рос. истории, 2013. С. 158–164.

143. *Агеева О.Г.* Журналы Церемониальных дел (департамента) – источник церемониальной жизни русского императорского двора. 1744–1796 гг. // Вестн. архивиста. 2013. № 1. С. 5–18.
144. *Агеева О.Г.* Императорский двор России XVIII века: между европеизацией и традицией // Рос. история. 2014. № 1. С. 54–74.
145. *Агрatina Е.Е.* Русские модели Александра Рослина в Париже // Русское искусство Нового времени: исслед. и материалы. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 2013. Вып. 15: По итогам Всерос. науч. конф. «Бытие искусств в России XVIII – нач. XX века: проблемы, мастера, произведения». С. 43–58.
146. *Акельев Е.* Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98.
147. *Акимова Т.И.* Автор – герой – читатель в мемуарах Екатерины II // Пушкинские чтения – 2013: Художественные стратегии классической и новой литературы: Жанр, автор, текст: Материалы XVIII Междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 87–97.
148. *Акимова Т.И.* Авторские стратегии в творчестве Екатерины II // Пушкинские чтения – 2014: Художественные стратегии классической и новой литературы: Жанр, автор, текст: Материалы XIX Междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2014. С. 303–313.
149. *Аксёнов А.И.* Кризис философии Просвещения и формирование романтически-патриотических концепций в русской историографии второй половины XVIII – начала XIX в. // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьёва. М.: Издат. центр РГГУ, 2013. Т. 1. С. 273–282.
150. *Алакишин А.Э., Андреев А.Н.* Проблемы и перспективы изучения истории западнохристианских общин Петербурга в XVIII в. в контексте развития современной исторической науки // Петерб. ист. журн. 2014. № 3. С. 183–199.
151. *Алексеев В.В.* О приемах работы М.В. Ломоносова с историческими источниками // Историческое обозрение. 2013. Вып. 14. С. 57–62.
152. *Алитова Р.Ф., Никитина Т.Л.* Формирование и развитие иконографии Ростова Великого в XVIII–XIX веках // Архитектурное наследие. 2013. Вып. 58. С. 83–93.
153. *Алпатова Т. Ж.-Ж.* Руссо и руссоизм в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Acta Univ. Lodziensis: Folia litteraria rossica. Lodz, 2013. № 6. С. 9–21. Рез. англ.
154. *Алташина В.Д.* Театральная эстетика Дидро в России // Науч. мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 164–168.
155. *Альхова А.В.* Театральные рецензии Н.М. Карамзина в «Московском журнале» // Филологические этюды. Саратов, 2013. Вып. 16, кн. 1. С. 261–267.
156. *Амелёхина С.* Церемониал коронации в Российской империи: [XVIII в.] // Рос. история. 2014. № 1. С. 74–94.
157. *Андреев А.Л.* Образование в эпоху Анны Иоанновны // Педагогика. 2013. № 8. С. 90–100.
158. *Андреев А.Н.* Католический приход Петербурга в XVIII в. // Вопр. истории. 2014. № 10. С. 148–160.
159. *Андреев А.Н.* Протестантские церкви и общины Москвы в XVIII в. // Вопр. истории. 2013. № 12. С. 148–158.

160. *Андреев А.Н.* Римские католики в Петербурге при Петре Великом и их участие в общественной жизни России // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социал.-гуманитар. науки. 2013. Т. 13, № 2. С. 77–83.
161. *Андреев А.Ю.* «Записки» Ф.-С. Лагарпа как источник по истории России конца XVIII – начала XIX в. // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. 2: История. История рус. Православ. Церкви. 2013. Вып. 4. С. 7–22.
162. *Андреева С.С.* Комиссии для рассмотрения взаимных претензий как феномен Запорожско-Крымского пограничья середины XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2014. С. 44–53.
163. *Анисимов М.Ю.* Восточная Пруссия в российских планах в годы Семилетней войны (1756–1763 гг.) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 150–161.
164. *Анисимов М.Ю.* Кризис Утрехтской системы международных отношений и елизаветинская Россия // Новая и новейшая Россия. 2014. № 3. С. 123–140.
165. *Анисимов М.Ю.* Семилетняя война: русско-австрийский союз и его крах (1757–1762 гг.) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 15–26.
166. *Антипова Н.В.* Музыка в научном творчестве А.Т. Болотова // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. Т. 2. С. 154–157.
167. *Антонов В.В.* Бренна: после отъезда из России: о последнем периоде жизни художника и архитектора Винченцо (Викентия Францевича) Бренны (1745/47–1820) // Московский журнал: История государства Российского. 2013. № 10. С. 58–65.
168. *Антропов Д.Н.* Образ горнозаводского Урала XVIII в. в иллюстрациях «Описания Уральских и Сибирских заводов» Г.В. де Геннина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2013. № 4. С. 86–97.
169. *Арапов Д.Ю.* Исламская политика Екатерины Великой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 5. С. 25–37.
170. *Аронова А.* «Огненные сады» русского двора первой половины XVIII века // Русское искусство. 2013. № 3. С. 36–44.
171. *Артамонов Д.С.* Образ Вадима Новгородского в русской историографии XVIII века // Историческое прошлое и образы истории: материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Сарат. гос. ун-те им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 20–21 сент. 2012 г. Саратов: Наука, 2013. С. 187–195.
172. *Артамонова Л.М.* Государственная политика в области народного просвещения и ее реализация в русской провинции XVIII – первой половины XIX в. // От Древней Руси к Российской Федерации: история рос. государственности. СПб.: Алетей, 2013. С. 291–299.
173. *Артамонова Л.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Рос. история. 2013. № 2. С. 101–113.
174. *Арутюнян Ю.И.* Интерпретация средневекового искусства в иллюстрациях XVII–XVIII веков // Газетная и журнальная иллюстрация: материалы науч. конф. СПб., 2014. С. 203–208.

175. *Астафьев В.В.* Историческая наука в России XVIII века в оценке историков русского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 148–154.
176. *Аурова Н.Н.* Произведения итальянских писателей в книжных собраниях русского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // «Друг – зеркало для друга...»: Рос.-итал. обществ. и культ. связи, X–XX вв. М.: Ин-т рос. истории, 2013. С. 217–230.
177. *Аурова Н.Н.* Произведения иностранных писателей XVIII–XIX вв. в книжных собраниях русского дворянства // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени: к 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 84–108.
178. *Афанасьев М.Д.* Публичная библиотека в России – время знакомства (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2014. Сб. 101. С. 70–97.
179. *Афинская З.Н.* Об антитезе «холодно»/«горячо», мифах и научном знании: (к 265-летию выхода трактата «О духе законов» Монтескье) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2013. № 1. С. 22–31.
180. *Аузо Н.* «Великодушие» в историческом повествовании Н.М. Карамзина // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2014. Т. 34. С. 1–15.
181. *Базарова Т.А.* Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711–1714 гг.: история создания и перспективы изучения // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. [Вып.] 34. С. 78–93.
182. *Бакиаев А.А.* Формирование казенных горнозаводских хозяйств на Урале в XVIII – первой четверти XIX в. // Документ. Архив: История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 42–49.
183. *Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г.* Светский и религиозный компонент в западноевропейской учебной литературе XVIII в. // Западноевропейская и российская учебная литература XVI – начала XX в.: конфессиональный аспект: сб. науч. ст. М.: ИТИП РАО, 2013. С. 116–158.
184. *Бараиш Дж.Э.* Место музыки в эстетике Канта: пер. с фр. // Философские науки: ФН. 2013. № 10. С. 115–124.
185. *Бахтина А.А.* Автобиография А.Т. Болотова в контексте русской мемуарной литературы XVIII в. // Актуальные вопросы филологических наук (II): Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). Чита: Молодой ученый, 2013. С. 1–7.
186. *Белов А.В.* Суконная промышленность казенных крестьян на территории Москвы и Московской губернии в 80-е – 90-е гг. XVIII в. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки. 2013. № 1. С. 24–29.
187. *Белова Т.А.* Кабинет Анны Ивановны в системе государственного управления России // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2014. № 1. С. 9–13.
188. *Белоусов А.С.* Комплектование личного состава Донской флотилии до начала русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Петербургские военно-исторические чтения: межвузов. науч. конф. 26 марта 2013 г. СПб., 2014. С. 14–20.
189. *Белькова А.А.* «Тайны ревизского двора», или о специфике проведения первой подушной переписи населения в Тюменском уезде в 1719–1726 гг. // Русский исторический сборник. М.: Кимерийский центр, 2014. Т. 7. С. 365–382.

190. *Березницкий С.В.* Географические исследования Нерчинской экспедиции в Сибири в середине XVIII века // *Соврем. пробл. сервиса и туризма*. 2014. № 1. С. 76–82.
191. *Берлова М.С.* Театр в политике Густава III // *Мир шведской культуры: материалы междунар. науч. конф., приуроченной к 15-летию юбилею Рос.-швед. учеб.-науч. центра РГГУ*, 6 апр. 2011 г. М.: РГГУ, 2013. С. 38–54.
192. *Биржакова Е.Э., Малышева И.А., Кузнецова И.Е.* Русская лексикография – XVIII век // *Славянская лексикография*. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2013. С. 497–520.
193. *Бландов А.А.* Обер-иеромонахи в российском военно-морском флоте XVIII века // *Вестн. Балт. федерал. ун-та*. 2013. Вып. 12. С. 7–14.
194. *Блинова Е.А.* Формулы приветствия и прощания в изданиях 1705 и 1723 гг. справочника «Московский купец» П.Я. Марпергера // *Palaeoslavica. Cambridge (Mass.)*. 2013. Vol. 21, № 1. P. 286–290.
195. *Блуменау С.Ф.* Политические сочинения кануна Великой Французской революции // *Новая и новейшая Россия*. 2013. № 5. С. 60–71.
196. *Бобров Д.С.* Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на Юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // *Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 26–27 сент. 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерал. ун-та, 2014. С. 114–122.
197. *Бовыкин Д.Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // *Новая и новейшая Россия*. 2013. № 3. С. 118–129.
198. *Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // *Французский ежегодник 2014: жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV*. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 340–360.
199. *Болотина Н.Ю.* Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА // *Вестн. архивиста*. 2013. № 3. С. 244–261.
200. *Бондарчук В.Г.* Методы обучения гравированию в Петербургской Академии художеств на рубеже XVIII–XIX вв.: неизвестная рукопись Е.Г. Лисенкова // *Вопр. музеологии*. 2013. № 1. С. 140–147.
201. *Борисов А.С.* Образ Великобритании в общественной мысли США в конце XVIII века как фактор формирования внешней политики // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, культурология, право, междунар. отношения*. 2014. Вып. 2. С. 153–158.
202. *Борщ Е.В.* Архитектурная гравюра «большого стиля» как источник декора интерьера во французской книжной иллюстрации середины XVIII в. // *Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2013. № 1. С. 33–46.
203. *Борщ Е.В.* Сюжет «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо в прочтении французских иллюстраторов XVIII века: сравнительный аспект // *Сюжетология и сюжетология*. 2014. № 1. С. 108–117.
204. *Бре П.* Покончить с мифами об экспедиции в Египет, или когда Франция повернулась лицом к арабо-мусульманскому миру: [экспедиция Наполеона I в Египет (1798–1801)] / пер. с фр. Ю.В. Минеевой // *Французский ежегодник 2014*. М.: ИВИ РАН, 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 102–121.
205. *Бреева Т.Н.* Сюжет «Взятие Казани» в структуре национального мифа России: (на материале русской литературы конца XVIII – начала XIX века) // *Учен. Зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки*. 2013. Т. 155, кн. 2. С. 69–79.

206. *Брусиловский Н.М.* Из истории домовых храмов Москвы XVIII в.: законодательство и его практическое применение (на примере храмов в домах князей Вяземских и Мещерских) // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2013. № 9. Сер.: «Ист. науки: Региональная история. Краеведение». С. 84–91.
207. *Бугров К.* «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 117–127.
208. *Будыка Житкова О.К.* Бомарше и музыкальный театр России и Испании второй половины XVIII века // *Культурная жизнь Юга России*. 2014. № 1. С. 17–22.
209. *Будыка Житкова О.К.* Новеллы Мармонтеля в русском и испанском музыкальном театре второй половины XVIII века // *Культурная жизнь Юга России*. 2013. № 4. С. 8–13.
210. *Будыка Житкова О.К.* Оперы Бальдассаре Галуппи в России и Испании (вторая половина XVIII века) // *Культурная жизнь Юга России*. 2013. № 1. С. 5–13.
211. *Будюкин Д.А.* Монашество и монастыри в «Повести о рождении моем...» князя И.М. Долгорукова // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. 2013. Вып. 43. С. 314–320.
212. *Булгаева Г.Д.* К проблеме воссоздания экстерьера и иконостаса Томской заводской церкви XVIII века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 24. С. 149–156.
213. *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 1. С. 149–155.
214. *Бутрин Е.С.* Горицкий «летописец» из собрания Госархива Ивановской области (первая половина XVIII в.) // *Отеч. архивы*. 2013. № 3. С. 19–26.
215. *Бухаркин П.Е.* В.К. Тредиаковский: литературный облик и литературная репутация // *Мир рус. слова*. 2013. № 4. С. 61–67.
216. *Быкасов В.Е.* Первый маршрут С.П. Крашенинникова по Камчатке [1737–1738 гг.] // *Вопр. истории*. 2013. № 1. С. 73–97.
217. *Васильков С.В.* Гербовый сбор 1765 года в английской печати // *Рос. науч. журн.* 2013. № 4. С. 42–47.
218. *Вейзи М.* Веджвуд: союз науки и искусства // *Третьяковская галерея*. 2014. № 4. С. 20–39.
219. *Верёда Д.* Иерархи Киевской Униатской митрополии и их отношение к сохранению восточных традиций во второй половине XVIII века // *Славяноведение*. 2014. № 2. С. 99–106.
220. *Верхотурова Н.А.* Текстобразующая функция символа «колокол» в европейской и американской поэзии конца XVIII–XIX в. и русских переводах // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. № 372. С. 9–24.
221. *Веселова А.Ю.* К 275-летию А.Т. Болотова: конференция в Москве и круглый стол в Богородицке // *Рус. лит.* 2014. № 3. С. 253–256.
222. *Вишнякова Ю.И.* Русский календарь и его читатель в XVIII – первой половине XIX века // *Михайловская пушкиниана: сб. ст.: Сельцо Михайловское: Пушкин. заповедник*, 2013. Вып. 61: материалы науч.-практ. чтений «Б-ка в усадьбе» (24–28 апр. 2013 г.) и науч. конф. «Музей. Реставратор. Реставрация» (17–19 июля 2013 г.) С. 66–73.

223. *Волков Л.В.* В Белокаменную на заработки: Крестьянин-отходник в Москве в первой четверти XVIII века // Моск. журн. История государства Российского. 2014. № 9. С. 58–65.
224. *Волосюк О.В.* Отто-Магнус Штакельберг – дипломат екатерининской эпохи // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 156–176.
225. *Волошина О.А.* Индийский мечтатель: (о путешествии Герасима Лебедева в Индию): [конец XVIII в.] // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 5. С. 114–129.
226. *Вяткин Л.М.* Ни одного анекдота о Петре Великом! Неизвестное сочинение Екатерины Дашковой [атрибуция Е.Р. Дашковой книги «Анекдоты г. Волтера» (М., 1810), обнаруженной в фондах РГБ] // Мир библиогр. 2013. № 7. С. 59–64.
227. *Гаврилина Н.А.* Благотворительность и призрение в России в XVIII–XIX вв.: Методологические аспекты проблемы // Клио. 2014. № 9. С. 6–10.
228. *Гаврилина Н.А.* Призрение престарелых, бедных и инвалидов в России в XVIII–XIX вв. // Клио. 2013. № 11. С. 65–68.
229. *Гаврюшин Н.К.* Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Русская философская мысль на Руси, в России и за рубежом: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию каф. истории рус. философии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 173–192.
230. *Гаджикурбанова П.А.* Обязанность правдивости в этике И. Канта // Постигаемая добро: сб. ст. к 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 222–234.
231. *Ганцева Н.Н., Машакин А.И.* Жан-Франсуа Эбен и его шедевр «Бюро короля»: [фран. мастер-мебельщик: 1721–1763] // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПА / Моск. гос. художеств.-пром. акад. им. С.Г. Строганова. 2014. № 1. С. 45–53.
232. *Гефке Н.А.* История соляного дела в Западной Сибири в трудах Г.Ф. Миллера и его последователей в XVIII в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2014. № 1. С. 5–16.
233. *Гилязетдинова Г.Х.* Восточные заимствования в частной переписке XVII – начала XVIII в. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2014. Вып. 3. С. 95–100.
234. *Гильманов В.Х.* «Гамбургская драматургия» Лессинга в дискурсе «кодов надежды» Просвещения // Кантовский сб. 2014. № 3. С. 60–71.
235. *Голованова М.П.* Документы 1700 года об изготовлении знамен в Оружейной палате // Материалы и исследования / Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2014. Вып. 25: Музеи Московского Кремля. С. 132–144.
236. *Голованова О.И.* Тюменская деловая письменность второй половины XVIII века как источник изучения деятельности нижнего земского суда // Документ. Архив. Информационное общество: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 сент. 2013 г. М.: РГГУ: Термика, 2014. С. 431–440.
237. *Горбань О.А.* Категория локальности в текстах региональных документов XVIII века: (на материале документов канцелярии области Войска Донского) // Научное обозрение. 2013. № 7. С. 21–30.
238. *Горбачук Г.Н.* Духовные школы на Владимирщине в XVIII веке // Религия, образование и религиозность во Владимирском регионе. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. С. 94–114.

239. *Горшков Д.И.* Переатрибуция и анализ парного «русского» портрета французских эмигрантов работы Франсуа-Жозефа Девернуа, 1797–1798 гг. // Петерб. ист. журн. 2014. № 4. С. 271–290.
240. *Горьковская З.П.* Коммуникативное пространство императорского двора Екатерины II: историографический и источниковедческий контексты // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI веков. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 107–122.
241. *Готовцева А.Г.* Никола Буало на страницах журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих» // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 12. С. 11–23.
242. *Готовцова О.А.* Фонды Российского государственного архива древних актов как источник по экономической и социальной истории фряновской шелкоткацкой мануфактуры в XVIII – первой четверти XIX в. // Документ. Архив. Информационное общество: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 сент. 2013 г. М.: РГГУ: Термика, 2014. С. 420–430.
243. *Готовцова О.А.* Численность и социальный состав рабочих Фряновской шелковой мануфактуры в XVIII в. (по материалам РГАДА) // Материалы первых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 75-летию со дня образования Центр. гос. архива Моск. обл. Москва, 29 марта 2012 г. Материалы вторых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 200-летию Отеч. войны 1812 г. Подольск, 25 окт. 2012 г. М.: Кучково поле, 2013. С. 129–138.
244. *Григорьева Д.А.* «Вербальные» и «невербальные» аспекты сатирической графики Уильяма Хогарта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 3. С. 142–157.
245. *Грязнова Н.В.* «Вторая беда» России и попытки ее устранения в период правления Екатерины II // Архитектурное наследие. 2014. Вып. 60. С. 161–168.
246. *Гусарова Е.В.* «Петров чертеж Астрахани» – ранний городской план русских геодезистов // Архитектурное наследие. 2014. Вып. 60. С. 78–101.
247. *Гусарова Е.В.* Секретная миссия астронома Делиля, или зачем Вольтер собирался в Астрахань // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Сорокин Р.В., 2013. Вып. 5. С. 140–161.
248. *Гусева С.Ю.* Антиковедческие труды XVIII в. в фонде Академического собрания БАН // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–25 нояб. 2014 г.: к 300-летию Б-ки академии наук. М.: Наука; Кн. культура, 2014. Ч. 1. С. 70–74.
249. *Гуськов Н.А.* А.П. Сумароков в мифе о создании русской литературы: к постановке проблемы // Мир рус. слова. 2013. № 3. С. 58–66.
250. *Гутнов Д.А.* Эволюция образа М.В. Ломоносова в русской историографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 5. С. 25–37.
251. *Данченко В.Г.* Государственная и ведомственная символика в обиходе русского флота XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. [Вып.] 32. С. 399–406.
252. *Данчук О.В.* Объективация культурного капитала детства дворян по мате-

- риалам эго-документов XVIII–XIX веков // Вестн. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исслед. 2014. № 3. С. 187–190.
253. *Дворцова Н.П.* «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»: поэтический и геокультурный контекст // Филологический дискурс. Томск, 2014. № 12: Геопэтика как научный и культурный код. С. 132–139.
254. *Демидов Д.Г.* Славянорусский (славянороссийский) язык – лингвистическая реальность (языковая действительность) конца XVIII – начала XIX в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2014. Вып. 3. С. 13–24.
255. *Дёмин А.О.* О реконструкции книги В.В. Капниста «Опыт перевода и подражания Горациевых од» // Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. СПб.: Наука, 2013. С. 309–361. (Лит. памятники).
256. *Демичев А.А.* Монархическое сознание российских подданных XVIII – первой половины XIX в. (по материалам исторических анекдотов) // Идеи и идеалы. 2014. № 1, т. 1. С. 115–126.
257. *Демкин А.В.* Влияние войн на демографическую ситуацию в России на примере Северной войны (1700–1721) // Проблемы исторической географии и демографии России. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 296–306.
258. *Денисов В.В.* Книги в монастырях Ярославской епархии (вторая половина XVIII – начало XIX веков) // Книжная культура Ярославского края – 2012. Ярославль, 2013. С. 12–16.
259. *Джавахишвили Н.Г.* Должностной аппарат и наградная система Восточно-Грузинского царства по проекту царевича Иоанна Георгиевича Багратиони (конец XVIII в.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2013. № 1. С. 111–123.
260. *Джурабаев Д.Х.* Российское направление внешней политики Бухарского ханства в первой половине XVIII века // Науч. обозрение. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2013. № 3/4. С. 154–159.
261. *Длугач Т.Б.* Дидро и Приключения диалогического разума // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 139–145.
262. *Длугач Т.Б.* К юбилею Жан-Жака Руссо // Вопр. философии. 2013. № 3. С. 176–180.
263. *Дмитриев А.В.* Была ли Россия «дворянской империей»? Некоторые аспекты военной службы дворянства в середине XVIII века // Рос. история. 2014. № 4. С. 102–111.
264. *Дмитриев А.В.* Офицерский корпус из гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х годов: (по данным формулярных списков) // Вестн. НГУ / Новосибир. гос. ун-т. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 1. С. 42–50.
265. *Дмитриева Е.* Экфрасис у Гоголя и дискуссия о принципах живописи и поэзии в европейской эстетике второй половины XVIII века // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 256–268.
266. *Драгайкина Т.А.* Переосмысление сказочных мотивов в стихотворной повести М.М. Хераскова «Бахариана» // Сибир. филол. журн. 2013. № 1. С. 24–30.
267. *Дубман Э.Л.* Южное Средневожье в планах и деятельности Петра I // Вестн. архивиста. 2013. № 3. С. 188–201.
268. *Дудина Т.П.* Звучащий микрокосм Г.Р. Державина: Философские основы державинской «музыкальной драматургии» // Philologos. Елец, 2013. Вып. 17. С. 23–29.

269. *Дюдон С.* Образы России и русских у Ж.-Ж. Руссо / пер. с фр. Н. Боруруевой // Обретенное время: сб. тр.: памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 322–333.
270. *Dziuba J.* Соотношение чувство – мысль в образах исторического прошлого: (на материале русской прозы второй половины XVIII века) // Acta Universitatis Wratislaviensis Slavica Wratislaviensia. Wrocław, 2014. № 11. S. 21–31. Рез. англ., польск.
271. *Евсеева Е.Д.* «Малые» русские портретисты 1790–1820-х гг.: особенности работы живописца по частному заказу // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 1. С. 125–138.
272. *Елепова М.Ю.* «Гимн бороде» М.В. Ломоносова и его адресаты // Северный текст русской литературы: сборник. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Вып. 3. С. 24–36.
273. *Елисеева И.И., Иванова Е.А.* Экономические исследования в Петербургской Академии наук в XVIII веке // Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 7–40.
274. *Елисеева О.И.* «Житие» в Alma Mater: [настроения и быт русского студенчества в Германии 1760–1770 гг. в «Житии Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева] // Науч. тр. Моск. гуманитар. ун-та. 2014. № 2. С. 46–76.
275. *Емельянова А.В.* Мемуары о домашнем обучении детей в России XVIII в.: история публикации // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 3–18.
276. *Емельянова С.И.* Оформление нового дипломатического протокола в России в середине XVIII века и практика его применения // Материалы и исследования / Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2014. Вып. 25: Музеи Московского Кремля. С. 177–188.
277. *Ермолаева М.А.* Основные направления деятельности Библиотеки Академии наук в трудах ученых XVIII в. (по материалам работ М.В. Ломоносова и И.Г. Бакмейстера) // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 2013. Вып. 15. С. 167–172.
278. *Ефимова Ю.В.* Книгоиздание в тамбовском регионе: XVIII–XIX вв. // Региональная журналистика: от истории к современности: материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф., 25 апр. 2014 г. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2014. С. 141–148.
279. *Жеравина А.Н.* О целесообразности продолжения дискуссии по владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства (1747–1861 гг.) // Сибир. ист. исслед. Томск, 2013. № 2. С. 15–24.
280. *Житенёв С.Ю.* Русское паломничество к святым местам Вселенского Православия в XVIII в. // Православный Палестинский сборник. М.: Индрик, 2014. Вып. 109. С. 173–188.
281. *Жук А.Д.* Гимническая ода в английской, немецкой и французской литературе последней четверти XVIII и в XIX вв. // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2013. Вып. 21. Сер.: Филол. науки. С. 65–78.
282. *Жуков В.Н.* М.В. Ломоносов и российская наука // Alma mater. 2013. № 8. С. 19–25.
283. *Жукова А.Н.* Шевырев vs Ломоносов: попытка контрреформы русского стихосложения // Науч. докл. филол. фак. МГУ. 2013. Вып. 7. С. 156–164.

284. *Заборов П.Р.* Неизданное письмо Ксавье де Местра // Обретенное время: сб. тр.: памяти Андрея Дмитриевича Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 292–295.
285. *Загваздин Е.П.* Материалы к истории церкви Преподобной Марии Египетской Абалакского мужского монастыря: [середина XVIII в.] // Труды Тобольской комплексной науч. станции УрО РАН. Тобольск, 2014. Вып. 4: Ист. науки. С. 72–78.
286. *Занин С.В.* Пост-юбилейные размышления: к 300-летию Ж.-Ж. Руссо // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 43. С. 83–89.
287. *Захарова Н.Н.* Русский Север в английской литературе и журналистике XVIII века // Северный текст русской литературы: сборник. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Вып. 3. С. 36–43.
288. *Зеленин А.В., Руднев Д.В.* Английский язык в России: взгляд из XVIII века // Рус. яз. в школе. 2014. № 8. С. 70–76.
289. *Зильбер А.С.* Кантоведение в Кёнигсберге: 1784–1949 годы // Кантовский сб. 2014. № 3. С. 92–122.
290. *Ибнеева Г.В., Кинзябулатова Г.Р.* Начало школьной реформы в Казанском наместничестве (1786–1788 гг.) // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 79–86.
291. *Иванов Д.А.* «Одушевленная бронза»: об источнике комедии А.А. Шаховского «Ты и Вы. Послание Вольтера» // Рус. лит. 2014. № 1. С. 109–119.
292. *Иванова Н.А.* С. Джонсон – человек эпохи Просвещения // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2014. С. 14–19.
293. *Иванюк С.А.* Андрей Ушаков – командир партизанского отряда Петра Великого // Война и оружие: Новые исслед. и материалы: тр. четвертой Междунар. науч.-практ. конф., 15–17 мая 2013 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 2. С. 182–195.
294. *Ивинский А.Д.* В.П. Петров и «великолепная карусель» 1766 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 320–327.
295. *Ивинский А.Д.* К истории Собрания сочинений императрицы Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2014. № 1. С. 106–125.
296. *Ивинский Д.П.* «Второй Ломоносов» и «Великолепная карусель» 1766 г.: (Из истории литературной репутации В.П. Петрова) // Науч. докл. филол. фак. МГУ. 2013. Вып. 7. С. 61–69.
297. *Иникова С.А.* «Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому»: история создания // Вопр. истории. 2014. № 7. С. 136–158.
298. *Исаев С.А.* Хартии колониальной Пенсильвании // Петерб. ист. журн. 2014. № 1. С. 212–230.
299. *Казakov Р.Б.* Из истории источниковедения в России XIX в.: Н.М. Карамзин как историописатель // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 44. С. 127–142.
300. *Казарцев Е.В.* «Die gekrönte Hoffnung des Russischen Kaisertums...» Готлоба Юнкера в переводе М.В. Ломоносова // Рус. лит. 2013. № 3. С. 99–111.
301. *Каменецкий И.П.* Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 24–28.

302. *Карнишина Л.М.* Город, который он любил всем сердцем: путеводитель по карамзинской Москве // Моск. журн. История государства Российского. 2014. № 4. С. 2–21.
303. *Карначев С.П.* Немцы в российском масонстве. 2-я половина XVIII в. // Вопросы отечественной истории: межвузов. сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов и соискателей. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 20–26.
304. *Карпова И.Л.* Адрес-календари XVIII века в собрании Российской государственной библиотеки // Михайловская пушкиниана: сб. ст. Сельцо Михайловское: Пушкин. заповедник, 2013. Вып. 61: материалы науч.-практ. чтений «Б-ка в усадьбе» (24–28 апр. 2013 г.) и науч. конф. «Музей. Реставратор. Реставрация» (17–19 июля 2013 г.) С. 86–91.
305. *Касаткин В.* Визит Екатерины Великой в Тулу: Версия Н.Ф. Андреева // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2013. Вып. 10. С. 114–128.
306. *Касумов оглы Р.И.* Христиане в административной системе Сиро-Палестинского региона (20–70-е годы XVIII в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2014. № 4. С. 40–52.
307. *Кафанова О.Б.* Шиллеровский сюжет в творчестве Н.М. Карамзина // *Musealmanach*: в честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 106–122.
308. *Качин Н.А.* В.Н. Татищев – прообраз первого российского историка // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2014. № 1. С. 98–102.
309. *Кириченко Е.И.* Проекты неосуществленных храмов в творчестве А.Н. Воронихина // Венки к надгробию А.Н. Воронихина: материалы торжественного заседания, посвященного 200-летию со дня кончины Андрея Никифоровича Воронихина (1759–1814), 5–6 марта 2014 года, Воронихинский архив. СПб.: СПб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2014. С. 10–23.
310. *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах // Славяноведение. 2014. № 2. С. 41–50.
311. *Киселев М.А.* Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Рос. история. 2014. № 4. С. 37–52.
312. *Кислова Е.И.* Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в.: (к истории лингвистической компетенции церковной среды) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2013. № 1. С. 35–50.
313. *Кислова Е.И.* Мать в эпоху дочери Екатерины I в церковных панегириках времен Елизаветы Петровны // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. 3: Филология. 2014. Вып. 3. С. 36–50.
314. *Киясов С.Е.* Масонское движение в Германии в XVIII веке // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 44–49.
315. *Киясов С.Е.* Московские масоны-розенкрейцеры XVIII столетия: просветители, мистики, конспираторы // Историческое прошлое и образы истории: материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Саратов. гос. ун-те им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 20–21 сент. 2012 г. Саратов: Наука, 2013. С. 148–154.
316. *Клепикова Л.В.* Образ Австрийской академии наук в переписке Лейбница и императора Карла VI // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 42. С. 337–345.

317. *Клименко С.В.* Архитектурная программа коронации императрицы Елизаветы Петровны 1742 года и Москва эпохи барокко // *Архитектурное наследство*. 2013. Вып. 58. С. 123–134.
318. *Клименко Ю.Г.* Архитектурные увражи Ж.-Б.-А. Леблона в русском садово-парковом искусстве XVIII века // *Архитектура и строительство России*. 2013. № 5. С. 14–21.
319. *Клименко Ю.Г.* Дом И.И. Юшкова в генезисе московских классицистических домов с угловой ротондой // *Архитектурное наследство*. 2014. Вып. 60. С. 169–185.
320. *Клименко Ю.Г.* Французский классицизм в творчестве московских архитекторов эпохи Просвещения: К 275-летию В. Баженова, М. Казакова и Н. Лепрана // *Архитектура и строительство России*. 2013. № 10. С. 2–11.
321. *Клюкина А.В.* Церковные постройки Родиона Казакова: архитектурный контекст // *Архитектурное наследство*. 2014. Вып. 61. С. 105–116.
322. *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798–1801) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение*. 2013. № 1. С. 3–22.
323. *Ковех А.В.* О рецепции русской литературы XVIII в. в литературной критике 1830-х гг. // *Науч. докл. филол. фак. МГУ*. 2013. Вып. 7. С. 147–155.
324. *Козлов А.Е.* Формирование провинциальных сюжетов в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX веков // *Сибир. филол. журн*. 2013. № 3. С. 31–35.
325. *Козлова Н.В.* «И то учинила невестка...»: один семейный конфликт петровского времени сквозь призму гендера // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История*. 2013. № 4. С. 16–24.
326. *Козлова Н.В.* Общественное призрение и его государственное регулирование в России в XVIII веке // *От Древней Руси к Российской Федерации: история рос. государственности*. СПб.: Алетейя, 2013. С. 300–308.
327. *Козлова О.В.* Исторические условия формирования либеральных идей в России: [конец XVIII – первая половина XIX в.] // *Демидовский временник: материалы науч. конф., посвящ. 25-летию ист. фак. [Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова]*. Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 102–106.
328. *Козлова Ю.А.* Внешнеполитические цели визита Петра I во Францию в 1717 г. // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки*. 2014. № 3. С. 70–74.
329. *Козлова Ю.А.* Русско-датские отношения в годы Северной войны и визит Петра I в Данию в 1716 г. // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки*. 2014. С. 91–97.
330. *Козляков В.Е.* Гавриил Романович Державин и Белоруссия // *Россия, славянский мир и их соседи: проблемы политических и культурных связей: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 360-летию Переяслав. Рады (15 нояб. 2014 г., г. Краснодар)*. Краснодар: Традиция, 2014. С. 180–186.
331. *Колесников И.Н.* Присоединение Крыма к Российской империи в XVIII в. // *Вопр. истории*. 2013. № 10. С. 131–137.
332. *Колесникова С.Ю.* Популяризация образа Петра Великого в контексте русско-немецкого диалога (1870-е гг.) // *Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер.: История. Междунар. отношения*. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 14–20.

333. *Колосков А.Н.* К проблеме трансформации европейской мысли в культуре русского Просвещения // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2013. Вып. 1. С. 30–34.
334. *Колотушкин А.А.* Законодательное регулирование деятельности губернских канцелярий в Российской империи в XVIII веке // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. 2014. № 1, вып. 29. С. 74–81.
335. *Колотушкин А.А.* Из истории взаимоотношений Белгородской губернской канцелярии и верховной власти в XVIII веке: (по материалам опубликованных законодательных актов) // Казанская наука. 2013. № 10. С. 49–55.
336. *Комлева Е.В.* Быт горожан в письмах красноярских купцов Ларионовых (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2014. С. 85–97. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 32).
337. *Конев А.Ю.* Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2014. № 22: История, вып. 61. С. 137–141.
338. *Копанев Н.А.* «... печатаны были при академии секретно» // Наука из первых рук. 2013. № 2. С. 6–19.
339. *Копанев Н.А.* «Энциклопедия» и Россия: к 300-летию со дня рождения Дени Дидро // Наука из первых рук. 2013. № 4. С. 58–75.
340. *Копанева Н.П.* Даниил Готтлиб Мессершмидт: начало пути // Наука из первых рук. 2014. № 5. С. 62–73.
341. *Копанева Н.П.* Мозаичный портрет Петра I в МАЭ РАН: М.В. Ломоносов или его ученики? // Радловский сборник: исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 102–108.
342. *Копелев Д.Н.* Еврейские круги Амстердама и европейская колониальная экспансия в конце XVII – начале XVIII в. // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. СПб.: Петерб. ин-т иудаики, 2014. С. 106–114. (Тр. по иудаике: история и этнография; Вып. 9).
343. *Копосов Л.Ф.* Заметки об одном официально-государственном документе второй половины XVIII в. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. 2014. № 6. С. 14–18.
344. *Корзо М.А.* «В десятословии ничтоже являет нам вечно обетования»: К вопросу о месте Декалога в православной мысли XVII – начала XVIII в.: [Декалог в соч. Феофана Прокоповича] // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2014. Т. 15, № 1. С. 49–56.
345. *Корзо М.А.* «Иго неудобноносимое»: К истории одной дискуссии о Декалоге в русской мысли начала XVIII в. // Постигая добро: сб. ст. к 60-летию Рубена Грантовича Апресяна. М.: Альфа-М, 2013. С. 235–248.
346. *Коровин В.Л.* М.В. Ломоносов в литературе пушкинского времени // Науч. докл. филол. фак. МГУ. 2013. Вып. 7. С. 132–142.
347. *Королёв С.В.* Французская библиотека правительницы Анны Леопольдовны // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2014. Сб. 100. С. 234–237.
348. *Корчина Е.С.* «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Рос. история. 2013. № 5. С. 77–91.

349. *Космолинская Г.А.* К истории русско-итальянских книжных контактов XVIII в.: «Вертоградцев света» // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–25 нояб. 2014 г.: к 300-летию Б-ки академии наук. М.: Наука; Кн. культура, 2014. Ч. 1. С. 98–102.
350. *Космолинская Г.А.* Международный научно-издательский проект «Век Просвещения»: итоги и перспективы // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2014. Сб. 100. С. 55–60.
351. *Космолинская Г.А.* Парижская библиотека Ф.В. Каржавина: новые находки // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2013. Сб. 99 (3/4). С. 173–191.
352. *Космолинская Г.А.* «Сей переводчик, уроженец Москвы, замечательная личность»: Ерофей Никитич Каржавин // Книга в информационном обществе: материалы тринадцатой Междунар. науч. конф. по пробл. книговедения. Москва, 28–30 апр. 2014. Ч. 2. Чтения им. Н.М. Сикорского. С. 40–43.
353. *Костин А.А.* Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Рус. лит. 2013. № 2. С. 80–113.
354. *Костин А.А.* Участие А.П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год: (по материалам Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи) // Война и оружие: новые исслед. и материалы: тр. Четвертой междунар. науч.-практ. конф., 15–17 мая 2013 г.: В 4 ч. СПб., 2013. Ч. 2. С. 367–374.
355. *Костин А.А.* «Чудище... плавай»: из дополнений к истории крылатого выражения // Рус. лит. 2013. № 3. С. 111–120.
356. *Костина И.Д.* Литейщики Моторины и их родственники [конец XVII – первая половина XVIII в.] // Материалы и исследования / Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2014. Вып. 25: Музеи Московского Кремля. С. 145–162.
357. *Костяшов Ю.В.* Повседневная жизнь сербского православного духовенства в Австрии в XVIII веке // Славянский мир профессора Матвеева. М.: Родина-медиа, 2013. С. 37–47. (Историки-слависты МГУ; Кн. 10).
358. *Кочегаров К.А., Носов Б.В.* Международный «круглый стол» «Петр Великий и становление Речи Посполитой в XVIII веке»: [Москва, 5–6 нояб. 2013 г.] // Славяноведение. 2014. № 5. С. 100–105.
359. *Кочережко С.С.* Некоторые вопросы восприятия Екатериной II восстания Е.И. Пугачева 1773–1775 гг. // Вестн. архивиста. 2013. № 3. С. 58–71.
360. *Кочеткова Н.Д.* «Аркадский памятник» Х.Ф. Вейсе и тема счастья у Н.М. Карамзина // Musenalmanach: в честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 144–153.
361. *Кочеткова Н.Д.* И.З. Серман (1913–2010) – исследователь русской литературы XVIII века // Рус. лит. 2013. № 3. С. 34–43.
362. *Кочеткова Н.Д.* Кружок Н.И. Новикова и архиепископ Платон // In memorem 100-летию со дня рождения Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (1912–1986): сб. ст. и воспоминаний. СПб; Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 4–15.
363. *Кочеткова Н.Д.* Н.М. Карамзин и Лицей // Пушкинский музей: альманах. СПб.: Всерос. музей А.С. Пушкина, 2014. Вып. 6. С. 31–35.
364. *Кочеткова Н.Д.* Об авторстве книги «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою»: [атрибуция книги Е.Р. Дашковой (М., 1779)] // Рус. лит. 2014. № 4. С. 127–135.

365. *Кочеткова Н.Д.* Посвящения прекрасному полу в русских изданиях XVIII века // *Russian Literature*. 2014. Vol. 7, № 1/4. P. 321–331.
366. *Кочеткова Н.Д.* Пьесы Ф. Краттера: *Александр Меньшиков* и *Девушка из Мариенбурга* // *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. London, 2013. P. 105–113.
367. *Кочеткова Н.Д.* Слово И.З. Сермана в современных спорах о Карамзине // *Toronto Slavic Quarterly*. 2014. Winter. № 47. P. 74–81.
368. *Кошелева О.* Мирское счастье или христианское благочестие? (наставления юношеству западных моралистов в переводах Сергея Волчкова сер. XVIII столетия) // *Ретроспективная информация источников: образы и реальность*. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 227–243.
369. *Кошелева О.Е.* Светские и религиозные компоненты в российской учебной литературе эпохи Просвещения // *Западноевропейская и российская учебная литература XVI – начала XX в.: конфессиональный аспект: сб. науч. ст.* М.: ИТИП РАО, 2013. С. 191–216.
370. *Красиков А.Н.* Синодальное регулирование книгопечатания в России в 1720-х – 1730-х гг. // *История книги и цензуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Арлена Викторовича Блюма (30.03.1933–04.06.2011)*, 29–30 мая 2012 г. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 44–53.
371. *Красняков Н.И.* Закрепление имперской «вертикали власти» в России (XVIII) // *Вестн. НГУ. Сер.: Право / Новосиб. гос. ун-т*. 2014. Т. 10, вып. 2. С. 14–20.
372. *Краузе И.* Кант и его время: трактат «К вечному миру» на фоне Французской революции и последующих войн / пер. с нем. И.Д. Копцева, А.С. Зильбера // *Кантовский сборник*. 2013. № 1. С. 33–45.
373. *Криворучко А.С.* Представления о социальной картине общества в утопических произведениях дворянских авторов конца 50-х – 60-х гг. XVIII в.: (По материалам произведений А.П. Сумарокова и М.М. Хераскова) // *Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: материалы первого всерос. науч. семинара*. Екатеринбург, 2014. С. 110–118.
374. *Криворучко А.С.* Сербы на Урале в первой половине XVIII в. // *Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 120–124.
375. *Кротов А.А.* Вселенная как вечное движение: к 300-летию со дня рождения иностранного почетного члена Российской академии наук Д. Дидро // *Вестн. Рос. акад. наук*. 2013. Т. 83, № 12. С. 1125–1132.
376. *Кротов А.А.* Дидро как историк философии // *Вопр. философии*. 2014. № 3. С. 123–132.
377. *Кротов А.А.* Из истории французского Просвещения: Антуан Барнав // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия*. 2013. № 6. С. 86–95.
378. *Кротов П.А.* Опыт государственной реформы Петра Великого и современная Россия // *Российское государство в историческом измерении*. СПб., 2013. С. 58–71. (Тр. ист. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та; Т. 15).
379. *Круглов А. И.П.* Хмельницкий в Кёнигсберском университете XVIII века // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2013. № 2. С. 97–106.
380. *Крылов А.О.* Четы-Миней митрополита Дмитрия Ростовского (к вопросу о конфессионализации в России рубежа XVII–XVIII вв.) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История*. 2013. № 1. С. 51–63.

381. *Крылова С.В.* Архитектурно-пространственные и композиционные особенности размещения храмов в Санкт-Петербурге и близлежащих уездах в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. МГСУ / Моск. гос. строит. ун-т. 2014. № 3. С. 27–35.
382. *Крылова С.В.* Территориальные особенности размещения храмов в Санкт-Петербурге и ближайших окрестностях в XVIII – первой половине XIX века // Архитектурное наследство. 2013. Вып. 59. С. 121–141.
383. *Кулакова И.П.* Российская интеллектуальная традиция XVIII – начала XIX века // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М.: Аквилон, 2014. С. 382–434.
384. *Кулбахтин С.Н.* Население заводов Твердышевых и Мясликовых на Южном Урале: [XVIII в // Проблемы востоковедения. 2013. № 1. С. 27–31.
385. *Курлаев Е.А.* Профессиональный состав иностранных специалистов на Урале в первой четверти XVIII века // Рос. науч. журн. 2014. № 2. С. 6–12.
386. *Кустова Е.В.* Личностный фактор в миссионерской деятельности среди удмуртов в середине XVIII в.: на материалах жизни игумена Феодота (Ившина) // Вестн. Удмурт. ун-та: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 48–55.
387. *Кустова Е.В.* Особенности послушаний монашествующих в XVIII в. (по материалам Вятской и Великопермской епархий) // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2013. № 2, ч. 1. С. 38–44.
388. *Кустова Е.В.* Хлыновский Преображенский монастырь в XVII – первой четверти XVIII в. // Вятский ист. сб.: год 2014-й. Киров: Герценка, 2014. С. 26–59.
389. *Лабутина Т.Л.* Британский морской офицер Джон Ден на службе у Петра I // Новая и новейшая Россия. 2013. № 3. С. 177–188.
390. *Лабутина Т.Л.* Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая Россия. 2014. № 4. С. 161–174.
391. *Лабутина Т.Л.* Визит супругов Димсдейл в Россию во второй половине XVIII в. // Вопр. истории. 2013. № 6. С. 92–108.
392. *Лабутина Т.Л.* Жизнь и деятельность британского инженера Джона Перри в петровской России // Вестн. Владимир. гос. ун-та. Сер.: Соц. и гуманитар. науки. 2014. № 2. С. 5–29.
393. *Лавицкая М.И.* Правовые основы формирования сословия инородцев в Российской империи XVIII–XIX веков // Вестн. Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исслед. 2014. № 5. С. 66–70.
394. *Лазарев Я.* Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в.: к вопросу о роли некоторых агентов в управлении государством раннего Нового времени // Cahiers du Monde russe. Paris, 2014. Vol. 55, № 3/4. P. 215–234.
395. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Из истории одной мистификации: «Песня П<етра> С<еменовича> Львова» // Рус. лит. 2013. № 1. С. 78–90.
396. *Лаппо-Данилевский К.* Описание Аполлона Бельведерского из «Истории искусства древности» И.И. Винкельмана и его русская судьба // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 245–255.
397. *Латтун В.И.* К вопросу организации системы духовного образования в России в царствование Петра I // Рос. науч. журн. 2013. № 1. С. 153–159.
398. *Ларкович Д.В.* Вольтер в поле творческих интересов Г.Р. Державина //

- Встреча культур в пространстве Сибири: науч. исслед., мемуаристика, худож. критика. Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. С. 54–61.
399. *Ларкович Д.В.* Миф о Наполеоне-Антихристе в поэтической рецепции Г.Р. Державина // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всерос. науч. конф. посвящ. 200-летию Отечеств. войны 1812 г. Екатеринбург, 2013. С. 43–54.
400. *Ларкович Д.В.* Г.Р. Державин и русская музыкальная культура его времени // Вестн. Сургутского гос. пед. ун-та. Научный журнал. 2013. № 6. (27). С. 30–39.
401. *Ларюшкин О.В.* Государственная политика Российской империи по отношению к российским иноверцам в XVIII веке // Наше Отечество: Страницы истории: сб. науч. ст. М.: ИИУ МГОУ, 2013. Вып. 11. С. 10–18.
402. *Ларюшкин О.В.* Греки в составе московского купечества в конце XVIII – начале XIX в.: интеграция в русскую среду // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «История и полит. науки». 2014. № 3. С. 82–87.
403. *Ларюшкин О.В.* Немецкая слобода Москвы: статистико-демографический анализ (середина XVII – середина XVIII в.) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «История и полит. науки». 2013. № 3. С. 58–64.
404. *Левитт М.* Оды Ломоносова в богословском контексте // Память литературного творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 500–518.
405. *Левитт М.* От лубка к роману: «Бабы увертки» в «Пригожей поварихе» М.Д. Чулкова // Рус. лит. 2013. № 4. С. 146–159.
406. *Леннkvист Б.* Открытие русского эроса: «Езда в Остров любви» Третьяковского // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 2014. [Вып.] 4. С. 117–128.
407. *Леонтьева А.А.* «Новые мусульмане» в болгарских провинциях Османской империи (по данным кадийских регистров г. Софии конца XVII в. – XVIII в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2014. № 2. С. 51–62.
408. *Лесли О.Н.* «Благородный муж – патриот»: о смоленском губернском предводителе дворянства Сергее Ивановиче Лесли (1758–1826) // Моск. журн. История государства Российского. 2014. № 3. С. 22–29.
409. *Летуновский Е.А.* Русские путешественники об английской культуре: (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2013. С. 17–21.
410. *Лиманская Л.Ю.* Учение М.В. Ломоносова о свете и цвете в контексте натурфилософии и художественных исканий середины XVIII века // Культура и искусство. 2013. № 2. С. 127–131.
411. *Лисенкова Ю.Ю.* Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII–XVIII вв. // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2013. № 7. Сер.: Культурология. Искуствоведение. Музеология. С. 208–216.
412. *Литвин Т.А.* Греческий проект Екатерины II и стиль *goût grec* в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. № 4, т. 4: История. С. 110–120.
413. *Литвин Т.А.* Проблема этрусков и «этрусского» стиля неоклассицизма в Западной Европе и в России: К вопросу генезиса стилевых направлений второй половины XVIII века // Вопросы теории культуры / Науч. тр. РАХ, Ин-т им. И.Е. Репина. 2014. Вып. 31. С. 175–187.
414. *Лифишиц А.Л.* Подпоручик Василий Гринков, переводчик [XVIII в.] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2013. № 4. С. 164–181.

415. *Лиштенан Ф.-Д.* Якоб фон Штелин, придворный историограф и педагог XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 160–170.
416. *Логвинова И.В.* Г.Р. Державин и романтизм // *Литературовед. журнал*. 2014. № 34. С. 159–166.
417. *Лопатин В.С.* Малоизвестные страницы истории присоединения Крымского ханства к России: из хроники 1783 года // *Моск. журн. История государства Российского*. 2014. № 5. С. 14–19.
418. *Лосовски Я.З.* Завещания польских крестьян как средство предупреждения конфликтов в XVII–XVIII веках // *Документ. Архив. Информационное общество: материалы I Междунар. науч.-практ. конф.*, Москва, 26–27 сент. 2013 г. М.: РГГУ: Термика, 2014. С. 411–419.
419. *Лупанова Е.М.* Книга И.Г. Бакмейстера о Кунсткамере: к готовящемуся переизданию этого труда Музеем антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) и Библиотекой РАН // *Моск. журн. История государства Российского*. 2013. № 6. С. 40–47.
420. *Лупанова Е.М.* «Опыты бережения и разведения лесов»: о лесоведении и лесоводстве в России XVIII века // *Моск. журн. История государства Российского*. 2014. № 1. С. 42–52.
421. *Лупанова Е.М.* Часы мастера Николая Биона на экспозиции «Первая астрономическая обсерватория Академии наук» МАЭ РАН [XVIII в.] // *Радловский сборник: исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г.* СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 126–132.
422. *Любжин А.И.* «Русский Гомер»: Опыт о литературной репутации: [о творчестве М.М. Хераскова] // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. 2013. № 1. С. 71–86; 2014. № 1. С. 48–58.
423. *Майоров А.П.* Кто в XVIII веке говорил свысока: (из истории аканья и оканья в русском языке) // *Рус. речь*. 2014. № 3. С. 87–93.
424. *Майоров А.П.* О предлоге «из(не)» в забайкальском диалекте XVIII века // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.). 2013. Vol. 21, № 1. P. 291–296.
425. *Макаров А.Н.* Драматургическая практика и тривиализация сюжета: Г.Л. Вагнер и К. Лессинг // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2014. Т. 16, № 2. С. 172–175.
426. *Макаров Е.П.* Ассоциация судебного преследования и практика внесудебного урегулирования в Великобритании XVIII в. // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2014. Т. 16, № 3. С. 162–165.
427. *Макаров Ю.Н., Деревленсков А.Г., Кузнецов С.О.* Мебельный гарнитур XVIII века из Картинной галереи Строгановского дворца: Стилистические и технологические особенности, выявленные при реставрации // *Венок к нагробию А.Н. Воронихина: материалы торжественного заседания, посвященного 200-летию со дня кончины Андрея Никифоровича Воронихина (1759–1814), 5–6 марта 2014 года, Воронихинский архив*. СПб.: СПб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2014. С. 88–96.
428. *Макарова Л.Е.* Развитие теории словесности в русских риториках конца XVIII – начала XIX века: (на материале трудов М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, А.Ф. Мерзлякова, Н.И. Греча) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. 2014. № 6. С. 76–93.
429. *Макарова Н.Н.* Шведские военнопленные на Урале в первой четверти XVIII века // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2013. № 1. С. 122–129.

430. *Малкин С.А.* История духовных учебных заведений Крутицкой епархии при преосвященном Авросии Подобедове (1782–1785 годы) // *Кадашевские чтения: сб. докл. конф.* М.: Луг духовный: О-во сохранения лит. наследия: Кадишев. слобода, 2014. Вып. 15. С. 101–109.
431. *Малкин С.А.* История Московской славяно-греко-латинской академии в 1768–1778 годах // *Кадашевские чтения: сб. докл. конф.* М.: О-во сохранения лит. наследия, 2014. Вып. 13. С. 4–14.
432. *Малкин С.Г.* «Хайлендская проблема» Великобритании в начале XVIII века // *Новая и новейшая история.* 2014. № 1. С. 47–58.
433. *Малых А.Е., Янкович Е.И.* Применение комбинаторных идей и методов в математических исследованиях XVIII столетия // *История науки и техники.* 2013. № 9. С. 3–16.
434. *Мамауркина О.В.* Источники романного нарратива в русской литературе XVIII века // *Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст.* СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Вып. 5. С. 6–12.
435. *Мамсик Т.С.* Сибирь при Екатерине II // *Азиатская Россия и сопредельные государства.* Новосибирск: Параллель, 2013. С. 28–53.
436. *Манин Ю.А.* Декоративные рельефы в интерьерах авторской модели Большого Кремлевского дворца арх. В.И. Баженова: Тронный зал и примыкающие к нему галереи // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПА / Моск. гос. художеств.-пром. акад. им. С.Г. Строганова.* 2013. № 4. С. 127–143.
437. *Марасанова В.М.* Изменения в административно-территориальном делении и местном управлении России в конце XVIII века // *Демидовский временник: материалы науч. конф., посвящ. 25-летию ист. фак. [Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова].* Ярославль: ЯрГУ, 2013. С. 95–101.
438. *Марасинова Е.Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // *Рос. история.* 2014. № 4. С. 53–69.
439. *Маргарян Л.Е.* Гендерный дискурс У. Робертсона и Э. Бёрка // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории.* 2014. Вып. 46. С. 280–297.
440. *Марков В.А.* Градостроительное развитие Таганрога в 1698–1711 годах // *Academia: Архитектура и строительство.* 2013. № 4. С. 112–116.
441. *Марова Е.Б.* К вопросу использования архаизмов в лирике Гёте // *Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика.* 2013. Вып. 1. С. 155–165.
442. *Мартынов В.Ф.* Морально-психологический фактор в русской армии эпохи Екатерины Великой // *Вестн. Екатерин. ин-та.* 2013. № 1. С. 46–54.
443. *Маслова А.Г.* Жанровая система масонской поэзии XVIII в. // *Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки.* 2013. № 4. С. 145–158.
444. *Маслова А.Г.* Мифопоэтика суточного времени в русской масонской поэзии XVIII века // *Вестн. Костром. гос. ун-та.* 2013. Т. 19, № 1. С. 113–116.
445. *Мацюта П.А.* Эпизод из истории контрразведки елизаветинской России на примере «Дела Мариамского» // *Вестн. Томского гос. ун-та: История.* 2013. № 5. С. 108–111.
446. *Мезин С.А.* Биография Петра I во французской газете 1725 года // *Историографический сборник.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 25. С. 101–113.
447. *Мезин С.А.* «Где художества больши прочих всех государств цветут...»: Петр I перед лицом европейского искусства в Париже (1717) // *Модер-*

- низация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 2014): материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 2014 г.: В 3 ч. Самара: Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2014. Ч. 2. С. 121–130.
448. *Мезин С.А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I // Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: материалы V Междунар. петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 г. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 442–457.
449. *Мезин С.А.* Дидро и Россия // Историческое прошлое и образ истории: материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитар. образования в Сарат. гос. ун-те им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 20–21 сент. 2012 г. Саратов: Наука, 2013. С. 137–147.
450. *Мезин С.А.* Дидро, Радищев и Карамзин // История в нас, мы в истории»: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Пугачев. чтения», посвящ. 90-летию В.В. Пугачева. Саратов, 23–24 окт. 2013 г. Саратов: Сарат. соц.-экон. ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2014. С. 17–21.
451. *Мезин С.А.* «Намерение мое есть во Францию»: Дипломатическая прелюдия к визиту Петра I в Париж // Современное общество: человек, власть, экономика: материалы III Междунар. науч. конф. (4 апр. 2014, г. Саратов). Разд. 6–9: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2014. С. 445–452.
452. *Мезин С.А.* Никита Петрович Вильбуа: две версии биографии // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2014. Т. 14. Сер.: История. Междунар. отношения, вып. 1. С. 5–11.
453. *Мезин С.А.* Париж, каким его видел Петр I в 1717 году // Город и культура на Западе и в России: сб. материалов Междунар. конф., посвящ. 100-летию заслуж. проф. СГУ С.М. Стама (21–22 нояб. 2014 г.) Саратов: Наука, 2014. С. 155–163.
454. *Мейер М.С.* Н. Буйдий о деятельности европейских дипломатов на Босфоре в середине XVIII века // Французский ежегодник 2014. М.: ИВИ РАН, 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 57–62.
455. *Мельчакова О.А.* Взаимоотношения главной Нижнетагильской заводской конторы Демидовых с государственными чиновниками // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 372–402.
456. *Мильков В.И., Мильков В.В.* Памятник ему – город: о выдающемся русском архитекторе Петре Михайловиче Еропкине (ок. 1700–1740) // Моск. журн. История государства Российского. 2013. № 11. С. 14–41.
457. *Митрофанов А.А.* «Политическая антропология» Французской революции Хаима Бурстина: о возможности исторического анализа революционного активизма // Французский ежегодник 2014. М.: ИВИ РАН, 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 394–408.
458. *Моисеева А.А.* Екатерина II как объект сатиры в поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахх» // Новый филол. вестн. 2013. № 4. С. 64–73.
459. *Мокина Т.М.* Храмовые иконы Сампсониевского собора [XVIII в.] // Антикварное обозрение. 2013. № 2. С. 72–83.
460. *Моряков В.И.* Русские просветители и крепостное право // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 3. С. 3–19.
461. *Мосхури И.В.* Служащие поселенного в Балаклаве Греческого пехотного полка: греки или арнауты?: [XVIII в.] // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 71–76.

462. *Мошкова Л.В.* Роль конфессионального фактора в развитии литературы для начального обучения на славянских языках в XVIII в. // Западноевропейская и российская учебная литература XVI – начала XX в.: конфессиональный аспект: сб. науч. ст. М.: ИТИП РАО, 2013. С. 159–190.
463. *Мукосеева Я.Ю.* Уральская промышленная лексика в научном труде П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2013. Вып. 42. С. 346–354.
464. *Муратова С.Р.* Географическое описание Иртышской линии: [1745–1752 гг.] // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. № 373. С. 108–114.
465. *Муромская Е.* Георг IV – «Принц удовольствий» // Ист. журн. 2013. № 3. С. 5–33; № 4. С. 24–49.
466. *Мустафазаде Т.Т.* Роль Астрахани в российско-азербайджанской и российско-иранской торговле в XVIII веке // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Сорокин Р.В., 2013. Вып. 5. С. 170–178.
467. *Мухин О.Н.* «От великого до смешного...»: несколько штрихов к портрету *populus ridiculam* при дворе Петра I // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 11. С. 209–215.
468. *Мухотина Н.А.* Государственное коллекционирование в процессе создания антикварного рынка в России XVIII века // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Образование. Наука. Культура», 23 нояб. 2012 г. Гжель: ГГХПИ, 2013. С. 160–164.
469. *Мухотина Н.А.* Из истории формирования антикварного рынка России в XVIII веке // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Образование. Наука. Культура», 23 нояб. 2012 г. Гжель: ГГХПИ, 2013. С. 155–159.
470. *Науменко С.В.* Орфографическое наследие XVIII века (к 270-летию со дня рождения В.П. Светлова) // Рус. яз. в школе. 2014. № 1. С. 85–92.
471. *Некрасов С.М.* Усадьба Державина на Фонтанке // Наше наследие. 2013. № 105. С. 36–41.
472. *Ненашева Л.В.* Лингвотекстологический анализ «Увета духовного» (на материале рукописи 1682 года и печатного издания 1791 года из фондов музейного объединения «Художественная культура Русского Севера») // Северный текст русской литературы: сборник. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Вып. 3. С. 18–23.
473. *Нестеров С.Б.* Подмосковное село Поливаново во времена Петра I (по данным ревизских сказок) // Материалы первых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 75-летию со дня образования Центр. гос. архива Моск. обл. Москва, 29 марта 2012 г. Материалы вторых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 200-летию Отеч. войны 1812 г. Подольск, 25 окт. 2012 г. М.: Кучково поле, 2013. С. 38–44.
474. *Нефедов С.А.* Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопр. истории. 2013. № 12. С. 53–64; 2014. № 1. С. 31–40; № 2. С. 42–58; № 5. С. 52–63.
475. *Нехаев А.В.* Академический феодализм, университетская революция и фигура философа: [значение философов и философских факультетов в не-

- мецких ун-тах XVIII–XIX вв.] // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 378. С. 82–89.
476. *Никитина А.Ю.* Языковая картина мира Екатерины II: (на материале аллегорических сказок) // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 2. С. 188–192.
477. *Никитина А.Ю.* Языковые особенности комедий Екатерины II в свете теории языковой личности // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2013. Т. 155, кн. 5. С. 246–254.
478. *Николаев Н.И.* Поступок русского литературного героя и его мотивы («Гамлет» А.П. Сумарокова) // Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы современной филологии: межвузов. сб. ст. Киров, 2014. С. 109–114.
479. *Николаев С.И.* Из истории переводной политической сатиры 1730-х годов: («Медицинские рассуждения о нынешнем состоянии здоровья европейских дворов») // *Musen Almanach*: в честь 80-летия Ростислава Юрьевича Данилевского. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 240–245.
480. *Николаева А.Н.* Б. Франклин и «Литературная республика» в Североамериканских колониях // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 43. С. 303–313.
481. *Николаева М.В., Михайлова М.Б., Эскин Ю.М.* Неисследованные документы к биографии архитектора Джакомо Кваренги // Архитектурное наследство. 2014. Вып. 60. С. 204–220.
482. *Николайчук Д.Г.* Женские образы альманаха Н.М. Карамзина «Аониды»: традиции именования // Филологические этюды. Саратов, 2013. Вып. 16, кн. 1. С. 174–179.
483. *Николайчук Д.Г.* «Послание к женщинам» как манифест феминистических взглядов Н.М. Карамзина // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 62–68.
484. *Николина Н.А.* Стиль автобиографической повести Д.И. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» // Русский язык в школе. 2014. № 4. С. 53–57.
485. *Никонов О.А.* «Непризнанный» фаворит П.А. Зубов // Вестн. Владимир. гос. ун-та. Сер.: Соц. и гуманитар. науки. 2014. № 4. С. 16–24.
486. *Озова Ф.А.* Формирование парадигмы Кавказской войны (1762–1770-е гг.) // Кавказская война: события, факты, уроки: материалы Междунар. науч. конф. Нальчик, 2014. С. 132–154.
487. *Осокина Н.Н.* Новое о жизни М.В. Ломоносова (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 2. С. 110–115.
488. *Осьмухина О.Ю.* Специфика функционирования авторской маски в рамках пародии: (к вопросу о разрушении жанровой нормы в прозе Д.И. Фонвизина) // Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. ст. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 122–128.
489. *Павлинская Л.Р.* Первая этнографическая экспозиция Петербургской Кунсткамеры: [первая половина XVIII в.] // Радловский сборник: исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 140–148.
490. *Панченко Е.З.* Конволют изданий Московского университета с автографом И.И. Шувалова // Петерб. ист. журн. 2014. № 3. С. 224–232.
491. *Панюта С.И.* Поэтика жанра французской литературной сказки эпохи Просвещения и *contes* аббата Вуазенона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2014. № 2. С. 131–136.

492. *Пахсарьян Н.* «Жак-фаталист» как философско-художественная мистификация Дидро // *Логос*. 2014. Вып. 3. С. 165–180.
493. *Пащикова А., Пашков А.* Выборгская губерния в российских источниках второй половины XVIII в.: князь М.М. Щербатов и его «Статистика в рассуждении России» // *Финляндия и Россия: образы общего прошлого: сб. науч. ст.* Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 275–284.
494. *Пенькова Е.А.* Образ человека в русском Просвещении: А.Т. Болотов // *Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки*. 2014. № 2. С. 184–191.
495. *Петик И.Ф.* Дмитрий Кантемир – философ среди королей // *Мои земляки в исторической и культурной жизни Москвы: материалы межвузов. круглого стола*. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2013. С. 103–107.
496. *Петров М.К.* Научная революция XVIII столетия // *Историко-философские проблемы развития науки*. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 71–126.
497. *Петрова М.А.* Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II // *Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели*. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 27–42.
498. *Петрова М.А.* Российские дипломаты екатерининской эпохи: несколько штрихов к коллективной биографии (на примере германских государств) // *Труды Института российской истории*. М.: ИРИ РАН, 2014. Вып. 12. С. 93–108.
499. *Петрова Т.А.* К вопросу о характере заимствования прецедентного текста С.У. Ремезова «История Сибири» в памятнике «Летопись Сибирская. Тобольского ямщика Ивана Черепанова. 1760» // *Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та*. 2014. № 4. С. 245–252.
500. *Пинковский В.П.* Sensiblerie и литература XVIII столетия // *Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: Филол. науки*. 2013. № 1. С. 87–91.
501. *Пирогова Е.П.* Судьба голландского наследства Прокофия Демидова: [1710–1786] // *Вестн. Урал. отд-ния РАН: Наука. Общество. Человек*. 2013. № 4. С. 148–157.
502. *Питулько Г.Н.* Архивная опись книжного собрания Ферфаксов как источник изучения английской истории XVII–XVIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. [Вып.] 32. С. 360–398.
503. *Пичугин П.В.* Из истории Астраханской духовной семинарии и ее библиотеки в XVIII веке // *Румянцевские чтения – 2014: материалы Междунар. науч. конф.* (Москва, 15–16 апр. 2014 г.). М.: Пашков дом, 2014. Ч. 2. С. 114–120.
504. *Плетнева А.А.* Русский лубок между Средневековьем и Новым временем // *Рус. речь*. 2014. № 6. С. 77–84.
505. *Познахирев В.В.* Военнопленные Османской империи в России в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // *Вопр. истории*. 2013. № 1. С. 18–30.
506. *Полякова Л.В.* Поэзия Г.Р. Державина в научных концепциях и оценках на страницах тамбовских изданий 1990-х – 2000-х гг.: Компендиум // *Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки*. 2013. Вып. 3. С. 9–31.
507. *Понкрашова О.В.* История изучения наследия А.Т. Болотова и его актуальность в наше время // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция*, 2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. Т. 2. С. 207–210.
508. *Попадюк С.С.* Семнадцатый в восемнадцатом: [к истории архитектуры на примере храмов XVIII – начала XIX вв. Ярослав. обл.] // *Искусствознание*. 2013. № 1/2. С. 89–125.

509. *Постернак К.В.* Императрица Елизавета Петровна и церковное искусство ее времени // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 44. С. 296–309.
510. *Постернак К.В.* Иконостасы Ф.Б. Растрелли // Архитектура и строительство России. 2013. № 7. С. 30–39.
511. *Постернак К.В.* К вопросу об эволюции форм алтарной преграды униатских храмов на территории Речи Посполитой: [XVIII в.] // Славяноведение. 2013. № 4. С. 79–86.
512. *Потемкина Н.А.* Шотландия и ее жители в дневнике путешествия С. Джонсона // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2013. С. 12–17.
513. *Привалов М.В.* Русская социальная утопия XVIII и первой половины XIX в.: (на материале произведений А. Радищева и М. Щербатова) // Гуманитар. вектор. Чита, 2013. № 2. С. 25–29.
514. *Приказчикова Е.Е.* Мифологические проекции путешествия Екатерины II в Тавриду 1787 г. в контексте государственного утопизма XVIII столетия (на материале мемуарно-эпистолярных источников) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2014. № 3. С. 69–78.
515. *Прокопенко Я.И.* Иноземец Генрих Фик: «политический инженер» петровского времени // Русский исторический сборник. М.: Киммерийский центр, 2014. Т. 7. С. 317–334.
516. *Прусская Е.А.* Образ Востока в дневниках и письмах участников Египетского похода (1798–1801) // Французский ежегодник. 2014. М.: ИВИ РАН, 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 166–188.
517. *Пряхин Ю.Д.* Некоторые аспекты появления в Крыму Греческого пехотного полка, его размещения в Балаклаве, службы воинов-греков: [1775–1797 гг.] // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 57–70.
518. *Птицын А.Н.* Словаки в России в XVIII – начале XIX в. // Вопр. истории. 2013. № 4. С. 161–166.
519. *Пудов Г.А.* Центры производства медных изделий на Урале (XVIII в.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 88–108.
520. *Пулькин М.В.* Слухи как объект исторического исследования (по старообрядческим материалам конца XVII–XVIII вв.) // Вопр. истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 1 (21). С. 41–50.
521. *Раев М.* Восстание Пугачева / пер. с англ. И.В. Кучумова // Башкирия в XVI–XIX вв.: (зарубеж. исслед.). СПб.: Свое издательство, 2014. С. 42–78.
522. *Рамазанова Д.Н.* Нереализованный проект Стефана Писарева по изданию перевода проповедей иерусалимского патриарха Хрисанфа в 1760-х годах // Румянцевские чтения – 2013: материалы Междунар. науч. конф. (16–17 апр. 2013). М.: Пашков дом, 2013. Ч. 2. С. 94–99.
523. *Рамазанова Д.Н.* Славяно-греко-латинский Букварь Федора Поликарпова (1701 г.): история создания и источники // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2013. Вып. 4. С. 78–88.
524. *Рамазанова Д.Н.* Славяно-греко-латинский Букварь Федора Поликарпова (1701): читатели и владельцы // Румянцевские чтения – 2014: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15–16 апр. 2014 г.). М.: Пашков дом, 2014. Ч. 2. С. 144–149.

525. *Растягаев А.В.* Коммуникативный код журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759): рецепция и интерпретация метатекста // Литература – театр – кино: проблемы рецепции и интерпретации. Самара, 2013. С. 104–110.
526. *Рахаев Д.Я.* Кабардинские княжества в российско-османских отношениях в первой трети XVIII в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 12–16.
527. *Редин Д.* Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I // Рос. история. 2013. № 3. С. 66–74.
528. *Рогачевская М.А.* Экономические воззрения М.В. Ломоносова, преемника идей И.Т. Посошкова // Ист.-экон. исследования. 2014. Т. 15, № 1. С. 82–100.
529. *Рожкова Т.И.* Историко-культурный контекст сатиры А.П. Сумарокова «О худых рифмотворцах» // Пушкинские чтения – 2013: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст: материалы XVIII Междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 190–195.
530. *Рожкова Т.И.* Литературно-poleмический потенциал притчи А.П. Сумарокова «Рецепт» // Пушкинские чтения – 2014: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст: материалы XIX Междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2014. С. 7–14.
531. *Рожкова Т.И.* Принципы поэтической речи А.П. Сумарокова: (Размышления над материалами к «Словарю русского языка XVIII в.») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 349–351.
532. *Романкевич И.А.* Подольск – исторический город екатерининской эпохи: (по архивным источникам) // Материалы первых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 75-летию со дня образования Центр. гос. архива Моск. обл. Москва, 29 марта 2012 г. Материалы вторых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области»: к 200-летию Отеч. войны 1812 г. Подольск, 25 окт. 2012 г. М.: Кучково поле, 2013. С. 169–178.
533. *Романовская В.Б., Петикян С.Г.* Наследование по завещанию по Судебнику астраханских армян XVIII в. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 14: Право. 2014. Вып. 4. С. 24–28.
534. *Росси Л.* (Мнимый) «капуцинский текст» русской культуры XVIII – начала XX в. // Лотмановский сборник – 4. М.: ОГИ, 2014. С. 129–152.
535. *Ростовцева Ю.А.* «Нума Помпилий» М.М. Хераскова и «Наказ» Екатерины Второй: литературная утопия в свете «исторической мифологии» // Филология: науч. исслед. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. 2014. № 4. С. 305–314.
536. *Ростовцева Ю.А.* Утопический проект Ивана Тревогина «Ученая область» и образовательная политика Екатерины Второй // Педагогика и просвещение. 2014. № 3. С. 9–16.
537. *Рудакова Ю.К.* Дополнение «Сводного каталога книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» описаниями экземпляров из фондов Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского // Научное и культурное взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития

- книгоиздания, книгообмена и науки о книге: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–25 нояб. 2014 г.: к 300-летию Б-ки академии наук. М.: Наука; Кн. культура, 2014. Ч. 1. С. 218–222.
538. *Рудковская И.Е.* Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 43. С. 90–114.
539. *Рудковская И.Е.* Макроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина: от перманентного эксперимента к коммуникативному прорыву // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 42. С. 158–179.
540. *Руднев Д.В.* «Все экземпляры, сколько оных отпечатано будет, хранить... отпускать оные для кампании на корабли или особенно флагманам...»: Деятельность типографии Морского кадетского корпуса в 1796–1801 гг. // Военно-ист. журн. 2013. № 4. С. 67–69.
541. *Руднев Д.В.* Издательская деятельность Морского кадетского корпуса в царствование Павла I // Книга: исслед. и материалы. М.: Наука, 2013. Сб. 99 (3/4). С. 82–93.
542. *Руднев Д.В.* Г.А. Полетика – редактор: к истории переиздания «Книги Марсовой» (1766) // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 73–81.
543. *Руднев Д.В.* Организация типографии при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе // Петерб. ист. журн. 2014. № 2. С. 38–52.
544. *Руднев Д.В.* Справщики типографии Морского шляхетного кадетского корпуса во второй половине XVIII в. // Берковские чтения – 2013: Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 мая 2013 г.). Минск: ЦНБ НАН Беларуси; М.: ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН, 2013. С. 312–316.
545. *Русаковский В.К.* Позиция духовенства накануне Французской революции (по наказам депутатам Генеральных штатов 1789 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 5. С. 54–69.
546. *Рыбаков Л.А.* «Судьба и Родина едины»: о видном российском педагоге, профессоре Московского университета Прохоре Игнатьевиче Суворове (1750–1815) // Моск. журн. История государства Российского. 2013. № 4. С. 82–86.
547. *Рыженков М.Р.* Первая трагедия в «доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. // Вестн. архивиста. 2013. № 1. С. 151–169.
548. *Рындин И.Ж.* Рюриковичи и Гедиминовичи в петровские времена до принятия табеля о рангах (1682–1722 гг.) // Рос. науч. журн. 2013. № 1. С. 3–10.
549. *Рябова Г.Н.* Книга в русской провинциальной культуре конца XVIII – первой половины XIX в. // Обретение смысла: Чтение и письмо как философская проблема. СПб.: Ин-т философии СПбГУ, 2014. С. 249–255.
550. *Рязанцев И.В.* О традиционном направлении в русской архитектурной графике первой половины XVIII века и его истоках // Русское искусство Нового времени: исслед. и материалы. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 2013. Вып. 15: По итогам Всерос. науч. конф. «Бытие искусств в России XVIII – нач. XX века: проблемы, мастера, произведения». С. 6–19.
551. *Савенкова В.М.* Фенологические наблюдения за ледовым режимом рек по материалам академических экспедиций второй половины XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 1. С. 14–27.

552. *Салова С.А.* Либертинаж как авторская стратегия Д.И. Фонвизина в комедии «Бригадир» // Пушкинские чтения – 2014: Художественные стратегии классической и новой литературы. Жанр, автор, текст: материалы XIX Междунар. науч. конф. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2014. С. 313–321.
553. *Салова С.А.* «Притчи» А.П. Сумарокова (1762): продолжение русского «Спора об Анакреонте» // Рос. гуманитар. журнал. 2013. Т. 2, № 3. С. 262–268.
554. *Салова С.А.* «Чужое / своё» – «другое / своё»: культурологическая рефлексия Д.И. Фонвизина в комедии «Бригадир» // Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 26 апр. 2013 г. Уфа: ГБОУ ВПО «БАГСУ», 2013. С. 140–144.
555. *Самарин А.Ю.* Воронежские подписчики на книги и журналы в последней четверти XVIII века // Воронеж. краевед. вестн. 2014. Вып. 14. С. 22–36.
556. *Самыловская Е.А.* Социальные связи петербургских католиков в первой половине XVIII века // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение: Вопр. теории и практики. 2013. № 9, ч. 2. С. 153–158.
557. *Сафин Ф.Ю., Янгол В.Н.* Петр I у истоков российской полиции // Четыреста лет династии Романовых: материалы межвузов. науч.-практ. конф., 10 апр. 2013 г. СПб.: ГУАП, 2013. С. 23–26.
558. *Сафонов М.М.* Екатерина II – солдат Петра III // Петерб. ист. журн. 2014. № 1. С. 41–59.
559. *Сафонов М.М.* «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестн. архивиста. 2013. № 3. С. 72–87.
560. *Сафонов М.М.* «Полк Его Высочества»: Как Густав Румберг стал Карлом Ивановичем Лаухом // Петерб. ист. журн. 2014. № 2. С. 16–37.
561. *Сафронова А.* Документы о переводе труда М. Кромера по истории Польши по заказу В.Н. Татищева в 1735 г. // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 22–43.
562. *Сафронова А.М.* Екатеринбургская библиотека В.Н. Татищева: итоги изучения и задачи на будущее // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. М.: Издат. центр РГГУ, 2013. Т. 2. С. 361–383.
563. *Сафронова А.М., Кравченко О.С.* Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 173–197.
564. *Сафронова А.М.* Формирование первой библиотеки Татищева (1710-е – 1737) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 49–79.
565. *Свердлов М.Б.* Д.И. Фонвизин о российской государственности второй половины XVIII в. и об исторической науке // Петерб. ист. журн. 2014. № 1. С. 60–80.
566. *Севастьянова О.В.* Портреты натуралистов конца XVIII – начала XIX в. в работах французского гравера А. Тардые // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. Т. 1. С. 302–304.

567. *Северюхин Д., Черная Е.* Панорамы Санкт-Петербурга петровской эпохи // Антикварное обозрение. 2013. № 2. С. 64–71.
568. *Сегал-Рудник Н.М., Соловьев А.Ю.* К 100-летию со дня рождения Ильи Захаровича Сермана // Рус. лит. 2014. № 3. С. 242–253.
569. *Седов П.В.* Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны // Петерб. ист. журн. 2014. № 1. С. 25–40.
570. *Семиволкова А.М.* Передача авторских прав на произведения в соответствии с законодательством Франции XVIII–XIX вв. об авторском праве // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2013. № 4. С. 216–221.
571. *Семиволкова А.М.* Предметная сфера действия законодательства Франции XVIII–XIX вв. об авторском праве // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2013. № 2. С. 157–161.
572. *Семякин М.Н.* Философия частного права в метафизике И. Канта и ее влияние на частноправовую доктрину // Рос. юрид. журн. Екатеринбург, 2013. № 3. С. 110–123.
573. *Серета Н.В.* «Городские историографы» и местная власть: варианты взаимоотношений в конце XVIII в. // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2013. № 9. Сер.: Ист. науки. Региональная история. Краеведение. С. 9–23.
574. *Серета Н.В.* «Свой» и «чужие» в городском пространстве России в XVII–XVIII вв.: к постановке вопроса // Проблемы исторической географии и демографии России. М.: ИРИ РАН, 2013. С. 276–295.
575. *Серов Д.О.* Петр I как вершитель правосудия // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55, № 1/2. P. 13–30.
576. *Синельникова Г.П.* Из истории становления русской литературы для детей в XVIII веке: Николай Гаврилович Курганов // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 19–20 сент. 2013 г. Барнаул: Алт. гос. пед. акад., 2013. С. 207–212.
577. *Сиповская Н.В.* Фарфор в культуре павловского времени // Искусствознание. 2013. № 1/2. С. 307–329.
578. *Сиповская Н.* Фарфор в культуре павловского времени // Рус. искусство. 2013. № 3. С. 46–55.
579. *Скибинская О.Н.* Становление книгоиздательской деятельности в Ярославской губернии в конце XVIII–XIX в. // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 4, т. 1. С. 332–335.
580. *Славнитский Н.Р.* А.Д. Меншиков и его участие в осадных операциях в годы Северной войны // Петербургские военно-исторические чтения: межвузов. науч. конф. 26 марта 2013 г. СПб., 2014. С. 8–14.
581. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Статья А.П. Сумарокова «О стихотворстве камчадалов» (1759): очищение поэзии обрядовой песней // Сиб. филол. журн. 2014. № 3. С. 73–76.
582. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Январская книжка журнала «Трудолюбивая пчела»: катарсис истинного просвещения // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 3. С. 135–169.
583. *Смекалина В.В.* Швейцарский поэт и ученый Альбрехт фон Галлер: [1708–1777] // Новая и новейшая Россия. 2013. № 6. С. 184–188.
584. *Смекалина В.В.* «Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут...»: Н.М. Карамзин – первый русский путешественник в Альпах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2014. № 1. С. 68–82.

585. *Смилянская Е.Б., Игошев В.В.* Российские памятники в Греции и историческая память о российско-греческом взаимодействии в XVIII–XIX веках // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2013. № 2. С. 73–84.
586. *Сморгунов В.В.* Государственные органы в Усть-Сысольском уезде в годы правления Екатерины II и Павла I // Вопр. истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 1 (21). С. 51–70.
587. *Сморжевских-Смирнова М.* Многоязычие военной панегирики Петровской эпохи: (на примере иконостаса Преображенской церкви Ревеля/Таллинна) // Лотмановский сборник. М.: ОГИ, 2014. [Вып.] 4. С. 105–116.
588. *Соболев В.С.* Журнал Д.Г. Мессершмидта как источник по истории изучения Сибири (1718–1728) // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 174–180.
589. *Соколов А.Б.* Юмор как черта английского национального характера: (по сочинениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 44. С. 310–327.
590. *Соколов Р.А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестн. Удмурт. ун-та. 2014. Вып. 3: История и филология. С. 18–24.
591. *Соколов С.В.* Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи: (к спору Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова) // Люди и тексты 2014: ист. альманах: информационное пространство истории. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2014. [Вып. 2]. С. 252–271.
592. *Соколов Ю.Б.* Находки из «французской коллекции» Государственного музея Революции: [Французская революция 1789–1799 гг.] // Политическая история России: Теория и музейная практика: сб. науч. тр. СПб., 2014. Вып. 7: К 95-летию Гос. музея полит. истории России, 1919–2014. С. 21–35.
593. *Солнцев Н.В.* Три встречи с Иммануилом Кантом // Вопр. истории. 2014. № 1. С. 137–140.
594. *Соловьев А.* «Таврида» С.С. Боброва и русские сентименталисты: к постановке вопроса о взаимовлиянии // Первая Международная конференция «Текстология и историко-литературный процесс», 16–17 февр. 2012 г. Москва, М., 2014. С. 37–51.
595. *Солощева М.А.* Кукуновский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 13: Востоковедение, африканистика. 2013. Вып. 1. С. 58–67.
596. *Сорокин В.Б.* Сравнения в русской поэзии XVIII века // Рус. речь. 2014. № 2. С. 3–10.
597. *Сорокин Ю.А.* Конституционные искания в России последней трети XVIII в.: (к постановке проблемы) // Вестн. Томс. гос. ун-та: История. 2013. № 5. С. 16–20.
598. *Сорокин Ю.А.* «Рассказы» Н.О. Котлубицкого как исторический источник для изучения политического режима российского императора Павла I // Вестн. Томс. гос. ун-та: История. 2014. № 1. С. 19–23.
599. *Сорокина Н.В.* «Один из значительнейших и привлекательнейших русских людей»: русское зарубежье 1920–1930-х гг. о Державине // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2013. Вып. 3. С. 32–38.
600. *Сотавов Н.А.* Противоборство России, Ирана и Турции на Кавказе в 1723–1743 гг. // Вопр. истории. 2013. № 2. С. 148–152.

601. *Старкова Л.К.* К вопросу о становлении цензурной политики при Екатерине II // *Цензура в России: история и современность.* СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2013. Вып. 6. С. 145–158.
602. *Стародубцев М.П.* Образовательная политика Российского государства, проводимая Петром I и Екатериной II // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена.* 2013. № 155. С. 127–136.
603. *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Механизмы научных революций в медицине XVII–XVIII веков // *История науки и техники.* 2014. № 6. С. 34–53.
604. *Строганова Т.В.* О повторях в романе Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» // *Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи.* М., 2013. Вып. 3. С. 73–83.
605. *Струкова Т.В.* Жанр загадки в творчестве А.П. Сумарокова // *Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. и социальные науки.* 2013. № 1. С. 308–312.
606. *Сулица Е.И.* Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII – начала XVIII в. // *Вестн. слав. культур.* 2014. № 4. С. 168–177.
607. *Суляк С.Г.* Уроженцы Молдавии в армии Петра I // *Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2: История.* 2013. Вып. 1. С. 16–24.
608. *Сучилин В.Н.* Теория разделения властей Ш.Л. Монтескье и современные политико-правовые реалии // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та.: Философия.* 2013. № 10. С. 190–197.
609. *Терешкина Д.Б.* Минейный код в ораторской прозе Феофана Прокоповича // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* 2014. № 5. С. 193–202.
610. *Терешкина О.Л.* Восприятие западноевропейского искусства русскими путешественниками второй половины XVIII века: проблемы историографии // *Культура и искусство.* 2013. № 3. С. 321–327.
611. *Тополова О.С.* «Описание» как жанровая разновидность светских путевых записок второй половины XVIII века // *Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина.* 2013. № 1. С. 64–71.
612. *Тополова О.С.* «Русский путешественник прошлого века за границей: (собственноручные письма А.С. Шишкова 1776 и 1777 гг.):» Особенности эпистолярного «путешествия» // *Вестн. слав. культур.* 2014. № 4. С. 132–141.
613. *Тополова О.С.* Светские путевые записки и литературные направления второй половины XVIII века: к вопросу о соотношении сентиментализма и предромантизма // *Филологические науки: Вопросы теории и практики.* Тамбов, 2013. № 3, ч. 1. С. 169–172.
614. *Тополова О.С.* Типология очерковых записей в путеводном дневнике второй половины XVIII в. // *Вестн. слав. культур.* 2013. № 3. С. 62–67.
615. *Торопицын И.В.* Характер деятельности карантинных застав на юге России в XVIII в. // *Астраханские краеведческие чтения.* Астрахань: Сорокин Р.В., 2013. Вып. 5. С. 162–169.
616. *Торопов А.Н.* Архивные документы по истории заводского хозяйства Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в. // *Отеч. архивы.* 2013. № 6. С. 38–44.
617. *Трахтенберг Л.А.* Антропология «инога»: проблема личности в журнале Н.П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* 2014. № 2. С. 137–148.
618. *Трахтенберг Л.А.* Циклизация в журнале Н.И. Новикова «Трутень» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* 2014. № 4. С. 166–174.

619. *Тураев В.А.* Хождение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестн. Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. № 1. С. 37–47.
620. *Тюхменева Е.А.* Л.Г. Дорицкий: К биографии художника первой половины XVIII века // Русское искусство Нового времени: исслед. и материалы. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 2013. Вып. 15: По итогам Всерос. науч. конф. «Бытие искусств в России XVIII – нач. XX века: проблемы, мастера, произведения». С. 20–42.
621. *Урусова Р.Р.* Особенности иллюстрирования учебной литературы в Германии во второй половине XVIII века: (на основе собрания НБ РАН) // Газетная и журнальная иллюстрация: материалы науч. конф. СПб., 2014. С. 330–340.
622. *Усачева С.В.* Перспективная живопись в Академии художеств (последняя треть XVIII – начало XIX века) // Русское искусство Нового времени: исслед. и материалы. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 2013. Вып. 15: По итогам Всерос. науч. конф. «Бытие искусств в России XVIII – нач. XX века: проблемы, мастера, произведения». С. 72–79.
623. *Успенский Б.А.* Заумная речь у Сумарокова // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 1. С. 244–253.
624. *Устинов А.Л.* Факторы динамики заводского производства на Южном Урале в последней четверти XVIII – начале XIX в.: (на примере Каштымских и Каслинского заводов) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Вып. 13. С. 79–87.
625. *Устьян А.Р.* Внешняя политика Петра I и армянский вопрос // Армения и мир: сб. ст. М.: Ин-т социальных наук, 2013. С. 143–156.
626. *Ухналев А.Е.* Русский период творчества архитектора Гаэтано Киавери и римская архитектурная школа // Архитектурное наследство. 2014. Вып. 61. С. 94–104.
627. *Ухналев А.Е.* Свидетельства стилистической полифонии в зодчестве петровского Петербурга // Архитектурное наследство. 2013. Вып. 59. С. 97–104.
628. *Фадеева Т.М.* Архипелагские экспедиции Русского флота (1769–1774) и появление новой греческой общины в Крыму // Греки Балаклавы и Севастополя. М.: Индрик, 2013. С. 36–56.
629. *Фаизова И.В.* Подготовительные работы в Московском Кремле накануне открытия Уложенной комиссии 1767 года // Материалы и исследования / Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2014. Вып. 25: Музеи Московского Кремля. С. 190–210.
630. *Федина Н.Г.* Образовательное пространство польского общества в эпоху Просвещения // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты. Новосибирск, 2013. Ч. 1. С. 106–111.
631. *Федорец А.И.* Проблема информационной ценности исповедальных ведомостей как исторического источника: (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2013. № 1. С. 64–73.
632. *Федорова М.С.* О типологии женских образов в русской литературе первой половины XVIII в. // Вестн. слав. культур. 2014. № 4. С. 142–150.

633. *Федотова А.К.* «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...» Н.А. Львова: подражание или литературный эксперимент? // Рус. лит. 2013. № 3. С. 120–128.
634. *Федотова А.К.* К истории создания одной элегии И.Ф. Богдановича // Рус. лит. 2014. № 4. С. 120–126.
635. *Федотова А.К.* Пейзаж в русской элегии XVIII века // Рус. лит. 2014. № 3. С. 105–118.
636. *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Рос. история. 2014. № 4. С. 80–101.
637. *Фельдман Д.З.* История бытования записки Г.Р. Державина о белорусских евреях 1800 г. из собрания РГАДА // Отеч. архивы. 2013. № 3. С. 27–32.
638. *Феохтистов С.Ф.* История зарождения органов по охране общественного порядка в Сибири XVIII в. // Проблемы гражданского общества и правого государства. Чита, 2013. Вып. 18. С. 90–107.
639. *Фетисова Д.Е.* Закон достаточного основания в немецкой философии эпохи Просвещения // Кантовский сборник. 2013. № 4. С. 64–75.
640. *Фетисова Д.Е.* Понятие необходимости в немецкой философии эпохи Просвещения // Кантовский сборник. 2014. № 1. С. 25–37.
641. *Филиппов К.А.* К вопросу о концептуальных грамматических текстах в немецком научном дискурсе XVIII века // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2014. Вып. 4. С. 131–142.
642. *Флоря Б.Н.* Формирование новой социальной элиты украинского общества: (вторая половина XVII – первая треть XVIII века) и два ее идеолога // Славяноведение. 2014. № 2. С. 25–46.
643. *Фокин С.П.* Развитие этнических и культурных связей сербского, украинского и русского народов на протяжении XVIII века // Сербские научные исследования 2012: сб. науч. ст. М.: Экон-информ, 2013. С. 341–351.
644. *Фоменко И.Ю.* Сводные каталоги-репертуары русской книги гражданского печатного дела 1703–1825 гг. и печатные каталоги региональных книжных собраний // Книжные собрания региональных библиотек как часть культурного наследия страны: материалы науч.-практ. конф. (12 нояб. 2013 г., Астрахань). Астрахань, 2013. С. 18–36.
645. *Фролова М.М.* Василий Алексеевич Чертков [1726–1793] // Вопр. истории. 2013. № 10. С. 16–29.
646. *Фруменкова Т.Г.* Военные чины в руководстве воспитательных домов в царствование Павла I // Петербургские военно-исторические чтения: межвузов. науч. конф. 26 марта 2013 г. СПб., 2014. С. 23–40.
647. *Хаванова О.В.* Имперский посол граф Миклош Эстерхази: страницы биографии и этапы дипломатической карьеры // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 3–14.
648. *Хаванова О.В.* Поиск общего знаменателя заслуг в монархии Габсбургов в XVIII веке: орден св. Стефана // Славяноведение. 2014. № 3. С. 3–13.
649. *Хазова Н.В.* Западноевропейские и русские черты в архитектуре Санкт-Петербурга XVIII – начала XIX века глазами Александра Бенуа // Обсерватория культуры. 2013. № 5. С. 56–61.
650. *Хазова Н.В.* Санкт-Петербург восемнадцатого столетия в художественном творчестве Александра Бенуа 1900-х годов // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 2. С. 101–111.

651. *Халтурин Ю.* Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII–XIX веков: попытка определения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Дело, 2013. № 4 (31). С. 87–112.
652. *Харитонова А.М.* Становление антропологии в XVIII веке: между душой и телом // Историко-философский ежегодник 2011. М., 2013. С. 182–204.
653. *Хорева В.В.* К вопросу атрибуции картины «Мифологическая композиция» неизвестного художника 2-й половины XVIII века в коллекции ГХМАК // Пятое искусствоведческие Снитковские чтения: сб. материалов XIII науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Гос. художеств. музея Алт. края и 85-летию со дня рождения Л.И. Снитко. Барнаул: Алт. дом печати, 2014. С. 48–54.
654. *Хотеев П.И.* М.В. Ломоносов и Г.Ф. Берман. Уроки словесности в Марбурге // Рус. лит. 2014. № 1. С. 102–108.
655. *Храмова Л.В.* Документальные памятники как средство изучения культурного уровня и быта населения Забайкальского края конца XVIII века // Историко-культурное наследие Забайкальского края: тревога за будущее: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию пакта Рериха – первого междунар. договора об охране культурных ценностей (г. Чита, 6–7 нояб. 2014 г.). Чита: Поиск, 2014. С. 95–101.
656. *Храпунов Н.И.* Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2014. № 3. С. 58–68.
657. *Храпунов Н.И.* Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий: [1786 г.] // Французский ежегодник 2014. М.: ИВИ РАН, 2014. Т. 2: Франция и Восток. С. 63–101.
658. *Царёва С.М.* Взаимодействие архитектора и скульптора при создании лепного декора московских построек конца XVIII–XIX в. // Архитектурное наследство. 2014. Вып. 61. С. 117–127.
659. *Царёва С.М.* Гравюры с произведений Ангелики Кауфман как источник сюжетов и композиций архитектурного декора Москвы конца XVIII – первой трети XIX века // Архитектурное наследство. 2013. Вып. 58. С. 159–168.
660. *Цвиркун В.* Научные связи Антиоха Кантемира с Санкт-Петербургской Академией наук // Рос. история. 2013. № 2. С. 97–101.
661. *Цыремпилов Н.В.* Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманит. вектор. 2014. № 3. С. 96–109.
662. *Чайковский Ю.В.* Кто задумал и кто устроил Великую Северную экспедицию? // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 2. С. 34–55.
663. *Черепанова О.А.* «Вздорные» описания литераторов XVIII в.: особенности словоупотребления и стилистики // Acta linguistica petropolitana: Тр. Ин-та лингвист. исслед. РАН. СПб., 2013. Т. 9, № 2. С. 551–564.
664. *Черников С.В.* Правящая элита России 1725–1730 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 12: История, вып. 60. С. 30–38.
665. *Черников С.* Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 128–143.
666. *Чернова-Деке Т.Н.* У истоков колонизационной политики Екатерины II // Вопр. истории. 2013. № 6. С. 83–91.

667. *Чеснокова Т.Г.* Об эстетических и морально-философских основаниях категории «юмор» в английской литературной критике XVII–XVIII веков // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Филос. науки. 2013. № 1. С. 106–118.
668. *Чеснокова Т.Г.* Философия Просвещения и проблема формирования сентиментальной модели «разумной чувствительности» // Социал.-гуманит. знания. 2013. № 5. С. 190–204.
669. *Четвертков А.М.* Государственное единство Российской империи во второй четверти XVIII в.: проблемы правового регулирования // От Древней Руси к Российской Федерации: история рос. государственности. СПб.: Алетейя, 2013. С. 263–276.
670. *Чикова В.А.* Служба солдат при Синоде в 1741–1761 гг. // Петербургские военно-исторические чтения: межвузов. науч. конф. 26 марта 2013 г. СПб., 2014. С. 20–23.
671. *Чикова В.А.* Чайания и проступки солдат и офицеров в середине XVIII века // Петербургские военно-исторические чтения: к 200-летию Отечественной войны 1812 года: межвузов. науч. конф., 16 марта 2012 г. СПб., 2013. С. 58–62.
672. *Чудинов А.* В какую «Сибирь» ездили французы в XVIII веке: Жильбер Ромм и другие // Рос. история. 2014. № 3. С. 62–71.
673. *Чурсина А.А.* Потомки служилых людей как источник формирования купечества г. Томска в XVIII в. // Вестн. Томского гос. ун-та: История. 2013. № 6. С. 21–26.
674. *Шаманаев А.В.* Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2014. № 3. С. 79–89.
675. *Шапурина А.В.* Традиции русской поэзии XVIII века в лирике природы Ф.И. Тютчева // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2013. № 1. С. 71–81.
676. *Шарнова Е.Б.* Жан-Багист Лебрен и Николай Юсупов // Собрание: наследие и современность. 2013. № 3. С. 122–128.
677. *Шарнова Е.* Пейзажи Пьера Жака Волера из собрания Музея-усадьбы «Архангельское»: О пользе исторической атрибуции // Собрание: наследие и современность. 2013. № 4. С. 8–13.
678. *Швачинский Т.* Польско-российские отношения в саксонскую эпоху и судьбы поляков в Сибири: (на примере дневников Людвика Сеницкого) // Sibigica – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых: сб. науч. тр. по итогам польско-российских науч. семинаров (Варшава – Пултуск, 1–15 сент. 2012 г.; Новосибирск, 8–22 окт. 2012 г.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2013. С. 143–148.
679. *Шелемова А.О., Каримьян Ф.* Восточные сюжеты в русской журнальной прозе второй половины XVIII века: тексты, жанровая специфика, идейные приоритеты // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 3. С. 9–18.
680. *Шемелина Д.С.* Инструкция 1760 года графа П.И. Шувалова: комплекс архивных документов о крепостях «европейского типа» в Восточной Сибири // Архитектурное наследие. 2013. Вып. 58. С. 104–122.
681. *Шеуджен Э.А.* Н.М. Карамзин о первых контактах народов Руси и Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 77–83.
682. *Шипилов А.В.* Новое и старое в помещном быту России в первой половине XVIII в. // Вопр. истории. 2014. № 8. С. 89–102.

683. *Шипилов И.А.* Вклад вспомогательного персонала экспедиции П.С. Палласа в становление физической географии и этнографии в России: [1768–1774 гг.] // Рукописи XVI–XX вв.: исследования и публикации: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2013. С. 89–122.
684. *Шипилов И.А.* Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция (1785–1795 гг.): проблема статуса // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2014. С. 53–68. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 32).
685. *Шляпникова Е.А.* Аркадий Иванович Морков: [дипломат, 1747–1827] // Вопр. истории. 2014. № 1. С. 17–30.
686. *Штеллнер Ф.* Династический аспект внешней политики Петра III // Рос. история. 2014. № 4. С. 70–79.
687. *Шумахер А.Е.* Жанр баллады в творчестве И.И. Дмитриева // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 124–133.
688. *Шунков А.В.* «Блудный сын» в книжной традиции переходного времени: (вторая половина XVII – первая треть XVIII в.): традиция и новизна // Притча в русской словесности от Средневековья до современности. Новосибирск, 2014. С. 225–241.
689. *Шустова Ю.Э.* Послание об исправлении книг 3 мая 1738 года львовского епископа Афанасия Шептицкого // Румянцевские чтения – 2014: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15–16 апр. 2014 г.). М.: Пашков дом, 2014. Ч. 2. С. 376–383.
690. *Шустова Ю.Э.* Продажа книг Львовской ставропигийской типографии в 1788–1791 гг.: Проблемы атрибуции изданий // Румянцевские чтения – 2013: материалы Междунар. науч. конф. (16–17 апр. 2013). М.: Пашков дом, 2013. Ч. 2. С. 352–364.
691. *Шустова Ю.Э.* Символика времени в кириллических изданиях конца XVII – первой половины XVIII в.: гравюры «круга времён» в месяцесловах // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXV Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв.– 2 февр. 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 165–176.
692. *Элезович Д.* Описание России в хронике анонимного швейцарца конца XVIII в. // Вопр. истории. 2013. № 3. С. 164–167.
693. *Энгстром А.* Остров Якобия, исчезнувшая деревня Аполосово и судьба экспедиции А. Чирикова: [к истории экспедиции А.И. Чирикова к берегам Аляски (1741 г.)] // От Русского Севера к Русской Америке: Великий Устюг в истории Сибири и Аляски. Вологда, 2013. С. 84–95.
694. *Эрлихсон И.М.* «Третья» женщина эпохи Нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 42. С. 281–307.
695. *Юковская А.* Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия // Cahiers du monde russe. 2014. Vol. 55, № 1/2. P. 31–49.
696. *Юркин И.Н., Калита С.П.* Академия наук в гостях у Демидовых: первый российский музей и академическая библиотека после пожара 1747 года // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 102–128.
697. *Юркин И.* Загадки СЦС (о декоре и декораторах тульского оружия середины XVIII века в неизданной переписке Н.А. Демидова и А.Х. Пастухова) // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2013. Вып. 10. С. 7–14.

698. *Юркин И.Н.* Петербургские лаборатории Берг-коллегии в первые годы ее существования // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 97–115.
699. *Юркин И.Н.* События и деятели художественной культуры России петровской эпохи в документах Берг- и Мануфактур-коллегии // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2013. № 3. Сер.: Всеобщая история. С. 72–83.
700. *Юркин И.Н.* Техническая база российской горно-металлургической промышленности первой четверти XVIII века в документах фонда Берг-коллегии РГАДА // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. Т. 1. С. 317–320.
701. *Юрченко С.Б.* Об атрибуции Воскресенской церкви в Батуристине // Архитектурное наследие. 2013. Вып. 58. С. 149–158.
702. *Юрченко Т.Г.* Жанр идиллии во 2-й половине XVIII – начале XIX в. // Литературовед. журнал. 2013. № 33. С. 57–65.
703. *Ютяева Л.Е.* Вырезание ноздрей – особый вид телесного наказания: (на основе анализа законодательства середины XVIII века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2013. № 4, ч. 1. С. 209–212.
704. *Юхименко Е.М.* Изучение памятников художественной церковной старины старообрядцами в начале XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 499–508.
705. *Якимович А.* Восемнадцатый век: Эпоха, культура, искусство // Собрание: наследие и современность. 2013. № 4. С. 50–61.
706. *Яковлев А.Н.* Церковь Св. Варвары на Варварке: Типология и иконография [1796–1804 гг.] // Архитектурное наследие. 2014. Вып. 60. С. 186–203.
707. *Якушев М.М.* Дипломатические отношения России и Османской империи во второй половине XVIII в. // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 1. С. 47–56.

Публикации источников

708. Батурицкий архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / рук. проекта и сост. Т.Г. Таирова-Яковлева; отв. ред. Т.А. Базарова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 480 с., 8 л. илл.
Содерж.: Базарова Т.А., Таирова-Яковлева Т.Г. Батурицкий архив гетмана И.С. Мазепы. С. 9–20; Таирова-Яковлева Т.Г. Археографическое введение. С. 21–24; **Ч. 1:** Материалы Батурицкого архива (1690–1708). С. 25–174; **Ч. 2:** Письма И.С. Мазепы А.Д. Меншикову (1704–1708). С. 175–254; **Ч. 3:** Письма И.С. Мазепы российским государственным деятелям и казацкой старшине (1704–1708). С. 255–276; **Ч. 4:** Универсалы И.С. Мазепы (1687–1708). С. 277–370; Приложение: (1700–1709). С. 371–396; Словарь. С. 397–402; Указатели. С. 403–479.
709. *Васянский Э.А.К.* Иммануил Кант в последние годы жизни / пер. с нем. А.И. Васкиневич; предисл. И. Кузнецовой. Калининград: Изд-во Балт. федерал. ун-та, 2013. 244 с., 4 л. илл. Текст парал. рус., нем.
710. «Велено англичанину купецкому человеку Францу Гарднеру выдать из Манетной канторы денег»: Из переписки В.Н. Татищева с Сенатом. 1731 г. / публ. подгот. И.В. Торопицын // Ист. архив. 2014. № 6. С. 187–190.

711. *Гаман Г.* Письмо Гамана к Х.Я. Краусу по поводу работы Канта «Что такое Просвещение?»: 18 дек. 1784 г. / послесл. (с. 95–97) и пер. с нем. В.Х. Гильманова // Кантовский сборник. 2013. № 1. С. 90–97.
712. Гражданский кодекс Восточной Галиции 1797 г. / пер. с лат. А. Гужвы; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут; Одесса, 2013. 535 с. Текст парал. лат., рус.
713. «Дабы всегда сей порядок храним был...»: уставные документы о традиции церковного звона Свято-Троицкой Сергиевой лавры. XVII–XVIII вв. / публ. подгот. М.А. Иванова // Ист. архив. 2014. № 2. С. 162–171.
714. Дипломатические хроники / публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Рос. Фонд Культуры, 2014. [Вып. 21]. С. 77–91. (Новая серия).
Содерж.: I. Письмо графа Л.-Й. Кёнингсека-Ротенфельса графу Й. Бернесу. С. 77–81; II. Реляции С.П. Ягужинского из Швеции. 1756 г. С. 81–91.
715. Документы, книги и вещи, оставшиеся после смерти Г.А. Потемкина / публ. А.К. Афанасьева // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Рос. Фонд Культуры, 2014. [Вып. 21]. С. 639–645. (Новая серия).
716. Документы о калмыцком кризисе / публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Рос. Фонд Культуры, 2014. [Вып. 21]. С. 9–34. (Новая серия).
717. Екатерининский Петербург глазами иностранцев: неизд. письма 1770-х гг. / сост. А.Н. Спащанский. СПб.: Паритет, 2013. 286 с.: илл.
Содерж.: Введение. С. 3–16; Уильям Ричардсон. Письма 1768–1771 гг. С. 17–102; Натаниэль Уильям Рэкселл. Письма 1774 г. С. 103–142; Генриетта Каролина Гессен-Дармштадтская. Письма 1773 г. С. 143–244; Приложение. С. 245–274; Биографический указатель. С. 275–283; Список литературы. С. 284–285.
718. Елизавета и Александр: хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны, 1792–1826 / сост., пер. с фр. и коммент. Д.В. Соловьева, С.Н. Исколюя. М.: РОССПЭН, 2013. 407 с., 4 л. илл. (Бумага Дома Романовых. БДР).
719. Жизнеописание господина Иоганна Иоахима Кванца, составленное им самим, или Автобиография придворного музыканта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 82, 4 с. илл., портр.
720. Законодательство Петра I, 1696–1725 / сост., авт. предисл., вступ. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. 461 с.: табл. (Сер.: Рус. юрид. наследие).
721. *Иванов А.Г.* Исторические источники XVIII века // Иванов А.Г. Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начала XX в.): науч. изд. Йошкар-Ола, 2013. С. 5–164.
722. История Московского университета: (Вторая половина XVIII – начало XIX века): сб. док., 1754–1804. М.: Academia, 2014. Т. 3: 1757 / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Н. Костышин. 813 с., 1 л. портр., 6 л. илл.
723. *Карамзин Н.М.* Письма к братьям, 1786–1826 / сост., подгот. и примеч. В.А. Сукайло. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2013. 623 с.: илл.
724. «На иконе написан тут же “Мартин Лютер...”»: «Дело» об обнаружении в православном Спасопреображенском соборе г. Нарвы «иконы» Мартина Лютера. 1774 г. / публ. подгот. А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева // Ист. архив. 2014. № 4. С. 186–195.

725. *Малиновский К.В.* Материалы Якоба Штелина. СПб.: Крига, 2014. 396 с.: илл.
Содерж.: Предисловие. С. 7–24; Опыт исторического сочинения об опере. С. 25–120; Мемуары о театре в России. С. 121–173; Известия о музыке в России. С. 174–291; Музыкальные известия из России, набросанные по просьбе иностранного друга и коллекционера. 1747. С. 292–305; Мемуары о музыке в России. С. 306–305; Мемуары о музыке в России. С. 306–348; Музыкальный клуб. С. 349–354; Известия о танцевальном искусстве и балетах в России. С. 355–393; Письма Штелина о музыке и театре. С. 394–396.
726. *Малиновский К.В.* Материалы Якоба Штелина: записки и письма Якоба Штелина: В 3 т. СПб.: Крига, 2014.
 Т. 1: Об изящных искусствах в России. 508 с.: илл.
Содерж.: Предисловие. С. 7–15; Якоб Штелин, жизнь и деятельность. С. 16–51; О живописи в России. С. 52–154; О мозаике. С. 155–177; Академия трех знатнейших художеств. С. 178–195; О скульптуре в России. С. 196–226; Об архитектуре в России. С. 227–268; Краткая история искусства фейерверков в России. С. 269–335; О шпалерной фабрике в Петербурге. С. 336–348; О медальном искусстве. С. 349–410; О граверах в России. С. 411–423; О силуэтном искусстве в России. С. 424–432; Известия о садах и парках в России. С. 433–454; Дневник статского советника Мизере о службе при Петре III. С. 455–461; Письма Якоба Штелина о художествах. С. 462–508.
 Т. 2. О коллекционировании в России. 324 с.: илл.
Содерж.: Предисловие. С. 7–8; История картин в России. С. 9–42; Описания императорских живописных коллекций в Санкт-Петербурге и загородных дворцах. С. 43; Живописные коллекции Петергофа. С. 44–49; В Императорской картинной галерее в Монплезире в Петергофе. С. 50–82; В павильоне, именуемом Марли, имеются следующие картины. С. 83–91; Перечень всех картин в Марли и Монплезире в Петергофе. С. 92–107; Живописные коллекции Царского Села. С. 108–112; Картинный зал в Императорском увеселительном дворце Царское Село. С. 113–121; В маленьком картинном кабинете. С. 122–125; Собрание картин в Эрмитаже при Летнем дворце. С. 126–132; Живописные коллекции Ораниенбаума. С. 133–136; Ораниенбаумская галерея. 1762. С. 137–150; Картины в зале дворца в крепости. С. 151–155; История картин Эрмитажа. С. 156–159; Наиболее значительные картины из Берлина из кабинета Гоцковского, проданного Ее Императорскому Величеству. С. 160–174; Список картин, полученных из Берлина в 1763 году. С. 175–180; У Джузеппе далл’Ольо куплены следующие картины Питтони из Венеции. С. 181–182; Перечень важнейших картин в галерее, устроенной Ее величеством императрицей Екатериной II в новом Зимнем дворце в Петербурге (1769). С. 183–209; Картины, вновь приобретенные в 1766, 1767, 1768 годах. С. 210–230; Первая портретная галерея Дома Романовых. С. 231–249; Описания частных коллекций живописи. С. 250–251: Самые значительные картины в Картинном кабинете его сиятельства господина обер-камергера графа Шереметева в Петербурге. С. 252–255; Картины его сиятельства господина графа Ивана Григорьевича Чернышева. 1772 год. С. 256–258; Перечень итальянских картин его сиятельства гетмана графа Разумовского в его увеселительном дворце по Пе-

- тергофской дороге. С. 259–262; В доме Штегльмана. С. 263–267; Картины князя Белосельского, привезенные из Дрездена. 1777 год. С. 268; Перечень картин, купленных по повелению Ее Императорского Величества у камергера Шувалова для Академии художеств. 1764 год. С. 269–277; Состав кабинета гравюр: Проект Штелина. После 1780 года. С. 278–290; Скульптура Летнего сада. С. 291–294; Мраморные статуи на императорском Летнем дворе в Санкт-Петербурге. С. 295–312; Перечень некоторых скульптур, которые я нашел лежащими в беспорядке. С. 313–315; Письма Я. Штелина о коллекционировании. С. 316–324.
727. Материалы к биографии / публ. К.А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Рос. Фонд Культуры, 2014. [Вып. 21]. С. 35–76. (Новая серия)
Содерж.: Василий Васильевич Крестинин (Челобитная отца). С. 35–37; Алексей Алексеевич Красовский (Челобитная). С. 38–43; Сергей Васильевич Салтыков (Памятные записки). С. 43–47; Петр Васильевич Бакунин; Михаил Федорович Каменский; Николай Константинович Хотинский (Аттестаты). С. 47–51; Федор Яковлевич Дубянский (Письмо М.М. Голицыну). С. 51–52; Елизавета Петровна Романова. С. 55–56; **I.** Изучение данных последней ревизии (Письма И.А. Черкасова Н.Ю. Трубецкому). С. 56–57; **II.** Новый мундир и новые правила чинопроизводства флотских офицеров. С. 57–60; **III.** Сношения с австрийским послом (Памятные записки чиновников Иностранной коллегии). С. 60–62; **IV.** Целебный источник в Курляндии (Внутренняя переписка сотрудников Иностранной коллегии). С. 62–63; **V.** Изгнание цыган из Санкт-Петербурга (Распоряжения и рапорт об исполнении). С. 63–65; **VI.** Усиление патрулирования Санкт-Петербурга (Распоряжения кабинет-секретаря). С. 65–68; Рапорт генерала В.Я. Левашева в Коллегию Иностранных дел, 1748 г. С. 68–69; Письмо А.П. Бестужева-Рюмина Н.И. Панину, 1747 г. С. 69–71; Письмо А.П. Бестужева-Рюмина М.Н. Волконскому, 1756 г. С. 71–72; Александр Филиппович Кокоринов (Промемория Б.Ф. Растрелли). С. 72–74; Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (Сделанная записка, 1767 г.). С. 74–76.
728. Некоторые сведения о William Shakespeare в России XVIII века / изд. подгот. В.Ф. Шевченко. М.: Звезда и Крест, 2014. 105 с. (Shakespeare-библиотека).
729. Новый источник по истории территориальной геральдики: проекты гербов Московской губернии 1774 г. / публ. О.Н. Наумова // Гербоведение. М.: Старая Басманная, 2013. Т. 3. С. 77–87.
730. «От Петра губернии берем начало...»: (становление Нижегородской губернии в документах первой четверти XVIII века) / сост. Е.Э. Ешан, С.В. Сироткин. Нижний Новгород: Центр. архив Нижегород. обл., 2014. 295 с.
731. Письма А.Т. Болотова к Н.Е. Тулубьеву (1760–1761) / публ. А.Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 293–396.
732. «По злоковарному и ябедническому своему вымыслу...»: из истории внутрисемейных имущественных отношений в середине XVIII в. / публ. подгот. Н.А. Четырина // Ист. архив. 2014. № 2. С. 172–187.
733. «По указу Ея Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод приказали...»: Дело о переходе русских крестьян в лютеранство. 1745 г. / публ. подгот. А.Н. Андреев // Ист. архив. 2013. № 3. С. 196–199.

734. *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Величества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского: сто три дня из детской жизни Императора Павла Петровича: (неизд. тетрадь записок С.А. Порошина). М.: Кучково поле, 2013. 479 с.
735. Путешествие Императрицы Екатерины II 1780 г. / публ. и коммент. В.Н. Лешиков // Псков. 2013. № 39. С. 5–22.
736. «Резидент ныне слаб и ненадежен»: В.Н. Татищев о необходимости укрепления дипломатической службы России в Персии. 1745 г. / публ. подгот. И.В. Торопицын // Ист. архив. 2013. № 6. С. 161–173.
737. *Руссо Ж.Ж.* Политические сочинения / подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев; пер. с фр. С.В. Занин, В.В. Некрасов. СПб.: Росток, 2013. 639 с. (Сер. «Классики полит. мысли»).
Содерж.: Исаев И.А., Занин С.В. Предисловие к публикации. С. 5–14; **Рассуждение о политической экономии**: Бернарди Б. Создание общей воли. С. 17–39; Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о политической экономии. С. 40–78; **Общественный договор, или Начала политического права**: Занин С.В., Бернарди Б. О двух договорах в творчестве Руссо. С. 81–95; Бочков И.И. Основания политического организзма в учении Ж.-Ж. Руссо. С. 96–115; Руссо Ж.-Ж. **Общественный договор, или Начала политического права**. С. 116–239; Руссо Ж.-Ж. **Начала права войны**: (Главы второй части трактата «Об общественном договоре»). С. 240–256; **Письма с Горы**: Занин С.В. Руссо и Женева в середине 60-х гг. XVIII в. С. 259–267; Руссо Ж.-Ж. **Письма с Горы**. С. 268–484; **Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г.**: Занин С.В. Проект реформы Польского государства. С. 487–496; Руссо Ж.-Ж. **Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г.** С. 497–588; Комментарии. С. 589–624; Именной указатель. С. 625–631; Предметный указатель. С. 632–638.
738. «Учинила она, Анна, наследником сына нашего Евграфа»: неизвестные факты из жизни В.Н. Татищева. 1728–1731 гг. / публ. подгот. Н.В. Козлова // Ист. архив. 2013. № 6. С. 152–160.
739. *Форсия де Пилес.* Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: записки фр. путешественника / пер. с фр. сост., коммент. А.Н. Спащанского. СПб.: Паритет, 2014. 383 с.: илл.
740. *Юрьев И.Ю.* Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских / изд. подгот. Д.О. Серов. М.: ОГИ, 2013. 367 с.: 4 л. илл. Текст рус., англ., нем.

Специализированные справочные издания

741. Александр Фёдорович Лабзин (1766–1825): материалы к библиографии / сост. и предисл. А.Н. Стрижева // Литературовед. журнал. 2014. № 35. С. 225–263.
742. *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список от основания флота до 1917 г. / [науч. ред. В.Ю. Грибовский]. СПб.: Атлант, 2013. Издано с поправками Ф.Ф. Веселаго с издания 1895–1892 гг.
 Т. 1: [От основания флота до кончины Петра I]. 543 с.

- Т. 2: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. 463 с.
 Т. 3: Общий морской список царствования Екатерины II, ч. 3: А–И. 543 с.
 Т. 4: Царствование Екатерины II, ч. 4: К–Р. 639 с.
 Т. 5: Царствование Екатерины II, ч. 5: С–Я. 415 с.
 Т. 6: Царствование императора Павла I. Царствование императора Александра, ч. 6: А–Г. 575 с.
743. Книги и журналы из библиотеки Г.Р. Державина: каталог коллекции / Тамб. обл. универс. науч. б-ка им. А.С. Пушкина; сост. О.В. Горелкина, Т.Ю. Дмитриева, Н.В. Николаева; науч. ред. И.Ю. Фоменко. Тамбов: Изд. дом «Мичуринск», 2014. 102 с., 8 л. илл.
744. Летопись Кунсткамеры: 1714–1836 / авт.-сост. М.Ф. Хартанович; отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 738 с.
745. Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807): материалы к библиографии / сост. предисл. А.Н. Стрижева // Литературовед. журнал. 2013. № 32. С. 232–285.
746. *Мулина С.А., Крих А.А.* Поляки в Западной Сибири: Последняя треть XVIII – первая треть XIX века: биограф. словарь. Омск: Полиграф. центр КАН, 2013. 299 с.
747. Петербургский балет. Три века: Хроника. СПб.: Акад. рус. балета им. А.Я. Вагановой, 2014. Т. 1: XVIII век / авт.-сост. Н.Н. Зозулина. 287 с.
748. Писцовые и переписные книги Торжка XVII – начала XVIII века / ...Гос. архив Новгор. обл. М.: Рукоп. памятники Древ. Руси: Яз. слав. культуры, 2014. Ч. 1 / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. 615 с.
749. Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА: межфондовый указатель: [В 3 т.] / сост. К.В. Татарников. М.: Старая Басманная, 2013.
 Т. 1: 514 с.: факс.
 Т. 2: 515–1274 с.
 Т. 3: 1275–2136 с.
750. *Руденко И.В.* Бородовые знаки. 1698. 1705. 1724. 1725: каталог. Ростов-на-Дону: Омега Паблишер, 2013. 172 с.: илл.
751. Русская книга гражданской печати первой половины XVIII–1830 г. в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского: каталог / сост. С.В. Ильина и др. Иркутск, 2013. 159 с.
752. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2013. Вып. 20: Планета – Подняться / гл. ред. З.М. Петрова, А.А. Алексеев. 246 с.
753. *Феофанов А.М.* Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: библиограф. словарь. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2013. 479 с.
754. *Шетеля В.М.* Историко-этимологический словарь русской лексики конца XVIII–XIX века: В 2 т. М.: Прометей, 2014.
 Т. 1: А–О. 442 с.
 Т. 2: П–Я. 493 с.

Авторефераты диссертаций

Докторские диссертации

755. *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Поволж. гос. социал.-гуманитар. акад. Самара, 2013. 54 с.
756. *Галанов М.М.* Политика российского самодержавия и позиция Русской Православной церкви в отношении католиков и униатов в годы царствования Павла I: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / С.-Петербур. гос. экон. ун-т. Архангельск, 2014. 49 с. Место защиты: Сев. (Аркт.) федерал. ун-т им. М.В. Ломоносова.
757. *Карданова Н.Б.* Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М., 2013. 45 с.
758. *Корндорф А.С.* Архитектурная декорация придворного театра XVII–XVIII столетий: Мифология и иконография: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения / Гос. ин-т искусствознания. М., 2013. 56 с.
759. *Малкин С.Г.* Интеллектуальная колонизация и «Хайлендская проблема» Великобритании в конце XVII – первой половине XVIII в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Поволж. гос. социал.-гуманитар. акад. Саратов, 2014. 47 с. Место защиты: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского.
760. *Махмудова К.З.* Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2013. 46 с.
761. *Плотникова Н.Ю.* Русское партесное многоголосие конца XVII – середины XVIII века: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения / Рос. акад. музыки им. Гнесиных. М., 2013. 46 с.

Кандидатские диссертации

762. *Бирюков С.Н.* Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII веке: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / С.-Петербур. гос. ун-т. СПб., 2014. 31 с.
763. *Булгаева Г.Д.* Воссоздание иконостасов храмов юга Западной Сибири последней трети XVIII – середины XIX века: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2014. 26 с.
764. *Васильев А.В.* Понятие «дух времени» в общественно-политическом дискурсе России второй половины XVIII – первой трети XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2013. 26 с.
765. *Васильева Т.А.* У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Том. гос. ун-т. Томск, 2014. 23 с.
766. *Волкова Е.С.* Идейные дискуссии в пуританизме Новой Англии в конце XVII – первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 25 с.
767. *Герасимова В.А.* Крещенные евреи в России в XVIII в.: особенности социокультурной адаптации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Сарат. гос. техн. ун-т им. Ю.А. Гагарина. Саратов, 2013. 19 с.

768. *Гребенюков Д.С.* Предпринимательская деятельность и демографические характеристики российского уездного купечества в процессе его эволюции в конце XVIII – первой четверти XIX в.: (по материалам регионов Центрального Черноземья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2013. 24 с.
769. *Демьяненко М.А.* Особенности абсолютизма как формы государственного правления и развитие правовой системы в период владения императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2013. 24 с.
770. *Дискин К.В.* Эволюция учения о фуге в австро-немецкой традиции XVIII века: от И.Й. Фукса к И.Г. Альбрехтсбергеру: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2013. 25 с.
771. *Долгов А.А.* Концептуальные и организационно-правовые основы государственной (гражданской) службы в Российской империи в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2013. 25 с.
772. *Евсеева Е.Д.* «Малые» русские портретисты конца XVIII – первой четверти XIX века и проблема работы по частному заказу: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 31 с.
773. *Жеребкова Е.В.* Усадьба в русской литературе (II половина XVIII – I половина XIX в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2013. 22 с.
774. *Загороднева Ю.А.* Судьба «приятных» и «изящных» искусств И. Канта в современной культуре: автореф. дисс. ... канд. культурологи / Саратов. гос. техн. ун-т им. Ю.А. Гагарина. Саратов, 2013. 20 с.
775. *Иванюк С.А.* Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны: осень 1700 – лето 1709 г.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2014. 20 с.
776. *Игдавлетов И.С.* Торговля и дипломатическая деятельность российских мусульман Урало-Поволжья в XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2013. 24 с.
777. *Коскина Н.А.* Сибирские рукописные лечебники XVII–XVIII вв. в аспекте книжности и разговорности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Tobol. гос. социал.-пед. акад. им. Д.И. Менделеева. Архангельск, 2013. 32 с. Место защиты: Сев. (Аркт.) федерал. ун-т им. М.В. Ломоносова.
778. *Красильникова М.В.* Жанровое своеобразие романа Ф.М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» в контексте немецкой эпической традиции рубежа XVIII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2014. 25 с.
779. *Крылов А.О.* Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2014. 29 с.
780. *Ларюшкин О.В.* Лица иноэтничного происхождения среди московских горожан в 1719–1811 гг.: от интеграции к ассимиляции: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2014. 31 с.
781. *Лыдин Н.Н.* Современная британская историография военной истории Европы XVII–XVIII веков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Алт. гос. пед. акад. Барнаул, 2013. 23 с. Место защиты Алт. гос. ун-т.
782. *Макаров Е.П.* Гордоновский бунт и религиозно-политическая борьба в Великобритании 1778–1780 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Поволж.

- гос. социал.-гуманитар. акад. Саратов, 2013. 23 с. Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского.
783. *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Самар. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2013. 25 с.
784. *Монахова М.В.* Стилистика масонских произведений Вольфганга Амадея Моцарта в контексте эволюции творчества: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Новосиб. гос. консерватория (акад.) им. М.И. Глинки. Новосибирск, 2013. 20 с.
785. *Мофа А.В.* Лондонская фортепианная школа конца XVIII – начала XIX века: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. консерватория (ун-т) им. П.И. Чайковского. М., 2013. 26 с.
786. *Нагина Д.А.* Концертные арии В.А. Моцарта в контексте вокального искусства второй половины XVIII века: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Рос. акад. музыки им. Гнесиных. М., 2013. 24 с.
787. *Нагодкина С.А.* Роль Фридриха II в социально-экономическом и культурном развитии Пруссии второй половины XVIII века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2013. 22 с.
788. *Назарова Г.Х.* Предпринимательская деятельность Шуваловых в 40–60-е гг. XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2013. 26 с.
789. *Никитина А.Ю.* Языковая личность Екатерины Второй: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Казан. (Приволж.) федерал. ун-т. Казань, 2014. 22 с.
790. *Нойгебауер Т.А.* Концепты «слово», «дело», «мысль» в творчестве И.В. Гёте как средство формирования авторской картины мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Белгор. гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2013. 25 с.: илл.
791. *Обухова Ю.А.* Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории: (по материалам XVIII столетия): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Тюмен. гос. нефтегазовый ун-т. Ростов-на-Дону, 2014. 26 с. Место защиты: Юж. федерал. ун-т.
792. *Паукнер Е.Э.* Русское скрипичное искусство последней трети XVIII века и деятельность И. Хандошкина: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Рост. гос. консерватория (акад.) им. С.В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2013. 27 с.
793. *Перечицкая С.Л.* Купечество Дубовского посада в правительственных планах освоения юга Российской империи в последней четверти XVIII века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Моск. гор. пед. ун-т. М., 2013. 25 с.
794. *Попова Е.В.* Функционирование эмотивной лексики и фразеологии в русском языке XVIII века: (на материале художественных произведений Н.М. Карамзина): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. Уфа, 2013. 23 с.
795. *Пузанкова С.Н.* Жанр надписи в творчестве М.В. Ломоносова: поэтика эксфрасиса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Магнитог. гос. ун-т. Екатеринбург, 2013. 24 с. Место защиты: Урал. федерал. ун-т им. Б.Н. Ельцина.
796. *Руднев Д.В.* Книгоиздательская деятельность кадетских корпусов в XVIII веке: на материалах типографии Морского шляхетного кадетского корпуса: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2014. 26 с.
797. *Рыгалина М.Г.* Лингвокультурологическое исследование русских фамилий конца XVIII в.: (на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. Кемерово, 2013. 26 с. Место защиты: Кемер. гос. ун-т.

798. *Салимон В.Ю.* «Левый центр» в Учредительном собрании Франции 1789–1791 годов: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Брян. гос. ун-т им. И.Г. Петровского. Брянск, 2013. 23 с.
799. *Силонова О.Н.* Региональные особенности подготовки специалистов художественных и художественно-ремесленных специальностей XVIII – начала XIX века: (на примере вотчинного хозяйства Демидовых нижнетагильской родовой ветви): автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Урал. федерал. ун-т им Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2013. 25 с. Место защиты: Моск. гос. художеств.-пром. акад. им. С.Г. Строганова.
800. *Скрыдлов А.Ю.* Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашова (1770–1837): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / С.-Петербург. ин-т истории РАН. СПб., 2013. 30 с.
801. *Смекалина В.В.* Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2014. 32 с.
802. *Со Кван Чжин.* Проза А.Н. Радищева в литературном движении конца XVIII – начала XIX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2013. 24 с.
803. *Токарчук Р.Е.* Развитие форм хищения в уголовном законодательстве России XVII–XVIII веков: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. М., 2014. 28 с.
804. *Тризно О.А.* Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX в.: мотивы, образы, концепты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Том. гос. ун-т. Томск, 2014. 23 с.
805. *Харитонов А.М.* Обособление человеческого тела из универсума материальных тел в немецкой философии второй половины XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. философ. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). М., 2014. 30 с.

Каталоги и обзоры выставок

806. Андрей Ефимович Мартынов, 1768–1826: [каталог произведений] / Рус. музей; [авт.-сост. А. Васильева и др.; авт. ст. Н. Соломатина]. СПб.: Palace Éditions, 2014. 131 с.: илл., цв. илл. (Альманах: Рус. музей; Вып. 419).
807. Великий князь Павел Петрович: [каталог выставки] / Рус. музей; [авт.-сост. Н.Ю. Бахарева и др.; авт. вступ. ст. Г.Н. Головский]. СПб.: Palace Éditions, 2014. 72 с.: илл., факс. (Альманах: Рус. музей; Вып. 439). В кн. также включены воспоминания современников о Павле I.
808. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: [каталог выставки, 27 сент. 2013 г.– 22 янв. 2014 г.: В 2 ч. / сост. и авт. вступ. ст. С.А. Амелёхина и др.]. М.: Музеи Моск. Кремля, 2013. Ч. 2: XVIII–XIX века. 371 с.: илл.
809. Мастера британской гравюры XVIII–XIX веков: [альбом: перевод / вступ. ст. Т.А. Тютвиновой]. М.: Лингва-Ф, 2013. 127 с.: илл. парал. рус., англ.
810. Премудрость Астреи: памятники мазонства XVIII – первой трети XIX века в собрании Эрмитажа / сост. В.Ю. Матвеев и др.; авт. ст.: Г.А. Миролюбова и др.: [каталог выставки, Санкт-Петербург, 17 мая – 1 сентября 2013: авт. каталож. описаний: Н.Ю. Аветян и др.] СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. 479 с.: илл., портр.
811. Русская гравюра и литография XVIII–XIX веков: из собр. Краснояр. художеств. музея им. В.И. Сурикова: каталог / авт. текста и сост. Е.С. Селина. Красноярск: Класс Плюс, 2013. 187 с.: илл.

812. Россия и Голландия: Пространство взаимодействия, XVI – первая треть XIX века: [каталог выставки, 19 июня – 16 сент. 2013 г. / отв. ред. В.Э. Булатов]. М.: Кучково поле, 2013. 447 с.: илл., карты, факс.
Из содерж.: Велювенкамп Я.В. Голландская торговля в Архангельске. 1560–1760 годы. С. 38–45; Владимиров И. Андрей Винуус, русский голландец на службе у царя. С. 56–69; Горохова Е., Колганова Е. Голландцы в России в первой четверти XVIII века. С. 70–83; Владимиров И. Новый Амстердам у Финского залива. С. 84–95; Елькова Е. Голландское издание «Символы и Емблемата» в прикладном искусстве России XVIII столетия. С. 96–107; Булатов В. Ян Хендрик ван Кинсберген и создание первой карты Крымского полуострова. С. 108–123; Зван А.Х. ван дер, Хам В. ван дер. Каналы в России 1702–1818 годов: работа для голландцев. С. 124–143; Бокова В., Маршупна Г. Голландцы на службе России в конце XVIII – первой половине XIX века. С. 144–153; **Каталог:** Голландские карты России и голландские карты в России: Мореплавание и торговля. Вторая половина XVI–XVIII век. С. 192–235; Дипломаты и путешественники: XVII – начало XVIII века. С. 236–271; Царь Петр открывает Нидерланды. С. 272–343; Голландцы на службе в России: XVII – первая треть XIX века. С. 344–387; Дипломатические связи России и Республики Соединенных Провинций Нидерландов в XVIII веке. С. 388–409.
813. Французская живопись в музее-усадьбе «Архангельское»: кат. выставки [7 марта 2014 – 8 марта 2015] / сост. и авт. вступ. ст. Е.Б. Шарнова. М.: Три квадрата, 2014. 22 с., 17 л. илл.

Специализированные учебные пособия

814. *Абрамзон Т.Е.* Миф о золотом веке в русской поэзии XVIII века: учеб. пособие. Магнитогорск: МГТУ, 2014. 210 с.
815. *Бухаркин П.Е.* История русской литературы XVIII века: (1700–1750-е годы): [учебник для вузов]. СПб.: Филол. фак. СПб гос. ун-та, 2013. 487 с. (Русский мир: учебники для высш. шк.). (Учеб.-метод. комплекс по курсу «История рус. лит. XVIII века»).
816. *Григорьева И.Л., Салоников Н.В.* Интеллектуальная история Новгорода XVIII века в аспекте сравнительно-исторического изучения: от схоластики к рационализму эпохи Просвещения: учеб. пособие. Вел. Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2013. 107 с.
817. *Гуськов Н.А.* История русской литературы XVIII века: учеб. кн.: учеб.-метод. комплекс по курсу. СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2013. 679 с. (Рус. мир: учебники для высш. школы).
818. *Емельянов Б.В.* Три века философии: XVIII век: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 427 с.: илл., портр.
819. *Жуков К.А., Жевелева А.В.* Образ Европы и России в произведениях османских авторов XVIII века: учеб.-метод. пособие. СПб., 2014. 173 с.: илл.
820. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / под ред. Л.П. Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. 527 с. (История журналистики).
821. *Киселева О.А.* Социальные революции XVII–XVIII веков: учеб. пособие по курсу «История Нового времени» для студентов ист. фак. 2-е изд., перераб. и доп. Вологда: ВГПУ, 2013. 143 с.
822. *Леонтьева Г.А., Синелобов А.П.* Практикум по истории России XVIII века: [учеб. пособие для вузов по специальности «История»]. М.: Прометей, 2013. 336 с.

823. *Тверьянович К.Ю.* Русский стих 1735–1810-х годов: Метрика и строфика: Антология: учеб. пособие для вузов / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013. 319 с.

Рецензии

824. *Акишин М.О.* [Рец. на кн.: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга: к 310-летию Осударевой дороги. СПб.: Ист. иллюстрация, 2011] // Рос. история. 2013. № 4. С. 182–184.
825. *Артем-Александров К.В.* Книга о Николае Новикове: [рец. на кн.: Щербатова И.Ф. Николай Новиков в русской культуре. М., 2011] // Вестн. Рус. христиан. гуманист. акад. 2013. Т. 14, № 4. С. 325–329.
826. *Безнин М.А.* [Рец. на кн.: Петров А.Ю. Наталия Шелихова: У истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012] // Рос. история. 2013. № 4. С. 206–207.
827. *Бибиков М.В.* [Рец. на кн.: Петров А.Ю. Наталия Шелихова: У истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012] // Новая и новейшая Россия. 2013. № 6. С. 202–203.
828. *Возгрин В.Е.* [Рец. на кн.]: Базарова Т.А., Фомина Ю.Б. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб.: Мирь, 2011 // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2013. Вып. 4. С. 190–193.
829. *Гречаная Е.П.* [Рец. на кн.]: Ligne Charles-Joseph de. Correspondances Russes / textes reunis, introduits, établis et annotés par A. Stroev et J. Vercauysse. Paris: Honore Champion éditeur, 2013. 2 vol. // Новое лит. обозрение. № 2 (126). 2014. С. 396–397.
830. *Дёмин А.О.* [Рец. на кн.]: Перевод и подражание в русской литературе XVIII века: (междунар. конф. в ИРЛИ РАН 17–18 сент. 2012 г.). М., 2012 // Изв. Рос. акад. наук. Сер. Лит. и яз. 2013. Т. 72, № 3. С. 74–77.
831. *Дунаева Ю.В.* [Рец. на кн.]: Аксёнова Е.Ю. «Ученая леди»: общественно-политические и исторические взгляды К. Маколей (1731–1791). Самара: Самар. ин-т – Высш. шк. приватизации и предпринимательства, 2011 // Социальные и гуманитарные науки: Отеч. и зарубеж. лит.: реф. журн. Сер. 5: История. 2013. № 1. С. 122–126.
832. *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* [Рец. на кн.]: Турнаев В.И. Между властью и обществом: Социальная история Петербургской академии наук 1720–1740-х гг. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 670 с. // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2013. № 5. С. 186–187.
833. *Зиновьева Е.* [Рец. на кн.: Кибальник С.А. Античная поэзия в России: XVIII – первая половина XIX века: очерки. СПб.: Петрополис, 2012] // Нева. 2013. № 11. С. 247–248.
834. *Киселев А.А.* [Рец. на кн.]: Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012 // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 202–203.
835. *Корытный Л.М.* Первый русский географический словарь: [рец. на кн.: Географический лексикон Российского государства [1773 г.] / сост. С.С. Илизаров. М.: Янус-К, 2012] // География и природные ресурсы. 2013. № 3. С. 189–190.
836. *Кочеткова Н.Д.* Французский исследователь о «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина: [рец. на кн.: Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg: Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789).

- Strasbourg, 2011. 321 p. (Études orientales, slaves et neo-helléniques)] // Рус. лит. 2013. № 1. С. 221–226.
837. *Кротов П.А.* [Рец. на кн.: Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М.: Новое лит. обозрение, 2012] // Рос. история. 2013. № 4. С. 184–189.
838. *Кукушкина Е.Д.* Ломоносов в материалах и документах: [рец. на кн.: Новое о Ломоносове: материалы и исследования: к 300-летию со дня рождения / сост., отв. ред. С.С. Илизаров. М.: Янус-К, 2011] // Рус. лит. 2013. № 2. С. 259–263.
839. *Кучумов И.В.* [Рец. на кн.]: Natalizi M. La rivolta degli orfani: la vicenda del ribelle Pugačëv. Roma: Donzelli, 2011. 247 p. // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 182–184.
840. *Ляпина Л.Е.* [Рец. на кн.]: Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филол. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2013. № 4. С. 228–234.
841. *Малкин С.Г.* [Рец. на кн.: Киселев А.А. Рождение империи: Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв.] // Новая и новейшая Россия. 2013. № 4. С. 209–212.
842. *Мальчукова Т.Г.* [Рец. на кн.: Кибальник С.А. Античная поэзия в России: XVIII – первая половина XIX века: очерки. СПб.: Петрополис, 2012] // Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 2014. Т. 73, № 1. С. 51–55.
843. *Мауль В.Я.* Французский бунт: «бесмысленный» и «беспощадный»: Размышления по поводу одной книги: [рец. на кн.: Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции: Между Фрондой и Революцией. М.: ЛИБРОКОМ, 2012] // Рос. история. 2014. № 1. С. 188–194.
844. *Мироненко-Маренкова И.К.* [Рец. на кн.]: L'image de l'étranger / publ. sous la dir. d'A. Stroeve. Paris: Institut d'études slaves, 2010 (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves; LVIII) // Новое лит. обозрение. № 1 (125). 2014. С. 364–366.
845. *Пашкуров А.Н.* «Сия сердечный друг от Бога приими...» (И.-В. Паус): [рец. на кн.: Петров А.В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: очерки по ист. поэтике жанра. Магнитогорск, 2012] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 2. С. 257–259.
846. *Рейтблат А.* [Рец. на кн.:] Мельникова Е.А. «Воображаемая книга»: Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России [XVIII – начало XX в.]. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2011. (Studia Ethnologica; Вып. 8) // Новое лит. обозрение. № 6 (124). 2013. С. 386–387.
847. *Рейтблат А.* [Рец. на книги:] Патрушева Н.Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Северная звезда, 2011; *Она же.* Цензоры Российской империи: Конец XVIII – начало XX века: Биобиблиогр. справочник. СПб.: РНБ, 2013 // Новое лит. обозрение. 2013. № 4 (122). С. 377–380.
848. *Савченко Т.* [Рец. на кн.: Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: СПбГУ, 2011] // Вопр. лит. 2013. № 3. С. 464–467.
849. *Фадеева Т.М.* [Рец. на кн.:] Век Просвещения / отв. ред. С.Я. Карп. М.: Наука, 2012. Вып. 4. Античное наследие в европейской культуре XVIII в. // Социальные и гуманитарные науки. отеч. и зарубеж. лит.: Реф. журн. Сер. 5: История. 2013. № 3. С. 153–163.
850. *Щукин В.Г.* [Рец. на кн.:] Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011 // Вопр. философии. 2013. № 2. С. 170–176.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулина М.Ю. 138
Абрамзон Т.Е. 1, 92, 127, 139, 140, 814
Абрамов А.А. 124, 125
Абрамовских Е.В. 127
Аваков П.А. 133, 141
Август Сильный (133)
Аверинцев С.С. 97
Аветян Н.Ю. 810
Аврамов Е.М. (105)
Автухович Т.Е. 98
Агамалян Л.Г. 95
Агеева О.Г. 126, 136, 142–144
Агрatina Е.Е. 145
Адаменко О.Н. 100
Адодуров В.Е. (116)
Азизбаева Р.Е. 124, 125
Азнабаев Б.А. 126
Айзексон У. 2
Айрапетов О.Р. 3
Айсфельд О.В. 116
Айхенвальд Ю.А. (112)
Айше Д. 2
Акельев Е.В. 129, 134, 146
Акимова Т.И. 101, 102, 127, 147, 148
Акиншин А.Н. 133
Акифьева И.Ю. 127
Акишин М.О. 824
Аксаков С.Т. (104, 112, 127)
Аксёнов А.И. 149
Аксёнова Е.Ю. (831)
Алакшин А.Э. 150
Алдонина Н.Б. 127
Александр Д. 130
Александр Невский (590)
Александр I (674)
Алексеев А.А. 752
Алексеев В.В. 151
Алексеев В.Н. 101–103
Алексеев П.А. (97)
Алексеева Н.Ю. 93, 96, 137
Алексеевская А.И. 104
Алексей Михайлович (Тишайский) (19)
Алексей Петрович (124, 136, 547)
Аликова Е.А. 104, 117
Алитова Р.Ф. 152
Алпатова Т.А. 111, 112, 117, 127, 153
Алгашина В.Д. 154
Альбина Л.Л. 97
Альбрехтсберг И.Г. (770)
Альбрехт И.Ф.Э. (113)
Альперович М.С. 99
Альтшуллер М.Г. 137
Альхова А.В. 155
Амелёхина С.А. 156, 808
Амельченков В.Л. (неромонах Серафим) 128
Андреев А.А. 124, 125, 133
Андреев А.Л. 157
Андреев А.В. 113
Андреев А.Н. 150, 158–160, 724, 733
Андреев А.Ю. 161
Андреев Н.Ф. (305)
Андреева Е.А. 4, 5, 124, 125, 132, 133
Андреева Н.С. 125
Андреева О.С. 124
Андреева С.С. 162
Андреева Т.В. 12
Андреева Ю.С. 724
Андрянов А.А. 104
Андросов С.О. 6, 124, 125
Андреллы М. (121)
Анисимов Е.В. 7, 133
Анисимов М.Ю. 163–165
Анисимова Е.А. 114
Анкудинов И.Ю. 748
Анна см. Реткина А.В.
Анна Иоанновна (61, 124, 157, 187, 769)
Анна Леопольдовна (347)
Анненкова Е.И. 127
Антипова Н.В. 166
Антонов В.В. 167
Антропов Д.Н. 168
Арапов Д.Ю. 169
Армакова-Фонвизина Ф.И. (97)
Аристов В.В. 133
Аронова А. 170
Арсеньевы (125)
Артамонов Д.С. 110, 171
Артамонова Л.М. 172, 173
Артем-Александров К.В. 825
Арутюнян Ю.И. 174
Архангельская А.В. 127
Асоян А.А. 104
Астарит Дж. (101)
Астафьев В.В. 175
Атарова К.Н. 8
Аурова Н.Н. 176, 177
Афанасьев А.К. 715
Афанасьев М.Д. 178
Афиани В.Ю. 116
Афинская З.Н. 179
Ацуо Н. 180
Бабаева Е.Э. 96
Бабич И.В. 125
Бабич М.В. 124–126
Бабкова Г.О. 134
Багратиони И.Г. (259)
Багратион-Мухранели И.Л. 104
Баженов В.И. (320, 436)
Базарова Т.А. 126, 132, 181, 708, (828)
Байрд (Яценко) О.А. 101
Бакиров Р.А. 117
Бакмейстер И.Г. (277, 419)
Бакунин П.В. (727)
Бакшаев А.А. 182
Балашов А.Д. (800)
Балашова Е.Н. 99
Балашова Л.А. 108
Балезин А.С. 99
Баранникова Н.Б. 183
Бараш Дж. 184
Баринова Д.С. 115
Барнав А. (377)
Бартенев П.И. (103)
Бартеньева Е.В. 104
Баршай Ю. 9
Барятинский И.С. (97)
Басаргина Е.Ю. 114, 116
Баталин А.Е. 97
Бах И.С. (120)
Бахарева Н.Ю. 807
Бахтина А.А. 185
Безбородко А.А. (115)
Безнин М.А. 826
Безрогов В.Г. 183
Бекметов Р.Ф. 104
Белинский В.Г. (97)
Белобородов С.А. (66)
Белобров В.А. 125
Белов А.В. 186
Белова Т.А. 187
Белосельский (726)
Белоусов А.С. 188
Белькова А.А. 189
Бельев Н.С. 96
Бенаре Ж. (129)
Бенуа А.Н. (650)
Бердяев Г. (123)
Березницкий С.В. 190
Бёрк Э. (439)
Беркова К.Н. 97
Берлова М.С. 190
Берман Г.Ф. (654)
Бернарди Б. 737
Бернес Й. (714)
Берхгольц Ф.В. (119)

- Беспярых Ю.Н. 10
 Бестужев-Рюмин А.П. (727)
 Бецкой И.И. 97
 Бибииков М.В. 827
 Бибишева О.Н. 104
 Бион Н. (421)
 Биржакова Е.Э. 192
 Бирюков С.Н. 762
 Бисько А.Т. 104
 Бисько И.А. 104
 Бисько К.Т. 104
 Биткинова В.В. 117, 127
 Бицаева-Стоянова Р. 11
 Бландов А.А. 193
 Блинова Е.А. 194
 Блохина Н.Г. 108
 Блуменау С.Ф. 195
 Блэкстоун У. (134)
 Бобров Д.С. 196
 Боброк-Вольнский Д.М. (43)
 Бовыкин Д.Ю. 99, 197, 198
 Богданов А.И. 133
 Богданов В.И. 124, 125
 Богданович И.Ф. (117, 634)
 Бодрова А.С. 92
 Бодэн Р. 93
 Бокова В. 812
 Боленко К.Г. 12, 101
 Болотина Н.Ю. 112, 124, 199
 Болотов А.Т. (93, 96, 113, 123, 166, 185, 221, 494, 507, 731)
 Болховитинов Е.А. 97
 Бомарше П.О. Карон де (97, 208)
 Бондаренко Н.А. 104
 Бондарчук В.Г. 200
 Бондарь Л.Д. 116
 Боранбаева З.И. 104
 Борисов А.С. 201
 Боровиковский В.Л. (115)
 Боруруева Н. 269
 Борщ Е.В. (202, 203)
 Ботт И.К. 114
 Боуринг Дж. (104)
 Бочков И.И. 737
 Брагоне М.К. 137
 Браницкая Е.К. *см.* Воронцова Е.К.
 Бре П. 204
 Бреева Т.Н. 205
 Бренна В. (В.Ф.) (167)
 Бруглио, братья (107)
 Брусиловский Н.М. 206
 Брюс Я.В. (79)
 Бряничанинов С.А. (123)
 Буало Н. (241)
 Бугров К. 207
 Будыка Житкова О.К. 208–210
 Будюкин Д.А. 211
 Бузуева Д.В. 117
 Буйдий Н. (454)
 Булагов В.Э. 812
 Булгаева Г.Д. 212, 763
 Булгаков М.А. (108, 127)
 Буранок О.М. 13, 14, 104, 127, 213, 755
 Бурстин Х. (457)
 Бурькин А.А. 135
 Бутрин Е.С. 214
 Бутурлин Д.П. (104)
 Бухаркин П.Е. 93, 113, 135, 215, 815, 823
 Буянова Г.Б. 108
 Быкасов В.Е. 216
 Быкова Ю.И. 124, 125
 Бэкон (130)
 Вагеманс Э. 15, 133
 Вагнер Г.Л. 425
 Вадим Новгородский (171)
 Валансьен П.-А. 91
 Валентик А.И. 107
 Валуа М. де (102)
 Ванина Е.Ю. 99
 Ваньер Ж.-Л. (97)
 Васильев А.В. 119, 764
 Васильев С.А. 104, 117
 Васильева А. 806
 Васильева Т.А. 765
 Васильков С.В. 217
 Васкиневич А.И. 709
 Васянский Э.А.К. 709
 Вачева А. 93, 96
 Вашкау Н.Э. 116
 Вейзи М. 218
 Вейсе Х.Ф. (360)
 Велювенкамп Я.В. 812
 Вендитти М. 137
 Вереда Д. 219
 Веретенников В.И.
 Вёрёш Б 121
 Верн Ф. (93)
 Верне О. (102)
 Верхотуров А. (301)
 Верхотурова Н.А. 220
 Вершинин И.В. 127
 Веселого Ф.Ф. 742
 Веселова А.Ю. 93, 96, 113, 123, 137, 221, 731
 Веселовский И. (97)
 Ветушко-Калевич А.А. 135
 Вильбуа Н.П. (452)
 Винуус А. (812)
 Винкельман И.И. (396)
 Витсен Н. (125, 132)
 Вишнякова Ю.И. 222
 Владимиров И. 812
 Власов С.В. 113
 Власова М.В. 118
 Возгрин В.Е. 828
 Вознесенская И.А. 126
 Волер П.Ж. (677)
 Волков Л.В. 223
 Волков М.Я. (125)
 Волков С.С. 116, 135
 Волков Ф.Г. (72)
 Волкова Е.С. 766
 Волконский М.Н. (727)
 Володина Н.В. 123
 Волосюк О.В. 224
 Волошина О.А. 225
 Волошина-Сабашникова М.В. (117)
 Волхонский М.А. 3
 Волчков С.С. (368)
 Волчкова Е.В. 99
 Вольнская А.В. 135
 Вольнский А.П. (43, 126)
 Вольф К.Г. (96)
 Вольтер (18, 97, 98, 106, 137, 226, 247, 291, 398)
 Вольф Х. (135)
 Вордсворт У. (138)
 Воронихин А.Н. (309)
 Воронова Л.Я. 117
 Воронцов А.Р. (101)
 Воронцов М.И. (103, 114)
 Воронцов М.Л. (97)
 Воронцов С.Р. (25, 101)
 Воронцова Е.К. (101, 102)
 Воронцова-Дашкова А.К. (102)
 Воронцовы (101–103)
 Востоков А.Х. (95)
 Вуазенон (491)
 Вульфийус А.Г. 97
 Вунсел П. ванн (133)
 Вюртембергские (102)
 Вяземские (206)
 Вяткин Л.М. 226
 Габсбурги (династия) (121, 648)
 Гавинелли С. 128
 Гаврилина Н.А. 227, 228
 Гаврюшин Н.К. 229
 Гаджикурбанова П.А. 230
 Гайдн Й. (101)
 Гайсин Р.М. 104
 Галанин М.И. (86)
 Галанов М.В. 16
 Галанов М.М. 756
 Галимуллина А.Ф. 117
 Галлер А. фон (583)
 Галуппи Б. (210)
 Галян С.В. 106
 Гаман Г. 711

- Ганцева Н.Н. 231
 Гарднер Ф. (710)
 Гарманов И.А. 114
 Гартман И.-А. (113)
 Гебеи Ш. 121
 Гедиминовичи (548)
 Геннин Г.В. де (168)
 Генш Ф.В. (93)
 Георг IV (465)
 Герасимова В.А. 767
 Герасимова Л.С. 114
 Герье В.И. 97
 Гессен-Гомбургский Л. (126)
 Гессен-Дармштадтская Г.К. (717)
 Гёте И.В. (441, 790)
 Гефке Н.А. 232
 Гжебень Л.С.Ж. 128
 Гика З. (101)
 Гилязетдинова Г.Х. 233
 Гильманов В.Х. 234, 711
 Гистер М.А. 92
 Глухих А.А. 115
 Гоголь Н.В. (97, 265)
 Гогоцкий С.С. 97
 Гокина А.Г. 127
 Голеневский И.К. (92)
 Голенищев-Кутузов М.И. (727)
 Голицын Б.А. (125)
 Голицын М.М. (727)
 Голицын С.Д. (125)
 Голованова О.И. 236
 Головкин Ф.Г. (93)
 Головкин В.П. 17
 Головский Г.Н. 807
 Голубков М.М. 108
 Голушкин З.С. 97
 Гольденберг М.Л. 106
 Гончарова Т.Н. 98
 Гораций (108)
 Горбань О.А. 237
 Горбатенко С.Б. 125
 Горбачук Г.Н. 238
 Гордон Л.С. 97
 Горелкина О.В. 743
 Горелов А.С. 128
 Горницкая Л.И. 112
 Городницкий А.М. (117)
 Городнова Л.Е. 104, 108
 Горохова Е. 812
 Горшков Д.И. 239
 Горьковская З.П. 240
 Готовцева А.Г. 241
 Готовцова О.А. 242, 243
 Готтшед И.К. (135)
 Гоцковский И.Э. (726)
 Гребенюков Д.С. 768
 Грегуар-Бестужева Н. 104
 Грейг С.К. (103)
 Греч Н.И. (428)
 Гречаная Е.П. 130, 829
 Грибовский В.Ю. 742
 Грибоедов А.С. (92)
 Григорьева В.А. 127
 Григорьева Д.А. 91, 244
 Григорьева И.Л. 816
 Гримм Ф.М. (97)
 Гринков В. (414)
 Гриффитс Д. 18
 Громова Л.П. 820
 Гросул В.Я. 121
 Грот Я.К. (122)
 Грудева Е.В. 123
 Грязнова Н.В. 245
 Гужва А. 712
 Гузевич Д.Ю. 124, 125, 133
 Гузевич И.Д. 124, 125, 133
 Гуковский Г.А. 96
 Гулина Т.И. 66, 123
 Гусарова Е.В. 124, 125, 246, 247
 Гусев Ю.П. 121
 Гусева Н.Ю. 114
 Гусева С.Ю. 248
 Густав III (191)
 Гуськов А.Г. 121
 Гуськов Н.А. 249, 817
 Гутнов Д.А. 250
 Гуцин Ю.Г. 104
 Гюйссен Г. фон (121)
 Даен М.Е. 123
 Даламбер Ж.Л. (99)
 Далоль Дж. (726)
 Д'Амелия А. 45
 Даминова Ф.К. 104
 Данилевский Р.Ю. 93
 Данков М.Ю. 107, 124, 125
 Данченко В.Г. 251
 Данчук О.В. 252
 Дашков П.М. (101)
 Дашкова Е.Р. (22, 93, 98, 101–103, 127, 226, 364)
 Дашковы (101, 102)
 Двинятин Ф.Н. 113, 135
 Дворцова Н.П. 131, 253
 Девернуа Ф.-Ж. (239)
 Девиер А.Д. (118)
 Делейр (128)
 Делиль Ж.Н. (124, 125, 137)
 Делон М. 18а
 Демидов Д.Г. 254
 Демидов Н.А. 697
 Демидов П.А. (501)
 Демидовы (80, 455, 696, 799)
 Дёмин А.О. 93, 96, 137, 255, 830
 Демичев А.А. 256
 Демкин А.В. 257
 Демченко А.А. 127
 Демьяненко М.А. 769
 Денисенко С.В. 104
 Ден Дж. (389)
 Денисов В.В. 258
 Денисов Ю.Н. 108
 Деревленсков А.Г. 427
 Державин Г.Р. (48, 70, 82, 93, 95, 96, 104–108, 113, 115, 117, 121, 127, 268, 330, 398, 399, 416, 471, 506, 599, 637, 743)
 Державин К.Н. 97
 Дефо Д. (694)
 Дзюбанов С.Д. 105, 106
 Дехарт Б. 18
 Джавахишвили Н.Г. 259
 Джонсон С. (292, 512)
 Джурбаев Д.Х. 260
 Дидро Д. (96, 99, 110, 133, 154, 261, 339, 375, 376, 449, 450, 492)
 Дильтей Ф.Г. (24)
 Дмитрий Ростовский (779)
 Димсдейл (102, 391)
 Ди Сальво М. 93
 Дискин К.В. 770
 Длугач Т.Б. 261, 262
 Дмитриев А.В. 263, 264
 Дмитриев И.И. (111, 117, 687)
 Дмитриев И.С. 99
 Дмитриев Н.Н. (97)
 Дмитриева Е. 8а, 130, 265
 Дмитриева Т.Ю. 743
 Дмитриев-Мамонов А.И. 131
 Дмитрий Ростовский (380)
 Добренко А.А. 125
 Добрицын А. 130
 Довере У. 128
 Долгов А.А. 771
 Долгов Е.Б. 125
 Долгова С.Р. 100–102, 124
 Долгоруков И.М. (11, 100, 211)
 Долгоруков Я.Ф. (124)
 Долинин А. 120
 Домбровский Ю.О. (108)
 Дорицкий Л.Г. (620)
 Дорохова Н.Е. 98
 Дорошевич В.М. 97
 Достек Бехадур (125)
 Достоевский Ф.М. (70)
 Драгайкина Т.А. 266
 Дружинин А.В. (127)
 Друцкая М.В. 108

- Дрязгова К.В. 135
 Дубман Э.Л. 136, 267
 Дубровина С.Ю. 108
 Дубянский Ф.Я. (727)
 Дудина Т.П. 268
 Дудникова О.Г. 19
 Дудушева И.Н. 108
 Дунаева Ю.В. 831
 Дутов А.А. 118, 124
 Дюбо Б.А. 135
 Дюдон С. 269
- Евангулова О.С. (20)
 Евграф см. Татищев Е.В.
 Евсеева А.В. 111
 Евсеева Е.Д. 271, 772
 Егерев Т.А. 21
 Егоров В.И. 119
 Екатерина Алексеевна (390)
 Екатерина I (98, 125, 313)
 Екатерина II (6, 18, 19, 22, 82, 92, 96–98, 101, 102, 104, 107, 117, 118, 127, 134, 136, 147, 148, 169, 224, 240, 245, 295, 305, 359, 412, 435, 442, 458, 476, 477, 497, 498, 514, 532, 535, 558, 559, 586, 601, 602, 666, 674, 717, 726, 742, 789)
 Екуч У. 113
 Елепова М.Ю. 272
 Елизавета Алексеевна (718)
 Елизавета Петровна (114, 119, 129, 164, 313, 317, 445, 509, 661)
 Елисеева И.И. 273
 Елисеева О.И. 22, 101, 274
 Елькова Е. 812
 Емельянов Б.В. 818
 Емельянова А.В. 275
 Емельянова С.И. 276
 Епатко А.Ю. 125
 Еремина-Соленикова Е.В. 124, 125
 Ермолаева М.А. 67, 94, 277
 Еропкин П.Д. (97)
 Еропкин П.М. (456)
 Ерофеева Н.Е. 127
 Ефимова Ю.В. 278
 Ешан Е.Э. 730
- Жаклар В.В. 97
 Жаркова Н.Ю. 124
 Жбиковская-Мигонь А. (94)
 Ждыханова Г.А. 112
 Жевелева А.В. 819
 Железняк Е.А. 94
 Желицки Е.Б. 121
- Желтова Н.Ю. 108
 Жеравина А.Н. 279
 Жеребкова Е.В. 773
 Жесткова Е.А. 111
 Жиркова А.А. 101–103
 Житенёв С.Ю. 280
 Жук А.Д. 23, 281
 Жуков В.Н. 282
 Жуков К.А. 819
 Жукова А.Н. 283
 Жуковская А.В. 92
- Заболотная Н.В. 94
 Заборов П.Р. 93, 97, 137, 284
 Загваздин Е.П. 285
 Загороднева Ю.А. 774
 Занин С.В. 286, 737
 Зарецкий Ю.П. 24
 Затравкин С.Н. 99, 603
 Захаров А.В. 126
 Захаров А.С. 114
 Захаров В.Н. 134
 Захарова А.В. 91
 Захарова И.М. 114
 Захарова Н.Н. 287
 Захарова О.Ю. 25
 Зван А.Х. ван дер 812
 Зеленин А.В. 288
 Земскова Е.Е. 96
 Земцов М.Г. (125)
 Зильбер А.С. 289
 Зиновьев В.Н. (127)
 Зиновьев В.П. 832
 Зиновьева Е. 833
 Зицер Э.А. 126
 Златопольская А.А. 97, 137
 Зозулина Н.Н. 747
 Зорин А.Л. 92
 Зорин А.Н. 117
 Зотова О.Р. 117, 127
 Зубакин Б. (135)
 Зубар В. 712
 Зубов П.А. (485)
 Зыкова Е.П. 26
- Ибнеева Г.В. 290
 Иваницкий А.И. 104, 127
 Иванов А.Г. 721
 Иванов Д.А. 291
 Иванов И.А. (115)
 Иванов О.Е. 97
 Иванова Е.А. 273
 Иванова Е.В. 102
 Иванова Е.П. 135
 Иванова М.А. 713
 Иванова Н.А. 292
 Иванюк С.А. 293, 775
 Ивасютина М.А. 91
 Ивинский А.Д. 92, 102, 103, 127, 294, 295
- Ивинский Д.П. 296
 Игдавлетов И.С. 776
 Игнатьева Е.И. 124
 Измайлов В.В. (96)
 Илизаров С.С. (835, 838)
 Ильин Д.В. (834)
 Ильина С.В. 751
 Ильина Т.В. (118)
 Ильиченко Э.В. 98
 Инглот М. 128
 Иникова С.А. 297
 Иноземцева З.П. 112
 Иосиф II (497)
 Исаев И.А. 737
 Исаев С.А. 298
 Исаченко В.Г. 115
 Исаченко Е.Г. 113
 Искюль С.Н. 125, 718
 Ицкон Е.Е. 107
 Июльская Е.Г. 104
- Казаков М.Ф. (320)
 Казаков Р.Б. 27, 299
 Казаков Р.Р. (321)
 Казарцев Е.В. 300
 Казнаков С.Н. (114)
 Калиновская В.Н. 88
 Калита С.П. 696
 Калугина И.В. 115
 Кальницкая А.М. 108
 Камендровский В. 18
 Каменева Е.А. 28
 Каменецкая С.Б. 112
 Каменецкий И.П. 301
 Каменская Н.В. 108
 Каменский А.Б. 18, 92, 99
 Каменский М.Ф. (727)
 Кандорский И.М. 97
 Кант И. (40, 184, 230, 289, 372, 572, 593, 709, 711, 774)
 Кантемир А.Д. (48, 96, 121, 495, 660)
 Кантор В.К. 29
 Капальдо М. 45
 Капарулина О.А. 118
 Капнист В.В. (104, 107, 115, 255)
 Каравашкин А.В. 127
 Карамзин Н.М. (27, 48, 55, 68, 92, 93), 97, (111–113, 116, 120, 127, 137, 153, 155, 180, 229, 299, 302, 307, 360, 363, 367, 450, 482, 483, 538, 539, 584, 681, 723, 794, 836)
 Карданова Н.Б. 30, 757
 Карев А.А. 118
 Карева Н.В. 113, 135

- Кареев Н.И. 97
 Кареева Н.Д. 118
 Каржавин Е.Н. (352)
 Каржавин Ф.В. (351)
 Каримиан Ф. 679
 Карл VI (199, 316)
 Карл XII (87, 98)
 Карман Г. 121
 Карнишина Л.М. 302
 Карп С.Я. 99, (849)
 Карпачев С.П. 303
 Карпова Е.В. 114, 118
 Карпова И.Б. 103
 Карпова И.Л. 304
 Каргашева Е.И. 117
 Касаткин В. 305
 Касумов оглы Р.И. 306
 Катона Ч. 121
 Кауфман А. (659)
 Кафанова О.Б. 307
 Каховский (297)
 Качанов Ф.Р. (86)
 Качин Н.А. 308
 Кащенко С.Г. 31
 Кванц И.И. (719)
 Кваренги Д. (481)
 Кедринский А.А. 32
 Кейзерлинг Г.К. (103)
 Кёнингсек-Ротенфельс Л.-Й. (714)
 Киавери Г. (124, 626)
 Кибальник С.А. (833, 842)
 Кившенко А.Д. (102)
 Кинзябудатова Г.Р. 290
 Кинсберген Я.Х. ванн (812)
 Кириллина С.А. 99
 Кириченко Е.И. 309
 Кирпичникова А.А. 117
 Кирюшкина В.В. 110
 Киселев А.А. 42, 834, (841)
 Киселев М.А. 109, 126, 134, 310, 311
 Киселева М.С. 850
 Киселева О.А. 821
 Кислицына О.С. 114
 Кислова Е.И. 137, 312, 313
 Кистанова А.В. 104, 117
 Киясов С.Е. 110, 314, 315
 Клейн И. 93, 96
 Клейтман А.Л. 116
 Клемешев А.П. 40
 Клепикова Л.В. 316
 Клепцова А.А. 104
 Клименко С.В. 118, 317
 Клименко Ю.Г. 118, 318–320
 Клиндер Ф.М. (778)
 Клодиус Х.А. (96)
 Клушин А.И. (93)
 Клюкина А.В. 321
 Ключевский В.О. (112)
 Княжнин Я.Б. (93, 127, 137)
 Кобзарева Е.И. 121
 Кобищанов Т.Ю. 322
 Кованов К.В. 33
 Ковех А.В. 323
 Ковригина В.А. 125
 Козицкий Г.В. (137)
 Козлов А.Е. 324
 Козлов В.П. 112
 Козлова Н.В. 325, 738
 Козлова О.В. 327
 Козлова Ю.А. 328, 329
 Козляков В.Е. 330
 Койтен А.А. 96
 Койринов А.Ф. (727)
 Колганова Е. 812
 Колесников И.Н. 331
 Колесникова С.Ю. 332
 Колесов В.В. 88
 Колмогорова Е.Е. 91
 Колоколов Ф.И. (96)
 Колосков А.Н. 333
 Колотушкин А.А. 334, 335
 Колчинский Э.И. 99
 Кольшиницына Н.В. 133
 Комарова Н.А. 111
 Комлева Е.В. 336
 Конанова Е.И. 34
 Конев А.Ю. 337
 Конингсбрюгге Х. ван 35, 133
 Конкина Л.С. 127
 Коновалова Е.Н. 77
 Коняшкина Т.А. 99
 Копанев Н.А. 97, 98, 137, 338, 339
 Копанева Н.П. 114, 137, 340, 341, 744
 Копелев Д.Н. 36, 342
 Копосов Л.Ф. 343
 Копцев И.Д. 372
 Коренев Д.М. (123)
 Коренцвит В.А. 124, 125
 Корзо М.А. 344, 345
 Корзо С. 128
 Корзун С.Г. 121
 Кормилов С.И. 48
 Корндорф А.С. 758
 Корнель П. (96)
 Корнильевы (131)
 Коробова Л.С. 115
 Коровин В.Л. 346
 Коровин С.М. (125)
 Королёв С.В. 347
 Корсаковы (118)
 Корф Н.А. (114)
 Корчмина Е.С. 348
 Корытный Л.М. 835
 Корышев М.В. 113
 Косарева М.Н. 114
 Коскина Н.А. 777
 Космолинская Г.А. 349–352
 Костанова А.В. 127
 Костин А.А. 93, 96, 137, 353–355
 Костина И.Д. 356
 Костина Т.В. 95, 116
 Костров Е.И. (104)
 Костышин Д.Н. 722
 Костюк О.Г. 114, 124
 Костяшов Ю.В. 357
 Котлубицкий Н.О. (598)
 Кочегаров К.А. 358
 Кочережко С.С. 136, 359
 Кочеткова Н.Д. (93), 94, 95, 96, 112, 123, 137, 360–367, 836
 Кочубей М.В. (115)
 Кошелева О.Е. 128, 134, 368, 369
 Кошиенко И.В. 96, 106
 Кравченко О.С. 563
 Крафтер Ф. (366)
 Краченко О.А. 104
 Крашенинков С.П. (216)
 Крейбийон К.П. Жолио, сын (98)
 Крекшин П.Н. (109)
 Кретова Е.Д. 113
 Кривошеева И.В. 104
 Крих А.А. 746
 Кром М.М. 134
 Кромер М. (561)
 Красиков А.Н. 370
 Красильникова М.В. 778
 Красняков Н.И. 371
 Красовский А.А. (727)
 Краузе И. 372
 Краус Х.Я. (711)
 Крестинин В.В. (727)
 Криворучко А.С. 373, 374
 Крих А.А. 746
 Кросс Э. 93
 Кротов А.А. 375–377
 Кротов П.А. 37, 38, 97, 109, 125, 378, (824), 837
 Круглов А. 379
 Круглова А. 119
 Круликовска А. 128
 Крулов В.М. 113
 Кружных Ю.Н. 105
 Крылов А.О. 380, 779
 Крылов В.Н. 111
 Крылов И.А. (117, 130)
 Крылов Н.С. 106
 Крылова С.В. 381, 382
 Крючкова М.А. 39
 Кубышина Н.Н. 104

- Кудзевич Л.В. 124
 Кудоярова Л.В. 116
 Кузнецов В.Н. 97
 Кузнецов С.О. 427
 Кузнецова И. 18а, 709
 Кузнецова И.Е. 192
 Кузнецова И.С. 40
 Кузовкова М.В. 116
 Кузьмин В.К. 111
 Кузьмина М.Ю. 112
 Кукушкина Е.Д. 93, 96, 137, 838
 Кулакова И.П. 41, 383
 Кулбахтин С.Н. 384
 Кулибек топчи-башн (124)
 Кулибин И.П. (101)
 Куракин Б.И. (126)
 Курбакова Е.В. 104
 Курбатов О.А. (134)
 Курганов Н.Г. (96, 576)
 Курилова А.Д. 135
 Курлаев Е.А. 385
 Курукин И.В. 126, 129
 Кустова Е.В. 386–388
 Кутателадзе О. 712
 Кучумов И.В. 18, 80, 521, 839

 Лабзин А.Ф. (96, 111, 741)
 Лабзина А.Е. (93)
 Лабутина Т.Л. 42, 102, 103, 389–392, (84)
 Лабынцев Ю.А. 94
 Лавицкая М.И. 393
 Лавринович М.Б. 134
 Лагарп Ф.-С. (161)
 Лазарев Я.А. 310, 394
 Лаптева Т.А. 125
 Ларюшкин О.В. 780
 Лафон Ж. де (137)
 Левина В.Н. 108
 Лаврентьев А.В. 43
 Лавринович М. 18
 Лазарев Я.А. 126
 Лазарчук Р.М. (123)
 Лапин В.В. 133
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 93, 96, 105, 395, 396
 Лаптева Т.А. 126
 Лаптун В.И. 397
 Ларионов А.А. (неродиакон Родион) 128
 Ларионовы (336)
 Ларкович Д.В. 106, 107, 117, 398, 400
 Ларокка Дж. 137
 Ларюшкин О.В. 401–403
 Ласси П.П. (124)
 Лаух К.И. (560)
 Лебедев Г.С. (225)
 Лебедев П.А. 44
 Лебедев С.К. 132
 Лебедева Е.И. 99
 Лебедева О.Б. 45, 46
 Леблон Ж.-Б.-А. (318)
 Лебрен Ж.-Б. (676)
 Левашев В.Я. (727)
 Левека П.-Ш. (98)
 Левина И.Н. 135
 Левитт М. 404, 405
 Левшин В.А. 97
 Легран Н. (118, 320)
 Лейбниц Г.В. (132, 135, 316)
 Леменева Е. 18
 Лемешев К.Н. 137
 Леннквист Б. 406
 Леонов В.П. 133
 Леонов О. 119
 Леонова М.К. 47
 Ленин В.И. (112)
 Леонтьева А.А. 407
 Леонтьева Г.А. 822
 Лепехин М.П. 111
 Лермонтов М.Ю. (108)
 Лерхе И.Я. (116)
 Лесли О.Н. 408
 Лесли С.И. (408)
 Лессинг К. (425)
 Летуновский Е.А. 409
 Лефельдт В. 116
 Лехович Т.Н. 114
 Лещиков В.Н. 735
 Лещиловская И.И. 101, 103
 Либан Н.И. 48
 Лиманская Л.Ю. 410
 Линник Ю.В. 107
 Лисейцев Д.В. 134
 Лисенков Е.Г. (200)
 Лисенкова Ю.Ю. 411
 Литвин А. 119
 Литвин Т.А. 412, 413
 Лифшиц А.Л. 414
 Лиштенан Ф.-Д. 129, 415
 Логвинова И.В. 416
 Логунова Н.В. 77
 Локк Дж. (103)
 Ломако Е.Л. 49
 Ломоносов М.В. (29, 48, 66), 97, (98, 113, 114, 127, 132, 135, 137, 140, 151, 250, 272, 277, 282, 283, 296, 300, 341, 346, 404, 410, 428, 487, 528, 591, 654, 795, 838)
 Лопатин В.С. 417
 Лопато М.Н. 114
 Лопатухина И.Е. 101–103
 Лопухин А.П. 97
 Лоскутова Д.Н. 108
 Лосовски Я.З. 418
 Лотман Ю.М. (92)
 Луков Вл. А. 127
 Луначарский А.В. 97
 Лупанова Е.М. 114, 419–421
 Лыдин Н.Н. 781
 Львов Н.А. (93, 104, 105, 115, 117, 633)
 Львов П.Ю. (137)
 Львова А.П. 115
 Львовы (115)
 Лвбжин А.И. 422
 Люблинский В.С. 97
 Людовик XVIII (197)
 Люзебринк Х.Ю. 99
 Люстров М.Ю. 50
 Лютер М. (724)
 Лявшук В. 128
 Ляпина Л.Е. 840
 Ляхова Л.В. 114
 Ляшко З.Х. 47

 Магницкий М.Л. (105)
 Мазепа И.С. (708)
 Мазурок О.И. 115
 Майков В.И. (458)
 Майоров А.П. 77, 423, 424
 Макаров А.Н. 425
 Макаров Б.С. 124, 125
 Макаров Д.В. 112
 Макаров Е.П. 426, 782
 Макаров П.И. (113)
 Макаров Ю.Н. 427
 Макарова Л.Е. 428
 Макарова Н.Н. 429
 Макарова Р.В. 112
 Маколей К. (831)
 Малиновский К.В. 725, 726
 Малинкин Е.М. 783
 Малкин С.А. 430, 431
 Малкин С.Г. 121, 432, 759, 841
 Малова Т.И. 124, 125
 Малых А.Е. 433
 Мальшев В. 119
 Мальшева И.А. 122, 192
 Малыгин П.Д. 748
 Мальгин Т.С. (111)
 Мальцева С.В. 91, 118
 Мальчукова Т.Г. 842
 Маматова М.Г. 113, 135
 Мамауркина О.В. 434
 Мамеев С.Н. 131
 Мамсик Т.С. 435
 Мандевиль Б. (33)
 Манерова К.В. 113, 116, 135
 Манин Ю.А. 436
 Марасанова В.М. 437
 Марасинова Е.Н. 92, 438
 Маргарян Л.Е. 439
 Мария Федоровна (19)

- Маркина Е.Е. 112
 Марков В.А. 440
 Маркова М.А. 31
 Маркова О.П. 112
 Мармонтель Ж.Ф. (209)
 Марова Е.Б. 441
 Марпергер П.Я. (194)
 Мартынов А.Е. (806)
 Мартынов В.Ф. 442
 Маруци П. (101, 103)
 Марштупа Г. 812
 Маслова А.Г. 51, 104, 108, 443, 444
 Матвеев А.М. (17)
 Матвеев В.Ю. 810
 Матвеев Е.М. 113, 135
 Матяш С.А. (840, 848)
 Мауль В.Я. 54, 843
 Махмудова К.З. 760
 Махрачева Т.В. 108
 Махровская Н.Н. 115
 Мацюта П.А. 445
 Машакин А.И. 231
 Мегорский Б.В. 124, 125
 Мезин С.А. 96, 98, 110, 124, 125, 133, 446–453
 Мейер М.С. 99, 121, 454
 Мейер Х. (118)
 Мелихов А.М. 97
 Мельникова Е.А. 846
 Мельникова И. 18а
 Мельцин М.О. 100
 Мельчакова О.А. 455
 Мельянцев В.А. 99
 Меншиков А.Д. (4, 5, 101, 118, 124, 125, 132, 580, 708)
 Меншиковы (93)
 Мерзляков А.Ф. (428)
 Мерлин Д.А. (119)
 Месарош К. 121
 Мессерштитт Д.Г. (116, 340, 588)
 Местр К. де (284)
 Метастазии П. (93)
 Мещерские (206)
 Мещерский Е. (124)
 Мещеряков А.Н. 99
 Мещерякова А.О. 101
 Мизер (726)
 Милка А. 120
 Миллер Г.Ф. (116, 232, 591)
 Мильков В.В. 456
 Мильков В.И. 456
 Милюгина Е.Г. 117
 Минаков С.Т. 52
 Минар Ф. 134
 Минеева Ю.В. 204
 Минералов Ю.И. (117)
 Мирабо О.Г.Р. де (130)
 Миролобова Г.А. 114, 810
 Мироненко-Маренкова И.К. 844
 Мисси Ж. Р. де (448)
 Митрофанов А.А. 18, 457
 Михайлов А.А. 125
 Михайлова М.Б. 481
 Мицюк Н.А. 102
 Мишина Е.А. 118
 Моисеева А.А. 458
 Моисеева Г.Н. (117)
 Моисеева С.В. 53
 Моисеева Т.М. 132
 Мокина Т.М. 459
 Мольмар Л.В. 121
 Монахова М.В. 784
 Монтескье Ш.Л. (179, 608)
 Мопу Р.-Н.Ш.О. де (134)
 Морков А.И. (685)
 Морозова Е.В. 105, 106
 Морозова Н.Г. 127
 Морозова Н.П. 95, 105, 106
 Морохин А.В. 54
 Морхоф Д. (135)
 Моряков В.И. 460
 Московкин Л.В. 113
 Мосхури И.В. 461
 Моторины (356)
 Мофа А.В. 785
 Моцарт В.А. (784, 786)
 Мошкова Л.В. 462
 Мстиславская Е.П. 98
 Мукосеева Я.Ю. 463
 Мулина С.А. 746
 Муравьев В.Б. 55
 Муравьев М.Н. (93, 104, 117, 123, 127, 137)
 Муравьева Н.М. 108
 Муратова С.Р. 464
 Муратори Л.А. (128)
 Муромская Е. 465
 Мустафазаде Т.Т. 466
 Муханов В.М. 3
 Мухин О.Н. 56, 467
 Мухотина Н.А. 468, 469
 Мясниковы (384)
 Навроцкий А. 104
 Нагаев И.М. 112
 Нагина Д.А. 786
 Нагодкина С.А. 787
 Назарова Г.Х. 788
 Наполеон I (204, 322, 399)
 Наседкин Е.Н. 134
 Наталья Алексеевна, княгиня (54)
 Науменко В.Г. 94
 Науменко С.В. 470
 Наумов О.Н. 729
 Наумова В.С. 91, 118
 Небольсина М.В. 104
 Неверов А. 39
 Невская Д.Р. 96
 Негруццо С. 128
 Недоспасова А.П. 125
 Неклюдова М. 120, 130
 Некрасов В.В. 737
 Некрасов С.М. 95, 106, 471
 Нелипович С. 119
 Нельсон Г. (9)
 Неменский О.Б. 121
 Немировская И.Д. 104
 Ненашева Л.В. 472
 Нестеров С.Б. 473
 Нефёдкин А.К. 116
 Нефедов С.А. 474
 Нехаев А.В. 475
 Нивьер А. 129
 Никитин И.Н. (17)
 Никитина А.Б. 115
 Никитина А.Ю. 476, 477, 789
 Никитина Т.Л. 152
 Николаев В.П. 99
 Николаев Н.И. 478
 Николаев С.И. 93, 96, 137, 479
 Николаева А.Н. 480
 Николаева В.В. 114
 Николаева М.В. 57, 125, 481
 Николаева Н.В. 743
 Николаева С.Ю. 108
 Николай I (102)
 Николайчук Д.Г. 482, 483
 Николлина Н.А. 484
 Никольский Е.В. 104
 Никонов О.А. 485
 Новеньков К.И. 112
 Новиков В.И. 115
 Новиков Н.И. (48, 94, 117, 127, 362, 618, 825)
 Новоселов Н.В. 125
 Новоселова В.А. 107
 Ногес Б. 128
 Нойгебауер Т.А. 790
 Носов Б.В. 358
 Нурдин Ю. 134
 Обухова Ю.А. 791
 Овидий (137)
 Одар Ж.-Д.-Ж. (101)
 Ожерельева М. 115
 Озаровский Ю.Э. (114)
 Озова Ф.А. 486
 Оларий А. (125)
 Ольденбургские (103)
 Омельченко О.А. 58
 Онегин Н.С. 114
 Орлов А.Г. (101)
 Орлов В.В. 99

- Орлов Ф.Г. (101)
 Орлова А.П. 109
 Орловы (44)
 Осипов Д.В. 114
 Осипов Н.П. (617)
 Осокина Н.Н. 487
 Островских И.Н. 104, 117
 Осьмухина О.Ю. 127, 488
- Павел I** (16, 18, 105, 119, 541, 577, 578, 586, 598, 646, 734, 742, 756, 807)
 Павлинская Л.Р. 489
 Павлов В.Е. 115
 Павлова Е.С. 105
 Паллас П.С. (116, 463, 683)
 Панарина Т.В. 94
 Панин Н.И. (18)
 Панины (44)
 Панченко Е.З. 490
 Панюта С.И. 491
 Папп Ш. 121
 Парамонова М.К. 104
 Пастухов А.Х. 697
 Пастушенко Л.М. 59
 Патрушева Н.Г. (847)
 Паукнер Е.Э. 792
 Паус И.-В. (845)
 Пахсарьян Н. 492
 Пашков А.М. 133, 493
 Пашкова А. 493
 Пашкуров А.Н. 117, 127, 845
 Пезенти М.К. 137
 Пенькова Е.А. 494
 Перепечаева Л.Б. 133
 Перечичкая С.Л. 793
 Перини О. (137)
 Перова Т.Д. 116
 Перри Дж. (392)
 Перро Ф. 60
 Петере Т.П. 102
 Петик И.Ф. 495
 Петикян С.Г. 533
Петр I (6, 10, 15, 29, 30, 34, 56, 57, 63, 84, 87, 97, 98, 104, 118, 121, 124–127, 132–134, 136, 160, 199, 226, 267, 293, 328, 329, 332, 341, 358, 378, 389, 392, 397, 446–448, 451, 453, 467, 473, 474, 527, 548, 557, 567, 575, 587, 602, 607, 625, 627, 636, 695, 720, 730, 742, 757, 812, 828)
 Петр II (125)
 Петр III (19, 39, 100, 558, 686, 726)
 Петров А.В. 127, (845)
 Петров А.Ю. (826, 827)
 Петров В.П. (294, 296)
 Петров М.К. 496
 Петрова З.М. 752
 Петрова Л.М. 108
 Петрова М.А. 128, 497, 498
 Петрова О.Ю. 114
 Петрова Т.А. 499
 Петрухинцев Н.Н. 61, 126
 Печникова А.Ф. 115
 Пивненко Р.Р. 107
 Пивовар Е. 136
 Пизери М. 128
 Пикте Ф.-П. (98)
 Пименова Л.А. 99, 128, 134
 Пинковский В.П. 500
 Пиранези Дж. Б. (71)
 Пирогова Е.П. (66, 501)
 Пирютко Ю.М. 115
 Писарев А.А. (106)
 Писарев Д.И. 97
 Писарев С. (522)
 Писарева В.А. 133
 Писаренко К.А. 714, 716, 727
 Писарькова Л.Ф. 134
 Пискачатор Н.И. (125)
 Пискунова С.В. 108
 Питтони Дж. Б. (726)
 Питулько Г.Н. 502
 Пичугин П.В. 503
 Плавинская Н.Ю. 99
 Плотникова Н.Ю. 761
 Платон (Левшин П.Г.) (97, 362)
 Платонова Е.К. 112
 Платонова Н.В. 98
 Плетнева А.А. 504
 Плотникова М.М. 62
 Победоносцев П.В. (97)
 Подобедов А. (430)
 Познахирев В.В. 505
 Полевщикова Е.В. 101, 102
 Полетика Г.А. (542)
 Поликарпов-Орлов Ф.П. (523, 524)
 Полонский Д.Г. 126
 Полосина А.Н. 98
 Польской С.В. 126
 Полякова Л.В. 108, 506
 Поляхова Е.Н. 101, 103
 Понкрашова О.В. 507
 Пономарева М.В. 113
 Попадюк С.С. 508
 Попова Е.В. 794
 Порошин С.А. 734
 Посацкий А. 128
 Посошков И.Т. (528)
 Поспелов Г.Н. (112)
 Постернак К.В. 509–511
 Потапова Г.Е. 113
 Потемина Н.А. 512
 Потёмкин Г.А. (18, 113, 715)
 Починская И.В. 86
 Привалов М.В. 513
 Приёмывшева М.Н. 95
 Приказчикова Е.Е. 101–103, 514
 Принцева Г.А. 114
 Прокопенко Я.И. 126, 134, 515
 Прокопович Феофан (13, 14, 127, 213, 344, 609, 755)
 Прокофьева Е.А. 127
 Проскурин О.А. 92, 120
 Протасова Л.И. 108
 Протопопов В.М. (93)
 Прусская Е.А. 516
 Пряхин Ю.Д. 517
 Пряшников М.П. 101–103
 Птицын А.Н. 518
 Пугачев Е.И. (100, 119, 136, 359, 521)
 Пудов Г.А. 519
 Пузанкова С.Н. 795
 Пузыкин М.В. 520
 Пунин А.Л. 63
 Путятин И.Е. 115
 Пушкин А.С. (93), 97, (102, 117, 137)
 Пушкины (103)
 Пфандцелт Л.К. (114)
 Пчелов Е.В. 101–103
- Радау М.** (137)
 Радзивилы (135)
 Радищев А.Н. (29, 48, 93, 96, 127, 274, 450, 513, 802)
 Радлов Э.Л. 97
 Раев М. 521
 Раевский-мл. Н.Н. (102)
 Разживин (Ключевский) А.И. 117, 127
 Разумовский К.Г. (91, 103, 118, 726)
 Рак В.Д. 93, 131
 Ракоци Ференц II (121)
 Рамазанова Д.Н. 522–524
 Расин Ж. (96, 137)
 Растрелли Б.Ф. (727)
 Растелли Ф.Б. (510)
 Растягаев А.В. 525, 581, 582
 Рахаев Д.Я. 526
 Рахимов Р.Н. 64
 Рахманинов И.Г. 97
 Рахманова Л.А. 117
 Рашитова О.А. 133
 Реброва Р.В. 125
 Редин Д.А. 126, 134, 527
 Редькин В.А. 108
 Рейналь Г.-Т. (96)

- Рейнольдс Дж. (110)
 Рейтблаг А. 846, 847
 Ремезов С.У. (99)
 Ренне Е.П. 114
 Реткина А.В. (738)
 Ржевский А.А. (137)
 Ржеуцкий В.С. 99
 Рижский И.С. (428)
 Рихман Г.В. (114)
 Ричардсон У. (717)
 Робертсон У. (439)
 Рогачевская М.А. 528
 Рогожин Н.М. 121
 Рогозин И.И. 16
 Рогулин Н.Г. 65
 Родде Я. (113)
 Родионова Г.В. 125
 Рожкова Т.И. 529–531
 Рознотовский Е.В. 97
 Романкевич И.А. 532
 Романов Д.А. 95
 Романов Е.П. (727)
 Романовская В.Б. 533
 Романовы, династия (19, 124, 136, 547, 559, 718, 726)
 Романычева И.В. 112
 Ромм Ж. (657, 672)
 Рошин В.К. 15, 35
 Рослин А. (145)
 Росси Л. 93, 137, 534
 Ростовцева Ю.А. 535, 536
 Ростопчин Ф.В. (101)
 Рубан В.Г. (137)
 Рудакова Ю.К. 537
 Рудеев А. (141)
 Руденко И.В. 750
 Рудковская И.Е. 538, 539
 Руднев Д.В. 94, 113, 288, 540–544, 796
 Румберг Г. см. Лаух К.И.
 Русаковский В.К. 545
 Руссо Ж.-Ж. (97, 137, 153, 203, 262, 269, 286), 737
 Рыбаков Л.А. 546
 Рыгалина М.Г. 797
 Рыженков М.Р. 136, 547
 Рыков А.В. 118
 Рыкова Е.К. 127
 Рындин И.Ж. 548
 Рычаловский Е.Е. 129
 Рэкселл Н.У. (717)
 Рюриковичи (548)
 Рябова Г.Н. 549
 Рязанцев И.В. 550
 Савельев Ю.Р. 100
 Савельева Е.А. 135
 Савенкова В.М. 551
 Саверкина И.В. 124, 125
 Савченко Т. 848
 Сазонова Л.И. 137
 Салимон В.Ю. 798
 Салова С.А. 104, 106, 112, 127, 552–554
 Салоники Н.В. 816
 Салтыков А.М. (96)
 Салтыков С.В. (727)
 Самарин А.Ю. 66, 67, 555
 Самборский А.А. (102)
 Самсонова Н.Ф. 115
 Самыловская Е.А. 124, 125, 556
 Санников И.А. 127
 Сапченко Л.А. 68, 111, 112
 Сафин Ф.Ю. 557
 Сафонов М.М. 98, 101, 103, 136, 558–560
 Сафронова А.М. 69, 561, 562–564
 Свердлов М.Б. 98, 565
 Светлов В.П. (470)
 Севастьянова О.В. 566
 Северюхин Д. 567
 Сегал-Рудник Н.М. 568
 Седов П.В. 134, 569
 Секфю Д. (121)
 Селина Е.С. 811
 Семенова Г.В. 115
 Семенова Т.Б. 118
 Семиволкова А.М. 570, 571
 Семякин М.Н. 572
 Сеницкий Л. (678)
 Сент-Эвремонт Ш. де (120)
 Сенявин У.А. (125)
 Сергазина К.Т. 124
 Сергеев Г.С. (118)
 Сергеев М.Л. 135
 Сергеева Г.И. 124, 125
 Сергиенко С.В. 108
 Сердюк И.А. 100
 Серебрякова Н.Я. 101, 102, 115
 Середа Н.В. 573, 574
 Сержантова В.А. 108
 Серман И.З. 70, (361, 367, 568)
 Серов Д.О. 126, 134, 575, 740
 Силонова О.Н. 799
 Симакос С.П. 131
 Синелобов А.П. 822
 Синельникова Г.П. 576
 Сионова С.А. 104, 117
 Сиповская Н.В. 577, 578
 Сироткин С.В. 730
 Скворода Г. (113)
 Скворцова Е.А. 91
 Скибинская О.Н. 579
 Скрыдлов А.Ю. 800
 Славнитский Н.Р. 124, 125, 133, 580
 Сложеникина Ю.В. 581, 582
 Смекалина В.В. 583, 584, 801
 Смелянская Е.Б. 99, 585
 Смирнов А.А. (117)
 Смирнова А.С. 135
 Сморгунов В.В. 586
 Смержевских-Смирнова М. 120, 587
 Соболев В.С. 588
 Со Кван Чжин 802
 Соколов А.Б. 589
 Соколов А.И. 122
 Соколов Б.М. 115
 Соколов Р.А. 590
 Соколов С.В. 591
 Соколов Ю.Б. 592
 Соколовы (96)
 Солнцев Н.В. 593
 Соловьев А.Ю. 93, 96, 568, 594
 Соловьев Д.В. 718
 Соловьева Е.Е. 123
 Соломатина Н. 806
 Соломеин А.Ю. 98
 Солощева М.А. 595
 Сомов В.А. 95
 Сорокин В.Б. 596
 Сорокин Ю.А. 597, 598
 Сорокина Н.В. 599
 Сорокина Н.И. 71
 Соснора В. (127)
 Сотавов Н.А. 600
 Софьина А.В. 117
 Спащанский А.Н. 717, 739
 Станюкович-Денисова Е.Ю. 91, 118
 Старикова Л.М. 72
 Старкова Л.А. 103
 Старкова Л.К. 601
 Старовойтова О.А. 122
 Стародубцев М.П. 73, 602
 Стегний П.В. 74
 Степанская А.Г. 75
 Степанская Т.М. 75
 Стерн Л. (8)
 Сточик А.М. 99, 603
 Стратилатов Б.Г. 124
 Страхов Н.Н. 97
 Стрижѳв А.Н. 741, 745
 Строганов А.С. 102
 Строганов М.В. 92, 104, 112
 Строганова Е.Н. 107
 Строганова Т.В. 604
 Строев А.Ф. 98, 129
 Струкова Т.В. 605
 Стрюйс И.И. (125)
 Суворов А.В. (52, 104)
 Суворов П.И. (546)
 Сузи В.Н. 104, 107
 Сукайло В.А. 723

- Сулица Е.И. 127, 606
 Суляк С.Г. 607
 Сумароков А.П. (1, 48, 93, 98, 104, 113, 137, 139, 140, 249, 354, 373, 478, 525, 529–531, 553, 581, 605, 623)
 Супрунова Д.А. 104
 Сутягина А.Ю. 104
 Сухоруков К.М. 67
 Сучилин В.Н. 608
 Сытин А.К. 116
- Табак Ю.** 81
Таёжная Л.Я. 102
Таирова-Яковлева Т.Г. 708
Тараканова О.Л. 94
Тардьё А. (566)
Тарле Е.В. (121)
Тарушвили Л. 115
Татарников К.В. 119, 749
Татищев В.Н. (308, 561, 562, 564, 710, 736, 738)
Татищев Е.В. (738)
Ташенко Т.Н. (134)
Твердышевы (384)
Тверьянович К.Ю. 823
Теппер де Фергюсон Л.-В. (101)
Терецкий К.М. 99
Терешкина Д.Б. 609
Терешкина О.Л. 610
Терюков А.И. 132
Тетермазова З.В. 91
Тираспольская А.Ю. 111, 113
Ткачева Н.В. 135
Ткаченко Ю.В. 128
Токарева Е. 128
Токарева М.Л. 115
Токарчук Р.Е. 76, 803
Толстой Л.Н. (98)
Томсинов В.А. 720
Топий-Стемпинска Б. 128
Тополова О.С. 117, 127, 611–614
Торопицын И.В. 615, 710, 736
Торопов А.Н. 616
Тот Ф. 121
Трахтенберг Л.А. 92, 617, 618
Тревогин И.И. (536)
Тредиаковский В.К. (48, 104, 130, 215, 406)
Трефилов Е.Н. 134
Тризно О.А. 804
Трофимова Н.С. 133
Трофимова О.В. 77
Трофимук М.С. 135
Трубецкой Н.Ю. (727)
Тулубьев Н.Е. (96, 731)
- Тункина И.В.** 99, 114, 116
Тураев В.А. 619
Тургенев И.С. (102)
Турнаев В.И. 832
Тычинина Л.В. 101–103
Тюрго А.Р.Ж. (134)
Тюрени А. де (52)
Тюрин В.А. 99
Тютвинова Т.А. 809
Тютчев Ф.И. (106, 675)
Тюхменева Е.А. 118, 125, 620
- Уварова Н.И.** 115
Уильямс Ч. (390)
Украинцев Е.И. (121)
Уокер Дж. (91)
Урусова Р.Р. 621
Урюпин И.С. 108
Усачева С.В. 622
Усенко О.Г. 133
Успенский Б.А. 623
Устинов А.Л. 624
Устьян А.Р. 625
Уханова И.Н. 114
Ухналев А.Е. 124, 125, 626, 627
Ушаков А. (293)
Ушаков Ф.Ф. (104)
- Фабрициус Л.** (125)
Фадеева Т.М. 101–103, 628, 849
Фаизова И.В. 629
Файзрахманов И.З. 78
Фарджамы Х. 125
Фарутина Н.Н. 123
Фатеев Д.Н. 104
Федина Н.Г. 630
Федорак Н.Л. 113
Федорец А.И. 631
Федоров В.В. 104
Федоров В.И. (117)
Федорова М.С. 632
Федосеева Т.В. 117
Федотова А.К. 633–635
Федюкин И.И. 18, 134, 636
Фельбигер И.И. (128)
Фельдман Д.З. 104, 637
Фелькнер Ф.Х. (96)
Феодот (Ившин) (386)
Феоктистов С.Ф. 638
Феофан Прокопович *см.* Прокопович Феофан
Феофанов А.М. 753
Ференц II Ракоци *см.* Ракоци Ференц II
Ферстер И.И. (119)
Ферфаксы (502)
Фетисова Д.Е. 639, 640
Фик Г. (126, 134, 515)
- Филдинг Г.** (604)
Филимон А.Н. 79
Филимонов Д.А. 124
Филиппов К.А. 135, 641
Фирсова Е.Н. 101–103
Флоря Б.Н. 642
Фокин С.П. 643
Фоменко И.Ю. 93, 96, 104, 644, 743
Фомина Ю.Б. (828)
Фомичева В.С. 104
Фонвизин Д.И. (50, 70, 93), 97, (102, 104, 113, 117, 127, 484, 488, 552, 554, 565)
Форгач Ш. (121)
Форсия де Пилес 739
Фоттелер С.Л. 127
Франклин Б. (2, 480)
Фридрих II (92, 787)
Фролова М.М. 645
Фруменкова Т.Г. 116, 646
Фукс И.И. (770)
Фурсов К.А. 99
- Хаванова О.В.** 121, 647, 648
Хадсон Х. 80
Хадсон-мл. Х. 18
Хазова Н.В. 649, 650
Халтурин Ю. 651
Хам В. ванн дер 812
Хандошкин И. (792)
Харитонов А.М. 652, 805
Харламов-Либан В.Л. 48
Хартанович М.Ф. 114, 744
Хатош П. 121
Хвостов Д.И. (106)
Хвостова Г.А. 118, 124
Хексельшнайдер Э. 93, 96
Хемницер (115)
Херасков М.М. (48, 59, 95, 266, 373, 422, 535, 745)
Херасковы (104)
Хилков А.Я. (100)
Хиршфельд К.К.Л. (115)
Хмельницкая Е.С. 118
Хмельницкий И.П. (379)
Хогарт У. (89, 91, 244)
Ходасевич В.Ф. (108)
Хорева В.В. 653
Хотеев П.И. 137, 654
Хотинский Н.К. (727)
Храмова Л.В. 655
Храповицкий А.В. (97)
Храпунов Н.И. 656, 657
Хрисанф (522)
Хрулёва И.Ю. 99
Хундерт Г.Д. 81
- Цапина О.А.** 99

- Карёва С.М. 658, 659
 Цвиркун В. 660
 Цинцадзе Н.С. 82
 Цыбаков Д.Л. 83
 Цыбикдоржиев В.Б. 84
 Цыганов А. 9
 Цыганова Л.А. 85
 Цылина А.А. 113
 Цыремпилов Н.В. 661
- Чайковский П.И.** (104)
 Чайковский Ю.В. 662
 Чежина Ю.И. 118
 Чеканцева З.А. 99, (843)
 Червоный А. 9
 Чердаков Д.Н. 135
 Черепанова О.А. 88, 663
 Черкасов И.А. (727)
 Черкасова М.С. 100
 Черная Е. 567
 Черников С.В. 126, 664, 665
 Чернова Л.Н. 110
 Чернова-Деке Т.Н. 666
 Черноголовина Г.В. 102, 103
 Черноус С.А. 114
 Чернышёв В.Я. 133
 Чернышев И.Г. (726)
 Чертков В.А. (645)
 Чеснокова Т.Г. 667, 668
 Четвертков А.М. 669
 Четырина Н.А. 732
 Чехов А.П. (108)
 Чикова В.А. 670, 671
 Чириков А.И. (693)
 Чистов Ю.К. 744
 Чубарьян А.О. 99
 Чудинов А.В. 99, 672
 Чулков М.Д. (117, 405)
 Чурсина А.А. 673
- Шаврыгин С.М.** 111, 112
 Шалаева Т.Ю. 104
 Шаманаев А.В. 674
 Шамин С.М. 134
 Шапурина А.В. 675
 Шарнова Е.Б. 676, 677, 813
 Шарфадина К.И. 104
 Шафиров П.П. (126, 132, 828)
 Шахов А.А. 97
 Шаховской А.А. (291)
 Шашков А.Т. 86
 Шашков С.С. 97
 Шварц И. 133
 Швачинский Т. 678
 Шебалдина Г.В. 87, 125
 Шевченко В.Ф. 728
- Шевырев С.П. (283)
 Шекспир У. см. Shakespeare W.
 Шелемова А.О. 679
 Шелихова Н.А. (826, 827)
 Шемелина Д.С. 680
 Шенле А. 120
 Шептицкий А. (689)
 Шереметев Б.П. (124)
 Шереметев Н.П. (103)
 Шереметев П.Б. (726)
 Шереш А. 121
 Шеридан Р. (127)
 Шермет В.И. 101
 Шестаков Л.Л. 122
 Шетэля В.М. 754
 Шеуджен Э.А. 681
 Шибанов А.В. 114
 Шигаревская О.В. 123
 Шиллер И.К. Фридрих (307)
 Шипилов А.В. 682
 Шипилов И.А. 683, 684
 Шишков А.С. (612)
 Шикарский М.В. 133
 Шкваров А.Г. 109
 Шлаттеры (124)
 Шляпникова Е.А. 685
 Шмидт К.Н. 117
 Шнайдер Н. 113
 Шпет Г.Г. 97
 Штакельберг О.-М. (224)
 Штегельман Г.К. (726)
 Штелин Я. фон (415, 725, 726)
 Штеллнер Ф. 129, 686
 Шуазель-Гуффье О. де (95)
 Шубин Ф.И. (114, 118)
 Шувалов И.И. (97, 129, 490, 726)
 Шувалов П.И. (114, 680)
 Шуваловы (788)
 Шульц Я. (125)
 Шумахер А.Е. 687
 Шумилова Г. 18а
 Шунков А.В. 688
 Шустова Ю.Э. 100, 689–691
- Щавинская Л.Л.** 94
 Щеглова Е.А. 107
 Щедрова И.М. 116
 Щедрова О.В. 118
 Щекин А.С. 122
 Щербак А.С. 108
 Щербатов М.М. (493, 513, 538, 539)
 Щербатова И.Ф. (825)
 Шукин В.Г. 850
- Эбен Ж.-Ф. (231)
 Эберль А. (101)
 Эберхардт М.В. 134
 Эйлер Л. (116)
 Элезович Д. 692
 Эразм Роттердамский (137)
 Эриксен В. (114)
 Эрлихсон И.М. 694
 Эррен Л. 126
 Эсалнек А.Я. 112
 Эскин Ю.М. 481
 Эстерхази М. (647)
- Юдин А.** 128
 Юковская А. 695
 Юнкер Г. (300)
 Юркин И.Н. 80, 100, 124, 125, 696–700
 Юрченко С.Б. 701
 Юрченко Т.Г. 702
 Юрьев Иван Ю. 740
 Юсупов Н.Б. (101, 676)
 Ютяева Л.Е. 703
 Юхименко Е.М. 704
 Юшков И.И. (319)
- Ягужинский С.П.** (714)
 Якимович А. 705
 Яковлев А.Н. 118, 706
 Яковлева С.А. 89
 Яковлевы (616)
 Якушев М.М. 707
 Якушкин Г.Р. 100
 Ямшанов И.В. 90
 Янгол В.Н. 557
 Янкович Е.И. 433
 Янушкевич А. 45
 Якушкина Т.В. 104
 Ярмош А.С. 118
 Яруллин Ф. (104)
- Vaudin R.** (836)
- Ducrey A.** 130
Dziuba J. 270
- Evstratov A.** 130
- Frantz P.** 130
- Ligne Charles-Joseph de** (829)
- Natalizi M.** (839)
- Shakespeare W.** (728)
Stroev A. (829)
- Vercruysse J.** (829)

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К статье Guido Abbattista

«What we ought to do in China» – a Chinese dragon being threatened by a St George like representative of the British army and the symbol of the European civilization (the drawing from *Punch, or The London Charivari*, December 22, 1860) 85

К статье С.Я. Карна

Первый лист рукописи «Catéchisme moral» (1774–1775) – РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 3. № 504. Л. 141 226

К статье М.А. Петровой

Марк Аврелий, Меркурий (рисунок; перо, тушь) – изображения скульптур из коллекции Ф.С. Шмидта, приобретенных для кн. А.М. Голицына в 1771 г. – РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. № 3210. Л. 88 284

Фавн, Геракл (рисунок; перо, тушь) – изображения скульптур из коллекции Ф.С. Шмидта, приобретенных для кн. А.М. Голицына в 1771 г. – Там же. Л. 89 285

К статье С.О. Андросова

Модель собора св. Петра в Риме Карло Луканджели на выставке к 400-летию рождения Микеланджело в Академии художеств. Фотография И.К. Гофферта, 1875 г. (опубл.: Академия художеств: история в фотографиях, 1850-е – 1950-е / Сост. Е.Н. Литовченко, Л.С. Полякова. СПб., 2011) 298

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва)
Архив ГЭ – Архив Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
Архив – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
СПБНИИ РАН
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
ГРМ – Государственный русский музей (Санкт-Петербург)
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург)
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е]. СПб., 1830. 45 т.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
Сборник РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867–1916. 148 т.
АМАЕ – Archives du Ministère des affaires étrangères (Paris)
AN – Archives nationales (Paris)
BNF – Bibliothèque nationale de France (Paris)
CL – Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister, etc. revue sur les textes originaux, comprenant outre à ce qui a été publié à diverses époques les fragments supprimés en 1813 par la censure... / Notices, notes,

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- table générale par M. Tourneux. Paris: Garnier, 1877–1882. 16 vols.
- D – *Voltaire*. Correspondence and related documents / Definitive edition by Th. Besterman. Genève: Institut et Musée Voltaire; Toronto: University of Toronto Press, 1968–1971; Oxford: The Voltaire Foundation, 1971–1977. 51 vols.
- DHS – Dix-huitième siècle, revue de la Société française d'étude du XVIIIe siècle, 1969–
- ENC – Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris: Briasson, David, Le Breton, Durand; Neuchâtel [Paris]: Samuel Faulche, 1751–1772. (17 vols. textes, 10 vols. planches)
- RDE – Recherches sur Diderot et sur l'*Encyclopédie*, 1986–
- SVEC – Studies on Voltaire and the Eighteenth century. Genève; Banbury; Oxford: The Voltaire Foundation, 1955–2013

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аббатиста Г. (*см. также* Abbattista) 109
Аврелий Марк 269, 283, 284
Адорно Т. 5
Адриан 269
Александр I (*см. также* Alexander, Grand Duke, Alexander I) 148, 151, 211, 213, 215
Александр Македонский 272
Альбин Клодий 269
Альбина Л.Л. 310, 311
Альгарди Алессандро 275
Андреев А.Ю. (*см. также* Andreev) 183, 215
Андреева Е.М. 298
Андросов С.О. (*см. также* Androsov) 270, 275, 290, 292, 294, 325, 329
Анисимов М.Ю. 264
Антен Луи Антуан Пардайян де Гондрен, герцог д' 320
Аржан Жан-Батист Бойе д' 305
Армитидж Д. (*см. также* Armitage) 157
Аргемьева Т.В. 161, 204
Багaley Д.И. 205
Баден-Дурлахский Карл Фридрих, маркграф 283
Базилевич Иов 194, 195, 197, 199
Байяр Пьер 306
Банников А.П. 325
Барабаш Д.В. 203
Барабаш Н.О. 203
Барбё-Дюбур Жак (*см. также* Barbeu) 220–225, 227, 228, 230
Баррюэль Огюстен 312
Бартенеv П.И. 144
Бартолини Лоренцо 329
Баумейстер Фридрих Христиан (*см. также* Baumeister) 198, 202, 204
Бедретдинова Л.М. 270
Безбородко Александр Андреевич 293
Безотосный В.М. 208, 210
Бейкер К.М. (*см. также* Becker) 44
Бекелер Жан Фердинанд ван 328
Беллони Джироламо 294
Белосельский Александр Михайлович (*см. также* Beloselski Alexander) 262

* Составитель – Н.Ю. Плавинская.

- Белосельский, Андрей Михайлович (см. также Belosselsky André) 261, 262
- Бенезит Энтони 221
- Бенуа Александр Николаевич 290, 297, 298
- Берелович В. 264, 316, 321
- Бернини Джан Лоренцо 275, 282, 297
- Бестужев Александр Федосеевич (см. также Bestuzhev) 121
- Бецкой Иван Иванович (см. также Betskoi) 222, 225
- Бёрк Эдмунд (см. также Burke) 67
- Бианки Пьетро 293
- Бион Н. 318
- Боброва Е.И. 315, 316, 318, 319
- Бовилье Поль де 157
- Бовыкин Д.Ю. 263
- Богословский М.М. 138
- Бок Иоганн Георг (см. также Bock Johann Georg) 143
- Болингброк Генри Сент-Джон (см. также Bolingbroke) 156, 157, 167–175
- Болонья Джованни (Джамболонья) 287, 288
- Бондаревська I. 192
- Борхес Х.Л. 303
- Боссе Никола Матьё де 265
- Брантс Кристоффель 318, 319
- Браччи Пьетро 282
- Бретей Луи Огюст Ле Тоннелье де (см. также Breteuil) 170, 171
- Бридан Шарль Антуан 329
- Брокет Дени 320
- Брокет Жак 320
- Брюкер Я. 311
- Брюль Генрих (см. также Brühl) 261, 262
- Бугров К.Д. 168, 169, 171
- Бурбоны (см. также Bourbons) 323
- Буланкур, Ле Жён де (см. также Boulencourt Le Jeune de) 319
- Бюа-Нансэ Луи Габриэль (см. также Buat-Nançay) 272, 273
- Бюффон Жорж Луи Леклер (см. также Buffon) 306
- Вагеманс Э. 317
- Валдамбрини братья 295
- Валуа (см. также Valois) 323
- Ван Гог Винсент 328
- Ван Дейк Антониус 280
- Вандёль Абель Франсуа Никола Каройон де 220
- Вандёль Анжелика де 220, 225
- Ваннутелли 279
- Вейль Г. 200
- Вентури Ф. (см. также Venturi) 5
- Верр Марк Анний 269
- Вильер (см. Лекур де Вильер)
- Винкельман Иоганн Иоахим (см. также Winckelmann) 270
- Виртшафтер Э.К. (см. также Wirtschafter) 191, 218
- Виттельсбахи 271
- Водолажченко О. 194
- Вольтер (см. также Voltaire) 157, 200, 201, 263, 309
- Вольф Христиан (см. также Wolff) 197, 199
- Воронцов Михаил Илларионович (см. также Vorontsov Mikhaïl Ilarionovitch) 156, 157, 163, 165, 242, 264
- Воронцов Роман Илларионович (см. также Vorontsov Roman Ilarionovitch) 156, 160
- Воронцов Семен Романович 262
- Воронцова Елизавета Романовна 160
- Воронцовы 156, 160, 163
- Габсбурги 67, 188
- Галиани Фердинандо (см. также Galiani) 230
- Гамильтон Уильям 269
- Гандольфи Гаэтано 262
- Ганнибал Абрам Петрович 318, 321
- Гей П. (см. также Gay) 5, 6
- Георг I (см. также George I) 156
- Георги Иоганн Готлиб 301, 305
- Гмелин Самуил Готлиб 302
- Гоббс Томас (см. также Hobbes) 154
- Голицын Александр Михайлович, вице-канцлер 202, 224, 261, 263–272, 275–284, 286–289
- Голицын Александр Михайлович, генерал-аншеф 276

- Голицын Алексей Андреевич 264
 Голицын Борис Андреевич 264
 Голицын Дмитрий Алексеевич
 (см. также Golitsyn Dimitri
 Alekseevitch) 224, 261, 265, 266
 Голицын Дмитрий Михайлович 262,
 265, 266, 271
 Голицын Михаил Андреевич 264
 Голицын Михаил Михайлович 264,
 270
 Голицын, Николай Алексеевич 269
 Голицын Петр Михайлович 270
 Голицыны 263, 264, 266, 267
 Гольбах Поль Анри Тири (см. также
 Holbach) 157
 Гонзага Пьетро 327
 Гофман Давид 279
 Гофферт И. 297, 298
 Гоцковский Иоганн Эрнст (см. также
 Gotzkowsky) 261, 262
 Гримм Фридрих Мельхиор (см. так-
 же Grimm F.M.) 225, 226, 228–
 230, 254, 263, 265, 311, 312
 Гросс Федор Иванович 279
 Грот Я.К. 224, 254
 Гроф Гильельмус (см. также Groff
 Guillielmus) 271, 277
 Гроф Шарль (см. также Groff Charles)
 271–275, 279
 Гроций Гуго (см. также Grotius) 154
 Гудман Д. (см. также Goodman) 191,
 194, 203, 205
 Гудон Жан Антуан (см. также
 Houdon) 263
 Гузевич Д.Ю. 317
 Гузевич И.Д. 317
 Гувьельми Грегорио (см. также
 Guglielmi) 275–282, 284–288
 Гуттенбрунн Людвиг 262

 Даламбер Жан ле Рон (см. также
 Alembert d') 31, 83, 196, 200
 Дальбоно К. 292, 293
 Дарнтон Р. (см. также Darnton) 5–6,
 191
 Двигубский Иван Алексеевич 195, 204
 Деларош Поль 328
 Демидовский В. 195
 Деппинг Георг Бернгард 302
 Державин Гаврила Романович 293
 Дёмин М.Р. 204
 Джеймс Роберт (см. также James) 83
 Джойс Дж. 307
 Дидро Дени (см. также Diderot) 31,
 83, 200, 219, 220, 222–230, 263,
 265, 309–314
 Димитрий Ростовский (Туптало) 192
 Диоген 272
 Добантон Луи Жан Мари (см. также
 Daubenton) 83
 Довга Л. 192
 Долгова С.Р. 318
 Долгоруков Владимир Сергеевич 229,
 261
 Доменек Ж. (см. также Domenech)
 223
 Дюбур-Глатини П. 322
 Дюге Жак Жозеф (см. также Duguet)
 162
 Дюканж, Шарль 322, 323
 Дюлак Ж. (см. также Dulac) 219, 263
 Дюма Шарль Гийом Фредерик 222
 Дюпюи-Демпорт, Жан-Батист (см.
 также Dupuy-Demportes) 162
 Дюрер Альбрехт 280

 Евгений Савойский 272
 Елизавета Петровна (см. также
 Elizabeth Petrovna) 160, 161, 165,
 170, 260, 264
 Екатерина II (см. также Catherine II)
 146, 148, 154, 170, 172, 173, 191,
 219, 222–225, 228–230, 254, 255,
 264, 265, 270–276, 279, 287, 290,
 293, 294, 296, 297, 309, 312, 313

 Железников Петр Семенович 158
 Живов В.М. (см. также Zhivov) 137,
 141, 146
 Жирбаль Ролан (см. также Girbal)
 226, 227, 230
 Жуанна А. (см. также Jouanna) 163
 Жюльен Жан де 261

 Занин С.В. 223
 Затрапезный Алексей Иванович 163
 Захаров Иван Семенович 158
 Зитцер Э. 322

- Золотарев Степан 163
 Зорин А.Л. (см. также Zorin) 153
 Зотов Конон Никитич 318
- И**гнатович Феофил 202
 Израэль Дж. (см. также Israel) 6, 7, 44
 Иосиф II (см. также Joseph II) 154
 Истрин В.М. 183
 Ишутин В.В. 263
- Й**осипенко С. 192
- К**авальери см. Орсини де Кавальере, Гаспаре
 Кавачеппи Бартоломео 267, 270, 285
 Казанова Джованни Баттиста 262
 Камбиазо де Доминик, Жан 295
 Кан Д. 219
 Канова Антонио (см. также Canova) 292
 Кант Иммануил (см. также Kant) 5, 204
 Каразин В.Н. 189
 Карамзин Н.М. (см. также Karamzin) 148
 Карначев А.Е. 315, 323
 Кароне Франко (см. также Carone) 282
 Карп С.Я. (см. также Carp) 6, 8, 121, 191, 193, 219, 229, 261, 263–265
 Карпини Плано 302
 Карпинский Иакинф 201
 Кассирер Э. 5
 Кауниц Венцель Антон 264
 Кауфман Анжелика (Ангелика) 262
 Квитка Наркисс 202
 Кено Р. 307
 Кёрнляйн Николаус (см. также Körnlein) 275, 276
 Кики Антонио 290, 298
 Клепиков, С. А. 163, 168
 Клер Никола Габриэль 222
 Кобенцль Иоганн Карл 261
 Коваленский (Ковалинский) Михаил Иванович 195, 196, 198
 Ковач Э. (см. также Kovács) 31, 310
 Козеллек Р. (см. также Koselleck) 5, 109
 Коллинз Р. 192, 193
- Колосовский Аггей 197, 202
 Комацци Джованни Баттиста (см. также Comazzi) 162
 Кондильяк Этьенн Бонно 159
 Кондорсе Жан Антуан Никола де Карита, маркиз де (см. также Condorcet) 135
 Констан Бенжамен (см. также Constant) 124
 Кордет Лаврентий 194–203
 Корнеев Ю.Б. 160
 Корнель Пьер 164
 Корнилов А. (см. также Kornilov) 153
 Королёв С.В. (см. также Korolev) 219, 224, 309–314
 Корф Иоганн 263
 Космолинская Г.А. (см. также Kosmolinskaja) 121, 309, 314
 Костин А.А. 156
 Коттре М. (см. также Cottret) 162
 Кох Конрад Рене 269, 270
 Кошелева О.Е. 223
 Краус Георг Мельхиор (см. также Kraus) 277
 Крашенинников, Степан Петрович 305
 Кроза Луи Антуан, барон Тьер (см. также Crozat, Louis Antoine) 271
 Кроза Пьер 261
 Крузиус Зигфрид Леберехт 229
 Крюденер Варвара Юлия фон 211
 Кузнецова Е.К. 156
 Купер Сэмюэл 221
 Куракин Борис Иванович 322
 Куракины 264
 Кучумов И.В. 300, 303
 Кушелев-Безбородко Николай Александрович 328
 Кэрролл Л. 307
- Л**аббе Филипп 322
 Лавринович М.Б. 190
 Лакомб Жак 220
 Лебедева И.Н. 316
 Лебедников Борис 318
 Левек Пьер Шарль 300–308
 Левинсон-Лессинг В.Ф. 261, 262, 317
 Левшин Платон 198
 Лейбниц Готфрид Вильгельм (см. также Leibniz) 5, 154, 197, 199

- Лекур де Вильер Изаак Самюэль 311
 Ле Лоррен Робер 270
 Лепёхин Иван Иванович 302, 305
 Летье, скульптор 270
 Лефорт Жан 318
 Либуа *см.* Россиус де Либуа
 Лизе Э. (*см. также* Lizé) 226
 Литвинов В.Д. 190
 Литвинова Т.Ф. 190, 202
 Лихачев Д.С. 315
 Личфилд Джорж Генри Ли 167
 Локк Джон (*см. также* Locke) 5
 Ломоносов Михаил Васильевич (*см. также* Lomonosov) 141, 143
 Лонгинов Николай Михайлович 202
 Лотман Ю.М. 300
 Лубяновский Федор Петрович 158, 204
 Луканджели Карло (*см. также* Lucangeli) 292–298
 Лукашевич И.Я. 156, 168
 Луппов С.П. 316
 Люблинский В.С. 311
 Люблинский П.И. 229
 Людовик XIV (*см. также* Louis XIV) 156–158, 162, 271, 323
 Людовик XV (*см. также* Louis XV) 260
 Людовик XVI (*см. также* Louis XVI) 67, 159
 Людовик Французский, герцог Бургундский (*см. также* Louis de France) 157, 158
 Ляшевецкий Кирилл 201

 Магун А.В. 174
 Мазуркевич О.Р. 194
 Майков Л. 252
 Майофис М. 150, 151
 Макиавелли Никколо 168, 171
 Макко М. ди (*см. также* Массо) 329
 Малиновский К.В. 242, 261, 325
 Малиновский Платон 201
 Малле Эдм Франсуа (*см. также* Mallet) 83
 Малов А.Ф. 315
 Мальгуйр Ф. 322
 Мальт-Брен Конрад 302

 Марасинова Е.Н. (*см. также* Marasinoва) 145
 Марен Франсуа 221
 Мариньи Абель Франсуа Пуассон де Вандьер, маркиз де (*см. также* Marigny) 260
 Мария Федоровна, великая княгиня, императрица 269, 292
 Маркевич Н.А. 156, 167
 Маркьонни Карло 286, 287
 Маро Даниэль 320
 Медведкова О.А. (*см. также* Medvedkova) 316, 321
 Мезин С.А. 191, 264, 315, 317–319, 324
 Мелиссино Иван Иванович 198
 Мелло Ж.Д. 219
 Мельник Э.В. 300
 Мендельсон Мозес (*см. также* Mendelssohn) 204
 Местр Жозеф де 211
 Меттерних Клеменс Венцель (*см. также* Metternich) 211
 Мёлен Адам Франсуа ван дер 319
 Микеланджело Буонаротти 298
 Микешин М.И. 204
 Микитась В. 194
 Миллер А.И. 173
 Миллер Герхард Фридрих 304
 Мильчина В.А. 300, 308
 Мироненко С.В. 151, 152, 187
 Миславский Самуил 194, 196–198, 200, 202, 205
 Миткевич Иоасаф 202
 Модзалевский Б. 182
 Монтескье Шарль Луи (*см. также* Montesquieu) 5, 154, 157, 305
 Мопу Рене Никола 221
 Морери Луи (*см. также* Moréri) 83
 Морозова С.С. 267, 268, 270, 271, 281, 287
 Моторнов Р.В. 277
 Мочульский Феокист 203
 Мунк Т. (*см. также* Munck) 7
 Мурзанова М.Н. 315
 Мусин-Пушкин Алексей Семенович 279
 Мюнх Иоганн Карл (*см. также* Münch Jean Charles) 272
 Мюнх Кристиан (*см. также* Münch Chrétien) 272

- Надлер В.К.** 211
Наполеон I, Бонапарт (*см. также* Napoleon Ier) 293
Неверов О.Я. 325
Неккер Жак (*см. также* Necker) 67
Нель Луи II де Майи 322
Нечкина М.В. 187
Николай I (*см. также* Nicholas I) 137, 152–154
Николай II 325
Никольский Н.К. 315
Николь Пьер 162
Нику Г. (*см. также* Nicoud) 260
Ничик В. М. 192
- Олар А.** 164
Олсуфьев Алексей Васильевич 160
Ольдекоп Иван 279
Омельченко О.А. (*см. также* Omel'chenko) 145
Оржекс Э. д' 322
Орлик О.В. (*см. также* Orlik) 210
Орлов Алексей Григорьевич 287
Орлов Иван 318
Орсини де Кавальери Гаспаре 284–285
Осипов И.В. 212
Остерман Иван Андреевич 293
- Паванелло Дж.** 292
Павел Петрович, вел. кн. (*см. также* Paul Ier, Paul Petrovich) 157, 168, 170–172, 292, 293
Палицын Александр Александрович 203
Паллас Петер Симон 302
Панин Никита Иванович (*см. также* Panin, Panine Nikita) 156, 157, 166–175, 263, 264, 273–276
Панин Петр Иванович (*см. также* Panin Pyotr) 156, 175, 276
Панины 156, 168
Панченко А.М. 147
Парсамов В.С. 211
Патен Ги 191
Пачилли Пьетро 286
Перек Ж. 307
Перель Адам 320
Петр I (*см. также* Peter I) 137, 138, 154, 265, 282, 315–323, 325
- Петр III, Петр Федорович** 160, 170, 264
Петров П.Н. 251
Петрова М.А. (*см. также* Petrova) 261, 276
Пигаль Жан-Батист 329
Пинто Полони, аббат 275, 284–286, 291, 292, 295, 296
Писаренко К.А. 263
Писсо Жак Ноэль 229
Питтак 272
Пифагор 272
Платон 272
Полетика Григорий Андреевич 202
Полякина А.А. 310, 311
Попович, М. В. 194
Посохова Л.Ю. (*см. также* Posokhova) 189, 190, 193, 198, 199, 201
Польской С.В. 155, 161, 173
Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза (*см. также* Pompadour) 257
Понсоль Анри Симон Жозеф Анскер 224
Попова О. (*см. также* Popova) 265
Потемкин Григорий Александрович (*см. также* Potemkin) 293
Поуп Александр 167
Прокопович Андрей Семенович 194, 195, 202, 203, 205
Прокопович Феофан (*см. также* Prokorovich) 192, 321
Пруст Ж. (*см. также* Proust J.) 311
Пруст М. 307
Пуллен де Сен-Фуа Жермен Франсуа 305
Пумпянский Л.В. (*см. также* Pumpianskii) 141
Пурталес-Горжье Александр 329
Пыпин А.Н. 146
- Радищев Александр Николевич** 160
Разумовский Андрей Кириллович 262
Рансел Д. (*см. также* Ransel) 157
Расин Жан 300
Растрелли Франческо Бартоломео 290
Редковский Андрей Алексеевич 328
Рей Марк Мишель (*см. также* Ray) 219, 222, 225

- Рейфенштейн Иоганн Фридрих (*см. также* Reiffenstein) 270, 293–297
 Репнин Петр Иванович 168
 Ридингер Иоганн Элиас (*см. также* Ridinger) 272, 274
 Рижский Иван Степанович 204
 Робер Гюбер 328
 Романелли Паскуале 329
 Россиус де Либуа Этьен Франсуа 322
 Ростопчин Федор Васильевич 328
 Рош Д. (*см. также* Roche) 6, 191, 193
 Рубенс Питер Пауль 280
 Румянцев Петр Александрович 288
 Румянцевы 264
 Руссо Жан Жак (*см. также* Rousseau) 5, 162, 200, 228
 Рустам-Заде З.П. 161
 Рутерфорд Роберт 290
 Рычков Петр Иванович 302
- Савари де Брюлон Жак (*см. также* Savary Des Bruslons) 83
 Савельева Е.А. 316
 Савинская Л.Ю. 262, 264, 325–327, 329
 Садовников Василий Семенович 328
 Салан Ф. (*см. также* Salaün) 18
 Сапожников С.А. 325
 Сарди, аббат 282
 Сафонов М.М. 149
 Сахибгареева Л.Ф. 300, 303
 Сведман Петер (*см. также* Svedman) 295
 Сдвижков Д.А. 173
 Севинье Мари де Рабютен-Шанталь 300
 Сейделер И.И. 266
 Сенека 162, 272
 Сен-Симон, Луи де Рувруа, герцог 160, 322
 Сербин П.Г. 277
 Сервантес Мигель 303
 Серов Валентин Александрович 328
 Симолин Иван Матвеевич (Иоганн Матиас) (*см. также* Simolin) 261, 263, 267, 271–289
 Скиннер К. (*см. также* Skinner, Q.) 174
 Склокін В. 191, 201
- Сковорода Григорий Саввич 189, 192, 194, 195, 197, 204
 Смолий В.А. 190
 Снисарев Василий Иванович 195
 Соловьев С.М. (*см. также* Soloviev) 143
 Сомов А.И. 266
 Сомов В.А. 219
 Софронова Л.А. 194
 Сперанский М.М. (*см. также* Speranskii) 149, 212
 Стампа Филиппо 295
 Стеллецкий Н. 200
 Стивенсон Мэри «Полли» 220
 Стогова А.В. 191
 Строганов Александр Сергеевич 271, 278
 Струве Антон Себастьян 272
 Стурдза Александр 211
 Сулима Христофор 189, 195, 203, 204, 205
 Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович 328
 Суми Ё. (*см. также* Sumi) 83
 Сумцов Н.Ф. 203
 Сутерланд Ричард (*см. также* Sutherland) 293–297
- Танков А. 199
 Тарасов Е.И. 183
 Татарский Федор 195
 Теплов Григорий Николаевич 198
 Тиар де Бисси Клод 167
 Тихонравовов Н.С. 160
 Тихорский Епифаний 190
 Токе Луи (*см. также* Tosqué) 260
 Толмачев Яков Васильевич 195, 203, 204
 Толстой Н.И. 300
 Торлония Марино 294, 295
 Тортароло Э. (*см. также* Tortarolo) 67
 Трампус А. (*см. также* Trampus) 124
 ТрEDIAКОВСКИЙ Василий Кириллович 158
 Трибль (*см. также* Tribble) 288
 Трофимова В.С. 191, 192
 Тургеневы 183
 Турилова С.Л. 263
 Турнё М. (*см. также* Tourneux) 220
 Тучков И.И. 267

- Удри Жан-Батист (*см. также* Oudry) 257
 Уилсон А. 311
 Уолпол Роберт 167
 Уорбертон Уильям (*см. также* Warburton) 67
 Уортман Р.С. (*см. также* Wortman) 137, 153
 Успенский Б.А. 141, 300
 Уффенбах Иоганн Фридрих Герман (*см. также* Uffenbach) 280, 281, 283
- Фавар** Шарль Симон (*см. также* Favart) 164
Фальконе Этьен Морис (*см. также* Falconet) 255, 260, 265, 282
Фациус Георг Зигмунд (*см. также* Facius George Sigmund) 277
Фациус Иоганн (*см. также* Facius Johann) 276, 277, 280, 281, 283, 286, 288
Фациус Иоганн Готлиб (*см. также* Facius Johann Gottlieb) 277
Федотова Е.Д. 267
Федюкин И.И. 190
Фенелон Франсуа (*см. также* Fénelon) 156–161, 163, 165, 166, 204
Ферей Н. 219
Ферроне В. (*см. также* Ferrone) 6, 53, 191
Филанджери Гаэтано (*см. также* Filangieri) 121, 124
Филлипс К. (*см. также* Phillips) 262
Фирхаус Р. (*см. также* Vierhaus) 6
Фицджереймс Виктуар Гойон де Матиньон, герцогиня 221
Флери Андре Эркуюль 157
Флоровский Г. 211
Фолар Юбер (*см. также* Folard) 272
Фонвизин Денис Иванович 166–168, 170, 171
Фонкич Б.Л. 315, 324
Фортюни К. 219
Франк К. (*см. также* Frank) 262
Франки Джузеппе 270
Франклин Бенжамин (*см. также* Franklin) 220–222
- Фредерик**, принц Уэльский 167
Фридрих II (*см. также* Frédéric II) 154
- Хайд** Иоганн Якоб (*см. также* Haid) 272–274
Хаккерт Якоб Филипп (*см. также* Hackert) 262
Хвостов Дмитрий Иванович 203
Хейвуд Э. (*см. также* Heawood) 168
Хейл Т. 162
Хлебников Петр Кириллович 168
Хмелевских И.В. 315–322
Хоркхаймер М. 5
Хотеев П.И. 316
Хрущёв Андрей Федорович 158
- Цапина** О.А. 191
Цёльнер Иоганн Фридрих 204
Цицерон Марк Туллий 270
- Черутти** Джузеппе Антонио Джакомо (*см. также* Cerutti) 313
Чиприани А. 292
Чойя Джузеппе 294–297
- Шангин** М.А. 315
Шанделер Ж.-П. (*см. также* Schandeler) 135
Шапп д'Отрош Жан 305, 306
Шарнова Е.Б. 262
Шартрская Луиза Мария Аделаида де Бурбон, герцогиня 221
Шартье П. 310
Шарф К. (*см. также* Scharf) 188, 191, 203
Шевченко Тарас Григорьевич 202
Шильдер Н.К. 152, 213
Ширле И. 173
Шлёцер Август Людвиг (*см. также* Schlözer) 182, 188
Шмидт Кристоф Генрих 283
Шмидт Фридрих Самюэль (*см. также* Schmidt, Friedrich Samuel) 283, 285, 286, 288
Штейн Иоганн Готлиб 262
Штелин Якоб (*см. также* Stählin) 242, 249, 251, 257
Шубин Федот Иванович (*см. также* Choubine) 263, 270

- Шувалов Иван Иванович (*см. также* Chouvalov, Shuvalov) 270, 275, 290
 Шувалов Петр Иванович 160
- Щербатов** Михаил Михайлович (*см. также* Shcherbatov) 156–161, 166, 175
 Щербинин Е.А. 200, 202, 205
- Эгийон Эмманюэль Арман де Виньеро дю Плесси д' 221
 Эймбке Иоганн Георг 262
 Экк Фридрих Магиас (Матвей Матвеевич) 224, 225
 Эко У. 306, 308
 Эмин Федор Александрович (*см. также* Emine) 252
 Эпине Луиза д' 226–230, 311
 Эстре Жан д' 317
- Юм** Дэвид 5
 Юсупов Николай Борисович (*см. также* Jusupov) 262, 265, 295, 326, 327, 329, 362
 Юсупов Николай Борисович младший 328
 Юсупова Зинаида Ивановна 328, 329
 Юсуповы 262, 264, 326, 327, 362
Языков Дмитрий Иванович 302
 Яков I 169
 Яковенко Н. 192
 Яковлев А.И. 215
 Яременко М. 189
 Ястребцева А.В. 223
- Abbattista G. (*см. также* Аббатиста) 84, 89, 96, 111
 Adams John 35–37, 41
 Agnani S.M. 91
 Ainsworth Robert 77
 Aldridge A.O. 220
 Alembert Jean le Rond d' (*см. также* Даламбер) 15–17, 28, 29, 55, 68, 69, 73, 75–77, 79, 80, 129
 Alexander I, Alexander, Grand Duke (*см. также* Александр I) 121, 148–153, 182, 208, 210–217, 258
 Alexei Petrovich, tsarevich 138
 Alff W. 131, 134
- Alimento A. 162
 Allen Ethan 36
 Althusius Johannes 132
 Amherst William Pitt 90
 Amiot Joseph 92
 Andreev A. Ju. (*см. также* Андреев) 183
 André V. 17
 Androsov S.O. (*см. также* Андросов) 299
 Angiviller Charles Claude Flahaut de La Billarderie d' 258, 259
 Anna (Anne) Ioannovna 144
 Ansart G. 34
 Antoine M. 237, 239, 243, 247, 249
 Arago F. 126
 Aristotle 48
 Armitage D. (*см. также* Армитидж) 112, 113, 157
 Arnauld Antoine 25, 27
 Arrien 81
 Arrow K.J. 127, 133
 Askold 146
 Assézat J. 93, 229
 Astigarraga J. 122
 Aubert Jean Louis 259
 Augias M. 131
 Ayçaguer-Ron C. 249
- Bacon** Francis 28
 Baehr S. 141, 142
 Baird (Yatsenko) O. 277
 Bajenov Vassili Ivanovitch 253
 Baker K.M. (*см. также* Бейкер) 59, 127, 134
 Balázs É.A.L. 183
 Balázs M. 23
 Baligand F. 253
 Banier Antoine 77
 Barber G. 167
 Barbeau Du Bourg (Dubourg) Jacques (*см. также* Барбё-Дюбур) 220
 Barbier F. 319
 Barrow John 90, 97
 Barruel Augustin 15, 16
 Bartók I. 23
 Basan Pierre François 258
 Bashilov Semen 185
 Bastid P. 122

- Baudeau Nicolas 97
 Bauer F. J. 177
 Baumeister Friedrich Christian (*см. также* Баумейстер) 198, 199, 201
 Bayle Pierre 11, 12, 25, 26, 77
 Bayly C. A. 107
 Beauzée Nicolas 24
 Beccaria Cesare 49, 62, 115, 121, 123, 144
 Becher U.A.J. 178, 181
 Becker K.E. 22
 Béjanovska M. 133
 Bekhteev Fedor 248
 Beloselski Alexander (*см. также* Белосельский, Александр Михайлович) 262
 Belosselsky André (*см. также* Белосельский Андрей Михайлович) 262
 Benetruy J. 39
 Berckel Abraham van 44
 Bergier A. 77
 Berglund-Nilsson B. 91
 Berlusconi S. 132
 Bernier O. 38
 Bernis François-Joachim de Pierre, cardinal de 248
 Berry C.J. 84, 105
 Bertalanffy Ludwig von 134
 Best H. 185
 Bestuzhev Aleksandr Fedoseevič (*см. также* Бестужев) 120, 121
 Bestoujev-Rioumine Alexis Petrovitch 238, 242
 Bestoujev-Rioumine Michel Petrovitch 251, 252
 Betskoï Ivan Ivanovitch (*см. также* Бецкой) 235, 252, 254, 255
 Bew J. 211
 Beyaraza E. 113
 Beyer A. 262
 Bietenholz P.G. 57
 Bingham Joseph 81
 Binoche B. 97, 127
 Blackbourn D. 177
 Blanning T.C.W. 139
 Blickle P. 56
 Blondel Jean François 250
 Blümcke M. 186
 Bock A. 180
 Bock Johann Georg (*см. также* Бок) 143
 Bodin Jean 132
 Bogdan V.I. 251
 Bogoslovskii M.M. 138
 Bolingbroke Henry St John (*см. также* Болингброк) 37, 157, 167, 175
 Bolivar Simon 121
 Bonald Louis de 127
 Bonneville Nicolas 55
 Bontekoe Cornelis 43
 Borda Jean Charles 133
 Boros G. 22
 Borutta M. 58
 Bossuet Jacques Bénigne 81
 Bots H. 16
 Boucher François 256
 Boucheron B. 101
 Bouchindhomme C. 132
 Bougainville Louis Antoine 101
 Boulanger Nicolas Antoine 98
 Boulencourt (*см. также* Буланкур) 319
 Bouloiseau M. 52
 Bourbons (*см. также* Бурбоны) 60, 323
 Bourgeois François 92
 Bourke R. 37, 59
 Bouwmeester Johannes 44
 Bowring John 89
 Boyd J.P. 35
 Bödecker H. E. 178, 184, 209
 Braudel F. 18
 Bréquigny, Louis Georges Oudart Feudrix 92
 Breteuil, Louis Auguste Le Tonnelier de (*см. также* Бретей) 170, 171
 Brian É. 126, 127
 Bridgman E.C. 108
 Brissot Jacques Pierre 34, 38
 Brohm S. 184
 Brot M. 91
 Broughton Brant 54
 Bru B. 126
 Brühl Heinrich von (*см. также* Брюль) 262
 Briasson Antoine Claude 76–79, 82
 Brown A. 86
 Brunner O. 57, 176

- Brunot F. 239
 Buat-Nançay Louis Gabriel (*см. также*
 Бюа-Нансэ) 272
 Buchet P.F. 320
 Bucker Johann Jacob 72
 Buffon Georges Louis Leclerc (*см. так-
 же* Бюффон) 49
 Buhle Johann Gottlieb 183
 Bunge W. van 12, 43
 Bunnin N. 106
 Burgdorf W. 183, 185
 Burke Edmund (*см. также* Бёрк) 36,
 37, 59–61, 66
 Burkhart L. 262
 Burke P. 156
 Burke Richard 61
 Burns A. 58
 Busse N. 183

 Caesar Julius 137
 Calas Jean 50, 61
 Calmet Augustin 77–79, 81
 Calvi G. 132
 Campardon É. 227
 Campbell R. H. 103
 Canova Antonio (*см. также* Канова)
 329
 Capo d'Istri *см.* Kapodistrias
 Caravaque Louis 239
 Caroline-Louise de Bade 259
 Carone Franco (*см. также* Кароне) 282
 Carra Jean Louis 34, 39
 Carriat J. 220
 Carroll W. 42, 43
 Castlereagh Robert Stewart 151, 211,
 213
 Catherine I 144
 Catherine II 97, 137, 143–149, 152, 153,
 181, 213, 222, 225, 226, 229, 235,
 249, 254–256, 258–260, 262, 263
 Catherine Pavlovna, duchesse d'Olden-
 bourg 213
 Cave C. 256
 Cæsalpin André 74
 Cernuschi A. 72, 82
 Cerutti Giuseppe Antonio Giachimo 34
 Chabrol J.B. 134
 Challe Charles Michel Ange 251
 Chambers Ephraïm 77–79
 Chang H. 106
 Chartier R. 17
 Chartres Louis Philippe d'Orléans, duc
 de 243
 Charles V, emperor 137
 Chateaubriand François René 112
 Châtelet Émilie du 27, 28
 Chauvin Etienne 76
 Cherel A. 158
 Cherpack C. 55
 Choiseul Étienne François de 254, 255
 Chomel Noël 77
 Chopelin-Blanc C. 162
 Choubine Fedot Ivanovitch (*см. также*
 Шубин) 263
 Chouillet A. M. 127
 Chouvalov Ivan Ivanovitch (*см. так-
 же* Шувалов Иван Иванович) 142,
 238, 242, 250–252
 Chubb Thomas 37
 Chung-ying Ch. 106
 Cibot Pierre Martial 91
 Cicéron 26
 Cipolloni M. 89
 Clark J.C.D. 15, 60
 Cobenzl Charles 262
 Cochin Charles Nicolas 258
 Cogliano F.D
 Cohen H. 93
 Cohen J.L. 111
 Collin J. 120
 Collins Anthony 37
 Comazzi Giovanni Battista (*см. также*
 Комацци) 162
 Cometa M. 52
 Condorcet Jean Antoine Nicolas de
 Caritat (*см. также* Кондорсе) 33–
 35, 37, 44, 84, 86, 89, 125–134
 Condorcet O'Connor A. 126
 Conrad S. 106, 110, 113
 Constant Benjamin (*см. также* Констан)
 86, 89, 116, 121, 122
 Constantine emperor 137, 215
 Conti Louis François Bourbon, prince de
 239, 241
 Conze W. 57, 176
 Cook J. 112
 Cordey P. 122
 Cornand S. 256

- Costar Pierre 26
 Cottret M. (*см. также* Коттре) 162
 Courajod L. 258
 Court Johan de la 44
 Court Pieter de la 44
 Courtney C. P. 86
 Crépel P. 126
 Crescenzi L. 52
 Croce B. 177
 Cross A.G. 141
 Crozat Louis Antoine, baron de Thiers
 (*см. также* Кроза, Луи Антуан)
 256
 Cuffeler Abraham 44
- Darnton R.** (*см. также* Дарнтон) 9, 10,
 69
 Daubenton Louis Jean Marie (*см. так-
 же* Добантон) 74, 75, 78
 Daunou Pierre 126
 Davis John Francis 89
 De Booy J. 227
 Dehergne J. 92
 Deleyre Alexandre 91
 Delogu G. 113
 Delon M. 14, 176
 Delrio Martin Antonio 81
 Dêmeunier Jean Nicolas 38
 Deryabina E. 236
 Derzhavin Gavriila Romanovitch 148
 Descartes René 24, 27, 28, 43
 Diderot Denis (*см. также* Дидро) 15,
 16, 18, 27–30, 44, 48, 50, 55, 61, 68,
 69, 72–80, 86, 87, 89, 91–107, 125,
 220, 222, 225, 227–229, 235, 256,
 263, 309–311, 313
 Dietle R.L. 6
 Dijn A. de 7
 Dilthey Wilhelm 179
 Dohm, Christian Wilhelm von 62
 Dolgoroukow Pierre 238
 Domenech J. (*см. также* Доменек) 223
 Doria A. 238–249
 Douglas Alexandre Pierre Mackensie
 238–240, 243, 244, 246, 247
 Droysen Johann Gustav 179
 Dubois L. 111
 Duchhardt H. 187
 Dufart François 122
- Duguet Jacques Joseph (*см. также*
 Дюге) 162
 Duhamel du Monceau Henri Louis 74
 Dulac G. (*см. также* Дюлак) 86, 97,
 222, 225, 227, 230, 263
 Du Marsais César Chesneau 23, 24
 Dumont É. 39
 Dupont A. 63
 Dupuy-Demportes Jean-Baptiste (*см.
 также* Дюпюи-Демпорт) 162
 Duranton H. 127
 During S. 55
- Edelstein D. 47
 Egret J. 65
 Elias N. 18
 Elizabeth Alekseevna (Louise of Baden)
 213
 Elizabeth Petrovna, Élisabeth Ire (*см.
 также* Елизавета Петровна) 140–
 144, 237–240, 252, 260
 Elizalde M.D. 89
 Elkins S. 37
 Elvin M. 111
 Emanuel S. 211
 Emine F. A. (*см. также* Эмин) 252
 Encrevé, A. 63
 Enden Franciscus van den 44
 Engel-Janosi F. 184
 Engerand F. 247
 Éon Charles de Beaumont, chevalier d'
 240, 247, 248
 Érasme de Rotterdam 11
 Ermack C. Er. 120
 Ernst August of Hanovre 186
 Eschenburg Johann Joachim 146
 Escobar Villegas J.C. 121
- Facius George Sigmund (*см. также*
 Фациус, Георг Зигмунд) 277
 Facius Johann (*см. также* Фациус, Ио-
 ганн) 277, 289
 Facius Johann George Septimus 277
 Facius Johann Gottlieb (*см. также* Фа-
 циус, Иоганн Готтлиб) 277
 Falconet Étienne Maurice (*см. также*
 Фальконе) 238, 254, 255, 260
 Fata M. 184
 Fauchet Claude François 35

- Favart Charles Simon (*см. также* Фа-вар) 164
- Fénélon François de Salignac de La Mothe (*см. также* Фенелон) 24, 25, 157–159
- Féraud J.F. 104
- Ferdinand VII 122
- Ferrari J. 16
- Ferrone V. (*см. также* Ферроне) 6, 46, 47, 49–51, 111, 115, 122
- Feuerbach Paul Johann Anselm 123
- Filangieri Gaetano (*см. также* Филанджери) 49, 50, 89, 110–113, 115, 116, 120–124
- Fischer W. 179
- Fitzpatrick M. 6
- Flavius Joseph 81
- Fleming T. 36
- Fleury Claude 81
- Flint James 101
- Foere, Léon de 123
- Foi M. C. 52
- Folard Hubert (*см. также* Фолар) 272
- Formey Johann Heinrich Samuel 71
- Fournier Georges 81
- Francis I of Austria 215
- Frank C. (*см. также* Франк) 225
- Franklin Benjamin (*см. также* Франклин) 220–222
- Frédéric II, Friedrich II, Frederick the Great (*см. также* Фридрих II) 13, 15, 16, 136, 239, 246, 254
- Frederick William III 215
- Frensdorff F. 180, 182
- Fresne Charles du 81
- Frotier de la Messelière Louis Alexandre 249
- Fuchida M. 68
- Fukuyama F. 13
- Furcy-Raynaud M. 240–242, 245, 246, 249
- Furetière Antoine 23
- Futaky I. 183, 184
- Gahtgens Th. 252
- Gaines Jr. W.H. 35
- Galiani Ferdinando (*см. также* Галиани) 230
- Gall L. 177
- Gallois Jean Antoine 122
- Garampi Giuseppe 63
- Garber J. 180
- García-Alonso M. 7
- Gay P. (*см. также* Гей) 6, 7
- Gelderens M. van 42
- Genovesi Antonio 48, 49, 113
- Geoffrin Marie Thérèse Rodet 252
- Geoffroy Etienne François 77
- George I (*см. также* Георг I) 167, 169
- George III 178
- George IV 212
- Ghervas S. 210
- Gilbert de Voisins P. 64
- Gilain C. 126
- Gilbert M.L. 249
- Gilot M. 220
- Gillet Nicolas François 250, 251
- Ginguené P.L. 123
- Girbal Roland (*см. также* Жирбаль) 227
- Gittermann A. 121
- Glazemaker Johan Hendrik 44
- Glitsch S. 182
- Godwin William 127
- Goethe Johann Wolfgang 52
- Goggi G. 86, 97
- Golitsyn, princes 263
- Golitsyn (Galitzin) Alexandre (Alexander) Mikhailovitch 262, 263, 267–269, 276, 289
- Golitsyn Dimitri Alekseevitch (Dmitri Alexeevitch) (*см. также* Голицын, Дмитрий Алексеевич) 97, 253, 254, 263
- Golitsyn Dimitri Mikhailovitch 16, 262
- Goodman D. (*см. также* Гудман) 205
- Gordon A.R. 236
- Gordon A.L. 249, 252
- Gotzkowsky Johann Ernst (*см. также* Гоцковский) 262
- Gönczi K. 184
- Granderoute R. 228
- Granger G. G. 127
- Grebner G. 185
- Greuse Jean-Baptiste 258, 259
- Grevet R. 228
- Grimm D. 173

- Grimm, Frédéric Mélchior (*см. также* Гримм) 93, 99, 225, 228, 229, 254, 259, 263
- Groff Charles (*см. также* Гроф, Шарль) 271
- Groff Guilielmus (*см. также* Гильельмус, Шарль) 271
- Grosier Jean-Baptiste 92
- Grotius Hugo (*см. также* Гроций) 48, 49, 132, 138, 139
- Guasti N. 49
- Guglielmi Gregorio (*см. также* Гильельми) 275, 289
- Guldi J. 112, 113
- Guiducci R. 131, 133, 134
- Guiffrey J. 247, 250, 252–255, 258, 259
- Guilbaud A. 82
- Guilbaud J. 319
- Guy B. 91
- H**abermas J. 132, 133, 139
- Hacker A. 105
- Hackert Jacob Philipp (*см. также* Хакерт) 262
- Haddad J. 105
- Haid Johann Jacob (*см. также* Хайд) 272
- Hamburg G.M. 212
- Hamilton Alexander 35
- Hammerstein N. 178
- Hardenberg Friedrich von 187
- Hardenberg Karl August 213
- Harris T. 35, 39
- Hartley J.M. 211
- Hartmann A.V. 185
- Hartog F. 112
- He W. 102
- Heawood E (*см. также* Хейвуд) 168
- Heenes V. 270
- Heerde H.J. 183
- Heeren A.H.L. 180
- Hegel Georg Wilhelm Friedrich 13, 87, 89, 176
- Heiss von Kogenheim Johann 82
- Helvetius Claude Adrien 50
- Hemmi T. 68
- Henkel T. 182
- Hennies W. 178, 182
- Henry IV 137
- Heraclitus 215
- Herder Johann Gottfried 55, 89, 123
- Herriot E. 237
- Herrmann U. 178, 184
- Heyne Christian Gottlob 180
- Hickey D. 33
- Hildebrandt E. 254
- Hillerich S. 58
- Himmelfarb G. 84
- Hinrichs E. 209
- Hobbes Thomas (*см. также* Гоббс) 40–42, 44, 132
- Hocart A.M. 137
- Holbach Paul Henri Thiry (*см. также* Гольбах) 44, 61, 91–93, 98
- Hôpital Paul François de Galluccio, marquis de l' 248, 249
- Horace 82
- Houdon Jean Antoine (*см. также* Гудон) 263
- Hudson W. 56
- Hübinger G. 58
- Hughes L. 138
- Humboldt Wilhelm von 187
- Hume David 33, 60
- Hunt L. 47, 112
- Hunter I. 58
- Hyde Thomas 26
- I**da H. 68
- Ideler C.L. 123
- Iida Y. 68
- Imbruglia G. 97
- Ingrao Ch. 179, 187
- Innes J. 35, 58
- Iskioul S. 225
- Israel J. (*см. также* Израэль) 7, 12, 13, 32, 35, 36, 38, 39, 42, 43, 92, 110, 120, 191, 210
- J**acob M.C. 12, 13, 110
- Jalón M. 132, 133
- James Robert (*см. также* Джеймс) 75, 78, 79
- Jarrett M. 210
- Jaucourt Louis 74
- Jaurès Jean 127
- Jayne A. 33
- Jefferson Thomas 32–39

- Jéliotte Pierre de 243
 Jelles Jarig 44
 Jianlang W. 89
 Jimack P. 91
 Johnson M. 21
 Jones P.M. 6, 84
 Jónsson E. M. 157
 Joseph II (см. также Иосиф II) 62
 Jouanna A. (см. также Жуанна) 163
 Joukovskaïa A. 263
 Joullain François Charles 258, 259
 Jung F. 113
 Jusupov Nikolaj Borisovic (см. также Юсупов Николай Борисович) 329
- K**
 Kafker F.A. 69, 71
 Kafker S.L. 69
 Kahn G. 225
 Kalanj R. 134
 Kant Emmanuel (см. также Кант) 16, 150
 Kapodistrias Ioannis 150, 210
 Kappeler A. 146
 Karamzin Nicholas (см. также Карамзин) 148
 Karila A. 131
 Karle J. Th. 178
 Карп S. (см. также Карп) 11, 225, 235, 263, 319
 Kawamura F. 68
 Keipert H. 181
 Kleimola A. 212
 Klosterman Germain 258
 Kintzinger M. 6
 Klingenstein G. 184
 Kloppenberg J.T. 39
 Knellwolf C. 6
 Knežević R. 134
 Koch U. 262
 Kocka J. 177
 Koerbagh Adriaen 44
 Koerbagh Johannes 44
 Kojima R. 68, 78, 79
 Kornilov A. (см. также Корнилов) 153
 Korolev S.V. (см. также Королёв) 309, 311
 Kościuszko Andrzej Tadeusz 38
 Koseki T. 68
- Koselleck R. (см. также Козеллек) 51, 57, 173, 176
 Koskenniemi M. 111
 Kosmolinskaja G. (см. также Космолинская) 121
 Kovács E. (см. также Ковач) 20, 310
 Kölving U. 225, 227, 228
 Körnlein Nikolaus (см. также Кёрнляйн) 275
 Krahnke H. 182
 Kraus Georg Melchior (см. также Краус) 277
 Kroll T. 113
 Kunz A. 187
 Kunze M. 270
 Kurucz Gy. 184
- L**
 Lachaud F. 157, 162
 La Chétardie Jacques Joachim Trotti, marquis de 237, 239
 La Grange Nicolas 30
 Lakoff G. 21
 La Fare Anne Louis Henri de 38, 43
 La Fayette Gilbert du Motier 34, 38, 63
 Lagrenée Louis Jean François 252
 La Harpe Frédéric César 148, 149
 Lameth Alexandre 64
 La Mettrie Julien Jean Offray de 13, 16
 Lamourette Antoine Adrien 64
 Langewiesche D. 177, 184
 Lappo-Danilevskij K. 270
 La Rochefoucauld François Alexandre Frédéric 38
 Laroui A. 111
 Lauer R. 183
 Lauriol C. 63
 Lazard A. 249
 Leca-Tsiomis M. 71, 72, 82
 Le Comte Louis 98
 Legran B.V. 236
 Lehmann-Carli G. 183, 184
 Lehner U. 110
 Leibniz Gottfried Wilhelm (см. также Лейбниц) 138
 Le Lorrain Louis Joseph 251, 252
 Lenhoff G. 212
 Lentin L. 139
 Leo, Byzantine emperor 147
 Le Pelletier Jean 81

- Le Roux des Hautesrayes Michel Ange
André 92
- Lestocq Jean Armand (Иван Иванович)
240
- Ley F. 211
- Leyh P. 179
- Li V.H. 101
- Liang Qichao 89, 106
- Lichtenberg Georg Christoph 183
- Liechtenhan F.D. 238, 240
- Lieven D. 208
- Lilti A. 40–42, 101
- Linebaugh P. 111
- Linton M. 47
- Lizé E. (*см. также* Лизе) 220, 226
- Locke John (*см. также* Локк) 12, 28,
36, 40, 41, 42, 132
- Loir Alexis 254
- Lomonosov Michael (*см. также* Ломо-
носов) 140, 141, 143
- Loty L. 129
- Lough J. 21, 22, 27, 69, 71
- Louis XIV (*см. также* Людовик XIV)
11, 44, 139, 236, 323
- Louis XV (*см. также* Людовик XV)
140, 157, 236, 237, 239, 241, 248,
260
- Louis XVI (*см. также* Людовик XVI)
17, 65, 139, 167, 236
- Louis XVIII 212
- Louis de France, duc de Bourgogne (*см.*
также Людовик Французский)
157
- Lucangeli Carlo (*см. также* Лукандже-
ли) 292, 299
- Lucci D. 56
- Luciani G. 162
- Ludassy M. 134
- Ludwig of Bavaria 186–187
- Lugand J. 252
- Lundgreen P. 179
- Lutz H. 184
- Lüsebrink H.J. 86, 91
- Lynn H. 39
- M'Culloch J.R. 102
- Mably Gabriel Bonnot 48, 93, 96, 98,
103, 104, 121
- Macartney George 90
- Macco M. di (*см. также* Макко) 329
- Machiavelli Niccolò 48, 50
- Mader E.O. 185
- Madison James 37
- Maggetti D. 230
- Maier H. 179
- Makhnovskaya H. 257
- Malebranche Nicolas 25, 27
- Malesherbes Chrétien Guillaume de
Lamoignon 17, 63
- Mallet Edme François (*см. также* Мал-
ле) 76–82
- Malthus Thomas Robert 127
- Mammone Rinaldi A. 126
- Mandeville Bernard 44
- Manning S. 110
- Marasinoва E. 145
- Maréchal J.P. 127
- Marie Antoinette 140
- Marigny Abel François Poisson de
Vandières, marquis de (*см. также*
Мариньи) 237, 238, 240–256, 258–
260
- Marin M. 219
- Marino L. 179
- Marjoribanks Charles 108
- Marmontel Jean François 81
- Marti-Weissenbach K. 283
- Maurepas Jean Frédéric Phélyreaux de
240
- Maurras Ch. 15
- Maxentius 215
- May L. Ph. 76
- Maya Salazar A.L. 121
- Mazzocca F. 329
- McCalman I. 6
- McKitrick E. 37
- Méchoulan H. 57
- Medvedkova O.A. (*см. также* Медвед-
кова) 321
- Melançon C. 18
- Meloup M. 236
- Mendelssohn Moses (*см. также* Мен-
дельсон) 55, 62
- Mendheim M. 186
- Menger P. 211
- Ménissier T. 50
- Menuret Jean Joseph 14
- Mervaud C. 219

- Metternich Klemens Wenzel (*см. также* Меттерних) 151, 211, 213
 Meyer D.H. 34
 Meyer Lodewijk 42, 43, 44
 Mézin A. 238, 240, 320
 Micale M.S. 6
 Michel Jean 238–240, 244, 246
 Michel Jean-Baptiste 238
 Michel Michel 122
 Middell M. 89
 Michaud J. Fr. 123
 Michaud L.G. 123
 Mill John Stuart 89
 Minerbi M. 130, 131
 Mirabeau Honoré Gabriel Riqueti 34, 38, 39
 Mittler E. 182
 Mitzen J. 210
 Mohnhaupt H. 173
 Mohrmann H. 185
 Moiroud Ch. 130–132
 Мокыр J. 84, 85, 97, 106, 108
 Montaignon A. 253
 Montaigne Michel 68
 Montesquieu Charles Louis (*см. также* Монтезкье) 27, 33, 36, 41, 48–50, 86, 91, 93, 97, 98, 121, 123, 125, 130, 144, 181
 Montfaucon Bernard 79
 Morawiec M. 185
 Morelli F. 113, 121
 Moréri Louis (*см. также* Морери) 76, 78
 Morgan John 37
 Mori G. 61
 Morin Ch. 236
 Moyriac de Mailla Joseph Anne Marie 92
 Morissey R. 70
 Mortier R. 22, 23, 25, 26, 263
 Morris Robert 35
 Morse H.B. 101
 Mosès Jean Nicolas Marie, dit Mirabeau 122
 Mounier Jean Joseph 38
 Möller B. 178
 Muller J. L. 134
 Mulsow M. 12
 Munck T. (*см. также* Мунк) 7
 Murav'ev Michail Nikitič 183
 Murav'ev Nikita 150
 Murhard Wilhelm August 187
 Musset-Pathay V.D. 249
 Müller A. 262
 Müller E. 177
 Münch Chrétien (*см. также* Мюнх Кристиан) 272
 Münch Jean Charles (*см. также* Мюнх Иоганн Карл) 272
 Münchhausen Gerlach Adolph von 178
 Napoleon Ier Bonaparte (*см. также* Наполеон I) 149, 152, 180, 182, 187, 208, 216
 Natoire Charles Joseph 253
 Nattier Jean Marc 241
 Necker Jacques (*см. также* Неккер) 64–66
 Nemilova I.S. 249, 258
 Neppi Modona L. 122
 Nestor 180, 182
 Neubauer N. 181
 Newton Isaac 28
 Nicholas I (*см. также* Николай I) 137, 145, 152, 153
 Nicholas II 212
 Nicole Pierre 25–27
 Nicoud G. (*см. также* Нику) 236, 256
 Nikolai Mikhailovich, Grand Duke 213
 Nipperdey Th. 177
 Nitsche A. 6
 Notgaft H. 236
 Novosil'tsev Nikolai 149, 151
 Numa Pompilius 145
 Nussbaum F.A. 6
 O'Brien C.H. 63
 O'Malley L.D. 146
 Oki S. 68
 Oleg, prince of Kiev 146, 147
 Olivet Pierre Joseph Thoulier d' 71
 Ohno E. 89
 Omel'chenko O.A. (*см. также* Омельченко) 144
 Origène 81
 Orlik O.V. (*см. также* Орлик) 210
 Orlov Mikhail 150
 Ozerkov D. 262

- Oudry Jean-Baptiste (*см. также* Удри) 257
 Outram D. 188
 Ozanam D. 237, 239, 243, 247, 249
- P**
 Pagano Francesco Mario 120
 Pagden A. 89, 91
 Paine Thomas 33, 34, 36, 38, 42
 Palladio Andrea 113
 Palonen K. 42
 Pálvavi E. 183
 Panin (Panine) Nikita (*см. также* Панин Никита Иванович) 142, 157, 170, 175, 254
 Panin Руотр (*см. также* Панин Петр Иванович) 175
 Pâris de Montmartel Jean, marquis de Brunoу 239–242, 244–247
 Parker Peter 89
 Pascal Blaise 24, 130
 Passeron I. 82
 Paul Ier (Paul Petrovich) (*см. также* Павел Петрович, вел. кн.) 142, 148, 238, 320
 Pauw Cornelius de 92, 96, 98, 99
 Pereira J. 91
 Pernaу, M. 156
 Peter I, Pierre Ier (*см. также* Петр I) 97, 137–142, 145–147, 151, 152, 212, 216, 237, 238, 241, 253, 254, 260, 320, 321
 Peter III, Pierre III 143, 144, 253, 254
 Peters M. 178, 180, 181
 Peterson M.D. 38
 Petrova M.A. (*см. также* Петрова) 289
 Pestré Jean 79
 Pétion de Villeneuve Jérôme 34, 38
 Phillips C. (*см. также* Филлипс) 262
 Philp M. 35
 Pierre Jean-Baptiste Marie 258, 259
 Pierre L. 236
 Pilati Carlantonio 59
 Pineau Nicolas 239
 Pitteri Francesco 77
 Pitts J. 91
 Pius VII 212, 213
 Plavinskaia N. 225
 Po-Chia Hsia P. 156
 Pocock J.G.A. 37, 41, 48, 110
- Poirot Aloys de 92
 Pompadour Jeanne Antoinette Poisson, marquise de (*см. также* Помпадур) 240, 241, 256, 257
 Poniatowski Stanislas Auguste 248, 249
 Popkin R.H. 57
 Porova O. (*см. также* Попова) 262, 265
 Portalis Jean Etienne Marie 123
 Porter R. 10, 136
 Posa 51, 52
 Posokhova L. Yu. (*см. также* Посохова) 207
 Potemkin Grigori Aleksandrovitch (*см. также* Потемкин) 147
 Potter Paulus 258
 Pougин de Saint-Aubin Claude 259
 Poulouin C. 79
 Prade Jean Marie de 79
 Praslin César Gabriel de Choiseul-Chevigny, duc de 170
 Preuss H. 183, 184
 Prevost G. 127
 Prevost P. 127
 Price Richard 34–36, 38, 59
 Priestley Joseph 35
 Prokorovich Feofan (*см. также* Прокопович) 139, 145
 Proust J. (*см. также* Пруст Ж.) 69, 71, 72, 77, 80
 Proyart L.V. 64
 Prudhomme Louis Marie 34
 Pufendorf Samuel von 48, 49, 132, 138
 Pumpianskii L.V. (*см. также* Пумпянский) 141
 Pütter Johann Stephan 183
- Q**
 Qing 96, 101, 109
 Quesnay François 104
- R**
 Rabaut Saint-Etienne Jean Paul 63
 Raeff M. 147, 149, 209
 Rahelić S. 134
 Rambaud A. 246
 Ransel D. (*см. также* Рансел) 157
 Raphael L. 58
 Raphael R. 34
 Rashed R. 126, 127
 Ray John 75

- Ray Marc Michel (*см. также* Рей) 219
 Raynal Guillaume Thomas 44, 86–88, 97
 Réau L. 251
 Reddaway W.F. 147
 Rediker M. 111
 Reiffenstein Johann Friedrich (*см. также* Рейфенштейн) 270
 Reinert S.A. 124
 Reinhard K.F. 14
 Rémy Pierre 256
 Rey M.P. 211
 Rétat P. 11
 Rex W.E. 69
 Reynaud Jean 127
 Rials S. 38
 Riasanovsky N.V. 153, 210
 Richard É. 113
 Richter M. 156
 Ricuperati G. 15, 57
 Ridinger Johann Elias (*см. также* Ридингер) 272
 Riecken N. 111
 Ris E. 262
 Riurik, prince 146
 Rjéoutski V. 225, 238, 320
 Roberts J.A.G. 94
 Robertson William 86
 Robespierre Maximilian 52
 Rocafuerte Vicente 121
 Roche D. (*см. также* Рош) 6, 46, 47, 111, 240, 244, 246–248
 Rochlitz R. 132
 Rohbeck J. 113
 Roissy Charles François Michel 243
 Romanov dynasty 216
 Rosso C. 15
 Rotari Pietro 242, 244, 248
 Roth G. 93, 222
 Rother W. 113
 Rothschild G. 84, 85
 Rotondò A. 57
 Rotteck C. 180
 Roubaud Pierre Joseph André 96
 Rouillé Antoine-Louis, comte de Jouy 247
 Rousseau, Jean Jacques (*см. также* Руссо) 15, 33, 48, 49, 55, 61, 62, 66, 125, 186
 Ruggero C. 262
 Rujivacharakul V. 105
 Saget Louis 122
 Sahut M.C. 236
 Saint-Augustin 81
 Saint-Florentin Louis Phélypeaux de 248
 Saint-Just Louis Antoine 52
 Sainte-Beuve Charles Augustin 127
 Salaün F. (*см. также* Салан) 9, 18
 Salfi Francesco Saverio 122
 Salmas A. Cl. 236
 Salmon Louis François Alexandre 122
 Sandoz M. 253
 Sandrier A. 72, 219
 Santi François de 238
 Sashalmi E. 144
 Savary Des Bruslons, Jacques (*см. также* Савари) 76, 78, 82, 86
 Scattola M. 178
 Schandeler J.-P. (*см. также* Шанделер) 125–127
 Scharf C. (*см. также* Шарф) 176, 225
 Schiller Friedrich 51, 52
 Schindling A. 184
 Schings H.J. 51
 Schippan M. 262
 Schlegel Friedrich 176
 Schlobach J. 14, 259
 Schlögl R. 56
 Schlözer August Ludwig (*см. также* Шлөцер) 178–187
 Schlözer Christian 182, 184
 Schmidt Friedrich Samuel (*см. также* Шмидт, Фридрих Самюэль) 283
 Schmidt Georg Friedrich 238, 249
 Schmidt J. 6
 Schnabel F. 177
 Schneider U. 58
 Schneiders W. 176
 Schneewind J.B. 212
 Schomerus H. 176
 Schroeder P.W. 208, 213
 Schulz A. 185
 Schulz W. 180
 Schulze R. 110
 Schwab R.N. 69, 72, 74, 76
 Scordia L. 157, 162
 Scott H.M. 179
 Scott J.C. 111

- Scurr R. 35
 Seillan J.M. 219
 Sénèque Lucius Annaeus 30
 Seylaz J.L. 122
 Sgard J. 220
 Shakespeare William 146
 Shaftesbury Anthony Ashley Cooper 37
 Shcherbatov Mikhail (см. также Щербатов) 175
 Shuffelton F. 33
 Shuvalov Ivan (см. Chouvalov Ivan Ivanovitch)
 Shuvalov Peter 142
 Sibree J. 87
 Siemann W. 211
 Silhouette Etienne 55
 Silvestre de Sacy Antoine-Isaac 92
 Sima Guang 92
 Simolin Ivan Matveevitch (см. также СИМОЛИН) 289
 Simon Marguerite 239
 Simonutti L. 57
 Sked A. 213
 Skinner A.S. 103
 Skinner Q. (см. также Скиннер) 42, 174, 212
 Skuncke M. Ch. 91
 Smith Adam 84, 89, 103–105, 181
 Soboul A. 52, 127
 Socrate 126
 Solon 145
 Soloviev S. (см. также Соловьев) 142
 Sordet Y. 82
 Sorel Charles 26
 Sorkin D. 54, 110
 Soufflot Jacques Germain 251
 Spatz E.A. 249
 Spector C. 22, 97
 Spence J. 88, 100
 Speranskii Michael (Mikhail) (см. также Сперанский) 149, 150, 212
 Spinoza Baruch 12, 40–44, 61
 Stadion Johann Philipp von 187
 Staloff D. 33
 Starobinski J. 142
 Staunton George Thomas 96
 Stählin Jacob von (см. также Штелин) 248, 257
 Steele B. 32
 Stein Karl vom und zum 187
 Stenglin Johann 248
 Stewart M. 34
 Sternhell Z. 15
 Stollberg-Rilinger B. 176
 Stone L. 178
 Strabo 81
 Strahan, William 221
 Strauss L. 13
 Ströhlin Friedrich Jakob 65
 Strugnell A. 86
 Stuke H. 176
 Stürner W. 6
 Sumarokov Alexander 141
 Sumi Y. (см. также Суми) 68
 Suppan A. 184
 Sutherland Richard (см. также Сутерланд) 293
 Svedman Peter (см. также Сведман) 295
 Tackett T. 64
 Talleyrand (Talleyrand-Périgord) Charles Maurice 208
 Taylor Ch. 18
 Taylor S. 54
 Teich M. 136
 Tennemann Wilhelm Gottlieb 123
 Tercier Jean-Pierre 247
 Terjanian A. F. 91
 Tertullianus Quintus Septimius Florens 81
 Teter P.A. 249
 Thomassin Louis 81
 Tilly Ch. 179
 Tindal John 39, 40, 43, 44
 Tipaldo E. 292
 Tocchini G. 50
 Todorov Tz. 132, 133
 Toland John 12, 37, 39, 42, 44
 Tong Kien Kang Mou 92
 Tocqué Louis (см. также Токе) 237–250, 255
 Tocqué Marie Catherine Pauline 241
 Tortarolo E. (см. также Тортароло) 54
 Tournefort Louis Pitton 74, 75
 Tourneux M. (см. также Турнё) 93, 220, 229
 Trampus A. (см. также Трампус) 50, 110, 120, 121

- Tribble (см. также Трибль) 288
 Troubetskaïa E.E. 252
 Tubeuf Michel 26
 Tuitiensis Rupertus 81
 Turgenev Alexander (Aleksandr) 151, 185
 Turgenev Nicholas (Nicolay) 150, 151, 185, 187
 Turgot Anne Robert Jacques 128, 129
 Uffenbach Johann Friedrich Hermann (см. также Уффенбах) 280, 281
 Unverfehrt G. 280
 Uvarov Sergei 150, 151, 153

V
 Valjavec F. 177
 Vallin de la Mothe Jean-Baptiste Michel 251
 Valois (см. также Валуа) 323
 Valsania M. 33
 Vanysacker D. 64
 Vanloo Louis Michel 240
 Vanloo Carle 258
 Varloot J. 222, 227
 Varry D. 319
 Vattel E. de 102
 Venturi F. (см. также Вентури) 47, 59, 111, 120, 176
 Venturi G. 329
 Verdo G. 113
 Verri Pietro 49
 Versini L. 27, 220
 Viazemskii Peter 151, 152
 Vick B.E. 208
 Vico Giambattista 49, 50, 123
 Vien Joseph Marie 252
 Vierhaus R. (см. также Фирхаус) 6
 Vogt-Spira G. 262
 Volland Sophie 93
 Volney Constantin François Chassebœuf de La Giraudais 33
 Volpilhac-Auger C. 162
 Voltaire (см. также Вольтер) 15, 16, 50, 61, 86, 91, 99, 125, 129, 130, 147, 263
 Vorontsov Alexander 149
 Vorontsov Mikhail Illiaronovitch (см. также Воронцов Михаил Илларионович) 175, 238–242, 244–246, 248
 Vorontsov Roman Illiaronovitch (см. также Воронцов Роман Илларионович) 175
 Voss Chr.D. 180
 Voss P. 185

W
 Wade I.O. 17, 18
 Walpole Robert 167
 Waquet F. 16
 Warburton William (см. также Уорбертон) 54–56, 59
 Waresquiel E. de 208
 Warlich B. 178, 182
 Washington George 9, 10
 Weber Carl Julius 185, 186, 187
 Welcker C. 180
 Wells B.R. 91
 Whittaker C.H. 140, 151, 212
 Wigelsworth J.R. 56
 Willcox W.B. 220
 Wills G. 33
 Wills J. E. Jr. 101
 Winckelmann Johann Joachim (см. также Винкельман) 270
 Wirschafter E.K. (см. также Вирштафтер) 191, 208, 209, 218
 Wischnitzer M. 183
 Wolle S. 181
 Wolff Christian (см. также Вольф) 138
 Wolff L. 89
 Wollstonecraft Mary 65
 Wortman R. (см. также Уортман) 136, 137, 153, 212

X
 Xiao Y. 106

Y
 Young Arthur 36
 Yvon Claude 79

Z
 Zabel H. 57
 Zahlten J. 6
 Zamoyski A. 208
 Zhivov V. (см. также Живов) 137, 144, 145
 Ziegengeist G. 182
 Zinzendorf Karl von 319
 Zitser E.A. 138, 139, 147
 Zorin A. (см. также Зорин) 147

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гвидо Аббаттиста – профессор Университета Триеста, специалист по истории идей, занимается изучением образа «другого» в европейской культуре XVIII–XIX вв. Автор множества статей и нескольких монографий, в том числе: *James Mill e il problema indiano* (Milano, 1979); *Commercio, colonie e impero alla vigilia della rivoluzione Americana* (Firenze, 1990); *La rivoluzione americana* (Roma-Bari, 1998); *L'espansione europea in Asia (secc. XV–XVII)* (Roma, 2002). Принимает участие в критическом издании *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes* аббата Рейналя (Ferney, 2010–).

Сергей Олегович Андросов – доктор искусствоведения, заведующий Отделом западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа, специалист по истории итальянского искусства XVIII в. и русско-итальянских связей в этой области; иностранный член *Атенео Венето* и Академии художеств в Карраре. Автор около 300 работ по истории итальянского и русского искусства.

Элис Кимерлинг Виртшафтер – профессор Калифорнийского технологического университета в Помоне, специалист по социальной истории России XVIII–XIX вв., автор ряда статей и нескольких монографий, в том числе посвященных эпохе Просвещения: *The play of ideas in Russian Enlightenment theater* (DeKalb, IL, 2003); *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia* (DeKalb, IL, 2013).

Джонатан Израэль – профессор Школы исторических наук Института перспективных исследований в Принстоне, специалист по истории Нидерландов, истории европейских евреев и эпохе Просвещения. Автор концепции «радикального Просвещения», послужившего источником современных представлений о свободе, а также ряда обобщающих трудов, в том числе – трилогии *Radical Enlightenment* (Oxford, 2001), *Enlightenment contested* (Oxford; New York, 2006)

и *Democratic Enlightenment* (Oxford, 2011). Его книга *The Dutch republic: its rise, greatness and fall, 1477–1806*, опубликованная в серии «Oxford History of Early Modern Europe» (Oxford, 1995), переведена на русский язык: *Голландская республика: Ее подъем, величие и падение. 1477–1806*. (М., 2017–2018. 2 т.).

Сергей Яковлевич Карп – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист по истории русско-западноевропейских культурных связей в XVIII в.

Эстер Ковач – научный сотрудник Центра по изучению Просвещения в Университете Сегеда. Её докторская диссертация, защищенная в этом университете и Высшей нормальной школе Лиона (2008), была опубликована во Франции: *La Critique du voyage dans la pensée de Diderot: De la fiction au discours philosophique et politique* (Paris, 2015). Занимается исследованием творчества Дидро, Монтескье и Эмили дю Шатле, а также переводами философских сочинений, изучает методологию философского перевода.

Гийом Нику – научный сотрудник Архива Нового времени при Университете Итальянской Швейцарии (Тичино, Мендризико), приглашенный исследователь Германского центра истории искусства в Париже. В 2016 г. в Практической школе высших исследований (Париж) защитил докторскую диссертацию «*Une galerie issue des Lumières: la galerie impériale de l'Ermitage et la France de Catherine II à Alexandre Ier (1762–1825)*». Историк искусства, специализируется на изучении международных культурных связей.

Мария Александровна Петрова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, специалист по истории русско-западноевропейских дипломатических и культурных связей второй половины XVIII в.; автор монографии *Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790* (М., 2011).

Сергей Викторович Польской – кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; специалист по истории общественно-политической мысли России XVIII столетия. Со-координатор исследовательского проекта Германского исторического института в Москве «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII в.» (2016–2018 гг.).

Людмила Юрьевна Посохова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. В центре ее научных интересов – история образования и культуры в Восточной Европе (конец XVII – начало XIX в.). Автор ряда статей и монографий, в том числе: *Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.)* (Харків, 1999); *На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII – на початку XIX ст.* (Харків, 2011); *Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.)* (М., 2016).

Франк Салан – профессор Университета им. Поля Валери (Монпелье III), специалист по истории французской литературы и философии XVIII века, занимается изучением творчества Мариво, Прево, Бомарше, Руссо, Юма и Дидро. Ответственный секретарь редколлегии Полного собрания сочинений Дидро (Paris: Hermann), ответственный редактор журнала *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*. Автор нескольких книг, в том числе: *L'ordre des mœurs: essai sur la place du matérialisme dans la société française du XVIIIe siècle (1734–1784)* (Paris, 1996); *Besoin de fiction: sur l'expérience littéraire de la pensée et le concept de fiction pensante* (Paris, 2010, 2013); *L'autorité du discours: recherches sur le statut des textes et la circulation des idées dans l'Europe des Lumières* (Paris, 2010); *L'affreuse doctrine: matérialisme et crise des mœurs au temps de Diderot* (Paris, 2014, при участии Клодетт Фортюни).

Еити Суми – почетный профессор Университета Кейо (Токио), специалист по истории французской культуры эпохи Просвещения, инициатор исследовательского проекта по изучению метадающих *Энциклопедии* Дидро и Даламбера, автор книг *Le Neveu de Rameau: caprices et logiques du jeu* (Токио, 1975); *Грамматика перевода* (Токио, 1985–1987, на японском яз.); *Сны разума: французский XVIII век в образах и текстах* (Токио, 1995, каталог выставки, на японском яз.).

Эдоардо Торгароло – профессор истории раннего Нового времени Университета Восточного Пьемонта им. Амедео Авогадро (Верчелли). В прошлом – стипендиат Фонда им. Александра фон Губольдта и Института перспективных исследований в Принстоне, ныне – член Туринской Академии наук, Итальянского комитета исторических наук, научного совета Фонда Луиджи Эйнауи. В центре его научных интересов – эпоха Просвещения и история исторической науки. Автор многочисленных публикаций, в том числе недавно вышедших книг *The invention of free press: writers and censorship in eighteenth century Europe* (Dordrecht, 2016) и *Secolarizzazione e Modernità: Un quadro Storico* (Roma, 2017, совместно с Ирен Гаддо).

Антонио Грампус – профессор истории раннего Нового времени Университета Ка' Фоскари (Венеция). В центре его научных интересов – история масонства; история иезуитов в Австрии и Италии в эпоху Просвещения; наследие Гаэтано Филанджери, Бенжамена Констана, Эмера де Ваттеля, влияние их идей на политическую культуру стран Средиземноморского бассейна, других стран Европы и Америки. Основные публикации: *I gesuiti e l'Illuminismo: Politica e religione in Austria e nell'Europa centrale* (Firenze, 2000); *Storia del costituzionalismo italiano nell'età dei Lumi* (Roma; Bari, 2009); *La naissance du langage politique moderne: L'héritage des Lumières de Filangieri à Constant* (Paris, 2017); критическое издание дневника Карла фон Цинцендорфа: *Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf* (Vienna, 2009, совместно с Г. Клингенштайн и Э. Фабер).

Ричард Уортман – почетный профессор Колумбийского университета, специалист по истории европейских правовых идей и истории России Нового времени. Автор ряда фундаментальных работ, в том числе *The Development of a Russian*

Legal Consciousness (Chicago; London, 1976; рус. пер. *Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России*. Москва, 2004); *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy* (Princeton, NJ, 1995–2000; рус. пер. *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии*. Москва, 2002–2004); *Russian Monarchy: Representation and Rule* (Boston, 2013); *The power of language and rhetoric in Russian political history: Charismatic words from the 18 to the 21st centuries* (London, 2017).

Винченцо Ферроне – профессор Новой истории Туринского университета, специалист по истории Европы Старого порядка и эпохе Просвещения. Преподавал в Университете Ка’ Фоскари (Венеция), Коллеж де Франс (Париж), Институте перспективных исследований (Принстон). Основные публикации: *I profeti dell’Illuminismo: le metamorfosi della ragione nel tardo Settecento italiano* (Roma; Bari, 2000); *La società giusta ed equa: repubblicanesimo e diritti dell’uomo in Gaetano Filangieri* (Roma; Bari, 2003; англ. пер. *The politics of Enlightenment: Republicanism, constitutionalism, and the rights of man in Gaetano Filangieri*, London, New York, Delhi, 2012); *Lezioni illuministiche* (Roma; Bari, 2010; нем. пер. *Die Aufklärung – philosophischer Anspruch und kulturgeschichtliche Wirkung*. Göttingen, 2013; англ. пер. *The Enlightenment: history of an idea*. Princeton, Oxford, 2015); *Lo strano illuminismo di Joseph Ratzinger: Chiesa, modernità e diritti dell’uomo* (Roma; Bari, 2013); *Storia dei diritti dell’uomo: l’illuminismo e la costruzione del linguaggio politico dei moderni* (Roma; Bari, 2016).

Жан-Пьер Шанделер – научный сотрудник Института по изучению Ренессанса, Классического века и Просвещения Национального комитета научных исследований Франции (IRCL – UMR 5186 du CNRS, Монпелье), специалист по истории философии и общественных наук в XVIII столетии, занимается изучением и изданием сочинений Даламбера и Кондорсе. Автор монографии *Les Interpretations de Condorcet: Symboles et concepts (1794–1894)* (Oxford, 2000); совместно с Пьером Крепелем подготовил критическое издание *Исторической картины прогресса человеческого разума Кондорсе: Condorcet, Tableau historique des progrès de l’esprit humain: Projets, Prospectus, Fragments, Notes (1772–1795)* (Paris, 2004).

Клаус Шарф – научный сотрудник Института европейской истории (Майнц), специалист по истории России и русско-немецких связей конца XVII – начала XIX в. Издатель и комментатор дневника Антона Вильгельма Нордхофа о пожаре Москвы 1812 г.: Anton Wilhelm Nordhof. *Die Geschichte der Zerstörung Moskaus im Jahre 1812* (München, 2000). Главная работа – монография *Katharina II, Deutschland und die Deutschen* (Mainz, 1993, 1995, 1996; русск. пер. *Екатерина II, Германия и немцы*. Москва, 2015).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (С.Я. Капн).....	5
---------------------------	---

Что такое Просвещение? Идеи и концепции

<i>Franck Salaün</i> (Montpellier) Temps fort et processus: deux approches des Lumières	9
<i>Eszter Kovács</i> (Szeged) Entre métaphore et concept: L'émergence des <i>lumières</i> pour les Lumières	20
<i>Jonathan Israel</i> (Princeton) Revolution and the Radical Enlightenment: an Overview (1650–1848)	32
<i>Vincenzo Ferrone</i> (Turin) Virtues and Rights of Man from the Late Enlightenment to the French Revolution	46
<i>Edoardo Tortarolo</i> (Vercelli) Reforming Religion, Reforming Politics? An Enlightenment Discussion on Secularization	54

Великие книги

<i>Yoichi Sumi</i> (Tokyo) À la recherche des sources du grand dictionnaire: une étude génétique de l' <i>Encyclopédie</i>	68
<i>Guido Abbattista</i> (Trieste) The Despotism of the Plough, Throne and Tradition: Commercial Enlightenment and China in the <i>Histoire des deux Indes</i>	84
<i>Antonio Trampus</i> (Venice) Enlightenment in Global History: On Filangieri's <i>Science of Legislation</i> and the Transformation of Political Language in the Classical Liberalism	110
<i>Jean-Pierre Schandeler</i> (Montpellier) Condorcet: l'universalisme des Lumières en question (1963–2008)	125

СОДЕРЖАНИЕ

Национальное и всеобщее

<i>Richard Wortman</i> (New York) The Enlightenment in Russian Representation and Rule	136
<i>С.В. Польской</i> (Москва) «Должность государя патриота»: рукописный перевод и монархический дискурс Просвещения в России третьей четверти XVIII века	155
<i>Claus Scharf</i> (Mainz) What Did Follow the Enlightenment? Schlözer and His Prominent Students in Germany, in the Hungarian Kingdom and in the Russian Empire	176
<i>Л.Ю. Посохова</i> (Харьков) «Сад украинских наук» и его создатели: опыт реконструкции интеллектуальных сетей второй половины XVIII – начала XIX века	189
<i>Elise Kimerling Wirtschafter</i> (Pomona) Russian Diplomacy as Enlightenment Project: The Holy Alliance and the Vienna Settlement, 1815–1823	208

Исследования и публикации

<i>С.Я. Капн</i> (Москва) Дидро и «нравственный катехизис» для Екатерины II: новые вопросы	219
<i>Guillaume Nicoud</i> (Mendrisio/Paris) Marigny et la Russie	236
<i>М.А. Петрова</i> (Москва) Дипломаты как художественные агенты: И.М. Симолин и формирование коллек- ции скульптуры князя А.М. Голицына в начале 1770-х годов	261
<i>С.О. Андросов</i> (Санкт-Петербург) Забытая модель собора св. Петра в Риме	290

Новые издания, рецензии и библиография

<i>В.А. Мильчина</i> . Постмодернистский Левек (Рец. на кн.: Пьер-Шарль Левек. Исто- рия народов, подвластных России / Экспериментальный перевод с фр. Л.Ф. Са- хибгареевой под ред. И.В. Кучумова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016)	300
<i>Г.А. Космолинская</i> . Два Опыта реконструкции библиотеки Дидро (Рец. на кн.: <i>Ко- ролёв С.В.</i> Библиотека Дидро: опыт реконструкции. СПб.: РНБ, 2016)	309
Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги: В 2 т., 3 кн. СПб.: БАН, 2016 – <i>Рецензия С.А. Мезина</i> (т. 1), <i>Б.Л. Фонкича</i> (т. 2)	315
<i>Савинская Л.Ю.</i> Коллекция живописи князей Юсуповых. М., 2017 – <i>Рецензия</i> <i>С.О. Андросова</i>	325
XVIII век. Указатель литературы за 2013–2014 гг. – <i>Составитель Л.И. Фурсенко</i> ...	330
Перечень иллюстраций	426
Список сокращений	427
Указатель имен (составитель <i>Н.Ю. Плавинская</i>)	429
Сведения об авторах	450
	455

Научное издание

Век Просвещения

Выпуск VI

Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос

Утверждено к печати
Научным советом
«История мировой культуры»
Российской академии наук

Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Т.А. Печко, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 17.08.2018
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 37,0. Уч.-изд.л. 35,0
Тип. зак.

ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6